

С.П. Брюн

РОМЕИ И ФРАНКИ
В АНТИОХИИ, СИРИИ И КИЛИКИИ
XI - XIII вв.

ТОМ I

С.П. Брюн

РОМЕИ И ФРАНКИ
В АНТИОХИИ, СИРИИ И КИЛИКИИ
XI—XIII вв.

*К истории соприкосновения латинских
и византийских христиан на рубежах востока*

ТОМ I

Москва
МАСКА
2015

УДК 882

ББК 84 (2Рос-Рус) 6

Б89

Б89 С.П. Брюн

Ромеи и франки в Антиохии, Сирии и Киликии XI-XIII вв. К истории соприкосновения латинских и византийских христиан на рубежах Востока / С.П. Брюн. М.: ООО «ИПЦ „Маска“», 2015 — 572 с.

ISBN 978-5-905379-75-8

ISBN 978-5-905379-76-5

Монография посвящена Сирии и Киликии эпохи крестовых походов (XI-XIII вв.) — как уникальному и малоизученному центру соприкосновения латинского Запада и византийского Востока. Впервые предпринята попытка объединить, в рамках единого исследования, историю церковных, военных, дипломатических, экономических и культурных контактов латинян и православных христиан (ромеев, мелькитов, грузин, армян-халкидонитов), связанных с Антиохией, Эдессой, киликийскими и северо-сирийскими государствами «Заморской земли» (княжеством Антиохийским, графством Эдесским, графством Триполи, королевством Киликийской Армении). Данная книга представляет собой достаточно разностороннее исследование, включающее подробную историю ромейских и франко-нормандских военных кампаний в Сирии и Киликии, описания городов, церквей и монастырей Леванта, обзор и анализ различных форм соприкосновения латинских и византийских христиан в сфере церковной, политической и культурной жизни средневековой Сирии и восточного Средиземноморья. Автор опирается на широкий круг источников — от средневековых хроник, посланий и хартий, до многочисленных монографий и публикаций западных и отечественных исследователей XIX-XXI вв.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей Византии, Латинского Востока, крестовых походов, межхристианских отношений, церковной историей.

УДК 882

ББК 84 (2Рос-Рус) 6

Б89

ISBN 978-5-905379-76-5

© С.П. Брюн, 2015

*Моей маме — Ирине Николаевне,
всей моей семье, и моим дорогим коллегам
из Музея русской иконы посвящается*

*Отдельное посвящение и самая искренняя
благодарность Екатерине Ромашевой,
без которой эта книга никогда не была бы
завершена и не увидела бы свет*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная книга — плод многолетних исследований и достаточно кропотливого сбора материалов по истории Сирии и Киликии эпохи крестовых походов. Первоначально зарождаясь как диссертационная работа, она быстро вышла за рамки, предусмотренные и приемлемые для диссертации, в буквальном смысле слова требуя издания в формате полноценной монографии. Бесспорно, я взялся за эту работу как *privatgelehrter* (нем. — частный исследователь-любитель). И, в этом отношении, заранее прошу прощения у читателя за некоторую нестройность повествования, обилие отступлений, методологические погрешности. Тем не менее, хотел бы подчеркнуть, что моей главной целью было привлечь внимание широкого круга читателей и научного сообщества к Антиохии, сирийским и киликийским землям — как к уникальному, самобытному и, к сожалению, малоизученному центру соприкосновения латинского Запада и византийского Востока. В данном случае, предпринята единственная на сегодняшний день попытка собрать и систематизировать, в рамках единой книги, (увы) слишком разрозненные сведения о франко-ромейском соприкосновении в Сирии эпохи крестовых походов. К сожалению, в период непрекращающихся гонений и массового уничтожения христиан и христианского наследия на Ближнем Востоке — в Сирии, Ираке, Египте, Ливии — данная книга получила печальную актуальность, поскольку материалы монографии непосредственно касаются христианских городов, церквей и святынь Леванта, бесследно исчезнувших во время другого «великого истребления», инициированного мамлюкскими султанами.

Хотел бы выразить сердечную признательность всем, кто оказывал мне самую искреннюю поддержку на протяжении долгих лет работы над этой книгой, в первую очередь моей маме — Ирине Николаевне, дочери — Софии, Елене Брюн, моей дорогой сестре — Валерии и ее супругу Ренату Гарееву, моим замечательным племянникам и крестным детям — Николаю и Марии, моему отцу — Павлу Владимировичу Брюну; моим учителям,

в частности — к. ф. н. С.М. Найденкину, Е.Г. Короткевич, Т.Е. Лукьянченко; иеромонаху Илии (Халифе); И.А. Фадееву, В.В. и А.А. Жилиным. Не могу особо не поблагодарить моего научного руководителя и «Учителя» с большой буквы — Дмитрия Эдуардовича Харитоновича, выдающегося отечественного медиевиста, под руководством которого проходила ранняя стадия работы над книгой. Отдельная благодарность Музею русской иконы, его основателю — М.Ю. Абрамову, моим дорогим и глубокоуважаемым коллегам — Н.В. Задорожному, И.А. Шалиной, И. В. и А.П. Кириченко, А.П. Иванниковой, М.Ю. Васильевой, Е.Б. Солодовниковой, О.В. Малыхиной, Е.В. Аникиной, Т.Ю. Тарасовой, П.Ю. Грейдингу, М.Ю. Разгильдееву, Ж.М. Орозбаевой. Именно в стенах этого замечательного музея, в перерывах между иными сферами деятельности и среди массы повседневных обязанностей проходила большая часть работы над данной книгой.

ВВЕДЕНИЕ

Тема, задачи, структура исследования

Приступая к формулировке темы, постановке целей и задач исследования, нельзя не констатировать, что избранный нами исторический период — эпоха крестовых походов относится к едва ли не самому изучаемому периоду в истории. Все большее внимание привлекает тема межконфессиональных и межкультурных контактов эпохи крестовых походов. Достаточно вспомнить о том вкладе, который был внесен в изучение франко-мусульманского соприкосновения благодаря монографиям К. Хилленбранд и С.И. Лучицкой¹, или о работах Б. Гамильтона, П.-К. Тодта, К. Сигаар, М. Мусы, К. МакЭвитта, посвященных межхристианским контактам в государствах крестоносцев². Сразу следует сказать о том, что автор ни в коей мере не пытается поставить свой скромный труд в один ряд с вышеуказанными работами, прибегая к публикации лишь в надежде привлечь внимание представителей научного сообщества к Антиохии и северо-сирийским государствам крестоносцев — как самобытному центру соприкосновения латинского Запада и византийского Востока. Тем не менее, нельзя не отметить, что до недавнего времени земли северной Сирии и Киликии, пережившие период второго византийского (969—1084 гг.), франкского и армянского правления (1097—1268/1375 гг.), не воспринимались как самобытный центр соприкосновения цивилизаций латинского Запада и византийского Востока и не удостоивались отдельного, полноценного рассмотрения. Исключение здесь, конечно же, составляют выдающиеся работы К. Каэна, Т. Асбриджа, а также участников конференции в замке Хернен (Нидерланды, май 2003 г.)³.

¹ Хилленбранд К. Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива. — СПб.: ДИЛЯ, 2008; Лучицкая С.И. Образ другого. Мусульмане в хрониках крестовых походов. — СПб.: Алетейя, 2001.

² Подробнее о работах этих авторов будет сказано ниже, и в разделе «Источники историография», и в последующих главах книги.

³ Подробнее см. в разделе «Источники историография».

К примеру, об Антиохии вспоминают часто, но вспоминают скорее эпизодически — когда речь заходит о комниновской Византии, об Иерусалимском королевстве крестоносцев, о спорах и противостоянии между Римской Церковью и Православными Церквями Востока. Чаще всего о франко-нормандском княжестве Антиохийском или о сирийских графствах Эдессы и Триполи упоминают исключительно как об отдаленных фьефах королевства Иерусалимского. Между тем, эти северные сирийские государства крестоносцев вели совершенно обособленное существование, сохраняя заметные отличия от палестинского королевства Иерусалима (и Акры), отличия, выраженные и в составе населения, и в культурной жизни, и в историческом пути. Невзирая на то, что именно в Сирии, в занятых крестоносцами Антиохии и Эдессе, зародилась сама идея создания франкских государств на Востоке, сирийские княжества и графства вскоре оказались на положении самой отдаленной, полузабытой окраины латинской ойкумены. Та же Антиохия, несмотря на всю свою религиозную и экономическую значимость, вскоре перестала привлекать те потоки паломников и крестоносцев, которые в XII-XIII вв. продолжала притягивать Святая земля — Палестина. Оказавшись на периферии латинского мира, франки Антиохии, Эдессы и Триполи были вовлечены в гораздо более интенсивный диалог с христианами Востока — ромеями, армянами, сирийскими христианами (мелькитами, сиро-яковитами, маронитами); тем более что к началу крестовых походов северо-западная Сирия и Киликия едва только выпали из состава Ромейской империи и, в отличие от Палестины, оставались преимущественно христианскими регионами. Более того, Антиохийское княжество и графство Эдесское были единственными из ближневосточных государств крестоносцев, находившимися в прямом соприкосновении с сильными восточно-христианскими державами — Ромейской империей (в XI-XII вв.) и Киликийской Арменией (XII-XIII вв.); это соприкосновение в значительной степени обогатило историческую составляющую межхристианских контактов на землях избранного нами региона. Связи осевших в Сирии и Киликии латинян с восточно-христианским миром, и в особенности — с Византией и православными христианами⁴ нашли свое отражение

⁴ Т. е. с собственно грекоязычными ромеями, с сиро- и арабоязычными мелькитами, с грузинами и армянами-халкидонитами.

в сферах культурной, торгово-экономической и церковной жизни, в государственном устройстве, в архитектуре и нумизматике, наконец — в многочисленных военных конфликтах, союзах и династических браках. И если говорить о центрах соприкосновения или, пользуясь определением, популяризированным блистательными работами В.А. Арутюновой-Фиданян — о «контактных зонах» латинского Запада и византийского Востока, то можно смело утверждать, что христианские государства, лежавшие к северу от Иерусалима — княжество Антиохийское, графства Эдессы и Триполи, королевство Киликийской Армении — представляют собой один из наиболее значимых и самобытных подобных центров (или зон) соприкосновения, равноценных Нормандской Италии, Латинской Романии, Кипрскому королевству, венецианским владениям в восточном Средиземноморье.

Итак, книга посвящена историческому и культурному соприкосновению латинян (франков) и ромеев (греков, мелькитов, грузин, армян-халкидонитов) на землях Сирии и Киликии в XI–XIII вв. Если точнее говорить о рассматриваемом регионе — то это киликийские и сиро-ливанские земли: от Мараша и Мелитены на севере, Тараса и Селевкии на северо-западе, Эдессы и побережья Евфрата и Оронта на востоке, Библа и Бейрута на юге. Хронологические рамки исследования охватывают X–XIV вв., хотя основное внимание сосредоточено на событиях, относящихся к XI–XIII столетиям. Первая часть книги охватывает и более ранние периоды — время римского и первого византийского правления, и, конечно же, эпоху арабских завоеваний и исламского господства на Ближнем Востоке. Особое значение для избранной нами темы имеет подробное рассмотрение второго византийского правления в Сирии и Киликии (966—1084 гг.), т. к. именно в этот период были заложены многие процессы, получившие дальнейшее развитие в эпоху крестовых походов. Вне контекста второго византийского правления невозможно полноценно говорить о процессах формирования франкских государств в Антиохии, Эдессе, на сиро-ливанском побережье и Кипре; о взаимном ужесточении борьбы христиан и мусульман; о становлении армянских княжеств в Киликии и северной Сирии — в том числе и о великом государстве Рубенидов; о церковном соприкосновении православных и латинян, в особенности о положении и идентичности клира и паствы Антиохийского Патриархата, для которых восстановленное византийское

господство было сопряжено, пожалуй, с более чувствительными переменами в церковной жизни, нежели утвержденное впоследствии латинское правление.

Цель исследования — создать систематизированное обозрение всего комплекса военно-политических, культурных и церковных контактов латинских и византийских христиан XI-XIII вв., так или иначе связанных с Антиохией, Эдессой, сирийскими и киликийскими землями. Книга разделена на два тома. Первый том содержит общее и весьма краткое обозрение становления христианской, римско-византийской цивилизации на Ближнем Востоке; описание арабо-мусульманского завоевания Леванта; очерки о географическом распространении и социальной роли православных христиан на землях мусульманского Востока; подробное рассмотрение эпохи второго византийского господства в Сирии и Киликии; историю государства Филарета Варажнуни и последовавших сельджукских завоеваний. Вторая часть книги посвящена утверждению крестоносцев на Ближнем Востоке, зарождению франкских государств Заморской земли и последовавшим франко-нормандским завоевательным кампаниям в ближневосточных владениях Византии; взаимоотношениям Ромейской империи и франкской Сирии; ромейским кампаниям против киликийских армян и антиохийских франков, политике императоров династии Комнинов в отношении латинских государств Заморской земли, периоду византийского сюзеренитета над княжеством Антиохийским. Во втором томе объединены разделы, посвященные истории взаимоотношений Латинской и Православной Церквей на землях исторического Антиохийского Патриархата (XI-XIII вв.); культурной и экономической жизни франкской Сирии; истории соприкосновения латинян и ромеев в Сирии и Киликии после падения византийского сюзеренитета (1182—1291 гг.). Эта часть книги включает и подробное рассмотрение истории Антиохийской коммуны и т. н. «войны за Антиохийское наследство»; разделы посвященные эпохе монгольских и последующих мамлюкских завоеваний на Ближнем Востоке, падению и уничтожению важнейших оплотов христианского господства в Сирии; историю последних кампаний киликийских и кипрских христиан на сиро-ливанском побережье; заключительные мысли автора.

Источники и историография

Обширный материал по истории Антиохии и Сирии поздневизантийского и франкского правления могут предоставить различные латинские, старофранцузские, византийские, арабские, сирийские и армянские тексты как нарративного, так и документального характера, составленные в XI–XIV вв. Из всех сохранившихся средневековых источников, лишь два текста полностью посвящены княжеству Антиохийскому. Первым подобным текстом является книга «Антиохийские войны» Готье Канцлера — нарративный первоисточник, содержащий описания ключевых событий правления князя Рожера Антиохийского (1114—1115, 1119 г.)⁵. Второй текст — свод законов Антиохийского княжества, т. н. «Антиохийские ассизы», сохранившиеся лишь в армянском переложении Смбата, коннетабля (спарапета) королевства Киликийской Армении⁶. Во всех остальных источниках, повествования об Антиохийском княжестве и сирийских графствах Эдессы и Триполи, или об Антиохии эпохи второго византийского правления (X–XI вв.), носят характер отдельных, часто — весьма разрозненных упоминаний и отступлений. К примеру, старофранцузский хронист Амбруаз, в своей истории Третьего крестового похода («Истории Святой войны»), всего лишь раз упоминает Антиохию⁷. Среди латинских нарративных первоисточников мы опирались преимущественно на «Иерусалимскую историю» Фульхерия Шартрского, на анонимные «Деяния франков», на книгу «Деяний Танкреда» нормандского каноника Рауля Канского, на вышеупомянутые «Антиохийские войны» Готье Канцлера, и, конечно же, на хронику архиепископа Гильома Тирского — «История деяний в Заморских землях»⁸. Из числа

⁵ Galterii Cancellarii. *Bella Antiochena* // RHC Occ. V. — Paris, 1895.

⁶ Sempad, le connetable. *Assises D'Antioche*. — Venise, 1876; Галстян А. «Антиохийские ассизы» по переводу Смбата Спарапета, армянского историка XIII в. // Православный палестинский сборник. — 1960. — №68.

⁷ Ambroise. *L'Estoire de la Guerre Sainte*. — Paris, 1897.

⁸ Fulcheri Carnotensis. *Historia Hierosolymitana*. — Heidelberg, 1913; Anonymi *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*. — Heidelberg, 1890; Radulfo Cadomensis. *Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana* // RHC Occ. III. — Paris, 1866; Guillaume de Tyr. *Historia rerum in partibus transmarinis gestarum* // RHC Occ. I. — Paris, 1844.

латинских текстов, составленных западными авторами, никогда не бывавшими на Востоке, неопределимое значение для избранной темы представляют «Церковная история» Ордерика Виталия и «Иерусалимская история» Альберта Аахенского⁹. Среди старофранцузских текстов, основными источниками послужили различные варианты хроники Продолжателя Гильома Тирского (в особенности ее Лионский вариант), а также «Деяния киприотов» Тирского Тамплиера¹⁰. Разумеется, в рамках данного исследования мы будем обращаться и к другим западным (латинским и старофранцузским) авторам, однако вышеназванные тексты, опять же, являются основными «франкскими» нарративными источниками по избранному предмету.

Если говорить о византийских авторах, описавших положение Сирии со времен ромейского завоевания и вплоть до начала крестовых походов (т. е. с 60-х гг. X в. и вплоть до 80-х гг. XI в.), то необходимо обратиться к текстам Льва Диякона, Яхьи Антиохийского, Михаила Аталиата, Михаила Пселла, кесаря Никифора Вриенния¹¹. Об осевших в Сирии франках, об их войнах и взаимоотношениях с Ромейской державой подробно пишет «великая троица» византийских историков XII в. — Анна Комнина, Иоанн Киннам и Никита Хониат¹². Особый интерес представляет и «История царствования Михаила и Андроника Палеологов» Георгия Пахимера, содержащая весьма ценные сведения о положении православной иерархии на землях франкской Сирии и Киликийской Армении в XIII в., а также крайне примечательное византийское описание падения франкских государств

⁹ Orderic Vitalis. The Ecclesiastical History of England and Normandy. — London, 1854; Alberti Aquensis. Historia Ierosolimitana. History of the Journey to Jerusalem. — Oxford, 2007.

¹⁰ L'Estoire de Eracles Empereur et la conqueste de la terre d'Outremer // RHC Occ. II. — Paris, 1859; Edbury P.W. The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade. Sources in translation. — Aldershot, 2007; Les gestes des Chiprois. — Geneva, 1887.

¹¹ Лев Диякон. История. — М.: Наука, 1988; Michaelis Attalioe. Historia // CSHB. — Bonn, 1853.; Михаил Пселл. Хронография. — М.: Наука, 1978; Никифор Вриенний. Исторические записки. — Рязань: Александрия, 2006.

¹² Анна Комнина. Алексиада. — М.: Наука, 1965; Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. // Византийские историки, переведенные с греческого при С.-Петербургской духовной академии. — СПб.: 1859; Никита Хониат. История со времени царствования Иоанна Комнина. — Рязань: Александрия, 2003.

Заморской земли¹³. Обширный материал для изучения Сирии эпохи византийского и франкского правления предоставляют восточно-христианские, сирийские и армянские авторы. По истории византийского и арабского Востока X в. это, конечно же, хроника мелькита Яхьи Антиохийского¹⁴. Для Сирии эпохи поздневизантийского и франкского правления особое значение имеют хроники Сирийского (Сиро-яковитского) Патриарха св. Михаила I Великого, более известного под именем «Михаила Сирийца», а также мафриана Сирийской Церкви — Абу-ль-Фараджа ибн Харуна (Бар Эбрея)¹⁵. Среди армянских текстов, в первую очередь, следует упомянуть хроники Матфея Эдесского и его продолжателя — пресвитера Григория, летопись Вардана Великого, хроники, приписываемые Смбату Спарапету и королю Хетуму II, а также рифмованную хронику Вахрама Эдесского¹⁶. Из числа арабских источников наибольшую ценность для избранной нами темы предоставляют «Свод всеобщей истории» Ибн аль-Асира и его же «История атабеков Мосула», «Алеппская хроника» Кемаль ад-Дина, «Продолжение Дамасской хроники» Ибн аль-Каланиси, «Анналы истории» Абу аль-Феды, а также «Жизнь Салах-ад-Дина», составленная Баха-ад-Дином и мемуары Усамы ибн Мункыза — «Книга назиданий», содержащая сведения не только об истории, но и о повседневной жизни и культуре Сирии XII в.¹⁷. Также нельзя не упомянуть

¹³ Georgius Pachymeres. De Michael e et Andronico Paleologis. — Bonn, 1835.

¹⁴ Vasiliev A. et Kratchkowsky I., éd. Yahya Ibn Sa'id d'Antioche, Continuation de Sa'id Ibn Bitriq // *Patrologia Orientalis*, Vol. 18. — Paris, 1924; Розен В.Р. Император Василий Болгаробойца: Извлечение из летописи Яхьи Антиохийского. — СПб.: 1883.

¹⁵ Michel le Syrien. Chronique de Michel le Syrien. Patriarche Jacobite D'Antioche. Vol. III. — Paris, 1905; Гусейнов Р. Из «Хроники» Михаила Сирийца // *Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования*. — М.: Наука, 1975. №19; Bar Hebraeus. *Chronica Ecclesiastica*. — Paris-Louvain, 1872—1877; Bar Hebraeus. *Chronography* // ed. & trans. E.A. Wallis Budge. — London, 1932.

¹⁶ Mathieu D'Edesse. Chronique de Mathieu D'Edesse (962—1136) avec la Continuation de Grégoire le Prêtre. — Paris, 1858; Grégoire le Prêtre. Chronique de Grégoire le Prêtre // *RHC Arm. I*. — Paris, 1869; Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad, or of the 'Royal Historian'. — New Jersey, 2005; Вардан Великий. Всеобщая история Вардана Великого. — М.: 1861; Bedrosian R., ed. The Chronicle attributed to King Hethum II. — New Jersey, 2005; Vahram D'Edesse. La chronique rimée des rois de la Petite Arménie // *RHC Arm. I*. — Paris, 1869.

¹⁷ Ibn al-Athir. *Al-Kamil fi al-Tarikh* // *RHC Orient. I*. — Paris, 1872; Ibn al-Athir. *Histoire des Atabecs de Mosul* // *RHC Orient. II*. — Paris, 1876; Kemal ad-Din. *Bughyat al-talab fi Tarikh*

о своде переводов и анализа арабских источников, составленном замечательным русским арабистом рубежа XIX-XX вв. — Н.А. Медниковым¹⁸. Правда, собранные и систематизированные им источники относятся как раз к периоду, предшествующему эпохе крестовых походов, однако без этого материала невозможно заниматься указанной темой.

Ценные сведения о городах и населении Сирии оставили паломники, путешественники и географы (X-XIII вв.). Среди текстов латинских пилигримов первенство принадлежит Жаку де Витри, Вильбранду Ольденбургскому и Бурхарду Сионскому¹⁹. Из текстов восточно-христианских паломников стоит, в первую очередь, упомянуть писания коптского священника Абу-ль-Макарима и православных паломников — Юханны ибн Бутлана, Иоанна Фоки, черниговского игумена Даниила (хотя последний текст связан преимущественно с Палестиной и королевством Иерусалимским)²⁰. Также значительный интерес представляет и «Цвет историй Востока» Хетума, властителя Корики, одного из баронов Киликийской Армении. Если говорить об арабо-мусульманских географах и путешественниках, то неоценимый вклад в изучение средневекового Ближнего Востока оставил Ги Ле Стрейндж, составивший подробный свод переведенных на английский язык арабских средневековых описаний практически каж-

Halab // RHC Orient. II. — Paris, 1876; Гибб Г. Дамасские хроники крестоносцев. — М.: Центрполиграф, 2009; Abu'l Feda. Des Annales D'Abou 'l-Feda // RHC Orient. I. — Paris, 1872; Баха ад-Дин. Саладин. Победитель крестоносцев. — СПб.: ДИЛЯ, 2009; Усама Ибн Мункыз. Книга назидания. — М.: Изд. Восточной литературы, 1958.

¹⁸ Медников Н.А. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам // Православный палестинский сборник. Том 17. Выпуск 2. — СПб.: 1897.

¹⁹ Jacques de Vitry. Iacobi de Vitriaco libri duo, quorum prior Orientalis sive Hierosolymitanae, alter Occidentalis Historiae nomine inscribuntur. — Douai, 1597; Wilbrandus de Oldenborg. Peregrinatio // Peregrinatores Medii Aevi Quatuor. — Leipzig, 1864; Burchardus de Monte Sion. Descriptio Terrae Sanctae // Peregrinatores Medii Aevi Quatuor. — Leipzig, 1864.

²⁰ Hayton. La Flor des Estoires des parties d'Orient // RHC Arm. II. — Paris, 1906; Abu Salih. The Churches and Monasteries of Egypt attributed to Abu Salih the Armenian. — Oxford, 1895; Ioannes Phocas. Compendiaria descriptio castrorum et urbium ab urbe Antiochia usque Hierosolymam // RHC Grec. I. — Paris, 1875; Даниил, игумен. Хождение в Святую землю игумена Даниила // Лихачев Д.С. Библиотека литературы Древней Руси. Том 4. — М.: Наука, 1997.

дого левантийского города, крепости или поселения, объединив их в рамках одной книги «Палестина под властью мусульман»²¹. Помимо нарративных текстов, обширную источниковую базу составляют документальные свидетельства (в основном — хартии и послания), приведенные в различных западноевропейских сборниках, в томах латинской и греческой «Патрологии» аббата Жак Поля Миня и в многочисленных папских «Регистрах». Последние имеют особое значение применительно к истории войны за Антиохийское наследство и церковной истории Сирии и Киликии первой половины XIII вв.

В историографии последних двух веков история франкской Сирии и Антиохии XI-XIII вв. затрагивалась неоднократно, однако вновь — в известной мере разрозненно. Достаточно подробные сведения о княжестве Антиохийском, графстве Эдесском и графстве Триполи можно найти в «Истории крестовых походов» Рене Груссе, в аналогичной «Истории...» сэра Стивена Рансимена и в пятитомной «Истории крестовых походов», вышедшей под редакцией Кеннета Сеттона²². Неоценимое значение для изучения франкской Антиохии имеет диссертация французского историка Клода Каэна — «Северная Сирия в эпоху крестовых походов и франкское княжество Антиохийское», изданная в Париже в 1940 г.²³. На сегодняшний день, это, бесспорно, самое фундаментальное исследование по топографии, этнографии, истории, экономической и культурной жизни франкской Сирии. Графству Триполи эпохи правления провансальской, Тулузской династии посвящена диссертация Жана Ришара — «Графство Триполи и Тулузская династия», вышедшая в свет в 1945 г.²⁴. Графству Эдесскому, сходным образом, посвящена монография Моник Аморо-Мурад, изданная в 1988 г.²⁵. В XIX-XX вв. выходили в свет и биографии основателей сирийских государств крестоносцев: в 1862 г. книга Б. Кутлера

²¹ Le Strange G. Palestine under the Moslems. A Description of Syria and the Holy Land from AD 650 to 1500. — London, 1890.

²² Grousset R. Histoire des croisades et du royaume franc de Jerusalem. Vol. I-III. — Paris, 1934—1936; Runciman S. A History of the Crusades. Vol. I-III. — Cambridge, 1951—1954; Setton K.M., ed. A History of the Crusades. Vol. I-V. — University of Wisconsin, 1955—1990.

²³ Cahen C. La Syrie du Nord a l'époque des Croisades et la principauté franque d'Antioche. — Paris, 1940.

²⁴ Richard J. Le comté de Tripoli sous la dynastie toulousaine (1102—1187). — Paris, 1945.

²⁵ Amouroux-Mourad M. Le comté d'Edesse: 1098—1150. — Paris, 1988.

«Боземунд и Танкред, князья Антиохийские», в 1883 г. статья П.В. Безобразова, посвященная Боземунду I Антиохийскому, в 1901 г. — монография П. Гиндлера «Балдуин I, граф Эдесский», в 1923 г. — диссертация П. Юейла «Боземунд I, князь Антиохийский», в 1940 г. монография Р.Л. Николсона о Танкреде, а в 1962 г. — монография Дж. и Л.Л. Хилл «Раймонд IV, граф Тулузский»²⁶. Здесь, конечно же, нельзя не вспомнить и о работе Э. Рея, посвященной князьям Антиохийским²⁷, а также о вышедшей в 2007 г. работе Ж. Флори «Боземунд Антиохийский. Рыцарь удачи»²⁸. Однако, в целом, нельзя не отметить, что количество монографий и статей, специально посвященных северо-сирийским государствам франков, изданных в XX в., в достаточной степени уступает числу аналогичных работ по истории королевства Иерусалимского²⁹.

Контактам крестоносцев с Византией посвящен целый комплекс монографий и публикаций. В ходе данного исследования мы прибегали преимущественно к «классическим» работам Ф.И. Успенского

²⁶ Kugler B. Boemund und Tancred, Fürsten von Antiochien. — Tübingen, 1862; Безобразов П.В. Боземунд Тарентский // Журнал Министерства народного просвещения. — 1883. — №226. — С. 37—119; Gindler P. Graf Balduin I, von Edessa. — Halle, 1901; Yewdale R.V. Bohemond I, Prince of Antioch. — Princeton, 1917; Nicholson R.L. Tancred: a study of his career and work in their relation to the First Crusade. — Chicago, 1940; Hill J.H., Hill L.L. Raymond IV, count of Toulouse. — New York, 1962.

²⁷ Rey E. Résumé chronologique de l'histoire des princes d'Antioche // ROL IV. — Paris, 1896.

²⁸ Работа эта была, в 2013 г., переведена и опубликована на русском языке. См. Флори Ж. Боземунд Антиохийский. Рыцарь удачи. — СПб., М.: Евразия, 2013.

²⁹ Среди монографий по истории Иерусалимского королевства, изданных конца XIX и вплоть до начала XXI вв., можно перечислить следующие работы: Conder C.R. The Latin Kingdom of Jerusalem. 1099—1291 AD. — London, 1897 (переиздана в 2002 г.); Richard J. Le royaume latin de Jérusalem. — Paris, 1953 (издана и переведена на русский язык как Ричард Ж. Латино-Иерусалимское королевство. — СПб.: Евразия, 2002); Riley-Smith J. The Feudal Nobility in the Kingdom of Jerusalem. 1174—1277. — London, 1973; Bordonove G. Les croisades et le Royaume de Jérusalem. — Paris, 1992; Ellenblum R. Frankish rural settlement in the Latin Kingdom of Jerusalem. — Cambridge, 1998; Hamilton B. The Leper King and his Heirs: King Baldwin IV and the Crusader Kingdom of Jerusalem. — Cambridge, 2000; Boas A.J. Jerusalem in the time of the Crusades: Society, Landscape and Art in the Holy City under Frankish rule. — New York, 2001; Hancock L. Saladin and the Kingdom of Jerusalem: the Muslims recapture the Holy Land in AD 1187. — New York, 2004; Mahoney L. France and the Holy Land. — Hopkins University Press, 2004. Переведенная на русский язык и хорошо известная отечественному читателю монография Пьера Виймара. См. Виймар П. «Крестовые походы: Миф и реальность Священной войны». — СПб.: Евразия, 2006 также посвящена преимущественно королевству Иерусалимскому, хотя там и есть отступления, касающиеся начальных этапов истории франкской Антиохии, Эдессы и Триполи.

и Г. Шлюмберже³⁰ и, среди современных работ, к монографии Р. Дж. Лили «Византия и государства крестоносцев. 1096—1204» и, в меньшей степени, к книге Дж. Харриса — «Византия и крестоносцы»³¹. Что касается работ, посвященных межхристианским отношениям в государствах крестоносцев, то здесь определенное «первенство» (и по структуре исследования, и по числу привлеченных источников) за монографиями Джиорджо Федальто «Латинская Церковь на Востоке» и Бернарда Гамильтона «Латинская Церковь в государствах крестоносцев. Секулярная Церковь»³². Гамильтону принадлежит и целый ряд других публикаций, посвященных церковной жизни и межхристианским контактам в государствах крестоносцев³³. В связи с темой межхристианских контактов на Латинском Востоке, стоит указать на две монографии, вышедшие в свет в 2008 г.: на книгу М. Мусы «Крестовые походы: Столкновение Христианского мира с Исламом»³⁴ (т. к. особое внимание автор уделяет положению сирийских христиан в государствах крестоносцев), и монографию Кристофера МакЭвитта «Крестовые походы и мир Христианского Востока», всецело посвященную взаимоотношениям франков и восточных христиан³⁵. Нельзя не обратить внимание читателя и на опубликованную в 2012 г. диссертационную работу К.С. Паркера

³⁰ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 3—5. — М.: Астрель, 2002; Schlumberger G. Byzance et croisades // Pages médiévales. — Paris, 1927; Schlumberger G. Récits de Byzance et des croisades. — Paris, 1917.

³¹ Lilie R.-J. Byzantium and the Crusader States 1096—1204. — Oxford, 1993; Harris J. Byzantium and the Crusades. — London, 2003.

³² Fedalto G. La Chiesa Latina in Oriente, Vol. 1—3. — Verona, 1973—1976; Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States. The Secular Church. — London, 1980.

³³ Hamilton B. Aimery of Limoges, Latin Patriarch of Antioch (c. 1142-c.1196), and the Unity of the Churches // East and West in the Crusades States. Context -Contacts — Confrontations. Vol. II. — Leuven, 1999; Он же. Aimery of Limoges, Patriarch of Antioch: ecumenist, scholar and patron of hermits // Elder E.R., ed. The Joy of Learning and the Love of God. Essays in Honor of Jean Leclercq. — Kalamazoo, 1995; Он же. The Armenian Church and the Papacy // The Eastern Churches Review. — 1978. — №10; Он же. The elephant of Christ: Reynald of Châtillon // Studies in Church History. — 1978. — №15; Он же. The Growth of the Latin Church at Antioch // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. — Leuven, 2006.

³⁴ Moosa M. Crusades: Conflict Between Christendom and Islam. — Piscataway, 2008.

³⁵ MacEvitt C. The Crusades and the Christian World of the East. Rough Tolerance. — Philadelphia, 2008.

«Христиане Арабского Ближнего Востока в эпоху крестоносцев, монголов и мамлюков (1244—1366 гг.)»³⁶. Если же говорить исключительно об Антиохийском Патриархате X-XIII вв. и истории православных, халкидонских христиан Леванта, то неоценимый вклад в исследование этой темы внесен мелькитским архиепископом Жозефом Насраллой³⁷, а позднее — немецкими византинистом — Клаус Питером Тодтом³⁸. Конечно же, нельзя не упомянуть и о монументальной «Истории Мелькитских Патриархатов (Александрии,

³⁶ Parker K.S. The Indigenous Christians of the Arabic Middle East in an Age of Crusaders, Mongols and Mamluks (1244—1366). — Royal Holloway College, University of London, 2012.

³⁷ Если говорить об исследованиях Жозефа Насраллы, то в первую очередь следует называть часть его монументальной «История литературного движения в мелькитской Церкви, с V по XX вв.», но также и целый ряд других работ, имеющих огромное значение для истории мелькитов времен арабского, византийского, франкского и мамлюкского правления. См. Joseph (Nasrallah). Histoire du mouvement littéraire dans l'église melchite du Ve au XXe siècle. Vol. 3, Tome 1 (969—1250). — Leuven, 1983; Он же. Chronologie des patriarches melchites d'Antioche, de 1250 à 1500 // Proche-Orient Chrétien. — 1967. — №17; Он же. Saint Jean de Damas: son époque, sa vie, son œuvre. — Paris, 1950; Он же. L'Eglise Melchite en Iraq, en Perse et dans l'Asie Centrale. — Paris, 1976; Он же. La liturgie des Patriarcats melchites de 969 à 1300 // Oriens Christianus. — 1987. — №71; Он же. Syriens et Suriens // Orientalia Christiana Analecta. — 1974. — №197; Он же. Un auteur antiochien du XIe siècle: Nicon de la Montagne Noire (vers 1025 — début du XIIe siècle) // Proche-Orient Chrétien. — 1969. — №19; Он же. Le couvent de Saint-Siméon l'Alépin // Parole de l'Orient: revue semestrielle des études syriaques et arabes chrétiennes: recherches orientales: revue d'études et de recherches sur les églises de langue syriaque. — 1970. — Vol. 1, №2; Он же. A propos des trouvailles épigraphiques à Saint-Siméon-l'Alépin // Syria. — 1971. — Tome 48 (1—2); Он же. Couvents de la Syrie du Nord portant le nom de Siméon // Syria. — 1972. — Tome 49 (1—2); Он же. Médecins melchites de l'époque ayyubide // Parole de l'Orient: revue semestrielle des études syriaques et arabes chrétiennes recherches orientales: revue d'études et de recherches sur les églises de langue syriaque. — 1974. — Vol. 5. Несколько меньшее по своему значению и объему исследование по истории Антиохийского Патриархата несколько лет назад вышло из-под пера еще одного историка-мелькита, архиепископа Жозефа Тавила. См. Joseph (Tawil). The Patriarchate of Antioch throughout History: An Introduction. — Sophia Press, 2001.

³⁸ Todt K.-P. Region und griechisch-orthodoxes Patriarchat von Antiocheia in mittelbyzantinischer Zeit und im Zeitalter der Kreuzzüge (969—1204). — Wiesbaden, 1998; Он же. Antioch in the Middle Byzantine Period (969—1084). The reconstruction of the city as an administrative, military, economic and ecclesiastical center // Topoi. — 2004. — Supplement 5; Он же. Antioch and Edessa in the so-called Treaty of Deabolis (September 1108) // ARAM. — 1999—2000. — №11—12. Также можно указать и на работы другого немецкого исследователя, Иоганна Пахлица, в частности: Pahlitzsch J. Graeci und Suriani in Palaestina der Kreuzfahrerzeit. — Berlin, 2001. Betts R.B. The Southern Portals of Byzantium. — London, 2009.

Антиохии и Иерусалима): со времен монофизитской схизмы до наших дней»³⁹. В связи с историей православных в средневековом Леванте, невозможно не вспомнить и о нескольких статьях уже упоминавшегося выше Клода Казна, которые прямо касаются взаимоотношений мелькитов и «заморских» франков⁴⁰. Достаточно подробное статистическое и этнографическое исследование, посвященное присутствию православных на Ближнем Востоке, принадлежит американскому историку Роберту Беттсу⁴¹.

Фундаментальные археологические исследования окрестностей Антиохии и территорий к западу от города, работы, посвященные преимущественно грузинскому монашеству в Сирии, принадлежат Вахтангу Джобадзе⁴². Истории, городской жизни и архитектуре Антиохии посвящен фундаментальный труд Дж. Дауни⁴³, однако эта работа охватывает лишь исторический период от основания города до арабского завоевания. Несколько более общая «Краткая история Антиохии» Э.С. Бушье, изданная в 1921 г. и охватывающая период от основания Антиохии до ее разорения мамлюками, к сожалению, не может служить полноценным восполнением этого пробела, хотя, в целом, и небезынтересна⁴⁴. Крайне интересное и значимое исследование по истории средневековой Антиохии, в известной степени восполняющее исторический пробел, оставленный Дауни, принадлежит Аса Эгеру⁴⁵. Выдающаяся работа по истории и археологическому наследию Эдессы (со

³⁹ Charon C. (Korolevskii C.). Histoire des patriarchats melkites (Alexandrie, Antioche, Jérusalem); depuis le schisme monophysite du sixième siècle jusqu'à nos jours. Vol. II. — Rome, 1910.

⁴⁰ Cahen C. Indigènes et croisés. Quelques mots à propos d'un médecin d'Amaury et de Saladin // Syria. — 1934. — №15; Cahen C. Un document concernant les Melkites et les Latins d'Antioche au temps des Croisades // Revue des études byzantines. — 1971. — №29.

⁴¹ Betts R.B. The Southern Portals of Byzantium. — London, 2009.

⁴² Djobadze W. Archeological investigations in the region West of Antioch-on-the-Orontes. — Stuttgart, 1986; Djobadze W. Materials for the study of Georgian monasteries in the Western environs of Antioch on the Orontes // Corpus scriptorum Christianorum Orientalium. — 1976. — №327.

⁴³ Downey G. A History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest. — Princeton, 1961.

⁴⁴ Bouchier E.S. A Short History of Antioch, 300 B. C. — A. D. 1268. — London, 1921.

⁴⁵ Eger A. Mapping Medieval Antioch // Dumbarton Oaks Papers. — 2013. — №67.

времен римского правления и вплоть до окончательного мусульманского завоевания) принадлежит Дж. Сигалу⁴⁶. Достаточно интересное исследование средневековой архитектуры и укреплений Антиохии, Эдессы и сирийских замков составил, в рамках диссертационной работы, Т.Э. Лоуренс («Лоуренс Аравийский»). Позднее его диссертация была издана в качестве полноценной монографии «Замки крестоносцев»⁴⁷. В сочетании, работы Джобадзе, Лоуренса, Дауни и Бушье помогают сформировать относительно целостное представление о византийском архитектурном наследии франкской Сирии. В числе работ по искусству поздневизантийской и франкской Сирии, наиболее значимыми являются работы Ярослава Фолды и Александра Саминского⁴⁸. Изучение Сирии эпохи второго византийского и франкского правления также невозможно без обращения к работам В. и Ж. Лорана⁴⁹, Ж.-К. Шейне⁵⁰, отече-

⁴⁶ Segal J.B. *Edessa: The Blessed City*. — Piscataway, 2005.

⁴⁷ Lawrence T.E. *Crusader Castles*. — Oxford, 1988.

⁴⁸ Folda J. *Crusader Art. The Art of the Crusaders in the Holy Land, 1099—1291*. — Aldershot, 2008; Folda J. *Crusader Art in the Holy Land. From the Third Crusade to the Fall of Acre, 1187—1291*. — Cambridge, 2005; Saminsky A. *Georgian and Greek Illuminated Manuscripts from Antioch // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. Vol. I*. — Leuven, 2006; Saminsky A. *Assimilation and creation of Greek Art in Antioch-on-the-Orontes in Syria during the second period of Byzantine domination (969—1084) // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the end of the Crusader Principality. Vol. II*. — Leuven, 2013. Также см. Riley-Smith J., ed. *The Oxford Illustrated History of the Crusades*. — Oxford, 2007.

⁴⁹ Laurent J. *Armeniens de Cilicie: Aspietes, Oschin, Ursinus // Mélanges offerts à Gustav Schlumberger, I*. — Paris, 1924; Laurent J. *Byzance et Antioche sous le Curophate Philarete // Revue des études arméniennes*. — 1929. — Vol. 9; Laurent J. *Des Grecs aux Croisés: Etude sur l'histoire d'Edesse entre 1071 et 1098 // Byzantion*. — 1924. — Tome I; Laurent V. *La chronologie des gouverneurs d'Antioche sous la seconde domination byzantine // Mélanges de l'Université Saint Joseph*. — 1962. — №38(10); Laurent V. *La Notitia d'Antioche. Origine et tradition // Revue des études byzantines*. — 1947. — №5.

⁵⁰ Cheynet J.-C. *Le controle de la Syrie du Nord à la fin de la seconde occupation byzantine (seconde moitié du XI siècle) // Bisanzio e le periferie dell'impero*. — Acireale, 2012; Он же. *The Duchy of Antioch after the Byzantine reconquest // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality*. — Leuven, 2006; Он же. *Sceaux byzantins des Musées d'Antioche et de Tarse // Travaux et Mémoires*. — 1994. — №12. — P. 391—478; Он же. *Sceaux de la collection Khoury // Revue numismatique*, 6. — 2003. — Tome 159; Он же. *Les effectifs de l'armée*

ственного историка В.П. Степаненко⁵¹.

Новый всплеск интереса к Антиохии и франкской Сирии со стороны западного научного сообщества обозначился в последние годы, на рубеже XX-XXI вв. Истории княжества Антиохийского посвящены две работы английского историка Томаса Асбриджа: монография «Основание княжества Антиохийского. 1098—1130 гг.», а также перевод и обширные комментарии к книге «Антиохийских войн» Готье Канцлера (работа, предпринятая совместно с Сьюзен Эджингтон)⁵². Однако наиболее значимый вклад в изучение поздневизантийской и франкской Антиохии X-XIII вв. был внесен после публикации двухтомного сборника «Запад и Восток в средневековом восточном Средиземноморье. Антиохия от византийского завоевания до падения княжества крестоносцев»⁵³. По сути дела, это материалы конференции, состоявшейся в голландском замке Хернен,

byzantine aux Xe-XIIe siècles // *Cahiers de civilisation médiévale*, 38. — №152. — 1995; *Он же*. Pouvoir et contestations à Byzance (963—1210). — Paris, 1996; *Он же*. Thathoul, archonte des archontes // *Revue des études byzantines*. — 1990. — Tome 48.

⁵¹ Степаненко В.П. Византия и гибель графства Эдесского (1150 г.) // *Византийский временник*. — 1989. — Том 50; *Он же*. Государство Филарета Варажнуни // *Античная древность и средние века*. — Свердловск: 1975. — №. 12; *Он же*. Из истории международных отношений на Ближнем Востоке XII в. Княжество Васила Гоха и Византия // *Античная древность и средние века*. — Свердловск, 1980. — №17; *Он же*. Ишханы Эдессы и внешнеполитическая ориентация города в 70-х годах XI — начале XII в. // *Византийский временник*. — 1984. — Том 45; *Он же*. Мараш и графство Эдесское в Девольском договоре 1108 г. // *Византийский временник*. — 1987. — Том 48; *Он же*. Равнинная Киликия во взаимоотношениях Антиохийского княжества и княжества Рубенидов в 10—40-х годах XII в. // *Византийский временник*. — 1989. — Том 49; *Он же*. Совет двенадцати ишханов и Бодуэн Фландрский. К сущности переворота в Эдессе (март 1098 г.) // *Античная древность и средние века*. — Свердловск: 1985; *Он же*. Цицилия «Дама Тарса и сестра короля». Равнинная Киликия в составе Антиохийского княжества 1108—1137 гг. // *Византийский временник*. — 1991. — Том 51; Степаненко В.П., Шандровская В.С. Татул и Пакурианы // *Античная древность и средние века*. — Екатеринбург, 2005. — №36.

⁵² Asbridge T. The Creation of the Principality of Antioch. 1098—1130. — Woodbridge, 2000; Asbridge T., Edgington S., ed. & trans. Walter the Chancellor's *The Antiochene Wars*. A Translation and Commentary. — Aldershot, 1999.

⁵³ Ciggaar K., Metcalf D.M., ed. East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. — Leuven, 2006; Ciggaar K., van Aalst V., ed. East and West in the Medieval Eastern Mediterranean II. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. — Leuven, 2013.

в 2003. Опубликованные в сборнике работы К. Сиггаар, С. Эджингтон, А.Л. Саминского, Б. Гамильтона и Т. Вордерстрассе в значительной степени расширяют наше представление о средневековой Антиохии как об уникальном центре соприкосновения латинского Запада, Византии, христианской Сирии, Арабского Востока, Армении, Грузии.

Выражаем надежду, что данная книга сможет внести свою лепту в исследование Антиохии, Сирии и Киликии XI-XIII вв., по крайней мере — как работа, имеющая некоторую компилятивную ценность.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Сирия между христианством
и исламом*

Глава I

Первые века христианской Сирии

I. Эллинистическая, римская, христианская Сирия

Прежде всего, следует определить, можем ли мы говорить о Сирии XI в. как о части византийского мира, как о регионе, сопричастном византийскому культурному пространству? Со времен завоевания Александром (333—332 гг. до н. э.) и на протяжении последующих одиннадцати веков земли Сирии были подвержены эллинизации, а затем, хоть и в меньшей степени — латинизации, непрерывно находясь в составе державы Селевкидов (312—64 гг. до н. э.), Римской республики (с момента завоевания Гнеем Помпеем в 64 г. до н. э.) и, наконец, Римской империи (вплоть до 637 г.)⁵⁴. Великолепно сохранившиеся памятники, которые по сей день возвышаются в античной Пальмире, в Босре, Апамее, Баальбеке, в городских кварталах Латакии, ясно свидетельствуют о греко-римском прошлом Сирии. Даже в Антиохии, чье архитектурное наследие практически полностью уничтожено, о селевкидской эпохе напоминает гигантское изваяние Харона («Харонион») на склонах горы Стаурин (Епифании). Селевкиды, воздвигая свои города, раз и навсегда изменили культурный ландшафт Сирии. Еще Поль Левек, в своей монографии по эллинистическому миру, отмечал, что «ядром царства» Селевкидов стали построенные ими города: «два порта — Селевкия в Пиерии и Лаодикея (Латакия) — и два полиса на реке Оронт — Антиохия и Апамея»⁵⁵.

⁵⁴ Подробнее о государстве Селевкидов, см. Bouché-Leclercq A. *Histoire des Séleucides* (323—64 avant J.-C.). — Paris 1913; Бикерман Э. *Государство Селевкидов*. — Москва: Наука, 1985. О Сирии эпохи римского владычества, см. Pollard N. *Soldiers, Cities, and Civilians in Roman Syria*. — University of Michigan, 2003; Butcher K. *Roman Syria and the Near East*. — Los-Angeles, 2003.

⁵⁵ Левек П. *Эллинистический мир*. — М.: Наука, 1989. — С. 57.

Эти четыре города — Антиохия, Апамя, Селевкия (гавань Св. Симеона) и Латакия — впоследствии получившие название «сирийского тетраполя», на протяжении веков оставались центром селевкидской, римской, византийской и, позднее, франкской Сирии. Они еще не раз будут упомянуты в ходе данной работы.

В первом столетии новой эры для Сирии началась эпоха христианизации; начиная с 40-х гг. I в. сирийские земли были затронуты проповедью Павла и Иосифа Варнавы, Апостола Петра, Евангелиста Луки (уроженца Антиохии). В Сирии зарождаются богослужебные обряды ряда Церквей восточно-христианского мира⁵⁶. Одним из важнейших христианских центров стала Антиохия. Именно там, согласно «Деяниям Апостолов», «ученики в первый раз стали называться Христианами» (Деян. 11:26). На протяжении нескольких лет (по наиболее распространенному преданию — в 37—53 гг.) христианскую общину Антиохии возглавлял сам Апостол Петр. Первое упоминание о пребывании Петра в Антиохии мы встречаем в Новом Завете, в послании Апостола Павла к Галатам⁵⁷. О том, что Апостол Петр лично возглавлял церковь в Антиохии прежде чем отправиться

⁵⁶ Речь идет о восточно-сирийском обряде «несторианской» ветви восточного христианства (т. е. Ассирийской Церкви Востока, Халдейской и Сиро-Малабарской католических Церквях) и о западно-сирийском «Антиохийском» обряде, принятом в Сирийской (Сиро-яковитской), Маланкарской, Сиро-католической и Маронитской католической Церквях. Западно-сирийский обряд был принят и в лоне православной Антиохийской Церкви, и как раз в эпоху крестовых походов был окончательно вытеснен византийским обрядом Константинопольской Церкви. Тем не менее, наследие сирийских и рожденных в Сирии греческих отцов остается неотъемлемой и неоценимой составляющей в богословской и литургической жизни «византийских» православных и греко-католических Церквей. Как отмечает в своей знаменитой работе по византийскому обряду архимандрит Роберт Тафт, уроженец Антиохии — Иоанн Златоуст, взойдя на кафедру Константинополя «приспособил для нужд своего нового епископского престола антиохийскую анафору апостолов, молитву, которая до сих пор используется в византийском богослужении как анафора Святого Иоанна Златоуста». См. Тафт Р.Ф. Византийский церковный обряд. — СПб.: Алетейя, 2005. — гл. 2, С. 26. Прекрасное введение в историю богослужебных обрядов восточно-христианского мира принадлежит сирийскому епископу и богослову Иоанну Язиджи, (ныне — православному Антиохийскому Патриарху Иоанну X). См. John (Yazigi). Introduction to the Liturgical Families and Rites. — St. John of Damascus Institute of Theology, Balamand, 2003.

⁵⁷ «Когда же Петр пришел в Антиохию, то я лично противостал ему, потому что он подвергался нареканию. Ибо, до прибытия некоторых от Иакова, ел вместе с язычниками; а когда те пришли, стал таиться и устраниваться, опасаясь обрезанных» (Гал. 2:11–12).

в Рим, впоследствии прямо писали Евсевий Кесарийский, св. Иероним Блаженный, св. Иоанн Златоуст⁵⁸. С пребыванием св. Апостола Петра в Антиохии связано основание одной из древнейших церквей города — т. н. церкви Кассиана, впоследствии известной как собор Св. Петра⁵⁹. С первых веков, епископы Антиохии — преемники св. Апостола Петра — пользовались особым уважением и авторитетом среди архипастырей Церкви, фактически уступая лишь епископам Рима и Александрии. Впоследствии Антиохия стала кафедральным городом одного из великих патриархатов католической Церкви⁶⁰. Антио-

⁵⁸ Подробное указание раннехристианских источников, указывающих на связь Апостола Петра с Антиохийской Церковью, приведено в монографии Дж. Дауни. См. Downey G. A History of Antioch in Syria... — P. 583—584.

⁵⁹ О церкви Кассиана/соборе Св. Петра будет еще не раз сказано в ходе данной книги, т. к. эта церковь, ставшая кафедральным собором Антиохии, имеет очень большое значение для избранной нами темы. Также к раннехристианской эпохе возводила свое основание и т. н. «Апостольская базилика», сошедшая со страниц истории после череды катастроф, постигших город в VI-VII вв. Подробнее об «Апостольской базилике», см. Downey G. A History of Antioch in Syria... — P. 336, 396, 434.

⁶⁰ Третьим главой Антиохийской Церкви был ученик Апостола Петра, почитаемый во всем христианском мире «муж Апостольский» свт. Игнатий Антиохийский (70—107 гг.). С именем свт. Игнатия связаны первые прецеденты пастырского обращения епископа Антиохии к другим церквям, лежавшим вдалеке от его епархии (послания Игнатия к церквям Малой Азии — Эфеса, Смирны, Тралля, и даже к церкви Рима). Девятый епископ Антиохии (если считать от Апостола Петра) — свт. Серапион (191—211 гг.) стал первым антиохийским первосвященником, который совершенно очевидно распространял свою архипастырскую власть на соседние сирийские города и епархии. Он запретил христианской общине города Рос использовать за богослужением гностическое «Евангелие Петра»; он же совершил хиротонию епископа Эдессы. Очевидно, что на протяжении III в. влияние и авторитет Антиохийских епископов неуклонно возрастали. В IV в., отцы первых двух Вселенских соборов (I Всел. 6; II Всел. 2) подтвердили привилегированное положение Антиохийской Церкви, однако епископ Антиохии явно еще уступал «первенство» чести двум «папам» — епископам Рима и Александрии. Наконец, с V в. появляются первые прецеденты использования антиохийским епископом титула «Патриарх». Первым антиохийским архиепископом, официально принявшим этот титул, был Флавян II (498—512 гг.). Впоследствии, с закреплением идеи «пентархии» (т. е. пяти главных центров католической Церкви), Антиохийский Патриарх получил четвертое место среди иерархов христианского мира, после Папы Римского, Патриарха Константинопольского и Патриарха Александрии, и предшествуя пятому Патриарху — Иерусалимскому. Выдвинутой еще Юстинианом I Великим, эта идея нашла окончательное воплощение при Юстиниане II, в 36-м правиле Пято-Шестого Трулльского собора (692 г.). Примечательно, что даже сейчас, когда прежняя Антиохия вот уже более восьми веков как разрушена, предстоятели пяти христианских Церквей бережно сохраняют титул именно «Патриархов Антиохии»; речь идет о предстоятелях Антиохийской православной, Сирийской

хия, наряду с Александрией, прославилась и как интеллектуальный, богословский центр; Антиохийская богословская школа дала христианскому миру плеяду богословов и пастырей, прославленных как среди кафолических христиан, так и среди тех течений, которые рассматривались православными, католическими и древневосточными Церквями как еретические⁶¹.

II. Византийская Сирия. Постройки императора Юстиниана

Дополнительным связующим звеном, приобщившим Сирию к византийскому культурному пространству, стали масштабные строительные проекты императора Юстиниана I Великого. В первую очередь, это касалось самой Антиохии. Город лежал в руинах после разрушительных землетрясений 526 и 528 гг. и разорения, учиненного персидской армией шахиншаха Хосрова (540 г.). Предпринятое Юстинианом восстановление Антиохии, или, вернее — возведение нового города на руинах обращенной в пепел столицы римской и селевкидской Сирии, подробно описано Прокопием Кесарийским во второй книге его сочинения «О постройках». Как пишет Прокопий: «... город, сожженный врагами, он (т. е. Юстиниан. — С. Б.) весь перестроил заново. Все в городе было обращено пожаром в пепел и разрушено; среди города, обращенного в прах, выдавались только многочисленные

(Сиро-яковитской) православной, Маронитской католической, Сиро-католической и Мелькитской греко-католической Церквей. Подробнее о ранней истории Антиохийской Церкви, см. прекрасную, хоть и незаконченную (в силу смерти автора) монографию Дж. М. Нила; Neale J.M. *A History of the Holy Eastern Church. The Patriarchate of Antioch.* — Oxford, 1873.

⁶¹ Среди «православных» отцов наиболее значимыми представителями Антиохийской школы, бесспорно, являются свт. Кирилл Иерусалимский (315—386 гг.) и свт. Иоанн Златоуст (347—407 гг.). Среди «еретических» богословов, отцов «несторианского» богословия, канонизированных и почитаемых в лоне Ассирийской Церкви Востока — Феодор Мопсуестийский (350—428 гг.) и архиепископ Несторий (381—451 гг.). Наконец, есть и те богословы Антиохийской школы, которые часто рассматриваются как «предтечи» несторианства, но в то же время — лично не подвергаются соборному осуждению (в отличие от некоторых их писаний). В числе последних — Диодор Тарсийский (ум. в 390 г.) и св. Феодорит Кирский (386—457 гг.). Подробнее об Антиохийской школе, см. Sellers R.V. *Two Ancient Christologies. A study in the Christological thought of the schools of Alexandria and Antioch in the early history of Christian doctrine.* — London, 1954.

холмы обломков, и антиохийцы не могли даже признать места, где стоял собственный дом каждого из них. (...) император без малейшего промедления велел унести возможно дальше от города все остатки разрушения (...) он разделил город площадями и галереями, наметил улицами все проходы, провел водопроводы, устроил фонтаны и цистерны. Он построил в городе театры и бани и все то, чем может гордиться город, украсив его и всякими другими общественными постройками, в чем обычно проявляется благосостояние и богатство города. (...) Антиохия теперь стала много прекраснее, чем была раньше»⁶².

Дж. Дауни, в своем фундаментальном исследовании по эллинистической и римской Антиохии, обращает особое внимание на то, что процитированный текст Прокопия Кесарийского является, по сути дела, панегириком императору Юстиниану. По косвенным свидетельствам книги «О постройках» и по прямым археологическим данным можно смело констатировать, что с момента разорения Хосровом I и перестройки Юстинианом I, Антиохия не «стала много прекраснее, чем была раньше», а напротив — уменьшилась как в размерах, так и в численности населения, превращаясь в характерно византийский, средневековый город, неравномерно сжавшийся в черте своего греко-римского предшественника⁶³. Так, Дауни обращает внимание на то, что главная улица, шедшая через весь город параллельно течению Оронта, со времен Юстиниановой перестройки вдвое сократила свою длину⁶⁴. Уменьшение города прямо выдает и сокращение площади, охваченной городскими стенами. Во время захвата города в 540 г., персы не смогли снести крепостных стен Антиохии, однако Юстиниан I принужден был перестроить многие участки, сократив площадь города и оставив некоторые старые кварталы за чертой городских укреплений. Это, в особенности, касалось северной и западной части города. В своей «Краткой истории Антиохии» Эдвард Бушье приводит описание этого изменения в крепостной архитектуре: «Новая стена возведена была

⁶² Прокопий Кесарийский. Война с готами. О Постройках. — М.: Арктос, 1996. — Книга II, гл. 10, 2—19, С. 103—104.

⁶³ Downey G. A History of Antioch in Syria... — P. 546—549.

⁶⁴ Downey G. A History of Antioch... P. 548; Fig. 10.

на значительном удалении от берегов Оронта, так что отныне Антиохия соприкасалась с рекой лишь Мостовыми воротами, на северо-западе (...) Островная часть города была оставлена, так же как и пригороды по ту сторону реки. На Епифании, согласно Прокопию, укрепления сходным образом были сужены»⁶⁵. Самым значительным проявлением уменьшения Антиохии, конечно же, следует считать отказ от удержания внутри стен островной части города, на которой располагались ипподром и старый императорский дворец⁶⁶. Даже в черте перестроенных Юстинианом стен находились значительные пустоши, используемые для разведения садов и прочих сельскохозяйственных нужд жителей города.

Конечно же, инициированная Юстинианом перестройка Антиохии и ее укреплений выражалась не только в сокращении территории города. Император велел возвести ряд стен, которые поднимались прямо на вершину горы Сильп⁶⁷. Не менее важным нововведением было создание системы цистерн, расположенных в городе и в каждой из башен, обеспечивавших жителей надежным запасом пресной воды. Как пишет Прокопий Кесарийский, «внутри стен на верху этих гор он устроил цистерны с запасами воды. В каждой башне он вырыл колодезь; таким образом, от бывшего здесь раньше безводия он избавил жителей при помощи дождевых вод»⁶⁸. Приняты были меры и против «переизбытка» воды в Антиохии, которая периодически страдала от зимних разливов горной реки Пармений, спускавшейся к Оронту на стыке горы Сильп и Епифании (горы Стаурин) и затоплявшей городские улицы. Юстиниан велел возвести укрепленную дамбу, ставшую частью городских стен и ограждавшую город от чрезмерного разлива Пармения. Впоследствии эта дамба и расположенные там ворота получили наимено-

⁶⁵ Bouchier E.S. *Op.cit.* — P. 193. Также см. Downey G. *A History of Antioch...* P. 548. Сопоставление селевкидских стен, стен Тиберия, Феодосия II и Юстиниана I Великого, см. *Ibid.* — Fig. 11.

⁶⁶ Упадок островного квартала Антиохии приходится как раз на период со времен великого землетрясения 458 г. и вплоть до перестройки города при Юстиниане. Подробнее см. Downey G. *A History of Antioch...* P. 476—480, 548.

⁶⁷ В X в., после возвращения Антиохии ромеям, у одного из участков высокорных Юстиниановых стен была возведена знаменитая цитадель города, о чем будет подробно сказано ниже. См. Глава VII, С. 100—105.

⁶⁸ Прокопий Кесарийский. *О Постройках...* — Книга II, гл. 10, 14, С. 103—104.

вание «Железных врат»⁶⁹. Так, римские стены и башни города, в том числе и византийские укрепления, воздвигнутые Юстинианом на склонах гор Сильпа и Стаурина, ограждали Антиохию вплоть до ее разрушения мамлюками. Фрагменты стен, ворот и башен возвышались на окраинах разоренной мамлюками и впоследствии заселенной турками Антиохии даже до рубежа XIX-XX вв.; некоторые фрагменты и фундамент стен сохранились и поныне⁷⁰.

Юстиниан потратил значительные средства на возведение новых общественных зданий (в том числе — римских бань, которые, как мы увидим, сохраняли важную роль в городской жизни средневековой Антиохии), а также на обновление и строительство антиохийских церквей. Старые церкви, пострадавшие во время великих землетрясений и последующего персидского разорения, были восстановлены и заново украшены. Касалось это и тех двух церквей, которые служили кафедральными соборами Антиохии во время первого (до 637 г.) и второго (969—1084 гг.) византийского правления, а также в эпоху франкского господства; речь идет о существовавшей с Апостольских времен церкви Кассиана и о роскошной ранневизантийской базилике, именуемой «Великой церковью» или «Золотой базиликой». С IV в. кафедральным собором Антиохии была Великая церковь, основанная Константином I Великоим и освященная при его сыне — Констанции II в 341 г. Восьмиугольная базилика, увенчанная высоким золоченым куполом и окруженная двухэтажной галереей и множеством экседр, служивших для дополнительных пределов и часовен, поражала воображение современников; она упоминается не только как «Великая...» но и как «Новая»,

⁶⁹ Согласно Прокопию: «Перед стеною, наиболее близкой к оврагу, из которого горный поток устремляется на укрепления, император выстроил огромную стену, поднимающуюся со дна оврага на большую высоту по склонам обеих гор, так, чтобы реке во время половодья уже больше не было возможности переливаться через нее, но чтобы вода, образовав здесь как бы озеро, задержалась на долгое время. В стене же он сделал маленькие отверстия: таким образом, он заставил поток подчиниться человеческой технике и, протекая через эти отверстия, постепенно спадать, а не устремляться всем течением со всей силой на крепостные стены, тем заливая и причиняя опустошение городу, но протекать тихо и спокойно, как я говорил, и, вытекая так, расходиться по водоотводным каналам, куда древним жителям города было угодно направить эту воду, текущую столь умеренным потоком». См. Прокопий Кесарийский. О Постройках... — Книга II, гл. 10, 17—18, С. 103—104. О перестройке укреплений Антиохии и описанных выше нововведениях, см. Bouchier E.S. Op.cit. — P. 193—194; Downey G. A History of Antioch... P. 548—550.

⁷⁰ Об укреплениях города подробнее сказано ниже. См. Глава VII, С. 100—105.

«Золотая» или «Восьмиугольная церковь» и неоднократно фигурирует в текстах св. Иоанна Златоуста⁷¹. Примечательно, что алтарь антиохийской Великой церкви был обращен на запад, а не на восток (обстоятельство, на которое обращает особое внимание в своей «Церковной истории» Сократ Схоластик)⁷². Великая церковь была заново отстроена Юстинианом I еще до персидского разорения; она обрушилась в ходе землетрясения 526 г. и была заново освящена к 537 г. Под пошатнувшимся золотым куполом, по приказу Патриарха Ефрема, были созданы гибкие деревянные опоры (сделанные из произраставшего в близлежащей долине Дафни кипариса), которые предохраняли его от дальнейших обрушений⁷³. В 540 г. персы не стали уничтожать Великую Церковь, довольствуясь лишь разграблением сокровищ ризницы и роскошного убранства храма⁷⁴. Так что после 540 г. перед императором Юстинианом I стала задача не перестройки храма, но покрытия его расходов и восстановления положенного патриаршему собору убранства. О церкви Кассиана в этот период практически нет упоминаний, и надо полагать, что она была восстановлена и украшена в числе прочих церквей города. Единственное упоминание об особой милости императора, оказанной церкви Кассиана, зафиксировано в «Хронографии» Иоанна Малалы, согласно которому «василевс Юстиниан даровал антиохийцам собственное облачение, расшитое царскими украшениями, которое было вывешено в церкви Кассиана»⁷⁵. Последующие землетрясения и прочие бедствия, выпавшие на долю Антиохии, привели «Золотую базилику»,

⁷¹ Downey G. A History of Antioch... P. 342—345.

⁷² Сократ Схоластик. Церковная история. — М.: РОССПЭН, 1996. — Книга V, гл. 22, С. 230. Сравнение роскошного убранства увенчанной золотым куполом и украшенной многочисленными, драгоценными колоннами Великой церкви Антиохии с церковью — как собранием, сообществом людей — простирает у св. Иоанна Златоуста в «Беседе на послание к Ефесянам» (Бес. 10, 2:3). Кстати говоря, П. Бушье, в своей монографии по истории Антиохии, впадает в явную путаницу касательно кафедрального собора города. Великую церковь он отождествляет со средневековым кафедральным собором Св. Петра (церковью Кассиана), а церковь Кассиана, в то же самое время, считает храмом, независимым от собора Петра, и именует «церковью Св. Кассиана». См. Bouchier E.S. A Short History of Antioch... — P. 148—149, 321.

⁷³ Evagrius Scholasticus. The Ecclesiastical History of Evagrius. — London, 1846. — Lib. VI, c. 8, P. 293.

⁷⁴ Downey G. A History of Antioch... P. 552.

⁷⁵ Ioannis Malalae. Chronographia. — Bonnae, 1831. — P. 450.

это великое творение Константина и Юстиниана, в состояние полного упадка и разрушения, и тогда церковь Кассиана сменила свою молодую соперницу, в качестве кафедрального собора средневековой Антиохии.

В Антиохии Юстиниан воздвиг и несколько новых церквей. Особым великолепием отличалась основанная императором круглая церковь Пресвятой Богородицы, возведенная в северной части города, в квартале Епифании, у склонов горы Стаурин⁷⁶. Согласно описанию Прокопия Кесарийского, Юстиниан «выстроил здесь и большой храм Богородицы; его красоту и великолепие во всем невозможно передать словами. Он почтил его, назначив на его содержание большие денежные доходы»⁷⁷. До арабского завоевания церковь Пресвятой Богородицы была даже известна среди населения Антиохии как «церковь Юстиниана»⁷⁸. Зодчие, присланные в Антиохию Юстинианом, не только возвели саму церковь, но и окружили ее рядом принадлежащих к храму строений. Перед самой церковью ими был поставлен огражденный колоннадой атриум, что, вероятно, придавало антиохийской церкви некоторое сходство с собором Св. Софии или иерусалимской базиликой Воскресения. Об этой церкви (так же как и о церкви Кассиана) нам еще не раз придется говорить в ходе данной книги, т. к. она играла важнейшую роль в жизни Антиохии вплоть до разрушения города мамлюками. Рядом с церковью Пресвятой Богородицы по императорскому приказу была возведена и церковь, освященная в честь Свв. Космы и Дамиана⁷⁹. Также византийские зодчие поставили в Антиохии и большую церковь в честь Архангела Михаила, основанную по приказу императрицы Феодоры. Эта церковь считалась даром Феодоры многострадальному населению Антиохии⁸⁰.

⁷⁶ О местоположении церкви Пресвятой Богородицы в квартале Епифании, см. Ioannis Malalae. Op.cit. — P. 423; Downey G. A History of Antioch... P. 624.

⁷⁷ Прокопий Кесарийский. Война с готами. О Постройках. — Книга II, гл. 10, 24, С. 104.

⁷⁸ Об этом, в частности, упоминает Евагрий Схоластик. См. Evagrius Scholasticus. The Ecclesiastical History of Evagrius. — London, 1846. — Lib. V, c. 21, P. 279.

⁷⁹ Ioannis Malalae. Op.cit. — P. 423; Downey G. A History of Antioch... P. 525, 624.

⁸⁰ Ioannis Malalae. Op.cit. — P. 423. Также о возведении императором Юстинианом I Великим церквей в честь Пресвятой Богородицы и Свв. Космы и Дамиана, и о строительстве церкви Св. Архангела Михаила как особого дара императрицы Феодоры, см. Downey G. A History of Antioch... P. 525—526.

Отстроенная заново Антиохия была переименована в «Град Божий», Теополь, дабы подчеркнуть начало нового периода ее истории. Как пишет византийский хронист — Иоанн Малала: «Антиохия была переименована в Теополь по указанию Святого Симеона-чудотворца. Было найдено и в самой Антиохии следующее предсказание: „И ты, несчастный город, не будешь называться городом Антиоха“. Также и в анналах этого города была весть о переименовании города»⁸¹. Здесь стоит отметить, что по поводу переименования Антиохии существуют некоторые разночтения (в частности — переименовал ли Юстиниан город после землетрясения 528 г. или последующего персидского разорения и полной перестройки Антиохии). К тому же, невзирая на то, что традиция переименования города приписывалась св. Симеону Дивногорцу, даты жизни этого сирийского подвижника (521—598 гг.) свидетельствуют о том, что он в период перестройки Антиохии был еще молодым человеком, а в период великого землетрясения 529 г. — еще ребенком. Так или иначе, в ходе последующих веков старое название «Антиохия», постепенно вытеснило новое название, утвердившееся в правление Юстиниана.

Императором Юстинианом I были существенным образом перестроены и ближайшие к Антиохии портовые города, в частности — Селевкия (будущая гавань Св. Симеона) и Латакия, также пострадавшие от землетрясений и разорений. Иоанн Малала, в частности, упоминает о том, что Юстиниан «одарил божественной милостью антиохийцев, лаодикейцев и селевкийцев, облегчив им уплату налога на три года, пожаловав этим городам двести либр золота, а властителям их достоинство иллюстриев»⁸². В Латакии Юстиниан восстановил и великую церковь Св. Иоанна⁸³. Вполне вероятно, что именно эта церковь и оставалась кафедральным собором города на протяжении всего средневекового периода, хотя точно определить это уже невозможно.

В правление Юстиниана I Великого были основаны или существенно перестроены многие важнейшие церкви и монастыри

⁸¹ Ioannis Malalae. Op.cit. — P. 443—444. Русский перевод, см. Прокопий Кесарийский. Война с готами. Война с вандалами. Тайная история. — СПб: Алетейя, 1998. — С. 475.

⁸² Ioannis Malalae. Op.cit. — P. 444; Прокопий Кесарийский. Война с готами. Война с вандалами. Тайная история. — С. 475. См. также: Downey G. A History of Antioch... P. 528—529.

⁸³ Прокопий Кесарийский. О Постройках... — Книга V, гл. 9, 1, С. 103—104.

Сирии и Палестины. Так, Юстиниану приписывают повторное возведение Базилики Рождества Христова в Вифлееме, т. к. исконная постройка времен свв. Константина I и Елены была сожжена в 529 г., во время кровопролитного восстания самаритян. Согласно хронике Патриарха Евтихия Александрийского (X в.), Юстиниан направил своих представителей и зодчих в Палестину, откликнувшись на обращение преподобного Саввы Освященного, просившего василевса восстановить палестинские церкви, пострадавшие в ходе самаритянских восстаний. «Император Юстиниан приказал своему послу снести вифлеемскую церковь, которая была строением малым, и возвести на ее месте новую церковь, таких размеров и такой красоты, что даже храм в Иерусалиме не сравнится с ее великолепием. Посол императора прибыл в Иерусалим, где возвел странноприимный дом, завершил строительство Новой Церкви, восстановил церкви, сожженные самаритянами, и наконец — снес вифлеемскую церковь и возвел на ее месте новый храм, тот, который стоит там и поныне»⁸⁴. Правда, писавший в X в. Александрийский Патриарх приводит и полулегендарную историю о том, что Юстиниан был недоволен малыми размерами и убранством храма и даже велел казнить руководивших строительством⁸⁵. Сходным образом, Юстиниан принял меры и для укрепления палестинской лавры Св. Саввы Освященного. Сам св. Савва скончался как раз в правление Юстиниана (в 532 г.), незадолго до смерти направив императору вышеуказанное ходатайство о церквях Палестины. Так как основная часть монастырских построек, включая кафоликон, была воз-

⁸⁴ Eutychius Patriarcha Alexandrinus. Annales // PG Vol. 111. — Paris, 1873. — P. 1070—1071.

⁸⁵ Здесь нельзя не отметить, что хроника Евтихия является единственным источником, который приписывает перестройку базилики Рождества Юстиниану. Тот же Прокопий Кесарийский ни слова не говорит об этом деянии императора, подробно описывая другие его строительные проекты. Согласно его книге, в Вифлееме Юстиниан «восстановил стены и выстроил монастырь аввы Иоанна». См. Прокопий Кесарийский. О Постройках... — Книга V, гл. 9, 1, С. 103—104. Тем не менее, отталкиваясь как от текста Евтихия, так и от сохранившихся археологических свидетельств, можно смело утверждать, что действительно базилика Рождества была существенным образом перестроена в VI в., и эту перестройку ближневосточные христиане последующих веков связывали именно с Юстинианом. Подробнее об архитектуре базилики Рождества в Вифлееме, см. Shultz W., ed. The Church of the Nativity at Bethlehem. — London, 1910; Vincent H., Abel F.-M. Bethléem. Le Sanctuaire de la Nativité. — Paris, 1914; Harvey W. Structural Survey of the Church of the Nativity in Bethlehem. — London, 1935.

двигнута еще на рубеже V-VI вв.⁸⁶, Юстиниан приказал возвести крепостные стены и башни вокруг Лавры Св. Саввы Освященного — защитив тем самым монастырь, который впоследствии, на протяжении многих веков, играл важнейшую роль в истории православного Востока. Самая высокая из монастырских башен по сей день именуется «башней Юстиниана»⁸⁷.

Важнейшим актом Юстиниана следует считать основание монастыря Св. Екатерины на Синае (до IX в., т. е. до обретения мощей св. Екатерины Александрийской, известного как монастырь Преображения). Именно Юстиниан положил начало объединению синайских отшельников и монахов в единую обитель, возведя у подножия горы первые церкви — не сохранившуюся церковь Пресвятой Богородицы, о которой пишет Прокопий Кесарийский⁸⁸, и кафоликон монастыря — базилику Преображения. Заботясь о безопасности монастыря, император велел обнести формировавшуюся у склонов Синая обитель крепостными стенами. Фундамент и некоторые фрагменты стен действительно выдают работу мастеров VI в. Также, для защиты обители от кочевавших по Синаю бедуинских племен, император приказал содержать при монастыре гарнизон из 300 воинов, прислав сотню из Египта и две сотни из Фракии⁸⁹. Как пишет тот же Прокопий,

⁸⁶ Основные строительные работы, в том числе возведение кафоликона — собора Пресвятой Богородицы — были завершены к 501 г.

⁸⁷ Хотя по поводу датировки укреплений, и тем более — по поводу датировки и аутентичности приписываемой Юстиниану надписи на «Башне Юстиниана», идут постоянные споры. Подробнее, см. Patrich J. A Sabas, Leader of Palestinian Monasticism. A Comparative Study in Eastern Monasticism, Fourth to Seventh Centuries. — *Dumbarton Oaks*, 1995. — P. 63—66.

⁸⁸ «На этой горе Синае живут монахи, жизнь которых заключается в непрерывных размышлениях о смерти; ничего не боясь, они наслаждаются дорогой для них пустыней. Так как они ничего не желают, и выше всяких человеческих страстей ни о каком стяжании не заботятся и не ухаживают за своим телом и во всех остальных отношениях не хотят себе никакой пользы, то император Юстиниан выстроил для этих монахов церковь во имя Богородицы, чтобы они могли проводить свою жизнь, молясь в этой церкви и совершая священнослужение. Эту церковь он выстроил не на самой вершине горы, но много ниже: человеку невозможно проводить ночь на вершине этой горы, так как там в течение ночи слышатся постоянные шумы и всякие другие вызывающие религиозный страх явления, поражающие ужасом ум и волю человека». См. Прокопий Кесарийский. О Постройках... — Книга V, гл. 8, 4—8, С. 103—104.

⁸⁹ Росси К. Сокровища монастыря Св. Екатерины на Синае. — М.: Мagma, 2007. — С. 56—57.

«У подошвы этой горы император построил очень сильное укрепление и поместил здесь значительный военный гарнизон, чтобы варвары-сарацины не могли отсюда совершенно незаметно ворваться в области Палестины, так как страна эта, как я сказал, была пустынна»⁹⁰. Естественно, практика содержания при монастыре постоянного ромейского гарнизона сошла на нет с последовавшим арабским завоеванием Леванта. В 550 г., в память о скончавшейся двумя годами ранее императрице Феодоре, Юстиниан I возвел кафоликон монастыря — Базилику Преображения, украшение которой доверил лучшим константинопольским мозаичистам. Сохранившаяся в конхе апсиды мозаика с образом Преображения Господня является одним из наиболее ярких памятников византийского искусства эпохи Юстиниана⁹¹. То, что возведение стен и кафоликона монастыря Св. Екатерины (Преображения) было делом рук Юстиниана, и что василевс связывал основание обители с поминовением своей горячо любимой жены — Феодоры, отражено в надвратной надписи перед главным входом в монастырь. «С оснований воздвигнут сей священный монастырь Синайской горы, где Бог беседовал с Моисеем, смиренным василевсом ромеев Юстинианом в вечное поминовение его и супруги его Феодоры, и окончен после тридцатого года царствования его»⁹².

К эпохе правления Юстиниана I возводят свое основание и некоторые прославленные сирийские обители, такие как монастырь Богородицы в Сайданае, к северу от Дамаска, и монастырь Св. Георгия аль-Хумайра, расположенный на полпути между Эмесой (Хомсом) и Тартусом⁹³. В случае с монастырем Св. Георгия, о какой-либо связи с эпохой Юстиниана I можно говорить только на уровне местных преданий; древнейшие сохранившиеся постройки на территории монастыря относятся к эпохам арабского и франкского правления, о чем будет сказано ниже. Что касается монастыря Пресвятой Богородицы Сайданая, то здесь мы также встречаем лишь достаточно позднее предание о том, что Юстиниан, во время своего пребывания в Си-

⁹⁰ Прокопий Кесарийский. О Постройках... — Книга V, гл. 8, 9, С. 103—104.

⁹¹ Росси К. Сокровища монастыря Св. Екатерины... С. 63, 74—75.

⁹² Порфирий (Успенский). Второй путешествие архимандрита Порфирия Успенского в Синайский монастырь в 1859 году. — СПб.: Типография Морского Кадетского Корпуса, 1856. — С. 244.

⁹³ Betts R.B. The Southern Portals of Byzantium... — P. 19, 177.

рии, охотился в горах Каламун, и что лань, которую он преследовал, обратилась в Пресвятую Богородицу, которая велела ему возвести на этом месте монастырь. Само название «Сайданая», при всех разночтениях и спорах, скорее всего означает «место охоты»⁹⁴. Несмотря на это явно легендарное и не встречающее подтверждений в византийских источниках предание, существуют некоторые свидетельства того, что обитель вела свое существование с позднеантичных времен. К примеру, сохранились упоминания о роскошной напольной мозаике, украшавшей кафоликон монастыря, что, опять же, является элементом, характерным для храмового зодчества VI в.

Малороссийский паломник и путешественник XVIII в. В.И. Григорович-Барский посещал обитель Сайданаи и видел ее древний собор (впоследствии разрушенный во время дамасской резни христиан в 1860 г.). Восхищаясь красотой этой церкви, Григорович-Барский прямо сравнивает кафоликаны Сайданаи и монастыря Св. Екатерины на Синае, отмечая их общее происхождение и единого ктитора — Юстиниана. В описаниях Григоровича-Барского кафоликон Сайданаи — храм Рождества Пресвятой Богородицы, предстает как прекрасно построенная базилика, прямо напоминающая синайскую базилику Преображения, но превосходящая ее в величии и красоте⁹⁵. Приведенное малороссийским путешественником описание дает представление и об убранстве церкви — о напольной мозаике, сохранившейся лишь в алтарной части, о роскошном иконостасе, о пяти престолах базилики — главном, покрытом киворием, в честь Рождества Богоматери, и четырех малых (освященных в честь св. Иоанна Богослова, св. Николая, св. Архангела Михаила и св. Иакова). Паломнические описания Сайданаи и сопряженные с монастырем предания ясно свидетельствуют о том, что православные Сирии на протяжении многих веков стремились сохранять, порой пусть и вымышленную, связь своих обителей и церквей с постройками великого императора Юстиниана I; и это со всей яркостью подчеркивает подлинную культурную связь православных Леванта с византийским

⁹⁴ Подробнее см. Slim S., ed. *Monasteries of Antiochian Orthodox Patriarchate*. — University of Balamand Publications, 2007. Цитата приведена по английскому переводу книги, см. интернет-ресурс: *The Greek Orthodox Patriarchate of Antioch and all the East* [Официальный сайт]. URL: <http://antiochpatriarchate.org/en/page/146/>

⁹⁵ Григорович-Барский В.И. *Странствования по Святым местам Востока*. — М.: ИИПК «ИХТИОС», 2005. — Часть II, С. 89—90.

миром. Так, благодаря многовековому процессу эллинизации и христианизации, в сочетании с постройками императора Юстиниана в VI в., Сирия постепенно стала частью того разнородного, но все же характерно *византийского* пространства, к которому принадлежали Малая Азия, южная и северо-восточная Италия, Балканы, Александрия и Константинополь.

III. Арабское завоевание Ближнего Востока

Второе тридцатилетие VII в. ознаменовало для Сирии, как и для всего Леванта, начало новой эпохи — эпохи великих арабских завоеваний, когда объединенные молодой религией племена Аравийского полуострова обрушились на ослабевшие после войны 602—629 гг. великие державы Востока — Сасанидскую Персию и Ромейскую империю. Ранние набеги принявших ислам арабов в византийскую Палестину, начавшиеся в 633—634 гг., вскоре привели к первому серьезному поражению ромеев — битве при Дафине, близ Газы (4 февраля 634 г.). Тогда ромейский отряд, выступивший против арабов под началом имперского наместника Сергия, был практически полностью уничтожен; сам Сергий вместе с тремя сотнями воинов пал в сражении⁹⁶. Тогда же халиф Абу Бекр санкционировал первое широкомасштабное вторжение арабов-мусульман в пределы империи с целью начать полноценное завоевание ближневосточных провинций Ромейской державы. В мае 634 г. арабы, под началом Халида ибн аль-Валида, заняли сирийскую Босру — первый из византийских городов, подпавший под власть мусульман⁹⁷. Как об этом писал арабский историк Аль-Табари, «И открыл Бог Босру мусульманам, и она была первым из городов, завоеванных в Сирии»⁹⁸.

⁹⁶ Как пишет в своей хронике Феофан Исповедник: «Сергий с немногими воинами едва пришел, вступил в сражение и первый был убит с тремястами воинов». См. Феофан Исповедник. *Летопись византийца Феофана*. — М.: Университетская типография М. Каткова, 1884. — С. 247. Подробнее, см. Kaegi W.E. *Byzantium and the Early Islamic Conquests*. — Cambridge, 1995. — с. 5, P. 88—94.

⁹⁷ Описание взятия Босры, см. Aḥmad ibn Yaḥyá al-Balādhurī. *The Origins of the Islamic State*. — New York, 1916. — P. 173.

⁹⁸ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 125.

Ромейская армия, высланная императором Ираклием против арабов и доверенная командованию императорского брата — Феодора, была в июне 634 г. наголову разбита в битве у Аджнадайне, на землях Палестины. Византийские источники отдельно не описывают битву у Аджнадайне, однако Феофан Исповедник упоминает о поражении царского брата: «умер Абубахарос (т. е. Абу Бекр. — С. Б.), бывши эмиром два года с половиною, и начальство его принял Омар (Умар ибн Хаттаб. — С. Б.), который взял город Востру со многими другими городами и проникнул до Гавифы. Феодор, брат царя Ираклия сразился с ним, был побежден и убежал к брату своему в Эдессу»⁹⁹. Весть о поражении армии брата ромейского василевса облетела христианский мир. Писавший спустя тридцать лет франкский хронист Фредегар отмечал, что в этом сражении погибло «до 150,000 римских воинов»; известие, естественно, нарочито преувеличенное — но крайне показательно передающее впечатление от внезапного поражения империи¹⁰⁰. Окрыленный этими успехами, новый халиф и преемник Абу Бекра — Умар ибн Хаттаб велел продолжить завоевания византийских территорий. Последовало новое, победоносное для арабов сражение с ромеями в битве у Мардж аль-Саффар, открывшее мусульманам путь к Дамаску. В 635 г., после многомесячной осады, армия Халида ибн аль-Валида и Абу Убайда ибн аль-Джарраха вошла в Дамаск.

Император Ираклий, находясь в то время в северной Сирии (в Антиохии и Эдессе), снаряжал все возможные силы для борьбы с армиями ислама. Свежие войска были собраны в северной Сирии, Анатолии и Армении. Евтихий Александрийский оставляет описание попыток императора Ираклия стянуть для войны с мусульманами максимальные силы, привлекая не только контингенты ромеев, но армянские войска и многочисленные племена арабов-христиан. По словам Евтихия, Ираклий «отправился из Химса в город Антиохию, вытребовал солдат и стянул к себе нечистокровных арабов, гассанитов, джузамитов, кельбитов, лахмитов и всех, каких только мог, бедуинов и армян»¹⁰¹. Вскоре арабы должны были пред-

⁹⁹ Феофан Исповедник. Указ. соч. — С. 248.

¹⁰⁰ Подробнее, см. Kaegi W.E. Byzantium and the Early Islamic Conquests... — с. 5, P. 98—103. Цитата приведена по Ibid. — P. 98. Также см. Aḥmad ibn Yaḥyā al-Balādhurī. Op.cit. — P. 174—175.

¹⁰¹ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 273.

принять временное отступление перед лицом многочисленной христианской армии, вышедшей из Эдессы и Антиохии под началом магистра Феодора Тритурия (Феодора Сакеллария) и армянского военачальника Ваана. Однако это не принесло ожидаемого результата. Ромеи дважды потерпели поражение в битвах у Пеллы и Дамаска (635 г.), после чего арабы вновь перешли к планомерному завоеванию сирийских городов.

На рубеже 635—636 г. мусульманские войска Абу Убайда ибн аль-Джарраха встали лагерем перед стенами Эмесы (Хомса). Согласно книге «Завоевание стран» багдадского историка Белазури, «Народ Хомса капитулировал и он (Абу Убайда ибн аль-Джаррах. — С. Б.) гарантировал им безопасность их жизни, имущества, городских стен, церквей и колодцев, за исключением четверти церкви Св. Иоанна, которую надлежало обратить в мечеть. Он также выдвинул условие, согласно которому те, кто не примет ислама, отныне обязаны выплачивать харадж»¹⁰². После сдачи Эмесы капитулировали и другие сирийские города, лежавшие на Оронте, в том числе Епифания (Хама), Ларисса (Шейзар) и Апамея. Описание этого также можно найти у Белазури: «Оставив Хомс (...) он (Абу Убайда ибн аль-Джаррах. — С. Б.) продолжил движение к Хаме, жители которой встретили его с изъяснением покорности. Он заключил с ними договор, согласно которому они обязались платить подать с души и харадж с земли. Оттуда он проследовал к Шейзару. Жители Шейзара выступили к нему, в сопровождении певцов и музыкантов, игравших на тамбуринах. Они склонились перед ним и составили договор на тех же условиях, что и жители Хамы»¹⁰³. Сходным образом Абу Убайда ибн аль-Джаррах занял Маарат ан-Нуман и Апамею.

Исход противоборства Ромейской империи и зарождавшегося исламского халифата был решен в битве на реке Ярмук, летом 636 г. Армии мусульман и христиан встретились в долине между поселением Джабия и реками Вади аль-Рукад и Ярмук, на склонах Голанских Высот. Христианское войско, состоявшее из ромеев, армян и арабов-христиан племени Гассанидов и насчитывавшее от 15,000 до 40,000 воинов, выступило под командованием магистра Феодора Тритурия (Сакеллария), Ваана и шейха Джабал ибн аль-Айхама. Уступавшая

¹⁰² Aḥmad ibn Yaḥyá al-Balādhurī. Op.cit... — P. 201.

¹⁰³ Aḥmad ibn Yaḥyá al-Balādhurī. Op.cit. — P. 201—202.

им по численности мусульманская армия также шла под началом нескольких вождей, но верховное командование, в канун сражения, было доверено Халиду ибн аль-Валиду. Согласно Аль-Табари, христианское войско достигало ста тысяч человек, «в числе которых было двенадцать тысяч армян, которыми предводительствовал Джараджа: и было с ними из нечистокровных арабских племен, гассанитов и тех куда'итских племен, двенадцать тысяч под предводительством гассанита Джебелы. Остальная часть его войска состояла из румов. Всем войском командовал Сакелларий, евнух Ираклия. И пошли на них мусульмане, которых было двадцать четыре тысячи и которыми командовал Абу-'Убейда-ибн-Джаррах. Они встретились при Ярмуке в Раджебе 15 года (9 авг.-7 сент. 636 г. п. Р. Х.), и войска вступили в ожесточенный бой»¹⁰⁴. По приказу Феодора Сакеллария, ромейские пехотинцы, дабы удержать строй, были буквально связаны друг с другом, выстроившись на склонах ущелья.

Описание сражения на реке Ярмук можно привести по тексту Аль-Табари: «Место, где они сражались, было удобным для обороны и неудобным для бегства. Всадники румов, найдя себе проход, бежали через него, оставляя пехоту там, где она была выстроена; и лошади быстро понесли их по равнине (...) Когда мусульмане увидели, что конница румов направились, чтобы бежать, то расступились перед ней, и не помешали им, и она убежала и рассеялась в разные местности. И напал Халид с мусульманами на пехоту, опрокинул ее и точно прорвал плотину. Враги ринулись в свой окоп, Халид ворвался в него за ними; они направились к ал-Вакусе, и попадали в нее те, которые были связаны, и другие. Некоторые из связанных продолжали сопротивляться; иной, струсивший, падал в пропасть и один увлекал за собой десятерых, которые не могли удержать его. Всякий раз как падали двое, остальные оказывались слишком слабыми, чтобы удержаться»¹⁰⁵. Писавший много лет спустя византийский хронист Феофан Исповедник оставил следующее описание этого великого поражения ромеев: «Южный ветер дул против римлян, и от сильной пыли они не могли видеть врагов и были разбиты, бросались с крутых берегов в реку Иермохфу и здесь почти все погибли. У двоих полководцев (Феодора Сакеллария и Ваана. — С. Б.)

¹⁰⁴ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 62.

¹⁰⁵ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 2099.

было сорок тысяч войска»¹⁰⁶. Как отмечает в своем исследовании Джон Хэлдон, «Имперская армия на Ближнем Востоке прекратила свое существование, и хотя полевые армии Востока и Армении, отдавшие ей свои части, сохранили боеспособность, но сильно уменьшились в численности, и о воссоздании фронта в Палестине и Сирии для эффективного сопротивления арабам уже не могло быть и речи. Только отдельные гарнизоны крепостей и хорошо укрепленных городов могли еще как-то держаться. Полевым войскам император Ираклий приказал впредь всячески уклоняться от сражений»¹⁰⁷.

Здесь нельзя не отметить, что сам император Ираклий — один из величайших венценосных полководцев Византии, государь, добившийся победоносного исхода в войне с Сасанидской Персией (602—628 гг.), лично одерживавший великие победы в многомесячных тяжелых кампаниях и великих сражениях, подобных битве при Ниневии (627 г.), василевс, чьи победы отражены даже в великом праздновании Воздвижения Креста Господня, — ни разу лично не выступил против арабов-мусульман¹⁰⁸. В решающие годы борьбы за сирийские и палестинские земли он находился на Ближнем Востоке, преимущественно — в Эдессе, Антиохии и Эмесе, однако командование войсками последовательно доверял другим полководцам — то своему брату Феодору, то Феодору Саккеларию, то Ваану. Он совершил лишь один значимый выезд из Эдессы на юг, в Иерусалим — ближе к театру военных действий, но не для участия в походе, а для того, чтобы вывести из Святого Града в Константинополь некогда спасенную и возвращенную им реликвию — Животворящее Древо Креста Господня¹⁰⁹. Тогда же, как уже было сказано выше в приведенной

¹⁰⁶ Феофан Исповедник. Указ. соч. — С. 248.

¹⁰⁷ Хелдон Д. Византийские войны. — М.: Вече, 2007. — гл. «Сражение при Джабия-Габита на реке Ярмук», С. 319—330. См. также Kaegi W.E. Byzantium and the Early Islamic Conquests... — с. 6, P. 112—146; Nicolle D. Yarmuk 636 AD. The Muslim Conquest of Syria. — Oxford, 1994.

¹⁰⁸ Напомним, что праздник Воздвижения Креста Господня, отмечаемый православными, католиками и Древними Восточными Церквями, связан не только с обретением Животворящего Древа императрицей Еленой, но и возвращением похищенной персами святыни из Ктесифона в Иерусалим императором Иракием (629 г.).

¹⁰⁹ Как писал Феофан: «Ираклий оставил Сирию как бы в отчаянии и взявши честныя древа возвратился в Константинополь». См. Феофан Исповедник. Указ. соч. — С. 248.

цитате Дж. Хэлдона, император фактически запретил ромеям вступать в открытые полевые сражения с арабами. Этот приказ Ираклия отражен в нескольких текстах, в том числе и в хронике мелькитского епископа Агапия Иерапольского: «Когда Ираклий, находившийся в то время в Антиохии, увидел поражение ромеев и узнал о том, что арабы сотворили с персами, он был охвачен яростью и негодованием, и был совершенно поражен горем. Он написал в Египет, Сирию, Месопотамию и Армению, приказывая всем более не вступать в открытый бой с арабами и не противиться более воле Божьей; ибо, говорил он, Господь Всемогущий послал эти бедствия на нас»¹¹⁰. Отбытие императора Ираклия в Константинополь и разгром христианского войска на реке Ярмук открыли армиям халифата путь к необратимым, победоносным завоеваниям в Леванте. Как сказано в хронике Феофана: «Сарацины, одержавши эту знаменитую победу, пошли к Дамаску, взяли его, пришли в Финикию и здесь вселились; потом пошли против Египта»¹¹¹. Из всех городов Палестины, упорное сопротивление арабам оказали лишь Иерусалим и сохранявшая морское сообщение с империей Кесария. Однако и Иерусалим, весной 637 г., открыл врага перед халифом Умаром ибн Хаттабом¹¹². После сдачи Иерусалима, арабская армия, под верховным командованием Абу Убайда ибн аль-Джарраха (которого сопровождал Халид ибн аль-Валид), выступила на север — к еще непокоренным территориям византийской Сирии. Новое сокрушительное поражение ромеев и арабов-христиан в битве у Хазира (июнь 637 г.), близ Киннастрина, фактически свело на нет шансы империи на удержание северной Сирии.

Греко-римская Вероя, со времен установления арабского владычества более известная как Алеппо, сдалась после кратковременной

Об этом печальном парадоксе византийской истории и биографии императора Ираклия писали многие авторы, от Л. Драпейрона до Ф.И. Успенского, до Рансимена. Здесь можно указать и на два биографических исследования, посвященных Ираклию — «классическое» Луи Драпейрона и современное Уолтера Каеджи: см. Drapieron L. *L'empereur Héraclius et l'empire byzantin au VIIe siècle.* — Paris, 1869; Kaegi W.E. *Heraclius. Emperor of Byzantium.* — Cambridge, 2003.

¹¹⁰ Vasiliev A., ed. & trans. *Histoire universelle, écrite par Agapius (Mahboub) de Menbidj // PO Vol. 8.* — Paris, 1912. — P. 471.

¹¹¹ Феофан Исповедник. Указ. соч. — С. 248.

¹¹² Об обстоятельствах сдачи Иерусалима будет подробно сказано ниже. См. ниже. — С. 100—105.

осады в октябре 637 г. Как повествует Белазури, Абу Убайда «встал лагерем вокруг города; однако не успел он этого сделать, как народ выступил, чтобы капитулировать и заключить договор о безопасности их жизни, имущества, городских стен, домов и цитадели. Все это было им даровано, однако было выдвинуто требование — чтобы они выделили место для строительства мечети»¹¹³. Покорив Алеппо, Абу Убайда ибн аль-Джаррах повел свою армию, вслед за христианами беженцами, к Антиохии. Ромеи встретили арабов-мусульман на подступах к городу, на переправах у Железного Моста (возведенного из железа, укрепленного двумя башнями моста через Оронт, к северу от Антиохии). В ходе битвы у Железного Моста ромеи были разбиты, а Антиохия — принуждена к сдаче: «в двух парасангах от Антиохии вражеские войска встретили его (Абу Убайда ибн аль-Джарраха. — С. Б.); он разбил их, заставив искать убежища в городе. Абу Убайда окружил город, поставив войска у всех врат (...). В конце концов, румы капитулировали, согласившись либо платить подать, либо покинуть эти земли»¹¹⁴. Как кратко сообщает Агапий Иерапольский: «Арабы взяли Антиохию и пленили жителей окрестных земель и полей»¹¹⁵. Спустя четыре года, в 641 г., перед арабами открыл ворота и другой великий христианский город Сирии — Эдесса. Согласно хронике Феофана: «Иадос (т. е. арабский военачальник Йад ибн Гамм) перешел со всем войском за Евфрат и взял Эдессу. Эдессинцы отворили ему врата и сдались на честное слово со всею своею страной, с военачальником и с римлянами, которыми он предводительствовал»¹¹⁶. В 40-х гг. VII в. арабские войска вошли в Киликию, восточную Анатолию, вторглись в Армению, покорили последние портовые города сиро-ливанского побережья, заняли Египет и, после продолжительной осады, вошли в Александрию (641 г.)¹¹⁷. В 649 г. арабы совершили и первую значимую морскую экс-

¹¹³ Aḥmad ibn Yaḥyá al-Balādhurī. Op.cit. — P. 226.

¹¹⁴ Aḥmad ibn Yaḥyá al-Balādhurī. Op.cit. — P. 227.

¹¹⁵ Vasiliev A., ed. & trans. Histoire universelle, écrite par Agapius (Mahboub) de Menbidj... — P. 476.

¹¹⁶ Феофан Исповедник. Указ. соч. — С. 250. См. также: Vasiliev A., ed. & trans. Histoire universelle, écrite par Agapius (Mahboub) de Menbidj... — P. 477.

¹¹⁷ Об отступлении византийских войск из пределов Леванта, см. Kaegi W.E. Reflections on the Withdrawal of Byzantine Armies from Syria. // La Syrie de Byzance

педицию, кратковременно заняв Кипр¹¹⁸. Для Сирии и всего Ближнего Востока эпоха эллинизации и христианизации сменились эрой исламизации и арабизации. Однако эти процессы отнюдь не были столь же стремительными, как само арабское завоевание.

à l'Islam VIIe-VIIIe siècles. — Damas, 1992. — P. 265—280.

¹¹⁸ Впоследствии Кипр неоднократно переходил из рук в руки, а со времен договора императора Юстиниана II Ринотмита и халифа Абд аль-Малика I (т. е. с 688 г.), остров находился под совместным правлением (вернее — в общей финансовой зависимости) как от Ромейской державы, так и от халифата. Подобное положение, с редкими исключениями (к примеру — с кратковременным полным подчинением острова ромеям при императоре Василии I Македонянине), сохранялось вплоть до правления императора Никифора II Фоки (963—969 гг.). Подробнее, см. Kyrris C.P. *The Nature of the Arab-Byzantine Relations in Cyprus* // *Graeco-arabica*. — 1984. — №3. — P. 149—175; Jenkins R.J.H. *Cyprus between Byzantium and Islam, A. D. 688—965* // Mylonas G.E., *Studies Presented to David Moore Robinson*. — St. Louis, 1952. — Vol. II, P. 1006—1014.

Глава II

Христиане и халифат

I. Христианское население средневекового Востока

Люди Писания и Дар-аль-Ислам

Первые арабские халифы отнюдь не стремились «очистить» Восток от христиан; они чтити запрет Пророка Мухаммеда на насильственное обращение «Людей Писания». Среди стихов и сур Корана, посвященных «Людям Писания», т. е. христианам и иудеям, можно привести 62-й стих суры «Корова»: «Поистине, те, которые уверовали, и те, кто обратились в иудейство, и христиане, и сабии, которые уверовали в Аллаха и в последний день и творили благое, — им их награда у Господа их, нет над ними страха, и не будут они печальны» (Кор. 2:62). Можно вспомнить стихи из суры «Семейство Имрана»: «среди обладателей писания есть община стойкая: они читают знамения Аллаха в часы ночи, совершая поклонение. 114. Они веруют в Аллаха и последний день приказывают одобряемое и удерживают от неодобряемого. Они спешат друг перед другом в совершении благого; они — праведники» (Кор. 3: 113—114). Или, наконец, слова из суры «Паук»: «И не препирайтесь с обладателями книги, иначе как чем-нибудь лучшим, кроме тех из них, которые несправедливы, и говорите: „Мы уверовали в то, что ниспослано нам и ниспослано вам. И наш Бог и ваш Бог один, и мы Ему предаемся“» (Кор. 29: 46). Конечно же, вопрос о «Людях Писания» и в истории, и в исламской теологии отнюдь не однозначен. В Коране есть суры и стихи, которые, при определенной трактовке, открывают путь к теологическому обоснованию гонений на христиан и иудеев (к примеру, стихи 72—77 суры «Трапеза», или стихи 110—112 из уже приведенной выше суры «Семейство

Имрана»). Но и в суре «Трапеза» есть слова о том, что из всех конфессий — христиане (в противовес иудеям и язычникам) ближайшие к вере и благочестию мусульман¹¹⁹.

Изречения Пророка стали основой для мирного сосуществования мусульман с христианами и иудеями (а также, на персидских землях — с зороастрийцами). Люди Писания образовали класс «зимми», т. е. «защищенных» или «охраняемых» немусульман, получавших на землях ислама (Дар аль-ислам) гарантии безопасности и свободы исповедания своей веры, при условии выплаты необходимой подати — джизьи и соблюдения нескольких (точнее — шести) условий, в том числе — обязательного запрета на обращение мусульман в свою веру, запрета на брак с мусульманскими женщинами, запрета на провозглашения «хулы» на Пророка, Коран и Ислам как таковой. Так, учение Пророка о «Людях Писания» и зимми, которому бережно следовали первые халифы, начиная с Умара ибн Хаттаба, подразумевало не истребление или насильственное обращение христиан, но определенное ограничение их прав, что открывало путь к эволюционной, а не насильственной исламизации. В пределах Дар аль-ислам, на землях Арабского халифата, были созданы все условия для мирного, в достаточной мере — благополучного, хоть и отнюдь не равноправного существования зимми, в первую очередь — ближневосточных христиан.

Христиане Востока: миафизиты, марониты, несториане

На протяжении нескольких столетий, минувших со времен арабского завоевания, значительная часть населения Ближнего Востока оставалась христианской. С одной стороны, Левант населяли

¹¹⁹ «Ты, конечно, найдешь, что более всех людей сильны ненавистью к уверовавшим иудеи и многобожники, и ты, конечно, найдешь, что самые близкие по любви к уверовавшим те, которые говорили: „Мы — христиане!“ Это — потому, что среди них есть иереи и монахи и что они не превозносятся. А когда они слышат то, что низведено посланнику, то ты видишь, как глаза их переполняются слезами от истины, которую они узнали. Они говорят: „Господи наш! Мы уверовали, запиши же нас с исповедниками! И почему нам не верить в Аллаха и в то, что пришло к нам из истины, раз мы желаем, чтобы ввел нас наш Господь с людьми праведными?“ И вознаградил их Аллах за то, что они говорили, садами, где внизу текут реки, — вечно пребывающими они будут там. И это воздаяние делающим добро» (Кор. 5: 82—85).

многочисленные общины христиан-миафизитов¹²⁰, отошедших от

¹²⁰ Здесь стоит прояснить причины нашего отказа от использования слова «монофизит» и замены его определением «миафизит». Последнее определение берет свое начало от христологической формулы св. Кирилла Александрийского: «μία φύσις τοῦ θεοῦ λόγῳ σεσαρκωμένη» («Единая природа Бога-Слова воплощенная»). Этой формулы в неизменном виде ныне придерживаются шесть т. н. Древних Восточных Православных Церквей: Армянская Апостольская, Коптская, Сирийская (Сиро-яковитская), Маланкарская, Эфиопская и Эритрейская. Хотя, конечно же, ни в коей мере не следует считать, что после Халкидонского собора от кафолической Церкви отошли эти шесть, словно бы уже сформировавшихся национальных Церквей. Постановления Халкидона отвергла подавляющая часть египетских христиан, а также христиане Нубии и Эфиопии. В Иерусалимской и Антиохийской Церквях собор вызвал крайне болезненный раскол. В Иерусалиме он закончился победой халкидонитов, в Антиохийском Патриархате — перманентным разделением на две параллельные Церкви (миафизитскую и халкидонскую). Триада кавказских Церквей — Армянская, Грузинская и Албанская — в принципе не приняли постановлений собора, в том числе потому, что их представители не были приглашены. Впоследствии, в VII в., Грузинская Церковь приняла догмат о двух природах и перешла к «халкидонитам», в то время как Албанская Церковь, следуя нарастающему влиянию Армянской, окончательно утвердилась в миафизитстве. Наконец, Маланкарская Церковь Индии появилась лишь в XVII в., образовавшись из той части индийских христиан Св. Фомы, которые приняли миафизитскую доктрину и вступили в общение с сиро-яковитами.

Православная и католическая Церкви отнюдь не отвергают христологию св. Кирилла, однако на Халкидонском соборе (451 г.), отталкиваясь от томоса св. Папы Льва I Великого, византийские богословы скорректировали христологическую формулу, исповедуя две природы Христа (божественную и человеческую), пребывающие в единстве, «нераздельно, неслиянно, неизменно». Дословно: «следуя святым Отцам, все мы единогласно учим, что Господь наш Иисус Христос есть один и тот же Сын, один и тот же совершенный по Божеству и совершенный по человечеству, истинный Бог и истинный Человек, один и тот же, состоящий из словесной (разумной) души и тела, единосущный Отцу по Божеству и тот же единосущный нам по человечеству, подобный нам во всем, кроме греха; рожденный от Отца прежде веков по Божеству, но Он же рожденный в последние дни ради нас и нашего спасения от Марии Девы и Богородицы по человечеству; один и тот же Христос, Сын, Господь, Единородный, познаваемый в двух природах неслиянно, неизменно, нераздельно, неразлучно; различие Его природ никогда не исчезает от их соединения, но свойства каждой из двух природ соединяются в одном лице и одной ипостаси так, что Он не рассекается и не разделяется на два лица, но Он один и тот же Сын Единородный, Бог Слово, Господь Иисус Христос». В то же время византийские и латинские богословы отождествили тех христиан Востока (коптов, сирийцев, клир и паству закавказских Церквей), кто не желал признать Халкидонский собор и каких-либо «пояснений» к христологии св. Кирилла Александрийского с «монофизитством», т. е. с учением об одной, божественной природе Христа, в то время как сами миафизиты исповедуют не одну, а единую природу, в которой божественное и человеческое пребывает во всей нераздельности и полноте.

Протопресвитер Иоанн Мейендорф, в своей монографии «Единство империи и разделение христиан», рассуждая о термине «монофизит» и его употреблении

«кафолической» (т. е. латинской/византийской) Церкви после IV Вселенского (Халкидонского) собора¹²¹ К числу миафизитов принадлежали копты, составлявшие подавляющее большинство христианского населения Египта, и значительное число христиан-сирийцев, часто именуемых «сиро-яковитами»¹²². Кроме того, миафизитское христианство процветало к югу от Египта — на землях Нубии (где до XIV-XVI вв. располагались христианские царства Макурии и Альвы) и Эфиопии. В X-XI вв. северный Левант пережил и массовый приток армян-миафизитов, бежавших из разоренных ромеями и тюрками пределов Закавказья. Обособленную этноконфессиональную группу составляли марониты, отошедшие от общения с другими христианскими Церквями и укрепившиеся в высокогорьях Ливана. К востоку, в Персии, Средней Азии и даже Китае распространились осужденные III Вселенским собором (431 г.) и отверженные как «кафолическими», халкидонскими христианами, так и миафизитами несториане. Несторианский католикос распространял свою архипастырскую власть

в отношении восточных Церквей, приходит к следующему выводу: «Наука, начиная с XIX в., единодушно признавала их верность Преданию и христологии, оставшейся по существу Кирилловой, что и было блестяще подтверждено на недавних собраниях богословов (речь идет о двусторонних консультациях и встречах 1964—1965 гг. — С. Б.). В настоящее время становится все труднее прилагать термин „монофизиты“ к этим древним церквям, поскольку термин этот в процессе столетиями длившейся полемики приобрел уничижительный смысл. Если мы и употребляли его, то лишь за неимением никакого другого адекватного названия...». См. Мейендорф И. Единство империи и разделение христиан. — М.: изд. ПСТГУ, 2012. — С. 495—496.

Учитывая, что определение «монофизит» является откровенно полемическим термином (перекочевавшим в светскую историографию из византийских и латинских полемических текстов), которое к тому же неточно отражает особенности христологии до-халкидонских, Древних Восточных Церквей, мы, в данной работе, будем употреблять в отношении к сиро-яковитам, армянам и коптам определение «миафизиты», т. к. оно является и более точным, и более корректным.

¹²¹ Под «кафолической» (Καθολικὴν/Catholicam) Церковью мы подразумеваем ту Церковь, которая признавала халкидонскую христологию и определения семи Вселенских соборов. Эта Церковь, на протяжении первого тысячелетия, объединяла верующих Римской Церкви, Константинопольского Патриархата, а также мелькитских патриархатов Александрии, Иерусалима и Антиохии. Говорить об этой Церкви как о «кафолической», на наш взгляд, более корректно, чем как о «католической» (прямой синоним) или о «православной», т. к. ныне эти синонимы чаще всего, и к глубочайшему сожалению, используются как противопоставления.

¹²² По имени миафизитского епископа Эдессы — Иакова Бараддаёй (ум. в 578 г.), восставившего практически уничтоженную миафизитскую иерархию на землях Сирии.

и на «христиан Св. Фомы», сохранявших свои земли на юге Индии, в Западных Гхатах. Но не менее значимым для Ближнего Востока было присутствие православных (ορθόδοξος) христиан, державшихся канонов кафолической, халкидонской Церкви и сохранявших теснейшие религиозные и культурные связи с Ромейской империей. Эта группа была представлена греко-, сиро- и арабоязычными «мелькитами», армянами-халкидонитами и притекавшими на земли Сирии и Палестины грузинскими паломниками и монахами.

***Православные христиане средневекового Леванта —
вопросы идентичности***

Идентичность кафолических, православных христиан Ближнего Востока была неразрывно связана с Византией, с христианской державой ромеев, частью которой они себя воспринимали. Связь эта нашла свое наиболее явственное воплощение в этнонимах, которые они принимали. Основным этнонимом православных Сирии, Палестины и Египта (так же, как и их византийских единоверцев) было «ромей» (греч. ρωμαίοι), т. е. «римлянин»¹²³. Примечательно, что арабо-мусульманские авторы также применяли к православным жителям Византии и Ближнего Востока именно этот этноним, называя их «римлянами» (румами)¹²⁴. Другим, не менее знаковым этнони-

¹²³ Здесь было бы уместно напомнить, что жители того государства, которое принято называть «Византией», никогда не именовали себя «византийцами», и крайне редко — «греками». По меткому выражению Д.Э. Харитоновича: «Жители Византии и не подозревали, что они живут в Византийской державе. Это название придумали немецкие ученые XVIII в. (...) Эрудиты времен Константина и позднейших времен иногда называли, демонстрируя свою образованность, Константинополь Византием, но только город, а не страну. Они, эти эрудиты, как и иные подданные императоров, именовали свое государство на латыни Романией, то есть Римской, а себя — „ромеями“, то есть, по-гречески, на разговорном языке (...) римлянами». См. Харитонович Д.Э. История крестовых походов. Краткий курс. М.: Аванта, 2010. — С. 8—9.

¹²⁴ Причем традиция эта была заложена самим пророком Мухаммедом, и берет свое начало с 30-й суры Корана (суры Ар-Рум). Стоит отметить, что само слово «ромей», как живое определение, сохранилось исключительно среди православных и греко-католиков Ближнего Востока, точнее — в арабских и турецких названиях христианских Церквей византийской традиции. Если во всем мире православную Церковь чаще всего именуют «Греческой Православной Церковью», то в арабских странах и на территории Турецкой республики, она остается «Римской Православной», отражая эту связь

мом ближневосточных православных христиан было слово «мелькит». Этноним этот происходит от сирийского слова «малка» (сир. — «ܡܠܚܝܬܐ»), означавшего «царский». Такое прозвище (фактически означающее «царские люди»), получили православные Сирии, Палестины и Египта, признавшие Халкидонский собор и, в противовес коптам и сиро-яковитам, оставшиеся в лоне Церкви, к которой принадлежал ромейский император. Завоевавшие Левант арабы сохранили за православным населением название «мелькитов» (которое они использовали наряду с «румами»), т. к. арабское слово «мульки» (араб. — «ملكي») имеет то же значение и сходную фонетику с сирийским словом «малка». Несмотря на то, что определение «мелькит» было фактически введено в обиход сиро-яковитами и коптами, а впоследствии подхвачено мусульманами, оно постепенно было принято и самими ближневосточными православными¹²⁵.

Латинские и старофранцузские хронисты (в отличие от арабских авторов) никогда не называли жителей Византии и тем более — православных Леванта «римлянами», хотя саму Ромейскую державу они и именовали «Романией» (Romania). Не слишком считаясь с самоназваниями ромеев, ближневосточных греков и мелькитов, франки различали их прежде всего по лингвистическому, реже — по конфессиональному признаку. Для франкского барона или латинского хрониста, грекоязычные христиане Византии и Леванта были просто «греками» (Graeci), а все сиро- и арабоязычные христиане — «сирийцами» или «сирианами» (Syri/Suriani). При этом мелькиты, разделявшие веру «греков» но сохранявшие наречия народов Востока, могли

православных и греко-католиков с давно исчезнувшей Восточной Римской империей. Официальное арабское название Антиохийской Православной Церкви — «Римский Православный Патриархат Антиохии и всего Востока» (араб. بطريركية أنطاكية وسائر المشرق للروم الأرثوذكس). Название Иерусалимской Православной Церкви — «Римская Православная Церковь Иерусалима» (араб. كنيسة الروم الأرثوذكس في القدس). Александрийской Церкви — «Римский Православный Патриархат Александрии» (араб. بطريركية الإسكندرية للروم الأرثوذكس). Арабское название Мелькитской Греко-католической Церкви, как уже было сказано — «Римская Церковь мелькитов-католиков»; (араб. كنيسة الروم الملكيين الكاثوليك). Турецкое название Вселенского Патриархата звучит сходным образом: «Римский Православный Патриархат» (тур. Rum Ortodoks Patrikhanesi).

¹²⁵ Одним из первых подобное прозвище (мелькит, или, на греческий лад, «василикос»), получил халкидонский Патриарх и Папа Александрии — Тимофей III (460—475/477—482 гг.), возведенный на кафедру по приказу императора Льва I Македлы, после жестокого подавления ромейскими войсками миафизитского восстания в Египте, унесшего более 10,000 жизней. Подробнее, см. Мейендорф И. Указ. соч. — С. 255.

фигурировать в латинских и старофранцузских текстах и как «греки», и как «сириане»¹²⁶.

¹²⁶ Так, архиепископ Гильом Тирский «сирианами» или «верными сирийцами» (*Syros fideles*) называет именно мелькитов, переселенных королем Бодуэном I из-за Иордана в Иерусалим. См. Guillaume de Tyr. *Historia rerum in partibus transmarinis gestarum* // RHC Occ. I. — Paris, 1844. — Lib. XI, c. 27, P. 502. Жак де Витри, в своей «Восточной истории», четко различает мелькитов и сиро-яковитов; первых он именует «сирианами», вторых — «яковитами». См. Jacques de Vitry. *Iacobi de Vitriaco libri duo, quorum prior Orientalis sive Hierosolymitanae, alter Occidentalis Historiae nomine inscribuntur*. — Douai, 1597. — с. 75, P. 137—144 (глава о мелькитах); с. 76, P. 144—147 (глава о сиро-яковитах). Подобное разграничение между «сирианами» (*Syros*) и «яковитами» (*Iacobitas*) прослеживается и в одном из первых латинских документов эпохи крестовых походов — в послании вождей Первого крестового похода Папе Римскому Урбану II (11 сентября 1098 г.). См. Hagenmeyer H., ed. *Die Kreuzzugsbriefe aus den Jahren 1088—1100*. — Innsbruck, 1901. — №16, P. 164.

Однако мы не можем говорить о том, чтобы под «сирианами» в латинских текстах фигурировали исключительно мелькиты, т. к. есть примеры, когда мелькитов также именовали и «греками», отталкиваясь от их конфессиональной, а не языковой принадлежности. К примеру, в хартии антиохийского князя Раймонда де Пуатье, датированной апрелем 1140 г., под «греческими клириками» (*canonici Graecos*), фигурируют свидетели, носящие откровенно мелькитские имена: «Михаил, сын Мелькима» и «Авраам, сын Сукара». См. De Roziere E., ed. *Cartulaire de l'Eglise du Saint-Sepulchre de Jerusalem, Collection des documents inedits sur l'histoire de France*. — Paris, 1849. — №89, P. 176—177. В 1183 г. князь Бозмунд III передал командорству госпитальеров в Латакии сервов из числа «греков, армян, латинян и евреев» (*Graecos, Armenos, Latinos et Judaeos*). Здесь также под «греками» вероятно подразумеваются мелькиты, т. к. к X в. большую часть «греков» как в самой Антиохии, так и на прилегающих сирийских землях (в т. ч. в Латакии), составляли не грекоязычные, но сиро- и арабоязычные румы. См. Röhricht R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani*. — Innsbruck, 1893. — №633, P. 167—168. Бернард Гамильтон, в своей монографии «Латинская Церковь в государствах крестоносцев. Секулярная церковь», выдвинул предположение, что традиция именовать «сирианами» исключительно мелькитов характерна только для Иерусалимского королевства, в то время как на севере, в пределах княжества Антиохийского, из-за обилия сиро- и арабоязычных христиан-миафизитов, мелькитов предпочитали именовать «греками», во избежание путаницы с сиро-яковитами. При этом, в качестве примера, Гамильтон также ссылается на вышеуказанную хартию князя Бозмунда III от 1183 г. См. Hamilton B. *The Latin Church in the Crusader States. The Secular Church*. — London, 1980. — с. 7, P. 160.

Латинскому определению «*Suriani*» и прецедентам его применения к различным христианским конфессиям Сирии посвящена отдельная работа Жосефа Насраллы. См. Joseph (Nasrallah). *Syriens et Suriens* // *Orientalia Christiana Analecta*. — 1974. — №197. — P. 487—503. В современной литературе определение «мелькит» чаще всего используется именно для обозначения сиро- и арабоязычных православных христиан (если же речь не идет о XVIII–XXI вв., когда это определение относится исключительно к ближневосточным греко-католикам). Этой же традиции будем следовать и мы, именую арабоязычных и сироязычных православных «мелькитами», грекоязычных (там, где эта идентификация возможна) — «греками».

Стоит вновь подчеркнуть, что сами ближневосточные православные не проводили между собой подобных разграничений, выстраивая чувство собственной идентичности не на этнических или лингвистических различиях, а на исповедании халкидонского, кафолического христианства и исторической связи с державой ромеев. Бесспорно, в VIII-XI вв. существовало определенное, внутреннее разделение на «сирийцев» и «румов», но оно скорее затрагивало лишь язык и обряд богослужения. Православный сириец, никогда не видевший даже отдаленных провинций Византии, с детства говоривший лишь по-арабски или по-сирийски, совершавший богослужение по Антиохийскому (западно-сирийскому) обряду на том же арамейском наречии, работавший всю жизнь на землях какого-нибудь тюркского атабека или арабского эмира, продолжал гордо именовать себя «римлянином» (ромеем/румом) и «царским человеком» (мелькитом).

II. Епархии и анклавы православных христиан на Востоке

К XI в., то есть к началу интересующего нас исторического периода, православные христиане не составляли уже некоей «доминирующей» части среди населения Леванта. Подобное утверждение было бы справедливо разве что в отношении Кипра. Тем не менее, на Ближнем Востоке сохранялись регионы, где присутствие православных оставалось весьма ощутимым. Конечно же, к этому периоду, после почти четырехсот лет арабского господства, большая часть христиан Леванта, в том числе и православных, говорила преимущественно на арабском. Языком богослужения многих румов/мелькитов, как уже было сказано выше, был не греческий, но сирийский (хотя многие мелькиты, сиро-яковиты и марониты сохраняли арамейские диалекты не только как богослужебный язык, но и как повседневное наречие). Однако к началу эпохи крестовых походов в Леванте были регионы, такие как Антиохия, киликийские земли или тот же Кипр, где имело место решительное преобладание христианского населения над мусульманским, а также существенное усиление именно грекоязычного элемента среди местных христиан. Это было, во многом, вызвано возвращением Киликии, Кипра и северной Сирии (от Мараша на севере до Тартуса и Шейзара на

юге) под власть Ромейской державы (в конце X в.), о чем будет подробно сказано ниже¹²⁷.

Великие митрополии и епархии Антиохийской Церкви

Крупнейшими греческими анклавами Сирии (во многом — благодаря византийскому завоеванию X в.) были Антиохия и Латакия. Эти города сохранили значительное число грекоязычных ромейских семей, использовавших греческий и при богослужении, и в повседневной жизни¹²⁸. В Антиохии население было достаточно равномерно распределено между халкидонскими христианами (греками и мелькитами) и христианами-миафизитами (сиро-яковитами и армянами)¹²⁹. Латакия эпохи крестовых походов, со слов латинских

¹²⁷ См. ниже: Глава I, раздел 1.1, С. 100—105.

¹²⁸ Кристофер МакЭвитт, в своей монографии по христианскому Востоку эпохи крестовых походов, отмечает, что Антиохия была, пожалуй, крупнейшим центром грекоязычных христиан в Леванте XI в. См. MacEvitt C. *The Crusades and the Christian World of the East. Rough Tolerance...* — P. 8, 32. П.-К. Тодт, в свою очередь, пишет о том, что большая часть «грекоязычных» жителей Антиохии была представлена служилой знатью, воинами и клиром, присылаемым из пределов Ромейской державы. Тем не менее, и он подтверждает, что часть «греков» Антиохии была представлена местным, коренным населением, преимущественно зажиточными семьями, сохранявшими более тесные связи с Византией и, как следствие — эллинскую речь. См. Tодт К.-Р. *Region und griechisch-orthodoxes Patriarchat von Antiocheia in mittelbyzantinischer Zeit und im Zeitalter der Kreuzzüge (969—1204)...* — P. 448—456.

¹²⁹ Значимое присутствие в Антиохии греческих и сирийских христиан (как мелькитов, так и миафизитов) отмечали многие латинские авторы эпохи крестовых походов. По словам Альберта Аахенского, Антиохию населяли «греки, сирийцы, армяне, граждане и мужи веры христианской». Гильом Тирский оставляет практически идентичное описание: «греки, сирийцы, армяне и подобные им, мужи исповедовавшие христианскую веру». Канцлер Готье, в свою очередь, пишет о «латинянах, греках, сирийцах, армянах, странниках и пилигримах». В описании Вильбранда Ольденбургского, видевшего Антиохию уже в XIII в., население города кажется еще более пестрым — «франки и сириане, греки и иудеи, армяне и сарацины», однако упоминание о греках и сирийцах сохраняется. Стоит отметить, что практически во всех перечнях «греки» упоминаются либо первыми, либо вторыми, что может быть расценено как косвенное свидетельство значимости их общины в Антиохии, по крайней мере — в поздневизантийский период и в годы правления крестоносцев. См. Alberti Aquensis. *Op.cit.* — Lib. IV, c. 23, P. 282; Guillaume de Tyr. *Op.cit.* — Lib. V, c. 19, P. 224; Galterii Cancellarii. *Op.cit.* — I Bell., art. 1, P. 83; Wilbrandus de Oldenburg. *Op.cit.* — P. 171. Подробнее о населении Антиохии в период второго византийского правления (969—1084 гг.),

хронистов, предстает исключительно как «греческий» город, населенный верными ромейскому василевсу греками и сирианами¹³⁰. Конечно же, присутствие православного населения в Антиохии и Латакии, с началом XI в., усилилось и из-за переселения на византийские земли мелькитов, бежавших из пределов Фатимидского халифата во время гонений Аль-Хакима. Согласно одному из этих переселенцев, хронисту Яхье Антиохийскому, «непрерывные вымогательства и насилия стали нестерпимыми для народа. Множество живших в Сирии христиан бежало, и все они направились в страну румов; большинство пошло в Латакию и в Антиохию и поселилось в этих городах»¹³¹.

Православные (преимущественно сиро- и арабоязычные мелькиты) сохраняли свое присутствие и в других городах Сирии, невзирая на все возраставшее численное превосходство арабо-мусульманского населения. Крупные анклавы «румов» можно было найти как в приморских городах — Тире, Латакии, Триполи, Сидоне, Кесарии, так и в городах, расположенных в глубине континента — Дамаске, Алеппо, Хомсе (Эмесе), Хаме (Епифании), Апамее, Шейзаре, Самосате, Эдессе, Босре. Мелькитские общины этих городов сохраняли численность и достаток, позволявший им поддерживать церкви, клир и полноценные, действующие епископские кафедры. В этом отношении действующие епархии являются важным, хоть и косвенным свидетельством благосостояния и численности православных общин в различных городах Ближнего Востока. Пользуясь

в особенности о соотношении и сосуществовании мелькитов и сиро-яковитов см. Cheynet J.C. *The Duchy of Antioch after the Byzantine reconquest // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality.* — Leuven, 2006. — P. 8—12.

¹³⁰ Рауль Канский, видевший Латакию в начале XII в., пишет о ее жителях исключительно как о «греках», не упоминая о каких-либо других населявших город народах. Ордрик Виталий пишет о том, что население Латакии состояло из «греков и сирийцев», верных византийскому императору. Наконец, Гильом Тирский описывает Латакию как «древний, благородный город, расположенный на берегу моря, и населенный верными. Из всех городов Сирии, лишь он один признавал власть греческого императора». См. Radulfo Cadomensi. *Op.cit.* — с. 144, P. 707; Orderic Vitalis. *Op.cit.* — Pars III, Lib. X, с. 11, P. 251—253; Guillaume de Туг. *Op.cit.* — Lib. VII, с. 16, P. 301. Также известно, что в Латакии была и сиро-яковитская община. Она явно не была многочисленной, т. е. там не было сиро-яковитской кафедры, однако Михаил Сириец упоминает о том, что в городе была церковь «православных» сирийцев (т. е. миафизитов). См. Michel le Syrien. *Op.cit.* — Vol. III, Lib. XIX, с. 7, P. 339.

¹³¹ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 374.

цитатой из работы И.И. Соколова, обобщившего соборные правила, касающиеся поставления архиереев: «Епископ не должен избираться в малый город или в село, дабы не унижались его имя и власть, но поставляется лишь в многолюдный город, хотя бы многочисленность его населения имела недавнее происхождение»¹³². Вероятно, здесь следовало бы напомнить, что в этот период в Православной Церкви епархии разделялись по административным правам и первенству чести их архиереев. В состав Антиохийского Патриархата входило двенадцать (позднее тринадцать) великих митрополий. Митрополиты председательствовали на местных синодах и распространяли свою архипастырскую власть на епископов-суффраганов, стоявших во главе окружавших митрополию епархий. Наконец, были т. н. «автокефальные» митрополиты и архиепископы, выведенные из подчинения древним митрополиям и отвечавшие непосредственно перед Патриархом. Однако, по своему положению они несколько уступали архиереям древних митрополий, т. к. не имели в своем подчинении суффраганов¹³³.

Конечно же, к началу интересующего нас исторического периода (т. е. к XI в.) не могло уже быть и речи о том, чтобы в состав Антиохийской Церкви входило бы более 150 действующих епархий, перечень которых был составлен в правление императора Юстиниана

¹³² Соколов И.И. Избрание архиереев в Византии IX-XV вв. (Историко-правовой очерк). Избрание патриархов Александрийской церкви в XVIII и XIX столетиях. — СПб: «Издательство Олега Абышко», 2004. — С. 100. Хотя, опять же пользуясь обобщенным правилом, приведенным Соколовым, избрание и поставление архиереев должно было «совершаться и в те города, которые издавна имели многолюдное население, а потом лишились его по обстоятельствам политического значения». См. Ibid. Т. е. наряду со свидетельством о сохранявшейся многолюдности города, действующая епископская кафедра порой могла свидетельствовать и о сугубо-формальном, титулярном значении кафедры, которую стремились сохранить любой ценой, не считаясь с действительным количеством паствы.

¹³³ Естественно, говоря об автокефалии и «автокефальных митрополиях и архиепископиях» Антиохийского Патриархата, мы используем ныне вышедшее из употребления значение этого определения — то есть не административно-независимую Поместную Церковь, но епархию, выведенную из числа суффраганов митрополии и отвечающую непосредственно перед одним из Патриархов. Об этом значении определения автокефалии, которое преимущественно и использовалось в Византии, см. к примеру Papadakis A. Autocephalous // Oxford Dictionary of Byzantium. — Oxford: 1991. — P. 234—235.

I и патриаршество Анастасия I Антиохийского¹³⁴. Однако, при закономерном уменьшении паствы и исчезновении десятков восточных епископов-суффраганов, державших кафедры в небольших провинциальных городах, Антиохийская Церковь сохранила многие первенствующие по чести или значимости своего расположения епархии, и вполне заметное присутствие своей паствы во всех основных центрах Сирии, Киликии, финикийского побережья и Месопотамии. Безусловно, говорить о преемстве иерархии и сохранности епархий можно, во многом, лишь гипотетически и со значительными оговорками. Причина в том, что мы сталкиваемся с отсутствием четких списков среди антиохийского епископата и со значительными временными промежутками между дошедшими до нас упоминаниями епископов. Однако многие епископские кафедры Антиохийского Патриархата упоминаются, хоть и со значительными пробелами, вновь и вновь; на территории их епархий оставались, к X-XIII вв., или даже остаются поныне сохраненные мелькитские церкви и анклавы; наконец, многие епархии остаются действующими по сей день. Все это позволяет говорить, по крайней мере, о некотором преемстве и выявить основные места сосредоточения православных на Ближнем Востоке.

¹³⁴ Существуют несколько сохранившихся вариантов «Нотиции» или перечня епархий Антиохийского Патриархата. Первый текст, относящийся к VI в., это «Нотиция...» Патриарха Анастасия I Антиохийского (559—570 гг.). См. Vailhe S. La «Notitia episcopatum» d'Antioche du Patriarche Anastase // *Echos d'Orient*, Vol. X. — Paris, 1907; Honigmann E. Studien zur Notitia Antiochena // *Byzantinische Zeitschrift*. — 1925. — №25. — P. 60—88. В 40-х гг. XII в. несколько иной перечень составил константинопольский архимандрит Нил Доксапатрий, работавший в Палермо и составивший «Нотицию патриархатов» по заказу нормандского короля Рожера II Сицилийского. Значимым отличием «Нотиции...» Нила является включение Эмеса (Хомса) в число великих митрополий Антиохийского престола (т. е. общее количество митрополитов у Нила не 12, а 13), а также упоминания о новых автокефальных митрополиях и архиепископиях в составе Патриархата. См. Nilus Doxapatris. Nili Doxopatris notitis patriarchatum // Parthey G. Hieroclis Synecdemus et Notitiae Graecae Episcopatum. — Berlin, 1866. — P. 271—273. Наконец, сохранились и варианты «Нотиции...», более подробные, чем два вышеуказанных, и относящиеся к X-XI в. Они отражают те изменения, которые постигли Антиохийский Патриархат с момента возвращения Киликии и северной Сирии под власть Ромейской державы, и были изданы на исходе XIX в. Г. Гельцером. См. Gelzer H. Ungedruckte und wenig bekannte Bistümerverzeichnisse der orientalischen Kirche I // *Byzantinische Zeitschrift*. — 1892. — Vol. №1. — P. 245—282; Todt, K.-P. Notitia und Diözesen des griechisch-orthodoxen Patriarchates von Antiocheia im 10. und 11. Jh. // *Orthodoxes Forum* 9. — 1995. — P. 173—185. Сопоставление текстов «Нотиции...», см. Laurent V. La Notitia d'Antioche. Origine et tradition // *Revue des études byzantines*. — 1947. — №5. — P. 67—89.

Определенно можно проследить лишь линию преемства на самом патриаршем престоле Антиохии, прерванную на 40 лет в начале VIII в., но затем возрожденную¹³⁵. Патриаршая епархия охватывала церкви и православные общины как самой Антиохии, так и обширных окрестных территорий, в том числе и многочисленные монастыри вдоль гор Аманоса, от предместий Алеппо на востоке до прибрежных земель на западе. Среди монастырей северной Сирии, православной, мелькитской братии по-прежнему принадлежал величественный монастырь Св. Симеона Столпника (Калаат Саман), лежавший на полпути между Антиохией и Алеппо. Монастырь возник во второй половине V в., на месте подвижничества св. Симеона Столпника (Старшего). Кафоликон монастыря, освященный к 475 г., по праву считается одним из величайших шедевров позднеантичной архитектуры. Состоявший из четырех базилик, соединенных крестообразно над столпом святого отшельника, соборный храм покрывал площадь, лишь немногим уступавшую константинопольской Софии¹³⁶. Монастырский ансамбль дополняли еще два храма, а также великий баптистерий, воздвигнутый близ кафоликона¹³⁷. Массовые паломничества к столпу и обители святого привели к созданию целого города — Дейр Самаана, «города Симеона», возникшего у подножия монастырской горы¹³⁸. Монастырь Св. Симеона входил в патриаршую юрисдикцию и периодически служил резиденцией и местом убежища для Антиохийских первосвященителей¹³⁹.

В Антиохии, в годы арабского владычества, в ведении православного Патриарха и его паствы оставались две великие византийские церкви — соборная церковь Кассиана и Юстинианова круглая церковь

¹³⁵ Православная патриаршая иерархия была возрождена в Антиохии в 742 г., о чем подробнее будет сказано ниже.

¹³⁶ При этом, стоит отметить, что Агия София была возведена почти два века спустя.

¹³⁷ Подробнее об истории и архитектуре монастыря Св. Симеона (Калаат Самаана), см. Joseph (Nasrallah). Le couvent de Saint-Siméon l'Alépin // *Parole de l'Orient*. — 1970. — Vol. I, №2. — P. 327—356.

¹³⁸ Подробнее о городе Дейр Самаан, см. Успенский Ф.И. История Византийской империи. Том I... Период II, гл. 5, С. 498—499.

¹³⁹ Так, в 965 г., во время беспорядков в Антиохии, туда удалился «со своим окружением» св. Патриарх Христофор, о чем упоминают Яхья Антиохийский и Ибрагим ибн Юханна. См. Медников Н.А. Указ. соч. — С. 799; Zayat H. Vie du patriarche melkite d'Antioche Christophe... — P. 336; Ибрагим ибн Юханна. Житие Антиохийского Патриарха Христофора... — С. 43.

Пресвятой Богородицы¹⁴⁰. Эти две церкви имели первенствующее значение для христиан Антиохии. Во время схизмы в Антиохийском Патриархате, в середине IX в., обе церкви претендовали на роль патриаршего собора, поскольку каждая отошла к своему претенденту на патриарший престол: Патриарху Евстафию отошла церковь Кассиана, Патриарху Николаю — церковь Пресвятой Богородицы¹⁴¹. Арабский географ аль-Масуди приводит яркое описание новогодних празднеств антиохийских христиан, совершаемых у церкви Кассиана. «Первый день месяца (января) именуется календами; это великий праздник среди сирийцев. В Антакье в канун этого дня они зажигают огни и совершают евхаристию. Это обычно происходит перед церковью Кассиана, которая является одной из самых почитаемых церквей города. Христиане Антакьи, как высокопоставленные, так и простолюдины, совместно принимают участие в этих празднествах, увеселениях и возжигании огней; ибо в этом граде, Антакье, находится и их Патриарх»¹⁴². С ранневизантийских времен сохранилась и еще одна антиохийская церковь — церковь Маккавеев или церковь Св. Ашмунит, представлявшая собой перестроенную позднеантичную синагогу, возведенную на месте захоронения ветхозаветных праведников — семи братьев Маккавеев, их матери Ашмунит и старца священника Елеазара, казненных по приказу селевкидского царя Антиоха IV Эпифана¹⁴³. Целый ряд знаменитых антиохийских церквей впервые упоминается лишь со времен арабского господства, к примеру — церковь Св. Варвары¹⁴⁴.

¹⁴⁰ Eger A. Mapping Medieval Antioch... P. 102; Kennedy H. The Melkite Church from the Islamic Conquest to the Crusades... — P. 333.

¹⁴¹ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XII, c. 20, P. 100. Подробнее о схизме в Антиохийском Патриархате будет сказано ниже.

¹⁴² Le Strange G. Op.cit. — P. 367—368.

¹⁴³ Подробнее, см. Hacken C.E. ten. The description of Antioch in Abu al-Makarim's History of the Churches and Monasteries of Egypt and some neighbouring countries // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. — Leuven, 2006. — P. 200—202, 212—213; Downey G. A History of Antioch in Syria... — P. 448; Eger A. Mapping Medieval Antioch... P. 102. Вероятней всего, церковь Св. Ашмунит тождественна церкви Маккавеев, однако по этому поводу могут быть некоторые разночтения.

¹⁴⁴ Церковь Св. Варвары также располагалась в южной части города, как и церковь Маккавеев. Подробнее см. Cahen C. La Syrie du Nord... P. 131; Eger A. Mapping of Medieval Antioch... P. 102.

Причем, здесь следует отметить, что церковь Маккавеев и церковь Св. Варвары, вероятно, принадлежали сиро-яковитам или переходили из рук в руки (от халкидонитов к миафизитам и обратно). Во всяком случае, прямо связать их с антиохийскими мелькитами, как церкви Касиана и Пресвятой Богородицы, невозможно.

Со времен арабского правления впервые начинают упоминаться и православные монастыри Антиохии — обитель Св. Апостола Павла, расположенная на склонах горы Стаурин, близ Персидских врат, и монастырь Св. Арсения, лежавший за пределами городских стен¹⁴⁵. Согласно описаниям аль-Масуди: «В Антиохии находится церковь Павла, известная как Дейр аль Барагит (Монастырь Блох); она прилегает к городским воротам, именуемым Баб аль Фарис (ворота Всадников). В городе есть и другая церковь, которую они называют „Ашмунит“, где проводят праздник, пользующейся славой среди христиан. Эта церковь ранее принадлежала евреям. Там же находятся церковь Варвары и церковь Мариам»¹⁴⁶. Впоследствии, в годы второго византийского правления (969—1094 гг.), число мелькитских церквей Антиохии увеличилось как за счет строительства новых церквей, так и восстановления старых, ранневизантийских храмов.

Если говорить об епархиях, располагавшихся в глубине континента, то наиболее благоденствующей кажется мелькитская митрополия Дамаска, занимавшая девятое место среди великих митрополий Антиохийского престола. Митрополиты Дамаска сохранили как преемство иерархии¹⁴⁷, так и несколько действующих епархий-суффраганов. В са-

¹⁴⁵ Монастырь Св. Арсения упоминается в «Житии Христофора, Патриарха Антиохийского». Именно эта обитель служила первым местом погребения тела святого Христофора. См. Zayat H. *Vie du patriarche melkite d'Antioche Christophore...* — P. 358; Ибрагим ибн Юханны. *Житие Антиохийского Патриарха Христофора...* — С. 56.

¹⁴⁶ Le Strange G. *Op.cit.* — P. 368.

¹⁴⁷ Среди известных по имени архиереев Дамаска эпохи арабского правления, первое место занимает митрополит Петр II (734—743 гг.), христианский мученик, искалеченный и сосланный в правление халифа Аль-Валида. В IX в. упоминаются митрополиты Агапий (813 г.), Николай (839—860-е гг.) и Михаил (870 г.). Митрополит Николай Дамасский около 847 г. стал Антиохийским Патриархом (известным как Патриарх Николай I), хотя в годы своего пребывания на Антиохийской кафедре он оставался лишь одним из двух претендентов на патриарший престол. Подробнее см. ниже. — С. 100—105. Особое внимание на себя обращает митрополит Сергей, занимавший дамасскую кафедру в первой половине XI в. и прославившийся благодаря своим контактам с Римской Церковью. Он лично посещал Рим и встречался с Папой Бенедиктом VIII (ок. 1021—1022 гг.),

мом Дамаске за мелькитами первоначально оставалась половина старого кафедрального собора Св. Иоанна Крестителя; вторая его половина была отдана под мечеть при арабском завоевании. Кроме того, к 702 г. мелькиты смогли существенно расширить и перестроить возведенную на Прямой улице церковь Пресвятой Богородицы, основанную еще во II в. С момента окончательного перехода собора Св. Иоанна к мусульманам¹⁴⁸, Богородичная церковь стала кафедральным собором дамаских мелькитов и их митрополита. Посещая Дамаск в конце XII в., Ибн Джубайр отмечал красоту православного собора Пресвятой Богородицы: «В городе есть церковь, которую весьма почитают румы; ее называют церковью Мариам. После храма в Иерусалиме нет для них более почитаемой церкви. Она красиво сооружена, ее росписи удивительной работы ошеломляют ум и приковывают взоры; это — дивное зрелище. Она принадлежит румам, без каких-либо посягательств»¹⁴⁹.

К северу от Дамаска находилось несколько крупных мелькитских анклавов, сосредоточенных вокруг поселений Кара, Ябруд, Маалюля

что отмечает современник этих событий — латинский автор и богослов Петр Дамиани. См. Kennedy H. *The Melkite Church from the Islamic Conquest to the Crusades: Continuity and Adaptation in Byzantine Legacy* // *The 17th International Byzantine Congress*. — New York, 1986. — P. 331. Значительные лакуны в перечне известных по имени митрополитов Дамаска приходятся на X, вторую половину XI и XII вв. Однако с XIII в., начиная с митрополита Михаила II, линия православных архиереев Дамаска вновь начинает прослеживаться, вплоть до своего окончательного слияния с патриаршей кафедрой Антиохии в период мамлюкского правления. Перечень митрополитов Дамаска приведен по Fedalto G. *Hierarchia Ecclesiastica Orientalis. Series Episcoporum Ecclesiarum Christianarum Orientalium*. — Padova 1991. — Vol. II, P. 729—733; Петров А.Е., Ткаченко А.А., Панченко К.А. Дамаск // *Православная Энциклопедия*. Том 13. — М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2006. — С. 676—684; Le Quien M. *Oriens Christianus in Quatuor Patriarchatus Digestus. Tomus II*. — Paris, 1740. — с. 836—838. См. также Kennedy H. *The Melkite Church from the Islamic Conquest to the Crusades...* — P. 330—331 (в частности — о митрополите Сергии и его путешествии в Рим).

¹⁴⁸ Об этом будет подробно сказано ниже, см. Глава I, С. 100—105.

¹⁴⁹ Ибн Джубайр. Указ. соч. — С. 284. См. также: Хилленбранд К. Крестовые походы. Взгляд с Востока... — С. 405. Собор Пресвятой Богородицы остается действующим православным храмом Дамаска. Более того, с момента перенесения в Дамаск резиденции Антиохийского Патриарха (в 1342 г.), собор Пресвятой Богородицы (Успения Божией Матери) стал кафедральным собором не просто Дамасской митрополии, но всего Антиохийского Патриархата. Однако церковь, радовавшая взор Ибн Джубайра, была почти полностью уничтожена во время Дамасской резни христиан (1860 г.). После подавления беспорядков ее немедленно восстановили, но и фрески, и большая часть иконной (позднеантичной и средневековой) постройки были безвозвратно утрачены.

и Сайданая¹⁵⁰. В христианском поселении Кара находился целый ряд древних мелькитских церквей, в том числе кафедральный собор Св. Николая, церковь Свв. Сергия и Вакха и почитаемый монастырь Св. Иакова Рассеченного (Иакова Персиянина). Преимущественно христианским был и остается населенный мелькитами город Ябруд, расположенный несколько к юго-западу от Кары, ближе к Дамаску. В Ябруде же находится и действующая по сей день церковь Свв. Константина и Елены, основанная в IV в. на месте храма Ваала¹⁵¹. Поселения Бакха и Маалюля известны, прежде всего, за счет того, что их население избежало лингвистической арабизации и сохранило, в качестве родного наречия, диалект арамейского. Правда, в средние века сирийский был еще распространен не только как богослужебный язык, но и как повседневное наречие среди значительной части ближневосточных христианских общин, не превратившись еще в «реликт». Следует также отметить, что в XVII в. население Бакхи принуждено было поголовно перейти в ислам, так что последним арамейским центром халкидонских христиан Сирии остается лишь населенная православными и греко-католиками Маалюля¹⁵². В Маалюле располагались и знаменитые обители сирийских мелькитов: монастырь Свв. Сергия и Вакха (Мар Саркис) и монастырь Св. Феклы (Мар Текла). Монастырь Мар Саркис возводит свое основание к началу IV в. Обитель была возведена на месте высокогорного языческого храма Аполлона. В главном и южном приделах монастырского кафоликона (по крайней мере до разорения монастыря осенью 2013 г.) находились два древнейших святых престола, очевидно поставленных еще до Первого Вселенского собора (325 г.). В главном приделе Свв. Сергия и Вакха — полукруглый алтарь с бортиком (атрибут, являющийся наследием языческих алтарей); в северном приделе, посвященном Пресвятой Богородице, святой престол фактически представляет собой капитель колонны, также обрамленную небольшим бортиком. Поскольку подобные алтари вышли из употребления с момента Первого

¹⁵⁰ Перечень поселений дан по их расположению с севера на юг, по мере приближения к Дамаску.

¹⁵¹ На сегодняшний день, храм Свв. Константина и Елены в Ябруде — это одна из древнейших действующих церквей христианского мира. Betts R.B. *The Southern Portals of Byzantium...* — P. 84—85.

¹⁵² Betts R.B. *The Southern Portals of Byzantium...* — P. 85, 112—113.

Никеийского собора, остается лишь предполагать, что два святых престола в кафоликоне монастыря Свв. Сергия и Вакха были поставлены и освящены еще в первой четверти IV в.¹⁵³

Сайданая издревле была местом сосредоточения сирийских христиан, в том числе — многочисленных аскетов, что привело к зарождению в этом месте нескольких монастырей. Помимо описанного выше монастыря Пресвятой Богородицы (основание которого приписывается Юстиниану I), там было множество церквей и еще несколько обителей, к примеру — монастыри Св. Фомы и Св. Георгия¹⁵⁴. Одной из древнейших обителей Сайданаи был монастырь Херувимов, построенный на вершине горы, над самым городом, на высоте более 2,100 метров¹⁵⁵.

Поселения и монастыри мелькитов прилегали и вплотную к Дамаску, значительную часть населения которого также составляли православные сирийцы, арабы и греки. Арабские географы и хронисты регулярно упоминают монастыри, расположенные в населенных христианами предместьях Дамаска, в особенности — в области Гута. Якут аль-Хамави, писавший в 1225 г., отмечает красоту двух монастырей — Св. Петра и Св. Павла, лежавших в окрестностях Дамаска (в области Гута), «в красивой местности, покрытой прекрасными садами, деревьями и источниками»¹⁵⁶. Он же обращает внимание и на древний, не сохранившийся поныне монастырь Дейр-Баванна, который общее для местных христиан и мусульман предание возводило едва

¹⁵³ В кафоликоне монастыря три придела. В третьем, южном приделе, освященном в честь Архангелов Михаила и Гавриила, святой престол был заново воздвигнут лишь в конце XX в. Подробнее об архитектуре и святых престолах кафоликона монастыря Свв. Сергия и Вакха, см. Di Bennardo A. *Pietre orientate: la luce nelle chiese di Siria e Sicilia (V-XII secolo)*. — Roma, 2005. — P. 82—102.

¹⁵⁴ Обитель Св. Георгия — с ее единственным насельником, и запустевший, разрушенный монастырь Св. Фомы видел, во время своих путешествий, и описал В.И. Григорович-Барский. См. Григорович-Барский В.И. Указ. соч. — Часть II, С. 92.

¹⁵⁵ Монастыри Херувимов и Св. Георгия, жизнь в которых окончательно угасла в XVIII-XIX вв., были возрождены Антиохийским Патриархатом лишь на рубеже XX-XXI вв. Монастырь Св. Фомы был, сходным образом, возрожден мелькитами греко-католиками. Подробнее см. Betts R.B. *The Southern Portals of Byzantium...* — P. 85, 177; Slim S., ed. *Monasteries of Antiochian Orthodox Patriarchate...* — цит. по английскому переводу, см. интернет-ресурс: *The Greek Orthodox Patriarchate of Antioch and all the East* [Официальный сайт]. URL: <http://www.antiochpatriarchate.org/en/category/monasteries/38/>

¹⁵⁶ Le Strange G. *Op.cit.* — P. 429.

ли не ко временам Христа¹⁵⁷. Арабский географ XI в. — Аль-Бекрий оставляет описание еще одного монастыря, расположенного под Дамаском — обители Дейр-ар-Русафа. В описаниях Аль-Бекрия Дейр ар-Русафа предстает как «древний монастырь, построенный румами, красивый, расположенный среди каналов, нив и деревьев»¹⁵⁸. Мелькитские монастыри Маалюли, Сайданаи и предместий Дамаска приобрели широкую известность и за счет своих виноградников. Вино, производимое в этих поселениях, пользовалось славой и среди ближневосточных христиан, и среди арабов-мусульман, пренебрегавших запретом Пророка¹⁵⁹. В этих окрестных анклавах сохранялись епархии, подвластные мелькитским митрополитам Дамаска. В число суффраганов Дамасской митрополии входили епископии Ябруда, Сайданаи и Маалюли¹⁶⁰.

Сложнее говорить о сохранении других древних митрополий Сирии; упоминания о митрополитах Апамеи, Иераполя и Босры, разделяют многовековые лакуны и вряд ли эти епархии изведали то относительное благоденствие, которое выпало на долю митрополии Дамаска¹⁶¹. Хотя сложно поверить в то, чтобы кафедра Босры могла

¹⁵⁷ Le Strange G. *Op.cit.* — P. 428; Медников Н.А. Указ. соч. — Том. II, С. 1025.

¹⁵⁸ Медников Н.А. Указ. соч. — Том 2—3, С. 379.

¹⁵⁹ К примеру, Якут аль-Хамави оставляет описания попойки Аль Валида II ибн Язида в древнем монастыре Дейр-Баванна «на краю Гуты дамасской». См. Медников Н.А. Указ. соч. — Том. II, С. 1025.

¹⁶⁰ Епископская кафедра Маалюли известна с IV в. Первый епископ Маалюли — епископ Евтихий, упоминается в одной из сирийских рукописей (найденных Патриархом Макарием III Заимом), как участник Первого Вселенского собора (325 г.). См. Di Bennardo A. *Pietre orientate: la luce nelle chiese di Siria e Sicilia...* — P. 92. Кафедра Сайданаи, вероятно, была известна со времен первого византийского правления в Сирии. Эту кафедру отождествляли с фигурирующей в вариантах «Нотииции...» кафедрой Данабы. Об отождествлении Сайданаи с древней епископской кафедрой Данабы пишет английский священник и путешественник XIX в. Дж. Портер, ссылаясь на текст Антиохийского Патриарха Макария III Заима. См. Porter J.L., *rev. Five Years in Damascus: including an account of History, Topography, and Antiquities of that City; with Travels and Researches in Palmyra, Lebanon and the Hauran.* — London, 1855. — Vol. I, с. 8, P. 346. Очевидно, некоторое преемство сохранялось и на кафедре Ябруда. К примеру, Илия — епископ Ябруда принял мученическую кончину вместе с митрополитом Дамаска Петром II в правление халифа Аль-Валида (743 г.). См. Le Quien. *Op.cit.* — Tomus II, P. 918.

¹⁶¹ Кафедры Апамеи, Иераполя и Босры занимали, соответственно, четвертое, пятое и шестое место в иерархии Антиохийского престола. В первое столетие арабского правления упоминаются два мелькитских архиерея Апамеи — митрополиты Фомарих/

вдовствовать на протяжении продолжительных отрезков времени, т. к. земли Хаурана, составлявшие ее каноническую территорию, сохраняли значительное число мелькитских анклавов. В Босре и ее окрестностях располагались как пришедшие в упадок ранневизантийские базилики, так и действующие церкви и общины сирийских христиан (мелькитов и сиро-яковитов)¹⁶². Неподдалеку от Босры

Фавмарик (ум. в 657 г.) и Горгий (711 г.). Далее наступает многовековое молчание о кафедре Апамеи, после чего лишь в 1157 г. появляется упоминание о православном митрополите Апамеи Георгии. Митрополиты Апамеи Фома и Нифон упоминаются уже в XIII и XIV вв. соответственно, что позволяет проследить, по крайней мере, еще некоторую, хоть и испещренную лакунами, линию преемства на этой кафедре. Хотя впоследствии митрополия Апамеи окончательно потеряла свое значение, периодически фигурируя лишь как титулярная кафедра одного из викариев Антиохийского Патриарха. На кафедре Иераполя (Мамбиджа) в первой половине IX в. находился не просто эпизодически упоминаемый митрополит, но один из самых значимых хронистов средневекового Леванта — Агапий Иерапольский, к хронике которого мы уже неоднократно обращались в ходе данной работы и о котором подробно будет сказано ниже, в разделе, посвященном мелькитской литературе. Если же говорить о Босре, то один из ранних ее митрополитов эпохи арабского правления — митрополит Стефан упоминается в начале VIII в., после чего наступает почти четырехсотлетний перерыв до появления следующего, известного по имени митрополита Босры — Николая (ок. 1111 г.). Так или иначе, кафедра Босры остается действующей и поныне, и линия преемства митрополитов этого города, с некоторыми перерывами, вновь прослеживается уже с XIV в.

Сведения приведены по Fedalto G. *Hierarchia Ecclesiastica Orientalis. Series Episcoporum Ecclesiarum Christianarum Orientalium.* — Padova 1991. — Vol. II, P. 775—776; Todt K.-P. *Region und griechisch-orthodoxes Patriarchat von Antiocheia...* P. 851—852; Беляев Л.А., Грацианский М.В. Апамея // *Православная Энциклопедия*. Том 3. — М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2001. — С. 19. О Фомарихе/Фавмарике, митрополите Апамеи, упоминает Феофан Исповедник. См. Феофан Исповедник. Указ. соч. — С. 255. О Бостре см. вышеуказанные источники, а также Le Quien. *Op.cit.* — Tomus II, с. 858; Панченко К.А. Бостра // *Православная Энциклопедия*. Том 6. — М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2003. — С. 107.

¹⁶² В Босре находятся руины величественного храма Свв. Мучеников Сергия, Вакха и Леонтия, относящегося к началу VI в. Также, в 1992 г. там была раскрыта базилика IV в. Храм Свв. Сергия, Вакха и Леонтия, вскоре после своего освящения (в 512—513 гг.) перешел, при содействии Патриарха Севира, к сирийским миафизитам, а в годы арабского правления постепенно пришел в упадок. Тем не менее, и сиро-яковиты, и мелькиты сохранили свои церкви и действовавшие кафедры в Босре. Об архитектуре и фресках церкви Свв. Сергия, Вакха и Леонтия, см. Farioli Campanati R. *Bosra chiesa dei SS. Sergio, Bacco e Leonzio: i nuovi ritrovamenti* // *La Syrie de Byzance à l'Islam VIIe-VIIIe siècles.* — Damas, 1992. — P. 173—178. О раскопках базилики IV в., см. Dentzer J.-M., Blanc P.-M., Mukdad R., Mukdad A. *Nouvelles recherches franco-syriennes dans le quartier est de Bosra Ash-sham* // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.* — 1993. — Vol. 137 (Nº1). — P. 117—147.

находилось христианское поселение Изра, где мелькиты с VI в. сохраняли (и сохраняют по сей день) две действующие церкви — базилики Св. Георгия и Св. Илии¹⁶³. Что касается Иераполя (Мамбиджа), то в кафедральном мелькитском соборе города хранился Святой Керамион или «Спас на чрепии» — нерукотворный отпечаток «Нерукотворного Спаса». Святой Керамион оставался в ведении мелькитов Мамбиджа до своего перенесения в Константинополь во второй половине X в.¹⁶⁴.

В то же самое время, наряду с упадком некоторых древних митрополий (таких как Апамея), можно проследить и укрепление позиций других, первоначально — менее значимых сирийских епархий. Наиболее заметные изменения коснулись епархии Эмесы (Хомса), которая, в годы арабского правления, была возведена в ранг тринадцатой великой митрополии Антиохийского престола¹⁶⁵. В городе, в ведении мелькитов и их архиерея хранилась одна из величайших святынь христианского мира — Честная Глава (вернее — одна из предполагаемых глав) св. Иоанна Предтечи. По преданию, глава Иоанна была перенесена в Эмесу и спрятана в пещерах, в окрестностях города. В 453 г. в пещерах был основан монастырь Спелайон, монахи которого, получив откровение, смогли обрести главу св. Иоанна. В VIII в. реликвия была перенесена из монастыря Спелайон в кафедральный собор Эмесы — собор Св. Иоанна Крестителя. Согласно хронике Феофана Исповедника, «В том же году (т. е. в 760—761 г.) перенесена глава Иоанна Крестителя

¹⁶³ Ныне церковь Св. Георгия принадлежит православной общине, церковь Св. Илии находится в ведении мелькитской греко-католической общины.

¹⁶⁴ Керамион был вывезен из разоренного ромеями Мамбиджа (Иераполя) либо василевсом Никифором II Фокой в 966 г., либо василевсом Иоанном I Цимисхием в 974 г. После своего перенесения в Константинополь он хранился в Фаросской церкви Пресвятой Богородицы при Большом императорском дворце. Подробнее, см. Ševčenko N.P. *Keramion* // *Oxford Dictionary of Byzantium*. — Oxford, 1993. — P. 1123.

¹⁶⁵ Так она фигурирует в вариантах «Нотиции...» епархий Антиохийского престола X–XII вв. См. Nilus Doxapatris. *Op.cit.* — P. 272; Gelzer H. *Ungedruckte und wenig bekannte Bistümerverzeichnisse der orientalischen Kirche I...* — P. 255–256, 261. Причем среди епархий-суффраганов, приведенных в подчинение митрополиту Эмесы, была и епархия Арки, чей епископ распространял свою власть на земли Аккара (регион, исторически сохранявший целый ряд мелькитских поселений). См. Gelzer H. *Ungedruckte und wenig bekannte Bistümerverzeichnisse der orientalischen Kirche I...* — P. 264, 266–267.

и Предтечи из обители Спилейской во храм его при знаменитом городе Эмесинском, и устроена ему рака, где и поныне почитается верными со всяким благовоением, источая целения всем с верою приходящим»¹⁶⁶.

Сам собор Св. Иоанна Крестителя, как и одноименный дамаский собор, был при завоевании разделен на христианский храм и мечеть. Однако, в отличие от своего дамаского собрата, собор Эмесы оставался разделенным между христианами-мелькитами и мусульманами на протяжении многих веков арабского господства. Описание собора Св. Иоанна Крестителя, разделенного на христианскую церковь и мечеть, оставил персидский географ Истахри. По его словам, в городе «стояла церковь, половина которой служит мечетью, в то время как вторая половина принадлежит христианам, и там у них их часовня и алтарь. Эта церковь — одна из крупнейших в Сирии»¹⁶⁷. Помимо собора Св. Иоанна Крестителя и монастыря Спелайон, в Эмесе находились еще две ранневизантийские церкви — Сорока Мучеников Севастийских и Священномученика Элиана (Мар Элиан). Описание не дошедшей до нашего времени церкви Сорока Мучеников Севастийских оставил В.И. Григорович-Барский, отметивший соразмерность и красоту пяти мраморных колонн, державших своды этого однопрестольного храма¹⁶⁸. Малая церковь Мар Элиан оставалась действующим храмом Антиохийского Патриархата вплоть до исхода христианского населения из Хомса в разгар Сирийской гражданской войны (2012—2013 гг.). В крипте церкви Мар Элиан в 1970-х гг. были раскрыты фрески VI в., в алтарной апсиде сохранились фрагменты росписи XII в. («Св. Моисей»)¹⁶⁹. Укреплению Эмесской кафедры в составе Антиохийского Патриархата, бесспорно способствовало как перенесение в город главы Иоанна Предтечи, так и возрастание численности и благополучия ее паствы, в сравнении с другими епархиями Анти-

¹⁶⁶ Феофан Исповедник. Указ. соч. — С. 314.

¹⁶⁷ Le Strange G. Op.cit. — P. 353.

¹⁶⁸ Григорович-Барский В.И.. Указ. соч. — Часть II, С. 103.

¹⁶⁹ Подробнее о фресках церкви Мар Элиан (и в принципе, о сирийских средневековых росписях), см. Leroy J. Découvertes de peintures chrétiennes en Syrie // Annales archéologiques arabes syriennes. — 1975. — Vol. 25 (№1—2). — P. 95—113. Также о церкви Мар Элиан, об иконографии великомученика Элиана и о мелькитской (поздней) иконе святого, см. Candea V. Une oeuvre d'art melkite: l'icône de Saint-Elia de Homs // Syria. — 1972. — №49. — P. 219—238.

охийской Церкви¹⁷⁰. Долина Оронта с ее городами — Хомсом (Эмесой), Хамой, Шейзаром и, в меньшей степени — Апамеей — на протяжении веков оставалась центром сосредоточения мелькитов, живших анклавами как в обособленных сельских поселениях, так и в городских кварталах, среди мусульман. В долине Оронта находилась и епископская кафедра Епифании/Хамы, значительно укрепившая свои позиции среди антиохийских епархий в эпоху арабо-мусульманского господства¹⁷¹. В близлежащем Шейзаре, с возвращением города в состав Ромейской державы (на рубеже X-XI вв.), была восстановлена православная епископская кафедра¹⁷².

¹⁷⁰ Упоминания о мелькитских епископах и, позднее, митрополитах Эмесы доходят до нас достаточно равномерно, хоть и со значительными перерывами. Феофан Исповедник упоминает, на страницах своей хроники, о том, что епископ Эмесы (имя которого не приводится) был сожжен в 657 г. В IX в. на кафедру Эмесы (ок. 836 г.) взошел епископ Василий — получивший широкую известность как автор «Жития Св. Феодора Эдесского» (Василий называет себя племянником Св. Феодора), и возможный автор «Послания трех [восточных] патриархов к императору Феофилу». К первой трети XI в., точнее — к правлению императора Константина VIII, относится упоминание об еще одном митрополите Эмесы — Феодоре. См. Феофан Исповедник. Указ. соч. — С. 255; Le Quien. Op.cit. — Tomus II, с. 841—842; Afinogenov D. (Афиногенов Д.). The new edition of the «The Letter of the Three Patriarchs»: problems and achievements // Σύμμεκτα. — 2003—2004. — №16. — P. 9—33.

¹⁷¹ В годы арабского правления печальную известность приобрел епископ Епифании — Косма II Команит, обвиненный в хищении церковных средств, анафематствованный Патриархом Феодором Антиохийским и другими восточными Патриархами, и, желая заручиться поддержкой императора Константина V Копронима, вставший на сторону иконоборцев. Поскольку Хама сохраняла достаточно многочисленную мелькитскую общину, очевидно сохранялась и линия епископов Епифании, хотя сведения о ней достаточно обрывочны. Уже после эпохи крестовых походов, в период османского правления, значение епархии Епифании возросло настолько, что она получила статус митрополии Антиохийского Патриархата. Еще в XIX в. К.М. Базили насчитывал, среди населения Хамы, до 2,000 православных семей. См. Феофан Исповедник. Указ. соч. — С. 316; Le Quien. Op.cit. — Tomus II, P. 918; Базили К.М. Указ. соч. — С. 450.

¹⁷² В Шейзаре (или, как его называли ромеи — Лариссе) мелькитский епископ был, очевидно, восстановлен после возвращения города в состав Ромейской империи при Василии II Болгаробойце. Еще Гильом Тирский, писавший во второй половине XII в., и описывавший осаду Шейзара ромеями и франками в 1138 г., обращал внимание на то, что значительную часть населения города составляли христиане. По его словам, «множество верных, с давних времен, населяли город». См. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XV, с. 1, P. 657. О православной епархии Лариссы (Шейзара), см. Gelzer H. Ungedruckte und wenig bekannte Bistümerverzeichnisse der orientalischen Kirche I... — P. 248; Todt, K.-P. Notitia und Diözesen des griechisch-orthodoxen Patriarchates von Antiocheia im 10. und 11. Jh. — P. 181; Tonghini C. Shayzar I. Fortification of the Citadel. — Boston, 2012. — P. 47—48.

В эпоху арабского правления все большее значение приобретала расположенная к северу епархия Алеппо (Верои), обладавшая правами автокефальной епископской кафедры (архиепископии)¹⁷³. В Алеппо в XI в. находилось около шести мелькитских и сиро-яковитских церквей¹⁷⁴. В собственности алеппских мелькитов и их епископа, вплоть до 1124 г. находился византийский собор Св. Елены, воздвигнутый еще в V в.¹⁷⁵.

Обширные мелькитские анклавы располагались на сиро-ливанском побережье и в покрытых лесами, богатых источниками пресной воды приморских долинах. Среди этих, заселенных мелькитами территорий, следует назвать земли между городами Тартус и Сафита, а также обширную область Аль-Кура между Триполи и Батруном¹⁷⁶. Мелькиты издревле населяли долины между хребтами Ливана и Анти-Ливана, и вдоль течения Оронта. Многочисленные мелькитские поселения можно было найти в долине Бекаа. Между Тартусом и Хомсом простирается еще одна, славящаяся своим плодородием, многочисленными садами и хвойными лесами долина — Вади аль-Насара, «долина христиан» — исторический центр сосредоточения сирий-

¹⁷³ Р. Беттс отмечает, что «Алеппо на протяжении многих веков был важнейшим христианским центром Сирии». См. Betts R.B. *The Southern Portals of Byzantium...* Р. 89. О том, что мелькиты составляли многочисленную и влиятельную часть населения Алеппо, и епископ Верои пользовался все большим влиянием в Антиохийской Церкви пишет, в своей работе о мелькитах VII-XI вв., Х. Кеннеди. См. Kennedy H. *The Melkite Church from the Islamic Conquest to the Crusades...* — Р. 337. В 847 г., во время схизмы в Антиохийском Патриархате, в Алеппо, при содействии местного мелькитского епископа, была совершена интронизация одного из двух претендентов на патриаршество — Николая Дамасского. В 976 г. архиепископ Верои (Алеппо) Агапий был возведен императором Василием II на Антиохийский патриарший престол. См. ниже: С. 100—105 (о роли епископа Алеппо в схизме 40—60-х гг. IX в. и борьбе за патриаршество); С. 100—105 (о епископе Агапии и его возведении на патриарший Антиохии при императоре Василии II). Преемство на Алеппской архиепископской кафедре сохранялось в эпоху крестовых походов. Мелькитский епископ Алеппо бежал в Антиохию в 1124 г., см. ниже — гл. 6, С. 100—105. Сохранилась булла Христофора, епископа Алеппо, относящаяся к середине XII в. См. Laurent V. *Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin. L'église: Supplément.* — Paris, 1972. — №1812.

¹⁷⁴ Шесть церквей в Алеппо насчитал мелькитский врач Юханна ибн Бутлан, подолгу останавливавшийся в городе в середине XI в. См. Le Strange G. *Op.cit.* — Р. 363.

¹⁷⁵ Подробнее об алеппском соборе Св. Елены см. Ecochard M. *Note sur un édifice chrétien d'Alep // Syria.* 1950. — Tome 27 (3—4). — Р. 270—283.

¹⁷⁶ Betts R.B. *The Southern Portals of Byzantium...* — Р. 81—82.

ских христиан (преимущественно — православных). Именно там был воздвигнут знаменитый монастырь Св. Георгия аль-Хумайра. Следовало бы напомнить, что многие из вышеуказанных анклавов существуют и поныне, к примеру, крупные православные анклавы в окрестностях Тартуса, в Вади аль-Насара и области Аль-Кура — крупнейшем анклав православных в континентальном Леванте; еще существуют достаточно многочисленные греко-католические общины Ябруда, Кары и города Захла в долине Бекаа и смешанные православные и греко-католические поселения, такие как Маалюля и Сайдана¹⁷⁷.

Если же говорить о православных епархиях этого региона, то первенством среди архиереев как прибрежных территорий, так и всего Антиохийского Патриархата, пользовался митрополит Тира. В первые два столетия арабского правления (VII-IX вв.) митрополиты Тира не только сохранили свою епархию, но продолжали принимать активное участие в жизни Патриархатов Антиохии, Александрии и Константинополя. В сорокалетний период вдовства патриаршего престола (702—743 гг.), Тирский митрополит, очевидно, оставался старшим архиереем Антиохийской Церкви. Во время почти векового вдовства Александрийской патриаршей кафедры (VII-VIII вв.), митрополиты Тира также несли архипастырское служение среди мелькитов Египта¹⁷⁸. В 844 г. митрополит Василий Тирский добился поставления своего слуги и кандидата — Евстафия на Антиохийский патриарший престол, что вызвало ожесточенное сопротивление других архиереев, во главе которых встали митрополит Дамаска и епи-

¹⁷⁷ В XVII в., в годы османского правления, земли долины Бекаа и Вади аль-Насара, так же как и приморские территории, испытали новый приток «византийских» христиан — православных и мелькитов греко-католиков — которые переселялись в западные долины, ближе к морю, из внутренних областей Сирии, в особенности — из Хаурана. Так, некоторые значимые, практически полностью заселенные православными и греко-католиками, поселения — такие как город Захла в долине Бекаа или деревня Мармарита в Вади аль-Насара — образовались лишь после переселения XVII в. Однако другие поселения, такие как город Амьон в Аль-Кура — известны со средних веков. К тому же, на мусульманском Востоке мелькиты могли мирно устроиться лишь на опустевших землях и в регионах, которые заселяли их единоверцы. См. Betts R.B. *The Southern Portals of Byzantium...* — P. 82—87. О мелькитских анклавах Сирии — от долины Оронта до Хаурана, см. также: Todt K.-P. *Griechisch-Orthodoxe (Melkitische) Christen im Zentralen und Südlichen Syrien // Le Muséon.* — 2006. — №119. — P. 33—88.

¹⁷⁸ Kennedy H. *The Melkite Church from the Islamic Conquest to the Crusades...* — P. 330—331.

скоп Алеппо. Между 844 и 847 гг. епископы, состоявшие в оппозиции к митрополиту Тирскому и «его» Патриарху Евстафию, собрались в Алеппо и возвели там в патриарший сан митрополита Николая Дамасского, что вызвало более чем двадцатилетний период схизмы в Антиохийской Церкви¹⁷⁹. То, что основными участниками конфликта за патриарший престол были митрополиты Тира, Дамаска и епископ Алеппо — также служит свидетельством того, что именно эти три епархии пользовались наибольшим благосостоянием и влиянием в лоне Антиохийского Патриархата, т. к. борьба за патриаршество требовала привлечения светской власти и, соответственно, приношения значительных средств и обильных даров арабо-мусульманским правителям¹⁸⁰.

В 869 г. митрополит Фома Тирский был представителем (апокрисиарием) Антиохийского престола и одним из первенствующих архиереев на Четвертом Константинопольском соборе (869—870 гг.), низложившем Патриарха Фотия¹⁸¹. Правда спустя десять лет, на Софийском соборе 879 г., после восстановления Фотия на патриаршем престоле Нового Рима, митрополит Фома, путем письменного обращения, принес покаяние в своем деянии и просил прощения у Вселенского Патриарха. При этом за митрополита Тира ходатайствовали три восточных Патриарха, что опять же подтверждает значимость Тирской епархии и ее архиерея для мелькитов Леванта¹⁸². Определенный перерыв в упоминании тирских митрополитов приходится на примерно

¹⁷⁹ История схизмы в Антиохийском Патриархате (сер. IX в.) подробно приведена в хронике Михаила Сирийца. См. Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XII, c. 20, P. 98—100.

¹⁸⁰ Схизма сошла на нет со смертью претендентов. Патриарх Евстафий последний раз упоминается в 866 г., Патриарх Николай I — в 869 г.

¹⁸¹ В числе первых лиц собора, А.П. Лебедев приводит следующих клириков и иерархов «три папских легата: Донат, епископ Остийский, Стефан, епископ Непийский и диакон Марин, далее — Патриарх Игнатий, митрополит Фома Тирский, в качестве местоблюстителя Антиохийского патриарха, пресвитер и синкелл Илия, в качестве местоблюстителя патриарха Иерусалимского; двенадцать высших императорских сановников». См. Лебедев А.П. История Константинопольских соборов IX века. — М.: Университетская типография, 1888. — С. 65.

¹⁸² В преступление митрополиту Фоме вменялось как его позиция на соборе 869—870 гг., так и то, что он, находясь в Константинополе с совершенно иной, сугубо дипломатической миссией (митрополиту Тира был поручен выкуп пленных сарацин), присвоил себе права не только апокрисиария, но и местоблюстителя Антиохийского

полуторавековой период — с конца IX и вплоть до XI в.¹⁸³. Однако уже с середины XI в. вновь появляются различные письменные и сигиллографические свидетельства о митрополитах Тира, вновь подчеркивающие их значение для Антиохийской Церкви и мелькитов Востока. К примеру, один из тирских архиереев XI в. — Василий упоминается как «митрополит Тира, прототронос (первый архиерей престола) и эконо́м Патриархата Антиохии»¹⁸⁴. В XII в. митрополиты Тира, наряду с православными Патриархами Антиохии, часто пребывали в Константинополе¹⁸⁵.

Сложнее говорить о других мелькитских епархиях на сиро-ливанском побережье. Вне всяких сомнений, такие города как Сидон, Бейрут, Библ, Триполи, Тартус и Валанция оставались центрами сосредоточения мелькитов, однако не факт, что там непрерывно сохранялись преемство православных церковных иерархов. В интересующую нас эпоху (XI-XIII вв.), так же как и в предшествующее X столетие, нет ни одного известного упоминания о мелькитском епископе Бейрута¹⁸⁶. Мелькитские епископы Сидона исчезают с арабским завоеванием и вновь появляются лишь в эпоху франкского правления¹⁸⁷. Мелькиты Триполи либо сохранили свою архиерейскую кафедру (бывшую суффраганом митро-

патриаршего престола. См. Лебедев А.П. История Константинопольских соборов IX века... — С. 179—180.

¹⁸³ Х. Кеннеди выдвигает предположение, что митрополия Тира как действующая кафедра «могла исчезнуть во время треволнений X и начала XI вв., но затем возродиться, благодаря византийскому патронажу, в XI столетии». См. Kennedy H. The Melkite Church from the Islamic Conquest to the Crusades... — P. 330—331.

¹⁸⁴ Сохранилась его булла. См. Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin Tome V (vol. 2). L'Église. — Paris 1965. — №1533.

¹⁸⁵ Митрополит Иоанн Тирский бежал в Константинополь около 1107 г. от фатимидских гонений. См. Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... P. 179—180. Митрополит Даниил Тирский, также вероятно пребывавший в Константинополе, упоминается около 1175 г. См. Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin Tome V (vol. 2). — №1532; Zacos G. Byzantine Lead Seals II // compiled and edited by J.W. Nesbitt. — Bern, 1984. — №441.

¹⁸⁶ В преемстве мелькитских епископов Бейрута существует пятисотлетний разрыв. Последний известный епископ Бейрута эпохи арабского правления — епископ Фома упоминается в 869—870 гг., после чего следующий православный архиерей города — епископ Павел появляется лишь в XIV в. (ок. 1365 г.). При этом, возможно что фигура епископа Фомы Бейрутского тождественна митрополиту Фоме Тирскому. См. Le Quien. Op.cit. — Tomus II, P. 820; Fedalto G. Hierarchia Ecclesiastica Orientalis... — Vol. II, P. 715.

¹⁸⁷ Подробнее см. ниже: гл. VI, С. 100—105.

полита Тира), либо, что более вероятно, возродили ее в X-XI вв., с усилением византийского влияния в Леванте¹⁸⁸. Епархия Валании, вероятно возрожденная с ромейским завоеванием города, продолжала поставлять своих архиереев на протяжении XI в.¹⁸⁹. Автокефальные епископы Селевкии Пиерии (гавани Св. Симеона) в последний раз упоминаются в правление императора Василия II Болгаробойцы¹⁹⁰. Среди прибрежных мелькитских епархий все большее значение, с момента византийского завоевания X-XI вв., приобретала автокефальная митрополия Латакии (Лаодикеи) — с ее возраставшим греческим и мелькитским населением и сохранявшимся преемством архиереев¹⁹¹.

В Киликии, в особенности после исхода мусульман в X в.¹⁹², православные (причем, во многом именно грекоязычные ромеи), оставались одним из преобладающих элементов в регионе, хотя в X-XI вв. они стали уступать численное превосходство мигрировавшим на эти земли армянам. Однако если в Нагорной Киликии, в горах Тавра, преобладание армян стало абсолютным, то на землях Равнинной Киликии, в особенности в Тарсе, Селевкии и Адане, а также и в лежавшем на стыке гор и равнины Аназарве, ромеи все еще составляли существенную часть населения¹⁹³. Киликия сохранила центральные пра-

¹⁸⁸ Епископ Триполи — Иосиф упоминается во второй половине XI в. Его булла, с роковым изображением Св. Георгия, найдена в Тире. См. Cheynet J.-C., Morrisson C., Seibt W. *Sceaux byzantins de la collection Henri Seyrig*. — Paris, 1991. — №273.

¹⁸⁹ О православных епископах Валании, см. Charon C. *Histoire des patriarchats melkites*... P. 234.

¹⁹⁰ Le Quien. *Op.cit.* — Tomus II, c. 780.

¹⁹¹ Сохранились свидетельства о митрополитах Лаодикеи Феодоре и Косме, занимавших кафедру в начале и середине XI в. соответственно. Так, сохранилась свинцовая печать «Космы — Митрополита Лаодикеи Сирийской», с образом Богородицы. См. Laurent V. *Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin Tome V (vol. 2). L'église*. — Paris 1965. — №1550—1551; Cheynet J.-C. *Sceaux byzantins des Musées d'Antioche et de Tarse // Travaux et Mémoires*. — 1994. — Vol. 12. — №67, P. 431. Преемство православных митрополитов Латакии, очевидно, сохранялось до начала XII в. см. Charon C. *Histoire des patriarchats melkites*... P. 234.

¹⁹² См. ниже. — С. 100—105.

¹⁹³ К примеру, Гиљом Тирский писал о том, что Тарс, «как и вся прилегающая страна, был населен христианами — греками и армянами». См. Guillaume de Tyr. *Op.cit.* — Lib. III, c. 19, P. 140. О присутствии крупной греческой общины в Тарсе в эпоху крестовых походов, см. Cahen C. *La Syrie du Nord*... P. 190. О преобладании в Киликии именно грекоязычных ромеев, а не их сиро- и арабоязычных единоверцев, см. Parker K.S. *The Indigenous Christians of the Arabic Middle East*... P. 39—40. Еще в середине XVII в., согласно описаниям архидиакона Павла Алеппского, греческий квартал Аданы

вославные епархии, число и значение которых возросло с возвращением этого региона в состав Ромейской империи¹⁹⁴. Первой по чести православной кафедрой Киликии и второй по чести кафедрой всего Антиохийского Патриархата была митрополия Тарса. Православная митрополия Тарса, на протяжении веков арабского и, позднее, византийского правления сохраняла свою паству, поселения, церкви и преемство иерархии¹⁹⁵. Другая древняя митрополия, расположенная на землях Равнинной Киликии, была митрополия Селевкии Исаврийской. Как уже было сказано выше, Селевкия исторически была оплотом киликийских греков. Епархия города, входившая в число двенадцати великих митрополий Антиохийской Церкви, продолжала существовать, сохраняя преемство своих иерархов, по крайней мере, со времен восстановления византийского господства¹⁹⁶. Третьей ки-

образовывал «город довольно большой и заключающий в себе много садов», наполненных лимонными и апельсиновыми деревьями. См. Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. — М.: О-во сохранения лит. наследия, 2005. — Книга I, гл. 1, С. 15. Присутствие греческих общин в Тарсе и Адане сохранялось в Киликии до XIX-XX вв., что было отмечено К.М. Базили, который (в 30–50-х гг. XIX в.) насчитал там «около 2,000 семейств православных» в сравнении с 4,000 «домами» мусульман и таким же количеством «курдов, туркменов и ансариев». См. Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством — М.: Мосты Культуры, 2007. — С. 451.

¹⁹⁴ О завоевании Киликии см. ниже: гл. 1, С. 100–105.

¹⁹⁵ Первые митрополиты эпохи арабского правления — Феодор, Евстафий и Исидор занимали кафедру Тарса в VII-начале VIII вв. Затем свидетельства о митрополитах Тарса пресекаются примерно на два столетия (VIII-IX вв.). Новые упоминания о митрополитах Тарса непосредственно предшествует киликийским походам императора Никифора II Фоки, а в эпоху византийского правления в Киликии можно уже говорить о полноценной линии преемства архиереев Тарса. Так, к 955 г. (т. е. к последнему десятилетию арабского правления в Тарсе) относится упоминание о православном архиерее этого города, имя которого не сохранилось в источниках. См. Le Quien. *Op.cit.* — Tomus II, с. 876. Сохранился и ряд упоминаний о митрополитах Тарса, занимавших кафедру уже в годы восстановленного византийского правления в Киликии, в том числе о митрополите Косме (занимал кафедру на рубеже X-XI вв.) и Феофиле (ок. 1060–1080 гг.). Михаил Пселл также упоминает о современном ему митрополите Тарса, которого обличает как одного из худших архиереев своего времени. См. Michael Psellus. *Oratoria minora.* — Leipzig, 1985. Также см. Fedalto G. *Hierarchia Ecclesiastica Orientalis...* — Vol. II, P. 754.

¹⁹⁶ Последний известный селевкийский архиерей эпохи арабского правления — митрополит Макробий, присутствовал на Третьем Константинопольском (Шестом Вселенском) соборе 680 г. См. Le Quien. *Op.cit.* — Tomus II, с. 1016. С момента ромейского завоевания Киликии, появляются упоминания и сигиллографические свидетельства

лийской митрополией Антиохийского Патриархата был Аназарв. Невзирая на все возраставшее превосходство армянского населения, греки продолжали составлять значительную часть населения этого города, а митрополиты Аназарва оставались первенствующими по чести православными архиереями Нагорной Киликии и сохраняли свое преемство на протяжении X-XIII вв.¹⁹⁷ Значение некоторых киликийских епархий возросло именно в период второго византийского правления (X-XI вв.), поскольку паства возвращенных империи городов возрастала за счет притекавших на эти земли ромейских переселенцев, и их кафедральные города становились новыми точками опоры для присутствия православных в Леванте. Так, в X в. в ранг автокефальной митрополии была возведена епархия Помпейополя¹⁹⁸, а в следующем, XI столетии статус автокефальных митрополитов был дарован и архиереям Аданы¹⁹⁹. До этого обе кафедры находились на положении суффраганов Тарса.

о возрождении Селевкийской митрополии. Так, сохранились буллы митрополитов Иоанна, Никифора и Никиты, занимавших кафедру Селевкии Исаурийской в XI в. Подробнее, см. Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin Tome V (vol. 2). L'église. — Paris 1965. — №1547, 1548; Cheynet J.-C. Sceaux byzantins des Musées d'Antioche et de Tarse... — №68; Zacos G. Byzantine Lead Seals II. — №638. Так, Ж.-К. Шейне приводит печать митрополита Селевкии — Никифора, с образом св. равноапостольной Феклы на аверсе.

¹⁹⁷ Митрополиты Аназарва упоминаются как на ранней стадии арабского господства, так и на исходе их правления в Киликии; упоминания о митрополите Исидоре относятся к 692 г., свидетельства о митрополитах Авиве и Иоанне — к 923 г. и 940 г. соответственно. С момента восстановления византийского господства в Киликии упоминаются митрополиты Лазарь (986 г.), Лука (ок. 1030—1038 гг.), Иоанн (вторая половина XI в.), а также анонимный митрополит, принимавший участие в константинопольском соборе 1089 г. Подробнее см. Грацианский М.В., Казарян А.Ю. Аназарв // Православная Энциклопедия. Том 2. — М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2001. — С. 209—210; Le Quien. Op.cit. — Tomus II, с. 887—888; Wassiliou A.-K. Neue Metropolen und Bischofssiegel aus Kleinasien und der östlichen Ägäis // Studies in Byzantine Sigillography. — 2003. — Vol. 8. — №7. О митрополитах Аназарва XII-XIII вв. подробно будет сказано ниже, см. глава VIII, С. 100—105.

¹⁹⁸ Эллинистический, римский и византийский город Помпейополь (он же — Соли) расположен к западу от современного города Мерсин.

¹⁹⁹ Так, сохранилась булла православного митрополита Аданы — Авраамия (сер. XI в.), с изображением св. воина-мученика Мины. Булла хранится в Музее Хатай. См. Cheynet J.-C. Sceaux de la collection Khoury // Revue numismatique, 6. — 2003. — Tome 159. — №23, P. 439; Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin Tome V (vol. 2). L'église. — Paris 1965. — №1556.

На северных рубежах Антиохийского Патриархата, на Армянском нагорье, в верховьях Евфрата, находилась митрополия Феодосиополя (Эрзурума)²⁰⁰. Невзирая на то, что большую часть населения этого региона составляли армяне-миафизиты, окормлявшиеся собственной иерархией, митрополит Феодосиополя распространял свою каноническую власть на достаточно разнородные общины православных — преимущественно армян-халкидонитов, но также и сирийцев, грузин, грекоязычных ромеев²⁰¹. На стыке Сирии, Киликии и Анатолии, в Мелитене, также находилась православная архиепископская кафедра, принадлежавшая юрисдикции Константинопольского Патриарха. Невзирая на принадлежность к Константинопольской, а не Антиохийской Церкви, архиепископы Мелитены также заслуживают упоминания, т. к. они играли значимую роль в делах христианского Востока. К примеру, архиепископ

²⁰⁰ В «Нотии» Патриарха Анастасия I двенадцатое место, среди великих митрополий Антиохийского престола, занимала кафедра месопотамского города-крепости Дара. Однако в VII в. город пришел в упадок, и в «Нотии» XI в., изданной Гельцером, место разоренной Дары занимает лежавший к северу Феодосиополь. См. *Vailhe S. La «Notitia episcopatum» d'Antioche du Patriarche Anastase... P. 98—99; Gelzer H. Op.cit. — Vol. №1. — P. 261.*

²⁰¹ Митрополия Феодосиополя существовала вплоть до начала XX вв. О ней еще упоминает, хоть и кратко, К.М. Базили. См. Базили К.М. Указ. соч. — С. 452. Вайль, составляя статью об Эрзуруме для Католической энциклопедии, пишет о том, что в городе все еще находилась православная кафедра, которую занимал «греческий митрополит, по-прежнему зависимый от Патриарха Антиохийского». См. *Vailhé S. Erzerum (Theodosiopolis) // The Catholic Encyclopedia. Vol. 5. — New York, 1909.* Писавший в XVII в. Патриарх Макарий III Антиохийский упоминает о совершенной им хиротонии митрополита Эрзурума, которым стал местный иеромонах, сведущий «в языках армянском, и турецком и греческом». См. Панченко К.А. Митрополиты и епархии православной Антиохийской Церкви в описании Патриарха Макария III аз-За'има (1665 г.) // *Вестник церковной истории.* — 2012. — №1—2 (25/26). — С. 142. Это вновь свидетельствует о многонациональном (но преимущественно — армянском) составе паствы митрополии Эрзурума (Феодосиополя). Наконец, один из немецких путешественников XIX в. пишет о том, что в городе «находилась греческая церковь, хотя в Эрзеруме живет не так много греческих семей и все они говорят по-армянски». Сохранявшаяся до XX в. православная церковь Эрзерума была освящена в честь Св. Феодора. См. *On the Russian Conquests in Asia // The United Service Journal and Naval and Military Magazine.* — London, 1830. — P. 30. К интересующему нас периоду относится сохранившаяся булла митрополита Феодосиополя — Феодосия (сер. XI в.). См. *McGeer E., Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art 5: The East (cont.), Constantinople and Environs, Unknown Locations, Addenda, Uncertain Readings.* — Washington D.C., 2005. — №72.

Мелитены Никифор, занимавший кафедру ок. 1028 г., был известен как один из вдохновителей имперских репрессий против сиро-яковитов²⁰².

На Евфрате мелькиты сохраняли несколько действующих епархий, в том числе и Эдесскую митрополию. Причем в IX–XI вв. упоминаются как митрополиты Эдессы²⁰³, так и некоторые их

²⁰² Среди других архиепископов Мелитены, занимавших кафедру в X–XII вв., можно назвать архиепископа Феодора (998 г.), Иоанна (1027 г.), упомянутого выше Никифора (1028 г.), Никиту (1166 г.), Иоанна (1193 гг.). Подробнее, см. Le Quien. *Op.cit.* — Tomus I, с. 445–446.

²⁰³ К ранней стадии арабского правления относится упоминание о мелькитском митрополите Эдессы — Иоанне, занимавшем кафедру на рубеже VI–VII вв. См. Le Quien. *Op.cit.* — Tomus II, с. 966. Особую известность в православной литературе получил Св. Феодор — подвизавшийся в лавре Св. Саввы Освященного, а затем ставший митрополитом Эдессы. «Житие Св. Феодора Эдесского» см. Помяловский И.С. Житие иже во святых отца нашего Феодора архиепископа Едесского. — СПб.: 1892; Васильев А.А. Житие иже во святых отца нашего Феодора, архиепископа Едесского (рец.) // Журнал Министерства народного просвещения. — 1893. — Том 286. — С. 201–210. О св. Феодоре, митрополите Эдесском, также см.: Segal J.B. *Edessa: The Blessed City...* P. 190, 207. Ко второму византийскому правлению в Эдессе (1032–1087 гг.) также относится ряд упоминаний о православных митрополитах города. Митрополит Павел Эдесский упоминается в эпоху правления императора Романа IV Диогена (1068–1071 гг.), см. Le Quien. *Op.cit.* — Tomus II, с. 966. Его преемником на кафедре и, вероятно, одним из последних мелькитских архиереев Эдессы стал митрополит Никита Пророк (ок. 1075 г.). См. Schlumberger G. *Sigillographie de l'empire byzantin*. — Paris, 1884. — P. 317; Laurent V. *Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin Tome V (vol. 2). L'Église...* — №1543. Альберт Аахенский упоминает о том, что правитель Эдессы — куропалат Торос направил посольство к графу Бодуэну Булонскому (брату Готфрида Булонского и одному из участников Первого крестового похода), состоявшее из «епископа города (...) с двенадцатью старшими правителями», с приглашением прибыть в Эдессу. См. Alberti Aquensis. *Op.cit.* — Lib. III, с. 19, P. 169. Под двенадцатью правителями подразумеваются двенадцать ишханов Эдессы; вопрос о том, был ли упоминаемый Альбертом Аахенским архиерей мелькитским митрополитом или армянским архиепископом, остается открытым. Так или иначе, последним периодом пребывания в Эдессе мелькитских архиереев следует считать именно XI в. После разорения города и его церквей в 1144–1146 гг. православным архиереям не к кому было бы возвращаться в город, даже с учетом того, что армяне и сиро-яковиты, за счет многочисленности своих общин, смогли восстановить там свои кафедры. Митрополиты Эдессы упоминаются еще в XII–XIV вв., однако, скорее всего, кафедра уже была сугубо титулярной. Так, в собрании Dumbarton Oaks сохранилась булла митрополита Эдесского Иоанна, датированная серединой XII в. См. Laurent V. *Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin Tome V (vol. 1). L'Église*. — Paris 1963. — №260. Титулярный митрополит Эдессы — Евфимий упоминается еще в 1365 г. Подробнее, см. Панченко К.А. Забытая катастрофа. К реконструкции последствий Александрийского крестового похода 1365 г. на Христианском Востоке // Арабы-христиане в истории и литературе Ближнего Востока. — М.: ПСТГУ, 2013. — С. 215.

епископы-суффраганы, такие как мелькитские епископы Харрана и Ракки²⁰⁴. В Эдессе мелькиты сохранили возведенную в правление Юстиниана I Великого базилику Св. Софии. Строительство и украшение этого мелькитского собора сирийские хронисты связывали с именем митрополита Эдессы — Амазония²⁰⁵. Храм, фактически представлявший собой коренным образом перестроенную раннехристианскую церковь Св. Фомы, был заново освящен в честь Св. Софии — Премудрости Божией и, соответственно, в честь великого константинопольского детища императора Юстиниана²⁰⁶. Великолепие эдесской Софии увековечено в дошедшем до наших дней сирийском гимне (точнее — согите), составленном спустя несколько лет после освящения этого храма²⁰⁷. Окруженная искусственным водоемом (каналом, отведенным от русла реки), София возвышалась над городом, увенчанная огромным куполом, внутренняя часть которого была украшена великолепной мозаикой. «Воды окружают ее как море [окружает мир]. Кровля ее возвышается как небо, без колонн²⁰⁸,

²⁰⁴ Мелькитский епископ сирийской Ракки, суффраган Эдесского митрополита, принимал активное участие в Антиохийской схизме 844—860-х гг. Именно он был одним из двух архиереев, совершивших хиротонию Патриарха Евстафия Антиохийского в 844 г. Подробнее, см. Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XII, c. 20, P. 98—100. Епископом Харрана был один из великих мелькитских полемистов и фактический первый значимый православный богослов, писавший по-арабски — Феодор Абу-Курра (825—869 гг.). См. Le Quien. Op.cit. — Tomus II, c. 849—850. Также, см. ниже: С. 100—105.

²⁰⁵ Бар Эбрей, в своей «Церковной истории», упоминает о том, что «у халкидонитов Эдессы был епископ Амазоний, который возвел и украсил их великую городскую церковь». См. Bar Hebraeus. Chronica Ecclesiastica... — Vol. I, c. 220.

²⁰⁶ Подробнее, см. Guidetti M. The Byzantine Heritage in Dar al-Islam: Churches and Mosques in al-Ruha between the sixth and the twelfth century // Muqarnas. — 2009. — №26. — P. 8.

²⁰⁷ Согита известна благодаря рукописи XIII в., ныне хранящейся в библиотеке Ватикана: Codex Vaticanus syriacus 95, f. 49—50. Переводы согиты на освящение эдесской Софии приведены в Grabar A. Le témoignage d'un hymne syriaque sur l'architecture de la cathédrale d'Édesse au VIe siècle et sur la symbolique de l'édifice chrétien // Cahiers archéologiques. — 1947. — №2. — P. 29—67; Palmer A., Rodley L., Trone R.H. The inauguration anthem of Hagia Sophia in Edessa // Byzantine and Modern Greek Studies. — 1988. — №12. — P. 117—167; Segal J.B. Edessa: The Blessed City... P. 189.

²⁰⁸ Автор согиты особо акцентирует внимание на том, что купол возвышался без колонн. Возведение купола без видимых опор (тщательно рассчитанных и завуалированных сводами, арками и колоннами) стало величайшим архитектурным открытием эпохи Юстиниана I. Наиболее известным и масштабным примером подобной

укрепленная сводами и утвержденная прочно, украшенная золочеными мозаиками как небосвод — светлыми звездами»²⁰⁹. Сирийский поэт также уподобляет цвета мозаики небесной радуге. Путь в храм открывали пять врат «ибо таким было число разумных дев, которые вошли в брачные покои света». Посреди храма «подобно Сионской горнице» возвышалась вема (сирийский аналог амвона), поддержанная одиннадцатью колоннами. К алтарю и горнему месту вели девять ступеней; утренний свет падал в святую святых из трех окон алтарной апсиды; «Единый свет проникает в алтарь через три окна, свидетельствуя нам о Таинстве Троицы — Отца, Сына и Святого Духа». Киворий, воздвигнутый над святым престолом на десяти колоннах — в знак десяти апостолов, покинувших Христа в Страстную Пятницу — был украшен образом херува (херувима).

Именно в эдесской базилике Св. Софии, до перенесения в Константинополь в 944 г., хранился Святой Мандилион — Спас Нерукотворный²¹⁰. Величайшая и первая из икон христианского мира хранилась в южном (правом) приделе базилики, в особой раке. Придел был надежно огражден вратами и кованой решеткой, не позволявшей паломникам приближаться к святыне. В определенные дни врата придела раскрывали и клир Св. Софии предъявлял стоявшему за решетчатой оградой народу укрытый драгоценный ракой и ризами Мандилион. Два раза в год Нерукотворный Образ извлекали из раки и совершали с ним торжественный крестный ход по улицам Эдессы. Арабы воспринимали эдесскую базилику Св. Софии как одно из великих христианских сокровищ Дар аль-Ислама²¹¹. Невзирая на то, что арабские правители возвели мечеть, непосредственно прилегавшую к храму, и вытребовали часть ее колонн, они проявляли и редкую заботу о благосостоянии эдесской Софии. Халиф Муавия на собственные средства восстановил киворий над алтарем и часть стен собора,

постройки является возведенная Исидором Милетским и Анфимием Тралльским константинопольская София.

²⁰⁹ Ссылки на тексты оригинала и перевода см. в предшествующем примечании.

²¹⁰ Segal J.B. *Edessa: The Blessed City*... P. 78.

²¹¹ Guidetti M. *The Byzantine Heritage in Dar al-Islam: Churches and Mosques in al-Ruha*... P. 11. К примеру, Аль-Мукаддаси называет эдесскую Софию в числе величайших христианских церквей, признанных среди «чудес света». См. Le Strange G. *Op.cit.* — P. 117.

которые обрушились после одного из сирийских землетрясений²¹². Халиф аль-Мамун, в 829 г., во время своего пребывания в городе, посетил базилику, встретился с мелькитским митрополитом Эдессы и освободил его и клир Св. Софии от уплаты налогов с бань, лавок и мельниц, принадлежавших церкви²¹³. Помимо базилики Св. Софии в эпоху арабского владычества мелькиты Эдессы держали ряд других действующих церквей, таких как церковь Св. Георгия, церковь Святых Апостолов, соборный храм Спасителя и женский монастырь, располагавшийся за пределами городских стен²¹⁴. В расположенной непосредственно к северу от Эдессы, на переправах через Евфрат, Самосате мелькиты сохраняли действующую епархию (автокефальную митрополию) как в годы арабского, так и в годы второго византийского правления²¹⁵. В то же самое время, с началом арабских завоеваний исчезла древняя митрополия Антиохийской Церкви, располагавшаяся в приевфратских землях, а именно — митрополия Кира (Куриса)²¹⁶.

²¹² Segal J.B. *Edessa: The Blessed City*... P. 204.

²¹³ Guidetti M. *The Byzantine Heritage in Dar al-Islam: Churches and Mosques in al-Ruha*... P. 9.

²¹⁴ Перечень приведен Дж. Сегалом на основе «Жития Св. Феодора Эдесского». См. Segal J.B. *Edessa: The Blessed City*... P. 208. О мелькитских церквях Эдессы эпохи второго византийского и франкского правления будет подробнее сказано в следующих разделах и главах.

²¹⁵ Кафедра Самосаты была, в VIII-IX вв. объединена с митрополией Амиды. «Авраам — митрополит Амиды и Самосаты Армянской» был в числе участников Софийского собора 879 г. См. Vailhe S. *La «Notitia episcopatum» d'Antioche du Patriarche Anastase*... P. 98. Однако в «Нотиици...», изданной Гельцером, так же как и в нотиции Нила Доксапатрия, митрополии Амиды и Самосаты вновь фигурируют как отдельные кафедры, что позволяет предположить, что с возвращением Самосаты в лоно Ромейской державы (в XI в.), митрополия в этом городе была восстановлена. См. Gelzer H. *Op.cit.* — Vol. №1. — P. 245—282; Nilus Dohapatris. *Op.cit.* — P. 271—273. Мелькитский митрополит Самосаты — Авраам II (его не следует путать с участником Софийского собора 879 г.), принимал деятельное участие в переговорах и перенесении Святого убруса (Спаса Нерукотворного) из Эдессы в Константинополь в 944 г. См. Le Quien. *Op.cit.* — Tomus II, c. 936. Сохранилось несколько булл мелькитских митрополитов Самосаты, занимавших кафедру в XI в., в частности, митрополитов Иоанна, Николая, Симеона и Константина. Подробнее, см. Cheynet J.-C. *Sceaux de plomb du musée d'Antioche* // *Revue des études byzantines*. — 1994. — Tome 54. — P. 259; Zacos G. *Byzantine Lead Seals II*... — №822.

²¹⁶ Подробнее см. Kennedy H. *The Melkite Church from the Islamic Conquest to the Crusades*... P. 338.

К югу от течения Евфрата сохранилась еще одна епархия Антиохийского Патриархата — митрополия Сергиополя (Ресафы), место мученической кончины Св. Сергия. Великолепные позднеантичные постройки Сергиополя — базилики, дворец, цистерны и укрепления — были перестроены халифом Хишамом ибн Абд аль-Маликом, который превратил город в свою летнюю резиденцию и убежище во время бушевавшей в Сирии чумы. Город, население которого осталось преимущественно христианским, посещал в XI в. знаменитый багдадский врач-мелькит Юханна ибн Бутлан, оставивший описание великолепного дворца (Каср Русафа) «уступающего лишь дворцу халифа в Багдаде» и «великую церковь, внешняя сторона которой покрыта золотом мозаики, созданной по приказу Константина, сына Елены». Также Ибн Бутлан отмечает и безнравственность жителей-христиан, «чей заработок зависит от конвоирования караванов», но которые проявляют себя скорее как «разбойники и воры»²¹⁷. Якут аль-Хамави восхищался постройками монастыря — Дейр-ар-Русафа, расположенного «на западном берегу Евфрата, в пустыне» и представлявшего собой «невероятной красоты постройку»²¹⁸. При этом в период путешествия Якута (1225 г.) монастырь был еще обитаем; там были и прихожане, и монашеская братия. Митрополит Сергиополя — Симеон упоминается еще в 1093 г.²¹⁹, что позволяет предположить, что действующая мелькитская епархия сохранялась там на рубеже XI-XII вв., а возможно и вплоть до окончательного запустения города после монгольских разорений XIII века²²⁰. Даже в далекой месопотамской Амиде (Диарбекире), у берегов Тигра, невзирая на более чем одиннадцать веков исламского господства, православные христиане сохраняли свои дома и церкви, и даже действовавшую митрополичью кафедру до начала XX в. Старейшим храмом Амиды была византийская церковь Свв. Космы и Дамиана (Мар Косма), действовавшая вплоть до

²¹⁷ Le Strange G. Op.cit. — P. 522.

²¹⁸ Le Strange G. Op.cit. — P. 432.

²¹⁹ Vailhé S. Sergiopolis // The Catholic Encyclopedia. Vol. 13. — New York, 1912; Echos d'Orient. Vol. III. — Paris, 1897. — P. 238.

²²⁰ Об Эдесской митрополии и других мелькитских епископских кафедрах на берегах Евфрата, см. Todt K.-P. Region und griechisch-orthodoxes Patriarchat von Antiocheia; Todt K.-P. Griechisch-Orthodoxe (Melkitische) Christen im Zentralen und Südlichen Syrien... — P. 84—87.

начала Первой мировой войны²²¹. В двух днях пути к северо-востоку от Амиды располагался город Мартирополь — кафедральный град еще одной епархии месопотамских мелькитов, возглавляемой автокефальным митрополитом²²². Мелькитская община существовала там еще во второй половине XVII в., что отражено в текстах Патриарха Макария III, однако к этому времени город уже давно лишился собственных митрополитов и епархия превратилась лишь в небольшую общину²²³. Также, если говорить о мелькитских поселениях и архиерейских кафедрах на берегах Тигра, нельзя не упомянуть и о мелькитах Мардина. Михаил Сириец, в своей хронике, приводит историю о том, как сиро-яковитский епископ Мардина — Иоанн отрекся от миафизитской доктрины и перешел, с частью своей паствы, в лоно халкидонской, Антиохийской Церкви (X в.)²²⁴.

История православных епархий — исчезновение таких древних митрополий как Кир и Дара, постепенное угасание митрополии Апа-меи, сохранение мелькитских общин и их епархий в таких отдаленных центрах как Амида и Феодосиополь, укрепление и возвышение таких епархий как Эмеса (Хомс), Алеппо и Епифания (Хама), наконец — возрождение приморских епархий мелькитов в эпоху крестовых походов²²⁵ — по крайней мере в некоторой степени отражает распределение, численность и благосостояние ромеев/мелькитов в различных регионах средневекового Востока. Здесь уместно было бы привести

²²¹ Об архитектуре церкви см. Berchem M., Bell G., Strzygowski J. *Amida: materiaux pour l'épigraphie et l'histoire Musulmanes du Diyar-Bekr.* — Heidelberg, 1910. — P. 162—171. В XIX в. митрополия Амиды привлекла оживленное внимание со стороны Рима, Петербурга, Константинополя и Дамаска. Митрополия почти в полном составе перешла в лоно Мелькитской Греко-католической Церкви, после чего больше половины верующих и клира вернулись в лоно православного Антиохийского Патриархата, что, естественно, сопровождалось оживленной политической борьбой. О состоянии митрополии Амиды в XIX в., см. Порфирий (Успенский). Сказание о православной Амидийской митрополитии в Месопотамии // *Духовная беседа.* — 1863. — Том 19, №37.

²²² Василий — митрополит Мартирополя был апокрисиарием Антиохийского Патриарха на Софийском соборе (879—880 гг.), восстановившем на константинопольском престоле Патриарха Фотия. См. Лебедев А.П. *История Константинопольских соборов IX века...* С. 155.

²²³ Панченко К.А. Митрополиты и епархии православной Антиохийской Церкви в описании Патриарха Макария III аз-За'има... — С. 143.

²²⁴ Подробнее см. Michel le Syrien. *Op.cit.* — Vol. III, P. 482. Le Quien упоминает епископа Иоанна Мардинского среди епископов Мартирополя. — Le Quien. *Op.cit.* — Tomus II, P. 1002.

²²⁵ Об этом подробно будет сказано в последующих главах. См. гл. 1—2, С. 100—105.

тезис, в свое время выдвинутый Х. Кеннеди, о том, что «фактически, структура мелькитской Церкви отражала реальное территориальное распределение паствы, а не архаическое устройство [патриархата]»²²⁶.

Католикосаты Ромагиры (Румагирд) и Иринополя (Багдада)

В интересующий нас период в X–XIV вв. продолжали свое существование и ныне исчезнувшие православные католикосаты Ромагиры и Иринополя, объединявшие мелькитов восточной Месопотамии, Персии и Средней Азии. Истоки переселения и распространения «румов» к востоку от традиционных границ Ромейской империи были, во многом, связаны с разорением Антиохии шахиншахом Хосровом (в 540 г.), о котором мы уже писали выше. Разорив дотла Антиохию, Хосров угнал ее население в сердце своей державы и велел возвести для ромейских пленников новый город — «Антиохию Хосрова», располагавшуюся близ сасанидской столицы — Ктесифона. «Хосров же построил в Ассирии, в месте, отстоящем от Ктесифона на расстоянии одного дня пути, город, назвал его Антиохией Хосрова и поселил там всех пленных антиохийцев; выстроил им бани, ипподром и повелел предоставить им и другие удовольствия. Ибо он вел с собой из Антиохии и других городов и возникших, и мастеров, искусных в музыке и пении. Кроме того, этих антиохийцев он все время содержал из государственной казны с большей заботливостью, чем это обычно бывает с пленными, и пожелал, чтобы их называли царскими с тем, чтобы они не были подвластны никому из архонтов, а только ему одному. И если кто-либо из других римлян, оказавшись в рабстве, бежал и сумел пробраться в Антиохию Хосрова и если кто-либо из живущих там [людей] называл его своим родственником, то господину этого пленника не разрешалось уводить его оттуда, пусть даже тот, кто взял этого человека в плен, был одним из самых знатных персов»²²⁷.

Антиохия Хосрова просуществовала не более двух веков, причем почти половина этого периода пришлась уже на эпоху арабского правления. Когда второй халиф династии Аббасидов — Аль-Мансур приступил к строительству своей новой столицы — Багдада, он решил

²²⁶ Kennedy H. The Melkite Church from the Islamic Conquest to the Crusades... P. 338.

²²⁷ Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с савдами. Тайная история. — М.: Наука, 1993. — Война с персами, гл. 14 (1–4).

перераспределить население близлежащих областей. В первую очередь, это касалось христианского, ромейского города, оказавшегося в опасной близости от новой столицы. В 762 г., по распоряжению Аль-Мансура, православное население Антиохии Хосрова, во главе с католикомом, было переселено на дальние восточные рубежи халифата — в область Шаш (Чач), охватывающую долины между реками Сырдарья, Чирчик и Ахангаран²²⁸. Описание этого переселения мелькитов из Антиохии Хосрова в Шаш можно найти в «Житии Христофора Патриарха Антиохийского», составленного на рубеже X-XI вв. мелькитским автором — антиохийским протоспафарием Ибрагимом ибн Юханной. «Когда же сыны Агари строили Город мира, Багдад, они решили изгнать христиан из его окрестностей и переселить их в одну из отдаленных персидских областей под названием Шаш. Туда же они отправили католика вместе с его окружением. Переселенцев стали называть 'общиной ромеев' (Ромагира/Румагирд. — С. Б.), и это название закрепилось за ними»²²⁹.

В то же самое время, в воздвигнутом Аль-Мансуром Багдаде вскоре сформировалась собственная многочисленная община православных, состоявшая из ромейских пленников, их потомков и мелькитских переселенцев, наполнивших, в числе прочих народов, новую столицу Арабского халифата. Мелькиты официально обосновались в Багдаде в правление халифа Аль-Махди (775—785 гг.), когда один из кварталов города был отведен всецело для ромейских пленников. Там были возведены церкви и общественные здания, такие как «дом румов». Сам христианский квартал Багдада получил название Дейр ар-Рум, по названию находившегося там величественного монастыря; хотя большую часть населения

²²⁸ Dauvillier J. Byzantins d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient au moyen âge // *Revue des études byzantines*. — 1953. — Tome 11. — P. 63; Parry K. Byzantine-Rite Christians (Melkites) in Central Asia in Late Antiquity and the Middle Ages // *Thinking Diversely: Hellenism and the Challenge of Globalisation*. E, Kefallinos E., ed. — Sydney, 2012. — P. 97.

²²⁹ Zayat H. Vie du patriarche melkite d'Antioche Christophore (+967) par le protospathaire Ibrahim b. Yuhanna, Document inedit du Xe siecle // *Proche-Orient Chrétien*. — 1952. — P. 20. Русский перевод «Жития...» принадлежит С.А. Моисеевой и был издан в 2013 г. См. Ибрагим ибн Юханна. Житие Антиохийского Патриарха Христофора // *Арабы-христиане в истории и литературе Ближнего Востока*. — М.: ПСТГУ, 2013. — С. 32. См. также: Моисеева С.А. «Житие Антиохийского Патриарха Христофора» как памятник арабомелькитской агиографии X-XI вв. // *Арабы-христиане в истории и литературе Ближнего Востока*. — М.: ПСТГУ, 2013.

квартала составляли отнюдь не мелькиты, но несториане и сирояковиты. Несторианам принадлежал и сам монастырь Дейр ар-Рум²³⁰. Тем не менее, мелькиты оставались одной из значимых общин Багдада; из их среды выходили известные сановники, врачи и деятели Церкви²³¹. Вполне естественно, что с течением времени мелькиты Багдада ощутили острую необходимость не просто в реорганизации церковной жизни своих общин, но и в возрождении католикосата, который ранее располагался в близлежащем Ктесифоне. Переместившийся на восток католикос Ромагиры был от них столь же удален, как и пребывавший на западе Патриарх Антиохии.

Первые православный католикос — Иоанн, был направлен в Багдад в 912 г. православным Патриархом Антиохии — Илией I. Однако это вызвало резкий протест со стороны несторианского католикоса Авраама III, и мелькитам было отказано в праве постоянно держать в городе своего архиерея²³². Более того, идея поставления мелькитского католикоса в Багдаде вызвала противодействие и со стороны православного католикоса Ромагиры, который видел в этом ущемление прав собственный кафедры. Последующие полвека стали периодом ожесточенных споров между мелькитами Багдада и Ромагиры о праве избирать и поставлять собственных католикосов. История этого противостояния известна благодаря «Житию Патриарха Христофора Антиохийского»: «Христиане Багдада заявляли: „есть все основания, чтобы католикос жил у нас: его место пребывания было в Ктесифоне, а Ктесифон рядом с нами, прямо по соседству“. Община Шаша возражала: „А мы исконные жители Ктесифона, и католикос всего Востока переселился сюда вместе с нами. Вы требуете себе первенства на основании камней и праха, но важнее всего на земле — человек (...) Значит, куда переехал католикос, там и должна находиться его кафедра“»²³³. Будущий святой Патри-

²³⁰ Подробнее о христианском квартале Багдада, см. Le Strange G. Baghdad during the Abbasid Caliphate from contemporary Arabic and Persian Sources. — Oxford, 1900. — с. 15, P. 208.

²³¹ Достаточно вспомнить таких багдадских мелькитов, как св. Христофор — Патриарх Антиохийский или прославленный врач арабского Востока — Юханна ибн Бутлан. О них нам еще неоднократно предстоит упомянуть в последующих разделах и главах.

²³² События эти подробно описаны в «Церковной истории» Бар Эбрея. См. Bar Hebraeus. Chronica Ecclesiastica. — Paris-Louvain, 1872—1877. — Vol. III, P. 235—238.

²³³ Zayat H. Vie du patriarche melkite d'Antioche Christophore... — P. 22. Русский перевод «Жития...» приведен по С.А. Моисеевой. См. Ибрагим ибн Юханна. Житие

арх Антиохии, не приняв еще имени Христофор и известный как Иса, был одним из наиболее деятельных защитников притязаний багдадской партии. Тем не менее, именно Христофор, взойдя на патриарший престол, смог окончательно разрешить противостояние между православными Месопотамии и Средней Азии, разделив их земли на два католикосата. По словам протоспафария Ибрагима ибн Юханна, Патриарх Христофор «решил дело мудро и мягко. Тщательно все взвесив, он поставил двух католикосов: одного в Город мира, на свою родину — это был человек из Халеба по имени Маджид, — а другого антиохийца по имени Евтихий, в Румагирд, с общиной которого прежде боролся»²³⁴. Так, около 960 г., с хиротонией и отправкой на восток двух архиереев — алеппского мелькита Маджида в Багдад и антиохийца Евтихия в Шаш, начинается история сосуществования двух восточных католикосатов Антиохийской Церкви — католикосатов Ромагиры и Иринополя (т. е. «Города мира», Багдада)²³⁵.

Католикосат Иринополя, объединявший «румов» Багдада и мелькитов окрестных месопотамских земель, вероятно, существовал вплоть до монгольского разорения Багдада (1258 г.), а возможно и позже, вплоть до начала XV в.²³⁶ О том, что мелькитские католикосы пребывали в Багдаде, упоминают Аль-Бируни²³⁷ (XI в.) и архимандрит Нил Доксапатрий (XII в.)²³⁸. Причем, есть основания полагать, что часть православных Багдада составляли именно греки, грекоязычные «румы». Основоположниками православной общины Багдада были пленники из внутренних территорий Ромейской державы, то есть из регулярно разоряемой арабами византийской Малой Азии, исторически бывшей грекоязычным регионом. Вполне возможно, что далеко не все православные Багдада были в равной степени подвер-

Антиохийского Патриарха Христофора... — С. 32.

²³⁴ Zayat H. Vie du patriarche melkite d'Antioche Christophore... — Р. 28; Ибрагим ибн Юханна. Житие Антиохийского Патриарха Христофора... — С. 35.

²³⁵ Наиболее подробным исследованием истории католикосатов Ромагиры и Иринополя является монография архиепископа Жозефа Насраллы. См. Joseph (Nasrallah). L'Eglise Melchite en Iraq, en Perse et dans l'Asie Centrale. — Paris, 1976.

²³⁶ См. Joseph (Nasrallah). L'Eglise Melchite en Iraq, en Perse et dans l'Asie Centrale... Р. 86—92.

²³⁷ Al-Biruni. The Chronology of Ancient Nations // ed. & trans. C.E. Sachau. — London, 1879. — с. 15, Р. 283—284.

²³⁸ Нил Доксапатрий, составляя свою редакцию «Нотиции Патриарха Анастасия», пишет о том, что Антиохийский Патриарх продолжает поставлять католикосов как в Иринополь, так и в Ромагиру. См. Nilus Doxapatrius. Op.cit. — Р. 271—272.

жены арабизации, и наряду с арабоязычными багдадскими мелькитами, были и общины, сохранявшие, в той или иной степени, греческий язык (по крайней мере — в качестве богослужебного языка). Подобное сосуществование можно было наблюдать в Антиохии. Известный аскет и писатель XI в. — Никон Черногорец вспоминал о том, как Антиохийский Патриарх Феодосий III хотел рукоположить его и отправить для окормления паствы в Багдад²³⁹. Вряд ли Патриарху Феодосию III понадобилось бы отправлять в Багдад образованного константинопольского грека Никона (причем — в качестве священника, а не архиерея), если бы в Месопотамии не было общин, понимавших и принимавших греческое богослужение и пастырей. Мелькиты сохраняли свое присутствие и в других городах Месопотамии и Персии. К примеру, достаточно многочисленная община мелькитов до конца XIII в. проживала в персидском Тебризе²⁴⁰.

Католикос Ромагиры, пользовавшийся особым положением среди иерархов Антиохийской Церкви, объединял под своим омофором мелькитские общины, разбросанные на землях Персии и Средней Азии. Сердцем католикосата Ромагиры и пристанищем основной части его паствы были расположенные вдоль Великого шелкового пути богатые торговые города Хорасана (территория последнего включала и вышеуказанную область Шаш). В 1050-х гг. Патриарх Петр III Антиохийский, в своем послании к Патриарху Градо и Аквилеи — Доминику II, с гордостью упоминал о том, что он и его предшественники направляют в Ромагиру и Хорасан «архиепископа и католикоса, который рукополагает митрополитов той земли, которым, в свою очередь, подчиняется множество епископов»²⁴¹. Кафедра католикоса находилась либо в области Шаш, близ современного Ташкента, либо в Нишапуре²⁴². В Мерве

²³⁹ Aerts W.J. Nikon of the Black Mountain. Logos 31 (Translation) // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. — Leuven, 2006. — P. 142—143.

²⁴⁰ Об этом, в частности, пишет Бар Эбрей, когда повествует о землетрясении в Тебризе, поразившем город в 1273 г. По словам Бар Эбрея, во время этого бедствия, в сир-яковитском соборе города собрались «греки, и армяне, и несториане». См. Bar Hebraeus. Chronography... — P. 528.

²⁴¹ Petrus III Patriarcha Antiochenus. Epistolae // PG. Vol. 120. — Paris, 1864. — с. 761—762. См. также: Vailhe S. La «Notitia episcopatum» d'Antioche du Patriarche Anastase ... — P. 97; Dauvillier J. Byzantins d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient au moyen âge... — P. 65.

²⁴² Charon C. (Korolevskii C.). Histoire des patriarchats melkites (Alexandrie, Antioche, Jérusalem); depuis le schisme monophysite du sixième siècle jusqu'à nos jours. Vol. III. — Rome, 1911. — P.

находилась кафедра мелькитского митрополита, отвечавшего перед католикосом Ромагиры²⁴³. Описание этих исчезнувших мелькитских общин Средней Азии, можно встретить у прославленного ученого Аль-Бируни, который посвящает отдельную главу своей «Хронологии древних народов» — «празднествам христиан мелькитов»²⁴⁴. К примеру, он оставляет яркое описание принятого у мелькитов Хорезма «праздника роз»; в воспоминание встречи Девы Марии и Св. Праведной Елизаветы, хорезмийские мелькиты приносили в церкви города розы Джури (алые и белые персидские розы)²⁴⁵. Среди других традиций и праздников, очевидно характерных исключительно для католикосата Ромагиры, следует назвать поминание местных святых (к примеру — семи мучеников Нишапура), и празднование Второго освящения Иерусалимского Храма, когда мелькиты Персии и Хорасана торжественно омывали свои церкви²⁴⁶.

Нельзя не отметить, что значительную часть паствы Ромагирского католикосата составляли не только сиро- и арабоязычные мелькиты, но и православные согдийцы. Эти последние представляют собой уникальную часть среди «румов»; они не разделяли ни греческого, ни сирийского языка своих православных братьев, совершали богослужение на согдийском наречии — но по византийскому обряду, и жили далеко за пределами исторических границ Римской империи. Их общины, некогда разбросанные от берегов Сырдарьи вплоть до восточного Туркестана и рубежей Китая, представляли собой, пожалуй, самый дальний и самобытный форпост «ромейского», византийского мира на Востоке²⁴⁷. Фрагменты некоторых манускриптов, найденных при раскопках монастырской библиотеки в поселении Булаик близ Турфана

234—235; Vailhe S. La «Notitia episcopatum» d'Antioche du Patriarche Anastase ... — P. 97.

²⁴³ Al-Biruni. The Chronology of Ancient Nations... — c. 15, P. 283.

²⁴⁴ Al-Biruni. The Chronology of Ancient Nations // ed. & trans. C.E. Sachau. — London, 1879. — c. 15, P. 282—298. См. также: Griveau R., ed. & trans. Les fêtes des Melchites par Al-Birouni // Patrologia Orientalis X. — Paris, 1915. — P. 290—312. О «празднестве роз», см. Ibid. — P. 306.

²⁴⁵ Al-Biruni. The Chronology of Ancient Nations... — c. 15, P. 292. См. также: Griveau R., ed. & trans. Les fêtes des Melchites par Al-Birouni... — P. 306.

²⁴⁶ Al-Biruni. The Chronology of Ancient Nations... — c. 15, P. 298; Griveau R., ed. & trans. Les fêtes des Melchites par Al-Birouni... — P. 312.

²⁴⁷ Dauvillier J. Byzantins d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient au moyen âge... — P. 68, 86; Parry K. Byzantine-Rite Christians (Melkites) in Central Asia in Late Antiquity and the Middle Ages... P. 100.

(в ходе немецкой экспедиции 1904—1907 гг.), в частности — часть греческого текста Псалма 32 (манускрипт датирован рубежом VIII–IX вв.) и текст составленного на византийский манер, но написанного по-сирийски послания, обращенного к ромейскому сановнику (X в.) — позволяют предположить, что мелькиты Ромагиры могли расселиться по великому шелковому пути вплоть до Турфанского оазиса²⁴⁸. Армянский автор и монах Хетум Корикский (ум. после 1307 г.), на страницах своей книги «Цветник историй земли Востока», преподнесенной Папе Клименту V и королю Филиппу IV Красивому, упоминает о согдийских православных общинах Хорасана, принадлежащих к «греческой» Церкви, но сохраняющих свое особое наречие, отличающееся от известных киликийскому монаху греческого, арабского и сирийского языков. По словам Хетума, мелькиты Хорасана, которых он именует «сольданы», покорны православному Патриарху Антиохийскому и «служат как греки, но язык их не греческий»²⁴⁹.

В XIII в. присутствие православных на территории Средней Азии усилилось и за счет многочисленных аланских переселенцев, чьи контингенты находились на службе у монголов. Францисканский монах Гильом де Рубрук, во время своего знаменитого путешествия по странам Востока, видел аланские поселения в Средней Азии. В его описаниях, аланы предстают как «христиане по греческому обряду, имеющие греческие письмены и греческих священников. Однако они не схизматики, подобно грекам, но чтут всякого христианина без различия лиц»²⁵⁰. Однако, невзирая на то, что аланские контингенты и поселения оставались оплотом византийских христиан в Средней Азии

²⁴⁸ См. Parry K. Byzantine-Rite Christians (Melkites) in Central Asia in Late Antiquity and the Middle Ages... P. 100–101. Основные работы по выявлению мелькитского наследия среди текстов, найденных в Турфане, принадлежат Николасу Симмс-Уильямсу. См.: Sims-Williams N. Sogdian and Turkish Christians in the Turfan and Tun-Huang Manuscripts // Cadonna. A., ed. Turfan and Tun-Huang: The Texts. Encounters of Civilizations on the Silk Route, Orientalia Venetiana IV. Firenze, 1992. — P. 43–61; Sims-Williams, N. A Greek-Sogdian Bilingual from Bulayiq // La Persia e Bisanzio. Atti dei Convegni Lincei (201). — Rome, 2004. — P. 623–31. См. также: Sundermann, W. Byzanz und Bulayiq // Vavroušek, P., ed. Iranian and Indo-European Studies: Memorial Volume of Otakar Klíma. — Praha, 1994. — P. 255–64.

²⁴⁹ Hayton. La Flor des Estoires des parties d'Orient... — с. 4, P. 124.

²⁵⁰ Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. — СПб.: изд. А.С. Суворина, 1911. — гл. 13, С. 83–84. См. также Parry K. Byzantine-Rite Christians (Melkites) in Central Asia in Late Antiquity and the Middle Ages... P. 99.

и даже Китае в XIII-XIV вв.²⁵¹, православное присутствие на крайнем Востоке неуклонно сходило на нет²⁵². Свидетельства о католикосате Ромагиры и его пастве окончательно исчезают к концу XIV в.

Католикосат Мцхеты

Вспоминая о восточных католикосатах Антиохийской Церкви, нельзя не сказать и о католикосате Мцхеты, объединявшем большую часть грузинских епархий²⁵³. Грузинские земли, объединенные в начале XI в. в единое царство, исторически служили центральным оплотом халкидонского, православного христианства на Кавказе. Мцхетский католикосат, уже с V в. пользовавшийся *de facto* автокефальным статусом, продолжал сохранять тесные связи со своей матерью-церковью, то есть с Антиохией. В 335 г., в правление первого христианского царя Иверии Мириана III, Архиепископ Евстафий Антиохийский совершил хиротонию первого грузинского епископа — Иоанна. С этого момента и вплоть до конца V в. избранные на кафедры Иверии кандидаты отправлялись для хиротонии в Антиохию. В 488 г., по просьбе грузинского царя Вахтанга и при одобрении императора Зенона, Антиохийский Патриарх Петр II (бывший, кстати говоря, миафизитом), возвел греческого монаха Петра в сан католикоса Иверии и рукоположил 13 епископов для окормления грузинских земель. Это событие традиционно считается дарованием автокефалии Грузинской Церкви Патриархом Антиохии, хотя поименование Антиохийского Патриарха в восточно-грузинских церквях сохранялось вплоть до середины VIII в. Католикосы Иверии получали благосло-

²⁵¹ Dauvillier J. Byzantins d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient au moyen âge... — P. 74—87.

²⁵² Герман — католикос Ромагиры и экзарх всея Иверии упоминается в 1365 г. См. Панченко К.А. Забытая катастрофа. К реконструкции последствий Александрийского крестового похода 1365 г. — С. 215. Однако к этому времени титул католикоса Ромагиры, вероятно, уже перешел, в качестве почетного титула, к католикосам Иверии. Следовательно, последним периодом пребывания мелькитских католикосов в Средней Азии следует, вероятно, считать первую половину XIV в.

²⁵³ Вопрос об Абхазском католикосате несколько более сложен, т. к. церкви и епархии на землях Абхазии были, на протяжении значительной части своей истории, зависимы от Константинопольского Патриархата.

вание со стороны Антиохийского первосвященника, отправляли Матери-Церкви ежегодное пожертвование и получали из Антиохии освященное Патриархом миро (до IX в. включительно)²⁵⁴. С объединением восточной и западной Грузии в начале XI в. под властью царя Баграта III, католикосы Мцхеты, начиная с Мельхиседека I (1012—1030 гг.) приняли титул патриархов, точнее «Католикос-Патриархов», что во многом подчеркивало уже полностью автокефальный статус Церкви Иверии. Автокефалию Грузинской Церкви впоследствии подтверждали Антиохийские патриархи Петр III (1057 г.) и Феодор IV Вальсамон (в конце XII в.), о которых нам еще не раз предстоит упомянуть в ходе данной работы. В интересующий нас период (XI—XIII вв.) грузинские ктитеры, зодчие, паломники, монахи и богословы занимали видное положение в православных Патриархатах Антиохии и Иерусалима. Отдельные грузинские монахи и полноценные братья подвизались в многочисленных обителях на землях Сирии и Палестины.

*Иерусалимский Патриархат: православное население
Палестины и Трансиордании*

Конечно же, это обозрение православных анклавов, поселений и епархий на Востоке было бы неполным без, по крайней мере, краткого упоминания о мелькитах Палестины и Египта. В Палестине мелькиты составляли большинство среди христиан региона, и вряд ли, к XI в., так уж сильно уступали по численности арабо-мусульманскому населению²⁵⁵. Иерусалим, сохраняя мусульманскую и многочисленную еврейскую общину, все же оставался преимущественно христианским городом²⁵⁶. Даже название кварталов старого города («Сирийский», «Греческий», «Армянский» и «Еврейский») выдает это преобладание христианского (и еврейского) населения над мусульманским. Многие поселения близ Ие-

²⁵⁴ Подробнее см. Tarchnišvili M. Die Entstehung und Entwicklung der kirchlichen Autokephalie Georgiens // Le Muséon. — 1960. — №73. — P. 107—126; Grdzelidze T. Georgia, Patriarchal Orthodox Church of, // McGuckin J.A., ed. The Encyclopedia of Eastern Orthodox Christianity. — Chichester, 2011. — P. 272—273.

²⁵⁵ Подробнее см. MacEvitt C. The Crusades and the Christian World of the East. Rough Tolerance... — P. 32, 110—112.

²⁵⁶ MacEvitt C. The Crusades and the Christian World of the East. Rough Tolerance... — P. 32.

русалима, такие как Вифлеем, исторически были заселены мелькитами. Вифлеем — как место Рождества Христова был одним из важнейших паломнических центров всего христианского мира. Доминантой города оставалась перестроенная Юстинианом базилика Рождества Христова, о красоте которой с восхищением писали как христианские, так и мусульманские авторы. Так, Аль-Идриси в своей «Книге Рожера», описывая вифлеемскую Базилику Рождества, говорит о том, что эта церковь «не знает равных среди других церквей»²⁵⁷. Это, конечно же, является поэтическим преувеличением, но все же достаточно характерно отражает мусульманское любование этой святыней. Сам город оставался центром мелькитского анклава²⁵⁸. Персидский путешественник Насир Хосров, посещавший Вифлеем в середине XI в., пишет о городе как о «месте, принадлежащем христианам», куда стекались многочисленные паломники и где «христиане справляли великое празднество, на которое многие приходили даже из страны Рум»²⁵⁹.

Еще одним традиционным анклавом мелькитов в центральной Палестине были Рамла и близлежащая Лидда (Лод) — паломнический центр, неразрывно связанный с почитанием св. Георгия. Лидда считалась одним из предполагаемых мест рождения этого святого; там же в роскошной, не дошедшей до наших дней базилике хранилась гробница и часть мощей великомученика и победоносца. Аль-Мукаддаси, описывая базилику Св. Георгия говорит о ней как о «прекрасной церкви», ставя в один ряд с величайшими христианскими соборами Дар аль-Ислама, такими как иерусалимский храм Воскресения и эдесская базилика Св. Софии. Арабский географ также приводит местное христианское поверье о том, что «у врат этой базилики Христос должен сразить Антихриста»²⁶⁰. В годы арабского правления

²⁵⁷ Le Strange G. Op.cit. — P. 299.

²⁵⁸ Ныне, с радикальным сокращением христианского населения в Палестине, от этого анклава остаются несколько тысяч православных жителей самого Вифлеема и близлежащие, практически полностью заселенные православными поселения, такие как Бейт Джала и Бейт Сахур. См. Betts R.B. The Southern Portals of Byzantium... P. 94—95.

²⁵⁹ Le Strange G. Op.cit. — P. 298—299. В 1099 г. мелькитское население Вифлеема восстало против фатимидских войск и без боя перешло под власть крестоносцев, о чем подробно будет сказано ниже: Глава II, С. 100—105.

²⁶⁰ Le Strange G. Op.cit. — P. 117, 493. Современная церковь Св. Георгия, в крипте которой стоит новая гробница и частица мощей, была возведена в 1870 г. Она по-прежнему

население Рамлы и Лидды состояло как из мелькитских, так и арабо-мусульманских семей. По словам арабского географа, «население Ар Рамлы смешанное; оно состоит из арабов, румов и самаритян»²⁶¹. Многие христианские поселения были разбросаны и на лежащих к северу землях Галилеи. Якут аль-Хамави пишет о Тивериаде, как о городе разделенном между христианским и мусульманским населением со времен арабского правления²⁶². В Тивериаде, к моменту ее завоевания нормандскими крестоносцами (в 1099 г.), в собственности мелькитов оставалась базилика Св. Георгия и женский монастырь²⁶³. Назарет, в описаниях средневековых авторов, предстает как исключительно христианское поселение, над которым возвышалась базилика Благовещения, впоследствии перестроенная франками²⁶⁴. Аль-Масуди, посещавший Назарет в X в., оставляет описание церкви Благовещения и хранившихся там мироточивых мощей: «Я видел в этом селении почитаемую христианами церковь, в которой есть каменные гробы; в них лежат кости мертвецов, из которых истекает масло, густое как сироп, которое христиане считают благословенным»²⁶⁵. Еще в XIX в. более половины населения города составляли христиане²⁶⁶.

Мелькитские анклавы и поселения были широко распространены к востоку от реки Иордан и Галилейского моря — в древних укрепленных городах Десятиградья, на обширных пастбищах и бедуинских кочевьях, в оазисах и долинах, где в изобилии выращивался виноград и миндаль²⁶⁷. Мелькиты исторически населяли земли вокруг города-крепости Керак (Крака Моавского)²⁶⁸. В самом городе находи-

принадлежит Иерусалимскому Патриархату.

²⁶¹ Le Strange G. Op.cit. — P. 303.

²⁶² Le Strange G. Op.cit. — P. 340.

²⁶³ Kennedy H. The Melkite Church from the Islamic Conquest to the Crusades... — P. 333.

²⁶⁴ Le Strange G. Op.cit. — P. 301.

²⁶⁵ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 311.

²⁶⁶ Базили К.М. Указ. соч. — С. 487.

²⁶⁷ Le Strange G. Op.cit. — P. 494—495.

²⁶⁸ Впоследствии, в XII в. занятый франками Аль-Керак (или Керак) и его земли стали центром сеньории Трансиордании, одной из четырех великих сеньорий королевства Иерусалимского.

лись по крайней мере три византийские церкви; два храма (в том числе кафедральный собор) отображены на мозаичной Мадабской карте (VI в.)²⁶⁹. Мелькиты населяли и другие города Трансиордании. В Капитолии (Бейт Расе), по крайней мере, в первые века арабского господства находилось несколько мелькитских церквей и монастырей²⁷⁰. В Джераше (Герасе) раскрыто более 19 церквей, некоторые из которых оставались действующими на протяжении многих веков исламского господства²⁷¹. В Мадабе в собственности местной, достаточно многочисленной православной общины по сей день находится византийская церковь Св. Георгия; частью ее мозаичного пола, раскрытого в 1884 г., является знаменитая мозаичная «Мадабская карта» Святой земли. В 1986 г. несколько византийских церквей, с сохранными мозаиками, было раскрыто в заброшенном трансиорданском поселении Умм аль-Расас. Причем, если церковь Епископа Сергия и, вероятно, «церковь Львов» относились ко времени правления Юстиниана I Великого или его непосредственных преемников, то еще одна раскрытая церковь Умм аль-Расаса — церковь Св. Стефана — была возведена в VIII в., т. е. уже в период арабского правления²⁷². Восточнее — в Аммане (византийской Филадельфии) мелькиты также сохраняли свои церкви, многочисленную общину и, по крайней мере, в первые столетия арабского владычества — действующую митрополицию кафедр²⁷³. В число христиан-мелькитов Трансиордания входили и некоторые местные племена бедуинов; причем эти бедуины-мелькиты отмечали овец из своих стад клеймами креста; традиция, отмечен-

²⁶⁹ К византийскому периоду восходят церковь Св. Георгия и церковь Аль-Хадир. Ф. Зайдине предполагает, что кафедральный собор, вероятно, находился близ нынешней мечети Джами аль-Умар. См. Zayadine F. The Karak District in the Madaba Map // The Madaba Map Centenary 1897—1997. — Jerusalem 1999. — P. 229—230.

²⁷⁰ Упоминания о них можно найти в «Житии Св. Петра Капитолийского». См. Peeters P. La passion de S. Pierre de Capitolias (+13 janvier 715) // *Analecta Bollandiana*. — 1939. — № 57. — P. 299—333.

²⁷¹ О церквях Джераша см. Zayadine F., ed. *Jerash Archaeological Project*. 1981—1983. — Amman, 1986.

²⁷² Подробнее см. Betts R.B. *The Southern Portals of Byzantium...* P. 96; Piccirillo M. *Les églises paléochrétiennes d'Umm er-Rasas (Jordanie): cinq campagnes de fouilles // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. — 1991. — Tome 135 (№ 2). — P. 273—294.

²⁷³ Kennedy H. *The Melkite Church from the Islamic Conquest to the Crusades...* P. 331.

ная еще путешественниками XIX в.²⁷⁴. В начале XII в. мелькитские поселения в Трансиордании играли важнейшую роль в восточных кампаниях короля Бодуэна I Иерусалимского, который неоднократно прибегал к помощи местного христианского населения²⁷⁵. В приморских городах Палестины, таких как Кесария, Аскалон и Газа, сохранялись мелькитские общины, из населения которых неоднократно избирали и поставляли иерусалимских патриархов. Однако, как отмечает в своем исследовании Х. Кеннеди — «история мелькитской Церкви в Палестине и южной Сирии, невзирая на острую нехватку свидетельств, все же позволяет прийти к выводу, что основная часть ее паствы была сосредоточена в глубине континента, вокруг Иерусалима, в Галилее и Трансиордании»²⁷⁶. Православное присутствие в Палестине усиливалось как за счет притока греческих и грузинских паломников и монахов, так и за счет щедрого патронажа со стороны ромейских василевсов²⁷⁷.

Если говорить о преемстве иерархии и сохранении мелькитских епархий в Палестине, то следует сразу отметить, что преемство православных Патриархов в Иерусалиме непрерывно сохранялось со времен арабского завоевания Святого града. Действующие епархии Иерусалимской Церкви, по крайней мере, до X в., сохранялись в Тивериаде, Лидде, Аскалоне, Газе, Филадельфии (Аммане), Кераке²⁷⁸. Однако, со второй половины X в. и на протяжении всего XI в. упоминания и свидетельства о епископах Иерусалимского Патриархата практи-

²⁷⁴ Betts R.B. *The Southern Portals of Byzantium...* P. 96.

²⁷⁵ Альберт Аахенский приводит историю о том, как франки, во главе с иерусалимским королем, опирались на поддержку сирийских христиан, живших близ Петры, используя их в том числе в качестве разведчиков и проводников. См. Alberti Aquensis. *Op.cit.* — Lib. X, c. 28, P. 644. Православные по сей день составляют одну из самых влиятельных этноконфессиональных групп в Иордании, занимая значимые позиции в различных отраслях исполнительной власти (в т. ч. армии и МИД), и контролируя около 40% частного сектора экономики. См. Betts R.B. *The Southern Portals of Byzantium...* P. 103—104.

²⁷⁶ Kennedy H. *The Melkite Church from the Islamic Conquest to the Crusades...* — P. 333.

²⁷⁷ Подробнее см. Runciman S. *The Byzantine «Protectorate» in the Holy Land // Byzantium.* — 1948. — Vol. 18. — P. 207—215; Runciman S. *A History of the Crusades...* Vol. I, Book I, c. 2, P. 24; MacEvitt C. *The Crusades and the Christian World of the East. Rough Tolerance...* — P. 8, 32.

²⁷⁸ Kennedy H. *The Melkite Church from the Islamic Conquest to the Crusades...* — P. 331; Zayadine F. *The Karak District in the Madaba Map...* — P. 230.

чески полностью сходят на нет. Это дало таким исследователям, как Б. Гамильтон, Х. Кеннеди, К. МакЭвитт, основание утверждать, что к моменту установления франкского правления мелькитская иерархия в южной Сирии и Палестине была представлена исключительно самим Иерусалимским Патриархом и подвластными Антиохийскому Патриарху митрополитами Тира и Дамаска²⁷⁹.

Александрийский Патриархат: румы и мелькиты Египта

В Египте мелькиты составляли меньшинство как среди всего населения, так и среди христиан региона, т. к. большая часть египетских христиан принадлежала к миафизитской Коптской Церкви. Тем не менее, в VIII-XIII вв. православные Египта сохраняли свои церкви в Александрии, Каире и дельте Нила, а к числу египетских мелькитов принадлежали многие прославленные светские и церковные деятели Востока. В Александрии в собственности мелькитов и их «Папы и Патриарха» находилось множество церквей, в том числе церковь Св. Саввы Освященного, Св. Петра, Св. Мины, Св. Георгия, Св. Николая,

²⁷⁹ Основываясь на практически полном молчании источников о епископате Иерусалимской Церкви, Х. Кеннеди констатирует, что «когда крестоносцы завоевали Палестину (после 1099 г.), они не обнаружили там мелькитской иерархии, с которой им приходилось бы взаимодействовать». См. Kennedy H. *The Melkite Church from the Islamic Conquest to the Crusades...* — Р. 331. Бернард Гамильтон обращает внимание на то, что митрополит Иоанн Тирский (до своего бегства в Константинополь в 1107 г.), взял на себя пост местоблюстителя Иерусалимского патриаршего престола и обязанности по окормлению греческих и мелькитских общин Палестины (очевидно, ценой компромисса или номинального подчинения латинской иерархии). См. Hamilton B. *The Latin Church in the Crusader States...* с. 7, Р. 180. То, что в отсутствие Иерусалимского Патриарха его обязанности перешли к митрополиту Антиохийской Церкви, прямо свидетельствует об отсутствии действующей иерусалимской иерархии. Фактически, единственный епархиальный архиерей Иерусалимской Церкви, упоминаемый с X в., это Савва — митрополит Кесарии Палестинской, перебравшийся в Константинополь в 1117—1118 гг. и вззошедший на титулярный патриарший престол Иерусалима. См. Ibid. При этом, пребывание Саввы в Кесарии и Иерусалиме (до его переезда в Константинополь) относится уже к периоду франкского, а не арабского владычества. Это позволяет связать восстановление действующих епархий и преемства мелькитской иерархии на землях Иерусалимского Патриархата именно с эпохой франкского правления. См. также: MacEvitt C. *Op.cit.* — Р. 112. Поскольку этот вопрос имеет особое значение для нашей темы, о нем будет сказано ниже: см. Глава VI, с. 100—105.

Св. Иоанна Крестителя, церковь квартала Купа (на востоке города)²⁸⁰. Мелькитам был доверен и один из ранневизантийских соборов — Кесариум, фактически представлявший собой языческий храм, возведенный Клеопатрой VII в честь Юлия Цезаря и перешедший, на рубеже IV-V вв., к епископам (папам) Александрии. Также на окраине Александрии, в окружении подвластных садов и земельных наделов, располагался и мелькитский патриарший монастырь Св. Марка — Асфаль аль-Ард — место хранения мощей св. Апостола и Евангелиста, основателя Александрийской Церкви. Мощи Апостола Марка были, в период арабского правления, разделены между мелькитами и коптами; копты получили главу Св. Марка, мелькиты — основную часть тела²⁸¹. Именно из этого монастыря мощи св. Марка были похищены венецианцами (во главе с купцами Буоно и Рустико) в 828 г. Согласно коптскому автору XII в. — Абу-ль-Макариму: «Мелькиты хранят его мощи (св. Марка. — С. Б.) в монастыре Асфаль аль-Ард. Тело было его возложено в монастыре, откуда было похищено франками-венецианцами, и ныне пребывает в Венеции»²⁸².

В Дамииетте к XII в. находилось две мелькитские церкви — Св. Меркурия (собор и резиденция митрополита) и Свв. Петра и Павла²⁸³. Кроме того, на протяжении трех с половиной веков арабского владычества, в Дамииетте возвышалась и великолепная мелькитская церковь Пресвятой Богородицы, разрушенная в 1009 г. по приказу халифа Аль-Хакима. Мелькитский хронист Яхья Антиохийский — один из последних авторов, видевших эту церковь, оставляет следующее ее описание: «Говорят, что, хотя эта церковь уступала иерусалимскому храму Воскресения, однако в странах, подвластных мусульманам, было не много церквей столь же красиво сооруженных, с такими громадными постройками, с такой утварью и сосудами из золота и серебра

²⁸⁰ Подробнее о мелькитских церквях Александрии и Египта см. Youssef Y.N. *Melkites in Egypt According to Abu al-Makarim (XII Century)* // *Parole de l'Orient: revue semestrielle des études syriaques et arabes chrétiennes recherches orientales: revue d'études et de recherches sur les églises de langue syriaque*. — 2009. — Vol. 34. — P. 264–269.

²⁸¹ Подробнее о монастыре Асфаль аль-Ард, также известном как монастырь Св. Марка, см. Coquin R.-G., Martin M. *Dayr Asfal al-Ard* // *Coptic Encyclopedia*. Vol. III. — Macmillan, 1991. — P. 782–783.

²⁸² Youssef Y.N. *Melkites in Egypt*... P. 265.

²⁸³ Youssef Y.N. *Melkites in Egypt*... P. 263.

и таким множеством недвижимостей»²⁸⁴. В Дельте Нила, у берегов озера Танис, находился действующий православный монастырь Св. Пахомия, ранее известный как монастырь Пресвятой Богородицы. Там же, в Дельте располагалось несколько мелькитских поселений, в которых Абу-ль-Макарим, писавший во второй половине XII в., насчитал примерно десяток «процветающих церквей»²⁸⁵.

В столице мусульманского Египта — Каире мелькиты также держали целый ряд храмов, в том числе церкви Пресвятой Богородицы, Св. Архангела Гавриила, Св. Меркурия, Св. Иоанна, Св. Феодора, Св. Фомы²⁸⁶. В квартале Харат ар-Рум находились церкви Сорока Мучеников Севастийских, Св. Георгия, Св. Варвары и Св. Николая, позднее переименованная в церковь Св. Андрея Первозванного²⁸⁷. Каирские резиденции мелькитских патриархов Александрии располагались при церквях Св. Николая и Св. Архангела Михаила. Об отличающейся своими малыми размерами церкви Св. Николая — служившей тем не менее патриаршей резиденцией и местом служения «румов и франков», достаточно подробно пишет Абу-ль-Макарим²⁸⁸. При каирской церкви Св. Архангела Михаила также находилась «патриаршая келья»; эта церковь служила «местом встречи всех монахов, приходящих из страны румов»²⁸⁹. В окрестностях Каира также можно было встретить ряд мелькитских кварталов, поселений, церквей и монастырей. Так, в Аль-Кантаре (пригороде Фустата), в эпоху арабского правления была возведена церковь Пресвятой Богородицы, известная также как «Церковь ромеев» и «Церковь феррашей (постельничих)»²⁹⁰. Абу-ль-Макарим оставляет упоминание и о современном ему, дей-

²⁸⁴ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 370.

²⁸⁵ Youssef Y.N. Melkites in Egypt... P. 259—260; Abu Salih. The Churches and Monasteries of Egypt... P. 326.

²⁸⁶ Abu Salih. The Churches and Monasteries of Egypt... P. 346.

²⁸⁷ Youssef Y.N. Melkites in Egypt... P. 255.

²⁸⁸ Youssef Y.N. Melkites in Egypt... P. 255.

²⁸⁹ Abu Salih. The Churches and Monasteries of Egypt... P. 322. Яхья Антиохийский описывает разорение этой церкви разъяренной арабо-мусульманской толпой в 996 г.: «И была ограблена та церковь Михаила, которая принадлежала мелькитам в Замке Свеч, и из нее были похищены утварь, скарб и золотые и серебряные сосуды на большую сумму, и эта церковь была осквернена». См. Медников Н.А. Указ. соч. — С. 359.

²⁹⁰ Abu Salih. The Churches and Monasteries of Egypt... P. 153.

ствовавшем мелькитском монастыре Св. Иоанна Крестителя, стоявшего у берегов озера Аль-Хабаш. Обитель эта ранее принадлежала коптам, но впоследствии была передана мелькитам. Монастырь несколько раз подвергался разорению, и ко времени жизни Абу-ль-Макарима (т. е. ко второй половине XII в.) мелькитский митрополит Мисра (Каира) — Иосиф предпринимал значительные усилия для перестройки и обновления монастыря, поддерживая братию и совершая там богослужения в начале Великого Поста²⁹¹.

К югу от Каира, «на горе Муккатам при Мисре», близ берегов Нила, возвышался мелькитский монастырь Аль-Кусаир²⁹². Основание его приписывается императору Аркадию (395—408 гг.). Согласно общепринятому среди египетских мелькитов преданию, император Аркадий воздвиг обитель на месте аскетических подвигов своего, бежавшего в Египет, учителя — св. Арсения. К 1175 г. в монастыре было десять церквей и обширные земельные наделы, в том числе виноградники²⁹³. Особой славой пользовалась церковь Святых Апостолов, украшенная великолепным мозаичным убранством. Второй правитель Египта из династии Тулунидов — эмир Абу аль-Джейш Хамаравейх даже велел построить в церкви специальную крытую ложу, куда он приходил со свитой, чтобы, скрытый от глаз христиан и правоверных, любоваться мозаиками и иконами, в особенности — славившейся своей красотой иконой Богоматери²⁹⁴.

²⁹¹ Abu Salih. The Churches and Monasteries of Egypt... P. 128—129.

²⁹² Описание разорения этой обители и ее местоположения приводит Яхья Антиохийский. См. Медников Н.А. Указ. соч. — С. 369.

²⁹³ В число десяти церквей Аль-Кусаира, приведенных Абу-ль-Макаримом, вошли воздвигнутые на вершине горы церкви Св. Арсения и Св. Георгия, а также располагавшиеся под склонами горы церкви Святых Апостолов (с момента своего разрушения и перестройки в XI в. известная как церковь Св. Петра и Павла), Пресвятой Богородицы, Св. Стефана, Св. Саввы Александрийского, Св. Варвары, Св. Фомы, Св. Иоанна Крестителя и Свв. Космы и Дамиана.

²⁹⁴ Наличие в Аль-Кусаире византийских мозаик V-VI вв. известно благодаря «Истории церквей и монастырей Египта» Абу-ль-Макарима. Коптский священник так описывает убранство церкви Пресвятой Богородицы: «там образ Богоматери, держащей на руках Господа Нашего; слева и справа от них изображены ангелы. Там же изображения всех двенадцати апостолов. Все они выложены из стеклянных тессер, так же искусно, как в Вифлееме; часть тессер — золоченые, часть — цветные. Хамаравейх, сын Ахмада ибн Тулуна, подолгу стоял перед этими изображениями и любовался их красотой и тем мастерством, с которым они созданы, искренне радовался им,

И, все же, невзирая на сохранение многих церквей и общин, мелькиты все в большей степени уступали по численности арабо-мусульманскому и коптскому населению. Писавший в XII в. Абу-ль-Макарим по крайней мере дважды отмечает «слабость и малочисленность» халкидонских христиан Египта²⁹⁵. Если Коптская Церковь, на соборе в Мисре (в 1086 г.), могла собрать до 60 епископов, то в лоне Александрийского мелькитского Патриархата находилось не более тринадцати постоянно действующих епископских кафедр, пусть и имевших статус митрополий²⁹⁶. Еще более неравное соотношение коптов и мелькитов проступает в сравнении численности монастырей, приведенной по книге Абу-ль-Макарима. Так, ко второй половине XII в. в Египте у коптов было более 86 действовавших монастырей, у мелькитов — четыре²⁹⁷.

III. Роль мелькитов в истории и культуре арабского халифата и христианского мира VII-XI вв.

Православные Леванта и становление арабо-мусульманского господства

Невзирая на господство ислама и частые арабо-византийские войны, мелькиты Сирии, Месопотамии, Палестины и Египта смогли, по большей части, сохранить достаток, а порой и достигнуть процветания на землях Дар аль-Ислам. Внимательно просмотрев доступные источники и позднейшие исследования по истории арабского завоевания византийской Сирии, Палестины и Египта, легко заметить,

в особенности — образу Богоматери. По этой причине он даже велел соорудить для себя манзарах, чтобы приходить туда и отдыхать в монастыре». Подробнее о монастыре Аль-Кусаир, см. Abu Salih. The Churches and Monasteries of Egypt... P. 145—153, 307—308. Приведенную цитату, см. Ibid. — P. 149—150.

²⁹⁵ Abu Salih. The Churches and Monasteries of Egypt... P. 97, 129.

²⁹⁶ Среди действовавших мелькитских епархий Александрийского Патриархата можно перечислить Александрию (папскую кафедру), Дамьетту, Фустат, Миср (Каир), Тиннис, аль-Фераму. Подробнее см. Neale J.M. A History of the Holy Eastern Church. The Patriarchate of Alexandria. — Oxford, 1848. — P. 225—226; Richard J. The Eastern Churches // The New Cambridge Medieval History IV. c. 1024-c.1198. Part I. — Cambridge, 2004. — P. 593.

²⁹⁷ Abu Salih. The Churches and Monasteries of Egypt... P. 325.

что значительное число левантийских христиан добровольно сдавалось или даже открыто переходило на сторону мусульман. Причем речь шла не об обращении в ислам, а именно о предпочтении арабского правления — византийскому, при сохранении своей веры. В достаточной степени распространен тезис о том, что арабо-мусульманским завоевателям помогали преимущественно истерзанные имперскими репрессиями копты и сиро-яковиты, но не принадлежавшие к «правящей» Церкви православные. Это не совсем верно. Бесспорно, у сирийских и египетских миафизитов, казалось бы, не было повода защищать власть ромейского императора. Но на добровольную сдачу перед лицом наступавших арабских армий шли не только миафизиты, но и халкидонские, православные, «царские» христиане — мелькиты.

Так, одним из инициаторов сдачи Дамаска, в 634 г., стал дед св. Иоанна Дамаскина, Мансур ибн Серджун — византийский наместник (или императорский сборщик налогов) в Дамаске. Согласно хронике Евтихия: «когда жители Дамаска были изнурены осадой, поднялся Мансур, правитель Дамаска, на ворота Восточные и вступил в переговоры с Халидом-ибн-ал-Валидом о даровании пощады ему, его семейству, находившимся при нем и жителям Дамаска, за исключением румов, с тем, что Мансур откроет ворота Дамаска»²⁹⁸. «Халид-ибн-ал-Валид согласился на его просьбу и написал ему охранную грамоту; вот копия ее: „Это есть грамота, данная Халидом-ибн-ал-Валидом жителям города Дамаска. Я дарую вам неприкосновенность вашей крови, жилищ ваших, имуществ ваших и церквей ваших, обещая, что они не будут ни разрушены, ни заняты и будут вам вручены“»²⁹⁹. В своей книге «Завоевание стран» Белазури приписывает сдачу Дамаска местному епископу, однако, при этом отличии, приводит очень близкий текст договора и условий, предоставленных Халидом аль-Валидом жителям города: «Во имя Аллаха, сострадающего, милосердного. Вот что Халид обязуется даровать жителям Дамаска, если он войдет в город: он обещает гарантировать безопасность их жизни, имущества и церквей. Стены их города не будут скрыты; мусульмане не

²⁹⁸ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 277—278.

²⁹⁹ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 278.

войдут в их дома (...) Покуда они будут платить подати, ничто, кроме добра, не коснется их»³⁰⁰.

Мансур открыл ворота Халиду аль-Валиду, однако войска других арабских военачальников ворвались в Дамаск с боем, вступая в кровопролитные схватки с еще сопротивлявшимися ромейскими контингентами. Тем не менее, когда отряды Халида аль-Валида встретились посреди города со своими собратьями, большая часть военачальников — в том числе и обладавший правами верховного главнокомандующего Абу Убейда ибн Аль-Джаррах, посчитали себя связанными договором Мансура и Халида. Резня на улицах была остановлена, а дома и земли Дамаска были разделены между мусульманскими завоевателями и христианским населением³⁰¹. Разделению подвергся даже кафедральный собор Св. Иоанна Крестителя, часть которого, как уже было сказано выше, была превращена в мечеть, а часть, еще около столетия, оставалась православным храмом³⁰². При этом, Евтихий Александрийский открыто осуждает Мансура за сдачу Дамаска и даже говорит о том, что он был отлучен от Церкви: «что касается Мансура, правителя дамасского, то за его злодеяние, за то, что он довел румов до гибели, и за то, что помогал мусульманам против них, его предали проклятию все патриархи и все епископы во всем мире»³⁰³. Более того, Евтихий обвиняет Мансура в других преступлениях, в том числе — в нежелании тратиться на кормление ромейских воинов и даже в явных диверсиях против императорского войска³⁰⁴. Эти сказания и благочестивые обличения Александрийского Патриарха, конечно же, не имеют никакого от-

³⁰⁰ Aḥmad ibn Yaḥyá al-Balādhurī. Op.cit. — P. 187. Полную историю взятия Дамаска, см. Ibid. — P. 186—189.

³⁰¹ Описание из хроники Евтихия Александрийского, см. Медников Н.А. Указ. соч. — С. 280—281.

³⁰² Пользуясь словами Ибн Джубайра, который при этом, вероятно, путает действия двух арабских полководцев: «Абу Убайда ибн Джаррах — да будет доволен им Аллах! — проник в город с западной стороны и достиг этой половины церкви, по поводу которой было заключено соглашение между ним и христианами. А Халид ибн ал-Валид — да будет доволен им Аллах — силой проник в восточную часть [города] и прибыл во вторую половину церкви, восточную, которой овладели мусульмане и превратили ее в мечеть». См. Ибн Джубайр. Путешествие. — М.: Наука, 1984. — С. 262.

³⁰³ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 281.

³⁰⁴ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 273, 276—277.

ношения к жизни самого Мансура; однако они крайне показательно выявляют ту своеобразную «славу», которой была овеяна фигура Мансура среди ближневосточных христиан.

Что касается Иерусалима, то Святой град был сдан, после двенадцатимесячной осады, халифу Умару ибн Хаттабу православным Патриархом Софронием I (в 637 г.). Согласно хронике Агапия Иерапольского, когда Умар подступил к Святому городу «Софроний, Патриарх Иерусалимский, вышел и встретил его, и получил от него гарантии безопасности для Иерусалима и всех городов палестинских»³⁰⁵. Евтихий Александрийский оставляет сходное описание сдачи Иерусалима: «И вышел патриарх Иерусалимский Софроний к Омару-ибн-ал-Хаттабу, и Омар-ибн-ал-Хаттаб даровал ему аман и написал ему охранную грамоту; вот копия ее: „Во имя Бога Всемилоостивого и Всемилосердого! Это есть грамота от Омара-ибн-ал-Хаттаба жителям города Илии в том, что гарантируется им неприкосновенность их крови и их детей, и их имуществ и их церквей, и что они не будут разрушаемы, ниже обитаемы /мусульманами/“. И Омар пригласил свидетелей засвидетельствовать грамоту. Ему открыли ворота города, и Омар-ибн-ал-Хаттаб вошел в город со своими сподвижниками и воссел во дворе церкви Воскресения»³⁰⁶. При этом халиф Умар последовательно отказывался молиться в Храме Воскресения и церкви Константина, дабы христианские церкви не были, в память о молитве халифа, превращены в мечети³⁰⁷. Гарантии, данные халифом Умаром Па-

³⁰⁵ Епископ Агапий приводит историю и о том, как Патриарх Софроний, увидев простые, изношенные одежды Умара, предоставил халифу роскошные одеяния, для торжественного вступления в Святой Град. Причем скромный Умар, получив, после окончания церемонии, свои прежние, выстиранные одежды, вернул Патриарху пышные византийские одеяния. См. Vasiliev A., ed. & trans. *Histoire universelle, écrite par Agapius (Mahboub) de Menbidj* // PO Vol. 8. — Paris, 1912. — P. 475.

³⁰⁶ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 285. В данном случае, мы подчеркнута ссылаемся на мелькитских хронистов (Агапия и Евтихия), дабы подчеркнуть, как эти события, в особенности — сдача Иерусалима, воспринимались ближневосточными православными.

³⁰⁷ Согласно хронике Евтихия Александрийского: «Когда настало время молитвы, он сказал патриарху Софронию: я хочу помолиться. Патриарх сказал ему: повелитель верующих, помолись на том месте, где находишься. 'Омар ответил ему: здесь я не буду молиться. Тогда патриарх привел его в церковь Константина и положил ему диновку в середине этой церкви. Но 'Омар сказал ему: нет, и здесь я также не буду молиться.

триарху Софронию, стали основой для дальнейшего существования Иерусалимского Патриархата и его паствы и создали важнейший юридический прецедент для общего положения христиан на Арабском Востоке. Итак, следует вновь обратить внимание на то, что и Святой Град Иерусалим, и один из величайших городов Сирии — Дамаск, были сданы арабам христианами-мелькитами, а не миафизитами. О сдаче других византийских городов Леванта (Антиохии, Эдессы, Апамеи, Латакии, Шейзара) было уже подробно сказано выше.

Однако следует отметить, что при всей многочисленности случаев относительно мирного перехода восточных городов к арабам, мусульманское завоевание сопровождалось и прецедентами массовых разорений, которые сказывались и на местном христианском населении, и в особенности на ромейских гарнизонах. Даже в тех случаях, когда с христианским населением устанавливался договор, арабские завоеватели отказывались распространять его на ромейских воинов. Так было при взятии арабами Газы, когда население было помиловано и ограждено договором, в то время как плененные ромейские воины были казнены, войдя в историю как «60 мучеников Газы»³⁰⁸. Описанный выше договор Мансура с Халидом ибн Валидом также, очевидно, распространялся на население Дамаска, но не на чинов ромейского гарнизона. Крупномасштабное избиение ромеев имело место при взятии Кесарии Палестинской, остававшейся форпостом империи в Леванте вплоть до

И вышел 'Омар на лестницу, которая находилась при церкви св. Константина, с восточной стороны, и помолился один на этой лестнице. Затем он сел и сказал патриарху Софронию: о патриарх, ты знаешь, почему я не помолился внутри этой церкви? Он ответил ему: повелитель верующих, я этого не знаю. Тогда 'Омар сказал: если бы я помолился внутри этой церкви, то эта церковь пропала бы для тебя, ушла бы из твоих рук, и мусульмане после меня отняли бы ее от тебя, говоря при этом: здесь помолился 'Омар. Но принеси мне бумагу, и я напишу тебе указ. И написал 'Омар указ, чтобы ни один мусульманин не молился на этой лестнице иначе, как в одиночку, и чтобы на ней не собирались на молитву и не провозглашали бы азана. Он написал об этом указ и вручил его патриарху».

Медников Н.А. Указ. соч. — С. 285—286.

³⁰⁸ Конечно же, вопрос о том, были ли эти казненные мучениками, т. е. принуждали ли их обратиться в ислам, или же они были казнены и перебиты для устрашения окрестных гарнизонов, остается открытым. Подробнее об истории и старейшем варианте «Жития...» 60 Мучеников Газы, см. Hoyland R.G. Seeing Islam as the others saw it. A Survey and Evaluation of Christian, Jewish and Zoroastrian Writings on Early Islam. — Princeton, 1997. — P. 347—351.

639 г. Епископ Агапий Иерапольский упоминает о том, что при взятии Кесарии халиф Муавия «вырезал до 7,000 ромеев»³⁰⁹. Сходное разорение имело место и при двух арабских завоеваниях Александрии. По крайней мере, здесь можно было бы привести описание первого взятия города (641 г.), приведенное в «Истории Александрийских патриархов»: «мусульмане взяли Александрию, и разрушили ее стены, и сожгли многие церкви. Они сожгли и церковь Св. Марка, стоявшую у моря, где покоилось его тело (...) Они сожгли как эту церковь, так и многие окрестные монастыри»³¹⁰. Также Севир ибн аль-Мукаффа, первый автор «Истории...», отмечает, что «мусульмане не посягали на провинции и их жителей, но всюду уничтожали народ румов»³¹¹.

Однако здесь следовало бы сопоставить участь Александрии, Кесарии, Дамаска и Иерусалима. Если в Александрии и Кесарии арабское завоевание завершилось массовыми разорениями и истреблением «румов», то Дамаск и Иерусалим были сданы византийскими светскими и церковными иерархами и избежали подобных побоищ. При этом Александрия и Кесария, невзирая на разорения VII в., на протяжении последующих веков оставались центрами сосредоточения достаточно многочисленных мелькитских общин³¹². Еще более показательна, в этом отношении, судьба Латакии. Как повествует арабский историк Белазури, «город был взят силой. Убайда вошел в цитадель, а затем поднялся на ее стену и вскричал „Аллах велик!“. Тогда некоторые бежавшие (...) христиане изъявили желание сдаться, согласившись при этом вернуться на свои земли. Им были предписаны земли, и установлен харадж, который они ежегодно обязались вносить, вне зависимости от того, будет ли их община увеличиваться или уменьшаться. Сохранили они и свою церковь»³¹³. Однако в 722 г., в правление императора Льва III Исавра, ромеи совершили морской рейд к Латакии, фактически разорив город. Согласно описаниям того же Белазури: «В год 100, в правление халифа Абд аль-Азиза, румы

³⁰⁹ Vasiliev A., ed. & trans. Histoire universelle, écrite par Agapius (Mahboub) de Menbidj... — P. 478.

³¹⁰ Sawirus ibn al-Muqaffa. History of the Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria // Patrologia Orientalis Vol. I. — Paris, 1904. — P. 494—495.

³¹¹ Sawirus ibn al-Muqaffa. History of the Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria... — P. 494.

³¹² Подробнее, см. выше, С. 100—105.

³¹³ Aḥmad ibn Yaḥyá al-Balādhurī. Op.cit. — P. 203—204.

пришли по морю и высадились у побережья аль-Ладхакии. Они уничтожили город и взяли его жителей в плен»³¹⁴. То есть с переходом под арабское правление Латакия (остававшаяся, подчеркнем, преимущественно христианским городом) фактически не пострадала; своим великим разорением и разграблением она была обязана рейду ромейских воинов, не рассчитывавших удержать этот далекий сирийский город. Так, арабское правление оказалось для христиан Латакии, по крайней мере, в VII-VIII вв., гораздо благоприятнее византийского.

И здесь следовало бы отметить, что одним из ключевых факторов в этом добровольном переходе ближневосточных христиан под власть арабского халифа была жажда юридической и финансово-экономической стабильности, шанса на который им фактически не оставляла империя. Еще Ф.И. Успенский, в своей «Истории Византийской империи», обращал внимание на выгодное отличие джизьи в сравнении с непомерными поборами византийских чиновников. Здесь уместно было бы процитировать известное высказывание Вейля, как раз приведенное Ф.И. Успенским: «В религиозном отношении, христиане, переходя под власть мусульман, только выигрывали в свободе, ибо магометане не вмешивались в их духовные дела, а что касается политической стороны, то верные раз данному слову халифы довольствовались очень умеренной данью, вследствие чего мусульманское господство было гораздо мягче, чем власть императора, который в истинном смысле слова высасывал кровь из отдаленных провинций»³¹⁵.

Мелькиты на службе халифату

Бесспорно, с арабским завоеванием, христиане Леванта, в том числе мелькиты, оказались под властью чуждых по вере правителей, для которых они всегда оставались подданными второго порядка (в сравнении с приверженцами ислама). Однако, при этом власть халифов гарантировала им стабильное, огражденное существование, а харадж явно уступал поборам византийских чиновников. При этом новые правители остро нуждались в грамотных чиновниках, врачах, зодчих, что естественно открывало перед христианами

³¹⁴ Aḥmad ibn Yaḥyá al-Balādhurī. Op.cit. — P. 204.

³¹⁵ Цит. по Успенский Ф.И. История Византийской империи... Том. II, гл. 9, С. 202—203.

не только возможность относительно благополучного существования, но и перспективу активного участия в политической, экономической и культурной жизни Арабского Халифата. По выражению Даниеля Дж. Сахаса, «Христиане нашли доступ ко двору халифа через самые разные сферы: некоторые были советниками в управлении (как семья Мансур), некоторые — „адмиралами“ на ново-построенном мусульманском флоте, другие были поэтами, воспитателями знати, художниками»³¹⁶. Арабские завоеватели, не имевшие опыта в управлении и организации столь обширных, покоренных территорий, должны были доверить делопроизводство, сбор податей и общее финансовое управление чиновникам-христианам, действовавшим под присмотром высших арабских властей. На протяжении первых 80 лет арабского правления делопроизводство на землях халифата велось исключительно на греческом, персидском и коптском языках³¹⁷.

Лишь после реформ халифа Абд аль-Малика I (685—705 гг.) чиновники халифата (как мусульмане, так и христиане) принуждены были перейти на арабский. Согласно Макризи: «Что касается реестров сирийских, то их перевел с греческого на арабский язык Абу-Сабит Сулейман-ибн-Са'д, секретарь по внутренним сношениям. Относительно времени перевода существует разногласие; одни говорят, что он перевел в царствование Абд-аль-Малика ибн Мервана, другие — в царствование Хишама ибн Абд аль-Малика»³¹⁸. Белазури четко относит эту реформу ко времени правления Абд аль-Малика I ибн Мервана и даже приводит точную дату — 81 год от хиджры, т. е. 703 г.³¹⁹ При этом Белазури приводит историю о том, как старший из христианских сановников дивана, мелькит Серджун ибн Мансур, узнав о реформе, с горечью обратился к христианам-чиновникам: «ищите средств к жизни с помощью другого ремесла, ибо ваше ремесло Бог отнял от вас»³²⁰. Однако эти опасения, переданные или приписанные Белазури Серджуну оказались, в достаточной мере, беспочвенными. Христиане смогли быстро адаптироваться и, освоив арабский, на протяжении многих поколений оставались придворны-

³¹⁶ Sahas D.J. John of Damascus on Islam. The «Heresy of the Ishmaelites». — Brill, 1972. — P. 25.

³¹⁷ Подробнее см. Фильштинский И.М. Халифат под властью династии Омейядов. — М.: Соверо-принт, 2005; Kennedy H. The Prophet and the Age of the Caliphates. — London, 2004.

³¹⁸ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 651.

³¹⁹ Aḥmad ibn Yaḥyá al-Balādhurī. Op.cit. — P. 301; Медников Н.А. Указ. соч. — С. 89—90.

³²⁰ Aḥmad ibn Yaḥyá al-Balādhurī. Op.cit. — P. 301; Медников Н.А. Указ. соч. — С. 90.

ми, сборщиками податей и писцами (катибами) при дворе мусульманских правителей. Более того, овладев арабским письмом, они в высшей степени ценились именно как писцы и мастера арабской каллиграфии. Мелькитский автор XI в. — протоспафарий Ибрагим ибн Юханна, описывая добродетели Патриарха Христофора, бывшего до патриаршества высокопоставленным писцом (катибом), отмечает два главных достоинства этого, освоенного христианами ремесла, а именно — скоропись и искусство каллиграфии³²¹.

Из всех мелькитских сановников в истории мусульманского мира наибольшую известность приобрели члены дамасской семьи Мансур. Родоначальником этой сановой династии был уже упоминавшийся выше Мансур ибн Серджун, бывший византийский наместник Дамаска, сдавший город арабам. После арабского завоевания Дамаска Мансур не просто сохранил свой достаток и положение; он в значительной мере укрепил свои позиции и продолжил принимать активное участие в делах Сирии. Около 661 г. он стал первым среди сановников дивана при халифе Муавии I³²². Ни в арабских, ни в византийских источниках нет единого, четкого наименования титула и должности Мансура, однако очевидно, что он был одним из старших должностных лиц в столице халифата, а его пост был непосредственно связан с финансами. Преемником Мансура на этом посту стал его сын — Сергей или Серджун ибн Мансур. Упоминания о Серджуне ибн Мансуре оставил, в своей хронике, Феофан Исповедник, который именует его «христианнейшим мужем» и «великим логофетом» арабского халифа³²³. Иеромонах Михаил, автор «Арабского жития св. Иоанна Дамаскина» говорит о том, что этот сановник-мелькит «держал бразды правления, словно василевс, и, словом, был правителем того округа и распорядителем его богатств»³²⁴. Другие источники именуют его

³²¹ Zayat H. Vie du patriarche melkite d'Antioche Christophore... — P. 17—18; Ибрагим ибн Юханна. Житие Антиохийского Патриарха Христофора... — С. 28—29.

³²² Sahas D.J. John of Damascus on Islam... — P. 26; Joseph (Nasrallah). Saint Jean de Damas: son époque, sa vie, son œuvre. — Paris, 1950. — P. 9.

³²³ Феофан Исповедник. Указ. соч. — С. 267. Упоминание относится к 682 г. В русском переводе В.И. Оболенского и Ф.А. Терновского «великий логофет» переведен как «генерал-счетчик».

³²⁴ Portillo R.D. The Arabic Life of St. John of Damascus // Parole de l'Orient: revue semestrielle des études syriaques et arabes chrétiennes recherches orientales: revue d'études et de recherches sur les églises de langue syriaque. — 1996. -Vol. 21. — P. 174.

«правителем Дамаска» и «эмиром»³²⁵. Серджун ибн Мансур сохранял свое положение как при халифе Муавии I, так и при его преемниках — халифах Язиде I и Абд аль-Малике I ибн Мерване. О доминирующем присутствии христиан среди чиновников Омейядского Халифата свидетельствует и приведенная в хронике Михаила Сирийца история о распре между мелькитом Серджуном ибн Мансуром, заведовавшим финансами в Дамаске, и миафизитом Афанасием, заведовавшим сбором податей в Египте. В хронике Михаила эта распря и обвинения в растрате казны, выдвинутые Сергием против Афанасия, приведены исключительно в контексте межконфессиональных споров между миафизитами и халкидонитами³²⁶. Следовательно, можно предположить, что в этот, ранний период истории халифата (т. е. в конце VII в.), христиане не только имели доступ к ответственным финансовым постам мусульманского мира, но и готовы были бороться друг с другом за власть и влияние перед лицом исламских правителей. Продолжая семейную традицию, Серджун передал свой пост сыну, названному в честь деда Мансуром. Как сказано у Макризиса: «При Муавии-ибн-абу-Суфьяне, письменной частью в канцелярии по делам сирийским заведовал христианин Серджун-ибн-Мансур. Затем его заведовал сын его Мансур-ибн-Серджун»³²⁷. Младший Мансур служил халифам Абд аль-Малику I и Аль-Валиду, однако около 706 г. он покинул Дамаск и отбыл в палестинскую Лавру Св. Саввы Освященного, где принял монашеский постриг с именем Иоанн. Под именем «Иоанна Дамаскина» отпрыск знатного сирийского мелькитского рода вошел в историю как один из величайших византийских богословов и Отцов Церкви³²⁸.

На протяжении последующих веков, невзирая на усиление арабо-мусульманского служилого и чиновного элементов, христиане

³²⁵ Sahas D.J. John of Damascus on Islam... — P. 27 (с подробным указанием источников). О Серджуне ибн Мансуре и его роли в финансовой жизни халифата, см.: Foss C. A Syrian Coinage of Mu'awiya? // *Revue numismatique*. — 2002. — Vol. 6 (№158). — P. 355.

³²⁶ Подробнее, см. Michel le Syrien. *Op.cit.* — Vol. II, Lib. XI, c. 16, P. 477. См. также: Sahas D.J. John of Damascus on Islam... — P. 27.

³²⁷ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 651.

³²⁸ Предположительно, Мансур (Иоанн) покинул свой пост в связи с продолжавшимися попытками Аль-Валида I оттеснить христиан от высших эшелонов управления в халифате. Подробнее об биографии св. Иоанна Дамаскина, см. уже приведенные выше монографии архиепископа Ж. Насраллы и Д. Дж. Сахаса. См. Joseph (Nasrallah). *Saint Jean de Damas: son époque, sa vie, son œuvre*. — Paris, 1950; Sahas D.J. John of Damascus on Islam. The «Heresy of the Ishmaelites». — Brill, 1972.

продолжали принимать активное участие в управлении землями Сирии, Палестины, Месопотамии и Египта. Евтихий Александрийский и отталкивающийся от его писаний коптский автор Абу-ль-Макарим приводят упоминания о ряде православных храмов Египта, известных как «Церкви Постельничих» (или, на арабский манер — «Церкви феррашей»), названных так в честь их ктиторов — мелькитских сановников арабских халифов и их наместников. Одна из этих церквей — церковь Пресвятой Богородицы — располагалась в Аль-Кантаре, пригороде Фустата, другая — освященная в честь Св. Георгия — в Каире³²⁹. Евтихий Александрийский приводит и историю о мельките Макаре (Макарии), которого халиф Аль-Мамун назначил на пост «сборщика податей и заведовавшего военной частью в Буре», одном из округов Египта. Патриарх Евтихий приводит яркое описание церемониальных шествий этого христианина-сановника халифа Аль-Мамуна. По его словам, в пятничный день Макар «одевался в черное платье, надевал меч и пояс, и ехал верхом на лошади, имея перед собой свиту свою»³³⁰. При этом Макар обладал и огромным состоянием; к примеру, он на собственные средства восстановил купол в иерусалимском Храме Воскресения³³¹. Со служением христиан-чиновников, состоявших при дворе арабских правителей, неразрывно связаны «Жития...» ряда ближневосточных святых: Иоанна Дамаскина, Петра Капитолийского, Христофора — Патриарха Антиохийского³³². Христиане-чиновники (катибы) составили совершен-

³²⁹ Евтихий Александрийский о церкви Св. Георгия в Хульване (квартале Каира) и ее ктиторах: «Были у него (у находившегося тогда в Египте 'Абд-ал-'Азиза, брата 'Абд-ал-Мелика) ферраши, мелькитские христиане. Они попросили у него позволения выстроить себе церковь, он позволил им, и они выстроили церковь с. Георгия в Хульване, и эта церковь — маленькая церковь, и она стала называться церковью „феррашей“...». См. Медников Н.А. Указ. соч. — С. 368—369. Абу-ль-Макарим о той же церкви: «Это малая церковь, именуемая также церковью Сановников. Эти христианские сановники были мелькитами». См. Abu Salih. The Churches and Monasteries of Egypt... P. 157. О церкви Пресвятой Богородицы в Аль-Кантаре: «Церковь также называют Церковью Христианских феррашей, поскольку она была восстановлена постельничими Аль-Мамуна Абд Аллаха, сына Харун ар-Рашида». См. Ibid...P. 153—154.

³³⁰ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 283—284.

³³¹ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 279—283.

³³² Священномученик Петр Капитолийский (ум. ок. 716 г.) описан Феофаном Исповедником как чиновник, при взимании податей исправлявший должность писца; он имел многих друзей из числа «начальников аравийских» и на склоне лет пошел на добровольное мученичество, открыто обличая Мухаммеда как предтечу антихриста

но особый класс среди своих единоверцев, своего милета. Для христианского населения они были знатью, вхожей к арабским правителям, и сопричастной государственной власти. Будучи заступниками за свои общины и церкви, христиане-катибы не преминули в полной мере пользоваться своим положением перед собственными, более скромными, собратьями по вере. Так, Ибрагим ибн Юханна, составляя «Житие Христофора, Патриарха Антиохийского», не оставил без внимания то, что описываемый им страстотерпец патриарх не был свободен от собственного катибам греха — определенного высокомерия или «неприступности, присущей писцам»³³³.

Христиане, в том числе христиане-мелькиты, сыграли важнейшую роль не только в становлении гражданского управления халифата, но и в зарождении арабского флота. Поскольку пришедшие с Аравийского полуострова мусульманские завоеватели не обладали достаточными навыками для сооружения и экипировки флота, его строительство и обеспечение легло на плечи христиан сиромливанского побережья, Египта и северной Африки. В строительстве и первых походах арабского флота активное участие принимали как миафизиты, так и мелькиты. Однако на верность последних отнюдь не приходилось полагаться, т. к. первые морские походы арабов были направлены практически исключительно против Ромейской державы. Епископ Агапий Иерапольский передает историю дезертирства со стороны мелькитских моряков во время подготовки первой арабской осады Константинополя (674—677 гг.). Согласно

и призывая своих друзей-мусульман принять христианство. См. Феофан Исповедник. Указ. соч. — С. 304. Подробнее о св. Петре Капитолийском, см. также: Hoyland R.G. Seeing Islam... P. 354—360. Будущий Патриарх Антиохийский Христофор был писцом (катибом) при дворе бедуинского эмира Халифа ибн Джунди, владевшего землями в округе Шейзара. См. Zayat H. Vie du patriarche melkite d'Antioche Christophore... — P. 18; Ибрагим ибн Юханна. Житие Антиохийского Патриарха Христофора... — С. 30. В т. н. «Арабском житии Иоанна Дамаскина» XI в., составленном иеромонахом Михаилом, преподобный Иоанн описан как сановник, ставший «секретарем эмира, занимавший важное место при дворе, знавший все секреты и приказания эмира». См. Portillo R.D. The Arabic Life of St. John of Damascus... P. 177. Здесь, конечно, стоит отметить, что Иоанн (Мансур ибн Серджун) заведовал финансами при дворе халифа, а не эмира, однако описание иеромонаха Михаила интересно потому, что он, как мелькит XI в., явно отталкивается как от предания, так и от современного ему представления о роли христианских чиновников в арабских землях.

³³³ См. Zayat H. Vie du patriarche melkite d'Antioche Christophore... — P. 361—362; Ибрагим ибн Юханна. Житие Антиохийского Патриарха Христофора... — С. 58.

хронике епископа Иерапольского: «Муавия ибн Абу Суфьян готовил морскую экспедицию против Константинополя. Муавия экипировал множество кораблей в гавани города Трабулус (Триполи), лежавшем на берегу моря, и доставил туда большой запас оружия. Когда корабли были готовы, и он уже готов был выступить, два брата из Триполи, сыновья некоего Вукинатора, состоявшие на службе у арабов, увидев эти приготовления, воспламенились негодованием и яростью; они тайно проникли в городскую темницу и освободили всех томившихся там ромеев; они бросились на наместника города и убили его; они подожгли корабли и военное снаряжение, и бежали на одном из кораблей в страну ромеев»³³⁴. Рассказ этот, приведенный мелькитским епископом, вероятно, является преувеличенным сказанием о доблести мелькитов; тем не менее, он наверняка отражает случаи дезертирства и диверсий со стороны служивших на арабском флоте мелькитов, которые действительно повлияли на срыв первой мусульманской осады Константинополя.

Вторая арабская осада Константинополя (717—718 гг.) была, во многом, сорвана благодаря дезертирству египетских и северо-африканских христиан, служивших на флоте халифата. Феофан Исповедник оставляет подробное описание бегства христианских моряков халифа с кораблей — в осажденный Константинополь, к императору Льву III Исавру. «Египтяне на двух этих флотах ночью сделали совет и, спустивши с больших кораблей лодки, устремились к городу и благословляли царя; так что, начиная от Иерии до самого города, море представляло вид сплошного дерева. Царь, узнав чрез них же о двух скрывшихся в заливе флотах, приготовил огнебросательные сифоны, поставил их на быстрые двухпалубные корабли и послал против двух флотов»³³⁵.

Примечательно, что участие христиан в постройке кораблей и боевых действиях арабского флота хоть и значительно сократилось в последующие века, но все же не сошло на нет окончательно. Так, в 993—996 гг. фатимидский халиф Аль-Азиз поручил постройку флота христианскому сановнику — визирю Исе ибн Нестурасу. Верфи для строительства флота были сооружены в среднем течении Нила, в Каире, откуда Иса ибн Нестурас должен был провести готовый флот

³³⁴ Vasiliev A., ed. & trans. Histoire universelle, écrite par Agapius (Mahboub) de Menbidj... — P. 483—484.

³³⁵ Феофан Исповедник. Указ. соч. — С. 290.

в Дельту, а затем, выйдя в Средиземное море, к Триполи. Однако в тот день, когда корабли должны были быть спущены на воду (9 мая 996 г.) на сооруженном флоте вспыхнул пожар, уничтоживший 16 кораблей. Это вызвало ярость у мусульманского населения Каира, которая обвинила в поджоге христиан. Согласно Яхье Антиохийскому, «И подозрела чернь в поджоге его купцов румов-мелькитов, приходящих в Каир с товарами. И накинудись на них чернь и магрибинцы и убили из них сто шестьдесят человек». За этим последовали разорения нескольких богатых христианских домов и церквей Каира (в частности — мелькитской церкви Св. Архангела Михаила и церкви несториан). Однако и это антихристианское восстание было подавлено Исой ибн Нестурасом — христианским (!) визирем фатимидского халифа³³⁶.

Помимо строительства кораблей и служения на флоте, ближневосточные христиане принимали участие и в сухопутных походах и рейдах арабских правителей, направленных против Византии. Несторианский автор VII в. Иоанн бар Пенкайе упоминает о христианах Леванта, которые стекались под знамена арабов для совершения набегов на византийскую Малую Азию, средиземноморские острова и прочие «дальние земли». «Часть из них принадлежала к числу еретиков, другая же часть — к нашим»³³⁷. Под «нашими» Иоанн естественно подразумевает несториан; под «еретиками», соответственно, в несторианской хронике могут фигурировать как миафизиты, так и мелькиты. Наиболее значимым прецедентом доказанного *мелькитского* участия в арабских наступательных кампаниях против Ромейской державы стал поход халифа Аль-Мутасима против византийских Анкиры и Амория. Во время этого похода халифа сопровождал Патриарх Иов Антиохийский, который, при осаде Анкиры «вступал в разговоры на греческом языке с румами и говорил им: вам лучше покориться государю нашему и платить ему поголовную подать, чем быть убитыми и уведенными в плен. Румы же с верха стен поносили его и бросали в него камнями»³³⁸. То же самое повторилось и при

³³⁶ История строительства и сожжения арабского флота и последующих христианских погромов в Каире приведена в хронике Яхьи Антиохийского. См. Розен В.Р. Император Василий Болгаробойца: Извлечение из летописи Яхьи Антиохийского. — СПб.: 1883. — С. 35.

³³⁷ Papakonstantinou A. Between Umma and Dhimma. The Christians of the Middle East under the Umayyads // *Annales islamologiques*. — 2008. — №42. — P. 136.

³³⁸ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 285.

осаде Амория: «Иов, Патриарх Антиохийский, ежедневно доходил один к крепости, держал румам речь по-гречески, страшал их и уговаривал их уплатить поголовную дань, дабы аль-Мутасим ушел от них. Они же поносили его и бросали в него камнями»³³⁹. Поскольку христианское население так и не последовало призывам мелькитского Патриарха и сохранило верность василевсу, осады Анкиры и Амория завершились взятием этих городов с боя; арабы разорили как Анкиру, так и Аморий, угнав в плен население и перебив многих ромейских воинов и ополченцев.

Вспоминая мелькитов, игравших знаковую роль в светской — политической, культурной и экономической — жизни Арабского мира, нельзя не вспомнить и о жене фатимидского халифа Аль-Азиза, мелькитке, известной как «Ас-Сайда Аль-Азизах». «Аль-Азизах» была матерью Ситт аль-Мульк, одной из наиболее известных женщин средневекового Востока, на протяжении двух лет занимавшей пост правительницы и регентши Фатимидского халифата от имени своего несовершеннолетнего племянника — халифа Аз-Захира (1021—1023 гг.). Некоторые авторы (к примеру — Гильом Тирский и Ибн Муиассар), также считают Аль-Азизах матерью великого притеснителя христиан, халифа Аль-Хакима, однако это не находит полноценного подтверждения в сохранившихся источниках³⁴⁰. Братья Ас-Сайды Аль-Азизах — Орест и Арсений — были возведены в сан Патриархов Иерусалима и Александрии, о чем будет подробнее сказано ниже.

Исламские репрессии против христиан

Вполне естественно, что по мере укрепления халифата развивалось и неуклонное стремление исламских теологов, правителей и населения к ограничению влияния и положения зимми, и в первую очередь — христиан. Это стремление нашло достаточно явное и раннее выражение в правление халифа Аль-Валида I, инициировавшего снос дамаского собора Св. Иоанна Крестителя и возведение на его месте мечети Омейядов. Дамасский кафедральный собор Св. Иоанна Крестителя,

³³⁹ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 285.

³⁴⁰ Подробнее см. Cortese D., Calderini S. Women and the Fatimids in the World of Islam. — Edinburgh, 2006.

разделенный на православный храм и мечеть с момента арабского завоевания города (637 г.), был разрушен по приказу Аль-Валида I в 706 г., поскольку халиф рассчитывал возвести там мечеть, способную, с точки зрения архитектуры и убранства, превзойти великие христианские соборы, возвышавшиеся в городах Дар аль-Ислама. Аль-Мукаддаси, писавший ок. 985 г., приводит следующие слова о возведении мечети Омейядов: «Воистину, прав был Аль-Валид (...) Ибо видел он Сирию как страну, которая долго находилась под властью христиан, и он отметил ее прекрасные церкви, которые по-прежнему принадлежали христианам; они зачаровывали своей красотой и славились своим великолепием. Такими была Кумама (Храм Воскресения), а также церкви в Лидде и Эдессе. По этой причине он решил построить для мусульман мечеть, дабы они более не взирали на них (т. е. на церкви. — С. Б.), и эта мечеть должна была стать бесподобной, одним из чудес света»³⁴¹.

Историю о разрушении собора Св. Иоанна Крестителя и строительстве мечети Омейядов приводит и Ибн Джубайр. По его словам, половина старого собора Св. Иоанна Крестителя: «по поводу которой было заключено соглашение, то есть западная, оставалась церковью в руках христиан, пока Аль-Валид не предложил им ее обменять. Они отказались от этого, и он отнял ее у них силой и лично участвовал в ее разрушении, а они считали, что тот, кто разрушил их церковь, лишился рассудка. И Аль-Валид поспешил и сказал: „Я первый овладею ею, клянусь Аллахом“. И начал разрушать ее своими руками. Мусульмане поспешили докончить ее разрушение. Христиане ссылались на [решение] Умара ибн Абд Аль-Азиза, вынесенное им во время его правления, и предъявили соглашение, которое сподвижники пророка им оставили. Он намеревался оставить [здание] у них, но мусульмане выразили свое несогласие. Тогда он выдал христианам в вознаграждение большую сумму денег, чтобы их ею умиротворить, и они ее приняли»³⁴². При этом, для строительства мечети

³⁴¹ Le Strange G. Op.cit. — P. 117.

³⁴² Ибн Джубайр. Указ. соч. — С. 262—263. В своем описании этих событий Ибн Джубайр отталкивается от более раннего описания Аль-Белазури, см. Aḥmad ibn Yaḥyá al-Balādhurī. Op.cit. — P. 191—192. Также можно обратиться и к описанию разрушения собора Св. Иоанна и строительстве мечети Омейядов в хронике Евтихия Александрийского: «И пожелал ал-Валид построить ту мечеть, которая находится в Дамаске, призвал христиан и сказал им: мы хотим включить в нашу мечеть эту вашу церковь, церковь Св. Иоанна,— а эта церковь была великолепна, и не было в Сирии подобной

также были привлечены зодчие и ремесленники из числа «румов» — т. е. византийские и мелькитские мастера. На протяжении веков мечеть Омейядов связывали именно с работой византийских мастеров. Это подчеркивает Ибн Джубайр, когда приводит достаточно позднее предание о том, как халиф Аль-Валид «направил приказ правителю румов в Константинополь — прислать 12 тысяч ремесленников из своей страны, угрожая возмездием, если он откажется. И тот покорно повиновался этому приказу после происшедшего меж ними обмена посольствами, как об этом записано в исторических книгах»³⁴³. Это устремление мусульман — использовать знания и опыт христиан-зимми в строительстве, управлении, медицине, кораблестроении, дабы превзойти их и создать творения достойные Дар аль-Ислама — может считаться одним из архитипичных, базовых устремлений в развитии арабской цивилизации.

Церкви Сирии должны были пожертвовать возводящимся мечетям часть своих украшений и убранства. Так, согласно Аль-Масуди, халиф Аль-Валид взял, для украшения Дамасской мечети Омейядов, несколько мраморных и алебастровых колонн из антиохийской церкви Пресвятой Богородицы³⁴⁴. Евтихий Александрийский сообщает о том, что для украшения Куббат ас-Сакры халиф Аль-Валид сходным образом велел своим зодчим снять купол церкви в Баальбеке и перенести его в Иерусалим. «Он снял купол из вызолоченной меди, принадлежавший христианам и находившийся в церкви города Баальбека, поместил его над ас-Сахрой, построил вокруг нее и украсил мрамором (мечеть. — С. Б.) и приказал народу совершать хаджж к ас-Сахре...»³⁴⁵. Для еще одной, алеппской мечети Омейядов халиф Аль-Валид вытребовал убранство из мелькитской, построенной при

ей — и мы дадим вам денег для постройки, где вам угодно, такой же церкви и, если вы хотите, мы вам заплатим цену ее. И он предложил им сорок тысяч динаров. Они же согласились и сказали: у нас есть договор и принесли грамоту Халида-ибн-ал-Валида. Это разгневало ал-Валида, он встал, собственноручно вывернул один брус и один кирпич, а с ним принялся за разрушение и народ. И ал-Валид увеличил мечеть с ее восточной стороны, и вся ее махсура заняла место церкви христианской и так и осталась». См. Медников Н.А. Указ. соч. — С. 374.

³⁴³ Ибн Джубайр. Указ. соч. — С. 261.

³⁴⁴ Le Strange G. Op.cit. — P. 368.

³⁴⁵ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 373.

Юстиниане базилики Кира (Куриса)³⁴⁶. Во второй половине VIII в., халиф Аль-Мансур, сходным образом, пытался перевести часть колонн эдесской базилики Св. Софии для украшения своего дворца, однако вынужден был смириться с категорическим отказом христиан передать требуемые колонны³⁴⁷. А еще в VII в. халиф Абд аль-Малик пытался вывести для строительства великой мечети в Мекке колонны Гефсиманской базилики. От этой идеи халифа отговорил Серджун ибн Мансур, спасший тем самым почитаемую православную церковь³⁴⁸.

Стремление ограничить влияние и относительно благополучие христиан на землях Дар аль-Ислама вылилось и в череде репрессивных кампаний и даже прямых гонений, направленных против зимми. Первым из халифов, открыто стремившихся к ограничению влияния и присутствия христиан в управлении халифатом, был Аль-Валид I (705—715 г.), с именем которого связаны как описанное выше возведение мечети Омейядов и Куббат ас-Сакры, так и уход с поста казначея христианина Мансур ибн Серджуна (Иоанна Дамаскина). Однако первым халифом, решившимся на открытые гонения против христиан, стал Умар II (717—720 гг.). Именно этому халифу приписывают первые масштабные законодательные меры, направленные против зимми, в частности: запрет на принятие зимми на государственную службу; предписания зимми носить особые одежды и опознавательные знаки; запрещение зимми ездить верхом на лошадях; попытки снести «незаконно построенные», т. е. возведенные после арабского завоевания, христианские церкви. Подробный перечень данных ограничений приводит, среди других арабских авторов, Ат-Туртуший. Хотя приведенные этим автором упоминания об иницированном Умаром II разрушении церквей тот же Н.А. Медников считает недостоверным преувеличением, свойственным позднему исламскому благочестию. Скорее всего, Умар II запретил своим христианским подданным строить новые церкви, но при этом не

³⁴⁶ Guidetti M. The Byzantine Heritage in Dar al-Islam... P. 9, 34.

³⁴⁷ Подробнее, см. Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVII, c. 7, P. 279.

³⁴⁸ История этого приведена в хронике Феофана. См. Феофан Исповедник. Указ. соч. — С. 267. Все указанные выше прецеденты подробно описаны в работе М. Гвидетти «Византийское наследие Дар аль-Ислама». См. Guidetti M. The Byzantine Heritage in Dar al-Islam. — P. 9, 34.

посягал на старые³⁴⁹. Тем более, что сам халиф был погребен в христианском монастыре Св. Симеона близ Дамаска³⁵⁰.

Гораздо более серьезными стали гонения на христиан, инициированные одиннадцатым халифом новой, Аббасидской династии — Аль-Мутаваккилем (847—861 гг.). Согласно Аль-Табари, «ал-Мутаваккиль приказал заставить всех христиан и зиммиев: надавать тайлесаны желтые и кушаки; ездить на седлах с деревянными стремянами; приделывать два шарика к задней части седла; приделывать две пуговицы к калансуве, если кто ее носит, причем эта калансува должна отличаться по цвету от калансувы, носимой мусульманами; нашивать себе на платье две заплаты, какие бывают на платьях рабов их, сделать две заплаты на платьях рабов их, заплаты, отличающиеся по цвету от того верхнего платья, на котором они будут нашиты, причем одна из заплат должна быть спереди, на груди, а другая сзади, на спине, величиной же они должны быть в четыре пальца, цвета желтого; если же кто из них носит чалму, то чалма его должна быть желтого цвета. И приказал, чтобы те их женщины, которые выйдут на прогулку, гуляли бы не иначе, как одетые в желтый изар. И приказал: заставить их рабов одевать кушаки и запретить им надевать пояса; разрушить их церкви, вновь выстроенные, отобрать десятую часть их домов и, если это отобранное место окажется просторным, то обратить в мечеть, а если мечеть устроить неудобно, то обратить в площадь. И он приказал пригвоздить у входов в их дома изображения чертей, сделанные из дерева, дабы была разница между их домами и домами мусульман. И он запретил пользоваться их услугами в тех канцеляриях и государственных учреждениях, решения которых касаются мусульман. И запретил их детям учиться в мусульманских школах или у мусульманина. И запретил им во время Вербной недели выносить их кресты на улицы и ходить по улицам со свечами. И

³⁴⁹ Подробнее см. Медников Н.А. Указ. соч. — С. 397—398.

³⁵⁰ Дейр-Сам'ан (монастырь Симеона) — в области Дамаска, окружен дворцами, местами для увеселений и садами, принадлежавшими Омейядам. Там находится могила 'Омара-ибн-'Абд-ал-'Азиза (...) священник, настоятель монастыря Симеона, во время болезни 'Омара, явился к нему с плодами, желая оказать ему любезность; тот принял их и приказал выдать ему несколько дирхемов. Настоятель отказался принять их, но 'Омар не переставал настаивать, пока он не взял их. При этом он сказал: «повелитель верующих, ведь это плоды наших деревьев.» — «Хотя бы и так», — ответил 'Омар и затем сказал: «Я умру от этой моей болезни». Священник опечалился и заплакал. Тогда 'Омар сказал: «Продай мне на твоей земле место для моей могилы», и тот сделал это...». См. Медников Н.А. Указ. соч. — Том 2—3, С. 375—376.

приказал сравнивать их могилы с землей, дабы они не походили на могилы мусульман»³⁵¹. Также следовал и запрет зимми ездить верхом на лошадях «породистых или простых»; дозволялось лишь передвижение на ослах и мулах. Позднейшие христианские авторы связывали резкое ухудшение положение зимми в халифате именно с правлением Аль-Мутаваккиля. По словам копта Абу-ль-Макарима, «Христиане носили черные одежды и ездили на лошадях до правления Аль-Муатаваккиля, который запретил им пользоваться этим правом»³⁵². В период Аббасидского халифата, во многом из-за все более ощутимого ограничения в правах зимми, участились и случаи перехода христиан в ислам. Р. Хойланд, в своем исследовании о христианах, иудеях и зороастрийцах на землях халифата, отмечает эскалацию массового перехода христиан в ислам именно со второй половины VIII в., то есть со времен утверждения династии Аббасидов. В числе приведенных Хойландом примеров — вероотступничество 24,000 египетских христиан в годы патриаршества Коптского Папы Александрийского Михаила I (743—767 гг.)³⁵³.

Кроме того, христианское население халифата зачастую оказывалось совершенно незащищенным перед стихийными погромами со стороны мусульманской фанатичной толпы и черни. При различных бедствиях и, в особенности, при известиях о победах ромейских василевсов над арабами мусульманская толпа могла, в нарушение заветов Пророка и первых халифов, обрушиться на христианские дома, лавки и церкви. Так, весной 937 г. восставшие мусульманские фанатики разорили иерусалимскую церковь Константина и Храм Воскресения³⁵⁴. Спустя три года аналогичным образом была до оснований разрушена мелькитская церковь Пресвятой Богородицы аль-Хадры

³⁵¹ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 1389—1390. Текст указа халифа Аль-Мутаваккиля, см. Ibid. — С. 1390—1394.

³⁵² Abu Salih. The Churches and Monasteries of Egypt... P. 154.

³⁵³ Hoyland R.G. Seeing Islam... P. 342—347.

³⁵⁴ Сведения об этом разорении иерусалимских церквей приводит, в своей хронике, Евтихий Александрийский: «В первую Пасху его патриаршества, в Вербное Воскресенье, напали мусульмане, сожгли южные двери церкви св. Константина и половину ее портика, взломали каменную настилку вокруг алтаря и кафедры и трапезы и разломали все, что могли. Затем они вошли в Голгофу и в храм Воскресения, взломали каменную настилку, кафедру и медные решетки, расхитили медные вещи и покровы и произвели какие только могли опустошения. И это было великим испытанием...». См. Медников Н.А. Указ. соч. — С. 293.

в Аскалоне³⁵⁵. Новые, крайне жестокие нападения на христианские дома и церкви последовали в Иерусалиме (967 г.) и Каире (971 г.) после продолжавшихся ромейских завоевательных кампаний на Ближнем Востоке, о чем будет сказано в последующих разделах. Разгромы нескольких каирских церквей после пожара на фатимидском флоте в 996 г. были уже описаны выше. При этом главную роль в этих стихийных выступлениях играли именно мусульманские бедняки, движимые как призывами отдельных фанатиков, так и жаждой наживы. Как писал Яхья Антиохийский, нападения на христиан были делом «сброда и черни»³⁵⁶.

Пытки и казнь христианских церковных иерархов в первые века арабского правления были явлением достаточно редким. Чаще всего подобные акции были вызваны либо обвинениями в изменнических сношениях с ромейским василевсом, либо доказанными фактами открытого обличения ислама. Наиболее значимые прецеденты, коснувшиеся православных подданных халифата, приходится на 657 и 743 г. В 657 г. по приказу местного эмира был сожжен православный епископ Эмесы. Феофан Исповедник не сообщает о точных причинах этой казни, говоря лишь о том, что архиерей был сожжен³⁵⁷. В 743 г. по приказу халифа Аль-Валида II митрополит Петр II Дамасский был осужден на мучение за осуждение ислама. Как повествует Феофан Исповедник: «Валид приказал отрезать язык святейшему митрополиту Дамасскому за то, что он торжественно обличал нечестие аравитян и манихеев, и сослал его на заточение в счастливую Аравию, где он до конца жизни своей свидетельствовал о Христе и ясно исправлял божественную литургию, как свидетельствуют те самые, кои слышали совершение божественной литургии»³⁵⁸.

Совершенно особым сочетанием репрессивных мер правительства и неистовства черни стали гонения фатимидского халифа Аль-Хакима (основной период которых пришелся на 1004—1012 гг.). В своем стремлении пресечь возраставшее на землях

³⁵⁵ Об этом, в частности, пишет Яхья Антиохийский. См. Медников Н.А. Указ. соч. — С. 331.

³⁵⁶ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 335.

³⁵⁷ См. Феофан Исповедник. Указ. соч. — С. 255.

³⁵⁸ Феофан Исповедник. Указ. соч. — С. 304.

Фатимидского халифата влияние христиан³⁵⁹, Аль-Хаким не только возобновил ряд репрессивных мер, в свое время установленных Аль-Мутаваккилем, но и ввел новые жестокие ограничения. В частности, христианам запрещалось празднование Пасхи, предписывалось ношение разноцветных туфель (черного и красного) и тяжелых деревянных крестов на шее, размер которых год от года увеличивался. За этим последовало масштабное разрушение христианских церквей, причем не только построенных в годы арабского правления, но и древних обителей и соборов, огражденных договорами и считавшихся сокровищами и достоянием Дар аль-Ислама. Аль-Хаким велел разрушить великий мелькитский монастырь Аль-Кусайр, располагавшийся близ Каира. Согласно Абу-ль-Макариму, учиненное халифом «разрушение и разграбление монастыря продолжалось на протяжении нескольких дней»³⁶⁰. По словам современника этих событий Яхьи Антиохийского, разрушение церквей Аль-Кусаира и расхищение христианских захоронений на территории обители было «поступком отвратительным, подобного которому не выдвали, и подобного которому не бывало прежде»³⁶¹.

Среди других мелькитских церквей Египта были разрушена церковь Пресвятой Богородицы в Дамiette, церковь Пресвятой Богородицы в Аль-Кантаре, несколько церквей в Каире. При этом, Яхья Антиохийский вновь отмечает, что в разорении храмов и христианских кладбищ, помимо воинов халифа, активное участие принимала именно чернь — «негры, рабы и бродяги»³⁶². В подвластных фатимидскому халифу сирийских землях был уничтожен кафедральный православный собор Дамаска — соборная церковь Пресвятой Богородицы (впоследствии восстановленная). Однако наибольшим потрясением для всего христианского мира стало разрушение Храма Воскресения (Храма Гроба Господня) в Иерусалиме, инициированное Аль-Хакимом в 1009 г. Согласно хронике Яхьи Антиохийского: «церковь была вся разрушена до основания (...) Святыни были совершенно уничтожены, и Ибн-Захир старался истребить гроб Господень и стереть следы его, выломал боль-

³⁵⁹ Любимой женой отца Аль-Хакима — халифа Аль-Азиза была православная египтянка, а одним из визирей — христианин Иса ибн Нестурас.

³⁶⁰ Abu Salih. The Churches and Monasteries of Egypt... P. 308.

³⁶¹ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 369—370.

³⁶² Медников Н.А. Указ. соч. — С. 368.

шую часть его и вырвал его»³⁶³. Вместе с прежним Храмом Воскресения погибли церковь Константина и мелькитский женский монастырь ас-Сари. Монастырь Св. Екатерины на Синае был спасен, благодаря одному из христианских сановников (имя которого — Сельмун ибн Ибрахим), принявших монашество в этой обители. Именно он, как повествует Яхья Антиохийский, сумел откупиться от воинов Аль-Хакима и убедить их оставить монастырь в покое. Впоследствии Яхья еще раз упоминает «авву Сельмуна», на этот раз — уже как «настоятеля синайского монастыря», когда тот встретился с Аль-Хакимом и убедил его дать разрешение на восстановление разрушенного египетского монастыря Аль-Кусайр. Эти события относятся уже к 1020 г.³⁶⁴.

Защита христианских церквей и общин мусульманскими правителями

Следует учитывать, что до эпохи мамлюкского правления, практически каждая волна мусульманских гонений против христиан сопровождалась более или менее соответствующей кампанией по реставрации прав христианских общин, возмещением их материальных потерь и возвращением зимми на государственную службу. В VIII в. халиф Умар II, приняв жалобу от христиан Дамаска в связи с разрушением собора Св. Иоанна Крестителя, приказал отдать им половину воздвигнутой на месте церкви мечети Омейядов. Когда же мусульманское население и духовенство категорически воспротивилось этому решению, компенсация христианам приняла иную форму. Помимо материальной компенсации, данной Умаром II или его предшественником Аль-Валидом I, христианам Дамаска были возвращены те церкви и монастыри, которые в 637 г. были взяты с боем и, соответственно, перешли в собственность мусульман. В особенности это касалось многочисленных монастырей в пригороде Дамаска — районе Гута. Описание этих обителей уже было приведено выше. То есть мусульмане, дабы удержать землю, на которой стояла мечеть Омейядов, сознательно пошли на добровольное выселение и передачу обширных земельных участков и прочего недвижимого

³⁶³ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 368—369.

³⁶⁴ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 383—384.

имущества, понимая необходимость выплаты компенсации христианам. Об этом обмене, имевшем место в правление халифа Умара II, подробно повествуют такие авторы, как Евтихий Александрийский и Аль-Белазури³⁶⁵.

Описанные выше погромы христиан в Иерусалиме (в 937 г. и 967 г.) сменялись периодами восстановления и очищения христианских церквей, санкционированными светской властью. Что касается вышеупомянутого погрома христиан в Каире (в 996 г.), то во главе его подавления и восстановления порядка стоял христианин — визирь Иса ибн Нестурас³⁶⁶. Яхья Антиохийский приводит и историю о том, как в день Вербного Воскресенья мусульманские наместники Иерусалима, с войсками и свитой, сопровождали христиан, дабы своим присутствием пресечь возможные нападки арабской толпы. «У христиан в Иерусалиме был обычай, соблюдаемый ежегодно: во время празднования Вербной недели из церкви, известной под именем церкви Лазаря, в церковь Воскресения — а между этими двумя церквями большое расстояние — переносилось оливковое дерево; и проносили его по улицам города, читая, молясь и открыто неся крест; христиан сопровождал местный правитель со всей своей свитой и отгонял от них толпу»³⁶⁷. Праздничные крестные ходы христиан из Вифании в Иерусалим, наряду с вышеописанными празднествами в Антиохии, шествиями со Св. Мандилионом в Эдессе, процессиями мелькитов в городах Хорасана, заслуживают особого внимания в свете хорошо известных исламских запретов на открытые христианские шествия.

В принципе, репрессии и гонения, инициированные халифами, эмирами, духовенством или чернью вновь и вновь выявляли зависимость арабов от услуг христианских чиновников и ремесленников. Особенно явственно эта зависимость и мусульманское отношение к зимми как к неотъемлемой части Дар аль-Ислама, проявилась, как это ни странно, в эпоху великих гонений Аль-Хакима. Еще Яхья Антиохийский с иронией отмечал, что своими репрессиями, в частности — указом о ношении тяжелых деревянных крестов, Аль-Хаким

³⁶⁵ Подробнее см. Aḥmad ibn Yaḥyá al-Balādhurī. Op.cit. — P. 192—193; Медников Н.А. Указ. соч. — С. 381.

³⁶⁶ Подробнее см. выше. — С. 100—105.

³⁶⁷ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 365—366.

стремился известить христианских чиновников «в особенности своих приближенных канцелярских писцов и тех состоящих на его службе, без которых он не мог обойтись»³⁶⁸. В 1008 г. христианские чиновники Фатимидского халифата были взяты под стражу, однако вскоре вновь выпущены и назначены Аль-Хакимом на прежние должности. Более того, именно в разгар гонений Аль-Хакима визирем халифа был вновь назначен христианин — Иса ибн Нестурас, занимавший этот пост до своей кончины³⁶⁹. При этом, Исе был дарован почетный титул «ас-Сафи», т. е. «исцеляющий», что дает полное основание предположить, что гонения на христиан и отстранение их от административных должностей привело к серьезным беспорядкам и проблемам, решить которые и был призван ибн Нестурас. Первые меры по дарованию христианам материальной компенсации за разрушенные в начале XI в. церкви также принадлежали самому Аль-Хакиму, а не его преемникам. В 1003 г., после погромов в Каире и разрушения старого христианского квартала, Аль-Хахим предоставил мелькитам и общине ромеев новый квартал и дозволил отстроить три новые церкви, взамен разрушенных. Как повествует Яхья Антиохийский: «Румы были переведены в место, известное под именем ал-Хамрау, здесь им отвели квартал, и ал-Хахим соорудил здесь три церкви взамен тех церквей, которые были у них разрушены в том квартале...»³⁷⁰. И именно в последний год правления Аль-Хакима (1020—1021 гг.) игумен монастыря Св. Екатерины на Синае — Авва Сельмун смог начать восстановление египетского монастыря Аль-Кусайр.

Дальнейшее утверждение прав христиан имело место уже в правление халифа Аз-Захира (1021—1036 гг.), сына и преемника исчезнувшего халифа Аль-Хакима. Если, опять же, обратиться к хронике Яхьи Антиохийского: «И стали христиане снова открыто справлять свои праздники и ходить во время Пасхи крестным ходом к тем церквам их, которые находились вне города Каира. Аз-Захир являлся смотреть на их сборища и приказывал оберегать их. Христиане облегчили носимые ими отличительные знаки, и большинство из них ограничилось поясом и черным тюбаном. Аз-Захир разрешил им восстанавливать их церкви и возвратил им завещанные с богоугодной

³⁶⁸ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 364.

³⁶⁹ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 371.

³⁷⁰ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 364.

целью имения, которыми еще не завладели правители»³⁷¹. Более того, в правление Аз-Захира имело место неслыханное, с точки зрения законов халифата, дозволение христианам, принявшим ислам в годы гонений, вернуться к своей прежней вере. «И возвратилось из страны румов множество христиан, принявших ислам, открыто объявили себя христианами, и никто не стал беспокоить ни их, ни тех христиан, которые жили в Египте, требованием уплатить поголовную подать с того года, когда взыскание ее с них прекратилось, и до того года, когда каждый из них возвратился»³⁷².

*Мелькитские богословы, переводчики, хронисты
и иерархи в истории христианского мира VII–XI вв.*

Если говорить о роли сирийских клириков и иерархов в истории католической Церкви VII–XI вв., то здесь следует упомянуть как тех богословов и иерархов, которые жили на территории Арабского Востока, так и о тех беженцах, которые, в период арабских завоеваний стекались в Константинополь и Рим. К числу последних принадлежали многие видные деятели Римской Церкви, о которых нельзя, по крайней мере, кратко не упомянуть в связи с вопросом о значимости Сирии для христианского мира. Среди этих, бежавших на Запад чад Антиохийской Церкви было несколько римских понтификов. Так, Папа Иоанн V (685—686 гг.) был сирийцем и уроженцем Антиохии. Его преемник — Папа Сергий I (687—701 гг.) был выходцем из семьи антиохийских греков, переселившихся из пределов Леванта на Сицилию. Сирийцами были и некоторые последующие понтифики, в частности Папа Сисиний I (708 г.) и Папа Константин (708—715 гг.)³⁷³. В Риме находилось несколько обителей, основанных восточными монахами. Так, за пределами городских стен Рима находился монастырь Св. Анастасия ad Aquas Savias, где подвизались выходцы из ки-

³⁷¹ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 387.

³⁷² Медников Н.А. Указ. соч. — С. 388.

³⁷³ Подробнее о восточных папах см. монографию А. Дж. Эконому «Византийский Рим и греческие папы». См. Ekonomou A.J. Byzantine Rome and the Greek Popes. Eastern Influences on Rome and the Papacy from Gregory the Great to Zacharias, AD 590—752. — Lexington, 2007.

лийских епархий Антиохийской Церкви. Обитель Св. Анастасия сохраняла восточную, греческую братию вплоть до XI в.³⁷⁴. На рубеже VI-VII вв. в Вечном городе возник и монастырь Св. Саввы, основанный монахами, бежавшими из Палестины. Также в Риме находился и монастырь Ринати, где в VII в. бежавшие из Армении греческие монахи вытеснили латинян. Наконец, нельзя не упомянуть и о еще одном греческом монастыре Рима — обители *Domus Arsicia*, монахи которого играли важнейшую роль в сношениях Рима и Константинополя³⁷⁵.

Говоря о выходцах из пределов Антиохийского Патриархата получивших широкую известность на Западе и в лоне Римской Церкви (в VII-XI вв.), нельзя не вспомнить и о св. Феодоре Тарсийском (ок. 602—690 гг.). Этот уроженец киликийского Тарса бежал на Запад от персидских и последовавших арабских завоеваний. Покинув пределы Леванта, Феодор перебрался вначале в Константинополь, а затем — в Рим, где подвизался в основанном киликийскими беженцами монастыре Св. Анастасия *ad Aquas Savias*. В 668 г. Папа Виталиан возглавил хиротонию Феодора и возвел его в сан Архиепископа Кентерберийского. На протяжении двадцати двух лет, вплоть до своей кончины в 690 г. Феодор Тарский, этот «антиохийский» архиепископ Кентербери, совершал свое архипастырское служение на землях Англии. Он стал одним из самых почитаемых, канонизированных английских прелатов, прославился как инициатор создания новых диоцезов, борец с ересью монофелитства, бесстрашный обличитель жестокости и языческих обычаев своей паствы и, конечно же, как основатель знаменитой Кентерберийской школы — оплота просвещения в англосаксонских королевствах³⁷⁶.

Неотъемлемой частью православной литературной и богословской традиции стали творения мелькитских авторов, писавших как по-гречески, так и по-арабски. Не стоит забывать о том, что бесспорно, самым влиятельным богословом и Отцом Церкви VIII в.

³⁷⁴ О монастыре Св. Анастасия в Риме см.: Franklin C.V. *Theodore of Tarsus and the Passio S. Anastasii* // *Archbishop Theodore. Commemorative Studies on His Life and Influence*. — Cambridge, 1995. — P. 177—181.

³⁷⁵ Подробнее о восточных монастырях Рима, см. Ekonomou A.J. *Byzantine Rome and the Greek Popes...* — P. 37, 178, 214, 228, 263 (о монастыре Св. Саввы); P. 204 (о монастыре *Domus Arsicia*); P. 205 (о монастыре Ринати).

³⁷⁶ Подробнее о св. Феодоре Тарском, см. Lapidge M. *Archbishop Theodore: Commemorative Studies on His Life and Influence*. — Cambridge, 1997.

был сирийский мелькит — преподобный Иоанн Дамаскин, часто почитаемый и как последний из великих «Отцов Церкви»³⁷⁷. Величайшим византийским гимнографом стал другой мелькит, приемный брат св. Иоанна Дамаскина — преподобный Косма Маюмский, автор «Песни Богородицы» («Честнейшая Херувим...») и нескольких канонов, вошедших в богослужение Православной Церкви³⁷⁸. Причем оба — и Иоанн Дамаскин, и Косма Маюмский — никогда не бывали даже в пределах восточных провинций Ромейской империи; оба, будучи сирийцами, писали по-гречески. Хотя, конечно же, нельзя не отметить, что богатейшие традиции сирийской письменности процветали среди мелькитов в VIII–XVII вв. Сироязычные мелькиты, подобно сиро-яковитам и маронитам, придерживались вариаций западно-сирийского шрифта — как серто, так и особого «халкидонского» шрифта.

С VIII в., по мере укоренения ближневосточных христиан в составе халифата, начинается и зарождение христианской арабской литературы. Первым великим православным богословом и полемистом, писавшим по-арабски стал Феодор Абу-Курра (ок. 750—823 гг.), уроженец Эдессы и епископ Харрана³⁷⁹. Среди переводчиков библейских и богослужебных текстов на арабский язык, следует в первую очередь назвать двух мелькитов XI в. — Феофила Каирского и Абдаллаха ибн аль-Фадла аль-Антаки. Феофил, митрополит Мисра (Каира), известный также как Теофилос ибн Туфил ад-Димашки, составил один из ранних, не дошедших до нас, переводов Евангелия на арабский³⁸⁰. Антиохийский диакон Абдаллах ибн аль-Фадл внес несравненно больший вклад в богослужебную и церковную жизнь арабоязычных христиан, так как его переводы текстов Ветхого и Нового Завета, а также Псалтири и творений нескольких великих Отцов Церкви

³⁷⁷ Творения преподобного Иоанна Дамаскина (греческий оригинальный текст, с параллельным латинским переводом), в т. ч. «Три слова в защиту иконопочитания» и «Точное изложение Православной веры», см. *Joannes Damascenus* // PG Vol. 94—95. — Paris, 1864.

³⁷⁸ Творения св. Космы Маюмского, см. *Cosmas Hierosolymitanus* // PG Vol. 98. — Paris, 1865.

³⁷⁹ Подробнее о епископе Феодоре, см. *Thomas D., Roggema B., ed. Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Vol. I.* — Leiden-Boston, 2009. — P. 439—491. Сочинения Феодора Абу-Курры, см. *Theodorus Abucara, Carum Episcopus* // PG Vol. 97. — Paris, 1865.

³⁸⁰ Подробнее, см. *Troupeau G. La littérature arabe chrétienne du Xe au XIIe siècle // Cahiers de civilisation médiévale.* — 1971. — Tome 14 (N°53). — P. 12.

(в том числе св. Иоанна Златоуста и переведенного им с сирийского св. Исаака Сирина) оставались востребованными и даже преобладающими среди ближневосточных православных вплоть до XX в. Как о нем писал великий собиратель «антиохийского» литературного наследия — Патриарх Макарий III Заим, «Когда Господь увидел их долготерпение, он смиловался над ними и направил им великого мужа, диакона Абдаллаха ибн аль-Фадла аль-Антаки. Прекрасно зная арабский, греческий и сирийский языки, он перевел все книги Ветхого и Нового Заветов, со всеми комментариями к ним, на арабский, для нужд христиан, дабы они читали их в дни Субботы, Воскресения и великих Праздников Господних. Каноны же он оставил нам на греческом и сирийском, ибо это были исконные языки, и дабы не забывали эти священные языки, на которых говорили наши Святые Отцы»³⁸¹.

Центрами интеллектуальной, книжной традиции мелькитов оставались православные монастыри Востока, в особенности монастырь Св. Екатерины на Синае и, в еще большей степени, Лавра Св. Саввы Освященного. Именно в Лавре Св. Саввы Освященного подвизались преподобные Иоанн Дамаскин и Косма Маюмский, Феодор Абу-Курра и полулегендарный святой Феодор Эдесский. Позднее, в эпоху второго византийского и франкского правления в Антиохии, все большее значение приобретали и монастыри северной Сирии, в частности Лавра Св. Симеона Дивногольца, о которой подробно будет сказано в последующих разделах и главах. Особое место среди авторов средневекового Востока занимают и мелькитские хронисты: Патриарх Евтихий II Александрийский (Саид ибн Батрик), автор церковной и светской истории «Нить драгоценностей», продолжатель Евтихия — Яхья Антиохийский, а также автор «Всеобщей истории», Агапий (Махбуб ибн Константин), епископ Иераполя (Мамбиджа). К трудам этих авторов мы уже неоднократно прибегали в ходе данной работы. Для ближневосточных православных эпоха этих трех хронистов (X-XI вв.) составляет словно бы «золотой век» мелькитского летописания, т. к. впоследствии, особенно

³⁸¹ Walbinder C.-M. Preserving the Past and Enlightening the Present. Macarius B. Al-Za'im and Medieval Melkite Literature // *Parole de l'Orient: revue semestrielle des études syriaques et arabes chrétiennes recherches orientales: revue d'études et de recherches sur les églises de langue syriaque.* — 2009. — Vol. 34. — P. 438. См. также: Joseph (Nasrallah). Histoire du mouvement littéraire dans l'église melchite du Ve au XXe siècle. Vol. 3, Tome 1 (969—1250)... P. 257—269.

в эпоху мамлюкского правления (с XIII в.) наступает период невероятного упадка в книжной культуре христианского Востока. Патриарх Макарий III Антиохийский писал об этой эпохе Евтихия, Яхьи и Агапия одновременно с гордостью и горечью из-за последовавшего упадка: «В наших же краях к написанию церковной истории не прибегали из-за множества бедствий и трагедий, постигших народ. И кажется нам, что среди народа известность получили лишь блаженный Саид ибн Батрик и его великолепная история, позже — история Саида ибн Яхьи аль-Антаки, которая поистине прекрасна, а также история Агапия ибн Костантина аль-Манбиджи и история блаженного Никона, игумена монастыря Св. Симеона Чудотворца. Другие мужи нашей земли писали краткие истории»³⁸².

Фигуры Евтихия Александрийского и Яхьи Антиохийского приводят нас к еще одной сфере жизни Ближнего Востока, в которой мелькиты играли важнейшую роль; речь идет о медицине. Дело в том, что и Евтихий, и Яхья были искусными, востребованными врачами. И здесь уместно было бы напомнить, что прославленная во всем средневековом мире восточная, арабская медицина отнюдь не была плодом исключительно исламской цивилизации; среди врачей, служивших при дворах мусульманских правителей и в городах Востока, были и христиане, и мусульмане, и иудеи³⁸³. До восшествия на Александрийский патриарший престол (в 933 г.), Евтихий (Саид ибн Батрик) был врачом, славившимся и среди мусульман, и среди христиан Каира и Александрии. Врачом был и его брат — Иса ибн Батрик³⁸⁴. Причем наименование «ибн Батрик», это арабское название «сын патрикия», что выявляет принадлежность братьев Саида (Евтихия) и Исы к числу высокопоставленных мелькитских сановников Арабского Востока. Упоминавшийся выше Яхья Антиохийский, к хронике которого нам еще не раз предстоит обратиться, также принадлежал к числу египетских врачей-мелькитов; однако, при гонениях халифа Аль-Хакима ему пришлось переселиться в отвоеванную ромеями Антиохию. Одним из наиболее известных и уважаемых ближневосточ-

³⁸² Walbinder C.-M. Preserving the Past and Enlightening the Present. Macarius B. Al-Za'im and Medieval Melkite Literature... — P. 439.

³⁸³ Подробнее, об арабской медицине, см. Jacquart D., Micheau F. La médecine arabe et l'Occident médiéval. — Paris 1996.

³⁸⁴ Troupeau G. La littérature arabe chrétienne du Xe au XIIe siècle... P. 17.

ных врачей XI в. был багдадский мелькит Юханна ибн Бутлан. В качестве практикующего врача он объездил Месопотамию и Сирию, подолгу оставаясь в Багдаде, Алеппо и Антиохии. Прославился он и как теоретик медицины, в особенности благодаря своему трактату — «О поддержании здоровья», пользовавшемуся большой популярностью среди восточных врачей (как христиан, так и мусульман). Аналогичную популярность это сочинение багдадского врача-мелькита получило и на Западе; будучи переведенным на латынь, оно было известно там как «*Tasuinum Sanitatis*». Что касается самого Юханна ибн Бутлана, то на исходе жизни он принял монашеский постриг в Лавре Св. Симеона Дивногольца, близ Антиохии. Об этом великом мелькитском враче мы неоднократно будем вспоминать в последующих разделах и главах книги³⁸⁵.

Примечательно, что некоторые мелькиты сочетали лекарское искусство со светским или церковным служением. Так, Ибрахим ибн Юханна, в «Житии Христофора, Патриарха Антиохийского» приводит историю о том, как Патриарх запретил в священнослужении одного клирика, бывшего по совместительству придворным врачом одного из эмиров династии Хамданидов; это, естественно, привело к столкновению между эмиром и Патриархом³⁸⁶. Прославленным врачом был не только Патриарх-хронист Евтихий II Александрийский, но и один из его предшественников на кафедре — Патриарх Политиан (занимавший патриарший престол Александрии ок. 787—801 гг.). Сам Евтихий описывает Патриарха Политиана как «самого искусного из всех врачей египетских» и оставляет описание его путешествия в Багдад для исцеления возлюбленной халифа Харун ар-Рашида. Причем после успешного лечения благодарный халиф вознаграждал мелькитского Патриарха Александрии не только большой суммой денег, но и передачей ряда церквей, ранее перешедших к коптам-миафизитам³⁸⁷. К истории мелькитских врачей в городах и придворных

³⁸⁵ Подробнее о Юханне ибн Бутлане см. Schacht J., Meyerhof M. The medico-philosophical controversy between Ibn Butlan of Baghdad and Ibn Ridwan of Cairo: a contribution to the history of Greek learning among the Arabs. — Cairo 1937.

³⁸⁶ Подробнее см. Zayat H. Vie du patriarche melkite d'Antioche Christophore... — P. 30—32; Ибрагим ибн Юханна. Житие Антиохийского Патриарха Христофора... — С. 36—37.

³⁸⁷ Подробнее см. Медников Н.А. Указ. соч. — С. 278—279.

кругах Леванта нам еще не раз предстоит вернуться в ходе нашего исследования.

Если же говорить о церковной иерархии восточных Патриархатов, то здесь сразу же следует провести черту между положением Иерусалима с одной стороны, и положением Антиохии и Александрии с другой. Благодаря тому, что Святой Град был сдан арабам Патриархом Софронием I, Иерусалимская Церковь в VII-X вв. смогла сохранить преемство своих первосвященников, остававшихся в Палестине³⁸⁸. В то же самое время в Александрии и Антиохии с арабским завоеванием наступил период продолжительного вдовства патриарших кафедр. Последние Патриархи Александрии и Антиохии, бывшие к тому же монофелитами, покинули Левант перед лицом арабского наступления. Предпоследний Александрийский Патриарх эпохи византийского правления — Кир (631—642 гг.) умер на исходе арабского завоевания Египта. Его соперник и преемник — Патриарх Петр IV эвакуировался вместе с ромейскими войсками в Константинополь. В Антиохийском Патриархате положение было несколько более сложным. После кончины Патриарха Анастасия III, умершего в невыясненный период еще до арабских завоеваний, новый Патриарх Антиохийский — монофелит Македоний был поставлен на кафедру уже в Константинополе. Эта первая «константинопольская» линия Патриархов Антиохийских в изгнании просуществовала до 702 г. Первоначально ее занимали монофелитские ставленники василевса³⁸⁹; после Шестого Вселенского собора (680—681 гг.), осудившего ересь монофелитства, на Антиохийском престоле в изгнании были восстановлены православная иерархия. Однако в 702 г., со смертью Патриарха Георгия II, эта «константинопольская» линия Патриархов Антиохии пресеклась окончательно³⁹⁰. Так, православный клир и паства Сирии, Киликии, Ливана и Египта не видели и фактически не знали Патриарха с мо-

³⁸⁸ Преемники св. Софония I — Патриархи Анастасий I (занимал кафедру до 706 г.) и Иоанн V (706—735 гг.) избирались из числа чад Иерусалимской Церкви и годы своего патриаршества проводили на землях Палестины. Хотя, нельзя не отметить, что после кончины св. Софония, в избрании иерусалимских патриархов, возможно, и наступил некоторый перерыв.

³⁸⁹ Патриархи Македоний (ок. 639—649 гг.), Георгий (ок. 655 г.), Макарий I (655—681 г.).

³⁹⁰ Патриарх Феофан был поставлен на Антиохийский престол благодаря решениям Шестого Вселенского собора и низложению Патриарха-монофелита Макария I (681 г.). После Феофана в период «первого константинопольского» изгнания на Антиохийскую

мента арабского завоевания и вплоть до VIII в. Для мелькитов Антиохии период вдовства патриаршей кафедры в Сирии продолжался на протяжении более чем 104 лет (40 с момента прерывания линии Патриархов в Константинополе); для мелькитов Александрии — более 97 лет.

Восстановление преемства православных Патриархов в Антиохии и Александрии имело место в правление десятого халифа династии Омейядов — халифа Хишама ибн Абд аль-Малика (723—743 гг.). В правление халифа Хишама, в 730 г., мелькитам Египта было даровано право восстановить патриаршество. На Александрийский престол был возведен Патриарх Косма I. Невзирая на то, что Косма I был простым неграмотным ремесленником, он сумел добиться ошеломляющей, по своим масштабам, реституции имущества для своей паствы. Совершив путешествие в Дамаск, он добился у халифа Хишама указа о возвращении мелькитам большей части тех церквей, которые у них отбили копты-миафизиты. Как повествует об этом один из преемников Космы — Патриарх Евтихий Александрийский: «молились христиане, мелькиты александрийские, в церкви Мар Саба, потому что яковиты забрали в свои руки все церкви. Когда патриархом сделался Косьма, который был неграмотным, не умевшим ни читать, ни писать, и ремеслом которого было выделывание иголок, то он отправился в Дамаск к Хишаму-ибн-'Абд-ал-Мелику, и тот отдал ему церкви, захваченные яковитами при содействии некоторых писцов. И написал Хишам своему сборщику податей в Египет (...) приказание взять те церкви, которые находились в руках яковитов, передать их патриарху Косьме и отдать ему все те церкви, которые он признает принадлежащими ему. И взял патриарх Косьма эти церкви от яковитов, причем взял от них церковь ал-Кайсарию (Кесариум. — С. Б.)»³⁹¹.

История Патриарха Космы I и возвращения части александрийских церквей мелькитам имеет особое значение в связи с общими размышлениями о положении православных на землях Арабского халифата. Впервые, эта история крайне показательна в связи с продолжающимися

кафедру последовательно восходили еще три православных Патриарха: Фома, Себастьян и Георгий II.

³⁹¹ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 384—386. О патриаршестве Космы I и его значении для восстановления прав халкидонской, католической Церкви в Египте, см. также: Neale J.M. A History of the Holy Eastern Church. The Patriarchate of Alexandria... P. 107—109.

рассуждениями о сравнительном положении мелькитов и миафизитов под арабским правлением. Невзирая на периодически выдвигаемые тезисы о более благосклонном отношении арабов к миафизитам, можно наглядно убедиться в том, что первая половина VIII в. и в особенности годы правления халифа Хишама стали периодом достаточно жестоких гонений против коптов и одновременно — временем восстановления халкидонского Патриархата в Александрии и реституции имущества и церквей египетских мелькитов³⁹². Во-вторых, данная история представляет интерес как свидетельство сохранявшегося влияния мелькитских чиновников-катибов в столице халифата, т. к. Евтихий ясно говорит о том, что Патриарх Косма, при своей миссии, пользовался поддержкой и покровительством христианских катибов.

На исходе своего правления, халиф Хишам санкционировал и восстановление православного Патриарха в Антиохии. Им стал Патриарх Стефан III, избранный из числа местного сирийского клира и занимавший кафедру в 742—744 гг. Подробное описание избрания Патриарха Стефана III оставляет в своей хронике Феофан Исповедник: «Когда святейшая церковь Антиохийская 40 лет вдовствовала, и аравитяне не позволяли производить там патриарха, то этот Исам (т. е. халиф Хишам. — С. Б.) полюбил монаха сирианина, по имени Стефана, человека необразованного, но благочестивого, и сказал восточным христианам, если они хотят иметь патриарха, пусть изберут себе Стефана. Они, почитая сие за мановение божественное, рукоположили его на трон Феопилиса (Теополя, Антиохии. — С. Б.); и с тех пор от сарацин не было в этом запрещения»³⁹³. Со смертью Патриарха Стефана III в 744 г. последовало новое избрание и поставление Антиохийского Патриарха, проходившее с дозволения и при полном содействии халифа. Новым Патриархом стал эдесский пресвитер — Феофилакт бар Канбара. Как повествует Феофан: «В том же году Маруам (халиф Мерван II. — С. Б.) по прошению христиан восточных позволил им рукоположить Феофилакту пресвитера Эдессинского в патриархи на место скончавшегося Стефана Антиохийского, которого всенародными грамотами приказал иметь в почтении всем аравитянам, потому что сей патриарх был украшен духовными дарами, особенно дара-

³⁹² О гонениях на коптов в первой половине VIII в. достаточно подробно пишет Аль-Макризи. См. Медников Н.А. Указ. соч. — С. 652—654.

³⁹³ Феофан Исповедник. Указ. соч. — С. 303.

ми целомудрия»³⁹⁴. Михаил Сириец также связывает происхождение Феофилакта бар Канбары с эдесскими землями, называя его уроженцем Харрана. Однако сирийский хронист указывает на то, что раннее Феофилакт был придворным ювелиром халифа Мервана II, о чем умалчивают мелькитские авторы³⁹⁵. Патриарх Феофилакт бар Канбара был известен и как ревностный гонитель сирийских маронитов. Он едва не лишил маронитов их главного духовного центра — монастыря Св. Марона, на что вряд ли решился бы без открытой поддержки со стороны мусульманских правителей³⁹⁶.

Последующие Патриархи, избираемые на Антиохийский престол в годы арабского владычества, также принадлежали к числу сирийцев, как непосредственный преемник Стефана III — Патриарх Феофилакт бар Канбара³⁹⁷ или арабоязычных мелькитов, часто в буквальном смысле слова назначаемых халифами³⁹⁸. Многие мелькитские Патриархи Антиохии VIII-X вв. выходили из непосредственного окружения исламских правителей. Феофилакт бар Канбара, если верить Михаилу Сирийцу, был некогда придворным ювелиром. Патриарх Феодосий II (935—942 гг.) был катибом и приближенным багдадского евнуха Муниса, одного из придворных халифа Ар-Ради³⁹⁹. Катибом был и святой Патриарх Христофор I Антиохийский⁴⁰⁰. Иерусалимский патриарший престол сходным образом переходил к сироярабоязычным православным уроженцам халифата, в том числе

³⁹⁴ Феофан Исповедник. Указ. соч. — С. 307.

³⁹⁵ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. II, Lib. XI, c. 22, P. 511.

³⁹⁶ Подробнее см. Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. II, Lib. XI, c. 22, P. 511; Moosa M. The Maronites in History. — Piscataway, 2005. — P. 115—116.

³⁹⁷ Патриарх Феофилакт бар Канбара занимал Антиохийский престол в 744—750 гг. Его преемник — Феодор I был избран в 751 гг.

³⁹⁸ На это обстоятельство отмечал, в частности, Евтихий Александрийский: «В первом году халифатства Абу-Джа'фара-ал-Мансура был назначен Феофилакт патриархом антиохийским; он патриаршил 18 лет и умер. В двадцатом году халифатства его был назначен Феодор патриархом антиохийским; он патриаршил двадцать три года». См. Медников Н.А. Указ. соч. — С. 277.

³⁹⁹ Согласно хронике Евтихия, «В первом году правления ар-Ради в месяце Рамадане 323 г. (4 авг. — 3 сент. 935 г.) был назначен авва Феодосий, он же Стефан, бывший в Багдаде катибом у евнуха Муниса, Патриархом Антиохии сирийской». См. Медников Н.А. Указ. соч. — С. 293.

⁴⁰⁰ Подробнее см. выше. — С. 100—105.

и к представителям мелькитских служилых семейств. Так, среди иерусалимских патриархов IX в. двое — Сергей I (842—858 гг.) и Илия III (878—907 гг.) принадлежали к знаменитому дамаскскому сановному роду Мансур⁴⁰¹.

Зависимость мелькитских иерархов от арабских властителей в то же самое время привнесла явные изменения и во взаимодействие восточных Патриархатов с Ромейской державой и Константинопольской Церковью. С одной стороны, мелькиты — за счет выплаты податей, ремесленного производства, строительства кораблей или светского служения — должны были неминуемо содействовать халифам в их войнах с ромеями. Об этом прямо свидетельствуют описанные выше истории двух арабских осад Константинополя или похода халифа Аль-Мустасима к Анкире и Аморию. При этом мелькиты, эти ближневосточные румы, вряд ли могли искренне сочувствовать мусульманским военным кампаниям, направленным против их ромейских собратьев. И если Патриарх Иов Антиохийский прямо содействовал халифу Аль-Мустасиму во время осад ромейских городов, то один из его предшественников — Патриарх Феодор I был выслан из Антиохии из-за подозрений в тайных сношениях с императором Константином V Копрономом, когда тот воевал с арабами. Как об этом повествует Феодан Исповедник, «Аравитяне по ненависти изгнали Феодора, патриарха Александрийского (в тексте ошибка, речь идет о Патриархе Антиохийском. — С. Б.), потому что оклеветали его, будто он всегда письмами уведомляет царя Константина о делах аравитян»⁴⁰².

После побед императора Феофила в войнах с арабами, в 836 г., восточные Патриархи — Христофор Александрийский, Иов Антиохийский и Василий Иерусалимский — открыто обратились к ромейскому василевсу с хвалебным посланием. В числе прочего, там содержались и следующие строки: «лишенные отчего наследия и подчиненные врагу-варвару, мы проводим дни согбенными, скорбными и понурыми, возлагая божественную надежду на возрождение нашего благополучного жития в счастливом лоне прежнего царства...»⁴⁰³. Однако это

⁴⁰¹ Подробнее см. Sahas D.J. John of Damascus on Islam... — P. 30.

⁴⁰² Феодан Исповедник. Указ. соч. — С. 313.

⁴⁰³ Codoñer J.S. Melkites and Icon Worship during the Iconoclastic Period // *Dumbarton Oaks Papers*. — 2013. — №67. — P. 153. Подробнее, о «Послании восточных патриархов 836 г.», см.

ликование восточных Патриархов стремительно иссякло, как только инициатива в военных действиях вновь перешла к арабам. Халиф Аль-Мустасим, перешедший в успешное наступление против ромеев, быстро принудил своих мелькитских подданных к полной покорности (не прибегая, впрочем, к слишком суровым мерам). Тот же Патриарх Иов вынужден был принять участие в арабском контрнаступлении против Ромейской державы (осадах Анкиры и Амория). Опять же, стоит вновь напомнить, что мелькиты подчас расплачивались за победы ромейского оружия над «агарянами» своей кровью и имуществом, когда разъяренная мусульманская толпа громила дома и церкви христиан в различных городах Леванта. Об этом мы уже писали выше и, к этой теме мы еще не раз будем возвращаться в ходе данной работы.

В то же самое время, отдаленность от Ромейской державы позволяла восточным Патриархам сохранять и большую независимость как от Константинопольских Патриархов, так и от византийского императора. Это имело особое значение в годы иконоборчества. Восточные Патриархаты, наряду с Римом, стали пристанищем для иконопочитателей. Величайший из защитников иконопочитания — преподобный Иоанн Дамаскин — жил, писал и нес монашеское послушание на территории Антиохийского и Иерусалимского Патриархатов. Около 767 г. Патриарх Феодор Иерусалимский, при участии двух других восточных Патриархов — Космы Александрийского и Феодора Антиохийского — составил послание в защиту иконопочитания, которое было направлено в Рим и Константинополь⁴⁰⁴. Это послание упоминает антипапа Римский Константин II, в своем обращении к Карлу Великому (767 г.) и отцы Седьмого Вселенского Собора (787 г.)⁴⁰⁵. Независимость восточных Патриархатов в отношении к светским и церковным властям Константинополя проявлялась

Munitiz J.A., Chrysostomides J., ed. *The Letter of the Three Patriarchs to Emperor Theophilus and Related Texts*. — Camberley, 1997; Afinogenov D. (Афиногенов Д.). *The new edition of the «The Letter of the Three Patriarchs»: problems and achievements...* — P. 9—33.

⁴⁰⁴ Патриарх Феодор I Иерусалимский занимал патриарший престол в 735—770 гг.; Патриарх Косма Александрийский — в 731-ante 767 гг.; Феодор I Антиохийский — ок. 751—773 гг.

⁴⁰⁵ Подробнее о послании, его критическом разборе, с указанием первоисточников и позднейших исследований см. Codoñer J.S. *Melkites and Icon Worship during the Iconoclastic Period...* — P. 153—155.

и после окончательного восстановления иконопочитания в империи (843 г.). К примеру, восточные Патриархи — Христодул Александрийский, Илия I Антиохийский и Сергей II Иерусалимский — отказались признать четвертый брак императора Льва VI Мудрого (907—912 гг.)⁴⁰⁶. В то время как василевс сумел добиться низложения осудившего неканонический царский брак Вселенского Патриарха Николая I Мистика и поставления на Константинопольский престол лояльного Патриарха Евфимия I, ни один из восточных Патриархов не лишился своей кафедры и не был принужден к компромиссу. В этом отношении пребывание Александрии, Антиохии и Иерусалима вне Ромейской державы обеспечивало им большую свободу от посягательств императорской власти.

В то же самое время пребывание в составе халифата привело и к определенному отчуждению восточных Патриархатов от Константинопольской Церкви. К примеру, лишь в 938 г. была восстановлена практика взаимного евхаристического поминовения между тремя восточными и Вселенским Патриархом. Как повествует Евтихий Александрийский, в годы патриаршества которого и было восстановлено взаимное поминовение, «Феофилакт, Патриарх Константинопольский, отправил посла с письмом к авве Евтихию, Патриарху Александрийскому, и к авве Феодосию, Патриарху Антиохийскому, и к авве Христодулу, Патриарху Иерусалимскому, прося их поминать его в молитвах их и во время богослужения, чего они не делали со времен Омейядов. И они согласились на его просьбу»⁴⁰⁷. Конечно же, сообщение между чадами Константинопольской Церкви и восточных Патриархатов никогда не прерывалось, однако эпоха арабского правления привнесла определенное отчуждение и разобщенность. Тем не менее, отдельные представители мелькитского клира продолжали посещать территории империи, в том числе и сам Константинополь. Одним из немногих мелькитских клириков, не просто посещавших «Новый Рим», но и игравших активную роль в жизни Константинопольской Церкви, был известный защитник иконопочитания — Михаил Синкелл (годы жизни — ок. 760—846 гг.). Михаил был эллинизированным сирий-

⁴⁰⁶ Подробнее см. Kennedy H. The Melkite Church from the Islamic Conquest to the Crusades... — P. 329.

⁴⁰⁷ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 294.

цем или арабом («персом»), с детства служившим в иерусалимском Храме Воскресения; впоследствии он стал синкеллом при Иерусалимском патриаршем престоле. Будучи представителем (апокрисиарием) Иерусалимского Патриарха, синкелл Михаил совершал путешествия в Рим — к Папе Льву III, и в Константинополь, где он был брошен в темницу за обличение иконоборчества. В 843 г., после прихода к власти императрицы Феодоры и окончательной победы над иконоборцами, Михаил, этот мелькитский иеромонах, был возведен в сан синкелла уже Вселенского, Константинопольского престола и поставлен игуменом столичного монастыря Хора, настоятелем которого оставался до конца своих дней⁴⁰⁸. В IX–XI вв. оживленные контакты с Римом и Константинополем поддерживали лишь отдельные мелькитские иерархи, такие как митрополит Фома Тирский (вторая пол. IX в.) и митрополит Сергей Дамасский, посетивший Рим в 1021–1022 гг.⁴⁰⁹.

Вспоминая о знаменитых мелькитских иерархах VIII–XI вв., нельзя не упомянуть и о Патриархах Оресте Иерусалимском и Арсении Александрийском, братьях любимой жены халифа Аль-Азиза, известной как «Ас-Сайды Аль-Азизах». Орест был возведен на Иерусалимский патриарший престол в 986 г. по фактическому приказу халифа Аль-Азиза. Тогда же его младший брат, Арсений, был поставлен митрополитом Мисра (Каира), возглавив мелькитские церкви и общины в столице Фатимидского халифата⁴¹⁰. На рубеже 999–1000 г. Орест Иерусалимский возглавил посольство от фатимидского халифа Аль-Хакима к ромейскому императору Василию II Болгаробойце. Как об этом писал Яхья Антиохийский: «И был Орест, патриарх Иерусалимский, приглашен отправиться вместе с послом для утверждения перемирия и заключения мирного договора (...) и было сказано: „все, что утвердит патриарх, то подпишет и одобрит наш государь“

⁴⁰⁸ Thomas D., Roggema B., ed. *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History*. Vol. I... — P. 627—632; Codoñer J.S. *Melkites and Icon Worship...* — P. 161, 164—165.

⁴⁰⁹ Подробнее см. выше: С. 100—105.

⁴¹⁰ Поставление Ореста на патриаршую кафедру Иерусалима, а Арсения — на митрополию кафедру Каира, описывает, на страницах своей хроники, Яхья Антиохийский. Причем, Яхья говорит о том, что Орест «был назначен патриархом», что явно говорит о том, что он был ставленником Аль-Азиза и его мелькитской жены «Аль-Азизах». См. Розен В.Р. Император Василий Болгаробойца: Извлечение из летописи Яхьи Антиохийского. — СПб.: 1883. — С. 19.

(...) И заключил Орест между ними перемирие на десять лет и остался в Константинополе»⁴¹¹. Патриарх Орест действительно предпочел не возвращаться в Египет, очевидно предчувствуя полубезумное гонение на христиан, которое через несколько лет развернул Аль-Хаким; последние четыре года своей жизни Орест провел в Константинополе, где и был похоронен.

Судьба его брата — Арсения была более трагичной. В 1000 г., после кончины Патриарха Александрийского Илии II, митрополит Арсений был возведен на Александрийский патриарший престол по прямому приказу Аль-Хакима. По словам Яхьи Антиохийского, «умер Авва Илия, Патриарх Александрийский, в Каире в ночь на субботу 4 Джумады II (12 мая 1000), и присутствовал при отпевании его епископ Арсений, брат Ореста, патриарха Иерусалимского. И прибыли вслед за его прибытием два посла от Аль-Хакима, из приближенных к нему рабов и приказали всем христианам-мелькитам сделать Арсения патриархом вместо покойного Илии. И они ответили ему: слушаемся и повинемся. И был Авва Илия перевезен в Александрию на второй день по его смерти, и созвал Авва Арсений принадлежащих к александрийскому престолу епископов в Александрию, и они помолились за него в понедельник 11 Реджеба (17 июня 1000), днем»⁴¹². С момента смерти Патриарха Ореста в Константинополе (1004 г.), Патриарх Арсений также стал исполнять обязанности и местоблюстителя Иерусалимского престола, объединив под своей канонической властью все мелькитские епархии Фатимидского халифата (т. е. патриархаты Александрии и Иерусалима)⁴¹³. Наконец, в 1010 г., в разгар гонений на христиан, воздвигнутых Аль-Хакимом, Патриарх Арсений был убит, а патриарший монастырь Аль-Кусаир подвергся разорению войсками халифа. Но, опять же, говорить лишь о мученической кончине Патриарха Арсения, опуская предшествующие события его жизни, или жизни его брата Ореста, если умалчивать о той поддержке, которой братья пользовались со стороны халифа Аль-Азиза и, первоначально,

⁴¹¹ Розен В.Р. Указ. соч. — С. 42.

⁴¹² Розен В.Р. Указ. соч. — С. 42—43.

⁴¹³ «со времени смерти Ореста, Патриарха Иерусалимского, в Константинополе, Арсений, Патриарх Александрийский, стал управлять престолом Иерусалимским, и назначал митрополитов и епископов для этого престола Иерусалимского и назначал для этого престола настоятелей». См. Розен В.Р. Указ. соч. — С. 46.

Аль-Хакима — это приведет к полному искажению представления о положении христиан, в том числе православных «румов» на территории Арабского Востока.

Подводя итоги этому краткому обзору истории православно-го населения на покоренных арабами левантийских землях, можно констатировать, что мелькиты продолжали играть важнейшую роль в социальной и культурной жизни средневекового Леванта, и, в то же время, оставались форпостами халкидонского христианства, «христианского Рима» на Арабском Востоке. Однако разнородность Римской империи и годы арабского правления способствовали известному обособлению мелькитов. Пользуясь выражением Х. Кеннеди: «Мелькитская Церковь выработала собственную идентичность, арабоязычную иерархию, набираемую из жителей халифата, арабскую литературу и сирийскую литургию»⁴¹⁴. Так, мелькиты Антиохии, Александрии и Иерусалима оставались весьма самобытной частью византийского мира, который отнюдь не сводился к доминированию грекоязычного элемента или покорному воспроизведению художественных, политических и культурных традиций Константинополя.

⁴¹⁴ Kennedy H. The Melkite Church from the Islamic Conquest to the Crusades... P. 338.

Глава III

Эпоха второго византийского правления в Сирии и Киликии

I. «Ромейская реконкиста»: византийская экспансия на Ближнем Востоке в X–XI вв.

Завоевания Никифора II Фоки. Восстановление ромейского господства на землях Киликии, Кипра и северной Сирии

Невзирая на присутствие позднеантичных памятников, многочисленных церквей и монастырей, возведенных римскими (ромейскими) императорами, обширных мелькитских анклавов в городах и провинциях арабского Востока, нам было бы сложно говорить о Сирии XI в. как о византийском пространстве, если бы в последней трети X в., после трех веков арабского господства, Киликия, Кипр и северо-западные области Сирии не вернулись бы в лоно Ромейской державы. Переход этих территорий от арабов к ромеям был связан с чередой крайне успешных и агрессивных наступательных кампаний, проведенных василевсом Никифором II Фокой в 958—969 гг. В 958 г., в правление императора Романа II, Никифор Фока, будучи еще одним из военачальников империи и великим domestikом схол Востока, отвоевал у арабов Крит. В 962—963 гг. Никифор, возглавив императорские армии, разорил принадлежавшие арабам земли Киликии, и даже вторгся в северную Сирию, где захватил и дотла разорил Алеппо, столицу арабского правителя Сирии (государства Хамданидов) — эмира Сейф ад-Даулы⁴¹⁵. Подробное описание ромейского разорения

⁴¹⁵ Пожалуй, лучшее биографическое исследование, посвященное Никифору II Фоке, принадлежит Г. Шлюмберже. См. Schlumberger G. Un empereur byzantin au dixième siècle, Nicéphore Phocas. — Paris, 1890. Никифору II Фоке также принадлежит и военный трактат, изданный и переведенный как: Никифор Фока. Стратегика. — М.: Алетейя, 2005.

Алеппо оставляет сиро-яковитский хронист Бар Эбрей: «Сейф ад-Даула, в сопровождении всего лишь нескольких человек, бежал. Тогда domestik Никифор захватил его дворец, лежавший за пределами городских стен; там он взял 390 талантов серебра, 2,400 мулов и бесчисленное множество оружия и доспехов. Никифор сжег дворец и стал лагерем у стен города. Прodelав брешь в стенах, румы вошли в город и устроили там великое побоище, остановившись лишь после полного изнеможения. Внутри города они обнаружили 1,200 пленников из числа румов, которым предоставили свободу. Сами же румы захватили более 10,000 юношей и девушек и огромную добычу, которую они едва смогли унести; все остальное было предано огню (...) Тогда же они уничтожили мечети. Всего румы стояли там девять дней, уничтожая все»⁴¹⁶. Согласно хронике мелькита Яхьи Антиохийского: «Никифор оставался в Алеппо на протяжении восьми дней, в течение которых его войска бродили по городу, сгоняя пленных и собирая добычу (...). Собрав все, что было угодно ему и его войску — бесчисленные суммы денег, оружие и прочую добычу — Никифор вернулся в Константинополь»⁴¹⁷.

Взойдя на императорский престол (16 августа 963 г.), Никифор II Фока вновь обратился к Востоку. В 966 г., после двухлетней кампании, василевс покорил города Киликии (Мамистру, Адану, Аназарв, Тарс), в то время как ромейские войска и флот, под началом Никиты Халкуцы, отвоевали у арабов Кипр (964—965 гг.)⁴¹⁸. В 968 г. василевс Никифор вновь вошел в Сирию, где начал осаду Антиохии. Для этого он возвел замок Баграс, лежавший на расстоянии нескольких часов пути от города, у перевала Аль-Балан, известного как «Сирийские врата». Этому замку впоследствии суждено было играть важнейшую роль в истории франкской Сирии, и о нем нам предстоит еще не раз упомянуть. Описание этой первой византийской осады Антиохии и возведения замка Баграс оставил византийский историк — Лев Диакон. По словам Льва, «василевс взвалил на плечи камень (в такого рода делах он был прост и скромен), взошел на холм и приказал всему войску последовать его примеру. И через три дня на холме появилось мощное вполне надежное укрепление. Он оставил в этой крепости от-

⁴¹⁶ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 186.

⁴¹⁷ Vasiliev A. et Kratchkovsky I., éd. Yahya Ibn Sa'id d'Antioche.... — P. 787.

⁴¹⁸ О ромейском завоевании Кипра, см. Schlumberger G. Un empereur byzantin... c. 10, P. 473—476. О кампаниях василевса Никифора II в Киликии, см. Ibid. — c. 10, P. 479—492.

ряд в пятьсот всадников и тысячу пехотинцев, снабдил их достаточным количеством фуража и приказал совершать ежедневные набеги на Антиохию, предавая мечу и разграблению все на своем пути»⁴¹⁹. Тогда же он покорил окрестные сирийские города и земли, в том числе Латакию и Эмесу (Хомс). Василевс даже совершил глубокий рейд на юг, вглубь Ливана, дойдя до самого Триполи. И, несмотря на то, что Триполи остался непокоренным, ромейская армия Никифора II смогла взять и разграбить ливанский город Арку. Согласно описаниям Льва Диакона, василевс «перешел лежавшие на пути Ливанские горы и приблизился к Триполи. Он увидел, что этот город укреплен и взять его труднее, чем другие (...) Поэтому он прошел мимо и решил осаждать крепость Арку, в которой были собраны неисчислимые богатства. Опоясав ее тремя рядами укреплений, он приступил к сильнейшей осаде и, разрушив башни стенобитными орудиями, целых девять дней опустошал город, вывозя несметные сокровища»⁴²⁰.

В 969 г. военачальники Никифора II — Михаил Вурца и Петр Евнух (в отсутствие самого василевса), смогли, наконец, взять и саму Антиохию. Обратимся, опять же, к описаниям Льва Диакона: «... [Антиокия] была обессилена и испытывала крайний недостаток всего необходимого. Тогда, рассказывают, патрикий и стратопедарх Петр, который, хотя и евнух, был, однако, мужем деятельным и весьма храбрым, пришел туда с войском, пройдя через всю Сирию, и отрядил своего таксиарха Михаила, по прозванию Вурца, для обозрения города. [Михаил] с несколькими отборными воинами подошел вплотную к крепости, высмотрел удобное место в стене, вернулся назад в лагерь, соорудил лестницы, соответствующие высоте башен, и погрузил их на выючных животных. В середине ночи он с отрядом смельчаков снова подкрался к стенам Антиохии; приставив лестницы к стене, они бесшумно взобрались по ним и пронзили мечами спавших глубоким сном стражей-агарян. Овладев таким образом стенами, ромеи спустились с башен и подожгли город со всех четырех сторон. Антиохийцев, пораженных неожиданной [бедой], охватило страшное отчаяние: они вопили и рыдали, не зная, что предпринять. Наконец они решились положиться на свое мужество и отважно сражаться вплотную с противником, пока совсем не рассветет, но стратопедарх

⁴¹⁹ Лев Диакон. История. — М.: Наука, 1988. — С. 41—42.

⁴²⁰ Лев Диакон. Указ. соч. — С. 40—41.

Петр предупредил их намерение. Он вступил с войском через ворота, которые ему открыли проникшие туда прежде ромеи. Стратопедарх обратил их (т. е. арабов Антиохии. — С. Б.) в рабство, потушил пожар, отобрал себе лучшую часть добычи, овладел всем городом и поставил охрану на уязвимых участках стены. Таким образом была взята и опустошена ромеями Антиохия»⁴²¹. Сиро-яковитский хронист Бар Эбрей оставляет сходное описание: «После великой резни румы разделили пленных, поставив на одну сторону стариков, старух и детей, которым было сказано „Идите, куда хотите“. На другую же сторону отвели взрослых мужчин, женщин и отроков, которых было более 20,000 душ, и отправили их в пределы Ромейской державы. Тогда же румы послали 10,000 всадников к Алеппо, и жители Алеппо обязались выплачивать румам дань»⁴²².

Византийский опыт «вытеснения» арабо-мусульманского населения с покоренных территорий.

Ответная антихристианская агрессия мусульман

Походы василевса Никифора II Фоки представляют собой невероятно масштабную и на удивление успешную попытку вновь превратить земли северной Сирии, Кипра и Киликии в византийское, христианское пространство, перечеркнув три века арабо-мусульманского господства и присутствия на этих территориях. В действиях василевса прослеживается в буквальном смысле слова одержимость идеей «очищения» покоренных и приграничных территорий от мусульман. Так, во время завоевания киликийского Аназарва, арабское население — осознав, что город вот-вот падет — обратилось к Никифору Фоке, с предложением сдать город в обмен на сохранение жизни и права свободного прохода в мусульманские земли. Согласно хронике Бар Эбрея, когда Никифор въехал в Аназарв «и увидел, что город едва не был взят мечом, он раскаялся в своих клятвах. Он приказал, чтобы весь народ собрался в мечети (имеется в виду все

⁴²¹ Лев Диакон. Указ. соч. — С. 46.

⁴²² Bar Hebraeus. Chronography... — Р. 191. Также описание взятия Антиохии можно найти в хронике Яхьи Антиохийского. См. Vasiliev A. et Kratchkowsky I., éd. Yahya Ibn Sa'id d'Antioche... — Р. 822—823.

мусульманское население Аназарва. — С. Б.); те же, кто не войдут в мечеть, будут сами повинны в пролитии собственной крови. На следующий день пешие воины вошли в город, и каждый, кого они встречали в домах или на улицах — мужчина, женщина или ребенок, — был убит. Он (Никифор. — С. Б.) нашел в городе четыре тысячи тарпанс, т. е. кольчуг, а также бесчисленное множество мечей и луков. (...) И тогда же он (т. е. Никифор. — С. Б.) приказал, чтобы те, кто находился в мечети, покинули город и шли, куда им угодно; те же, кто останутся в городе до вечера, будут убиты. Находившиеся в мечети обратились в бегство, давя друг друга; многие мужчины, женщины и дети были тогда задавлены насмерть. Другие же умерли на дороге, а оставшиеся блуждали в глуши, не зная, куда им идти. Никифор же разрушил мечеть и сравнял с землей крепостные стены и большие дома города»⁴²³. Выше уже подробно было сказано о том, как ромеи «устроили великое побоище» в Алеппо (962 г.), обратили в рабство мусульманское население покоренной Антиохии (969 г.), учиняли опустошения в Арке, окрестностях Триполи, в сирийских и ливанских землях. Персидский географ Истахри оплакивал положение Хомса (Эмеса), разоренного и сожженного армией Никифора II Фоки: «В наши дни румы вторглись в эту страну и разорили ее земли и деревни. Опустошение преобладает повсюду, с тех самых дней, как начались вторжения неверных»⁴²⁴. Когда речь заходит об этой византийской агрессии против мусульман, нельзя не напомнить и о том, что в церемониальное придворное славословие императора Никифора II было даже включено величание «бледная смерть сарацин»⁴²⁵.

Единственный прецедент относительно мирного, терпимого отношения Никифора Фоки к покоренному мусульманскому населению связан с завоеванием Тарса (965 г.). Тогда, согласно, опять же, хронике Бар Эбрея, василевс Никифор II смиловался над населением, сдавшим ему город; жителям было позволено уйти в Антиохию или

⁴²³ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 186.

⁴²⁴ Le Strange G. Op.cit. — P. 353.

⁴²⁵ Это прозвище Никифора отметил епископ Лиутпранд Кремонский, в своем «Посольстве в Константинополь». Фрагмент славословия, приведенный Лиутпрандом, звучит следующим образом: «вот он грядет, утренняя звезда, восходящий Эос, в его очах — отражение лучей солнца, он — бледная смерть сарацин» (*pallida Saracenorum mors*). См. Liutprandi Cremonensis Episcopi. Relatio de Legatione Constantinopolitana // PL 120. — Paris, 1881. — с. 914.

в пределы других арабских владений, взяв с собой оружие и движимое имущество. При этом, Никифор выделил контингент ромейских войск, который сопровождал мусульман Тарса, гарантируя их безопасность, а армянские воины, пытавшиеся грабить или изнасиловать беженцев были жестоко наказаны. Однако и здесь мы видим ромейское стремление к вытеснению ислама. По словам Бар Эбрея, «Никифор обратил мечеть Тарса в конюшни для своих лошадей (...) Многие жители Тарса, вернувшиеся в город, приняли крещение и стали христианами; другие же остались в прежней вере, но все их дети были крещены»⁴²⁶. Согласно описаниям арабо-мусульманского автора, Якута аль-Хамави «всем желавшим этого мусульманам было дозволено покинуть город, взяв с собой имущество. Те, кто хотел остаться, должны были платить подати сдавшихся. Джамии и все прочие мечети были уничтожены. Никифор велел сжечь все Кораны (...) Тарс и все окружающие его земли по сей день остаются в руках неверных»⁴²⁷.

Разорительные, победоносные и безжалостные кампании ромейских армий вызвали резкое обострение отношений между христианами и мусульманами Востока. Весной 960 г., когда до Египта дошла весть о взятии и разорении ромейскими войсками Льва Фоки (брата Никифора) месопотамской Амиды (Диярбекира), толпы разгневанных мусульманских бедняков, черни и рабов разорили несколько мелькитских, несторианских и коптских церквей в Каире⁴²⁸. Спустя шесть лет, в 966 г., в год завершения ромейского завоевания Киликии, в Палестине был убит православный Патриарх Иерусалимский Иоанн VII, обвиненный в тайных сношениях с Никифором II Фокой. Когда факт этих сношений был раскрыт, Патриарх Иоанн VII захвачен стихийно собравшейся мусульманской толпой и убит; его тело было привязано к столпу и сожжено на площади перед Храмом Воскресения и церковью Константина. Подробное описание казни Патриарха Иоанна VII приводит в своей хронике Яхья Антиохийский. Причем, мелькитский хронист упоминает, что арабский наместник Палестины — Ибн Абдулла пытался принять меры

⁴²⁶ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 189.

⁴²⁷ Le Strange G. Op.cit. — P. 378.

⁴²⁸ Среди разоренных церквей Мисра (Каира) Яхья Антиохийский называет мелькитскую церковь Архангела Михаила, две церкви несториан, коптскую патриаршую церковь Пресвятой Богородицы (Аль-Муаллака) и церковь Св. Феодора. Подробнее, см. Медников Н.А. Указ. соч. — С. 336.

к защите обличенного Иерусалимского Патриарха: «Ибн-Абдулла послал для защиты патриарха, взял его к себе и послал также к патриарху, обещая, что его не тронут, и требуя, чтобы он спустился к нему. Но патриарх, вследствие испытываемого им страха, не доверился ему и не дал ответа посланцу. И собрались люди около дверей церкви, подожгли двери церкви Св. Константина и через нее прошли к церкви Воскресения, которая оказалась запертой. Тогда они сожгли двери ее, причем купол Воскресения обрушился, они вошли в эту церковь и разграбили все, что могли. И отправился народ к церкви Сионской, сжег ее и разграбил ее в тот же самый день (...) в тот понедельник, который предшествует празднику Пятидесятницы. При этом евреи разрушали и опустошали больше, чем мусульмане. На второй день, во вторник, они наткнулись на патриарха, спрятанного в мехе (или цистерне) для оливкового масла в церкви Воскресения, умертвили его, приволокли его во двор Св. Константина и сожгли его, привязав к одному из столбов»⁴²⁹. Правда, нельзя не отметить, что в следующем же году мусульманские власти позволили православным Палестины привести в порядок разоренные церкви и избрать нового Патриарха — уроженца Кесарии, мелькита Хабиба Абу Сахля, нареченного при хиротонии Христодулом II⁴³⁰.

⁴²⁹ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 340—342; Vasiliev A. et Kratchkowsky I., éd. Yahya Ibn Sa'id d'Antioche... — P. 799—802.

⁴³⁰ Подробное описание этих событий также приводит Яхья Антиохийский: «И был назначен после него другой патриарх из жителей Кайсарии, по имени Хабиб, по прозвищу Абу-Сахль, нареченный Христодулом; он восстановил двери церкви Воскресения, привел в надлежащий вид алтарь ее и начал обстраивать ее, но преждевременно умер. В бытность патриархом аввы Фомы (он был назначен патриархом в 358 г. хиджры ...) восстановил разрушенное и возобновил большую часть построек христиан катиб, яковит, по имени Алий-ибн-С. вар. прозванный Ибн-ал-Хаммаром; он воздвиг купол Воскресения. Этот человек приехал из Ирака вместе с турком Алф-Текином во время господства этого последнего в Сирии. Он был человеком богатым, имевшим прекрасное положение, и был убит во время бегства при поражении Алф-Текина; это случилось прежде, чем он успел вполне закончить постройки в церкви Воскресения. И во время патриаршества Иосифа и Ореста был приставлен к церкви Воскресения синкелл, известный под именем Садаки-ибн-Бишра; он соорудил купол этой базилики, достроил то, что оставалось, и окончил постройку за исключением джемея Св. Константина, ибо он был громадным и остался открытым. И когда Арсений, патриарх александрийский, управлял, после отъезда брата своего Ореста в Константинополь, делами престола Иерусалимского, был отстроен джемель церкви Св. Константина и был приведен в прежнее положение; тогда вся эта церковь стала вполне отделанной незадолго до другого ее разрушения, которое имело место в Сафаре 400 г. хиджры (24 Сент.—22 Окт. 1009 г. по Р. Х.).» С.М. Медников Н.А. Указ. соч. — С. 341—343; Vasiliev A. et Kratchkowsky I., éd. Yahya Ibn Sa'id d'Antioche... — P. 802—803.

В то же самое время, в мае 967 г., в переполненной мусульманскими беженцами Антиохии был убит православный Патриарх Христофор. Патриарх был вызван к одному из мусульманских старейшин Антиохии — Ибн Манику и, без суда, был зарезан тюркской стражей. Наиболее подробное и красочное описание этого оставляет автор «Жития Христофора» Ибрагим ибн Юханна: «У хорсанацев не было с собой меча, только длинные кинжалы. Один из них заставил патриарха встать, а другой ударил его кинжалом в живот, вонзив клинок по самую рукоятку (...) Мученик пал на землю. Ему отрезали голову и в бане поблизости от дома Ибн Маника бросили ее в печь, а непорочное тело той же ночью было вынесено за ворота города и сброшено в реку. Христиане же, как только узнали, что поражен их пастырь, пришли в смятение и рассеялись в страхе от грозивших бед...»⁴³¹. Казнь Патриарха сопровождалась разорением части православных церквей Антиохии. Согласно хронике Бар Эбрея: «Арабы убили Патриарха халкидонитов и разрушили множество церквей в Антиохии»⁴³². Описание разграбления мусульманами кафедрального собора Св. Петра/церкви Кассиана и патриархии приведено как Яхьей Антиохийским, так и Ибрагимом ибн Юханной в «Житии Христофора»⁴³³.

Так, в 966—967 гг. православный Восток лишился двух Патриархов — Иоанна VII Иерусалимского и св. Христофора Антиохийского — убитых в ходе стихийно вспыхнувших карательных выступлений мусульман. Последовательные убийства двух Патриархов, бесспорно, являлись событием исключительным, прямо свидетельствующим о небывалой эскалации насилия во время арабо-византийских войн второй половины X в. Эти события, вне всякого сомнения, способствовали последующему выступлению христиан Антиохии на стороне ромеев. Согласно описаниям Бар Эбрея, вход ромейских войск Петра Евнуха и Михаила Вурцы в Антиохию сопровождался восстанием христианского населения и скопившихся в городе христианских беженцев, обратившихся

⁴³¹ Zayat H. Vie du patriarche melkite d'Antioche Christophore... — P. 350; Ибрагим ибн Юханна. Житие Антиохийского Патриарха Христофора... — С. 49—50. Сходное описание казни св. Христофора оставляет Яхья Антиохийский. См. Медников Н.А. Указ. соч. — С. 344—346.

⁴³² Bar Hebraeus. Chronography... — P. 190.

⁴³³ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 345—346; Zayat H. Vie du patriarche melkite d'Antioche Christophore... — P. 350—352; Ибрагим ибн Юханна. Житие Антиохийского Патриарха Христофора... — С. 50—51.

против мусульман⁴³⁴. Ожесточенное противостояние не спадало и на протяжении последующих лет. К примеру, в 985 г., алеппскими арабами был разорен великий православный монастырь Св. Симеона Старшего (Калаат Самаан); монахи и христианские беженцы были частью перебиты, частью отведены в Алеппо. Описание этого также можно найти у Яхьи Антиохийского: «И пошел Каргуя на монастырь Симеона халебского — лежит он в конце округа антиохийского и в начале округа халебского — и осаждал его три дня и воевал его весьма сильно и взял его мечом в среду 8-го Айлуля (сентября) 1297 (985), т. е. 12 Рабиа II, и убил множество его монахов — это был монастырь многолюдный и цветущий — и увел в плен многих спасшихся туда из его окрестностей. И были они приведены в Халеб и выставлены на позор»⁴³⁵. Однако эта ответная жестокость мусульман оказалась бессильной перед продолжавшейся византийской экспансией.

*Продолжение ромейской экспансии в Сирии (971—1032 гг.):
кампании Иоанна I Цимисхия, Василия II Болгаробойцы,
Романа III Аргира*

Новый этап ромейских наступательных кампаний на Ближнем Востоке связан уже с именем императора Иоанна I Цимисхия — племянника, соратника и убийцы Никифора II Фоки⁴³⁶. В 971—972 гг.

⁴³⁴ Бар Эбрей называет христиан, выступивших на стороне ромеев — «мужами из цитадели Луки, что близ Антиохии». См. Bar Hebraeus. Chronography... — Р. 191. Что именно подразумевается под цитаделью Луки, неясно, но вполне возможно, что речь шла о христианских беженцах из окрестных территорий, пытавшихся покинуть зоны боевых действий и стекавшихся в Антиохию.

⁴³⁵ Розен В.Р. Указ. соч. — С. 19—20.

⁴³⁶ Император Никифор II был убит в ночь с 10 на 11 декабря 969 г.; впоследствии, великий ромейский василевс-завоеватель был прославлен как святой. Прославление и почитание Никифора впервые имело место на Афоне, в Великой Лавре, основанной его другом — св. Афанасием. Именно там находятся древнейшие рукописи службы, составленной в честь «св. василевса Никифора» (Библиотека Великой Лавры, Codex В 4f. 133). Почитание Никифора, возникшее на Афоне и затем распространившееся по всему грекоязычному православному миру, было вызвано его аскетизмом, истовым благочестием, благодеяниями, оказанными св. Афанасию Великому и монахам Святой Горы, а также воспоминанием о его великих победах, возвративших христианам обширные земли Киликии, Сирии, Крита и Кипра.

ромейская армия, направленная василевсом, пересекла Евфрат и отвоевала у мусульман Амиду (Диарбекир) и Нисивин. Согласно описаниям Бар Эбрея, ромеи «оставались там на протяжении двадцати-двух дней, захватывая пленных, грабя и опустошая страну», и что императорские войска учинили там «великую резню»⁴³⁷. Спустя три года, в 975 г., Иоанн I Цимисхий вновь выступил на Восток. В ходе стремительной кампании ромейской василевс смог отбить у арабов Дамаск, Назарет, Кесарию, Бейрут, Библи, Валанию, Джабалу, завоевал весь Ливан, Галилею и обширную полосу сирийского побережья. Лучшее описание этой кампании можно найти в хронике Матфея Эдесского, который приводит текст послания самого василевса Иоанна I, направленного армянскому царю Ашоту III. По словам василевса, Баальбек, «величественный, громадный, богатый и снабженный припасами город», ромеи взяли штурмом, «захватив в плен множество юношей и девиц. Нам досталось здесь много золота и серебра и большие стада скота. Отсюда мы пошли на Дамаск и хотели приступить к его осаде, но правитель города, старый и весьма разумный человек, выслал к нашему царству уполномоченных с дорогими подарками, прося нас пощадить город, не обращать жителей в рабство и не брать в плен, как это было сделано с Баальбеком, и не опустошать страну. За это он предложил нам в дар множество породистых коней и дорогих мулов в богатой сбруе. Огромную подать мы распределили между воинами. С жителей мы взяли обязательство, что они вечно останутся в нашем послушании из поколения в поколение. Губернатором Дамаска мы назначили знатного жителя Багдада, по имени Турка, который подчинился нам с 500 всадниками и принял христианскую веру».

Описывая благоговейное пребывание ромеев у берегов Галилейского моря, в Назарете и на горе Фавор, василевс восклицает «Наше желание было освободить Святой Гроб Христа от поругания мусульман», прибавляя, что «если бы эти проклятые африканцы (т. е. арабы. — С. Б.) ... не нашли себе убежища в приморских крепостях, мы с помощью Божией дошли бы до Святого Града Иерусалима

Жестокость Никифора II в отношении к мусульманам, естественно не принималась в расчет. Однако вряд ли это стоит «припоминать» грекам в антиисламском контексте; русский князь Андрей Боголюбский был канонизирован, невзирая на не меньшие разорения, убийства и население, учиненное его войсками в православных городах, в частности — в Киеве (1169 г.).

⁴³⁷ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 193.

и принесли бы молитвы на этих святых местах». Приводя описание захвата приморских городов — Кесарии, Бейрута, Библа, Джабалы, Цимисхий откровенно пишет о том, как «проходя по морскому берегу, мы овладели всеми городами, предавая их разграблению и обращая жителей в рабство (...) Нам попадались на пути населенные города и крепости, защищенные арабами, и мы разорили их до основания и жителей захватили в плен (...) Мы опустошили область Триполи, уничтожив виноградники, оливковые насаждения и сады: везде мы вносили опустошение и расхищение. Всякий раз, как мы встречали африканцев (т. е. арабов-мусульман. — С. Б.), мы бросались на них и уничтожали до самого последнего»⁴³⁸.

Это яростное вытеснение и истребление мусульман, завоевание Сирии и продвижение ромейских армий василевса к самому Иерусалиму дало основание французскому историку Пьеру Виймару, а также некоторым другим исследователям говорить о кампаниях Никифора II Фоки и Иоанна I Цимисхия как о «византийском крестовом походе»⁴³⁹. И, несмотря на то, что победоносные походы Иоанна I Цимисхия не привели к перманентным завоеваниям (после внезапной смерти василевса в 976 г. ромеи оставили и Амиду, и Дамаск, и Галилею, и города финикийского побережья), рубежи Ромейской державы уже прочно охватывали Киликию, Кипр и северную Сирию, с Антиохией, Латакией и Марашем. Более того, в правление последующих василевсов, владения империи расширились к югу и востоку. Император Василий II Болгаробойца совершил две краткие кампании в Сирии (в 995 и 999 г.), во всех отношениях «достойные» походов его предшественников, в особенности его отчима — Никифора II Фоки. Во время первого похода, 995 г. Василий II освободил осажденный фатимидами Алеппо, после чего повел свою армию на юг, где разорил окрестности Хомса и Рафании, а также предпринял неудачную осаду Триполи. Тогда же он восстановил укрепления Тартуса и оставил там многочисленный гарнизон и переселенцев. Спустя четыре года, в 999 г., император Василий II покорил Шейзар и дотла разорил

⁴³⁸ Русский перевод приводится по тексту Ф.И. Успенского. См. Успенский Ф.И. История Византийской империи. — Том III. С. 594—596. Послание, в тексте хроники Матфея Эдесского, см. Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 16, P. 16—24.

⁴³⁹ Виймар П. Крестовые походы. Миф и реальность Священной войны. — СПб.: Евразия, 2006. — гл. 1, С. 18. См. также: Walker P.E. The 'Crusade' of John I Tzimiskes in the Light of New Arabic Evidence // Byzantion. — 1977. — Vol. 47.

ливанские города-крепости Масиаф, Рафанию и Арку. Однако вновь, после неудачной осады Триполи, ромейская армия должна была отступить на север — к Антиохии, а затем уйти на зимние квартиры в Киликию. Именно после этой войны халиф Аль-Хаким направил в Константинополь описанное выше посольство Патриарха Ореста Иерусалимского, установившее десятилетний мир между Ромейской державой и Фатимидским халифатом.

Походы Иоанна I Цимисхия и Василия II позволяют выявить некоторые общие тенденции восточной политики ромейских василевсов рубежа X-XI вв. С одной стороны — продолжавшееся расширение владений империи на Востоке, хоть и не столь стремительное, как при Никифоре II Фоке. Василий II смог уже прочно занять Тартус и Шейзар, возвести там новые укрепления и превратить эти города в юго-восточные форпосты Ромейской державы, заселив их ромеями и армянами⁴⁴⁰. С другой стороны, войска василевса безжалостно разоряли те территории, которые ромеи не рассчитывали удержать. К примеру, можно привести описания продвижения армии Василия II Болгаробойцы по сирийским и ливанским землям, из хроники Яхьи Антиохийского: «и пошел на Хисн-Масъят и овладел им также и разрушил его, и двинулся на Рафанию и сжег ее и увел жителей ее в плен. И шел, сжигал, разрушая и полоня, пока не дошел до Хомса, и остановился там»⁴⁴¹. Бар Эбрей упоминает о том, что взяв Хомс, Василий II «увел оттуда 10,000 душ»⁴⁴². Причем разорению подверглись не только мусульманские, но и христианские поселения. Яхья Антиохийский оставляет упоминание о том, как находившиеся в императорской армии русские и варяжские воины разграбили и сожгли церковь Св. Константина, близ Эмеса: «И укрепились некоторые из жителей в находящейся там церкви св. Константина, считая себя в ней в безопасности. И когда узнали (это) русы из его войска, то они

⁴⁴⁰ Возведение новых укреплений в Тартусе и Шейзаре, наполнение этих городов христианами войсками и переселенцами, в т. ч. и факт армянской миграции в Сирию под патронажем империи, отмечает Яхья Антиохийский. Говоря о Тартусе, мелькитский хронист отмечает, что император Василий II «подошел к крепости Антартусу и обстроил ее в три дня — она была до этого в развалинах — и наполнил воинами из армян». См. Розен В.Р. Указ. соч. — С. 32—33. Аналогичное описание Яхья оставляет и в отношении завоеванного в 999 г. Шейзара, который Василий II «наполнил армянами». См. Ibid. — С. 40.

⁴⁴¹ Розен В.Р. Указ. соч. — С. 40.

⁴⁴² Bar Hebraeus. Chronographia... — P. 201.

подожгли ее. Была же эта церковь удивительная. И были увезены медь ее и свинец». Недостигаемой целью для ромеев стал богатый и хорошо укрепленный Триполи, оставшийся в руках верных фатимидскому халифу арабов-мусульман, несмотря на продолжавшиеся попытки ромейских василевсов покорить город. Триполи поочередно осаждали императоры Никифор II, Иоанн I Цимисхий, Василий II Болгаробойца (простоявший у стен города более сорока дней)⁴⁴³, а также дука Дамиан Далассин, поставленный в Антиохии императором Василием II и совершивший две похода на Триполи, в 995 г. и 996 г. соответственно⁴⁴⁴. Невзирая на все попытки ромеев, Триполи непрерывно оставался под арабским правлением — с VII в. (646 г.) и вплоть до взятия города франками в 1109 г., к чему нам еще предстоит обратиться. Такой же недостижимой целью оставалась Апамея, которую неоднократно осаждали ромейские дуки Антиохии⁴⁴⁵.

В то же самое время, ромейские василевсы смогли утвердить свое символическое господство над сирийскими и месопотамскими эмиратами, в частности — над эмиратами Алеппо и Амиды, которые фактически перешли на положение вассалов Ромейской империи. Во время второго сирийского похода императора Василия II (999 г.), вассалом империи себя признал курдский эмир Мумаххид-ал-Даула Абу Мансур-Сайд-ибн-Мерван, правитель оставленной ромеями Амиды (Диарбекира). Невзирая на исповедание ислама, он был включен в число имперских сановников, получив от василевса титулы магистра и дуки. Как об этом писал Яхья Антиохийский: «И прибыл к нему эмир курдов, Мумаххид-ал-Даула Абу Мансур-Сайд-ибн-Мерван, владетель Диарбекира, и наступил на его ковер. И назначил царь его магистром и дукой востока и оказал ему милости и благодеяния и отпустил его обратно в его владения»⁴⁴⁶. Еще большее внимание император Василий II уделял усилению и сохранению ромейского

⁴⁴³ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 201.

⁴⁴⁴ Описание этих походов оставил Яхья Антиохийский, по словам которого, «И пошел дука Дамиан в первый год своего назначения на Триполи и напал на него ночью врасплох и взял его предместья и увел многих в плен, а спустя три месяца вернулся в Арку и увел многих оттуда в плен. И предпринял он на второй год своего назначения поход на Триполи и увел многих из его области». См. Розен В.Р. Указ. соч. — С. 33.

⁴⁴⁵ Город последовательно и безуспешно осаждали такие ромейские военачальники, как domestik Варда Фока (985 г.) и дука Дамиан Далассин (998 г.).

⁴⁴⁶ Розен В.Р. Указ. соч. — С. 41—42.

влияния в Алеппо. Ради удержания в Алеппо верной ромеям арабской династии Хамданидов, Василий II лично прибыл в Сирию с Балкан, пройдя форсированными маршами всю Малую Азию. Фатимидская армия была застигнута врасплох, бросив свой лагерь и большую часть своего конского состава⁴⁴⁷. Причем после этой победы, эмир Алеппо Саид ад-Даула и его влиятельный визир (и будущий эмир) — Лулу аль-Кабир «выступили вперед и принесли клятвы верности царю Василию, и преподнесли ему дары»⁴⁴⁸. Спустя почти тридцать лет, во время очередной войны за Алеппо (между фатимидскими наместниками и сирийским эмиром Салихом ибн Мирдасидом) осажденные в Алеппской цитадели войска «поставили кресты на стенах крепости и кричали „царь, царь Василий, о победоносный“, взывая к защите василевса. Подобные прецеденты неопровержимо свидетельствует о зависимом положении Алеппо перед лицом Ромейской державы. То, что сирийские мусульмане готовы были прибегнуть даже к открытому использованию и символа креста. Согласно «Хронографии» Бар Эбрея, в 1031 г., вскоре после взятия Эдессы, один из сирийских эмиров, Хассан ибн аль-Джаррах «покорился ромеям и повесил кресты на концах своих копий»⁴⁴⁹.

Дальнейшее расширение Ромейской державы к востоку возобновилось уже при императоре Романе III Аргире. Сирийский поход самого василевса обернулся бесславной и катастрофической битвой у Азаза, где армия Романа III была разгромлена сравнительно небольшими силами эмира Алеппского Шибла ад-Даулы Насра. Сирийский поход императора Романа III Аргира и битва при Азазе подробно описаны Михаилом Пселлом. По словам Пселла, василевс Роман III «выдумал мнимый предлог для войны с сарацинами, живущими в Келесирии (их столица на местном языке называется Халев), собрал против них войско, умножил его ряды, изобрел новые боевые порядки, сколотил союзные отряды и набрал пополнение, чтобы одним ударом покончить с врагом». Далее Пселл переходит к описанию самой битвы при Азазе: «Когда он выступил из Антиохии, на холмах неожиданно показался отряд варварских воинов, засевших в засаде по обе стороны дороги. Вооруженные как попало, без доспехов, эти смельчаки

⁴⁴⁷ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 200—201.

⁴⁴⁸ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 201.

⁴⁴⁹ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 216.

боевыми криками и внезапным появлением навели ужас, оглушили наших воинов конным топотом и произвели впечатление огромных полчищ, ибо не двигались сомкнутым строем, а беспорядочно скакали отдельными группами. Они внушили такой страх, внесли такую сумятицу в ряды этого огромного войска и так сломили волю людей, что все, в каком были виде, так и помчались, ни о ком и ни о чем больше не помышляя. Верховые повернули и пустили вскачь коней, остальные, не теряя времени, чтобы оседлать лошадей, отдавали их первому попавшемуся, а сами, кто как мог, искали спасения в беспорядочном бегстве или скитаниях. Случившееся тогда превзошло все ожидания: те, которые благодаря своей воинской выучке и боевым порядкам покорили всю землю и, казалось, были неуязвимы для любых варварских полчищ, не выдержали одного вида врагов (...) Первыми поддались панике телохранители императора, которые бросили самодержца и понеслись без оглядки. И если бы какой-то человек не подсадил его на коня, не подал узду и не велел удирать, может быть, и попал в руки врагов тот, кто надеялся потрясти всю земную твердь. (...) И вот наши в панике удирали, а враги, оказавшись простыми свидетелями своей нежданной победы, стояли в изумлении от такого беспричинного отступления и бегства. Затем, взяв в плен нескольких воинов (...) бросились за добычей. Прежде всего, они сняли царский шатер, который мог бы поспорить с иными из нынешних дворцов, столько в нем было ожерелий, браслетов, венцов, жемчугов и других богатств, всего самого великолепного! Числа этих драгоценностей было не измерить, а красотой не налюбоваться, столько и такой роскоши хранилось в царской палатке. Сначала они сняли шатер, затем собрали и другую добычу и, груженные ею, вернулись к своим товарищам. Это о варварах. А между тем царь, оторвавшись от варварского отряда, поскакал туда, куда помчались его пыл и ноги его коня». Завершая повествование об этом бесславном походе, Пселл приводит историю радостного обретения Романом III брошенной императорской походной иконы, иконы Богородицы Одигитрии, и возвращения остатков армии в Антиохию и Константинополь⁴⁵⁰.

Однако, невзирая на это поражение, ромеи, спустя год, смогли начать новую кампанию на землях Сирии. Василевс Роман III заключил договор с одним из двух эмиров, правивших Эдессой, и выкупил

⁴⁵⁰ См. Михаил Пселл. Указ. соч. — С. 100—105.

у него права на город «за 20,000 динаров и четыре деревни на землях ромеев»⁴⁵¹. К Евфрату была спешно двинута ромейская армия, под началом Григория Маниака. «Ромеи прибыли ночью, и заняли крепость, укрепившись там (...). И некоторые из них спустились в город, и уничтожили арабскую мечеть»⁴⁵². Сразу же после взятия города ромеями, Эдесса испытала тяжелейшую осаду со стороны месопотамских эмиров, сопровождавшуюся взятием и разорением нижнего города, в том числе кафедрального собора Св. Софии. В особенности пострадала мелькитская община города. В то время, как сирийские миафизиты покидали осажденную Эдессу вместе с тюрками и арабами, мелькиты остались в городе, очевидно уповая на победу своих византийских единоверцев. Пытаясь избежать царивших в городе боев, многие мелькиты собрались в соборе Св. Софии. Однако турки снесли ворота церкви, перебили найденных там мужчин и угнали в плен женщин и детей⁴⁵³. Согласно той же хронографии Бар Эбрея, эмир Насир ад-Даула «отправил армию против Эдессы (...) и обрушил стены, и вошел в город. И они (т. е. арабы) захватили великую церковь, куда бежали христиане, и исторгли у них добычу и их женщин. И встали они лагерем против крепости ромеев (цитадели. — С. Б.), но не смогли к ней даже приблизиться. И когда выпал снег они, под предлогом зимы, оставили город и ушли»⁴⁵⁴. В последующие годы Эдесса как минимум дважды (в 1034 г. и 1045 г.) подвергалась разорению со стороны тюрков. Ромеям удавалось выбивать сарацин из города лишь за счет стойкости гарнизона, державшегося в цитадели⁴⁵⁵. Так или иначе, Эдесса осталась в составе империи и превратилась в христианский форпост на восточном берегу Евфрата. Преемник Романа III Аргира, император Михаил IV Пафлагон «невзирая на то, что презирал арабов, отправил 10,000 всадников к Эдессе и велел восстановить разрушенные крепости. И ромеи стали совершать набеги из Эдессы, и они разорили земли у Азаза, Харрана, Саруджа»⁴⁵⁶. Самосата, контро-

⁴⁵¹ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 215.

⁴⁵² Bar Hebraeus. Chronography... — P. 215.

⁴⁵³ Segal J.B. Edessa: The Blessed City... P. 218.

⁴⁵⁴ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 215. Подробнее всего о ромейском завоевании Эдессы и последующих мусульманских осадах города пишет уроженец города — армянский хронист XII в. Матфей Эдесский. См. Mathieu D'Edesse. Op.cit. — P. 47—51.

⁴⁵⁵ Segal J.B. Edessa: The Blessed City... P. 220.

⁴⁵⁶ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 216.

лировавшая переправы через Евфрат, к северу от Эдессы, была покорена ромеями еще до 1031 г. Она уже была резиденцией протоспафария Григория Маниака, в бытность его стратигом городов Евфрата, и служила основной базой для ромейского наступления на Эдессу⁴⁵⁷.

Разумеется, византийская восточная политика (от Никифора II Фоки до Романа III Аргира) не была лишь чередой непрерывных успехов. После 1017 г. фактически сошел на нет византийский сюзеренитет над Алеппо, когда власть над городом и эмиратом перешла к фатимидским наместникам и новой арабской династии — Мирдасидов, воцарившейся в 1023 г.⁴⁵⁸. Кроме того, были и открытые военные поражения ромеев. Дука Антиохии Дамиан Далассин пал в битве у Апамеи (в 998 г.)⁴⁵⁹. Ромейская армия, под началом самого василевса Романа III Аргира, была разгромлена алеппским эмиром Шибл ад-Даулой Насром в описанной выше битве у Азаза (1030 г.). Начались и разорительные арабские (а позднее — и тюркские) набеги на территории византийской Сирии. К примеру, после гибели дуки Дамиана в битве у Апамеи (998 г.), арабы «прошли в землю Антиохийскую, где они разоряли, убивали, и сжигали деревни»⁴⁶⁰. За тринадцать лет до этого, в 985 г., сходным образом был разорен православный монастырь Св. Симеона Столпника, о чем мы уже писали выше.

Даже в ходе данного, достаточного краткого обозрения истории восстановления византийского господства в северо-западной Сирии, нельзя не отметить, что уже на рубеже X-XI вв. были заложены некоторые «геополитические» тенденции, которым суждено было с особой яркостью проявиться в эпоху крестовых походов и оказать существенное

⁴⁵⁷ Подробнее о занятии ромеями Самосаты, см. Segal J.B. Edessa: The Blessed City... P. 217—218.

⁴⁵⁸ Первым эмиром этой династии был Асад ад-Даула Салих ибн Мирдас, принявший власть над Алеппо в 1023—1024 гг.

⁴⁵⁹ Во время битвы у Апамеи (19 июля 998 г.), ромейская армия дуки Антиохии — Дамиана Далассина первоначально обратила в бегство аскар дамаскского эмира Джейша ибн Мухаммеда, но затем, во время неорганизованного преследования, была наголову разбита арабами. Дука Дамиан был убит, а ромейская армия — рассеяна, потеряв при этом более 6,000 человек. Подробнее, см. Розен В.Р. Указ. соч. — С. 39. Подробнее о битве у Апамеи пишет Бар Эбрей, по словам которого дука Дамиан был убит неким курдом, а узнавшие об этом арабы «убили десять тысяч ромеев и унесли их головы в Египет». См. Bar Hebraeus. Chronography... — P. 201—202.

⁴⁶⁰ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 202.

влияние на становление Латинского Востока. Благодаря безжалостным кампаниям Никифора II Фоки и его преемников Киликия, Кипр, сирийские земли с Антиохией, Латакией, Марашем и приевфратские территории, с Эдессой и Самосатой — вновь превратились в преимущественно христианский регион, в оплот и центр политического и культурного господства византийских, армянских и, позднее, латинских христиан. Вряд ли стоит, предвосхищая события, напоминать о том, что именно на этих территориях, в XI-XIII вв. возникнут княжество Антиохийское, графство Эдесское, королевство Киликийской Армении, Кипрское королевство. Кроме того, василевсом Никифором II Фокой был воздвигнут замок Баграс, а императором Василием II — заново отстроен и заселен Тартус; этим твердыням впоследствии суждено было сыграть важнейшую роль в истории франкской Сирии. Ромеи предприняли первые попытки штурмовать Апамею и Триполи — города, которые вернулись под христианское правление лишь в эпоху крестовых походов, после более успешных кампаний франков. В период второго византийского правления в Сирии (969—1084 гг.) формируется и острое противостояние между христианами Антиохией и мусульманами Алеппо. Опираясь на Антиохию, Эдессу и прочие сирийские территории, ромеи оказывали постоянно и подчас — все возраставшее давление на Алеппо — что постепенно превращало этот город в главный оплот мусульман северной Сирии и в настоящий форпост ислама на пути христианской Антиохии. Наконец, постоянные арабские и тюркские набеги на христианские земли, поселения и монастыри на западном берегу Оронта (в том числе — в окрестностях Антиохии) стали неотъемлемой частью истории Сирии эпохи второго византийского и франкского правления.

II. Последнее столетие византийской Сирии (969—1087 гг.)

Империя и покоренные земли Востока: управление, армия, чиновники

С исходом или истреблением мусульманского населения перед империей встала задача заселения покоренных ближневосточных территорий и повторной «византинизации» этих земель. Ромейские василевсы стремились укрепить свое положение в Сирии и Киликии за счет безжалостного вытеснения мусульман, поощрения

армянской миграции, усиления грекоязычного элемента в регионе⁴⁶¹. Последнее осуществлялось, прежде всего, за счет военных и чиновников, присылаемых из Константинополя, с Балкан и из Малой Азии в Левант. Со времен кампаний Никифора II Фоки в покоренных сирийских и киликийских городах расквартировывались контингенты имперских войск, набранные из числа ромеев, армян и часто — иностранных наемников (в том числе — латинских христиан, о чем будет сказано ниже). Когда, в 1051 г. Антиохию посещал прославленный мелькитский врач Юханна ибн Бутлан, он отмечал, что город охраняют «четыре тысячи воинов, которые каждый год присылаются василевсом в Антиохию из Константинополя». Причем, согласно Ибн Бутлану, эти контингенты менялись каждый второй год⁴⁶². У. Тредголд, в своем исследовании, выдвигает вполне обоснованное предположение, что регулярные войска, находившиеся в распоряжении императорского дуки в Антиохии, Тарсе и других городах востока, могли состоять практически исключительно из кавалерийских тагм, в то время как пехота набиралась бы во время кампаний из местного ополчения⁴⁶³. Ж.-К. Шейне, основываясь на сигиллографических свидетельствах, отмечает, что в Сирии и Киликии могли стоять такие тагмы, как Схолы и Иканаты⁴⁶⁴. Ситуация резко осложнилась в последующие годы, в частности — в период правления пренебрегавшего армией василевса Константина X Дуки (1059—1067). Спустя немногим более чем пятнадцать лет после посещения Антиохии Ибн Бутланом, Антиохия уже испытывала явную нехватку войск. Так, ок. 1067 г. дука Антиохии — Никифор Вотаниат (будущий император) не смог вести

⁴⁶¹ Сразу же стоит отметить, что фундаментальные исследования, посвященные поздневизантийской Сирии, принадлежал Ж.-К. Шейне. Также огромное значение имеют вышеуказанные работы П.-К. Тодта, в особенности применительно к этнографии византийской Сирии, к соотношению грекоязычного и арабоязычного населения, и т.д. См. Cheynet J.-C. *The Duchy of Antioch after the Byzantine reconquest // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality.* — Leuven, 2006; Cheynet J.-C. *Le controle de la Syrie du Nord à la fin de la seconde occupation byzantine (seconde moitié du XI siècle) // Bisanzio e le periferie dell'impero.* — Acireale, 2012. — P. 41—58; Todt K.-P. *Antioch in the Middle Byzantine Period (969—1084). The reconstruction of the city as an administrative, military, economic and ecclesiastical center // Topoi.* — 2004. — Supplement 5.

⁴⁶² Le Strange G. *Op.cit.* — P. 370.

⁴⁶³ Treadgold W. *Byzantium and Its Army (284—1081).* — Stanford, 1995. — P. 115.

⁴⁶⁴ Cheynet J.-C. *The Duchy of Antioch after the Byzantine reconquest...* P. 3.

наступательные бои против тюрок и арабских эмиров Алеппо, т. к. в его распоряжении не было достаточных средств и регулярных контингентов, а находившиеся в городе ромейские и армянские воины (не получавшие жалованья и должной экипировки) отказывались выступать в поход⁴⁶⁵. Вероятно, положение несколько улучшилось при императоре Романе IV Диогене, т. к. и он, и его соперник-соправитель Михаил VII Дука, и Филарет Варажнуни использовали город как центральный опорный пункт в своей борьбе за Сирию.

Высшая гражданская и военная власть в византийской Сирии принадлежала дуке Антиохии, который фактически являлся полномочным представителем василевса. Периодически императорские наместники носили титулы не дуки, но катепана⁴⁶⁶. Оба титула подчеркивали значение Антиохии, т. к. в византийской иерархии X-XI вв. и дуки, и катепаны возглавляли важнейшие области на западных и восточных рубежах империи⁴⁶⁷. С последней трети X в. известны дуки (или катепаны) Италии, Антиохии, Халдии, Месопотамии, Веспуракана, Адрианополя, Фессалоник; позднее появятся дуки Диррахия (управлявшего Эпиром) и дуки Кипра⁴⁶⁸. Под властью дуки Антиохии находились обширные территории, охватывавшие практически весь хребет Тавра, от Тарса на западе до фемы Телух на востоке (ныне городок Дулук, близ Мараша), Нагорную и Равнинную Киликию, и сирийские земли от предместий анатолийской Мелитены на севере до Тартуса и Шейзара на юге. Здесь нельзя не обратить внимание на то, что эта территория практически в точности совпадала с теми землями, которые, в начале XII в., вошли в состав франко-нормандского княжества Антиохийского. Отдельные наместники

⁴⁶⁵ Michaelis Attalioetae. Historia // CSHB. — Bonn, 1853. — P. 98.

⁴⁶⁶ Титул катепана Антиохии носили Константин Далассин, Михаил Спондилей, Константин Карантен, Никита — брат василевса Михаила IV. Никифор Уран был известен и как дука, и как катепан. Полный перечень дук и катепанов Антиохии, см. Laurent V. La chronologie des gouverneurs d'Antioche sous la seconde domination byzantine // Mélanges de l'Université Saint Joseph. -1962. — №38(10). — P. 219—254.

⁴⁶⁷ Kazhdan A. Doux // The Oxford Dictionary of Byzantium. — Oxford, 1991. — Vol. I, P. 659.

⁴⁶⁸ Хотя здесь стоит вновь отметить, что катепаны Италии позднее стали именоваться дукками, в то время как дуки Антиохии или Месопотамии порой именовались катепанами. Это свидетельствует о примерном соответствии (и взаимозаменяемости) этих двух званий в византийской иерархии XI в. См. Kazhdan A. Katepano // The Oxford Dictionary of Byzantium. — Oxford, 1991. — Vol. II, P. 1115—1116.

были утверждены императором в Эдессе, Мелитене и Мамистре⁴⁶⁹. В таких городах, как Селевкия Исаврийская и сирийский Телух (Дулук), управление возглавляли стратеги, вероятно подвластные дукам Антиохии.

Кандидатуры дук Антиохии, присылаемых в город ромейскими василевсами, были весьма разнообразны; от константинопольских евнухов (Михаил Спондилий, Константин Евнух, Никифорица⁴⁷⁰), до армянских военачальников (дуки Пехт, Хачатур, Васак). Стремясь укрепить связь между Константинополем и Антиохией, василевсы часто предоставляли пост дуки людям из своего ближайшего окружения. В правление императора Василия II пост дуки Антиохии на протяжении почти двенадцати лет (999—1011 гг.) занимал Никифор Уран — ближайший сподвижник василевса Болгаробойцы⁴⁷¹. Император Роман III Аргир назначил дукой Антиохии своего шурина — Константина Карантена⁴⁷². Михаил IV Пафлагон доверил пост дуки Антиохии своим братьям Никите и Константину (ок. 1034—1037 гг.). Однако из-за стратегического положения Антиохии — как юго-восточного, левантийского форпоста Ромейской державы, антиохийскими дуками все чаще становились представители ромейской военной аристократии, такие как Михаил Вурца, Варда Фока, Дамиан Далассин, Никифор Уран, Катакалон Кекавмен, Никифор Вотаниат, Исаак Комнин. Дуками или катепанами Антиохии часто становились отпрыски одних и тех же династических родов. Так, мы встречаем на этом посту завоевателя Антиохии — Михаила Вурцу и его потомка — Константина⁴⁷³, Никифора Урана и его сына Михаила, трех Далассинов — Дамиана, Феофилакта и Константина, а также состоявшего в родстве с Далассинами Исаака Комнина.

⁴⁶⁹ К примеру, Мамистра была доверена наместнику, также находившемуся в ранге катепана. Печать Симпатия — магистра и катепана Мопсуестии (Мамистры), см. Cheynet J.-C. *Sceaux byzantins des Musées d'Antioche et de Tarse...* №55, P. 423—424.

⁴⁷⁰ Так, могущественный евнух Никифорица, фактически руководивший слабевольным императором Михаилом VII Дукой, был, в свое время, дукой Антиохии. Сохранилась его печать с образом лобзающихся свв. Апостолов Петра и Павла, и титулом «севастофор и дука Антиохии». См. Cheynet J.-C. *Sceaux byzantins des Musées d'Antioche et de Tarse...* №50, P. 420.

⁴⁷¹ Розен В.Р. Указ. соч. — С. 41.

⁴⁷² Georgii Cedreni. *Compendium Historiarum* // PG Vol. 122. — Paris, 1889. — с. 222.

⁴⁷³ Печать Константина Вурцы, с титулом магистра и дуки Антиохии, издана Ж.-К. Шейне, см. Cheynet J.-C. *Sceaux byzantins des Musées d'Antioche et de Tarse...* №48, P. 419.

Вероятно, что и значительную часть чиновников и воинов также присылали в Сирию из Константинополя и других «внутренних» территорий Ромейской державы⁴⁷⁴. Однако, при всех стараниях василевсов, приток «греков» (грекоязычных ромеев) в Сирию отнюдь не был массовым и скорее ограничивался представителями военного, чиновного и церковного сословия⁴⁷⁵. В то же время, к службе в войсках и чиновном аппарате активно привлекались антиохийские мелькиты — как грекоязычные, так и арабоязычные сирийцы. Были и крещеные сирийские арабы-мусульмане, из которых бесспорно наиболее значимым был Убейд-аллах, крещеный арабский шейх из Мелитены, получивший титул патрикия и поставленный магистром и дукой Антиохии претендентом на ромейский престол — Вардой Склиром; позднее он перешел на сторону императора Василия II, благодаря чему сохранял пост магистра и дуки Антиохии до конца жизни⁴⁷⁶. К числу арабоязычных сирийцев-христиан в составе имперской администрации, бесспорно, принадлежали такие фигуры, так протоспафарий Ибрагим ибн Юханна (автор «Жития св. Христофора, Патриарха Антиохийского») и форолог Салиба, заведовавший сбором податей в Антиохии и убитый во время городского восстания, в правление императора Михаила V Калафата⁴⁷⁷. Многие состоявшие на византийской службе антиохийцы, из числа греков и арабоязычных мелькитов, даже принимали родовое имя «Антиохитов»⁴⁷⁸. Сохрани-

⁴⁷⁴ В Антиохии находились некоторые представители анатолийской семьи Аргиров, в частности — патрикий Потос Аргир, командовавший войсками при катепане Михаиле Спондилии. Позднее, василевс Роман III Аргир отозвал из Сирии своего сородича, и назначил Потоса катепаном Италии. Одна из уцелевших булл патрикия Потоса Аргира хранится в Археологическом музее Хатай. См. Cheynet J.-C. Sceaux de la collection Khoury // *Revue numismatique*, 6. — 2003. — Tome 159. — P. 434.

⁴⁷⁵ Подробнее о соотношении грекоязычного и арабоязычного населения в Антиохии и Сирии эпохи второго византийского правления (X-XI вв.), см. Todt K.-P. *Region und griechisch-orthodoxes Patriarchat von Antiocheia...* P. 448—456; Todt K.-P. *Antioch in the Middle Byzantine Period (969—1084)...* P. 182—188.

⁴⁷⁶ Розен В.Р. Указ. соч. — С. 2—5.

⁴⁷⁷ Cheynet J.-C. *The Duchy of Antioch after the Byzantine reconquest...* P. 6.

⁴⁷⁸ Ж.-К. Шейне, в частности, приводит упоминание о некоем Николае Антиохите, сыне Абу-ль-Фараджа, эпитафия которого, датированная 1052 г., была раскрыта в Киликии. Этот человек, судя по имени его отца, явно принадлежал к числу арабоязычных мелькитов Антиохии. См. Cheynet J.-C. *Pouvoir et contestations à Byzance (963—1210)*. — Paris, 1996. — P. 209.

лись буллы нескольких «Антиохитов», носивших титулы протопроедра и протоспафария⁴⁷⁹. Часто им открывались и высшие военные и административные должности в византийской Сирии и Киликии. Так, протоспафарий Иоанн Антиохит занимал пост стратига Аназарва⁴⁸⁰. Одна семья, носившая это имя, даже переселилась из Антиохии в Константинополь, где вошла в число столичной служилой знати. Антиохийский род Мархапсабов также предоставил империи нескольких протоспафариев, синкелла и протопроедра, а один из отпрысков этого рода — ипат Феодор Мархапсаб последовательно занимал посты стратига Тарса, а затем — Аназарва⁴⁸¹.

Другой род антиохийских мелькитов — род Либбелиссиев одновременно смог сыскать счастье в Константинополе, в то же время предоставив многих сановников и для византийской Сирии. Один из представителей этого рода — магистр Петр Либбелисий был даже назначен дукой Антиохии в правление императора Романа IV Диогена (1068 г.). Крайне примечательное описание Петра Либбелисия оставляет Михаил Атталиат: «ромей, ассириец по происхождению, уроженец дуката Антиохии, искушенный в мудрости ромеев и сарацин»⁴⁸². Подобная характеристика может, в известной степени, быть отнесена ко всем сирийским «румам», вернувшимся под византийское правление. Очевидно, что антиохийские «греки» и мелькиты-сирийцы явно выделялись среди других ромеев этой своей принадлежностью к двум мирам — к Византии и к арабскому Востоку. Вероятно, что эти отличия проявлялись даже во внешнем облике. По-крайней мере,

⁴⁷⁹ К примеру, сохранилась булла протопроедра Феодора Антиохита, с изображением Богородицы Оранты (Знамения), датированная рубежом X-XI вв. См. Schlumberger G. *Sceaux byzantines inédites* // *Revue des études grecques*. — Paris, 1889. — P. 258. Другим примером может служить Христодул Антиохит, ипат и протоспафарий, булла которого (с образом св. Феодора Стратилата), сохранилась в Археологическом музее Хатай. См. Cheynet J.-C. *Sceaux de la collection Khoury*... — P. 435.

⁴⁸⁰ Schlumberger G. *Sigillographie de l'empire byzantin*. — Paris 1884. — P. 272.

⁴⁸¹ Речь идет об Иоанне Мархапсабе, синкелле Антиохийской Церкви, протопроедре Симеоне Мархапсабе, протоспафариях Иоанне и Кириаке Мархапсабах. Подробнее, см. Cheynet J.-C. *Le controle de la Syrie du Nord à la fin de la seconde occupation byzantine (seconde moitié du XI siècle)* // *Bisanzio e le periferie dell'impero*. — Acireale, 2012. — P. 45—46; Cheynet J.-C. *Sceaux byzantins des Musées d'Antioche et de Tarse*... P. 404; Шандровская В.С. Эрмитажная печать Кириака Мархапсаба // *Античная древность и средние века*. — 2006. — №37. — С. 255—256.

⁴⁸² Michaelis Attaliotae. *Op.cit.* — P. 110—111.

нельзя не отметить, как среди святителей на византийских фресках и иконах выделяется св. Иоанн Златоуст — антиохийский грек, отмеченный смуглой кожей и явно сирийской, семитской внешностью⁴⁸³.

***Проблема сиро-яковитов: светские и церковные репрессии
против сирийских миафизитов***

Если в лице сирийских мелькитов Ромейская держава обрела ценные кадры для военной и светской администрации, то в сирийских миафизитах (сиро-яковитах) ромеи видели материально-обеспеченный и крайне ненадежный, беспокойный элемент, влияние которого требовалось укрощать усиленными поборами и репрессивными мерами. Богатство сиро-яковитских ремесленников и купцов Антиохии прекрасно описано Матфеем Эдесским, по словам которого: «В Антиохии было множество сирийцев, владевших золотом, и серебром, и великим богатством и всяческим достатком. Когда их дети ехали в их церкви, то можно было видеть, как 500 мальчиков выезжают верхом на мулах»⁴⁸⁴. При этом Матфей отмечает, что «ромей, завидуя сирийцам, распалились неукротимой ненавистью»⁴⁸⁵. В период второго византийского правления (969—1084 гг.) сиро-яковиты претерпели целый ряд посягательств со стороны Ромейской державы, халкидонской церковной иерархии и мелькитского населения Антиохии. Михаил Сириец оставляет описание того, как в начале 980-х гг. Патриарх Агапий II развернул массовое гонение против сиро-яковитов Антиохии, разорил их церкви и позволил мелькитам разграбить дома и имущество миафизитов. По словам Михаила Сирийца, Агапий, взойдя на патриарший престол, «силой принуждал (сирийских миафизитов) присоединяться к халкидонитам. Он изгнал из города сопротивлявшихся и захватил их дома и их имущество, словно язычник. Он разорил великую церковь (кафедральный собор сиро-яковитов в Антиохии. — С. Б.) и, безбожник, бросил в огонь Евангелие и дру-

⁴⁸³ Достаточно вспомнить византийские росписи конца XII в. алтарных апсид церкви Св. Георгия в Курбиново (Македония) и церкви Св. Архангела Михаила в Като Лефкаре (Кипр).

⁴⁸⁴ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 77, P. 95.

⁴⁸⁵ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 77, P. 95.

гие книги, миро и святые дары»⁴⁸⁶. Тем не менее, сиро-яковиты смогли вернуться в Антиохию, к своим разграбленным домам и церквям, и в последующие годы восстановить свое положение и достаток.

Матфей Эдесский оставляет яркое описание нового конфликта между мелькитами и сиро-яковитами в Антиохии, относящегося к началу 1050-х гг., т. е. к правлению Константина IX Мономаха. Согласно повествованию Матфея, предлогом для начала новых репрессий стало судебное разбирательство по делу знатного антиохийского сиро-яковита, завладевшего большим числом «пленников», вероятно — плененных и обращенных в рабство арабов-мусульман. Суд проходил под председательством «ромейского Патриарха»⁴⁸⁷. Сириец, дабы избежать судебного преследования и сохранить достаток, «отрехся от своей веры» и перешел в лоно халкидонской, православной Антиохийской Церкви. За этим процессом последовали новые распри между «ромеями» (греками, мелькитами) и «сирийцами» (сиро-яковитами) Антиохии, и, по словам Матфея Эдесского, «ромейи дошли до такой наглости, что уже не отдавали себе отчет в том, что творят, а их Патриарх велел сжечь книгу Евангелия сирийцев»⁴⁸⁸. По описаниям Матфея, трижды бросали книгу в огонь, и каждый раз пламя угасало, не причиняя Писанию вреда. Наконец, брошенная в четвертый раз «Святая книга загорелась и была поглощена огнем. Так Святое Евангелие Господа Нашего было сожжено ромеями в Антиохии. Тогда Патриарх и его люди покинули место сожжения и удалились в собор Св. Петра, преисполненные радости, так, словно одержали победу над страшным противником»⁴⁸⁹. После этого, согласно сказанию Матфея, Антиохия испытала очередное землетрясение, алтарь собора Св. Петра раскололся, а в самой церкви начался пожар, причем «камни горели, как дерево»⁴⁹⁰.

Конечно же, история, приведенная Матфеем Эдесским, вне всякого сомнения — нарочита преувеличенная легенда, пронизанная духом полемики между миафизитами и халкидонитами. Тем более что

⁴⁸⁶ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. P. 131.

⁴⁸⁷ Если исходить из датировки событий, данной Матфеем, относившим их к 1053—1054 гг., халкидонским Патриархом Антиохии в этот период был Петр III.

⁴⁸⁸ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 77, P. 96.

⁴⁸⁹ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 77, P. 97.

⁴⁹⁰ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 77, P. 97—98.

заканчивается она разрушением сорока церквей, принадлежавших ромеям, в то время как церкви армян и сиро-яковитов оставались нетронутыми. Однако считая историю небесного сожжения сорока халкидонских церквей Антиохии поэтическим вымыслом эдесского хрониста, мы неожиданно сталкиваемся с подтверждением случая попадания молнии и пожара в соборе Св. Петра в описаниях мелькитского врача Ибн Бутлана, писавшего почти на столетие ранее и посетившего Антиохию спустя год после этого бедствия. Юханна ибн Бутлан оставляет подробное описание того, как молния попала в собор, расколола темплон, обрушила паникадило и вызвала пожар; багдадский врач датирует это событие апрелем 1050 г.⁴⁹¹. Очевидно, что и армянские, и сирийские миафизиты связывали бедствие, постигшее кафедральный собор Антиохии с Божьей карой за безжалостное ромейское притеснение дохалкидонских христиан.

В 1075—1076 гг., в правление императора Михаила VII Дуки, мелькиты в последний раз обрушились на сиро-яковитов и их церкви в Антиохии⁴⁹². История этого последнего погрома сиро-яковитов Антиохии приведена в «Истории Александрийских патриархов» вторым ее автором, коптским дьяконом Мавхубом ибн Мансуром ибн Муффаригом. «Наши братья, сирийцы, верные града Антиохии были охвачены великими бедствиями и испытаниями, ибо мелькиты, будучи правителями, набросились на их церкви и сожгли их, вместе со всеми книгами, и сирийцы были изгнаны (...) Преумножились их стенания, их ропот, их плач, и часть из них последовала учению мелькитов Антиохии»⁴⁹³. Церковная составляющая этого конфликта между миафизитами и халкидонскими православными представляет собой в достаточной мере сложное, противоречивое явление. Наиболее страшными проявлениями этого церковного противостояния стали разорения сиро-яковит-

⁴⁹¹ Le Strange G. Op.cit. — P. 372—373. Кстати говоря, если отталкиваться от датировки, данной Ибн Бутланом, то Патриархом Антиохийским, о котором пишет Матфей Эдесский, был не Петр III, но Василий II.

⁴⁹² Стоит отметить, что эта волна гонений против сиро-яковитов не была связана с кем-либо из халкидонских Патриархов Антиохии, т. к. действовавший Патриарх — Эмилиан, находился в эти годы в Константинополе.

⁴⁹³ Atiya A.S., 'Abd al-Masih Y., Burmester O.H. E., ed. & trans. History of the patriarchs of the Egyptian Church: known as the History of the Holy Church / by Sawirus ibn al-Mukaffa', Bishop of al-Asmunin. Vol. 2 pt. 3: Christodoulus-Michael (A. D. 1046—1102). — Cairo, 1959. — P. 304.

ских церквей и показательное сожжение исторгнутых оттуда Евангелий и святых даров, что протекало с благословения и часто — по прямому приказу православных Патриархов. Выше мы уже описали подобные прецеденты, связанные с Патриархами Агапием и Василием II (или Петром III) в Антиохии. В 1063 г. Вселенский Патриарх Константин III Лихуд (канонизированный святой, просвещенный иерарх, друг Михаила Пселла и покровитель Константинопольского университета) приказал жечь на форумах «священные книги, святые дары и все, что было в церквях сирийцев», в том числе произведения искусства и хранившиеся в сирийских библиотеках переводы богословских и литературных текстов. Причем Михаил Сириец связывает смерть Патриарха Константина III, наступившую в этом же году, с божьей карой за это сожжение⁴⁹⁴. Здесь нельзя не отметить, что сожжению подвергались не только богословские трактаты миафизитов (к примеру — писания Севира Антиохийского), но Святые Евангелия; даром, что точно такие же, написанные на сирийском языке Евангелия хранились и благоговейно использовались в мелькитских церквях. Это, конечно же, является страшным свидетельством тех яростных вспышек ожесточения, разделявших мелькитов и сиро-яковитов.

С правлением василевса Романа III Аргира связано начало византийских кампаний по принуждению сиро-яковитов к переходу в лоно халкидонской Антиохийской Церкви. Причем кампании эти были на удивление успешными. Как с горечью восклицал Сиро-яковитский Патриарх и хронист Михаил Сириец: «Верующие нашей Православной Церкви, поддавшись бесовскому действию и человеческим страстям, были разделены внутренними распрями. И часть из них, распаленных яростью и желчью, вышли на взыскание халкидонского Патриарха, став еретиками»⁴⁹⁵. Испытывая сильное давление со стороны василевса, византийского епископата и имперских наместников, в стан мелькитов переходили даже иерархи Сиро-яковитской Церкви. Михаил Сириец, в своей хронике, с осуждением отмечает подобное «отступничество» со стороны Игнатия, митрополита Мелитены, Моисея, епископа сирийского города Зиад, и Исаака, епископа ливанской Арки⁴⁹⁶. Переход сирийских миафизитов в лоно хал-

⁴⁹⁴ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XV, c. 2, P. 166—167.

⁴⁹⁵ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XV, c. 1, P. 161.

⁴⁹⁶ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XIII, c. 6, P. 143.

кидонского Патриархата Антиохии продолжился и в последующие годы. Выше мы уже приводили слова из «Истории Александрийских патриархов», где коптский автор отмечает, как после погрома 1075—1076 гг. многие сиро-яковиты «приняли учение» мелькитов.

В то же самое время были и случаи не только толерантного, но и прямо дружественного отношения между мелькитами и сиро-яковитами. Известно, что в 1039 г. Антиохийский Патриарх Феодор III Ласкарис должен был принимать меры против смешанных браков между халкидонскими христианами и миафизитами⁴⁹⁷. Более примечательными кажутся те дружественные отношения, которые установились между Сиро-яковитским Патриархом Мар Иоанном VII бар Абдуном и его халкидонскими современниками — Патриархами Иоанном III и Николаем II Студитом. В начале XI в., после молитв и помазания, совершенного Сиро-яковитским Патриархом Мар Иоанном, от проказы был исцелен ромейский дука Антиохии. Получивший доказательства чуда Патриарх Иоанн III не только вступил с Мар Иоанном VII в дружественную переписку, но даже, с этих пор, появлялся на всех празднествах в расшитой тунике, подаренной Сиро-яковитским Патриархом⁴⁹⁸. Преемник Иоанна III на Антиохийском патриаршем престоле, Патриарх Николай II Студит отказался являться на собор, созванный императором Романом III Аргиром и Вселенским Патриархом Алексеем I Студитом для осуждения сиро-яковитов⁴⁹⁹. Согласно хронике Михаила Сирийца, «около 200 епископов халкидонитов собралось, чтобы приветствовать нового императора. И когда собрались они в церкви, именуемой Агия София, Патриарх Антиохийский и его епископы не явились. И когда призвали их, они ответили: „Мы знаем, что они (т. е. сирийские миафизиты) христиане, и что их не следует допрашивать“. И они сказали, что отлично знают, что Блаженный Иоанн (сиро-яковитский Патриарх Иоанн VII бар Абдун. — С. Б.) человек Божий»⁵⁰⁰.

⁴⁹⁷ Grumel, V. Les registres des actes du patriarcat de Constantinople. 1: Les actes des patriarches; 2: Les registres de 715 à 1043. — Paris (1936). — №846.

⁴⁹⁸ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XIII, c. 6, P. 139.

⁴⁹⁹ Cheynet J.-C. The Duchy of Antioch after the Byzantine reconquest... P. 9—10.

⁵⁰⁰ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XIII, c. 6, P. 141. Это мужественное сопротивление Антиохийского Патриарха светской и церковной власти Константинополя поистине удивительно, даром, что и Патриарх Николай II Антиохийский, и Вселенский Патриарх Алексий были выходцами из одного и того же константинопольского монастыря — Студийской обители.

Можно было бы предположить, что большую толерантность к сирояковитам должны были бы проявлять жившие с ними бок о бок и говорившие с ними на одном (арамейском или арабском) наречии мелькиты. Однако здесь мы сталкиваемся с прямо противоположным случаем: и Патриарх Иоанн III и защищавший Сиро-яковитскую Церковь Патриарх Николай II Студит были константинопольскими греками, в то время как первое великое византийское разорение сирояковитских церквей Антиохии (в конце X в.) было делом рук сирийского мелькита — Патриарха Агапия II. Вельтеке, в своем исследовании по сирояковитской общине Антиохии эпохи франкского правления, также отмечает, что приверженность сирийских мелькитов и миафизитов к единому языку и обряду только ожесточала их противостояние⁵⁰¹. Так или иначе, почти столетие византийских репрессий сделали свое дело, и к моменту падения ромейского правления в Антиохии большая часть сирийских христиан города составляли уже верные халкидонской Церкви мелькиты. По выражению Д. Вельтеке, «создается впечатление, что после притеснений XI в., некогда сильная и обеспеченная община сирийских православных (сиро-яковитов. — С. Б.) была практически полностью подавлена»⁵⁰². К моменту установления франкского правления в Антиохии, у сирояковитов сохранилась лишь одна церковь в городе — «Сирийская церковь Пресвятой Богородицы»⁵⁰³; остальные принадлежали мелькитам и небольшое число — армянам⁵⁰⁴.

Византинизация Антиохийской Церкви

В числе имперских преобразований на покоренных сирийских землях одним из бесспорных приоритетов была «византинизация» Антиохийской Православной Церкви. Вполне очевидно, что

⁵⁰¹ Weltecke D. On the Syriac Orthodox in the Principality of Antioch during the Crusader Period // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. — Leuven, 2006. — P. 111.

⁵⁰² Weltecke D. On the Syriac Orthodox in the Principality of Antioch... — P. 108.

⁵⁰³ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XV, c. 12, P. 209.

⁵⁰⁴ Подробнее о положении сирояковитских общин в восточных провинциях Византии и о постепенном исходе этих общин, см. Dagron G. Minorites ethniques et religieuses dans l'Orient byzantin a la fin du Xe et au XIe siecle: l'immigration syrienne // Travaux et Memoires. — 1976. — №6. — P. 177—216.

ромейские василевсы X-XI вв. стремились многократно усилить свое влияние в Антиохийском Патриархате, благо многие его епархии и сама патриаршая кафедра находились теперь в составе империи⁵⁰⁵. Выше мы уже подробно говорили о принадлежности мелькитов к византийскому миру, о том, что на протяжении веков арабского правления между православными Ближнего Востока и жителями Византии сохранялось единство в исповедании, о том, что идентичность ближневосточных «румов» выстраивалась на чувстве общности с православной Римской (Ромейской) империей. Однако не стоит считать, что в этот период православные Востока представляли собой преимущественно «греческие» общины (пусть и с арабоязычной паствой), с греческой (часто — полностью зависимой от Константинополя) иерархией и с достаточно единообразным, византийским богослужением. Все вышесказанное можно отнести к Ближнему Востоку эпохи османского владычества, но подобные представления не отнюдь отражают положение дел в средневековом Леванте. В эпоху арабского, позднего византийского и франкского правления существовал целый пласт лингвистических, культурных и даже богослужебных отличий, разделявший ближневосточных румов и, собственно, византийских «ромеев». В средние века Антиохийский Патриархат был поистине Церковью множества языков и нескольких богослужебных обрядов. Богослужение совершалось преимущественно на греческом и сирийском, но также на грузинском, армянском, согдийском, на тюркских наречиях. Основным литургическим обрядом был западно-сирийский, Антиохийский обряд; также имели распространение и вариации константинопольского обряда. Мощнейшее воздействие на Антиохийский обряд и традиции сирийских христиан оказывало иерусалимское богослужение. По-крайней мере, с VII в. основной литургией Антиохийской Православной Церкви была древняя иерусалимская литургия Св. Иакова Брата Господня⁵⁰⁶. Вполне вероятно, что мелькиты Антиохийской Церкви сохраняли и другие анафоры, в частности — древние антиохийские анафоры Двенадцати Апостолов

⁵⁰⁵ В составе Ромейской державы в XI в. находились, помимо патриаршей Антиохийской епархии, митрополии Тарса, Селевкии, Аназарва, Эдессы, Феодосополя; автокефальные митрополии Мамистры, Аданы, Помпейополя, Латакии, Самосаты; епископские кафедры Шейзара (Лариссы), Валаньи, Тартуса и т.д.

⁵⁰⁶ Подробнее о богослужении Антиохийской Церкви в V-XIII вв. см. Charon C. *Le rite byzantin...* P. 485—493.

и Св. Петра. Анафора Двенадцати Апостолов была основной анафорой для Антиохийской Церкви в IV-VII вв.; как известно, она была введена в богослужение Константинополя св. Иоанном Златоустом и впоследствии трансформировалась в анафору, носящую имя этого святителя. Анафора Двенадцати Апостолов сохранилась до сего дня в Сирийской (Сиро-яковитской) и Маронитской Церквях. То, что эту анафору сохраняли как миафизиты, так и некоторые сирийские христиане-халкидониты (марониты), можно считать свидетельством, пусть и косвенным, возможности ее продолжавшегося употребления среди мелькитов. Доподлинно известно, что «литургия Св. Петра — главы Апостолов» совершалась в церквях Мцхетского католикосата — «дочери-церкви» Антиохийского Патриархата⁵⁰⁷. Так что вполне вероятно, что эта сирийская литургия сохранялась и в других восточных епархиях, связанных с мелькитским Патриархом Антиохии⁵⁰⁸. Также, вероятно, совершались и другие сиро-палестинские литургии, такие как литургия Св. Петра. По крайней мере доподлинно известно, что литургия Св. Петра точно совершалась в церквях восточной Грузии — Мцхетского католикосата, «дочери» Антиохийского Патриархата. Так что вполне вероятно, что она сохранилась и в других восточных епархиях, связанных с Антиохией. Ныне литургия «Св. Петра — главы Апостолов» сохранилась лишь в Маронитской Церкви.

С восстановлением ромейского господства в Киликии и северной Сирии для Антиохийской Церкви начиналась эпоха все более ощутимой литургической византинизации, которая также непосредственным образом затронула мелькитские Патриархаты Александрии и Иерусалима⁵⁰⁹. Преобразования эти, вполне естественно, проходи-

⁵⁰⁷ Об этом, в частности упоминает грузинский автор XI в. Евфимий Святогорец. См. Grdzeliдзе Т. Georgia, Patriarchal Orthodox Church of... P. 270.

⁵⁰⁸ Хотя здесь следует подчеркнуть, что среди сохранившихся литургических рукописей сирийских мелькитов, известны только тексты литургии Св. Иакова. Подробнее о богослужении сирийских мелькитов, см. вышеуказанную работу Шарона (Королевского) — Charon C. Op.cit.

⁵⁰⁹ Наиболее подробное исследование процесса литургической византинизации мелькитских Патриархатов Александрии, Антиохии и Иерусалима принадлежит К. Шарону (Королевскому). См. Charon C. Le rite byzantin dans les patriarchats melchites, Alexandrie — Antioche — Jérusalem // Χρυσόστομικά. — Roma, 1907. — P. 473—718. См. также: Joseph (Nasrallah). La liturgie des Patriarcats melchites de 969 à 1300 // Oriens Christianus. — 1987. — №71. — P. 156—181. Даниелю Галадзе принадлежит ряд исследований, посвященных процессу византинизации в Иерусалимской Церкви. См. Galadza

ли под теснейшим контролем как церковных, так и светских властей Константинополя. Менее болезненным этот процесс был в Иерусалимской Церкви, где палестинские монастыри, в особенности Лавра Св. Саввы Освященного, поддерживали тесные контакты с Константинополем. К тому же, территория Иерусалимского Патриархата (как и Александрийской Церкви) находилась за пределами империи. Д. Галадза обращает особое внимание на локальный, постепенный характер литургической византинизации в Иерусалимском Патриархате, противопоставляя его более активному, инициированному извне процессу византинизации в Антиохийской Церкви⁵¹⁰. В лоне Иерусалимской Церкви, очевидно со времен Халкидонского собора, исторически сохранялось стремление к определенному ограничению арабского и, в еще большей степени, сирийского элемента.

Невзирая на полиэтнический состав Патриархата, куда входили греки, арабоязычные мелькиты, сирийцы и грузины, в Иерусалиме и палестинских монастырях, очевидно, упорно бытовало устремление к более тесным связям с Византией и греческим богослужением. Причем это было не столько устремление к преобладанию греческого элемента (поскольку Патриархи Иерусалима эпохи арабского владычества принадлежали преимущественно к числу сирийских и палестинских мелькитов), а именно желание гарантировать доминирующее присутствие греческого языка и богослужения. При этом имело место и подчеркнутое ограничение прав священства, принадлежавшего к числу сирийцев. Так, согласно уставу Лавры Св. Саввы Освященного, сирийцам было запрещено занимать важнейшие посты в монастыре, в том числе и пост игумена; исключение допускалось только в отношении постов эконома и казначея⁵¹¹. Как пишет Д. Галадза

D. Worship in the Holy City in Captivity. The Liturgical Byzantinization of the Orthodox Patriarchate of Jerusalem After the Arab Conquest (8th-13th c.). — Rome, 2013; Galadza D. Sources for the Study of Liturgy in Post-Byzantine Jerusalem (638–1187 CE) // *Dumbarton Oaks Papers*. — 2013. — №67.

⁵¹⁰ Galadza D. Worship in the Holy City in Captivity. The Liturgical Byzantinization of the Orthodox Patriarchate of Jerusalem... P. 41.

⁵¹¹ Подробнее, см. Дмитриевский А.А. Древнейшее Описание (или Древнейшие Описания — ???) рукописей и книг, поступивших в Церковно-Археологический музей при Киевской Духовной Академии из греческой нежинской Михаило-Архангельской церкви. — Киев, 1885. — С. 224; Galadza D. Sources for the Study of Liturgy in Post-Byzantine Jerusalem... P. 82.

за: «сирийский язык так никогда и не получил литургического первенства среди многоязычных монашеских общин Палестины и Церкви Воскресения в Иерусалиме. Это, во многом, объясняет крайнюю малочисленность сирийских литургических рукописей, которые достоверно можно было бы связать с Православным Патриархатом Иерусалима»⁵¹². При этом Галадза отмечает, что «большая часть уцелевших сирийских литургических рукописей», отражающих западносирийский и восточносирийский богослужебные обряды, связаны как раз с Патриархатом Антиохии. В этом отношении халкидонская Антиохийская Церковь оставалась важнейшим центром сирийской богослужебной культуры. В доступных средневековых источниках мы не встречаем в лоне Антиохийского Патриархата ничего подобного «иерусалимскому» устремлению к ограничению прав сирийского духовенства и богослужения. Напротив, в перечне клира Эдесской митрополии, относящегося к VIII в. (точнее — к 723 г.), упоминаются главы «хора ромеев» и «хора сирийцев», что прямо свидетельствует о равноправном сосуществовании двух обрядов — антиохийского и византийского — в пределах единой митрополии, единого города⁵¹³. Порядки и традиции Эдессы заслуживают особого внимания, поскольку многие значимые иерархи Антиохийской Церкви, такие как Патриарх Феофилакт бар Канбара, Феодор Абу Курра или св. Феодор Эдесский, были либо уроженцами, либо клириками этой епархии.

Различие между Патриархатами Антиохии и Иерусалима прослеживалось и в отношении арабского богослужения. Жозеф Насралла, в одном из своих исследований, приходит к выводу, что использование арабского в качестве богослужебного языка активнее принималось Антиохийской Церковью, нежели Иерусалимом⁵¹⁴. Невзирая на то, что именно Лавра Св. Саввы Освященного была, на протяжении многих лет одним из центров арабо-христианской литературы, а палестинская иерархия принадлежала к числу арабоязычных мельки-тов, богослужение на землях Иерусалимского Патриархата совершалось преимущественно на греческом или на сирийском. Если арабское богослужение и начинало развиваться в Палестине в IX-X вв., то оно впоследствии вновь уступало место греческому и сирийско-

⁵¹² Galadza D. Sources for the Study of Liturgy in Post-Byzantine Jerusalem... P. 82.

⁵¹³ Segal J.B. Edessa: The Blessed City... — P. 207—208.

⁵¹⁴ Joseph (Nasrallah). La liturgie des Patriarcats melchites... — P. 159—160.

му, о чем свидетельствуют найденные на Синае и описанные К. Ле-емминг литургические тексты, где арабский присутствует именно как нижний слой палимпсеста, уступившего место новому греческому наслоению⁵¹⁵. В Антиохии же и ее сиро-ливанских епархиях приятие арабского богослужения шло достаточно планомерно и, в то же время, активнее, нежели в Иерусалиме.

Так или иначе, реформы, затронувшие положение Антиохийской Церкви, касались не языка богослужения, а именно литургического обряда, и прав церковной иерархии. Реформы эти, прежде всего, касались самого Патриарха, его собора, епархии, клира. Яхья Антиохийский приводит описание того, как император Иоанн I Цимисхий, поставив на Антиохийском престоле Патриарха Феодора II, велел ему привести патриарший собор Кассиана в соответствие с уставом и традициями Великой церкви Константинополя. В русском переводе В.В. Розена этот фрагмент хроники Яхьи переведен как: «И предписал ему царь устроить собор Кассиана в Антиохии наподобие св. Софии в Константинополе»⁵¹⁶. Однако правильнее было бы перевести это как «привести собор Кассиана в Антиохии в соответствие с *порядком//уставом* Св. Софии в Константинополе». С момента ромейского завоевания Антиохии патриархия и патриаршая церковь Кассиана (вероятно, уже со второго византийского правления известная как собор Св. Петра) становились центром литургической византинизации в Антиохийской Церкви. На Антиохийскую патриаршую кафедру Св. Петра восходили константинопольские клирики, сторонники богослужебных порядков и традиций Великой церкви⁵¹⁷. На патриарших службах совершались литургии Св. Иоанна Златоуста и Св. Василия Великого. Непосредственное руководство богослужебными рефор-

⁵¹⁵ К вопросу о введении арабского в качестве богослужебного языка Православной Церкви, см. Leemming K. The Adoption of Arabic as a Liturgical Language by the Palestinian Melkites // ARAM Periodical. — 2003. — №15. — P. 239—245. См. также: Galadza D. Worship in the Holy City in Captivity. The Liturgical Byzantinization of the Orthodox Patriarchate of Jerusalem... P. 74.

⁵¹⁶ Розен В.Р. Указ. соч. — С. 34.

⁵¹⁷ К клиру Константинопольской Церкви принадлежали практически все Антиохийские Патриархи XI в., в том числе Патриархи Иоанн III (996—1021 гг.), Николай II Студит (1025—1030 гг.), Феодор III Ласкарис (1034—1042 гг.), Василий II (1043—1052 гг.), Петр III (1052—1056 гг.), Феодосий III Хрисоверг (1057—1059 гг.), Эмилиан (1047—1080 гг.), Иоанн V Оксит (1091—1100 гг.).

мами в пределах Антиохийской Церкви взяли на себя константинопольские патриархи. Как сообщает Никон Черногорец: «Святейший Патриарх Константинопольский составил письменное наставление для совершения литургии и хиротонии Патриархов Антиохии — для использования и в столице, и на его территориях (т. е. на канонической территории Антиохийского Патриархата. — С. Б.), обязав помянуть его имя»⁵¹⁸. Если отталкиваться от того, что описываемые реформы проходили в годы патриаршества Феодора II Антиохийского, Вселенским Патриархом, ответственным за реформы, был Полиевкт (956—970 гг.) и, вероятно, его преемник Василий I (970—974 гг.). Хиротония, или возведение в сан Антиохийских Патриархов, со времен правления императора Василия II Болгаробойцы, совершалась не сирийскими и киликийскими митрополитами в Антиохии, а Вселенским Патриархом и его архиереями в Константинополе⁵¹⁹.

Начиналось повсеместное введение константинопольских литургий Св. Иоанна и Св. Василия в епархиях Антиохийского престола. В киликийских епархиях этот процесс вряд ли был болезненным или сколь-либо «революционным», т. к. опустевшие после исхода арабов земли заселялись как раз за счет грекоязычных, ромейских переселенцев из Малой Азии, для которых родным обрядом был византийский. К востоку — в сирийских, ливанских, месопотамских и среднеазиатских епархиях — начиналась широкомасштабная работа по переводу константинопольских литургических текстов на восточные наречия. По выражению Д. Вельтеке, «Принадлежавшие к Греческой Православной Церкви *Suriani* гордились своим сирийским происхождением не менее тех сирийцев, которые принадлежали к Сирийской Православной Церкви». Д. Вельтеке обращает внимание на то, что сирийцы-мелькиты были привязаны к сирийскому языку и культуре не меньше отвергавших Халкидонский собор сиро-яковитов. По ее словам, «Литургическое употребление арамейского в Антиохийской епархии, и переводы новой, византийской литургии и библейских текстов на арамейский, в равной степени служат подтверждением сильной привязанности к языку» со стороны сирийских мелькитов⁵²⁰. Период второго

⁵¹⁸ Aerts W.J. Nikon of the Black Mountain. Logos 31 (Translation)... — P. 162.

⁵¹⁹ Об этом также сообщает Никон Черногорец, см. ниже.

⁵²⁰ Weltecke D. On the Syriac Orthodox in the Principality of Antioch during the Crusader Period... — P. 111.

ромейского правления в Антиохии (969—1084 гг.) стал временем активного перевода византийских богослужебных текстов на арабский. Здесь важно отметить, что константинопольские богословы и клирики, утверждавшие реформы в Антиохийской Церкви, отдавали первенствующее значение именно литургическому обряду, а не языку богослужения. Переводы константинопольских богослужебных текстов на сирийский и арабский, очевидно, всячески приветствовались и поощрялись. Деятельность диакона Абдаллаха ибн аль-Фадла аль-Антаки по переводу библейских и богослужебных текстов на арабский приходится как раз на период второго византийского правления в Антиохии (XI в.)⁵²¹. Хотя, конечно же, говорить о полностью арабском богослужении в данный период не приходится; арабский был введен в богослужение, но значительная часть литургии по-прежнему совершалась либо на греческом, либо на сирийском. Подобное положение сохранялось до XVI-XVII вв. Литургия Св. Иакова не была еще полностью вытеснена, однако подверглась не менее ощутимой византинизации. В ее состав были введены новые ектении, процессии, Херувимская Песнь. Дольше всего литургия Св. Иакова, как ни странно, сохранялась именно в Иерусалимской Церкви⁵²², поддерживавшей более тесные, и вместе с тем — более умеренные контакты с Константинополем, и потому избежавшей «приказной» литургической византинизации, инициированной ромейскими василевсами и грузинскими царями в Антиохии и Иверии. Что касается Антиохийской Церкви, то там литургия Св. Иакова еще совершалась в сирийских церквях в эпоху второго византийского и франкского правления, однако в XIV в., после мамлюкских завоеваний и разрушения Антиохии, она окончательно вышла из «живого», повседневного богослужебного употребления⁵²³.

Аналогичные реформы богослужения переживала в XI в. и дочь-церковь Антиохийского престола — Грузинская Церковь. В Грузии процесс литургической византинизации был сопряжен с объединением восточного и западно-грузинского (абхазского) царств под

⁵²¹ Подробнее об антиохийском диаконе Абдаллахе ибн аль-Фадле см. выше: Глава I, С. 100—105.

⁵²² Тафт Р.Ф. Византийский церковный обряд... С. 72.

⁵²³ Шарон считает именно XIII в. последним периодом относительно регулярного совершения литургии Св. Иакова в лоне Антиохийской Церкви. Подробнее см. Charon C. Le rite byzantin... P. 493.

властью Баграта III. Поскольку Баграт III принадлежал к западно-грузинской знати, а епархии этого региона подчинялись Константинопольской Церкви, он был сторонником продвижения византийского обряда на территории всей объединенной Грузии, невзирая на признание главенства Мцхетского католикоса и на привязанность восточных епархий к западно-сирийскому, антиохийскому обряду. Об этих переменах подробно пишет в первой трети XI в. грузинский аскет и философ Евфимий Святогорец: «Когда св. Василий и блаженный Иоанн Златоуст составили литургии, народ избрал их, поскольку они были краткими, и поэтому была забыта литургия св. Иакова. Теперь мы совершаем литургию св. Златоуста, а во время Великого поста — св. Василия, но всякий, кто пожелает совершать литургию св. Иакова или св. Петра, имеют на это полное право»⁵²⁴. Слова Евфимия Святогорца, вероятно, передают настроение и положение церковной жизни как в Грузии, так и в лоне Антиохийской Церкви.

Литургическая византинизация затронула даже далекие восточные католикосаты Антиохийской Церкви — католикосаты Иринополья и Ромагиры. На землях католикосата Ромагиры православные согдийцы служили по византийскому обряду, сохраняя при этом родное наречие. Сохранились фрагменты переводов византийских богослужебных текстов на согдийский, а также упоминания о том, что мелькиты Ромагиры служат «как греки»⁵²⁵. В этом отношении XI в. стал веком «великой экспансии» византийской литургии Св. Иоанна Златоуста на христианском Востоке. Ведь не стоит забывать о том, что именно на рубеже X-XI вв. «литургия Хризостома» стала активно «теснить» литургию Св. Василия Великого и в рамках богослужения Константинопольской Церкви⁵²⁶. Параллельно с этим она стремительно распространялась по церквям Сирии, Месопотамии, Палестины, Грузии и Средней Азии (не говоря уже о том, что именно в этот самый период она охватывала обширные, северные земли новокрещеной Киевской Руси). Рассматривая феномен рецепции ли-

⁵²⁴ Grdzeldidze T. Georgia, Patriarchal Orthodox Church of... P. 270.

⁵²⁵ См. Dauvillier J. Byzantins d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient au moyen âge... — P. 68—69; Parry K. Byzantine-Rite Christians (Melkites) in Central Asia in Late Antiquity and the Middle Ages... P. 94, 100. Также см. выше: Глава I, С. 100—105.

⁵²⁶ Taft R.F. The Liturgy of the Hours in East and West. The Origins of the Divine Office and its Meaning for Today. — Collegeville, 1986. — P. 167—192.

тургии Св. Иоанна Златоуста клиром и паствой Антиохийской Церкви, нельзя вновь не обратить внимание на исторический парадокс: византийские реформы, по сути дела, ознаменовали возвращение в Антиохию традиционной (пусть и слегка видоизмененной св. Иоанном) анафоры Двенадцати Апостолов, тем самым восстанавливая первенство этой антиохийской анафоры, прежде изрядно потесненной иерусалимской анафорой св. Иакова.

Следует вспомнить также и о египетских мелькитах, сохранявших верность Александрийскому богослужебному обряду и совершавших в своих церквях литургию Св. Апостола Марка⁵²⁷. В Египте издревле (по крайней мере с IX–XI вв.) существовали общины грекоязычных «румов», переселенцев или приезжих торговцев из Ромейской державы, служивших по византийскому обряду и мирно сосуществовавших со своими египетскими собратьями — приверженцами Александрийского обряда и литургии Св. Марка. Активный период византинизации богослужения халкидонской Александрийской Церкви приходится как раз на эпоху крестовых походов, в частности — на конец XII–начало XIII в., о чем подробнее будет сказано в одной из последующих глав.

С административной точки зрения, Антиохийская Церковь, на рубеже X–XI вв., оказалась практически в полной зависимости от ромейского василевса и Вселенского Патриарха. Желание ромейских василевсов и константинопольских патриархов видеть на Антиохийском патриаршем престоле родных по языку и культуре грекоязычных ромеев, в достаточной мере объяснимо. У константинопольских ромеев не могло быть полного доверия к далеким сирийским «румам». Вне всякого сомнения, в Константинополе помнили о прецедентах сотрудничества сирийских мелькитов и их иерархов с арабскими властителями: достаточно упомянуть историю семьи Мансур, поход Патриарха Иова Антиохийского к Анкире и Аморию и многочисленные прочие прецеденты, описанные в предшествующей главе⁵²⁸.

⁵²⁷ Шарон также обращает внимание на то, что мелькиты Александрии использовали три анафоры — Св. Григория Богослова, Св. Василия Великого и Св. Кирилла Александрийского — что фактически полностью соответствует современной практике Коптской Церкви. Коптская вариация литургии Св. Марка как раз известна именно как литургия Св. Кирилла Александрийского. См. Charon C. *Le rite byzantin dans les patriarchats melkites...* — Р. 480.

⁵²⁸ См. выше: Глава I, С. 100–105.

Вряд ли василевсы могли спокойно свести со счетов и ту независимую позицию, которую восточные патриархи занимали в отношении Константинополя в прошедшие века⁵²⁹. Весьма значимым фактором здесь следует считать и культурную отчужденность значительной части сиро- и арабоязычных иерархов от их константинопольских собратьев-архипастырей. К примеру, митрополит Фома Тирский нуждался в переводчике⁵³⁰ на Четвертом Константинопольском соборе (869 г.), т. к. не мог свободно изъясняться по-гречески⁵³¹. Все это толкало как императора, так и Вселенского Патриарха ко все более ощутимому вмешательству в дела Антиохийской Церкви.

В первую очередь, давление светской и церковной власти Константинополя коснулось самого Антиохийского Патриарха. Как уже было сказано, в период завоеваний Никифора II Фоки, православный Патриарх Антиохии — св. Христофор, был убит мусульманами; его мученическая кончина состоялась за два года до взятия Антиохии ромеями (967 г.). На протяжении последующих трех лет патриаршая кафедра вдовствовала. В 970 г. император Иоанн I Цимисхий санкционировал поставление нового Патриарха. Им стал некий Феодор — игумен монастыря Св. Антония из фемы Армениак⁵³². То есть на патриарший престол Антиохии был избран (или вернее — поставлен) игумен из Константинопольского Патриархата, вряд ли известный епископату, клиру и пастве Антиохийской Церкви⁵³³. В возведении Феодора II на Антиохийский престол уже в полной мере проявилось ромейское стремление укрепить зависимость Патриарха Антиохии от Константинополя. И очевидно, что ни клир, ни паства Антиохийской Церкви не смели препятствовать этому вмешательству василевса. По словам Никона Черногорца: «Император Иоанн Цимисхий даровал ему хрисовул и утвердил все типиконы (уставы). Также он привел все церкви и монастыри в Антиохии и ее окрестностях в под-

⁵²⁹ Подробнее см. выше: Глава I, С. 100—105.

⁵³⁰ Эту роль взял на себя синкелл Илия, апокрисиарий Иерусалимского Патриарха.

⁵³¹ Лебедев А.П. История Константинопольских соборов IX века... С. 67.

⁵³² Aerts W.J. Nikon of the Black Mountain. Logos 31 (Translation) // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. — Leuven, 2006. — P. 162.

⁵³³ Фема Армениак, где находился монастырь Св. Антония, располагалась между Понтийскими горами и Синопским заливом и входила в состав Константинопольского Патриархата.

чинение Патриарха, следуя божественным правилам и государственным законам его предшественников (...)»⁵³⁴. Иоанн I Цимисхий предоставил Патриарху Феодору II и его преемникам, в качестве резиденции-подворья (метохии) константинопольский Одигийский монастырь Пресвятой Богородицы⁵³⁵. Активная фаза описанной выше литургической византизации в Антиохийской Церкви начинается именно с возведения на патриарший престол Патриарха Феодора II (970 г.).

После кончины Патриарха Феодора II, антиохийцы были преисполнены решимости добиться поставления своего кандидата на патриарший престол. Хотя, опять же, речь шла уже не об избрании, но об обращении к василевсу с просьбой о *назначении* патриарха. Описание этого можно найти в хронике Яхьи Антиохийского: «И послали жители Антиохии, после смерти патриарха Феодора, чтобы выпросить себе патриарха, который был бы над ними и управлял бы ими. И порешили дело так, что они напишут царю Василию, прося его о назначении им патриарха; и назвали в письме многих, на которых остановился их выбор, и поручили Агапию, епископу Халеба, отвести его. И просил он их, чтобы они присоединили его имя к числу названных ими имен. И согласились они на это. И отправился он с письмом в присутствие царя и довел до его сведения положение города и образ мыслей его жителей, и что они крепко держатся повиновения и преданности ему и сообщил ему, что разум требует, чтобы в городе был патриарх, который управлял бы им и утверждал бы жителей его в повиновении царю. И благодарил его царь за его усердие и одобрял его образ действия (...) И решил царь дело с ним так, что если он исполнит то, что обещал, то будет назначен патриархом Антиохии»⁵³⁶. Прибыв в Антиохию, епископ Агапий убедил дуку Убейд-аллаха принять сторону василевса Василия II в борьбе с Вардой Склиром. После этого, с согласия как василевса, так и дуки Антиохии, состоялось возведение Агапия в патриарший сан и его торжественная интронизация⁵³⁷.

⁵³⁴ Aerts W.J. Nikon of the Black Mountain. Logos 31 (Translation)... — P. 162.

⁵³⁵ Одигийский монастырь Пресвятой Богородицы оставался подворьем Антиохийских патриархов вплоть до XIV-XV вв.

⁵³⁶ Розен В.Р. Указ. соч. — С. 3—4.

⁵³⁷ «И имел он свидание с Убейд-аллахом и говорил с ним наедине и решил с ним дело согласно тому, для чего прибыл, и показал письмо царя. И принял Убейд-аллах его и провозгласил Василия царем и отверг имя Склира и назначил Агапия патриархом Антиохии в воскресенье 22-го Кануна II (Января) 1289 (978), во втором году царствования Василия и Константина, который есть 367-й год хиджры». См. Розен В.Р. Указ. соч. — С. 4.

Агапий II стал последним сирийским мелькитом, избранным на Антиохийский патриарший престол в X-XIII вв.; на протяжении последующих двух веков, вплоть до 1206 г., все последующие Патриархи Антиохии были грекоязычными (часто — константинопольскими) ромеями⁵³⁸. Более того, в лице Агапия II мы видим Патриарха, чье избрание, так же как и исход его патриаршества, зависели от воли василевса. Восшествие Агапия II на патриарший престол было связано с его выступлением на стороне императора Василия II, во время его войны с Вардой Склиром. Однако в 987 г. Патриарх Агапий II решил присоединиться к партии нового претендента на престол — доместика Варды Фоки, опиравшегося, во многом, на Антиохию. И, несмотря на то, что в последний момент Агапий вновь переменял сторону и вынудил население Антиохии изгнать наместника Варды Фоки (его младшего брата, Льва), это не спасло Патриарха от гнева со стороны императора. «И отомстил царь Василий Агапию, патриарху антиохийскому, и выслав его из Антиохии и принудил его жить в одном из монастырей Константинополя»⁵³⁹. События эти относятся к 996 г. Последние годы жизни Патриарх Агапий II провел в затворе, в константинопольском монастыре свв. Космы и Дамиана (Космидионе), вдали от своей кафедры и своего Патриархата.

Новый Патриарх Антиохийский — Иоанн III Полит был в буквальном смысле слова *назначен* василевсом и принадлежал уже к числу константинопольских ромеев. По словам Яхьи Антиохийского: «И назначил царь вместо него патриархом некоего Иоанна, из жителей Константинополя, который был хартофилаксом в соборе Св. Софии»⁵⁴⁰. Опасаясь, что прежде чем он достигнет Антиохии, его низложенный соперник — Агапий II покинет Космидион и вновь добьется милости у василевса, Иоанн III пошел на беспрецедентный шаг: он отказался от незыблемой, многовековой традиции, согласно которой хиротония и интронизацию Патриарха Антиохии должны были совершать только митрополиты Антиохийской Церкви. Взамен, он просил Вселенского Патриарха Полиевкта совершить его хиротонию и инве-

⁵³⁸ О том, как, начиная с 1206 г., в эпоху франкского правления, на патриаршую кафедру Антиохии стали вновь возвращаться уроженцы сирийских и киликийских территорий, будет сказано ниже.

⁵³⁹ Розен В.Р. Указ. соч. — С. 26.

⁵⁴⁰ Розен В.Р. Указ. соч. — С. 33.

ституту в Великой Церкви, что и было исполнено (996 г.). Причем это было не просто экстраординарной просьбой, но установлением новой традиции, которой обязаны были следовать все преемники Иоанна III. Согласно описанию Никона Черногорца, «Иоанн, опасаясь, не настаивал на том, чтобы отправиться к своей кафедре и быть возведенным своими митрополитами; напротив, он с готовностью передал привилегию Антиохийского престола. С этого момента было установлено, что хиротонию (Антиохийского Патриарха) должен совершать Патриарх Константинопольский»⁵⁴¹. Никон Черногорец также упоминает о том, что Патриарх Иоанн III должен был оставить печать Антиохийского Патриарха в патриархии Константинополя.

Казалось бы, разумный компромисс между интересами империи и Антиохийской Церкви был достигнут с избранием на патриарший престол Петра III (ок. 1051 г.). Как и Иоанн III, Патриарх Петр III принадлежал к клиру константинопольской Софии; он занимал пост скевофилакса Великой Церкви. Однако в отличие от Патриархов Феодора II, Иоанна III, Феодора III Ласкаря, Патриарх Петр III был уроженцем Антиохии. Петр III отстаивал независимое положение Антиохийского престола, что нередко приводило его к натянутым отношениям с Константинопольским Патриархом Михаилом I Керуларием. Так, Никон Черногорец передает историю о том, как один из диаконов Антиохийской Церкви получил от Патриарха Михаила титул «кувуклисиоса»; когда он вернулся в Антиохию, Патриарх Петр III «отослал его и разорвал грамоту» Константинопольского Патриарха. Петр III обратился к Михаилу Керуларию с посланием, напомнив Вселенскому Патриарху, «что апостольский престол Антиохии не находится в подчинении Константинополю». При этом «Константинопольский Патриарх составил ответное послание и просил прощения»⁵⁴². О расхождении Патриархов Петра III и Михаила Керулария по поводу общения с Римской Церковью будет сказано ниже, т. к. эта размолвка имеет принципиальное значение для избранной нами темы. Однако фигура Патриарха Петра III кажется, в известной степени, исключительной и обреченной на поражение.

Антиохийский патриарший престол оказался на положении кафедры, подвластной константинопольскому клиру. Хотя Антиохийские

⁵⁴¹ Aerts W.J. Nikon of the Black Mountain. Logos 31 (Translation)... — P. 164.

⁵⁴² Aerts W.J. Nikon of the Black Mountain. Logos 31 (Translation)... — P. 164.

первосвятители периодически отстаивали свое право на независимую позицию, бросая вызов константинопольским первоиерархам и василевсам. Патриарх Николай II Студит отказался присоединяться к осуждению сиро-яковитского Патриарха Иоанна VII бар Абдуна. Патриарх Петр III протестовал против константинопольского вмешательства в церковные дела Антиохии и открыто расходился с Вселенским Патриархом Михаилом Керуларием в вопросах общения с Римской Церковью⁵⁴³. Патриарх Иоанн V Оксит осуждал императора Алексея I Комнина за поощряемую им практику харистикариата. И все же, к первой половине XII в. положение, когда Патриарх Антиохии избирался василевсом из клира Константинопольской Церкви, воспринималось уже не просто как устоявшаяся норма, но даже как освященная временем традиция, что отражено в текстах Анны Комниной и Ибн аль-Каланиси⁵⁴⁴.

Совершенно иным проявлением византинизации Антиохийской Церкви следует считать масштабное строительство или поновление церквей и монастырей на отвоеванных у арабов землях, в особенности — в Антиохии и на окрестных землях, от хребтов Аманоса до Средиземноморского побережья. Вполне вероятно, что «устройство» патриаршей церкви Кассиана наподобие константинопольской Софии подразумевало не только реформу устава и богослужения, но и поновление убранства собора, украшение его новыми мозаиками или фресками. Вполне вероятно, что для этого в Антиохию могли быть присланы константинопольские мастера. К сожалению, все это можно лишь предполагать, поскольку в 1268 г. мамлюки сравняли патриарший собор, как и другие церкви Антиохии, с землей⁵⁴⁵. В пери-

⁵⁴³ Об этом, естественно, подробно будет сказано в главе, посвященной греко-латинским церковным взаимоотношениям. См. ниже: Глава VI, С. 100—105.

⁵⁴⁴ Анна Комнина приводит отрывок из Девольского мира, где твердо сказано о том, что Патриархом Антиохии должен быть тот, кого ромейский василевс «назначит из сынов великой Константинопольской Церкви». См. Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XIII, гл. 12, С. 370. Современник Анны Комниной, Ибн аль-Каланиси отмечает, что при заключении договора между Ромейской империей и антиохийскими франками в 1137 г., император Иоанн II Комнин требовал восстановить свое право «направить в Антиохию греческого патриарха, как это делалось ранее (курсив авт.)». См. Гибб Г. Указ. соч. — С. 173—174.

⁵⁴⁵ Так или иначе, о патриаршей соборной церкви Кассиана, вероятно со времен второго византийского правления уже известной как собор Св. Апостола Петра, будет подробнейшим образом сказано в шестой главе, где речь пойдет в том числе и об антиохийских церквях эпохи франкского правления. См. ниже: Глава VI, С. 100—105.

од второго византийского правления в городе были возведены новые церкви в честь прославленных святых уроженцев Антиохии — Св. Иоанна Златоуста и Св. Луки. На окраинах города византийские зодчие возвели величественную базилику Св. Георгия. Тогда же были восстановлены старые, ранневизантийские церкви, в частности — церковь Свв. Космы и Дамиана⁵⁴⁶. На землях покоренной ромеями северной Сирии, в частности на т. н. «Черной горе», вдоль склонов Аманоса, были основаны или восстановлены многочисленные православные обители. К примеру, протоспафарий Ибрагим ибн Юханна упоминает об основании учеником и сподвижником св. Патриарха Христофора Антиохийского — Анба (Аввой) Иеремией монастыря Пресвятой Богородицы Джараджима на Дивной горе (горе аль-Лукам)⁵⁴⁷. Прославленный византийский автор XI в. — Никон Черногорец принял монашеский постриг в обители, основанной на Черной горе митрополитом Аназарва — Лукой. Причем эта обитель, основанная киликийским архиереем близ Антиохии, вмещала около 150 человек братии⁵⁴⁸. Ко времени восстановления ромейского господства в Сирии восходят и первые упоминания о таких православных монастырях Черной горы, как обитель Св. Пророка Илии//Св. Пантелеймона и монастырь Бетиас близ Антиохии, а также о многочисленных грузинских обителях, о которых подробнее будет сказано в последующих главах⁵⁴⁹.

Эпоха второго византийского правления стала последним периодом благоденствия для великого монастыря Св. Симеона Столпника (Калаат Самаан). Василевсы щедро одарили обитель и внесли значительные средства для ее укрепления и украшения. К 979 г. стены

⁵⁴⁶ Базилика Св. Георгия была, вероятно, воздвигнута близ врат Св. Георгия, в южной части города. Подробнее см. Meyer G. L'apport des voyageurs occidentaux (1268—1918) // *Les sources de l'histoire du paysage urbain d'Antioche sur l'Oronte*. — Paris, 2010. — P. 245. Также см. Eger A. Mapping Medieval Antioch... P. 105; Cahen C. *La Syrie du Nord*... P. 131; Todd K.-P. *Antioch in the Middle Byzantine Period (969—1084)*... P. 171—190.

⁵⁴⁷ См. Zayat H. *Vie du patriarche melkite d'Antioche Christophore*... — P. 364; Ибрагим ибн Юханна. *Житие Антиохийского Патриарха Христофора*... — С. 61.

⁵⁴⁸ Подробнее, см. Aerts W.J. *Nikon of the Black Mountain, Witness to the First Crusade? // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality*. — Leuven, 2006. — P. 126; Allison R. *Regulations of Nikon of the Black Mountain // Byzantine Monastic Foundation Documents*. — Dumbarton Oaks, 2000. — P. 377.

⁵⁴⁹ Подробнее см.: Глава VI, С. 100—105.

монастыря были перестроены и укреплены, а его базилика украшена мозаикой, о чем свидетельствует сохранившаяся ктиторская надпись Патриарха Феодора II и василевсов Василия II и Константина VIII⁵⁵⁰. Причем, стоит отметить, что обитель сохранила преобладание местных мелькитских монахов, в том числе и игуменов-сирийцев. Даже вышеупомянутая ктиторская надпись была составлена на греческом и сирийском, что отражает сильное присутствие в монастыре сироязычных мелькитов⁵⁵¹. Однако спустя всего шесть после восстановления укреплений и украшения монастыря, в 983 г., Калаат Самаан был дотла razoren войсками эмира Алеппского, а его братия и значительная часть укрывшихся там паломников была вырезана. Повторное разорение едва восстановленной императором Василием II обители пришлось на 1017 г. и уже было делом рук фатимидской, египетской армии. Эти разорения положили конец великому сирийскому монастырю, ныне представляющему лишь опустевшие, поражающие воображение руины⁵⁵². Тем не менее, в период второго византийского правления новый расцвет пережила основанная на исходе VI в. Лавра Св. Симеона Дивногорца, «Младшего Столпника». К истории этого монастыря мы еще не раз будем возвращаться.

Особое значение в XI в. приобретают и скриптории сирийских монастырей — не только как центры перевода византийских богослужебных и богословских текстов на восточные наречия, но и как художественные центры, где работали мастера книжной миниатюры. Книжная

⁵⁵⁰ Joseph (Nasrallah). Le couvent de Saint-Siméon l'Alépin... P. 337.

⁵⁵¹ Ибрагим ибн Юханна упоминает о том, что с момента ромейского завоевания Антиохии, игуменом монастыря Мар Симеона Халебского стал один из местных, сирийских учеников и сподвижников св. Патриарха Христофора — Анба Георгий Старший. См. Zayat H. Vie du patriarche melkite d'Antioche Christophore... — P. 366; Ибрагим ибн Юханна. Житие Антиохийского Патриарха Христофора... — С. 60. Подробнее об этом сирийском игумене Калаат Самаана, известном также как «Георгий Великий», см. Joseph (Nasrallah). Le couvent de Saint-Siméon l'Alépin... P. 338.

⁵⁵² Joseph (Nasrallah). Le couvent de Saint-Siméon l'Alépin... P. 341—342. В ходе археологических раскопок в западной части монастыря были найдены многочисленные останки людей со следами колотых и резаных ран, у многих были отсечены головы. Археологические свидетельства позволяют отнести гибель этих людей как раз к рубежу X-XI вв. Подробнее, см. Buchet L., Sodini J.-P., Pieri D., etc. Massacre dans le monastère de Qalat'at Sem'an, Syrie // Vers une anthropologie des catastrophes. Actes des 9e Journées Anthropologiques de Valbonne. — Valbonne, 2007. — P. 317—332. Также, см. Kennedy H. The Melkite Church from the Islamic Conquest to the Crusades... P. 338.

миниатюра XI в. первой обрела ту экспрессию и тот утонченный драматизм, которые позднее повсеместно вошли в свои права в византийском искусстве эпохи Комнинов. Те тенденции, которым предстояло воплотиться на мозаиках, фресках и иконах XII в., уже проступали в миниатюре XI в., в том числе — в тех шедеврах, которые создавались в скрипториях сирийских монастырей рукой константинопольских, грузинских и антиохийских мастеров. А.Л. Саминский, чьи исследования имеют первостепенное значение для изучения художественного наследия византийской Антиохии XI в.⁵⁵³, отмечает, с одной стороны, тесную связь антиохийских скрипториев с художественными традициями Константинополя, и в то же время — большую и несколько большую экспрессивность, остроту, свойственную антиохийцам⁵⁵⁴. Последнюю предрасположенность антиохийских мастеров, вне всякого сомнения, следует отнести к проявлению восточного, в частности — сирийского влияния. По словам А.Л. Саминского «Влияние Константинополя на искусство Антиохии (...) могло быть сильным и непосредственным. Но, несмотря на все усилия столицы по ассимиляции восточного патриархата, он сохранил свое особенное лицо: арабский язык богослужения и гордость собственным преданием. Вероятно, дух этого предания отразился в антиохийских рукописях — единственных дошедших до нас следах искусства византийской Антиохии»⁵⁵⁵. Среди наиболее ярких памятников антиохийской книжной миниатюры XI в. стоит, следуя А.Л. Саминскому, выделить Алавердское Евангелие, а также Евангелия-апракос из афонского монастыря Кутлумуш (cod.gr. 61) и монастыря Св. Екатерины на Синае (cod.gr. 208).

Также нельзя не отметить, что XI в. стал и периодом наиболее деятельного участия византийских василевсов в делах Святой земли

⁵⁵³ Подробнее см. Saminsky A. Assimilation and creation of Greek Art in Antioch-on-the-Orontes in Syria during the second period of Byzantine domination (969—1084) // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the end of the Crusader Principality. Vol. II. — Leuven, 2013; Он же. Georgian and Greek Illuminated Manuscripts from Antioch // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. Vol. I. — Leuven, 2006; Саминский А.Л. Образ и смысл // Образ Византии. Сборник статей в честь О.С. Поповой. — М.: Северный Паломник, 2008.

⁵⁵⁴ Saminsky A. Assimilation and creation of Greek Art in Antioch-on-the-Orontes in Syria during the second period of Byzantine domination... P. 220—221.

⁵⁵⁵ Саминский А.Л. Образ и смысл... С. 424—425.

и Иерусалимской Церкви. Достаточно привести пример положения свя-
тых мест в Иерусалиме. Если со времен арабского правления бремя по
поддержанию и перестройке Храма Воскресения (Храма Гроба Господня)
лежали на Иерусалимском Патриархе и мелькитских сановниках хали-
фата, то в 1047 г., спустя менее чем сорок лет после полного своего уничто-
жения, важнейший паломнический центр христианского мира был вос-
становлен именно благодаря стараниям и вкладам ромейских василев-
сов. После разрушения иерусалимского Храма Гроба Господня халифом
Аль-Хакимом, в 1009 г., ромейские василевсы Роман III Аргир, Михаил IV
Пафлагон и Константин IX Мономах последовательно добивались восста-
новления собора (ценой освобождения 5,000 мусульманских пленников,
возведении фатимидской, шиитской мечети в Константинополе и т.д.). В
1047—1048 гг. собор был восстановлен, опять же, византийскими мастера-
ми, и на средства ромейского императора Константина IX Мономаха. О
роскоши этих византийских вложений в Святую землю свидетельствует
описание персидского путешественника Насира Хосрова, посетившего
Иерусалим и новый, едва возведенный Храм Гроба Господня, в 1047 г. «На
сегодняшний день церковь представляет собой невероятно обширное
сооружение, способное вместить 8,000 человек. Здание возведено с ве-
личайшим умением, из разноцветного мрамора, с орнаментом и скульп-
турами. Внутри церковь украшена византийскими тканями, с золотой
вышивкой и изображениями. Они отображают Иисуса — мир Ему! — ко-
торый иногда изображен восседающим на осле. Там же изображения дру-
гих пророков, таких как Авраам, и Измаил, и Исаак, и Иаков со своими
сыновьями — мир им всем! Эти изображения покрыты сандаракон (т. е.
маслом красного можжевельника): и лик каждого изображения покрыт
тонким стеклом, совершенно прозрачным. Это позволяет не вешать зана-
весь и, в то же время, защищает изображение от оседающей пыли и грязи,
ибо стекло ежедневно протирается служителями»⁵⁵⁶. Разумеется, описан-
ный Насиром собор — это был не дошедший до нас романский Храм Гроба
Господня, но более сложное и несколько менее масштабное, предшествую-
щее сооружение — с базиликой на месте нынешнего кафоликона, откры-
той ротундой над Святым Гробом и тремя дополнительными капеллами
с западной стороны кувуклия⁵⁵⁷.

⁵⁵⁶ Le Strange G. Op.cit. — P. 205.

⁵⁵⁷ Willis R. The Architectural History of the Holy Sepulchre at Jerusalem. — London, 1849. — с. 12, P. 141—149.

Разумеется, усиление византийского влияния в Антиохийской Церкви (и, соответственно, в Грузии и пределах Иерусалимского Патриархата) отнюдь не следует воспринимать как некий деструктивный процесс. Напротив, итогом «византинизации» стало масштабное строительство или обновление восточных храмов и монастырей, расцвет монашеской жизни (в том числе и под ощутимым влиянием зарождавшихся афонских традиций), прибытие на Восток константинопольских иконописцев и богословов. Единственное негативное проявление церковной «византизации» можно усмотреть в давлении константинопольской иерархии и светской власти на Антиохийский Патриархат, и в постепенно оформлявшемся стремлении вытеснить одну богослужебную традицию (антиохийскую, западно-сирийскую), всецело отдавая предпочтение другой (константинопольской). Все эти процессы, во многом, обострились и дошли до своего завершающего этапа как раз в эпоху крестовых походов, о чем подробно будет сказано в последующих частях книги.

Армяне в византийской Сирии и Киликии

В то время как империя прилагала значительные усилия для инкорпорирования или, напротив, вытеснения христиан-сирийцев (стремясь всячески подавить сиро-яковитов и усилить византийское влияние среди сирийских мелькитов), ромейские василевсы открыли путь на завоеванные восточные земли еще одному христианскому народу, а именно — армянам. С завоеванием армянских царств Арцрунидов (Васпуракана) и Багратидов (царства Ани)⁵⁵⁸, Ромейская держава вполне естественно обратилась к людским ресурсам покоренных армянских территорий. Армянская миграция, за счет которой ромеи пополняли свои воинские контингенты и восполняли потери среди населения опустевших восточных провинций, конечно же, не способствовала «византизации» Сирии и Киликии.

⁵⁵⁸ Царство Арцрунидов (Васпуракан) было присоединено к Ромейской империи в 1021 г., в правление императора Василия II Болгаробойцы, заключившего договор с последним царем династии Арцруни — Сенекеримом. Царство Багратидов (Ани) было завоевано ромеями при Константине IX Мономахе, который, вероломно пленив царя Гагика II, исторг у него согласие на передачу прав на царство Византии. Сам город Ани был взят ромеями в 1045 г.

Переселившиеся на восточные границы армяне сразу же заявили о себе как о сильном, совершенно обособленном от ромеев, воинственном народе, с интересами которого необходимо было считаться. Уже в правление императора Василия II Болгаробойцы армянская община Антиохии подняла восстание и даже посягнула на жизнь императорского дуки — магистра Убейд-аллаха. «И возбудили армяне, которые жили в Антиохии, бунт внутри города и в окрестностях его. И слушались все они одного из своих, С-мула по имени. И ворвались они к Убейд-аллаху, магистру, в его дворец внезапно, чтобы убить его. И спросил Убейд-аллах своих рабов и приверженцев, за него ли жители Антиохии или против него. И сказали те ему, что за него. И ободрился он тогда и вышел навстречу армянам. И собрались к нему жители города и сразились с армянами и уложили весьма многих. И были армяне обращены в бегство»⁵⁵⁹. Впоследствии это противостояние между христианами-сирийцами (в особенности византийскими, халкидонскими мелькитами) и армянами еще не раз проявлялось в истории Антиохии — как на исходе византийского правления, так и в период франкского господства, на рубеже XII-XIII вв.

Между тем, ничто не укрощало все возраставшего стремления Византии обращаться к населению завоеванной ромеями и разоряемой тюрками Великой Армении как к почти неограниченному источнику людских пополнений. Причем методы этого «переселения» варьировались от поощрения и предоставления земель до принудительной депортации. В X-XI вв. армяне заселили обширные территории византийского Востока, в первую очередь Киликию и восточную Каппадокию, но также и Сирию, в том числе Эдессу и приевфратские земли, территории вдоль хребта Аманоса, Мараш и Мелитену, и города, лежавшие южнее. В Шейзаре, Тартусе и Антиохии появились армянские общины, а лежавшая к востоку от Антиохии Арта была почти полностью заселена армянами. С XI в. многие крепости, города и даже фемы на востоке империи подпали под власть армян, первоначально — византийских сановников и военачальников, позднее — *de facto*, а подчас и *de jure* независимых князей. К примеру, последний армянский царь династии Арцруни — Сенекерим, уступив права на Веспуракан, получил от императора Василия II фему Севастии; последний царь Багратид — Гагик II сходным образом получил от

⁵⁵⁹ Розен В.Р. Указ. соч. — С. 4—5.

ромейского василевса каппадокийские фемы Ликанд и Харсиан. Территории восточной Каппадокии, нагорной Киликии, приевфратские сирийские земли вскоре наполнились армянскими динатами, воинами и переселенцами⁵⁶⁰.

Число армян в составе ромейских войск несравненно превышало присутствие там тех же христиан-сирийцев, что вполне объяснимо, т. к. в отличие от живших под исламским правлением сирийцев, армяне сохранили свои воинские традиции. Причем армяне часто достигали высших военных и административных постов на востоке империи⁵⁶¹. Так, в XI в. мы встречаем по крайней мере четырех армян, ставших дуклами Антиохии (Пехта, Хачатура, Васака и Филарета Варажнуни), а также нескольких дук, принадлежавших к византийским семьям армянского происхождения (Катакалон Кекавмен, Далассины). С оттоком армянского населения из покоренных ромеями и разоряемых тюрками земель Ани и Васпуракана открывалась перспектива для зарождения новых армянских государственных образований в Леванте. Как мы увидим, независимым армянским княжествам северной Сирии, и, конечно же, Киликийской Армении, суждено было играть важнейшую роль в истории Ближнего Востока XI-XIV вв.

Кроме того, на византийских землях постепенно утверждалась и отдельная, параллельная иерархия Армянской Апостольской Церкви. Армянские епископские кафедры появились в Мараше, Тарсе, Антиохии, Эдессе. На землях Киликии и Сирии появлялось все больше и больше армянских церквей и монастырей. Примечательно, что инициируя все более жесткие репрессии против сиро-яковитов, ромейские василевсы не оказывали подобного противодействия другой миафизитской Церкви, то есть армянам. В X-XII вв. целый ряд храмов и монастырей Армянской Апостольской Церкви покрыл земли Киликии и северной Сирии. Абу-ль-Макарим, посещавший Антиохию уже в эпоху франкского правления, писал о том, что на близлежащих склонах Аманоса, на Черной горе «у армян более семисот монастырей, каждый обнесен круглой крепостной стеной и в каждом есть

⁵⁶⁰ Об армянской миграции, см. Dédéyan G. L'immigration arménienne en Cappadoce au XIe siècle // Byzantion. — 1975 — Tome 45. — P. 41—117.

⁵⁶¹ Об армянских сановниках и военачальниках на византийской службе, см. Каждан А.П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI-XII вв. — Ереван, 1975.

башня и кельи для монахов. И в каждом монастыре епископ, которого окружают более четырехсот монахов, отшельников и прочих»⁵⁶². Описание коптского диакона, вне всякого сомнения, является поэтическим преувеличением, но все же, оно дает представление об ошутимом присутствии общин и монастырей Армянской Апостольской Церкви в северной Сирии. Среди армянских обителей, которые действительно можно связать с антиохийскими землями, стоит в первую очередь назвать великий монастырь Иесуанк Ванк, известный также как Монастырь Богоматери — Нового Сиона и служивший резиденцией для армянского епископа Антиохии, и монастырь Василиан (то есть армянских монахов, следовавших уставу Св. Василия Великого)⁵⁶³. В самой Антиохии находилось несколько армянских церквей, в том числе и монастырь Спасителя, при котором находился скрипторий⁵⁶⁴. Среди многочисленных армянских монастырей Киликии определенным первенством чести пользовалась обитель Драцарк близ Сиса, ставшая в XII-XIII вв. местом погребения для многих государей и католикосов Киликии.

С усилением армянской миграции особое значение для Византии приобрели те армяне, которые принадлежали не к миафизитской, но к халкидонской Православной Церкви. Они вошли в историю под именем «армян-халкидонитов» и фактически представляли ту часть армянских христиан, которая приняла догмат Халкидонского собора о двух природах Христа и, прервав евхаристическое общение с Армянской Апостольской Церковью, вошла в лоно Антиохийской, Константинопольской или Грузинской Церквей. Поселения армян-халкидонитов, с момента формирования этой этноконфессиональной группы на рубеже V-VI вв., располагались на землях Великой Армении (в том числе в таких городах, как Ани и Карсе, область Тао/Тайк была практически полностью халкидонитской), в Иверии,

⁵⁶² Hacken C.E. ten. The description of Antioch in Abu al-Makarim's History of the Churches and Monasteries of Egypt... с. XV, P. 205.

⁵⁶³ Thierry M. Répertoire des monastères arméniens // Corpus Christianorum. -Turnhout, 1993. — №280, №269.

⁵⁶⁴ Обитель впервые упоминается в годы франкского правления и известна благодаря колофону в армянском Евангелии, переписанном в монастыре в 1181 г. См. Stone M.E., Kedar B.Z. A Notice about Patriarch Aimery of Antioch in an Armenian Colophon // *Ароскрыфа, Pseudepigrapha and Armenian Studies: Collected Papers. Vol. II.* — Leuven, 2006. — P. 4.

в восточных провинциях византийской Малой Азии, а также в Месопотамии и Сирии. К X-XI вв., в годы массового переселения армян в пределы Ромейской державы, армяне-халкидониты смогли сформировать влиятельный военно-аристократический класс, представители которого играли ведущую роль в военной и политической жизни византийского Востока. Сохраняя армянский язык и культуру и, при этом, разделяя имперскую, халкидонскую веру ромеев, армяне-халкидониты были естественным посредником между Византией и бежавшим в ее пределы армянским населением (которое, в своей массе, сохраняло веру национальной Армянской Апостольской Церкви)⁵⁶⁵. Идея этой «посреднической» роли армян-халкидонитов сохранялась в византийской политической мысли на протяжении X-XII вв. Даже в 1170 г. император Мануил I Комнин, вступив в переговоры с католиком Нерсесом IV Милостивым, направил к нему, в качестве одного из своих представителей, армяно-халкидонитского игумена Иоанна Утмана⁵⁶⁶.

Применительно к церковной жизни, нельзя не отметить, что армяне-халкидониты так никогда и не создали обособленного патриархата или поместной Церкви⁵⁶⁷. Часть армяно-халкидонитских епархий принадлежала к Константинопольскому Патриархату (если быть точным, митрополиям Трапезунда и Тарона), часть к Мцхетскому ка-

⁵⁶⁵ Как хорошо известно, в современной историографии изучением армян-халкидонитов впервые стал заниматься Н.Я. Марр. См. Марр Н.Я. Аркаун, монгольское название христиан в связи с вопросом об армянах-халкидонитах // Византийский временник. — М.: 1906. — №13. На сегодняшний день, пожалуй, наибольший вклад в изучение армян-халкидонитов внесла д. и. н. В.А. Арутюнова-Фиданян, автор целого ряда работ по данной теме. См. Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X-XI вв.). — Ереван: Айастан, 1980; Она же. Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи (XI в.). — М.: Наука, 1994; Она же. Les Armeniens Chalcedoniens en tant que phenomene culturel de l'Orient chretien // Atti del quinto Simposio Internazionale di Arte Armena. — Venezia, 1992. Среди исследований искусства армян-халкидонитов, в частности — росписей таких армяно-халкидонитских храмовых комплексов, как монастыри Кобайр и Ахтала, или церковь Тиграна Оненца в Ани, см. Лидов А.М. Искусство армян-халкедонитов // Историко-филологический журнал. — 1990. — №1. — С. 75—87; Он же. L'art des Armeniens Chalcedoniens // Atti del Quinto Simposio Internazionale di Arte Armena. — Venezia 1992. — P. 479—495.

⁵⁶⁶ MacEvitt C. The Crusades and the Christian World of the East. Rough Tolerance... — P. 165.

⁵⁶⁷ Если, конечно, не считать сформировавшуюся к 1742 г. и, естественно, признающую Халкидонский собор Армянскую католическую Церковь.

толикосату, часть — к Антиохийскому Патриарху⁵⁶⁸. Если говорить об армянах-халкидонитах в лоне Антиохийской Церкви, то некоторые их епархии входили в состав митрополии Феодосиополя⁵⁶⁹; также Антиохийский Патриарх распространял свою каноническую власть и на две епархии (епархии Калмаха и Панаскерта) в северном Тайке⁵⁷⁰. Кроме того, существовала и обособленная митрополия армян-халкидонитов в Месопотамии⁵⁷¹. Упоминание об этой митрополии оставил Никон Черногорец: «Митрополит их — в пределе и в стране Месопотамии, где они живут от прежних лет (...) Митрополит их поставляется Антиохийским патриархом, так как это престол всего Востока»⁵⁷². По словам В.А. Арутюновой-Фиданян: «Увеличение в XI в. числа халкидонитских епархий в Сирии, Месопотамии, Каппадокии, Армении — непреложное свидетельство увеличения членов армяно-халкидонитской общины, так как по каноническим законам епископ может быть назначен только в многолюдный» город, а не в «малый» город или деревню»⁵⁷³. Это процветание армяно-халкидонитских епархий в XI в. также является важнейшим свидетельством успеха «византинизации», укрепления позиций византийского мира на Востоке.

Армяне-халкидониты играли в этих процессах далеко не последнюю роль, предоставив Ромейской державе ряд высших сановников, полководцев и наместников, в том числе правителей Иверии, дук и катепанов Антиохии, дук Эдессы. В.А. Арутюнова-Фиданян

⁵⁶⁸ В XI в. большая часть епархий армян-халкидонитов, в том числе епархии в Карсе и Ани, принадлежала к Константинопольской Церкви, юрисдикция которого распространилась на покоренные области Великой Армении. Позднее халкидонские епархии на этих землях вошли в состав Грузинской Церкви. См. Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X-XI вв.)... С. 64.

⁵⁶⁹ Епархии Маврак, Ордуру, Аруч, епархия Святой Марии.

⁵⁷⁰ Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X-XI вв.)... С. 63.

⁵⁷¹ Таким образом, часть православных Месопотамии (в частности — мелькиты Багдада) принадлежали к католикосату Иринополя, часть — к митрополии Амиды, но у армян-халкидонитов также была обособленная митрополия, архиерей которой (так же как католикос Иринополя и митрополит Амиды) отвечал непосредственно перед Патриархом Антиохии.

⁵⁷² Марр Н.Я. Аркаун, монгольское название христиан в связи с вопросом об армянах-халкидонитах... С. 36.

⁵⁷³ Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X-XI вв.)... С. 64.

отмечает, что 7 из 15 дук и катепанов Эдессы, и 6 из 10 известных правителей византийской Иверии были армянами-халкидонитами⁵⁷⁴. Изучая историю восточных провинций Ромейской империи XI в., неминуемо сталкиваешься с целой плеядой представителей армяно-халкидонитских родов (таких как Апокапы, Вхкаци, Василиаки), армяно-ивирской знати (Пакурианы) или византийских династий армянского происхождения (Далассины, Кекавмены). Среди наиболее ярких примеров: Катакалон Кекавмен — выдающийся полководец середины XI в., Никифор Василиаки — участник битвы у Манцикерта, дук Диррахия и претендент на императорский престол, Григорий Пакуриан — последний византийский наместник Иверии, соратник императора Алексея I Комнина, севаст и великий domestik схол Запада, покровитель афонского монастыря Иверон и основатель армяно-ивирского монастыря Петрицони (Бачковского монастыря), и, конечно же, такие фигуры, как Филарет Варажнуни и некоторые армянские правители, удерживавшие последние христианские форпосты на востоке на заре эпохи крестовых походов.

III. Период правления Филарета Варажнуни и сельджукские завоевания византийского Востока

Филарет Варажнуни — последний правитель византийской Сирии

Закат византийского господства в Сирии, Киликии, Анатолии и Закавказье наступил после великого сражения с сельджуками в битве у Манцикерта (1071 г.). Уже давно признано, что стремительная потеря практически всех азиатских провинций Византии, на протяжении последующих двадцати лет после Манцикерта, была вызвана не потерями ромеев во время похода против султана Альп-Арслана в 1071 г., но связана скорее с последующими междоусобными конфликтами, которые раздирали империю. С поражением и пленением императора Романа IV Диогена у Манцикерта, Ромейская держава увязла в череде гражданских войн и, как следствие, оказалась не в силах противостоять разрушительным набегам, а затем

⁵⁷⁴ Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X-XI вв.)... С. 85, 87.

и перманентным завоеваниям тюрок-сельджуков⁵⁷⁵. Но и тогда земли северной Сирии и Киликии (в отличие от покоренных тюрками Анатолии и Армении) сумели дольше сохранять христианское правление, подпав под власть нескольких самопровозглашенных армянских князей, принадлежавших как к миафизитской Армянской Апостольской, так и к византийской, халкидонской Православной Церкви.

В 1072—1076 гг. сирийские, киликийские и месопотамские провинции империи были объединены под властью Филарета Варажнуни, армянина халкидонита и одного из военачальников императора Романа IV Диогена. Анна Комнина оставляет следующее описание этого человека: «Прежний император Роман Диоген возвел в сан domestika некоего армянина по имени Филарет, который был человеком замечательного мужества и ума. Последний оказался свидетелем всего, что случилось с Диогеном, и узнал о его ослеплении. Питая необычайную любовь к Диогену, он не мог вынести этого, замыслил мятеж и захватил власть над Антиохией»⁵⁷⁶. Если дочь ромейского василевса говорит о Филарете как о человеке «замечательного мужества и ума», то армянский хронист Матфей Эдесский, напротив, оставляет крайне несдержанное, яростное обличение Филарета, именуюя его «вождем нечестивцев и бесчестья», бесноватым и даже «первенцем Сатаны»⁵⁷⁷. В.А. Арутюнова-Фиданян объясняет подобное отношение эдесского хрониста традиционным для армян-миафизитов презрением к тем армянам, которые по собственному выбору переходили в лоно византийской, халкидонской Церкви, а не принадлежали к числу потомственных армян-халкидонитов, к которым миафизиты относи-

⁵⁷⁵ Причем, эта ромейская междоусобица фактически началась уже во время битвы у Манцикерта, когда Андроник Дука, командовавший арьергардом и резервом ромейской армии, отказался поддержать василевса Романа IV Диогена и, в разгар сражения, увел свои войска с поля боя. Андроник Дука был двоюродным братом юного императора Михаила VII и ожесточенным противником его императора-соправителя Романа IV Диогена (отчима Михаила VII). О том, что арьергард ромейской армии покинул василевса Романа IV в разгар боя, прямо пишет целый ряд авторов, от Никифора Вриенния Младшего до автора «Истории Александрийских патриархов». См. Никифор Вриенний. Указ. соч. — Книга I, гл. 19, С. 239—240; Atiya A.S., 'Abd al-Masih Y., Burmester O.H. E., ed. & trans. History of the patriarchs of the Egyptian Church... — P. 309—310. Подробнее о битве у Манцикерта, см. Хелдон Д. Византийские войны. — М.: Вече, 2007. — «Манцикерт, 1071 г.», С. 395—412.

⁵⁷⁶ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга VI, гл. 9, С. 190.

⁵⁷⁷ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 106, P. 173.

лись терпимее. Известно, что отец и мать Филарета принадлежали к миафизитской Армянской Апостольской Церкви, так что Филарет, очевидно, по собственному выбору стал халкидонитом⁵⁷⁸.

Импровизированное государство, созданное Филаретом, одновременно представляло собой отделившуюся часть Ромейской державы и предтечу тех армянских и франкских государств, которые возникли на землях византийской Сирии и Киликии в XI-XII вв. Эту связь государства Филарета с Византией, Киликийской Арменией и сирийскими государствами франков уже в XII в. отмечал Михаил Сириец, по словам которого, Варажнуни «по происхождению был армянином, по образу действий — франком, а по еретическому вероисповеданию — греком»⁵⁷⁹. Сбрав под своим началом разноплеменную армию, Филарет на протяжении почти пятнадцати лет (1072—1086 гг.) оспаривал власть над сирийскими землями у наступавших тюрок-сельджуков, опираясь на прежние центры византийского господства — Тарс, Мамистру, Мараш, Мелитену и, позднее, на Антиохию и Эдессу.

Для Антиохии переход под власть Филарета Варажнуни имел особое значение. В течение первых лет, с момента разгрома Романа IV Диогена в гражданской войне (1072 г.) и вплоть до 1076 г., Антиохия оставалась вне пределов государства Филарета. В то время как Филарету были покорны все византийские города Леванта (от киликийского Тарса до анатолийской Мелитены), Антиохия и окружавшие ее сирийские земли (с Латакией и гаванью Св. Симеона) оставались в прямом подчинении василевсу. Эта антиохийская приверженность Константинополю косвенно подтверждает то, что после столетия ромейского правления Антиохия действительно была вновь превращена в *византийский* город, с преобладанием греческого и мелькитского населения, поддерживавшего тесные связи со столицей империи. Однако император Михаил VII Дука, сталкиваясь с продвижением тюрок-сельджуков и с масштабными восстаниями имперских военачальников и наемников, не мог

⁵⁷⁸ Арутюнова-Фиданян В.А. Византийские правители Эдессы в XI в. // Византийский временник. — М.: 1973. — №35. — С. 146. О принадлежности отца и матери Филарета к Армянской Апостольской Церкви, и о «халкидонстве» самого Варажнуни, см. Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 106, Р. 173.

⁵⁷⁹ Гусейнов Р. Из «Хроники» Михаила Сирийца // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. Ежегодник. — М.: Наука, 1975. №19. — С. 17. В переводе Ж.Б. Шабо данный фрагмент отсутствует. См. Michel le Syrien. Op.cit. — Р. 280.

оказать достаточной поддержки Антиохии, которая также страдала от набегов тюркских кочевников. В.Н. Степаненко справедливо полагает, что «единственный выход из создавшегося положения население Антиохии видело в передаче города Филарету»⁵⁸⁰. В 1074 г., после смерти ромейского дуки Иосифа Тарханиота, впервые встал вопрос о сдаче города Филарету, однако тогда Антиохия осталась под властью энергично сопротивлявшейся подобным настроениям имперской партии, которую временно возглавил сын покойного дуки — Катакалон Тарханиот.

Вскоре в Антиохию прибыл новый дука — Исаак Комнин, при котором противостояние между имперской партией и сторонниками Филарета разгорелось с новой силой⁵⁸¹. Причем во главе сторонников Филарета встал (как считал и сам Исаак Комнин, и придворные круги Константинополя), православный Патриарх Антиохии Эмилиан⁵⁸². Исаак весьма вероломным образом добился выдворения Патриарха Эмилиана из Антиохии, отправив первосвященника в Константинополь⁵⁸³. Но это, естественно, не решило проблемы уязвимости Антиохии и разобщенности христианских владений в северном Леванте (разделенных между территориями, подвластными Филарету и верными императору Михаилу VII Дуке). Тем более что Исаак Комнин не смог отразить усиливавшиеся тюркские набеги. Единственное крупномасштабное столкновение нового антиохийского дуки с тюрками закончилось разгромом ромеев и пленением самого Исаака, которого антиохийцы вынуждены были выкупить за 20,000 безантов⁵⁸⁴. Однако, в отношении восставших граждан Антиохии дука Исаак

⁵⁸⁰ Степаненко В.П. Государство Филарета Варажнуни // *Античная древность и средние века*. — Свердловск: 1975. — № 12. — С. 91.

⁵⁸¹ Исаак Комнин был старшим братом будущего императора Алексея I Комнина. Известна печать Исаака «протопроедра и дуки Антиохии», с образом св. Феодора Стратилата, держащего копье и щит. Аналогичный образ, крайне популярный у византийских военачальников XI-XII вв., позднее разместил на своей печати младший брат Исаака — Алексей Комнин, в бытность свою великим domestikом схол Запада. См. Cheynet J.-C. *Sceaux byzantins des Musées d'Antioche et de Tarse...* №51, P. 421.

⁵⁸² Подобную точку зрения отражает, в своих «Исторических записках», зять императора Алексея I Комнина, кесарь Никифор Вриенний Младший. См. Никифор Вриенний. Указ. соч. — Книга II, гл. 28, С. 274—275.

⁵⁸³ Никифор Вриенний. Указ. соч. — Книга II, гл. 28, С. 274—275.

⁵⁸⁴ Эта неудачная кампания подробно описана Никифором Вриеннием. В сражении, в котором сельджуки пленили дуку Исаака Комнина, был убит и один из сыновей императора Романа IV Диогена — Константин. См. Никифор Вриенний. Указ. соч. — Книга II, гл. 29, С. 276.

Комнин в полной мере проявил решимость, жесткость и полководческие таланты (все то, чего ему впоследствии не хватило в боях с сельджуками). Призвав войска из верных императору областей и городов, дука Исаак приступил к жестокому подавлению восстания⁵⁸⁵. Как впоследствии писал Никифор Вриенний: «Разделив военные силы на многие отряды, дука приказал им занять тесные проходы и брать всех встречаемых, чтобы возмутители не могли соединиться и помогать одни другим. Когда это было исполнено, в Антиохии началось великое истребление возмутителей, и таким способом едва-едва подавлено было восстание»⁵⁸⁶.

Около 1078 г. Исаак Комнин покинул Сирию, а новым дукой Антиохии был назначен армянин-миафизит Васак Пахлавун. Передача Антиохии под управление миафизита Васака, племянника армянского католикоса Вахрама, ознаменовала очередное хитросплетение византийской политики: в борьбе с армянином-халкидонитом Филаретом правительство Михаила VII Дуки сделало ставку на армян-миафизитов. Но подобное подчинение, вероятно, вызвало новый всплеск ярости у греко-мелькитского населения Антиохии. В следующем году (т. е. в 1078 г.) в Антиохии вновь разразилось восстание горожан, убивших дуку Васака. Осажденные в цитадели города войска Васака Пахлавун призвали на помощь Филарета. Согласно хронике Матфея Эдесского, Васак Пахлавун был «убит на подходе к городу вероломными ромеями (...)». Его войска собрались в цитадели Антиохии, и бывшие там знатные мужи призвали в город Филарета. Тот прибыл спустя несколько дней и, под предлогом военного похода (очевидно, против сельджуков. — С. Б.), вызвал из города ромеев и стоявший там отряд гастариев, которых повел к поселению Апшун. Там он приказал своим войскам взять в руки мечи и уничтожить ополчение (т. е. ромейское ополчение из Антиохии). Так он взял Антиохию, отомстив за смерть великого Васака Пахлавун»⁵⁸⁷. История с убийством дуки Васака и осады

⁵⁸⁵ Учитывая, что Киликия и северные области Сирии находились под властью Филарета, ромейские войска, верные василевсу и дуке Исааку, могли прийти из Латакии, Эдессы и, вероятно, с Кипра.

⁵⁸⁶ Никифор Вриенний. Указ соч. — Книга II, гл. 29, С. 275—276.

⁵⁸⁷ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 113, Р. 179. Согласно «Всеобщей истории» армянского хрониста XIII в. Вардана Великого: «В 325 г. (т. е. в 1076 г.) греки изменою убили князя Васака (...) бывшего дукой Антиохии. Войско его, укрепившееся в Клае (цитадели Антиохии. — С. Б.) уступило город Филарету, армянину по происхождению, захватившему в то время в свои руки многие области». См. Вардан Великий. Всеобщая история Вардана Великого. — М.: 1861. — С. 130.

его войск в цитадели города стало вторым прецедентом восстания греческого и мелькитского населения Антиохии против идеи армянского (по крайней мере — армяно-миафизитского) господства; первый подобный прецедент имел место еще в конце X в.⁵⁸⁸.

Так или иначе, Антиохия перешла под власть Филарета Варажнуни, но это не способствовало ее укреплению. Восстания 1074—1075 гг. и 1076 г., сопровождавшиеся междоусобными боями и карательными акциями, в сочетании с учащавшимися поражениями от сельджуков, окончательно ослабили местных архонтов и истощили боевой дух греческого населения Антиохии. Михаил Сириец впоследствии отмечал, что румский султан Сулейман ибн Кутлумыш решился на внезапный штурм Антиохии (в 1084 г., т. е. спустя восемь лет после взятия города Филаретом), увидев, что «жившие в городе румы обессилены и малочисленны»⁵⁸⁹. Но, первоначально, ничто не предвещало скорого падения города перед сельджуками, т. к. Филарет Варажнуни пребывал в зените своей славы и могущества. В 1077 г. один из военачальников и ближайших соратников Филарета — Василий Апокап (также принадлежавший к числу армян-халкидонитов), после шестимесячной осады, занял и последний «имперский» оплот в Сирии — Эдессу. При этом вход войск Филарета и Василия Апокапа в Эдессу сопровождался восстанием жителей, которые изгнали и едва не убили имперского дуку Льва Даватаноса⁵⁹⁰. В 1078 г. в Константинополе был низвергнут император Михаил VII Дука — главный противник и предмет ненависти для всех восточных военачальников, принадлежавших к партии покойного императора Романа IV Диогена,

⁵⁸⁸ Подробнее см. выше.

⁵⁸⁹ Michel le Syrien. Op.cit. — Lib. XV, c. 4, P. 173. В 1084 г. во время завоевания Антиохии Сулейманом I ибн Кутлумышем, антиохийцы вынуждены были призвать тюркских наемников из близлежащей Арты, дабы те сразились вместе с ними против войск румского султана. Сражение это также окончилось поражением антиохийских ромеев. См. Portillo R.D. The Arabic Life of St. John of Damascus // *Parole de l'Orient: revue semestrielle des études syriaques et arabes chrétiennes recherches orientales: revue d'études et de recherches sur les églises de langue syriaque*. — 1996. — vol. 21. — P. 171. Подробнее об обстоятельствах перехода Антиохии к Филарету Варажнуни и о пребывании столицы византийской Сирии под властью этого правителя, см. Laurent M.J. *Byzance et Antioche sous le Curopalate Philarete* // *Revue des études arméniennes*. — 1929. — Vol. 9. — P. 61—72.

⁵⁹⁰ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 116, P. 180—181; Арутюнова-Фиданян, В.А. Византийские правители Эдессы... — С. 147.

в первую очередь — для самого Филарета. Новый император — престарелый военачальник Никифор III Вотаниат не являлся врагом Филарета, и Варажнун, очевидно, счел возможным возобновить прерванные контакты с новым ромейским василевсом. Так, 1078—1084 гг. могут считаться не только временем расцвета государства Филарета, но и периодом восстановления отношения с Константинополем. Согласно хронике Михаила Сирийца, «Филарет правил Тарсом и Мамистрой, взял Мараш, Кайсун, Рабан, Эдессу, Аназарв, вошел в Антиохию; собрав силы, он вторгся в страну Джихан (т. е. на восточный берег реки Джихан или Пирам) и Мелитены. Придя к власти, он, с войсками ромеев (курсив мой. — С. Б.), бился против тюрок»⁵⁹¹.

Вопрос о связях Филарета с Византией вызывает разночтения у различных историков. Но если отталкиваться от источников XII в., совершенно очевидно, что мы должны говорить о Филарете отнюдь не как о родоначальнике некоего «национального» армянского государства⁵⁹², а скорее, как об армяно-халкидонитском правителе и византийском военачальнике, который правил как *de facto* независимый государь, сохраняя определенные связи, и *de jure* покорность Ромейской державе. Разрыв с Византией был связан с восстанием Филарета (как сторонника Романа Диогена) против Михаила VII Дуки. С 1078 г., то есть с момента свержения Михаила Дуки, Филарет восстанавливает некую форму общения с Константинополем, признав власть императоров Никифора III Вотаниата (1078—1081 гг.) и Алексея I Комнина (с 1081 г.)⁵⁹³. Эта связь подкрепляется тем, что Филарет до конца жизни носил византийские титулы, став последним в истории великим domestikом схол Востока. Этот титул, согласно Анне Комниной, был дарован Филарету еще василевсом Романом IV Диогеном⁵⁹⁴. Михаил Сириец упоминает о том, что узнав о победах Филарета, «император римлян направил ему дары,

⁵⁹¹ Michel le Syrien. Op.cit. — Lib. XV, c. 4, P. 173.

⁵⁹² Подобная оценка Филарета, в частности, прослеживается у А.Г. Сукиасяна. См. Сукиасян А.Г. История Киликийского государства и права. — Ереван: Митк, 1969. — С. 23—25.

⁵⁹³ Этой точки зрения, в частности, придерживается и убедительно доказывает В.А. Арутюнова-Фиданян. См. Арутюнова-Фиданян, В.А. Византийские правители Эдессы... С. 147.

⁵⁹⁴ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга VI, гл. 9, С. 190.

а сам Филарет отправился в Константинополь. Греки возрадовались его прибытию, подарив ему золотые доспехи и провозгласив 'августом',⁵⁹⁵. Под «августом», здесь, вероятно, следует понимать византийский титул севаста. Во всяком случае, на сохранившихся буллах Филарета он фигурирует и как «великий domestik схол Востока», и «севаст», и как «проедр», и как «прокуропат». Ж.-К. Шейне обращает внимание на то, что не только Филарет, но и его военачальники (армяне-халкидониты) «Василий Апокап, а затем Торос в Эдессе, и Гавриил в Мелитене, также извлекли свою пользу при раздаче Алексеем Комниным византийских придворных титулов»⁵⁹⁶. Анализируя сохранившиеся печати Филарета, сохранившиеся в различных собраниях, Шейне обращает внимание на эволюцию его титулов в период правления Никифора III Вотаниата и Алексея I Комнина. Вначале, ок. 1078 г., Филарет упоминается как «куропат и дука Антиохии», затем — «куропат и дука Анатолии»; «куропат и стратопедарх Анатолии»; «прокуропат и domestik схол Востока»; «севаст и великий domestik» (ок. 1081 г.); «протосеваст и великий domestik Востока» (ок. 1084 г.); «домestik Востока и Мараша» (после 1084 г.)⁵⁹⁷. Французский историк также убедительно проводит параллель между положением Филарета Варажнуни и другого *de facto* независимого византийского правителя — дуки Трапезунда Феодора Гавры.

Невзирая ни на все усилия Филарета, его государство пало. Разъединенные христиане Сирии и Киликии, между которыми постоянно возникали распри и междоусобицы, оказались не в состоянии противостоять победоносному продвижению сельджуков. В декабре 1084 г. румским султаном Сүлейманом I ибн Кутлумышем была взята Антиохия. Причем вероятно, что Антиохия пала благодаря измене части христиан, находившихся в оппозиции к правлению Филарета и призвавших в город

⁵⁹⁵ Michel le Syrien. Op.cit. — Lib. XV, c. 4, P. 173.

⁵⁹⁶ Cheynet J.C. The Duchy of Antioch after the Byzantine reconquest... P. 14. Печать Василия Апокапа «севаста и дуки Эдессы», с образом св. Василия Великого, была, в свое время, опубликована Ж.-К. Шейне. См. Cheynet J.-C. Sceaux byzantins des Musées d'Antioche et de Tarse... №53, P. 422. Также о личности Филарета Варажнуни см. Yarnley C.J. Philaretos: Armenian Bandit or Byzantine General // Revue des etudes armeniennes, Vol.9. — Paris, 1972. — P. 331—353.

⁵⁹⁷ Cheynet J.-C. Sceaux byzantins des Musées d'Antioche et de Tarse... P. 425.

румского султана. Этой версии придерживаются и Анна Комнина⁵⁹⁸, и арабский хронист Ибн аль-Асир. Согласно «Истории атабеков Мосула» Ибн аль-Асира: «Румы занимали город (Антиохию. — С. Б.) до 477 г. (т. е. до 1084 г.) когда Эль-Фердрус (вероятно — Феодор), румский военачальник, начальствующий в Антиохии, покинул город и перебрался в Малую Азию. Жители Антиохии тогда написали Сулейману (...), правившему Иконием и окрестными городами, призывая его прийти к ним и обещая передать ему Антиохию. Сулейман прибыл и взял город, перебив большое количество жителей и собрав огромное богатство»⁵⁹⁹. Это вновь свидетельствует о разобщенности и ослаблении христиан Антиохии. Если в период византийского правления, в середине XI в., там стоял ромейский гарнизон из 4,000 воинов, то спустя тридцать лет, в 1084 г., Сулейману хватило 3,000 всадников, чтобы захватить город и устроить там настоящую резню⁶⁰⁰. Согласно хронике Матфея Эдесского, в Антиохии не было даже конного войска, так как Филарет стянул все ударные силы в свою восточную столицу — Эдессу⁶⁰¹.

Яркое и на удивление редко цитируемое описание тюркского взятия Антиохии оставил очевидец, мелькитский иеромонах Михаил, в предисловии к составленному им «Житию Св. Иоанна Дамаскина». Иеромонах Михаил вспоминает о том, как жители Антиохии «мужчины, женщины, дети, вместе со своими лошадьми и мулами», в попытке спастись от тюрков скопились в цитадели, на близлежащих склонах горы Сильп и на стенах города. Он же оставляет подробное описание единственной контратаки антиохийцев, стремившихся выбить войска Сулеймана из пределов города. «... я прибыл к воротам цитадели около полудня. Когда я пытался проникнуть в цитадель, я увидел, как ее покидает группа мужей города, ехавших верхом. С ними ехал и отряд тюрков из Хисн Арты, который они призвали на помощь. Горожане заплатили им много динаров, дабы те помогли им сразиться с врагом-Сулейманом.

⁵⁹⁸ Анна Комнина считает, что эту партию возглавил сын Филарета Варажнуни, возмущенный переходом отца в ислам и обратившийся за помощью к румскому султану. См. Анна Комнина. Указ. соч. — Книга VI, гл. 9, С. 190.

⁵⁹⁹ Ibn al-Athir. Histoire des Atabecs de Mosul // RHC Orient. II. — Paris, 1876. — P. 14—15.

⁶⁰⁰ Michel le Syrien. Op.cit. — Lib. XV, с. 4, P. 173.

⁶⁰¹ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 123, P. 187—188.

Галопом они (т. е. антиохийцы и прибывшие турки. — С. Б.) спустились вниз с горы. Но когда я, осторожно петляя, пытался пробраться в цитадель, я увидел, что они возвращаются, побежденные, спасаясь бегством от тюрок Сулеймана, которые их преследовали»⁶⁰². Далее Михаил описывает свое пребывание среди пленных жителей, обращение к молитвам свв. Варвары и Иоанна Дамаскина, и чудесное освобождение, когда до антиохийцев наконец-то дошла весть о том, что «Сулейман освободил пленных жителей города, чтобы каждый мог вернуться в свои дома в мире, без всякого страха»⁶⁰³.

Вскоре после падения Антиохии, вероятно — в 1085 г., Филарет Варажнун пошел на отчаянный шаг: не получая какой-либо поддержки из Константинополя, он сделал ставку на союз с великим сельджукским султаном Малик-шахом I, соперником завоевавшего Антиохию румского султана Сулеймана I. Причем Филарет пошел так далеко, что даже решился принять ислам. Византийские, армянские и сирийские хронисты единогласно осуждают Филарета за вероотступничество, при этом подчеркивая, что он перешел в ислам, будучи не в силах противостоять туркам и пытаясь оградить свои владения и их христианское население. Даже презиравший Филарета Матфей Эдесский отмечал, что он признал себя подданным сельджукского султана и принял ислам в надежде выпросить у Малик-шаха «благоволения и мира всем верующим во Христа»⁶⁰⁴. Однако подчинение Малик-шаху I не спасло государство Филарета от полного распада. В 1086 г. в Эдессе вспыхнуло восстание, в результате которого к власти пришел самопровозглашенный дука — армянин Варсам⁶⁰⁵. Это дало основание Малик-шаху I бросить на Эдессу сельджукские войска, которые весной 1087 г., после продолжительной осады, взяли город⁶⁰⁶.

⁶⁰² Portillo R.D. The Arabic Life of St. John of Damascus... — P. 171.

⁶⁰³ Portillo R.D. The Arabic Life of St. John of Damascus... — P. 171.

⁶⁰⁴ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 128, P. 195.

⁶⁰⁵ Наместник, поставленный в городе Филаретом, был, согласно хронике Матфея Эдесского, убит во время молитвы в церкви Св. Феодора. Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 128, P. 196. В.А. Арутюнова-Фиданян склонна видеть в данном перевороте восстание местной армянской аристократии, вождем которой был Варсам. См. Арутюнова-Фиданян, В.А. Византийские правители Эдессы... С. 149.

⁶⁰⁶ О сельджукской осаде и взятии Эдессы, см. Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 130, P. 197—199.

Филарету Эдессу уже не вернули. Тем более что последний в истории «великий domestik схол Востока» скончался в том же году или даже годом ранее (т. е. в 1086 г.) в своей последней столице — Мараше. Михаил Сириец утверждает, что по слухам «перед смертью он (т. е. Филарет. — С. Б.) вновь перешел в христианскую веру»⁶⁰⁷.

Сельджукские завоевания и христиане Леванта

Итак, со смертью Филарета и распадом его государства безоговорочное господство на Ближнем Востоке перешло к сельджукам. Поглощенный нормандским вторжением на Балканы (1081—1085 гг.), ромейский император Алексей I Комнин временно устранился от каких-либо решительных действий в Малой Азии, стянув все силы в Европу. Тюрки господствовали на всем пространстве от Никеи, Эфеса и Смирны до Антиохии, Дамаска и Иерусалима. Конечно же, среди победоносных тюркских племен не было единства. Первые три сельджукских султана — Тогрул-бек (1037—1063 гг.), Альп-Арслан (1063—1072 гг.) и Малик-шах I (1072—1092 гг.) держали различные тюркские рода в повиновении, в лоне единого Сельджукского султаната. Но уже при жизни Малик-шаха I ему посмел бросить вызов Сулейман I ибн Кутлумыш, создавший собственный, Румский султанат на землях покоренной Малой Азии. Со смертью Малик-шаха I (в 1092 г.) произошел окончательный распад огромного, завоеванного сельджуками ближневосточного пространства на различные, подконтрольные тюркским правителям эмираты и даже султанаты. Стремительное тюркское завоевание, сопровождавшееся междоусобными войнами и распадом единого государства Сельджукидов, в корне переменило расстановку сил на Ближнем Востоке.

К концу XI в. ни восточно-христианское, ни арабо-мусульманское население не успело еще свыкнуться с этими новыми, кочевыми правителями, не отошедшими еще от «угара завоевателей» и представлявшими столь резкий контраст с привычными византийскими или арабскими государями. По словам Михаила Сирийца, «когда тюрки воцарились в Сирии и Палестине, они причиняли много зла христианским паломникам в Иерусалиме. Они подвергали их избиениям,

⁶⁰⁷ Michel le Syrien. Op.cit. — Lib. XV, c. 4, P. 173.

грабили их, взимали джизью у городских врат, а также у самой Голгофы и в пределах Храма Гроба Господня»⁶⁰⁸. В Антиохии, согласно той же хронике Михаила Сирийца, тюрки «уничтожили большое количество горожан» и «превратили в мечеть большую церковь Кассиана (т. е. византийский кафедральный собор Св. Петра. — С. Б.)»⁶⁰⁹. Описания тюркских зверств и злоупотреблений в хронике Михаила Сирийца, в сочетании с сохранившимися латинскими описаниями и с приведенным выше отрывком из арабского «Жития Св. Иоанна...», позволяют нам с достаточным основанием говорить о том, что переход ближневосточных территорий к сельджукам действительно сопровождался страшными разорениями, опустошениями. Это отнюдь не перечеркивает того факта, что впоследствии сельджукские правители (Малик-шах I, Сулейман I ибн Кутлумыш, Яги-Сиан) проявляли милосердие к своим христианским подданным, пытались вернуть подвластные города в русло мирной жизни. Так, крайне показательным является пример султана Сулеймана I, позволившего христианскому населению Антиохии вернуться в свои дома и отпустившего пленников после трех предшествующих дней массовых убийств, грабежей и опустошений, чинимых его войсками.

Анализируя этот первый период сельджукских взаимоотношений с восточно-христианским миром, мы склонны категорически не соглашаться с утверждениями П. Виймара о том, что «ссылки на то, что турки плохо обращались с христианскими паломниками, притесняли их, едва ли будут звучать убедительно» и что «восточные христиане единогласно восхваляют достоинства» такого правителя, как Малик-шах I⁶¹⁰. Виймар отвергает латинские описания тюркских притеснений паломников в Иерусалиме, игнорируя то, что их под-

⁶⁰⁸ Michel le Syrien. Op.cit. — Lib. XV, c. 4, P. 182. Мы ссылаемся на Михаила Сирийца как на наиболее объективного из христианских хронистов, державшегося максимально нейтральных или даже подчас — дружественных позиций в своем отношении к мусульманам. Латинские авторы с особой (и вполне возможно, с нарочитой и преувеличенной) яркостью описывали сельджукские притеснения христиан на Востоке; см. Guillaume de Tug. Op.cit. — Lib. I, c. 8, P. 25—26; Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. I, c. 2—3, P. 2—5. Наиболее яркие и, бесспорно, преувеличенные описания тюркских издевательств над восточными христианами можно найти в знаменитом послании Алексея I Комнина к графу Роберу I Фландрскому; см. Hagenmeyer H., ed. Die Kreuzzugsbriefe aus den Jahren 1088—1100. — Innsbruck, 1901. — P. 15—44.

⁶⁰⁹ Michel le Syrien. Op.cit. — Lib. XV, c. 4, P. 173.

⁶¹⁰ Виймар П. Крестовые походы. Миф и реальность Священной войны... — С. 41—42.

тверждает такой объективный и значимый восточно-христианский автор, как Михаил Сириец, слова которого мы приводили выше. Говорить о том, чтобы «восточные христиане *единогласно* (курс. авт.) восхваляли» достоинства правления Малик-шаха I, также не совсем верно, тем более что Виймар ссылается лишь на одного Матфея Эдесского. Действительно, Матфей с похвальбой говорит о милосердии сельджукского султана, проявленном к населению покоренных городов, однако вряд ли эта характеристика может быть воспринята как восхваление *всего* его правления, тем более — от лица *всех* восточных христиан. Тот же Матфей Эдесский без всяких восхвалений пишет о тяжелой осаде Эдессы и опустошениях, произведенных в городе сельджукскими войсками, посланными Малик-шахом I в 1087 г.⁶¹¹

Невзирая на фактически безграничное господство сельджуков, на Ближнем Востоке сохранились и небольшие очаги христианского господства. Единственным, собственно, *византийским* оплотом на Ближнем Востоке, покорным и подконтрольным ромейскому василевсу, был Кипр. В континентальном Леванте независимость от сельджуков смогли сохранить лишь некоторые армянские правители, принявшие власть над осколками распавшегося государства Филарета Варажнуни. Так, три крупных северо-сирийских города — Мараш, Мелитена и Эдесса, остались под властью армян-халкидонитов, бывших соратников Филарета, по-прежнему носивших византийские титулы и сохранявших символические связи с Ромейской державой. В Мелитене правил дука и протокуропалат Гавриил, поставленный там Филаретом Варажнуни. Мараш был первоначально оплотом и местом смерти самого Филарета, затем находился под властью его сыновей и, не позднее 1100 г., перешел к еще одному армянину-халкидониту — «архонту архонтов» Татулу. Наконец, в Эдессе правил Торос Хетумид, восстановивший христианское правление в 1094 г. и получивший впоследствии от ромейского василевса титул куропалата. Нельзя не отметить, что самым южным христианским (и, собственно, византийским) форпостом в Сирии до зимы 1081 г. оставался Шейзар. Лишь в декабре 1081 г. город был сдан арабскому эмиру, предводителю племени Бену Мункыз, Али ибн Мункызу. Причем последним византийским правителем города, сдавшим его на почетных условиях, был мелькитский епископ Шейзара. Михаил Сириец

⁶¹¹ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 130, P. 197—199.

упоминает о том, что в 1081 г. «муж по имени Али, сын Мункыза (...) взял Шейзар у епископа, который держал город от имени ромеев»⁶¹². Между тем, высокогорья Тавра и Аманоса стали оплотом для независимых армянских князей-миафизитов: Рубена I и его сына Константина I Рубенида, правивших в центральной и восточной части Таврского высокогорья, Гох Васила — державшего под своей властью Рабан и Кайсун (т. н. «княжество Евфратес»), Ошина Хетумида — утвердившегося в западной части нагорной Киликии, близ его родовой крепости Лампрон.

Итак — пласт античного и византийского архитектурного наследия; многочисленные византийские храмы и монастыри; обширные анклавы и городские кварталы, населенные византийскими, православными христианами; наконец, обширные территории, едва выпавшие из-под власти Ромейской державы... Все это позволяет нам говорить о Сирии конца XI в. по крайней мере в некоторой степени как о византийском пространстве, причем пространстве крайне нестабильном, не успевшем еще восстановиться после весьма турбулентного перехода от ромеев к сельджукам.

*Латинские христиане на византийском Востоке
до начала крестовых походов*

Завершая обозрение событий, предшествовавших эпохе крестовых походов, нельзя не отметить, что из всех регионов Ближнего Востока византийская Сирия была, пожалуй, в наилучшей степени подготовлена к установлению контактов между местным населением и «франками». Колонны и отдельные группы западных паломников регулярно проходили через имперские земли на пути в Иерусалим. Важнейшим пунктом на их пути оставалась Антиохия и окружавшие ее монастыри. Так, в XI в. Антиохию, во время своего паломничества,

⁶¹² Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XV, c. 5, P. 178. Михаил Сириец не говорит точно о том, был ли епископ мелькитом, однако невозможно представить, чтобы ромеи доверили наместничество в городе сиро-яковитскому иерарху. В Шейзаре находилась действующая епископская кафедра («кафедра Лариссы»), и вероятно, что мелькитский архиерей оставался последним представителем ромейской власти в городе. К подобной версии склоняется, в частности, П.-К. Тодт. См. Todt K.-P. Region und griechisch-orthodoxes Patriarchat von Antiocheia... P. 426.

не могли не посетить граф Анжу — Фульк III Черный⁶¹³ и отец Вильгельма Завоевателя — герцог Робер I Нормандский (1034—1035 гг.), т. к. многотысячные колонны паломников, которые вели эти северофранцузские феодалы, можно было провести лишь по приморскому пути, через византийскую Сирию и Антиохию⁶¹⁴. Ордрик Виталий, в своей «Церковной истории», приводит подробное описание паломничества основателя нормандского монастыря Св. Эвруля — аббата Теодориха (1056—1057 гг.), делавшего продолжительные остановки в Антиохии и близлежащей лавре Св. Симеона Дивногольца, и в итоге скончавшегося в одной из обителей Кипра⁶¹⁵.

С возвращением северного Леванта в лоно Ромейской империи, в портовых городах северной Сирии, в Антиохии и на Кипре стали оживленно торговать итальянские купцы, создававшие там госпитали и первые колонии. Первенство здесь принадлежало купцам и колонистам Амальфи, города, зависимого от Ромейской державы. Так, уже в период второго византийского правления (969—1084 гг.) один из центральных кварталов Антиохии получил название «квартала амальфитанцев»⁶¹⁶. В этом квартале располагались не только дома и торговые ряды, но и госпиталь амальфитанцев, предназначенный для приема прибывавших в Сирию итальянских паломников⁶¹⁷. Еще один госпиталь амальфитанцев был основан в Иерусалиме⁶¹⁸. Колонию амальфитанцев в Антиохии возглавлял особый викарий,

⁶¹³ Совершивший три паломничества в 1002, 1008 и 1038 гг. соответственно.

⁶¹⁴ В своей монографии, посвященной Фульку III Черному, французский историк Де Салье приводит ссылку на папскую переписку с византийским императором (фрагменты которой приведены в «Деяниях графов Анжуйских»), в которой говорится о поручении «мужам Антиохии» провести Фулька III и его паломников через «земли сарацин». См. De Salies A. Histoire de Foulques-Nerra, Comte d'Anjou. — Paris, 1874. — P. 13.

⁶¹⁵ Orderic Vitalis. Op.cit. — Vol. I, lib. III, c. 4, P. 419—420.

⁶¹⁶ Cahen C. La Syrie du Nord. — P. 130; Cahen C. Le commerce d'Amalfi dans le Proche-Orient musulman avant et après la Croisade // Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, Vol. 121. — 1977. — №. 2. — P. 294.

⁶¹⁷ Edgington S.B. Antioch: Medieval City of Culture // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. — Leuven, 2006. — P. 252.

⁶¹⁸ Cahen C. Le commerce d'Amalfi dans le Proche-Orient.... — P. 294. Кроме того, амальфитанцам принадлежал квартал в Константинополе, с церковью Св. Марии Латинской. Наконец, «монастырь амальфитанцев» существовал на Афоне вплоть до XIII в.

назначаемый и присылаемый из Амальфи. Однако благосостояние амальфитанцев в Антиохии и византийской Сирии стало постепенно сходить на нет, в особенности после подчинения Амальфи нормандцам (в 1073 г.) и выступления амальфитанских кораблей на стороне Робера Гвискара во время нормандского вторжения на Балканы (в 1081—1085 гг.). По словам Лорана: «Эта политика правителей Амальфи стоила городу его коммерческого процветания в греческих водах. Император (Алексей I Комнин. — С. Б.) отменил коммерческие привилегии Амальфи, как враждебного города, предоставив новые привилегии венецианцам, защищавшим империю от атаковавших ее нормандцев. Купцы Амальфи, пребывавшие на греческих землях, отныне должны были платить дань Венеции»⁶¹⁹. Хотя присутствие и процветание венецианцев в Антиохии наметилось еще до войны с нормандцами, т. е. до 1081 г. К примеру, уже на исходе 70-х гг. XI в. венецианские купцы смогли выкупить и вывести из Антиохии содержавшегося там пленного сербского королевича Константина Бодина⁶²⁰. Не стоит забывать и об истории перенесения мощей Св. Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Бари (в 1087 г.), т. к. итальянские купцы спасшие/похитившие⁶²¹ мощи святителя, изначально направлялись для торговли в Антиохию⁶²². Последнее доказывает, что итальянская торговля в Антиохии не пресеклась даже с сельджукским завоеванием; купцы и моряки из Венеции, Амальфи, Бари продолжали посещать город уже после его перехода к тюркским правителям.

«Латиняне» на землях византийской Сирии были представлены не только проходившими колоннами западных паломников или прибывавшими итальянскими купцами. На протяжении полувека, предшествующего Первому крестовому походу, контингенты франко-нормандских наемников, поступавших на службу к ромейским василевсам, стояли в ближневосточных провинциях империи, в том числе

⁶¹⁹ Laurent M.J. Byzance et Antioche... P. 69.

⁶²⁰ Bouchier E.S. A Short History of Antioch... P. 228; Успенский Ф.И. История Византийской империи.... Т. 4., С. 115.

⁶²¹ На этот счет даже в Православной Церкви не существует единого мнения. Так, в русских церквях праздник перенесения мощей Св. Николая в Бари (9 мая) с благоговением отмечается, по крайней мере, с конца XI в., в то время как в греческих церквях это событие воспринимается исключительно как похищение мощей святителя.

⁶²² Orderic Vitalis. Op.cit. — Vol. II, lib. VII, c. 12, P. 384—395.

в Антиохии и Эдессе. С началом нормандского «освоения» и завоевания Южной Италии (1017—1071 гг.) ромеи постоянно прибегала к найму выходцев из французских или лангобардских земель, многие из которых первоначально воевали против империи под знаменами нормандских государей, а затем переходили на службу к василевсу. Так, прославленный французский рыцарь и искатель приключений Руссель де Баёлль, о котором подробнее будет сказано ниже, прежде чем перейти на службу к империи, воевал против ромеев и сицилийских арабов под знаменами Робера Гвискара и его брата — Рожера I Сицилийского, прославившись в битве при Черами (1063 г.)⁶²³. Другой известный глава франко-нормандских наемников — Робер Креспин также первоначально воевал против ромеев в Италии и, по словам Михаила Пселла, «сначала был врагом ромеев, а потом переменялся и уже, казалось, любил нас не меньше, чем раньше ненавидел»⁶²⁴. Первые упоминания о присутствии франкской наемной кавалерии на восточных рубежах державы ромеев относятся ко времени правления императора Михаила VI Стратиготика (1056—1057 гг.)⁶²⁵. Матфей Эдесский вспоминал о том, что в 1065 г. в его родной Эдессе стоял контингент из 200 франков⁶²⁶. Коптский диакон Мавхуб ибн Мансур ибн Муффариг, в «Истории Александрийских патриархов», упоминает о том, что у дуки Эдессы — Василия Апокапа, находилась, среди прочих войск и ополчения «1,000 латинян»⁶²⁷. Другие франко-нормандские отряды стояли в Антиохии, Мелитене, Трапезунде, оберегая византийские владения в Сирии, восточной Анатолии и Армении.

В 1060—1070-х гг. франко-нормандские наемники, под командованием Робера Креспина и Русселя де Баёлля, принимали активное участие в восточных кампаниях императора Романа IV Диогена и в последующих гражданских войнах, раздиравших Византию. В составе армии

⁶²³ Gaufredo Malaterra. *De Rebus Gestis Rogerii Calabriae et Siciliae Comititis et Roberti Guiscardis Ducis fratris eius* // *Rerum Italicarum Scriptores V.* — Bologna, 1927. — Lib. II, c. 33.

⁶²⁴ Михаил Пселл. Указ. соч. — С. 186.

⁶²⁵ Первым известным командиром франко-нормандских наемников был некий Эрве Франкопул, возглавлявший франкские контингенты в Южной Италии, на Дунае, а затем — в Армении, где он поднял восстание против императора Михаила VI. Подробнее см. Gravett C., Nicolle D. *The Normans.* — Oxford, 2006. — с. 'The Normans in the East', P. 61—65.

⁶²⁶ Mathieu D'Edesse. *Op.cit.* — P. 130.

⁶²⁷ Atiya A.S., 'Abd al-Masih Y., Burmester O.H. E., ed. & trans. *History of the patriarchs...* — P. 305.

Романа IV Диогена во время восточного похода 1071 г., завершившегося битвой при Манцикерте, находилось около 500 франкских наемников, под общим командованием Русселя де Баёлля⁶²⁸. В 1072 г., во время гражданской войны между императорами Романом IV Диогеном и Михаилом VII Дукой, исход генерального сражения, развернувшегося на полях равнинной Киликии, был решен атакой франко-нормандцев Робера Креспина, выступившего на стороне Дук и сломившего сопротивление армии Диогена. Согласно описанию Михаила Пселла, Креспин, «увидев построившееся вражеское войско, возбудил в себе мужество и, предупредив Андроника (двоюродного брата Михаила VII Дуки, командовавшего его армией. — С. Б.), что ударит по коннице, помчался во весь опор, увлекая за собой своих людей, врзался в гущу врагов, рассек их строй, а когда после короткого сопротивления неприятель повернул назад, с несколькими воинами бросился за бегущими, многих убил, а многих взял в плен живыми»⁶²⁹. Но если Робер Креспин оставался покорным ромейскому василевсу, то Руссель де Баёлль вскоре после свержения Диогена (ок. 1074 г.) поднял мятеж и совершил первую в истории попытку основать франкское государство на восточных землях империи. Руссель и верные ему франки захватили несколько городов в Галатии, Ликаонии, Вифинии, и нанесли сокрушительное поражение императорской армии, выступившей под командованием кесаря Иоанна Дуки и его сына Андроника⁶³⁰. Лишь в 1076 г. мятеж Русселя был подавлен ромейскими войсками молодого стратига Алексея Комнина, заключившего союз с тюрками эмира Тутуша. Около 1071 г. еще один контингент из 8,000 франко-нормандских наемников, под командованием некоего Раймбо, обосновался южнее, в византийской Сирии, где перешел на службу к Филарету Варажнуни⁶³¹. Эти франки составили костяк армии

⁶²⁸ Воины Русселя не участвовали в битве при Манцикерте, т. к. были отосланы василевсом к городу Хилат, где были втянуты в параллельное сражение с наступающими тюрками. См. Хелдон Д. Указ. соч. — С. 395—412.

⁶²⁹ Михаил Пселл. Указ. соч. — С. 186.

⁶³⁰ Битва на реке Сангарий подробно описана Никифором Вриеннием. Императорская армия кесаря Иоанна, фактически распалась, когда франкские наемники кесаря перешли под знамена Русселя, а ромейский арьергард, под командованием Никифора Вотаниата, без боя покинул сражение. Сам кесарь Иоанн и его израненный сын Андроник (лишь недавно сражавшийся бок о бок с франками Робера Креспина) были взяты в плен Русселем. См. Никифор Вриенний. Указ. соч. — Книга II, гл. 14—15, С. 260—262.

⁶³¹ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — P. 174—175.

Филарета, опираясь на который, он удерживал подвластные ему сирийские земли, отбивая атаки тюрок-сельджуков и непокорных армян-миафизитов. Если же принять во внимание, что государство Филарета пало всего за 10—13 лет до начала Первого крестового похода, то можно с уверенностью утверждать, что когда первые крестоносцы достигли Леванта, они встретили там поколение христиан и мусульман, которое уже обладало опытом общения с франко-нормандским рыцарством, латинскими пилигримами и итальянскими купцами. Так, в 1097 г., когда северный Левант был заселен поколениями восточных христиан, уже подготовленные к встрече и взаимодействию с «франками», на земли Сирии и Киликии вступили принявшие крест участники великого «вооруженного паломничества», провозглашенного Папой Урбаном II на соборе в далеком французском Клермоне.

Часть вторая

*Франкская Сирия
и империя Комнинов*

Глава I

От паломничества к завоеванию. Первый крестовый поход и становление франкских государств заморской земли

I. Вооруженное паломничество: путь крестоносцев от Франции и Италии до рубежей Леванта

Папа Урбан II и провозглашение Первого крестового похода

Когда речь заходит об истории Первого крестового похода и его значении для христианского Востока, всегда следует начинать с того, что в задачи этого великого, инициированного Апостольским престолом предприятия не входило ни учреждение латинских патриархатов в Антиохии или Иерусалиме, ни создание франкских государств на территориях, принадлежавших Ромейской державе. Ни в одном из пяти, составленных в XII в. переложений Клермонской проповеди нет даже намек на призыв Папы Урбана II к созданию латинских княжеств на землях византийской Сирии или Романии⁶³². Напротив, понтифик призывает чад Римской Церкви к паломничеству (*peregrinatio*), к «единственно-справедливой войне» с тюрками⁶³³,

⁶³² Пять версий, о которых идет речь, изложены в «Деяниях франков, освободивших Иерусалим» Фульхерия Шартрского, в «Деяниях Господа, явленных через франков» Гвиберта Ножанского, в «Иерусалимских историях» епископа Бодри Дейльского и Робера Монаха, а также в анонимных «Деяниях франков»; см. Fulcheri Carnotensis. *Op.cit.* — Lib. I, c. 3, P. 130—138; Guiberti Abbatis. *Gesta Dei per Francos* // RHC Occ. IV. — Paris, 1879. — Lib. II, c. 4, P. 137—140; Baldrici, *episcopi Dolensis. Historia Jerosolimitana* // RHC Occ. IV. — Paris, 1879. — Lib. I, c. 4, P. 12—15; Roberti Monachi. *Historia Iherosolimitana* // RHC Occ. III. — Paris, 1866. — Lib. I, c. 1—2, P. 727—729; Anonymi *Gesta Francorum...* — c. I, P. 103—105.

⁶³³ «singular bonum est» — слова Папы Урбана II о войне против сарацин, которая единственная, среди прочих, справедлива. См. Baldrici, *episcopi Dolensis. Op.cit.* — Lib. I, c. 4, P. 15.

коказанию помощи «братьям, живущим на Востоке» (*confratribus vestris in Orientali*)⁶³⁴. Искренность Урбана II в его стремлениях оказать поддержку ромеям не может вызывать сомнений.

Отличительной чертой понтификата Урбана II стало восстановление достаточно интенсивного, дружественного диалога с Византией. Как известно, XI в. стал веком разрыва отношений между Церквями Рима и Константинополя. Последний римский понтифик, поминаемый в диптихах Константинопольской Церкви, Иоанн XVIII отрекся от престола в июне 1009 г. В 1014 г., после включения Папой Бенедиктом VIII *filioque* в официальное богослужение Рима (при коронации императора Генриха II Святого в базилике Св. Петра), константинопольские патриархи отказывались вписывать имена римских понтификов в диптихи и поминать их на литургии (хотя в диптихи Нового Рима не было занесено и имя предшественника Папы Бенедикта VIII — Сергия IV). В этом отношении т. н. «Великая схизма 1054 г.» была не разрывом между Церквями, а лишь скандальным провалом единственной серьезной попытки восстановить евхаристическое общение между папой римским и константинопольским патриархом. При этом этот разрыв в отношениях двух предстоятелей отнюдь не осознавался еще как разрыв в евхаристическом общении между латинским и византийским христианством⁶³⁵. В 1081 г. первоначально исключительно церковный конфликт между Римом и Константинополем был выведен на новый уровень, после того как Папа Римский Григорий VII Гильдебранд фактически благословил вторжение нормандских армий Робера Гвискара в европейские провинции Ромейской державы⁶³⁶. Ответной мерой императора Алексея I Комнина стало закрытие латинских церквей в Константинополе. Как отме-

⁶³⁴ Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. I, c. 3, P. 132.

⁶³⁵ Подробнее о проблеме разделения Церквей будет сказано во второй части книги. См. также Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. — М.: Восточная литература РАН, 1998. — гл. 2—3, С. 34—63.

⁶³⁶ Гильдебранд поддерживал дружественную переписку с императором Михаилом VII Дукой, а после его свержения последовательно отлучал от Церкви последующих ромейских василевсов — Никифора III Вотаниата и Алексея I Комнина (хотя отлучение, наложенное римским понтификом уже не играло какой-либо роли для Византии и ее Церкви). Так, в послании к епископам Апулии и Калабрии, нормандское вторжение на Балканы названо Папой Григорием VII защитой законного императора Михаила. См. Caspar E. Das Register Gregors VII // MGN. — Berlin, 1923. — Vol. II, Lib. 8. №6, P. 523—524.

чал Рансимен: «Никогда еще отношения между христианским Западом и Востоком не пребывали в таком прохладном состоянии, как в 1085 г., в год смерти Григория»⁶³⁷. Преемник Папы Григория VII — Виктор II пребывал на престоле всего год (1086—1087 гг.), так что при нем не произошло каких либо изменений. И лишь с восшествием Одо де Шатильона (Урбана II) на кафедру Св. Петра (1087 г.), в отношениях между Римским престолом и Ромейской державой возобновился поиск диалога.

В сентябре 1089 г., на соборе в Мельфи, Урбан II снял отлучение с императора Алексея I Комнина, после чего направил в Константинополь посольство, во главе с епископом Реджо — Гильомом и Николаем, аббатом греческого монастыря Гроттаферрата. Император Алексей, в свою очередь, созвал в Константинополе синод (1090 г.) под председательством Вселенского Патриарха Николая III Грамматика. Собравшиеся архиереи, во главе с Вселенским Патриархом, признали, что имя Папы Римского было вычеркнуто из константинопольских диптихов «по небрежению» прежнего Патриарха Сергия II (1001—1019 гг.), а не в силу неких канонических мотивов. Также синод подтвердил право латинских церквей Константинополя (закрытых василевсом в 1081 г.) свободно совершать богослужение по собственному обряду⁶³⁸. Решения собора в Мельфи (1089 г.) и константинопольского синода (1090 г.) ознакомили резкие, положительные перемены в отношениях Рима и Константинополя. В последующие годы Урбан II продолжал поддерживать дружественную переписку с василевсом. В марте 1095 г. послы императора Алексея прибыли на собор Римской Церкви в Пьяченце, где передали понтифику просьбу о помощи против господствовавших в Малой Азии сельджуков⁶³⁹. Реакция Урбана II хорошо известна — проповедь понтифика на соборе в Клермоне, осенью того же года, положила начало эпохе крестовых походов. Вновь подчеркнем, что, исходя из всех пяти переломлений Клермонской проповеди, так и из предшествующих деяний Папы Урбана II, неиз-

⁶³⁷ Runciman S. A History of the Crusades. Vol. I. — Book II, c. 2, p. 100.

⁶³⁸ Текст постановления константинопольского синода и комментарии к нему, см. Holtzmann W. Die Unionsverhandlungen zwischen Kaiser Alexios I und Papst Urban II im Jahre 1089 // Byzantinische Zeitschrift, vol. 28. — Berlin, 1928.

⁶³⁹ О связях Папы Урбана II с Византией, см. Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... — c. 1, p. 3—9; Runciman S. The History of the Crusades. Vol I. — Book II, c. 2, p. 100—105.

бежно складывается ощущение, что провозглашенное «вооруженное паломничество» должно было стать именно примером братской помощи латинских христиан «братьям, живущим на Востоке», ознаменованием новой эпохи христианского единства.

Армии крестоносцев и их путь к Константинополю

Понтифик явно недооценил масштабы провозглашенного им движения. Помимо армии провансальских феодалов, собранной по благословению Урбана II и переданной под командование графа Раймонта Сен-Жильского и папского легата — епископа Адемара Монтейльского, в поход выступили еще три армии, принявшие крест в других регионах латинского (преимущественно — франкоязычного) Запада, без «особого приглашения» со стороны Апостольского престола. Речь идет, естественно, о лотарингской армии герцога Готфрида Бульонского, об итало-нормандцах, покинувших Сицилию и Южную Италию под командованием Боэмунда Тарентского, и о многочисленных контингентах из северной и центральной Франции, шедших под началом графа Этьена II Блуасского, герцога Робера II Нормандского, графов Робера II Фландрского и Гуго Вермандуа⁶⁴⁰. Не был принят во внимание и комплекс лингвистических и, самое главное, культурных различий между восточными и западными чадками «Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви». Мог ли ромейский василевс или даже римский понтифик требовать самоотверженной помощи и полного понимания со стороны изможденных долгими

⁶⁴⁰ Наиболее подробное описание сбора и перехода четырех армий Первого крестового похода через Европу (с многочисленными ссылками на первоисточники) можно найти в «Истории крестовых походов» Рансимена. См. Runciman S. A History of the Crusades. Vol. — P. 142—170. В приложениях к первому тому его «Истории...» можно найти и достаточно детальное исследование, посвященное предполагаемой численности контингентов первых крестоносцев. См. Ibid. — P. 336—341. Среди русскоязычных (или переведенных на русский язык) текстов, раскрывающих эту же тему, нельзя не указать на «Историю крестовых походов» Ф.И. Успенского, на знаменитую советскую монографию «Крестоносцы на Востоке» М.А. Заборова, на переведенную монографию П. Виймара «Крестовые походы...». См. Успенский Ф.И. Очерки по истории византийской образованности. История крестовых походов. — М.: Мысль, 2001. С. 329—335; Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. — М.: Наука, 1980. — С. 52—65; Виймар П. Указ. соч. — С. 48—58.

переходами латинских христиан, которые, со времен своего вступления в Южную Италию и на Балканы столкнулись с совершенно иными, православными «братьями», не разделявшими ни их языка, ни культуры, ни даже общего богослужения?

Этот комплекс противоречий привел к целой череде столкновений между «паломниками» и ромеями. В данном случае мы даже не будем говорить о недисциплинированных скопищах Петра Пустынника и Вальтера Голяка, это слишком далеко уведет нас от темы нашего исследования. Однако нельзя не сказать о том, что три из четырех армий Первого крестового похода вступали в открытые сражения с ромейскими войсками и имперскими наемниками-печенегам. Весной 1097 г. Готфрид Бульонский и его брат Бодуэн разорили окрестности Константинополя и даже пытались штурмом взять сам город. Апофеозом этих боев стал штурм стен у Влахернского дворца, в Великий четверг, и последующее сражение с контратаковавшими ромейскими войсками, в Страстную пятницу; оба столкновения закончились полным поражением крестоносцев, а на Пасху Готфрид, его братья и бароны принесли оммаж василевсу⁶⁴¹. Арьергард итало-нормандской армии Боэмунда Тарентского ввязался в полномасштабное сражение с императорскими наемниками-печенегам при переправе через реку Вардар; битва завершилась решительной атакой нормандских рыцарей (которых вел племянник Боэмунда — Танкред) и победой крестоносцев⁶⁴². Наконец, провансальская армия графа Раймонда Сен-Жильского дотла разорила византийский город Роццу, после чего вступила в кровопролитное сражение с ромеями близ Родосто, завершившееся поражением крестонос-

⁶⁴¹ Атаки армии Готфрида Бульонского на Константинополь подробно описаны Анны Комниной и Альбертом Аахенским. См. Анна Комнина. Указ. соч. — Книга X, гл. 9, С. 284—286; Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. II, с. 11—15, Р. 78—84. При этом Анна отмечает, что в Великий четверг, при штурме стен у Влахерн, император Алексей I Комнин велел ромейским лучникам, которыми командовал кесарь Никифор Вриенний (впоследствии — муж Анны Комниной), метить поверх голов латинян «отчасти, чтобы не нарушать святость дней (...), отчасти чтобы избежать братоубийственной бойни». См. Анна Комнина. Указ. соч. — С. 284.

⁶⁴² Битва на реке Вардар подробно описана Анонимным автором «Деяний франков» (вероятно — очевидцем и участником событий), а также нормандским автором Раулем Канским. См. Anonymi Gesta Francorum... с. IV, Р. 160—163; Radulfo Cadomensis. Op.cit. — с. 4—7, Р. 607—610.

цев⁶⁴³. Нельзя не отметить, что эти первые столкновения служили первым опытом «восточных» сражений и византийской дипломатии для тех участников крестового похода, которые впоследствии стали первыми франкскими государями в Сирии⁶⁴⁴.

**«Константинопольский оммаж»
и союз крестоносцев с империей**

Так или иначе, невзирая на открытые столкновения ромеев с крестоносцами и все последующие осложнения, стремления Папы Урбана II к укреплению братского союза католических христиан Востока и Запада, казалось бы, увенчались успехом. Эти устремления понтифика обрели явственное воплощение в том соглашении, которое вожди Первого крестового похода заключили с императором Алексеем I Комниным в Константинополе, прежде чем пересечь Босфор. К концу весны 1097 г. все вожди Первого крестового похода принесли оммаж василевсу ромеев, обязуясь возвратить ему все отвоеванные города и земли, принадлежавшие империи до сельджукских завоеваний⁶⁴⁵. Анна Комнина оставила подробное описание клятвы герцога

⁶⁴³ О разорении Роццы и битвы у Родосто пишет участник этих событий, провансальский каноник Раймонд Ажилльский. См. Raimundi Aguilers. Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem // RHC Occ. III. — Paris, 1866. — с. 2, Р. 237—238.

⁶⁴⁴ В боях под Константинополем себя проявил Бодуэн Булоньский — младший брат Готфрида, основатель графства Эдесского и первый король Иерусалима. В это же самое время Бодуэн де Бург (впоследствии — второй граф Эдессы и король Иерусалима, регент княжества Антиохийского) участвовал в двух посольствах Готфрида к василевсу. См. Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. II, с. 11—15, Р. 78—84. Битва на реке Вардар стала первым полководческим опытом Танкреда (князя Галилеи, второго князя Антиохийского и регента графства Эдесского). См. Anonymi Gesta Francorum... с. IV, Р. 160—163. В битвах у Роццы и Родосто провансальских крестоносцев в бой вели будущие основатели графства Триполи — Раймонд Сен-Жильский и Гильом-Жордан.

⁶⁴⁵ Об оммаже Готфрида, см. Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. II, с. 16—17, Р. 84—88; Анна Комнина. Указ. соч. — Книга X, гл. 10, С. 287—289. Об оммаже Боэмунда, см. Radulfo Cadomensi. Op.cit. — с. 10—11, Р. 612—613; Анна Комнина. Указ. соч. — Книга X, гл. 11, С. 289—292. Также переговорам Боэмунда и Алексея I Комнина посвящено исследование Дж. Шепарда, см. Shepard J. When Greek meets Greek: Alexius Comnenus and Bohemund in 1097—1098 // Byzantine and Modern Greek Studies. — 1988. — №12. Об оммаже графа Раймонда Сен-Жильского, см. Raimundi Aguilers. Op.cit. — с. 2, Р. 238; Анна Комнина. Указ. соч. — Книга X, гл. 11, С. 292—293. Графы Гуго Вермандуа, Робер Фландрский, Этьен Блуасский и герцог

Готфрида Бульонского, что позволяет нам составить представление об обязательствах вождей крестового похода перед империей. По словам Анны, Готфрид поклялся в том, что «все города и земли, а также крепости, которыми он овладеет и которые прежде принадлежали Ромейской империи, он передаст под начало того, кто будет назначен императором»⁶⁴⁶. Аналогичные клятвы, во время череды торжественных церемоний в Большом императорском дворце и Влахернах принесли и другие предводители крестоносного войска. И несмотря на то, что многие крестоносцы роптали на это соглашение⁶⁴⁷, оно вполне соответствовало курсу, намеченному Папой Урбаном II⁶⁴⁸, и принесло значительные выгоды как крестоносцам, так и империи. Ромейская держава оказала полномасштабную военную и экономическую поддержку «вооруженному паломничеству».

Армию крестоносцев, во время перехода через Малую Азию, сопровождал контингент ромейских войск под командованием одного из ближайших соратников Алексея I Комнина, протопроедра

Робер Нормандский приносили оммаж василевсу, по мере своего прибытия в Константинополь (осенью 1096-весной 1097 гг.). Оммажу вождей Первого крестового похода посвящена шестая глава анонимных «Деяний франков» и девятая глава первой книги Фульхерия Шартрского. См. *Anonymi Gesta Francorum...* с. VI, Р. 168—175; *Fulcheri Carnotensis. Op.cit.* — Lib. I, с. 9, Р. 178—179. Хорошо известна история о том, как племянники Боэмунда — Танкред и Ричард Салернский тайно покинули Константинополь, отказавшись приносить оммаж василевсу. При повторной церемонии оммажа, в мае 1097 г., в лагере близ Никеи, Танкред вновь дерзко отказался приносить оммаж василевсу, после чего ввязался в драку с одним из полководцев империи, Георгием Палеологом. Тем не менее, в этот период, Танкред не играл еще ведущей роли среди крестоносцев и был лишь одним из баронов итало-нормандского контингента и спутником своего дяди — Боэмунда. См. *Anonymi Gesta Francorum...* с. VII, Р. 175; *Radulfo Cadomensis. Op.cit.* — с. 12, Р. 613; Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XI, гл. 3, С. 299.

⁶⁴⁶ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга X, гл. 10, С. 287.

⁶⁴⁷ Анонимный автор «Деяний франков» явно стыдится этого франко-византийского договора, восклицая: «Рыцари столь храбрые и непоколебимые! Почему же они пошли на такое? В силу крайней необходимости, ибо они были скованы нуждой. Император же клятвенно обещал обеспечить нашу безопасность». См. *Anonymi Gesta Francorum...* с. VI, Р. 172—173.

⁶⁴⁸ Стоит отметить, что соглашение не могло быть достигнуто без согласия старшего пастыря крестоносного войска — папского легата Адемара Монтейльского. Очевидно, что епископ Адемар не возражал против союза с Византией, т. к. оно прямо соответствовало намерениям Папы Урбана II. См. *Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States...* — с. 1, Р. 7.

Татикия⁶⁴⁹. Ромейский флот поставлял крестоносцам провиант, что было с благодарностью отмечено даже известным своими антивизантийскими настроениями Раулем Канским: «Сирия, Киликия, Родос, необычайно богатый Кипр, некоторые острова и некоторые царства помогали армии. Однако этого было явно недостаточно, несмотря на то, что Хиос, Самос, Крит, Митилена и бесчисленные прочие острова, менее прославленные, прилагали свои усилия. Герольд императора Алексея (т. е. Татикий. — С. Б.) находился там же, призывая народы доставлять зерно по суше и по морю»⁶⁵⁰. Во время марша армии крестоносцев через Анатолию, Византия открыла «второй фронт» против сельджуков, отвоевав города и острова вдоль западного побережья Малой Азии. В ходе этой кампании ромей, под командованием императора Алексея I Комнина и кесаря Иоанна Дуки, отвоевали Эфес, Смирну, Сарды, Филадельфию, Родос, Хиос, Самос, более чем на столетие отбросив тюрков от выхода к Средиземному морю⁶⁵¹. Завершив операции в Малой Азии, василевс должен был вести свою армию в Сирию, на соединение с войсками «вооруженных паломников».

Восприятие войн с тюрками в 1097—1098 гг. как общей борьбы ромеев и крестоносцев, во многом утраченное в западных хрониках и в

⁶⁴⁹ Татикий был пленным и (если верить латинским источникам) изуродованным, безносым тюркским мальчиком, которого, вместе с его отцом, из сострадания выкупил и взял в дом отец будущего ромейского василевса, Иоанн Комнин. Согласно Анне Комниной, Татикий был ровесником Алексея Комнина, с которым вместе воспитывался. После восшествия императора Алексея I Комнина на престол ромейской державы, Татикий оставался одним из верных соратников и полководцев нового василевса, принимая активное участие в кампаниях на Балканах и в Малой Азии. О близости Татикия и Алексея I Комнина, см. Анна Комнина. Указ. соч. — С. 145, 383. Мы не знаем точной численности контингента Татикия. Анна Комнина упоминает о том, что при осаде Никеи (май 1097 г.), под началом Татикия находилось 2,000 пельтастов. Ibid. — Книга XI, гл. 2, С. 296. Это дает нам основание предположить, что сходный отряд Татикий впоследствии повел с крестоносцами через Анатолию. Так или иначе, Татикий должен был иметь под своим началом достаточные силы (от нескольких сотен до 2,000 воинов), т. к. василевс возложил на него не только представительские функции, но требовал, чтобы тот «во всем помогал латинянам, делил с ними опасности и принимал, если Бог это пошлет, взятые города». См. Ibid. — Книга XI, гл. 3, С. 299.

⁶⁵⁰ Radulfo Cadomensi. Op.cit. — с. 54, P. 647.

⁶⁵¹ Единственное подробное описание этих кампаний можно найти в «Алексиаде». См. Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XI, гл. 5, С. 302—304. Тюрки вернуться на побережье Средиземного моря лишь в 1207 г., когда румский султан Кей-Хосров I отвоюет у ромеев Анталию и окружающие ее прибрежные земли.

позднейшей литературе, четко прослеживается у некоторых восточных авторов XI–XII вв. Причем речь идет не только об Анне Комниной, которая, естественно, подробно пишет о походах василевса и кесаря Иоанна Дуки в Малой Азии; о кампаниях 1097–1098 гг. как о великом походе «армий румов и франков» пишет коптский автор «Истории Александрийских патриархов»⁶⁵². Крестоносцы, получавшие военную и экономическую поддержку империи, в свою очередь, неукоснительно соблюдали условия константинопольского оммажа, передавая представителям василевса все освобожденные города от Никеи до сирийского Мараша.

II. Первый крестовый поход и христиане Востока

Восточно-христианские восстания в Сирии, Киликии и Палестине (1097–1099). Роль «греков, сириан и армян» в продвижении и утверждении франков на Востоке

Осенью 1097 г. армия Первого крестового похода вышла к рубежам Леванта. Как уже было сказано в первой главе, обширные территории Ближнего Востока — от равнинной Киликии и юго-восточной Анатолии до сирийских и месопотамских земель, до самой Палестины — вот уже несколько лет находились во власти сельджуков. В то же самое время, в горах Тавра и Аманоса и в некоторых северо-сирийских городах, подвластных армянским князьям, сохранялись еще отдельные очаги христианского господства. И вновь необходимо отметить, что христианское население бывших византийских провинций совершенно еще не успело сжиться со своими новыми, тюркскими правителями, погрязшими, после смерти султана Малик-шаха I (1092 г.), в междоусобных войнах и разорительных набегах на города соперников. Совершенно очевидно, что христианское население Леванта охотно сменило бы господство неумеренных тюркских атабеков и эмиров на привычное византийское правление или на власть полунезависимых армянских князей. Появление крестоносцев, казалось бы, неожиданно предоставило сирийским и киликийским христианам эту, казавшуюся несбыточной, возможность.

⁶⁵² Atiya A.S., 'Abd al-Masih Y., Burmester O.H. E., ed. & trans. History of the patriarchs... — P. 305.

По мере продвижения войск Первого крестового похода, на землях Киликии и северной Сирии вспыхивали восстания восточно-христианского населения, направленные против сельджуков. По словам Рауля Канского, вступление крестоносцев в Киликию обернулось «позором для турок, ликованием для греков, поддержкой для армян и поводом для восхищения всего мира»⁶⁵³. Поддержку крестоносцам оказывали как независимые армянские князья (Ошин Хетумид, Константин I Рубенид), спустившиеся с гор со своими войсками, так и покорившиеся сельджукам «мирные» греки, армяне и сирийцы-мелькиты⁶⁵⁴. Христиане, населявшие долины Киликии и Сирии, вырезали тех тюрок и арабов, которые не успевали укрыться в Антиохии или Алеппо. Согласно Ибн аль-Каланиси, те сирийские христиане, «кто находился в крепостях и фортах поблизости от Антиохии, восстали и перебили гарнизоны. Лишь немногим удалось при этом спастись»⁶⁵⁵. Сходные описания можно найти в хрониках Кемаль ад-Дина, Ибн аль-Асира и Абу аль-Феды⁶⁵⁶. Из-за восстаний восточно-христианского населения, сельджуки фактически без боя вынуждены были отступить перед сравнительно малочисленными авангардными отрядами крестоносцев, очистив равнинную Киликию (с Тарсом и Мамистрой), перевалы Аманоса и сирийские земли севернее Антиохии, благодаря чему во власти христиан вновь оказались Мараш, Александретта, Баграс, Арта и гавань Св. Симеона. К примеру, итало-нормандский отряд Танкреда, насчитывавший не более 100 рыцарей и 200 сержантов⁶⁵⁷, за несколько недель прошел всю Киликийскую равнину, вошел в Сирию, отбил у сельджуков портовую

⁶⁵³ Radulfo Cadomensi. Op.cit. — с. 34, Р. 630.

⁶⁵⁴ Рауль Канский упоминает о том, как армянский князь «Урсин», т. е. Ошин Хетумид отвоевал у тюрок Адану (сентябрь 1097 г.), где он принимал Танкреда. См. Radulfo Cadomensi. Op.cit. — с. 40, Р. 634. Смбагт Спарамет говорит о том, что князь Константин I Рубенид направлял франкам послания, призывая их в Киликию; см. Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... Р. 49. Матфей Эдесский, в свою очередь, пишет о том, что Константин I Рубенид в период осады Антиохии (1097—1098 гг.), совместно с другими армянскими князьями, посылал крестоносцам провиант. См. Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 151, Р. 217.

⁶⁵⁵ Гибб Г. Указ. соч.... С. 33.

⁶⁵⁶ Kemal ad-Din. Op.cit. — Р. 578—579; Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh. — Р. 192; Abu'l Feda. — Р. 3.

⁶⁵⁷ Radulfo Cadomensi. Op.cit. — с. 33, Р. 630.

Александретту и взял замок Баграс, контролировавший важнейший стратегический перевал Аль-Балан («Сирийские врата»)⁶⁵⁸. Подобное продвижение не может быть объяснено исключительно доблестью первых крестоносцев, особенно если вспомнить, как вязли и погибали во время перехода через Малую Азию гораздо более многочисленные армии «арьергардного» (1101 г.) и Второго крестового походов (1147—1148 гг.), не встречавшие какой-либо поддержки со стороны местного населения.

Между тем, в период Первого крестового похода, по мере продвижения «вооруженных паломников» из Анатолии в Сирию и Киликию, к франкам переходили не только сельские поселения и отдельные крепости, но и целые города, жители которых вырезали тюрок и открывали городские ворота. Так было в анатолийском Коксоне, городе к северо-западу от Мараша, у истоков Пирама⁶⁵⁹; так было и в сирийской Арте, армянское население которой вырезало сельджукский гарнизон и открыло ворота перед наступавшими крестоносцами⁶⁶⁰. К октябрю 1097 г. главные силы Первого крестового похода встали лагерем у Антиохии, а передовые отряды провансальских крестоносцев, под командованием Петра де Роа, опираясь на поддержку местного армянского и сирийского населения, совершали дальние набеги вдоль течения Оронта, захватив город Ругию (находившуюся более чем в двадцати километрах к юго-востоку от Антиохии)⁶⁶¹. В февра-

⁶⁵⁸ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. III, c. 26, P. 180.

⁶⁵⁹ Согласно анонимному автору «Деяний франков»: «Мы подошли к городу Коксон, в котором находились величайшие запасы всевозможного провианта, столь нам необходимого. Христиане, населявшие город, немедленно сдали его, призвав нас, и на протяжении трех дней мы там оставались, благоденствуя и восстанавливая силы». См. Anonymi Gesta Francorum... P. 230—231.

⁶⁶⁰ Яркое описание восстания в Арте оставил Альберт Аахенский, по словам которого, армяне Арты, узнав о приближении крестоносцев «припомнили все злодеяния, содеянные турками: насилие над их женами и дочерьми (...) взимание незаконных податей. Теперь же, рассчитывая на прибытие и помощь своих братьев христиан, они атаковали тюрок и убивали их лезвием меча; они отрубали головы и бросали их из окон и со стен, и, открыв ворота своим христианским братьям (т. е. отряду Робера Фландрского. — С. Б.), они обеспечили им безопасный вход, устроив резню язычников и выбрасывая тела убитых». См. Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. III, c. 28, P. 184. Упоминания о восстании в Арте можно найти и в арабских хрониках, см. Kemal ad-Din. Op.cit. — P. 578; Гибб Г. Указ. соч.... С. 33.

⁶⁶¹ Anonymi Gesta Francorum... P. 233—234.

ле 1098 г., после победы крестоносцев над аскаром эмира Рывдвана Алеппского в битве у Железного Моста⁶⁶², населявшие окрестности Антиохийского озера «армяне, сирийцы и греки, услышав о бедствии, постигшем турок, последовали за ними и, устраивая засады, убивали и захватывали в плен множество отступавших»⁶⁶³.

Восстания среди христиан Сирии и Киликии вынудили сельджукского эмира Антиохии Яги-Сиана ввести ряд жестких репрессий в отношении подвластных ему восточных христиан. Часть мужского населения Антиохии, из числа греков, армян и мелькитов, была изгнана за пределы городских стен. Об этом подробно пишет Ибн аль-Асир, по словам которого: «Когда Яги-Сиан ... прослышал об их приближении к городу (т. е. о наступлении крестоносцев. — С. Б.), он не был уверен в том, как поведет себя христианское население, поэтому он приказал мусульманам отправиться за город и копать рвы, а на следующий день отправил туда христиан с приказом завершить работу. Когда, в конце дня, они были готовы вернуться в город, он отказался их впускать. Обратившись к ним, он сказал: „Антиохия ваша, но вы должны оставить ее мне, до того, как я увижу, что произойдет между нами и франками“. Они, в свою очередь, обратились к нему со словами: „Кто же защитит наших жен и детей?“. Он же ответил: „Я присмотрю за ними для вас“. Так они, предоставленные собственной судьбе, жили в лагере франков на протяжении девяти месяцев, пока город не был взят»⁶⁶⁴. При этом, Ибн аль-Асир восхваляет добродетели Яги-Сиана, отмечая, что эмир «защищал семьи тех христиан, которых выслал из города, удерживая жадные руки, посягавшие на них»⁶⁶⁵. В то же самое время у нас есть серьезные сомнения, насчет того, что Яги-Сиан до конца осады оставался столь же толерантным к своим восточно-христианским подданным. Из «Иерусалимской истории» Альберта Аахенского мы знаем о том, что православный Антиохийский Патриарх Иоанн Оксит, по приказу эмира, подвергся показательным мучениям на стенах города. По словам Альберта, писавшего со слов возвращавшихся в Европу участников крестового похода: «там был Патриарх этого града, муж христианской веры. В

⁶⁶² Железный Мост был главной укрепленной переправой через Оронт близ Антиохии и одним из важнейших укреплений на дальних подступах к городу.

⁶⁶³ Petri Tudebodi. Historia de Hierosolymitano itinere // RHC Occ. III. — Paris, 1866. — P. 44.

⁶⁶⁴ Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh. — P. 192.

⁶⁶⁵ Ibid.

те времена, когда город все еще был осажден христианами, тюрки часто свешивали его со стен на веревках, на виду у всех, для наибольшего мучения христиан»⁶⁶⁶. Кафедральный собор Св. Апостола Петра был осквернен, престолы низвергнуты, фрески и мозаики были замазаны известью, у святых образов были выколоты глаза⁶⁶⁷. Репрессии, введенные Яги-Сианом, имели плачевные последствия для сельджукского правления в Антиохии. Город пал благодаря предательству христианина — армянского оружейника Фируза⁶⁶⁸. Как писал в «Продолжении Дамасской хроники» Ибн аль-Каланиси, «несколько оружейников из свиты Яги-Сиана вступили в заговор с франками с целью сдать им Антиохию. Это было вызвано несправедливостью правления и конфискациями, которые они претерпели от своего правителя»⁶⁶⁹. Примечательно, что и другой арабский хронист, Кемаль ад-Дин, в «Алеппской хронике», откровенно говорит о том, что христианские восстания 1097—1098 гг. стали «следствием неумеренности и тирании Яги-Сиана»⁶⁷⁰.

Вступив в тайные сношения с предводителем итало-нормандских крестоносцев — Боэмундом Тарентским, Фируз (в ночь с 3 на 4 июня 1098 г.) сдал крестоносцам доверенное ему укрепление — Башню двух сестер, расположенную на южных стенах Антиохии. Когда войска Боэмунда вошли в башню и выбили тюрков с южных стен, в городе началось восстание восточно-христианского населения, протекавшее параллельно со входом армии крестоносцев. Как повествует на страницах своей «Иерусалимской истории» Альберт Аахенский, «В то время как турок

⁶⁶⁶ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. V, c. 1, P. 338.

⁶⁶⁷ Ibid.

⁶⁶⁸ О личности Фируза известно не так уж и много. Анна Комнина и Рауль Канский (источники, безусловно, надежные) называют его армянином. См. Radulfo Cadomensis. Op.cit. — с. 62, P. 651—652; Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XI, гл. 4, С. 300. Упоминания Раймонда Ажилльского и Анонимного автора «Деяний» о том, что этот человек был турком, дает основание предположить, что Фируз принял ислам в годы сельджукского правления. См. Raimundi Aguilers. Op.cit. — с. 8, P. 252; Anonymi Gesta Francorum... с. 20, P. 293. Подобное объяснение кажется вполне обоснованным, тем более что Яги-Сиан вряд ли доверил бы начальство над одним из укреплений христианину. Кемаль ад-Дин называет Фируза «изготовителем кирас»; см. Kemal ad-Din. Op.cit. — P. 581. То, что Фируз был потомственным оружейником, подтверждает и Гильом Тирский. См. Guillaume de Tyr. — Lib. V, c. 11, P. 212—213.

⁶⁶⁹ Гибб Г. Указ. соч. — С. 34.

⁶⁷⁰ Kemal ad-Din. Op.cit. — P. 578.

теснили в битве, как снаружи стен, так и изнутри, греки, сирийцы, армяне, граждане и мужи христианской веры радостно бросились вперед, чтобы разбить преграды и открыть врата, чрез которые вошел Бозмунд и вся армия...»⁶⁷¹. Стоит отметить, что это восстание дорого стоило христианскому населению Антиохии; часть восточных христиан пала от рук отступавших к цитадели сельджуков, часть — от меча крестоносцев, не отличавших их от мусульман. Об этом прямо пишет Альберт Аахенский, по словам которого, «Земля была покрыта телами и трупами убитых; часть из них составляли и бесчувственные тела христиан — галлов и греков, сириан и армян, лежавших вперемежку. И это было не удивительно, поскольку тьма все еще простиралась над землей и свет был едва различим, и они (т. е. крестоносцы. — С. Б.) не знали, кого им следует бить, а кого — миловать»⁶⁷². Как и при сельджукском завоевании (1084 г.), жители города (только на этот раз — мусульмане) бежали вверх, по склонам горы Сильп, к неприступной цитадели, в стенах которой они надеялись найти спасение. Согласно Ибн аль-Каланиси, там собралось более 3,000 человек⁶⁷³. При этом крестоносцы не смогли силой овладеть цитаделью, которая добровольно сдалась лишь 28 июня 1098 г.⁶⁷⁴. Значительная часть тех тюрок, которые смогли вырваться из полуразоренного города, была убита местным христианским населением во время перехода через окрестные сирийские и армянские деревни. В числе последних был и Яги-Сиан, зарезанный армянскими крестьянами, которые впоследствии доставили его голову Бозмунду⁶⁷⁵. Тюрки и арабы-мусульмане, державшие еще под своей властью некоторые поселения близ Антиохии, сдали их местному христианскому населению и бежали на восток, к Алеппо⁶⁷⁶. Аналогичное избиение мусульман

⁶⁷¹ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. IV, c. 26, P. 286.

⁶⁷² Alberti Aquensis. Op.cit. — P. 286.

⁶⁷³ Гибб Г. Указ. соч. — С. 34.

⁶⁷⁴ Осажденные там тюрки и арабы могли рассчитывать как на достаточные запасы воды (в цитадели находились цистерны), так и на сообщение с внешним миром, через расположенные рядом с цитаделью высокорные Железные врата.

⁶⁷⁵ Гибб Г. Указ. соч. — С. 34; Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. V, c. 23, P. 232—233; Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh. — P. 193; Kemal ad-Din. Op.cit. — P. 581—582.

⁶⁷⁶ Кемаль ад-Дин упоминает о том, что тюрки, узнав о падении Антиохии, без боя сдали местным армянам города Имм и Инаб, на восточном берегу Оронта. См. Kemal ad-Din. Op.cit. — P. 582.

повторилось и в конце месяца, после поражения сельджукской армии в битве у Антиохии (28 июня 1098 г.), когда отдельные, беспорядочно-отступавшие отряды тюрок были вырезаны армянскими и сирийскими христианами. Согласно «Иерусалимской истории» Петра Тудебода, «Армянские и сирийские жители окрестных земель, прослышав о нашей победе над турками, перешли горы, чтобы отрезать им пути к отступлению и перебили всех, кого только могли поймать»⁶⁷⁷.

В 1098—1099 гг. имели место еще два сходных, восточно-христианских восстания, обращенные против мусульман. В июле 1098 г. отряд провансальских крестоносцев, под командованием Раймонда де Пиле, совершал набег вдоль верхнего течения Оронта. Прослышав об этом, жители города Тель-Манна, бывшие в своей массе «сирианами» (в данном случае, вероятно, мелькитами), торжественно встретили провансальцев, сдали им городские укрепления и даже сформировали ополчение, встав во главе которого Раймонд де Пиле и его рыцари безуспешно пытались атаковать соседние мусульманские земли⁶⁷⁸. В итоге, это поселение «сириан» стало форпостом крестоносцев на пути к мусульманской твердыне — Маарат ан-Нуману, который был разорен провансальскими и франко-нормандскими войсками в ноябре 1098 г. Летом 1099 г. еще одно крупномасштабное восстание греко-мелькитского населения вспыхнуло в Вифлееме. Когда армия Первого крестового похода совершала свой марш через Палестину и подступала уже к Иерусалиму, населявшие Вифлеем греки и мелькиты восстали против фатимидских войск и, закрыв ворота, призвали франков. На помощь Вифлеему были срочно послан отряд из 100 рыцарей и конных сержантов, под командованием Танкреда и Бодуэна де Бурга. Крестоносцы были торжественно встречены населением и препровождены православным духовенством в Базилику Рождества, над которой были подняты знамена крестоносцев. Наиболее красочное описание этого оставил Фульхерий Шартрский: «Следующей ночью сотня лучших рыцарей сели на коней и, к восходу, достигли Иерусалима, после чего поспешили к Вифлеему. Одним из этих рыцарей был Танкред, другим — Бодуэн (де Бург. — С. Б.). Когда христиане, жившие там, греки и сириане, увидели франков,

⁶⁷⁷ Petri Tudebodi. Op.cit. — P. 82.

⁶⁷⁸ Восстание сириан Тель-Манны подробно описано двумя участниками крестового похода — Петром Тудебодом и Анонимным автором «Деяний франков». См. Petri Tudebodi. Op.cit. — P. 84—85; Anonymi Gesta Francorum... P. 386—388. Также см. Baldrici, episcopi Dolensis. Op.cit. — c. 21, P. 81.

они преисполнились великой радостью, хотя вначале они не поняли, к какому племени принадлежат прибывшие, думая, что это турки или арабы. Но взглядевшись в их лица, они уже не сомневались, что это франки. В тот же миг, взяв кресты и хоругви, они вышли чтобы встретить франков, плача и воспевая молитвы (...). Благодарственное богослужение Господу Нашему было совершено там же, в Церкви Пресвятой Марии. Когда же они посетили место, где родился Христос, и после того, как они даровали поцелуй мира сирианам, они вернулись к Святому граду Иерусалиму»⁶⁷⁹.

Восстания армян, греков и сирийцев, описания которых можно найти как у латинских, так и у арабских авторов, служат явным доказательством того, что в годы Первого крестового похода восточные христиане отнюдь не были лишь пассивными наблюдателями, покорно (или даже — подневольно) перешедшими из-под исламского правления под власть крестоносцев. Их восстания стали важнейшим фактором, благодаря которому территории равнинной Киликии, северной Сирии и даже предместья самого Иерусалима (Вифлеем) смогли без упорных и кровопролитных боев перейти от сельджуков и фатимидов к франкам. К сожалению, это участие далеко не всегда получает должное рассмотрение в исследованиях, так или иначе затрагивающих историю Ближнего Востока эпохи крестовых походов⁶⁸⁰. Конечно же, нельзя не задаться вопросом о мотивах, побудивших

⁶⁷⁹ Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. I, c. 25, P. 278—280. См. также: Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. V, c. 44—45, P. 398—402.

⁶⁸⁰ Так, Кэрол Хилленбранд, в своем фундаментальном исследовании «Крестовые походы: мусульманская перспектива», фактически не рассматривает эти восточно-христианские восстания. В ее монографии раздел, посвященный роли восточных христиан в Первом крестовом походе, составляет меньше страницы и содержит лишь упоминание о депортации мужского христианского населения из Антиохии и о терпимости Яги-Сиана (с приведенной выше цитатой Ибн аль-Асира). См. Хилленбранд К. Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива.... — С. 82. Активное участие армян Киликии и северной Сирии в борьбе с сельджуками регулярно упоминается в различных литературных источниках. См. Сукиасян А.Г. Указ. соч. — С. 26. 98. Мутафян К. Последнее королевство Армении. — М.: Mediacraft, 2009. Между тем, антисельджукские восстания греков и сирийцев не удостоиваются ни упоминаний, ни полноценного рассмотрения, что существенно искажает наше представление об утверждении крестоносцев в Леванте и о некоторых, весьма значимых обстоятельствах соприкосновения латинских и византийских христиан в эпоху Первого крестового похода. Тем более что те исследователи, которые пишут о безучастности или «нейтралитете» восточно-христианского населения Сирии и Киликии в период франкского завоевания, фактически игнорируют целый ряд латинских и арабских текстов XII-XIII вв., что не может найти оправданий.

христиан Востока вырезать сельджуков и помогать крестоносцам. Важнейшим стимулом здесь следует считать неприятие в достаточной мере хаотичного и сопровождавшегося эксцессами сельджукского правления, о котором уже было сказано выше. При этом восстания восточных христиан отнюдь не были продиктованы желанием греков, сирийцев или армян сменить тюркское правление на франкское. Армянские князья видели в крестоносцах единственных потенциальных союзников в борьбе с окрестными сельджукскими эмирами. Византийские христиане (греки, сирийские мелькиты, армяне-халкидониты), отталкиваясь от опыта предшествующих десятилетий, воспринимали франков скорее как союзников или наемников ромейского василевса, власть которого должна была восстановиться над Сирией с окончанием крестового похода⁶⁸¹.

«Стояние» крестоносцев в Антиохии. Разрыв с империей

Казалось бы, стремительное продвижение императорской армии и флота вглубь западной Малой Азии, обращенные против сельджуков восстания христиан Сирии и Киликии, и, наконец, имперские поставки провианта, кормившие войска «вооруженных паломников», должны были укрепить союз крестоносцев и византийских христиан. Однако именно в период антиохийской осады (октябрь 1097 — июнь 1098 гг.) произошел фактический разрыв между крестоносцами и империей, повлиявший на весь дальнейший комплекс греко-латинских отношений как в Леванте, так и далеко за его пределами. Вне всякого сомнения, жизнеспособный и продуктивный союз между крестоносцами и Ромейской державой мог существовать, пока обе стороны держались условий договора, заключенного в Константинополе (1097 г.). Крестоносцы — признавали бы сюзеренитет василевса и его права на восточные (малоазийские, киликийские и сирийские) земли; император Алексей I Комнин — оказывал бы

⁶⁸¹ Причем, последнее суждение, в общем-то, соответствовало действительности: крестоносцы действительно являлись союзниками василевса и, согласно условиям константинопольского оммажа, обязаны были передать освобожденные земли Киликии и Сирии империи. Тем более, что крестоносцы ожидали прибытия в Сирию армии Алексея I Комнина, с которой они должны были соединиться для дальнейших боевых действий.

и экономическую, и военную поддержку своим новоявленным латинским вассалам. Однако союз крестоносцев и ромеев распался в период «стояния в Антиохии», что неминуемо приводит нас к вопросам о причинах этого распада.

Авторы, писавшие об этих событиях с «византийской перспективы» (от Анны Комниной до Аристидиса Пападакиса), предпочитают акцентировать внимание на том, что многие крестоносцы изначально не собирались соблюдать условий константинопольского оммажа и лишь искали повод для начала завоеваний византийских территорий⁶⁸². Конечно же, бессмысленно пытаться опровергнуть то, что устремления латинских (и в особенности — нормандских) феодалов к господству над богатыми городами Востока вошли бы в свои права при первой возможности. Но, при этом, попытки свести причины распада союза крестоносцев и империи исключительно к хищническим амбициям Боэмунда или других вождей крестоносного войска, на наш взгляд, необоснованны. Ущербность повторения аргументов Анны Комниной заключается в том, что дочь василевса отнюдь не стремилась к полноценной, всесторонней оценке действий своего отца. Между тем, если отвлечься от заимствованных из «Алексиады» сказаний о коварных планах Боэмунда и обратиться к хронологической последовательности событий 1097—1098 гг., то в качестве гораздо

⁶⁸² Как писала Анна Комнина: «... если Петр (Пустынный. — С. Б.) с самого начала предпринял весь этот огромный путь для поклонения Гробу Господню, то все остальные графы, и особенно Боэмунд, питая старинную вражду к самодержцу, искали только удобного случая отомстить ему (...); их объединяла одна цель, и им во сне снилось, как они захватывают столицу (...); лишь для вида они все отправились к Иерусалиму, на деле же хотели лишить самодержца власти овладеть столицей (т. е. Константинополем. — С. Б.)». Отдельно говоря о Боэмунде, Анна отмечает: «Не владея никакими землями, он покинул родину для вида — ради поклонения Гробу Господню, на самом деле — чтобы добыть себе владения и, если удастся, то даже захватить трон Ромейской державы». См. Анна Комнина. Указ. соч. — Книга X, гл. 9, С. 283; Книга X, гл. 11, С. 291. В сущности, эти же аргументы излагают многие современные исследователи, к примеру, А. Пападакис в своей монографии «Христианский Восток и возвышение папства». Пападакис почти слово в слово повторяет аргументы дочери Алексея I Комнина: «клятвы и обещания западных военачальников отнюдь не гарантировали мирного будущего (...) Боэмунд уже искал способы отречься от верности императору и даже возродить планы своего отца по завоеванию империи». Сходным образом, он отмечает, что «вместо исполнения торжественно принятых клятв и договорных обязательств на первое место вскоре вышли алчность и оппортунизм» крестоносцев. См. Пападакис А. Христианский Восток и возвышение папства. — М.: изд. ПСТГУ, 2010. — С. 132—133, 134—135.

более действенного, внешнего импульса к разрыву союза крестоносцев и империи предстает отказ василевса Алексея I от совместных боевых действий в Сирии.

В феврале 1098 г. осаду Антиохии покинул ромейский контингент Татикия, что было расценено крестоносцами как предательство⁶⁸³. Как писала Анна Комнина: «Татикий, видя что начался сильный голод (...) отчаялся взять Антиохию, снялся с лагеря, погрузил войско на ромейские корабли, стоявшие в порту Суды (гавани Св. Симеона. — С. Б.) и переправился на Кипр»⁶⁸⁴. Более деструктивным для франко-византийского союза стал отказ самого императора Алексея I Комнина от похода в Сирию. И Анна Комнина, и Альберт Аахенский подтверждают, что летом 1098 г. василевс, укрепившись на прибрежных землях западной Малой Азии, выступил на восток, намереваясь привести свою армию к Антиохии. Однако в азиатском городке Филомелиум он был встречен бежавшими из Сирии франками (Петром Аульпским и графом Этьеном Блуасским), которые в самых мрачных тонах описали положение «вооруженных паломников». Василевс узнал о том, что крестоносцы, покорившие после тяжелой восьмимесячной осады Антиохию, сами оказались осажденными огромной сельджукской армией эмира Мосульского Кербози. Армия Кербози, включавшая аскары Мосула, Алеппо, Дамаска, турецкие отряды Сокмана ибн Артука и арабские войска Вахаба ибн Махмуда⁶⁸⁵, встала лагерем у стен Антиохии 5 июня, т. е. на следующий день после взятия города крестоносцами. Франки и христиане Антиохии были осаждены в едва покоренном городе, без должных запасов провианта, имея перед собой многотысячную сельджукскую армию, а в ближайшем тылу — непокоренную цитадель, где укрывались уцелевшие антиохийские турки и вошедшие туда отряды Кербози. Положение крестоносцев было безнадежным. Не желая рисковать своей армией и положением отвоеванных территорий в Малой Азии,

⁶⁸³ К примеру, Альберт Аахенский пишет о Татикии как о «безносом муже, пораженном страхом и вероломно бежавшем от союзников к своему императору». См. Alberti Aquisensis. Op.cit. — Lib. IV, c. 40, p. 310—312. См. также Raimundi Aguilers. Op.cit. — c. 6, P. 245—246.

⁶⁸⁴ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XI, гл. 3, С. 301.

⁶⁸⁵ Подробнее о составе армии эмира Кербози, см. Kemal ad-Din. Op.cit. — P. 580.

император отдал приказ прекратить поход и отступить на запад⁶⁸⁶. Отступая, императорская армия создала полосу выжженной земли, уничтожая источники и запасы провианта, эвакуируя ромейское население и разрушая укрепления⁶⁸⁷. Этот шаг василевса, оправданный с точки зрения стратегии⁶⁸⁸, был воспринят крестоносцами как предательство, перечеркнувшее условия константинопольского оммажа. Фактически, и самих крестоносцев, и христианское население северной Сирии, запятнавшее себя резней сельджуков, принесли в жертву ради византийских интересов в Малой Азии. Как об этом писал Альберт Аахенский, «Ужасные известия об отступлении императора и о рассеянии его войска мгновенно распространились по стенам Антиохии и повергли в великую скорбь

⁶⁸⁶ Наиболее подробные описания похода Алексея I Комнина и проведенного василевсом военного совета в Филомелиуме можно найти у Альберта Аахенского и у Анны Комниной. См. Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. IV, c. 40, P. 312; Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XI, гл. 6, С. 304—306. Альберт с осуждением пишет об отказе василевса от похода к Антиохии; Анна Комнина, вполне естественно, воздерживается от какой-либо критики в адрес своего отца.

⁶⁸⁷ Упоминания об этом также можно найти в «Алексиаде» и у аахенского хрониста. Анна говорит о том, что «Алексей опасался, что его настигнут несметные полчища турок и тогда жители окрестностей Филомилия станут жертвой варварских мечей, поэтому он решил повсюду объявить о нашествии агарян; тотчас же было объявлено, чтобы все мужчины и женщины ушли до нашествия врагов, спасая жизнь и добро, которое можно унести с собой. Все сразу же решили следовать за императором, не только мужчины, но даже и женщины». См. Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XI, гл. 6, С. 305—306. Альберт Аахенский, в свою очередь, пишет о том, что император «опустошил, пожег и разорил земли Романии, которые были подло украдены у него Сулейманом (т. е. румским султаном Сулейманом ибн Кутлумышем. — С. Б.), но затем возвращены доблестью пилигримов. Он разрушил города и крепости, чтобы, в случае если они перейдут к Сулейману (т. е. к румскому султану, только им уже был не Сулейман, а Кылыч-Арслан I. — С. Б.), тот не смог бы уже извлечь из них пользы». См. Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. IV, c. 40, P. 312.

⁶⁸⁸ Решение василевса Алексея I Комнина пожертвовать Антиохией и Сирией ради сохранения и укрепления ромейских позиций в Малой Азии имело огромное значение для христианского Востока XII-XIII вв. Впоследствии, уже после падения династии Комнинов и завоевания крестоносцами Константинополя (1204 г.), именно западная Малая Азия, о завоевании и укреплении которой так тревожился в 1097—1098 гг. Алексей I, стала главным оплотом ромеев — Никейской империей (1204—1261 гг.), наиболее жизнеспособной преемницей старой Византии и предтечей Палеологовской державы. Однако это же решение василевса предоставило Сирию и Киликию собственной судьбе, что привело к целой череде войн между ромеями, антиохийскими франками и киликийскими армянами в XII в.

сердца пилигримов...»⁶⁸⁹. Преодолевая голод, эпидемии и постоянные атаки со стороны тюрок, крестоносцы вынуждены были самостоятельно бороться как за Антиохию и Сирию, так и за собственное выживание.

Исход этой борьбы определила решающая битва у стен Антиохии, 28 июня 1098 г. Не видя иного выхода из сложившегося положения, осажденные крестоносцы вышли из города в канун праздника свв. апостолов Петра и Павла, чтобы дать генеральное сражение многократно превосходящим силам сельджуков. В связи с тем, что большая часть лошадей была перебита или пала от бескормицы, впереди шли тесно сплоченные отряды пилигримов, сержантов и спешенных рыцарей, за рядами которых укрывались сохранившие коней всадники, выжидавшие решающего удара. Разделенные на шесть отрядов⁶⁹⁰, крестоносцы медленно подступали к высотам, на которых располагались основные силы эмира Кербози. Все попытки тюрок окружить и рассредоточить ряды франков встречали стойкое сопротивление, в особенности со стороны войск Бозмунда, державших фланги, резерв и арьергард. Крестоносцы шли вперед, побуждаемые чудесными видениями небесного воинства, спустившегося с небес на белоснежных конях, во главе со свв. мучениками Георгием, Димитрием и Меркурием, чтобы принять участие в истреблении сарацин⁶⁹¹.

Столкнувшись с неожиданным фанатичным наступлением крестоносцев, сельджукская армия пришла в замешательство. Многие

⁶⁸⁹ Alberti Aquisensis. Op.cit. — Lib. IV, c. 40, P. 312.

⁶⁹⁰ Первый отряд находился под командованием графов Гуго Вермандуа и Робера Фландрского, второй и третий — под началом герцогов Готфрида Бульонского и Робера Нормандского соответственно, четвертый, состоявший из провансальских крестоносцев — под командованием папского легата Адемара Монтейльского, пятый (сборный) во главе с Танкредом и Гастоном Беарнским, шестой и крупнейший по численности — под командованием Бозмунда Тарентского. О боевом порядке крестоносного войска, см. Petri Tudebodi. Op.cit. — P. 81; Radulfo Cadomensis. Op.cit. — c. 85, P. 666; Alberti Aquisensis. Op.cit. — c. 47, 320—322.

⁶⁹¹ Как впоследствии писал участник битвы Петр Тудебод, «Многочисленное воинство, верхом на белых конях, с белоснежными знаменами, спустилось с гор. Наши войска, при виде этого, впали в замешательство, но вскоре поняли, что это Христова помощь (...) Во главе небесного воинства стояли Святой Георгий, Блаженный Димитрий и Блаженный Феодор. И эти сведения верны, потому что многие христиане стали свидетелями сего». См. Petri Tudebodi. Op.cit. — P. 81. Это же подтверждает и другой участник сражения, Анонимный автор «Деяний франков». См. Anonymi Gesta Francorum. — c. 29, P. 374—375.

отряды стали покидать поле боя, даже не вступая в соприкосновение с противником. В числе первых был аскар эмира Дукака Дамасского. Те турки и арабы, которые пытались дать бой франкам, оказались с большими потерями отброшенными даже от собственного лагеря. Как впоследствии писал Фульхерий Шартрский: «... все шатры остались на поле боя, и они (т. е. крестоносцы. — С. Б.) нашли там богатую добычу, в том числе золото, серебро, покрывала, одежды, утварь и многие другие вещи, которые турки, при своем великом бегстве, оставили и бросили. Там были лошади, мулы, верблюды, ослы, лучшие шлемы, луки и наполненные стрелами колчаны»⁶⁹². Сам Кербога, увидев распад своей армии, бежал с поля боя. Арабский хронист Ибн аль-Каланиси с горечью писал о том, что «несмотря на изнеможение, франки в боевом порядке атаковали армию ислама, значительно превосходившую их по силе и численности, сломили ряды мусульман, и те разбежались. Хозяева породистых скакунов были обращены в бегство, и карающий меч был занесен над головами пеших воинов, которые по зову Всевышнего отправились на священную войну, чтобы нанести роковой удар в защиту мусульман»⁶⁹³. Благодаря этой поистине чудесной, одержанной без всякой помощи со стороны ромеев победе, франки вырвали у сельджуков стратегическую инициативу в регионе, отстояв и Антиохию, и христианские земли северной Сирии.

К этому времени антивизантийские настроения в стане крестоносцев достигли апогея. Подобные чувства разделяли простые воины и паломники, а также значительная часть рыцарей и баронов, во главе с Бозмундом Тарентским. Конечно же, среди крестоносцев все еще существовала и партия, не желавшая порывать с императором.

⁶⁹² Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. I, c. 23, P. 256.

⁶⁹³ См. Гибб Г. Указ. соч. — С. 35. Подробнее о битве при Антиохии, см. Petri Tudebodi. Op.cit. — P. 81—82; Anonymi Gesta Francorum. — c. 29, P. 368—381; Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. I, c. 23, P. 255—257; Alberti Aquensis. — Lib. IV, c. 47—56, P. 320—336. Также, сражение описано самими вождями Первого крестового похода, в их послании Папе Урбану II (от 11 сентября 1098 г.). См. Hagenmeyer H., ed. Die Kreuzzugsbriefe... №16, P. 164; Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — c. 24, P. 258—264. Современное исследование тактики и хода битвы у Антиохии, см. Smail R.C. Crusading warfare, 1097—1193. — Cambridge, 1995. — P. 172—174. Многомесячная осада и взятие Антиохии, а также чудесная победа у стен города впоследствии легли в основу одной из самых знаменитых *chanson de geste* — «Песни об Антиохии». См. La Chanson d'Antioche // ed. & trans.par Marquesse de Sainte-Aulaire. — Paris, 1862.

Эта часть крестоносного войска была представлена графом Раймондом Сен-Жилльским и его провансальскими баронами, а также папским легатом — Адемаром Монтейльским. Более того, сразу же после победы над армией Кербоги, вожди Первого крестового похода, по настоянию епископа Адемара, направили посольство в Константинополь, желая узнать о причинах отказа василевса от похода к Антиохии⁶⁹⁴. Посольство возглавили граф Гуго Вермандуа и Бодуэн, граф Эно. Однако посольство оказалось безрезультатным; василевс по-прежнему не был намерен идти в Сирию⁶⁹⁵. Со смертью Адемара, умершего от чумы 1 августа 1098 г., бушевавшие среди «вооруженных паломников» антивизантийские настроения не получали уже сколь либо убедительного отпора.

*Братство Каина и Авеля.
Двойственность латинского отношения
к восточным христианам*

Ропот на императора и ромеев в равной степени распространялся на всех восточных христиан, что видно из послания вождей Первого крестового похода, составленного осенью 1098 г. в Антиохии и направленного Папе Урбану II. Обращаясь к понтифику, вожди «вооруженного паломничества» писали: «Несмотря на то, что мы восторжествовали над турками и язычниками, мы не можем свершить то же над греческими, армянскими, сирийскими и яковитскими еретиками. Мы просим Тебя снова и снова, дражайший Отец (...) приди к нам, чтобы возложить на нас свое отцовство, и как викарий Святого Петра воссядь на его троне и прикажи нам, твоим послушным чадам, всеми законными способами искоренять и уничтожать все виды ереси, Твоим авторитетом и нашей доблестью»⁶⁹⁶. Значение этих слов трудно переоценить. Фактически, вожди Первого крестового похода, поддавшись антивизантий-

⁶⁹⁴ Alberti Aquensis. — Lib. V, c. 3, P. 340—342.

⁶⁹⁵ При этом, граф Бодуэн пропал без вести при тюркском набеге, во время перехода через Малую Азию, а граф Гуго Вермандуа предпочел остаться в Константинополе, а затем вернуться во Францию, оставив «вооруженное паломничество».

⁶⁹⁶ Hagenmeyer H., ed. Die Kreuzzugsbriefe... №16, P. 164. Полный текст послания, см. Ibid. — P. 161—165. Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — c. 24, P. 258—264.

ским настроениям и раздраженные «предательством» василевса, самостоятельно отлучили от Церкви ту часть восточных христиан, которая доселе находилась в полном общении с Римом. К. МакЭвитт в своем исследовании по межхристианским связям в государствах крестоносцев подчеркивает, что это послание, датированное 11 сентября 1098 г., «несравнимо ни с одним текстом XII века»; франки никогда не именовали христиан Леванта «еретиками». На протяжении всего XII в. и вплоть до писаний Жака де Витри (1216—1228 гг.) ни один хронист, прелат или государь Латинского Востока не именовал восточно-христианское население «еретиками». Исключение составляет Гильом Тирский, который использует этот термин лишь однажды, и то, когда называет «еретиками» обезумевшую ромейскую толпу, устроившую массовую «резню латинян» Константинополя, в 1182 г.⁶⁹⁷. Поэтому говорить о послании «от 11 сентября» как об отражении некоей новой доктрины латинского отношения к восточным (и в особенности — к византийским, православным) христианам невозможно. Этот текст — совершенно явное исключение, плод яростного возмущения истомленных до последней степени латинских войск.

Однако осенью 1098 г. в свои права с особой силой вступил комплекс языковых и культурных различий, отделявших западных «вооруженных паломников» от их «братьев, живущих на Востоке». У латинских и византийских христиан не было общей ценностной базы — ни языка, ни богослужения (при общем исповедании кафолического, халкидонского христианства), ни коллективного опыта сосуществования на единой территории. В этот первый период пребывания франков в Леванте, любое взаимодействие с восточно-христианским населением получало двойственную оценку латинян. Как уже было сказано, поставки провианта, посылаемые ромеями, армянскими князьями и монастырями Черной горы (Аманоса) кормили голодавшую у стен Антиохии армию крестоносцев — и это отмечено многими авторами XII в. Так, согласно Матфею Эдесскому, «монахи Черной горы доставляли им (т. е. крестоносцам. — С. Б.) пропитание; все верные словно бы соревновались друг с другом в этом служении»⁶⁹⁸. Даже Рауль Канский, бывший капелланом у двух наи-

⁶⁹⁷ MacEvitt С. *Op.cit.* — с. 4, Р. 101. О константинопольской «резне латинян» 1182 г. будет подробно сказано в пятой главе первой части книги.

⁶⁹⁸ Mathieu D'Edesse. *Op.cit.* — с. 151, Р. 217.

более опасных нормандских противников Византии (Боэмунда и Танкреда), с благодарностью писал о том, как жители восточных провинций империи, по воле василевса, посылали провиант крестоносцам⁶⁹⁹. Другой латинский автор — Петр Тудебод совершенно по-иному характеризует поставку провианта со стороны «армян, сирийцев и греков», которые, прознав о бедах франков, продавали осла, груженного провизией, в несколько раз дороже его реальной стоимости⁷⁰⁰. Вне всякого сомнения, в период осады Антиохии голодавшие крестоносцы извели обе стороны восточно-христианских «поставок»: наряду с бескорыстной помощью греческих и сирийских монастырей, армянских князей, иерусалимского патриарха и ромейских наместников «пилигримы» столкнулись и со спекулятивной «деловитостью» греков, сирийцев и армян, которые пытались извлечь максимальную выгоду как из франкских, так и сельджукских нужд и бедствий.

Даже присутствие изгнанных антиохийских христиан в лагере крестоносцев стало одновременно и доказательством определенного доверия, и источником трений и дальнейшего отчуждения между латинянами и восточно-христианским населением Сирии. Тот же Петр Тудебод обвинял пребывавших в лагере восточных христиан не только в спекуляции, но и в тайных сношениях с тюрками. «Невзирая на то, что их жены оставались в Антиохии, армяне и сирийцы покидали город и почти каждый день прибывали к нам в лагерь под предлогом бегства (из города). Они коварно выведывали все о наших силах и ресурсах и докладывали обо всем увиденном проклятым антиохийцам (т. е. тюркам. — С. Б.)»⁷⁰¹. Тудебод даже утверждает, что видел на стенах Антиохии «армян, греков и сирийцев, которые, следуя приказам тиранических турецких господ, по своей воле или принуждению, ежедневно посылали стрелы» в крестоносцев⁷⁰². Альберт Аахенский, напротив, уверяет, что греки и сирийцы предоставляли крестоносцам сведения о передвижениях сельджукских войск⁷⁰³.

⁶⁹⁹ Radulfo Cadomensis. Op.cit. — с. 54, Р. 647. Текст цитаты см. выше.

⁷⁰⁰ Petri Tudebodi. Op.cit. — Р. 39—40.

⁷⁰¹ Ibid. — Р. 35.

⁷⁰² Ibid. — Р. 48.

⁷⁰³ Alberti Aquensis. — Lib. IV, c.13, Р. 266.

Также Альберт приводит и эпизод, когда плененный крестоносцами туркский атабек был казнен по требованию находившихся в лагере греков. Согласно «Иерусалимской истории» Альберта, знатный сельджук «был казнен после того, как греческие христиане обвинили его в собственноручном убийстве больше тысячи христиан»⁷⁰⁴. Фульхерий Шартрский, в свою очередь, оставляет описания, диаметрально противоположные Тудебоду. Фульхерий также видел восточных христиан на стенах Антиохии, но в совершенно ином «качестве»: «Увы! Сколько христиан — греков, сирийцев и армян — живших в городе, было убито обезумевшими турками. Франки вынуждены были смотреть, как турки, с помощью пращей, сбрасывали со стен головы убитых. Это вызывало у нас невыразимую скорбь»⁷⁰⁵.

Эта двойственность франкских отношений с восточно-христианским миром ни в коей мере не должна вводить в замешательство, т. к. она отлично осознавалась и воспринималась как должное теми франками, которые оставались на Востоке и которым действительно приходилось до конца своей жизни взаимодействовать с «греками, армянами и сирийцами». Так, Фульхерий Шартрский, капеллан первых двух королей Иерусалимских, приводит в своей «Истории...» и послание вождей Первого крестового похода, в котором те называют христиан Востока еретиками, и многочисленные предшествующие и последующие эпизоды единения восточных христиан и франков. Так, если вышеупомянутое послание было составлено 11 сентября 1098 г. и там крестоносцы именовали восточно-христианское население «греческими, сирийскими, армянскими и яковитскими еретиками», то уже в июне следующего, 1099 г., согласно описаниям того же Фульхерия, франко-нормандские рыцари Танкреда и Бодуэна де Бурга освобождали восставший против мусульман Вифлеем и даровали «поцелуй мира сирийцам» (*dato Syris osculo pacifico*)⁷⁰⁶. Для Фульхерия как очевидца и участника основания государств Латинского Востока эти диаметрально противоположные прецеденты — не свидетельства в пользу той или иной теории восприятия латинянами восточных христиан, но составные части единой истории.

⁷⁰⁴ Ibid. — Lib. III, c. 56, P. 228.

⁷⁰⁵ Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. I, c. 15, P. 221.

⁷⁰⁶ Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. I, c. 25, P. 280.

III. Рождение франкской Сирии

В этот период, когда крестоносцы вынуждены были в одиночестве бороться за Антиохию и сирийские земли, а василевс временно уклонился от участия в делах Леванта, и произошло то «отклонение» Первого крестового похода от провозглашенного Урбаном II «паломничества» к полноценному завоеванию. Первые признаки этого отклонения проявились еще в сентябре 1097 г. в Киликии, когда отряды графа Бодуэна и Танкреда, яростно соперничая и доходя до прямых вооруженных столкновений друг с другом⁷⁰⁷, отстаивали отнюдь не имперские, но собственные права на Тарс и Мамистру⁷⁰⁸. Однако полномасштабная смена курса крестового похода от паломничества к завоеванию может быть отнесена к периоду осады и последующего стояния крестоносцев в Антиохии (октябрь 1097 — январь 1099 гг.). В этот период та часть крестоносцев, которая стремилась сочетать провозглашенное в Клермоне паломничество с завоеванием восточных территорий, обрела двух выдающихся вождей в лице графа Бодуэна (младшего брата герцога Готфрида Бульонского) и предводителя итало-нормандских крестоносцев Боэмунда Тарентского. Именно эти два человека могут по праву считаться «отцами-основателями» франкских государств на землях византийской Сирии, да и всего Востока.

⁷⁰⁷ Численно превосходивший отряд графа Бодуэна изгнал нормандцев из окрестностей Тарса, а несколько дней спустя, между двумя крестоносными отрядами произошло полномасштабное сражение: на реке Пирам, близ Мамистры, нормандцы атаковали вставшие лагерем войска Бодуэна. При этом, с обеих сторон были убитые и раненые, а в плен к Бодуэну попал кузен и ближайший соратник Танкреда — Ричард Салернский, возглавивший отчаянную атаку нормандских рыцарей на стан лотарингских и северофранцузских крестоносцев.

⁷⁰⁸ Киликийская кампания Танкреда и Бодуэна (1097 г.) является одним из интереснейших эпизодов Первого крестового похода, однако подробное ее описание отвлечет нас от избранной темы. Тем более, что эта кампания уже подробно изучена и многократно описана. Среди латинских текстов XII в., наиболее подробное описание этой кампании можно найти у Рауля Канского и Альберта Аахенского. В числе позднейших исследований и описаний, см. Runciman S. *The History of the Crusades. Vol I. — Book II*, с. 2, Р. 197—202; Oldenbourg Z. *Les Croisades*. — Paris, 2009. — Р. 191—194; Asbridge T. *The Creation of the Principality of Antioch...* Р. 16—24.

Бодуэн Булоньский и основание графства Эдесского

Третий сын графа Эсташа II Булоньского, всю жизнь пребывавший в тени своих старших братьев, Бодуэн смог найти достойное применение своим талантам, лишь оказавшись за тысячи километров от родного ему севера Франции. Собрав зимой 1097 г. отряд из 200 рыцарей и конных сержантов, Бодуэн отделился от основной армии крестоносцев и ушел на восток, к Евфрату, где, при активном содействии оставшего армянского населения, начал череду самостоятельных завоевательных кампаний. К началу 1098 г. войска Бодуэна (состоявшие из франкских рыцарей и сержантов, армянских воинов и, вероятно, местного ополчения) взяли крепость Равандель, контролировавшую пути к Антиохии, и даже захватили Тель Башир (Турбессель), крупнейшее поселение, расположенное на западных, прибрежных территориях Евфрата.

В XII в. прославленный арабский географ Якут аль-Хамави так описывал Турбессель: «Это сильная крепость, охватывающая обширную территорию и расположенная в двух днях пути от Алеппо. Населяют ее армяне-христиане. Там есть и рынки, и сады, и многочисленное население»⁷⁰⁹. Абу аль-Феда отмечал плодородие земель, подвластных Турбесселю и в особенности его фруктовые сады, известные своим особым сортом слив. Равандель, в свою очередь, описан в книге Абу аль-Феды как «высокая крепость, возведенная на высоком белом холме. Этой крепости принадлежат источники, сады, фруктовые деревья и прекрасная долина. Под крепостью протекает река Африн. Крепость расположена в двух днях пути к северо-западу от Алеппо и к северу от Харима»⁷¹⁰. Эти территории и стали колыбелью первого франкского государства в Леванте — будущего графства Эдесского. Согласно описаниям Альберта Аахенского, граф Бодуэн «осадил крепость, необычайно сильную и возведенную с великим мастерством, имя которой — Турбессель. Жители этого города, армяне, мужи христианской веры, тайно вступив в переговоры с князем Бодуэном, передали ему город, изгнав тех турок, которые находились в цитадели. Сделано это было потому, что армяне предпочитали служить под началом христианского герцога, а не языческих властителей. Подчинив город

⁷⁰⁹ Le Strange G. Op.cit. — P. 542.

⁷¹⁰ Ibid — P. 542.

и его цитадель, и поставив там своих людей, он (Бодуэн. — С. Б.) таким же образом подчинил и неприступную крепость Равандель»⁷¹¹.

В феврале 1098 г. оставив в Турбесселе и Раванделе франко-армянские гарнизоны, Бодуэн в сопровождении 60—80 всадников пересек Евфрат⁷¹². Его новой целью стала Эдесса, правитель которой — куропалат Торос (о котором мы уже говорили в первой главе), призвал графа, рассчитывая на союз с франками⁷¹³. 6 февраля Бодуэн вступил в Эдессу. Колоритное описание этого оставил Фульхерий Шартрский: «Армяне вошли в наш лагерь, поражаясь тому, что мы наконец-то прибыли к ним во имя любви ко Господу. Они шли перед нами, неся кресты и хоругви; они целовали наши ноги и полы нашей одежды (...) Наконец, мы так достигли самой Эдессы, правитель которой, вместе со своей супругой и своими соотечественниками с радостью принял нас...»⁷¹⁴. Первоначально Торос рассчитывал заключить с графом Бодуэном военный союз, основанный на щедром вознаграждении франков в обмен на их соучастие в обороне Эдессы и борьбе с окрестными сельджукскими эмирами. Согласно описаниям Альберта Аахенского, Торос обещал Бодуэну «огромные суммы золота, серебра, обилие пурпура, множество мулов, лошадей и оружия, если тот согласится быть защитником и поддержкой для него и его горожан»⁷¹⁵. Вне всяких сомнений, Торос, отталкиваясь от своего предшествующего опыта, относившегося ко временам византийского господства и правления Филарета Варажнуни, воспринимал Бодуэна и его крестоносцев как франкских наемников, подобных контингентам Робера Креспина, Русселя де Баёлля или Раймбо. Но здесь Тороса ждало жестокое разочарование. Граф потребовал разделения власти над Эдессой; в противном случае он грозился покинуть город и более не оказывать поддержку Торосу и христианскому населению восточного берега Евфрата. Вскоре в одном из главных храмов города состоялась торжественная церемония усыновления Бодуэна

⁷¹¹ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. III, c. 17, P. 164.

⁷¹² Матфей Эдесский говорит о 60 всадниках, Фульхерий Шартрский — о 80. Mathieu D'Edesse. Op.cit. — c. 154, P. 220; Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. I, c. 14, P. 210.

⁷¹³ Об Эдессе эпохи поздневизантийского правления (в т. ч. правления Филарета Варажнуни и Тороса Хетумида), см. Laurent J. Des Grecs aux Croisés: Etude sur l'histoire d'Edesse entre 1071 et 1098 // Byzantion. — 1924. — Tome I. — P. 367—449.

⁷¹⁴ Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. I, c. 14, P. 212.

⁷¹⁵ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. III, c. 20, P. 170.

Торосом⁷¹⁶. Согласно хронике Гильома Тирского, договор между «отцом» и «сыном» сводился к следующему: «Покуда князь (Торос. — С. Б.) будет жив, они будут разделять все блага; после же его смерти, к нему (т. е. Бодуэну) должно было отойти все, во всей полноте»⁷¹⁷.

Однако и это не спасло положение старого куропалата. Несмотря на первое поражение в столкновении с ближайшим сельджукским правителем — Бальдуком, эмиром Самосаты, граф Бодуэн и его франки, совместно с армянскими войсками, смогли резко прекратить туркские набеги на земли Эдессы, создав у переправы через Евфрат крепость, получившую название «замок Св. Иоанна»⁷¹⁸. Эмир Бальдук оказался, впервые за много лет, отсеченным от регулярно разоряемых им садов, деревень и угодий Эдессы. Так, первый месяц сосуществования франкского графа и византийского князя явно продемонстрировал жителям города, что они более не нуждаются в Торосе. Армянская знать Эдессы, во главе с советом из двенадцати «префектов» или «ишханов», составила заговор против своего правителя⁷¹⁹; было

⁷¹⁶ Церемония усыновления описана Альбертом Аахенским и Гильомом Тирским. См. Alberti Aquisensis. Op.cit. — Lib. III, c. 21, P. 170; Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. IV, c. 3, P. 156—157. Хронисты, упоминающие церемонию, не называют точное место, где Торос совершил церемонию усыновления Бодуэна. Усыновление могло быть совершено в любом из храмов Эдессы, но наиболее вероятными кажутся церковь Св. Апостола Фаддея, церковь Св. Стефана или мелькитский собор Св. Софии.

⁷¹⁷ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. IV, c. 3, P. 156—157

⁷¹⁸ Фактически, это была укрепленная сирийская деревня, преобразованная Бодуэном в импровизированную крепость. Там стоял отряд франкских рыцарей и конных сержантов, а также, вероятно, и армянские воины, соучаствовавшие в сражениях с франками. Согласно описаниям Альберта Аахенского, Бодуэн «оставил своих воинов, оснащенных кольчугами, шлемами и лошадьми, в Св. Иоанне, крепости, расположенной неподалеку от цитадели (Самосаты. — С. Б.), чтобы они регулярно выезжали, мужественно противостояли туркам и беспокоили их постоянными набегами. Сам же он вернулся в Эдессу в сопровождении всего 12 галлов». См. Alberti Aquisensis. Op.cit. — Lib. III, c. 21, P. 172.

⁷¹⁹ Совет из 12 армянских сенаторов/ишханов, очевидно, играл значимую роль в жизни Эдессы как в период правления там армян-халкидонитов (Филарета Варажунни, Тороса), так и в эпоху франкского господства. Даже в составленной далеко от берегов Евфрата «Иерусалимской истории» Альберта Аахенского содержатся упоминания о «двенадцати сенаторах/префектах» (или просто о «сенате») Эдессы, которые вначале призвали Тороса уступить требованиям Бодуэна, затем — составили заговор против куропалата, чтобы передать всю полноту власти франкскому графу. В 1104 г., после пленение второго графа Эдессы — Бодуэна II де Бурга в битве у Харрана, призвали в город нового франкского правителя — Танкреда Антиохийского, признав его регентом и правителем. См. Alberti Aquisensis. Op.cit. — Lib. III, c. 19—24, P. 168—176; Lib. IX, c. 41, P. 694.

решено сместить Тороса, всецело передав власть в городе энергичному франкскому графу. В начале марта 1098 г. в Эдессе вспыхнуло восстание армянской знати, вставшей на сторону Бодуэна: Торос был осажден в цитадели, а затем растерзан восставшим армянским и сир-яковитским населением, не питавшим ни любви, ни благодарности к своему правителю-халкидониту. По словам сэра Стивена Рансимена, к этому времени жители Эдессы «нашли более действенного защитника (Бодуэна. — С. Б.). Франкам даже не пришлось устраивать заговор против Тороса; однако нельзя поверить в то, чтобы заговорщики посмели бы зайти так далеко, не заручившись, предварительно, поддержкой франков»⁷²⁰. Бодуэн, несмотря на предоставленные Торосу гарантии безопасности, заверенные клятвой на святынях церкви Св. Апостола Фаддея, ничего не сделал для спасения своего нареченного отца⁷²¹. 10 марта 1098 г. он был провозглашен «князем и герцогом (дукой)» Эдессы⁷²².

Полностью подчинив Эдессу и получив доступ к сокровищам убитого Тороса, Бодуэн продолжил активно расширять свои владения, первым делом принудив сельджукского эмира Бальдука покинуть Самосату, в обмен на 20,000 безантов. В течение года были покорены ближайшие к Эдессе и Турбесселю мусульманские поселения, такие как Сарудж, Айнтаб, Биреджик, Мамбидж. При этом, Бодуэн продолжал пользоваться широкой поддержкой армянского населения и знати; в число его ближайших сподвижников, наряду с франками, входили армянские военачальники, такие как Никуз и Константин,

Позднее, в 1107—1108 гг. армянские сенаторы/ишханы вновь добьются смены власти в городе, изгнав войска антиохийского князя и передав Эдессу освобожденному графу Бодуэну II. Институту двенадцати ишханов или сенаторов Эдессы посвящены две работы В.П. Степаненко. См. Степаненко В.П. Совет двенадцати ишханов и Бодуэн Фландрский. К сущности переворота в Эдессе (март 1098 г.) // *Античная древность и средние века*. — Свердловск: 1985. — С. 82—92; *Он же*. Ишханы Эдессы и внешнеполитическая ориентация города в 70-х годах XI — начале XII в. // *Византийский временник*. — 1984. — №45. — С. 87—94.

⁷²⁰ Runciman S. *The History of the Crusades*. Vol I. — Book II, c. 2, P. 206.

⁷²¹ Наиболее подробные описания заговора и последующего восстания против Тороса можно найти у Альберта Аахенского, а также в хрониках Матфея Эдесского и Гильома Тирского. См. Alberti Aquensis. *Op.cit.* — Lib. III, c. 22—23, P. 172—176; Guillaume de Tyr. *Op.cit.* — Lib. IV, c. 4—5, P. 158—159.

⁷²² «principem ac ducem». См. Alberti Aquensis. *Op.cit.* — Lib. III, c. 24, P. 176.

князь Гаргара⁷²³. В мае 1098 г. молодое графство Эдесское испытало первый серьезный удар со стороны сельджуков, когда к Евфрату подошла армия эмира Кербози, направлявшаяся к Антиохии. На ранней стадии осады граф Бодуэн совершил дерзкую вылазку против авангарда сельджукской армии, нанеся первое серьезное поражение эмиру Мосула. «Когда Бодуэн (...) услышал о приближении Кербози (...) он призвал к оружию все свои войска. Когда те были собраны, верхом на мощных скакунах, он выступил навстречу воинам Кербози, которых выслали вперед для осады Эдессы. Он атаковал турок и храбро бился с ними, опираясь на армянские луки и галльские копья. Наконец, он вынудил Кербози бежать к собственному лагерю, а сам вернулся в Эдессу, захватив богатую добычу: верблюдов, мулов и высланную вперед провизию»⁷²⁴. Вскоре сам Кербоза, с главными силами своих аскаров, осадил Эдессу, однако Бодуэн I отстоял город, отбив все атаки

⁷²³ Первым из армянских сподвижников графа Бодуэна был армянин Пакрад, брат князя Гох Василя, бежавший из византийского плена и присоединившегося к крестоносцам после взятия Никеи. Именно Пакрад был проводником и основным советником Бодуэна во время первых кампаний в Киликии и на Евфрате. Однако в 1098 г. Пакрад, которому Бодуэн доверил крепость Равандель, был обвинен в измене; его подвергли истязаниям и, затем, отпустили в горы восточного Тавра, в пределы, подвластные его брату Гох Василию. См. Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. III, c. 17—19, P. 164—168. Альберт Аахенский, называет среди армянских соратников графа Бодуэна местных, мелких приевфратских князей Фера и Никуза. Феру Бодуэн передал Турбессель, вероятней — как шателену, а не как ленное владение, т. к. в 1101 г. город перешел к Жослену I де Куртенэ. См. Ibid. — Lib. III, c. 18, P. 166. Никузу принадлежали земли неподалеку от Турбесселя, на западном берегу Евфрата. О том, что Никуз держал земли близ Турбесселя под началом Бодуэна I, упоминают и Альберт Аахенский, и Гильом Тирский. При этом Гильом называет Никуза «могущественным владетелем/сатрапом Армении, человеком сира Бодуэна» (*Armeniorum potens satrapa, domini Balduini familiaris*). См. Ibid. — Lib. IV, c. 9, P. 262; Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. V, c. 9, P. 209. Наконец, Константин — князь Гаргара (армянской крепости-города, расположенного на Евфрате, к северо-востоку от Эдессы), был первоначально вассалом куропалата Тороса Хетумида. Совместно с Бодуэном, он участвовал в первых боях с эмиром Самосаты — Бальдуком, а затем стал одним из вождей заговора против Тороса. Константин оставался князем Гаргара и вассалом франкских графов Эдессы с момента создания графства и вплоть до 1117 г., когда город перешел под непосредственную власть графа Бодуэна II де Бурга. Константин был брошен в темницу в Самосате, где и умер в течение года. Тем не менее, Гаргар вскоре вернулся к армянским вассалам графов Эдессы. В середине 30-х гг. XII в. армянский князь Гаргара — Михаил продал свое ленное владение своему сюзерену, графу Жослену II Эдесскому. Однако с конца 1140-х гг. Гаргар вновь оказался под властью армянского князя — Василия, также бывшего вассалом Жослена II Эдесского.

⁷²⁴ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. IV, c. 11, P. 264.

сельджуков. Испытав первое поражение, Кербога вынужден был покинуть пределы графства Эдесского и продолжить марш к осажденной Антиохии⁷²⁵. Так, к моменту взятия Антиохии крестоносцами и разгрома армии Кербога на Оронте, Бодуэн уже был полноправным господином городов по обоим берегам Евфрата и государем собственного, независимого графства Эдесского.

Бозмунд Тарентский и основание княжества Антиохийского

В сравнении с Бодуэном, Бозмунд Тарентский имел гораздо более внушительную репутацию и намного более тесные связи с Востоком. Будучи старшим сыном великого нормандского завоевателя Робера Гвискара, он принадлежал к первому поколению нормандцев, рожденных на отвоеванных землях византийской Италии⁷²⁶. В молодости Бозмунд стяжал себе славу храброго и успешного полководца, воюя под знаменами своего отца во время нормандского вторжения на Балканы (1081—1085 гг.). Бозмунд участвовал в разгроме ромейской императорской армии в знаменитой битве у стен Диррахия

⁷²⁵ Нельзя не отметить, что благодаря Бодуэну, его франкским и армянским войскам, на несколько недель задержавшим Кербогу у стен Эдессы, крестоносцы смогли получить необходимое время, чтобы завоевать Антиохию. Ibid. — Lib. IV, c. 11—12, P. 264—266.

⁷²⁶ Настоящим именем Бозмунда было «Марк», т. к. мальчик был рожден в замке своего отца — Сан-Марко-Арджентано и крещен в честь святого покровителя этих мест — евангелиста Марка. Однако вскоре Роберу Гвискару рассказали о легендарном великане — Бозмунде (Bohemundus gigas), и Гвискар, первоначально в шутку, нарек своего первенца — необычайно большого младенца — этим именем. В последующие годы прозвище вытеснило настоящее имя. И если на первых порах сын Гвискара фигурировал в хартиях как «Марк», впоследствии он и сам стал подписываться именем «Bohemundus». К примеру, на хартиях Гвискара, датированных 1076 и 1080 гг. Бозмунд фигурирует как «Марк, прозванный Бозмундом», но с конца XI в. он уже подписывался и упоминался исключительно как «Бозмунд». См. Ménager L.R. ed. Recueil des actes des Ducs Normands d'Italie 1046—1127. Tome I. — Bigiemme, 1980. — №23, 31, P. 87, 101. В начале XII в., благодаря популярности Бозмунда его нареченное имя распространилось среди франков Востока, итало-нормандцев и жителей французских земель. Сын Гвискара наречет этим именем нескольких человек, в т. ч. своего тюркского крестника (о чем упоминает Альберт Ахенский), а также собственного сына и наследника — Бозмунда II. О тюрке Бозмунде, см. Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. III, c. 61, P. 234. В XII—XIII вв. имя с гордостью будут носить шесть последующих князей Антиохии. История о наречении Бозмунда изложена только у Ордерика Виталия. См. Orderic Vitalis. Op.cit. — Vol. III, Lib. XI, c. 12, P. 366.

(1081 г.), а затем принял у Гвискара командование над нормандскими войсками, возглавив победоносное завоевательное шествие через Эпир, Македонию и Фессалию. Его войска вошли в Касторию, Арту, Янину и даже столицу византийской Македонии — Охрид, которая была сдана Боэмунду без боя⁷²⁷. При этом Боэмунд дважды наносил поражение армии василевса Алексея I Комнина в битвах у Янины и Арты (в 1082 г.). Эти столкновения на полях Фессалии и Македонии положили начало личному соперничеству Боэмунда и Алексея, имевшему столь ощутимые последствия для греко-латинских отношений рубежа XI-XII вв.⁷²⁸ В ходе этой войны оба молодых полководца (Алексей и Боэмунд) отчаянно пытались превзойти друг друга, прибегая к отчаянным марш-броскам и дерзким атакам. Так, у Янины ромейский василевс, надеясь лишить нормандцев их главного преимущества (ударной силы рыцарской кавалерии), «окружил город несколькими рядами повозок, преграждавших наиболее удобный путь к наступлению, со стороны равнины. Он преграждал все подступы (к городу и ромейскому стану. — С. Б.), размещая железные калытропы (т. е. крюки и шипы. — С. Б.), дабы проткнуть копыта вражеских лошадей, когда всадники, ослабив поводья, понесутся в атаку. Однако греки были ослеплены густым туманом, а нормандцы подошли к ним незамеченными, пользуясь сложными окольными путями, поросшими кустарником и лозой. Алексей вступил с ними в бой, но не мог долго противостоять атаке. Он обратился в бегство и отступил, потерпев поражение»⁷²⁹.

В 1083 г., когда Боэмунд осаждал один из крупнейших городов Фессалии — Лариссу, император Алексей вновь решил нанести удар. Поручив основные силы своей армии, «ромейские отряды, царские значки, копья, усаженные серебряными гвоздями, и коней, покрытых царскими пурпуровыми седлами»⁷³⁰ кесарю Никифору Мелиссину,

⁷²⁷ Анна Комнина отмечает, что Боэмунд прибыл в Охрид «по приглашению» жителей города. См. Анна Комнина. Указ. соч. — Книга V, гл. 5, С. 165.

⁷²⁸ Примечательно, что эти два соперника были, примерно, ровесниками. Боэмунд родился около 1058 г., так что во время войны на Балканах ему не могло быть больше двадцати пяти лет от роду. Алексей I Комнин, в свою очередь, родился ок. 1056 г., т. е. и ему в этот период не исполнилось еще и тридцати.

⁷²⁹ *Guillermus Apuliensis. Gesta Roberti Wiscardi* // MGSS, IX. — Tübingen, 1899. — P. 290.

⁷³⁰ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга V, гл. 6, С. 168.

Комнин велел ему вывести войска, построиться в виду неприятельского расположения и начать отступать, как только Боэмунд и его нормандцы выступят навстречу для сражения. Сам василевс и автократор ромеев, в сопровождении ромейских кавалеристов и тюркских наемников⁷³¹, скрылся в близлежащем ущелье и «пролежал лицом вниз остаток ночи»⁷³², выжидая подходящего момента для удара. Когда настало утро и Боэмунд выступил вперед, увлеченный преследованием войск Мелиссина, конница Алексея I атаковала лагерь нормандцев, вырезала находившихся там пехотинцев, а затем обратилась против кавалерии нормандского коннетабля — графа Бриенна. Вскоре до Боэмунда дошла весть о случившемся; несмотря на то, что он собрал войска и отбил последующие ромейские атаки, его вынудили снять осаду Лариссы и отступить на запад, раз и навсегда остановив победоносное нормандское продвижение к Фессалоникам и Константинополю⁷³³. К 1085 г. император Алексей, в союзе с венецианским дожем Витале Фальеро, смог вытеснить нормандцев с Балканского полуострова, полностью освободив европейские провинции Ромейской державы⁷³⁴.

На финальной стадии этой войны от тифа умер неутомимый Робер Гвискар⁷³⁵. Между двумя старшими сыновьями Гвискара — Боэмундом и Рожером Борсой началась война за наследство. Невзирая на то, что Боэмунд был старше и превосходил своего сводного брата фактически во всех аспектах, Гвискар, под влиянием своей второй

⁷³¹ В составе армии Алексея I Комнина находилось более 7,000 тюркских воинов, посланных по просьбе василевса румским султаном Сулейманом ибн Кутлумышем (тем самым румским султаном, который спустя год завоевал Антиохию). См. *Ibid.* — Книга V, гл. 6, С. 165—166.

⁷³² *Ibid.* — Книга V, гл. 6, С. 168.

⁷³³ Прямо перекликающиеся описания битвы у Лариссы приведены в книгах Анны Комниной и нормандца Вильгельма Апулийского. См. *Ibid.* — Книга V, гл. 6, С. 167—169; *Guillermus Apuliensis. Op.cit.* — P. 290—291.

⁷³⁴ Подробнее о вторжении Гвискара на Балканы, о битвах при Диррахии, Янине, Арте и последовавшем поражении Боэмунда у Лариссы, см. Анна Комнина. Указ. соч. Книга V, С. 156—176; *Guillermus Apuliensis. Op.cit.* — P. 279—295; Yewdale R.B. *Bohemond I, Prince of Antioch...* с. 2, P. 9—24. Отдельное описание битвы при Диррахии, см. Хелдон Д. *Византийские войны...* — гл. «Диррахий 1081 г.», С. 420—426.

⁷³⁵ Гвискар умер 17 июня 1085 г. на Кефалонии. Тело его было перевезено в Апулию, и похоронено в аббатстве Св. Троицы в Венозе.

жены — Сисельгаиты, нарек своим наследником Рожера. Права герцога Рожера Борсы поддержал и могущественный младший брат и соратник Гвискара — граф Рожер I Сицилийский. Лишенный наследства Боэмунд не отказался от борьбы. Опираясь на поддержку нормандского князя Капуи — Жордана I и на верность части баронов и рыцарей своего отца, он отвоевал у своего младшего сводного брата половину Апулии, с городами Отранто и Таранто. К марту 1086 г. братья заключили перемирие, однако вскоре война возобновилась, продолжаясь до 1089 г. Боэмунд подчинил значительную часть Калабрии, а также добился передачи ему крупнейшего города Апулии — Бари. Как справедливо отмечал, в своей диссертации, посвященной Боэмунду, историк Роберт Юдейл: «Несмотря на то, что Таранто впоследствии дало название землям Боэмунда, следует отметить, что именно Бари, а не Таранто был главным городом его владений»⁷³⁶. Борса удерживал унаследованный от отца титул «герцога Апулии и Калабрии» и остаток своих земель исключительно благодаря помощи графа Рожера I Сицилийского. В последующие годы положение Боэмунда на юге Италии только укреплялось⁷³⁷.

Приняв крест и вновь отправившись на Восток с началом Первого крестового похода (поздней осенью 1096 г.), Боэмунд первоначально сделал ставку на тесный союз со своим старым противником, императором Алексеем I Комниным. Вопрос о том, какие именно выгоды Боэмунд рассчитывал получить от этого союза, поныне остается открытым⁷³⁸. Известно, что во время переговоров с василевсом, Боэмунд просил у Алексея назначить его великим domestikом схол Востока⁷³⁹. Поскольку последним держателем этого титула был *de facto* независимый правитель Антиохии, Эдессы и Мараша — Филарет Варажнуни (1078—1086 гг.), эта просьба сына Гвискара наводит на мысль, что он, вероятно, рассчитывал заполучить города и земли на востоке

⁷³⁶ Yewdale R.B. Bohemond I, Prince of Antioch... с. 3, P. 29.

⁷³⁷ Пожалуй, лучшее описание войны Боэмунда за владения своего отца, с ссылками на нарративные и документальные источники, можно найти у Юдейла. См. Yewdale R.B. Bohemond I, Prince of Antioch... с. 3, P. 25—33.

⁷³⁸ Подробнее о союзе императора Алексея I Комнина и Боэмунда в 1097—1098 гг., см. Анна Комнина. Указ. соч. Книга VI, гл. 11, С. 288—292; Shepard J. When Greek meets Greek: Alexius Comnenus and Bohemund in 1097—1098 // Byzantine and Modern Greek Studies. — 1988. — №12. — P. 185—277.

⁷³⁹ Анна Комнина. Указ. соч. Книга VI, гл. 11, С. 292

при поддержке ромеев и в качестве номинального вассала империи. Во время крестового похода Боэмунд вновь проявил себя как выдающийся военачальник, одержав победы в битвах у Дорилии, Альбары и у Железного Моста.

Более того, к лету 1098 г. Боэмунд превосходил других вождей крестоносного войска по численности подвластных ему рыцарей, сержантов и паломников. По словам Рауля Канского, в битве при Антиохии «сын Гвискара был первым по числу и силе подчиненных войск»⁷⁴⁰. Если учесть, что Боэмунд не мог вывести из Европы контингент, который превосходил бы армии провансальцев или северофранцузских феодалов, очевидно, что помимо собственных, итало-нормандских вассалов, он, как и Бодуэн I Эдесский, рассчитывал на тех франков, которые покидали менее удачливых вождей и переходили под его знамена⁷⁴¹. Здесь успеху Боэмунда способствовали не только его удачи и военные заслуги, но и особый магнетизм его личности. Итало-нормандский хронист Гоффредо Малатерра приводит описание того, как на заре крестового похода, когда нормандские государи Южной Италии осаждали Амальфи (летом 1096 г.), Боэмунд, появившись в плаще с нашитым крестом и призвав нормандское рыцарство к освобождению Иерусалима, в буквальном смысле слова сорвал осаду. Лагерь у Амальфи покинули не только вассалы Боэмунда, но и значительная часть рыцарей и сержантов графа Рожера Сицилийского и герцога Рожера Борсы, после чего те вынуждены были спешно отступить от мятежного города⁷⁴². Спустя более чем десять лет, когда Боэмунд путешествовал по землям Европы, созывая новый крестовый поход (1104—1107 гг.), нормандский король Англии Генрих I воспретил ему пересекать Ла-Манш, «справедливо

⁷⁴⁰ Radulfo Cadomensis. Op.cit. — с. 85, Р. 666. Альберт Аахенский оставляет сходное описание: «Боэмунд Сицилийский был наречен командующим последним отрядом, превосходившим другие по числу конницы и пехоты». См. Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. IV, с. 48, Р. 322.

⁷⁴¹ Так, Бодуэн де Бург покинул контингент своего сородича Готфрида Бульонского и перешел на службу к Боэмунду, под началом которого оставался вплоть до 1100 г. Матфей Эдесский называет Бодуэна де Бурга «человеком Боэмунда». См. Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 167, Р. 231. Альберт Аахенский, в свою очередь, говорит о том, что Бодуэн де Бург «оставался с Боэмундом в Антиохии, служа за денежное вознаграждение» (contractis cum mille peditibus), и что в 1100 г. Бодуэн I, покидая Эдессу ради Иерусалима, призвал де Бурга «оставить Антиохию и службу за деньги и принять земли (графства Эдесского. — С. Б.)». См. Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. VII, с. 31, Р. 530.

⁷⁴² Gaufredo Malaterra. Op.cit. — Lib. IV, с. 24.

опасаясь, что Боэмунд убедит многих лучших его рыцарей оставить королевскую службу»⁷⁴³. Лидирующее положение Боэмунда отражено и в двух посланиях, которые вожди Первого крестового похода направляли на Запад, в июле и сентябре 1098 г. В обоих текстах Боэмунд первым фигурирует в перечне князей крестоносного войска, опережая «папского» крестоносца Раймонда Сен-Жильского, имперского вассала герцога Готфрида Бульонского, сыновей и братьев западноевропейских королей — Робера Нормандского и Гуго Вермандуа⁷⁴⁴.

Боэмунд возглавил ту часть крестоносного войска, которая ратовала за разрыв с Византией и за удержание покоренных сирийских территорий. Отказ ромеев и лично императора Алексея I Комнина от боевых действий в Сирии предоставили Боэмунду и столь необходимое «оправдание» его притязаниям, и свободу действий⁷⁴⁵. Нельзя не отметить, что, согласно Анне Комниной, именно Боэмунд склонил императорского легата Татикия покинуть осаду Антиохии, тайно известив его о якобы готовившемся на него покушении⁷⁴⁶. Если сопоставить эти слова Анны с уверениями Раймонда Ажилльского

⁷⁴³ Orderic Vitalis. Op.cit. — Vol. III, Lib. XI, c. 12, P. 365—366.

⁷⁴⁴ В тексте июльского послания, упоминаются четыре крестоносных князя, из которых первый — Боэмунд, второй — граф Раймонд Сен-Жильский, третий — герцог Готфрид Бульонский, четвертый — граф Гуго Вермандуа. См. Hagenmeyer H., ed. Die Kreuzzugsbriefe... №12, P. 153—155. В послании «от 11 сентября 1098 г.» первым вновь упоминается и подписывается Боэмунд, вторым — Раймонд Сен-Жильский, третьим — Готфрид Бульонский, четвертым — герцог Робер Нормандский, пятым — граф Робер Фландрский, шестым — граф Эсташ III Бульонский (старший брат Готфрида и Бодуэна I Эдесского). См. Ibid. — №16, P. 161—165; Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — c. 24, P. 258—264.

⁷⁴⁵ Примечательно, что единственным из военачальников на совете в Филомелиуме, горячо убеждавшим василевса Алексея I Комнина продолжать поход на помощь к осажденным в Антиохии крестоносцам, был младший брат Боэмунда — Ги де Отвилль, герцог Амальфи. См. Anonymi Gesta Francorum... c. 7, P. 356—362; Orderic Vitalis. Op.cit. — Vol. III, Lib. IX, c. 10, P. 134—135.

⁷⁴⁶ Боэмунд не хотел отдавать город Татикию во исполнение клятвы императору, он сам домогался Антиохии, а узнав об агарянах, задумал дурную думу: волей или неволей принудить Татикия отступить от города. И вот Боэмунд пришел к нему и сказал: «Заботясь о твоей безопасности, я хочу открыть тебе тайну. До графов дошел слух, который смутил их души. Говорят, что войско из Хорасана султан послал против нас по просьбе императора. Графы поверили и покушаются на твою жизнь. Я исполнил свой долг и известил тебя об опасности. Теперь твое дело позаботиться о спасении своего войска». Татикий, видя, что начался сильный голод (...) отчаялся взять Антиохию, снялся с лагеря, погрузил войско на ромейские корабли (...) и переправился на Кипр». См. Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XI, гл. 3, С. 300—301.

в том, что Татикий, покидая Левант, препоручил Боэмунду, как единственному из приближенных к нему крестоносных князей, попечение о номинально византийских городах Киликии⁷⁴⁷, создается впечатление, что сын Гвискара унаследовал не только военные, но и дипломатические дарования своего отца⁷⁴⁸. Успехам Боэмунда способствовало и то, что он был единственным среди вождей Первого крестового похода, кто уже был известен на византийском Востоке, благодаря своему участию в нормандских походах против Ромейской державы. Как впоследствии писал Рауль Канский, «Народы Востока считали его князем среди князей. С тех пор как он сражался бок о бок с Робером Гвискаром, слава Боэмунда, возросшая после стольких сражений, ужасала народы. С самого начала (крестового похода. — С. Б.) он был прославлен в Азии»⁷⁴⁹.

Именно в Антиохии — царице сирийских городов сын Гвискара видел тот центр, вокруг которого предстояло сформировать новое нормандское государство на землях византийского Востока. Антиохия с первых дней осады города завораживала крестоносцев своей красотой, неприступностью и величием. Город действительно поражал воображение как латинских паломников, так и жителей Востока. Приведем описание Гвиберта Ножанского: «Антиохия — город несравненной красоты, не знающий равных в величии своих строений. Он прекрасно расположен, его климат несравненен, его виноградники плодородны, поля — богаты. К востоку он окружен четырьмя высокими горами, с запада его стены омывает река Фарфар, известная по Писанию, чьи волны наполнены рыбой. На вершине одной из гор возвышается удивительная, неприступная крепость, под ней расположен сам город, наполненный следами прежней славы, гордящийся благородными памятниками своего древнего великолепия. В его пределах находится 360 церквей (...) Город окружен двойной стеной. Один

⁷⁴⁷ По словам Раймонда, Татикий «передал (concessit) Боэмунду два или три города; Тарс, Мамистру, Адану». См. Raimundi Aguilers. Op.cit. — с. 6, Р. 246. Если же учесть, что Раймонд Ажилльский не входил в число приближенных нормандского князя и не принимал дальнейшего участие в «антиохийских» войнах за равнинную Киликию (в 1100, 1101, 1107—1108 гг.), вероятно, он действительно передает те слова, и те уверения, которые Боэмунд выдвигал в 1098—1099 гг., уже выдвигая свои права на киликийские города.

⁷⁴⁸ Напомним, что «Гвискар» (Viscardus) на средней латыни и на старофранцузских диалектах означал «хитрый», «находчивый» и даже, в определенном контексте — «лис».

⁷⁴⁹ Radulfo Cadomensis. Op.cit. — с. 62, Р. 652.

ряд стен привычной высоты, другие же стены, возведенные из массивных камней, невероятной высоты и ширины. Стены окружают 450 башен»⁷⁵⁰. Описание неприступных укреплений величественного города оставляет и мелькитский автор Юханна ибн Бутлан⁷⁵¹.

С Антиохией связаны величайшие свершения старшего сына Гви-скара: именно Боэмунду была сдана Башня двух сестер и, следовательно, сама Антиохия; именно ему, после победы над армией Кербо-ги (28 июня 1098 г.) сдалась и цитадель города, а глава сельджукского гарнизона — Ахмед ибн Мервад, вместе с некоторыми тюркскими во-инами, принял крещение и поступил на службу к итало-нормандскому князю⁷⁵². После взятия Антиохии и победы над армией Кербоги, вожди Первого крестового похода, уступив настоятельным требованиям Боэ-мунда, сделали его «господином и защитником Антиохии (*dominum et aduocatum*)». По словам Альберта Аахенского: «Боэмунд принял власть и господство над городом (*assumpta potestate et domino urbis*) и разме-стил свою резиденцию и свою стражу в цитадели, которая была рас-положена высоко в горах»⁷⁵³. Конечно же, это вряд ли было окончатель-ным решением совета; скорее — временной мерой. Князья и бароны крестоносного войска явно не желали отказывать Боэмунду, признавая его заслуги в деле завоевания Антиохии и спасения «вооруженных па-ломников» от наступавшей армии Кербоги; но, в то же время, они не собирались и воевать с Византией ради защиты нормандских прав на Антиохию⁷⁵⁴. Со смертью Адемара Монтейльского (1 августа 1098 г.) Бо-эмунду противостояли лишь провансальские крестоносцы графа Рай-

⁷⁵⁰ Guiberti Abbatis. Op.cit. — Lib. VI, c. 16, P. 211—212.

⁷⁵¹ Текст описания см. ниже: Часть IV, гл. 2, С. 100—105.

⁷⁵² Описание крещения Ахмеда ибн Мервада оставляют Анонимный автор «Деяний фран-ков», Петр Тудебод и многие другие латинские авторы. См. Anonymi Gesta Francorum... c. 29, P. 379—380; Petri Tudebodi. Op.cit. — P. 82. Однако самым значимым является описание, данное самими князьями крестоносного войска, в их послании к Папе Урбану II: «мир, находившийся в вышеупомянутой крепости, во главе отряда из 1,000 человек сдался Бо-эмунду и, через него, полностью покорился христианской вере». См. Hagenmeyer H., ed. Die Kreuzzugsbriefe... №16, P. 164; Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — c. 24, P. 263.

⁷⁵³ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. V, c. 3, P. 340.

⁷⁵⁴ Двойственность положения князей крестоносного войска выражается и в том, что они, признав Боэмунда «князем и господином Антиохии», одновременно поручили Гуго Вермандуа и Бодуэну II, графу Эно, оповестить василевса о взятии города и разузнать о перспективах ожидаемого ромейского продвижения в Сирию. Подробнее см. выше.

монда Сен-Жильского, упорно державшиеся идеи союза с империей; остальные вожди крестового похода не оспаривали прав Боэмунда на Антиохию. Что касается графа Тулузского и Сен-Жильского, то на протяжении первых лет пребывания франков на Востоке он оставался главным латинским противником нормандского утверждения в Антиохии.

О распре между Боэмундом и Раймондом Сен-Жильским будут неоднократно писать средневековые хронисты и позднейшие исследователи. Приведем здесь цитату из Ордерика Витали, точно передавшего суть распри и аргументы сторон. «Один (т. е. Боэмунд) требовал утверждения своего господства над всем городом, как и было обещано ему во время осады». Раймонд же «апеллировал к клятве верности императору, данной и Боэмундом, утверждая, что он не может быть освобожден от этой клятвы без вероломства. Боэмунд приготовил переданную ему цитадель к обороне, собрав там запасы оружия и провианта и стянув туда войска. Таким же образом граф укрепил занятый им дворец эмира Кассиана (т. е. Яги-Сиана. — С. Б.), а также захватил крепость у моста, ведущего к гавани Св. Симеона»⁷⁵⁵. До начала 1099 г. провансальцы графа Раймонда контролировали южный квартал Антиохии, с дворцом Яги-Сиана (очевидно, бывшей резиденцией византийских дук) и главными, укрепленными городскими воротами — Мостовыми вратами. Также провансальские крестоносцы стояли и в таких сирийских городах, как Ругия, Альбара и Тель-Манна. Однако не позднее весны 1099 г. все эти территории перешли к Боэмунду. Удержав Антиохию и отстояв свои права на покоренный город, Боэмунд приступил к созданию собственного франко-нормандского княжества на территории византийской Сирии и равнинной Киликии, продолжив тем самым нормандскую экспансию на Восток и фактически возобновив в Леванте то, что его отец успешно завершил на землях византийской Италии.

Освоение нового пространства:

участники Первого крестового похода на землях Сирии и Киликии

Итак, в годы Первого крестового похода имели место словно бы две противоположные стадии латинских взаимоотношений с восточными христианами, в равной степени способствовавшие

⁷⁵⁵ Orderic Vitalis. Op.cit. — Vol. III, Lib. IX, c. 12, P. 153.

формированию *франкских* государств в Леванте. С одной стороны, и Ромейская держава, и восточно-христианское население Леванта оказали посильную поддержку крестоносцам, что позволило последним сравнительно малыми силами занять города и земли равнинной Киликии и северной Сирии. Но одновременно, в период борьбы за Антиохию, василевс отказался от похода в Сирию, возбудив ярость крестоносцев и дав им повод, в свою очередь, отказаться от условий константинопольского оммажа. Таким образом, сравнительно легкое завоевание, в значительной мере обеспеченное поддержкой местного населения, в сочетании с последующим отречением от обязательств перед империей, породили среди крестоносцев идею перманентного удержания покорившихся им восточных территорий (*iure belli*).

К исходу 1098 г. франки уже достаточно свободно ориентировались на просторах Сирии и Киликии, и, к тому же, обладали весьма ценным опытом правления сирийскими городами и поселениями. О том, насколько свободно крестоносцы могли передвигаться по территории Сирии, свидетельствует приведенный в «Истории...» Раймонда Ажилльского рассказ знаменитого провансальского провидца Петра-Варфоломея, открывшего впоследствии «Святое копьё» в Антиохии. Рассказывая о повторяющихся чудесных явлениях апостола Андрея, Петр-Варфоломей упоминает о своих странствиях в период антиохийской осады; по словам провансальца, явления апостола заставляли его то в Эдессе, то в Мамистре, то в гавани Св. Симеона (куда он направлялся в составе небольших отрядов, собиравших провиант) и, наконец, в самой Антиохии, где он участвовал в битве 28 июня 1098 г.⁷⁵⁶. Обычно этот отрывок приводится исключительно в рамках рассмотрения истории о «Святом копьё»; мы же видим в этом тексте весьма ценное свидетельство того, что франки (очевидно — опираясь на поддержку восточно-христианских поселений и проводников) могли, в первые же месяцы своего пребывания в Леванте, свободно ориентироваться на просторах Сирии.

Что касается полученного франками опыта «удержания» и правления городами Сирии, то Рауль Канский, а также некоторые другие латинские авторы, такие как Альберт Аахенский, оставляют описания того, как предводители крестоносного войска разделили между собой сирийские земли в период «стояния» в Антиохии. Бозмунд держал

⁷⁵⁶ Raimundi Aguilers. Op.cit. — с. 10, P. 254—255.

самую Антиохию и близлежащую долину Дафни; его племянник Танкред — города Харим и Имм на восточном берегу Оронта. Робер Нормандский ушел, по приглашению ромеев и местного мелькитского населения, к Латакии. Робер Фландрский занял долину Балан, близ отрогов Аманоса и перевала «Сирийских врат». Раймонд Сен-Жилльский (оставив часть своих войск в южном квартале Антиохии) отвел свои войска на юг — к Ругии. Готфрид Бульонский, напротив, отправился на северо-восток, в пределы основанного его братом — Бодуэном графства Эдесского, где Бодуэн временно передал ему Турбессель⁷⁵⁷. Естественно, это было не долгосрочное, но временное разделение территорий, с целью «кормления» своих войск. Однако это разделение оказалось настолько привлекательным для принявших крест баронов и рыцарей, что потребовалось полномасштабное восстание простых пилигримов и сожжение ими сирийского города Маарат ан-Нумана (бывшего яблоком раздора между Боэмундом Тарентским и Раймондом Сен-Жилльским), дабы цвет крестоносного рыцарства вспомнил о походе к Святому граду⁷⁵⁸. Так или иначе, когда зимой 1098—1099 гг. сильно поредевшая армия Первого крестового похода наконец продолжила свой марш на юг — к Иерусалиму, значительная часть «принявших крест» франков предпочла остаться на землях византийской Сирии, где уже начиналось становление независимых франкских государств, формировавшихся под началом Боэмунда Тарентского в Антиохии и графа Бодуэна в Эдессе.

⁷⁵⁷ Radulfo Carnotensis. Op.cit. — с. 59, Р. 649—650. Единственным недостатком описаний Рауля является то, что мы не можем идентифицировать многие из описанных им территорий, т. к. он неточно передает их названия. О пребывании герцога Робера Нормандского в Латакии, см. Ibid. — с. 58, Р. 648—649. О Готфриде и передаче ему Турбесселя графом Бодуэном I Эдесским, см. Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. IV, с. 9, Р. 262. См. также: Asbridge T. The Creation of the Principality of Antioch... Р. 28—34.

⁷⁵⁸ Raimundi Aguilers. Op.cit. — с. 14, Р. 271—272.

Глава II

Нормандские завоеватели на восточных границах Византии

I. Первые кампании Боэмунда против ромеев в Сирии (1098—1100 гг.)

Ромеи и сарацины как равноценные противники Антиохийского княжества. Первая осада Латакии (1099 г.)

Сменив роль пилигримов и наемников на роль господ и завоевателей, осевшие в Сирии франки не могли уже рассчитывать на столь же активную поддержку со стороны восточных христиан. Желание удержать города и земли византийской Сирии и Киликии обрекало франко-нормандских крестоносцев на неминуемое столкновение с империей ромеев. Графы Эдессы, чьи владения также охватывали территории, недавно принадлежавшие Византии, смогли остаться в стороне от открытых конфликтов с империей, сосредоточившись на войнах с сельджукскими эмирами и армянскими князьями. В то же самое время удерживавшие Антиохию, Тарс и Мамистру нормандцы с первых дней были вовлечены в ожесточенную войну с ромеями, став первыми крестоносцами, которые поставили знак равенства между войнами с мусульманами и восточными христианами. Вполне естественно, что подобное вовлечение в войну с Ромейской державой требовало переоценки отношений к восточным, особенно — византийским христианам⁷⁵⁹. Боэмунд, как и его отец, и его итальянские кузены, стремился возвести свое государство на

⁷⁵⁹ Этой, инициированной нормандцами, «переоценке» отношений к христианам Востока и Византии посвящена работа Э. Ханавальт «Нормандское видение восточно-христианского мира. От Первого крестового похода к княжеству Антиохийскому». См. Hanawalt E. Norman Views on Eastern Christendom: From the First Crusade to the

покоренном византийском пространстве. С утверждением Боэмунда в Антиохии, восточные провинции Византии и те земли, на которые претендовала империя, превращались в добычу, в объект для завоевания и обогащения, а населявшие эти земли византийские христиане — в потенциальных противников или подданных, на верность которых полагаться не приходилось.

Экспансия новообразованного княжества Антиохийского в период правления первых двух нормандских князей (Боэмунда I и Танкреда) проходила, во многом, именно за счет византийских территорий. Тенденция эта была заложена уже на заре Боэмунда I, который сразу же проявил готовность вести свои войска как против сельджукских эмиров Сирии, так и против подданных ромейского василевса, в равной степени стремясь к завоеванию как мусульманских, так и христианских владений. В 1099—1100 гг. князь Антиохийский четыре раза вступал в вооруженные столкновения с мусульманами⁷⁶⁰ и че-

Principality of Antioch // *The Meeting of Two Worlds: Cultural Exchange between East and West during the Period of the Crusades.* — Kalamazoo, 1986. — P. 115—121.

⁷⁶⁰ Поскольку тема монографии — соприкосновение латинских и византийских христиан на землях франкской Сирии, мы не можем подробно останавливаться на войнах Боэмунда с мусульманами, но все же считаем необходимым дать краткую информацию о них в данном подстрочном примечании, дабы не исказить истории становления княжества Антиохийского и не создавать впечатления, что Боэмунд воевал исключительно с Византией. Итак, из четырех столкновений с мусульманами, имевших место в 1099—1100 гг., два были инициированы Боэмундом, и два — сельджукскими эмирами. Кампании, инициированные Боэмундом, носили характер рейдов, сопровождавшихся попытками сходу захватить отдельные арабо-мусульманские города. Так, в 1100 г. Боэмунд и его рыцари атаковали арабский портовый город Джабалу, однако взять ее не удалось, а в столкновениях с арабской конницей был взят в плен коннетабль антиохийского князя (вероятно — Робер, т. к. с этого момента он не упоминается в латинских текстах). См. Ibn al-Athir. *Al-Kamil fi al-Tarikh...* P. 205. Аналогичный рейд против западных территорий Алеппского эмирата имел больший успех. Войска Боэмунда захватили ряд поселений в горных регионах Джебель аз-Завия и Джебель ас-Сумак, а также на протяжении нескольких дней осаждали Апамею, хотя самого города взять не смогли. См. *Ibid...* P. 204.

Кроме того, в 1100 г. имело место два крупномасштабных сражения между франками и сельджуками, проходившие по инициативе эмиров Алеппо и Дамаска (заклятых врагов и братьев Рывдвана и Дукака). В начале года, когда объединенная армия князя Боэмунда I Антиохийского и графа Бодуэна I Эдесского возвращалась на север после рождественского паломничества в Иерусалим, ее атаковал аскар эмира Дукака Дамасского. Сражение произошло близ Баальбека. Атаки сельджуков были быстро отбиты франками, авангард которых вел князь Боэмунд, а арьергард — Бодуэн I Эдесский. См. Fulcheri Carnotensis. *Op.cit.* — Lib. I, c. 24, P. 340—342. В конце июня 1100 г. Рывдан

тырежды — с ромеями (трижды агрессорами выступали нормандцы, один раз — империя). Летом 1099 г. к берегам Сирии прибыла пизанская эскадра, состоявшая из более чем сотни кораблей. Вел ее архиепископ Пизы и новый папский легат на Востоке — архиепископ Дамберг. Встретив корабли в гавани Св. Симеона, Боэмунд заключил союз с пизанским архиепископом и вскоре франко-нормандские войска и итальянские корабли выдвинулись к Латакии, крупнейшему портовому городу Сирии, вновь ставшему частью Ромейской державы.

В годы Первого крестового похода этот населенный преимущественно греками и мелкитами город несколько раз переходил из рук в руки и уже имел сложный опыт отношений с латинянами. Согласно «Алеппской хронике» Кемаль ад-Дина, в августе 1097 г. Латакию отбила у мусульман латинская эскадра, состоявшая из 22 кораблей⁷⁶¹. Если учесть, что, по словам Кемаль ад-Дина, латиняне не только выбили сельджуков, но и приступили к самочинному разграблению города, можно предположить, что «освобождение» Латакии было делом рук принявших крест фламандских и северофранцузских пиратов Гвинмара Булоньского. Это соответствует версии, изложенной в «Иерусалимской истории» Альберта Аахенского⁷⁶². Очевидно, Латакия недолго находилась во власти фламандских паломников-пиратов, т. к. вскоре в гавань вошли присланные Алексеем I Комниным корабли, на борту которых, помимо ромеев, находились имперские наемники англосаксы. По словам Альберта Аахенского, когда Гвинмар, «его воины и соратники-пираты наслаждались отдыхом и щедротами города, их преднамеренно атаковали туркополы и воины греческого

Алеппский желая остановить рейды Боэмунда против его эмирата, вывел свой аскал на земли, недавно захваченные франками. 5 июля армии Рыдвана и Боэмунда сошлись в решительном сражении близ сирийской Келлы (на восточном берегу Оронта). Боэмунд, согласно повествованию Кемаль ад-Дина, сумел быстро стянуть к себе франко-нормандские гарнизоны из близлежащих, недавно захваченных поселений и «наложить руки на аскал Рыдвана, которая понесла большие потери, оставив (франкам) более пятисот пленных, в том числе и нескольких эмиров». См. Kemal ad-Din. Op.cit. — P. 588. Победоносная битва у Келлы стала завершением этой кратковременной войны, т. к. Боэмунд был отвлечен дальнейшими событиями на севере, а разбитый эмир Рыдван на протяжении последующих четырех лет воздерживался от атак или контратак против княжества Антиохийского.

⁷⁶¹ Kemal ad-Din. Op.cit. — P. 578.

⁷⁶² Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. III, c. 59, P. 231—232.

царя; цитадель города была отвоевана, а Гвинмар брошен под стражу, в темницу»⁷⁶³. Крупнейший греко-мелькитский город Сирии вновь перешел под власть василевса, а плененного ромеями Гвинмара впоследствии пришлось выкупать его земляку — герцогу Готфриду Бульонскому⁷⁶⁴.

В период осады Антиохии, когда христиане Сирии с ужасом ожидали прибытия армии эмира Кербоги, гарнизон и жители Латакии обратились за помощью к герцогу Роберу Нормандскому, войска которого вошли в город⁷⁶⁵. Однако герцог Робер так терзал жителей Латакии непомерными поборами, что вскоре против него вспыхнуло восстание. По словам Гвиберта Ножанского, «когда жители города не могли уже вынести податей, наложенных этим блудным человеком, они изгнали его воинов из цитадели и освободились от его власти»⁷⁶⁶. К началу 1099 г. Латакия вновь находилась исключительно в ромейской власти, подчиняясь дукe Кипра — Евмафию Филокалу⁷⁶⁷. Но изгнавшим герцога Робера грекам и мелькитам Латакии предстояло столкнуться с другим и намного более способным нормандцем, который отнюдь не собирался покидать пределы Ближнего Востока, и который видел их город в качестве составной части своего государства.

В августе 1099 г. войска князя Боэмунда I Антиохийского и пизанская эскадра архиепископа Даимберта подошли к Латакии. Пападение на византийский город было стремительным и хорошо спланированным; атаки велись как с моря, так и с суши. В Латакии находились две приморские башни, с двух сторон контролировавшие вход в гавань, которая, подобно константинопольской бухте Золотого Рога, перекрывалась цепью. Благодаря энергичным атакам франко-нормандского рыцарства и итальянских моряков, обе башни оказались

⁷⁶³ Ibid. — Lib. III, с. 59, P. 232.

⁷⁶⁴ Ibid. — Lib. V, с. 24, P. 366.

⁷⁶⁵ Рауль Канский иронично отмечает, что оказавшиеся в Латакии англосаксы, некогда бежавшие от нормандского гнета к византийскому императору, вынуждены были уже на Востоке вновь просить защиты у герцога Нормандского (к слову — старшего сына завоевателя Англии — Вильгельма). См. Radulfo Carnotensis. Op.cit. — с. 58, P. 648—659.

⁷⁶⁶ Guiberti Abbatis. Op.cit. — P. 254.

⁷⁶⁷ Об этом прямо упоминает генуэзский автор, участник Первого крестового похода — Каффаро ди Рустико да Касчифеллоне. Cafari de Caschifelone. De libertatione civitatum Orientis // RHC Occ. V. — Paris, 1895. — P. 66.

во власти Боэмунда. Согласно повествованию Альберта Аахенского: «Боэмунд, чья алчность и жажда величия были неутолимыми, после долгой осады захватил Латакию, город, населенный греческими католиками. При поддержке пизанских и генуэзских кораблей он захватил две городские башни, расположенные у моря, цитадели, которые некогда принимали подати от моряков. Частью вырезав, частью ослепив католических стражей города (т. е. ромейских воинов. — С. Б.), он сбросил их тела с башен. Но пизанцев и генуэзцев не стоит слишком строго винить за эти преступления, ведь они были введены в заблуждение, услышав от Боэмунда (...) что латакийцы на самом деле дурные, пронизанные злом люди и преступные враги христиан; тем самым он пробудил в них ненависть к горожанам и подбил их на осаду города»⁷⁶⁸. Если же учесть, что пизанские моряки Даимберта, по пути в Святую землю разоряли греческие острова (Корфу, Левкаду, Кефалонию, Закинф, Самос), атаковали Кипр и вели бои с византийским флотом⁷⁶⁹, Боэмунду вряд ли требовалось вводить их «в заблуждение», чтобы привлечь к нападению на византийских христиан⁷⁷⁰. Захватив приморские башни, антиохийский князь и пизанский архиепископ приступили к осаде самого города. Высокие крепостные стены, частично окруженные рвами, представляли собой серьезную преграду, однако нормандцы, при помощи итальянских моряков, смогли возвести два передвижных моста, которые были переброшены через ров, так что осаждавшие могли «с легкостью подступать к самим стенам; так терзаемый город должен был в ближайшее время сдаться Боэмунду»⁷⁷¹. В это же время в Антиохию прибыло византий-

⁷⁶⁸ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. VI, c. 55, P. 476.

⁷⁶⁹ Византийской эскадрой, высланной василевсом против пизанского флота, командовал дук Ландульф и уже неоднократно упоминавшийся Татикий. Императорские корабли настигли пизанцев у Родоса, где и произошло масштабное сражение, в ходе которого пизанцы вынуждены были с потерями отплыть на восток, не устояв перед «греческим огнем» византийских дромонов. Разорение греческих островов, атаки на Кипр (с побережья которого пизанцев выбил дук Евмафий Филокал) и морское сражение между пизанцами и ромеями у описаны в «Алексиаде». См. Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XI, гл. 10, С. 313—314.

⁷⁷⁰ В тексте «Триумфальных деяний пизанских, свершенных при захвате Иерусалима», составленном в Пизе в XII в. в числе славных «деяний» перечислены и разорение Кефалонии, и взятие Латакии «для Боэмунда». См. Gesta Triumphaila Pisanorum in Captione Jerusalem // RHC Occ. V. — Paris, 1895. — P. 368.

⁷⁷¹ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. VI, c. 55, P. 476.

ское посольство, которое возглавлял хорошо знакомый крестоносцам имперский военачальник Мануил Вутумит⁷⁷². Мануил безуспешно пытался убедить Боэмунда отказаться от осады Латакии; князь Антиохийский, предвкусывая неминуемое падение осажденного города, отослал императорского посла, прервав переговоры⁷⁷³.

Однако успешно развивавшаяся осада Латакии была неожиданно сорвана благодаря вмешательству других христианских посредников, с которыми Боэмунд уже не мог не считаться. В конце августа близ Джабалы лагерем встали войска возвращавшихся из Палестины крестоносцев Первого похода, во главе с герцогом Робером Нормандским, графами Робером Фландрским и Эшташем III Булоньским, и заклятым врагом Боэмунда — графом Раймондом Сен-Жильским. Согласно «Иерусалимской истории» Альберта, вожди крестоносного войска, не желавшие войны с Византией⁷⁷⁴, обратились к новому легату с грозными обличениями и увещеваниями: «если Ты действительно рад (...) освобождению христиан, зачем же Ты бесчестно применил силу против христианских жителей, в том числе и здесь, в Латакии? Зачем Ты захватил их башни, вырезал их стражу, и почему Ты до сих пор, окружив, осаждаешь этот город?»⁷⁷⁵. Положение предводителей крестоносцев, освободивших Святой град Иерусалим, было столь прочным в глазах латинских христиан, что папский легат вынужден был отозвать свой флот и прибегнуть к унижительным оправданиям перед «вооруженными паломниками».

⁷⁷² Мануил Вутумит был одним из ближайших и наиболее доверенных военачальников императора Алексея I Комнина. В мае-июне 1097 г. Мануил возглавлял ромейские войска при осаде Никеи, которую совместно с ромеями осаждали и крестоносцы; город, как известно, был сдан тюрками именно Вутумиту.

⁷⁷³ Согласно «Алексиаде»: «Боэмунд принял его (Вутумита. — С. Б.) и продержал у себя целых пятнадцать дней. Поскольку Лаодикию уже охватил голод, а Боэмунд оставался Боэмундом, нисколько не изменился и не научился ценить мир, он позвал к себе Вутумита и сказал ему: „Ты пришел сюда совсем не ради мира и дружбы, а чтобы поджечь мои корабли. Уходи отсюда; хватит с тебя и того, что остался цел“. См. Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XI, гл. 10, С. 314.

⁷⁷⁴ Раймонд Сен-Жильский, как уже было сказано во второй главе, стойко держался идеи союза с ромейским императором Алексеем I Комниным. Герцог Робер Нормандский и графы Робер Фландрский и Эшташ III, в отличие от Боэмунда и Раймонда, намерены были покинуть Восток и вернуться в Европу; они также не собирались ввязываться с войну с василевсом, от благоволения которого во многом зависел исход их перехода из Леванта в пределы латинского Запада.

⁷⁷⁵ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. VI, c. 55, p. 481.

По словам архиепископа Даимберта, Боэмунд «жалким обманом (*misere decerit*) привлек нас к осаде и убийству христиан»⁷⁷⁶. Конечно же, на искренность слов архиепископа рассчитывать не приходилось. Тем не менее, осада была остановлена, а брошенному союзниками и оттесненному от Латакии Боэмунду ничего не оставалось делать, как собрать свои войска и уйти в Антиохию⁷⁷⁷. Он даже не принял участия в составлении послания, которое князья крестоносного войска и папский легат направили римскому понтифику⁷⁷⁸. Между тем, в Латакии встали провансальские крестоносцы графа Раймонда Сен-Жильского, который принял власть над городом от имени ромейского василевса⁷⁷⁹.

Осада Мараша и битва при Мелитене (1100 г.)

Невзирая на срыв первой осады Латакии и сопряженное с ним унижение, Боэмунд отнюдь не намерен был отказываться от дальнейшего завоевания византийских территорий Леванта. Если же принять во внимание последующие военные успехи нормандских государей Антиохии (в особенности — Танкреда), то кажется, что, несмотря на приведенное аахенским хронистом осуждение межхристианских столкновений и «алчной» войны, князья Антиохийские свободно привлекали под свои знамена прибывавших в Сирию франкских рыцарей, пилигримов и итальянских моряков, убеждая их, что византийские христиане на самом деле «ложные христиане и враги своих христианских братьев, предававшие

⁷⁷⁶ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. VI, c. 57, P. 480—482.

⁷⁷⁷ Несмотря на то, что у Латакии папский легат вынужден был подчиниться и уступить требованиям вождей Первого крестового похода, он сохранил союз с Боэмундом. Впоследствии став латинским Патриархом Иерусалима, Даимберт будет неоднократно взывать к помощи и защите нормандских правителей Антиохии.

⁷⁷⁸ Послание, составленное в сентябре 1099 г. в Латакии и адресованное «папе и всем верным христианам» написано от имени Даимберта Пизанского, Готфрида Бульонского и графа Раймонда Сен-Жильского. См. Hagenmeyer H., ed. Die Kreuzzugsbriefe... №18, P. 167—174.

⁷⁷⁹ Согласно «Иерусалимской истории» Альберта Аахенского: «граф Раймонд вошел в пределы города с пятьюстами братьями из числа своих войск, воздвиг свое знамя (...) над самой высокой башней и расставил своих воинов в каждой из башней Латакии». См. Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. IV, c. 60, P. 484. Анна Комнина упоминает о том, что «Исангел» (т. е. граф Сен-Жильский) держал Латакию от имени императора Алексея I Комнина. См. Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XI, гл. 7, 307.

пилигримов в руки турок и сарацин»⁷⁸⁰. Более того, ведение «византийских» войн в Сирии не зависело более лишь от нормандцев. Уже в 1100 г. Боэмунд столкнулся с победоносным ромейским вторжением в занятую его войсками Киликию; не в силах противостоять превосходящим силам ромеев, франко-нормандские гарнизоны покинули Тарс, Мамистру и всю равнинную Киликию и ушли за перевалы Аманоса, к Антиохии⁷⁸¹. Вероятно, что именно в это время Боэмунд был занят войной с Алеппским эмиратом; но к лету 1100 г., одержав победу над эмиром Рывданом в битве у Келлы, Боэмунд вновь обратился к северным рубежам своего княжества⁷⁸². Ромейское продвижение в Киликии вынуждало Боэмунда преградить императорским войскам путь через Аманос; но если нормандскому князю были подвластны Александретта, Баграс и перевал Аль-Балан (Сирийские врата), то Мараш — крупнейший город на стыке восточного Тавра и Аманоса, принадлежал Византии.

Как уже было сказано в первой главе, в 1086—1087 гг. Мараш стал последней столицей Филарета Варажнунни и после его смерти остался под властью христиан. Осенью 1097 г., в период Первого крестового похода, была восстановлена связь Мараша с Ромейской державой. Согласно хронике Матфея Эдесского, «город был передан Алексею князьями франков в первый год святой войны»⁷⁸³. Армия Первого крестового похода стала

⁷⁸⁰ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. VI, c. 57, P. 480.

⁷⁸¹ Подробнее о ромейских кампаниях в Киликии, см. Часть I, гл. 4, С. 250—254. Здесь следует пояснить причины отдельного рассмотрения прецедентов франко-нормандской и византийской агрессии. В данном случае, мы стремимся не столько к хронологическому изложению определенных событий, сколько к созданию целостного обозрения латинской и византийской экспансии в Леванте XII в.

⁷⁸² Из-за отсутствия точных датировок первого ромейского наступления в Киликию порой можно встретить версии, согласно которым ромей отбили Тарс и Мамистру лишь после пленения Боэмунда, в августе 1100 г. Однако если учесть, что капеллан первых антиохийских князей, Рауль Канский, отмечает, что Тарс и Мамистра были потеряны из-за «небрежения» Боэмунда, это все-таки наводит на мысль, что сын Гвискара был поглощен войной на иных рубежах своего княжества и что он не смог вовремя появиться на севере, для противостояния ромеям. См. Radulfo Cadomensis. Op.cit. — с. 143, P. 706. В противном случае, у Рауля не было бы оснований обвинять своего патрона и князя, а, напротив, были бы все основания обвинять в очередном вероломстве «греков».

⁷⁸³ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 166, P. 230. О том, что крестоносцы оставили город неприкосновенным и даже не вошли в него, «расставив свои шатры на зеленой равнине перед городскими стенами», «не применяя никакой силы против христианских жителей и мирно принимая от них продаваемые и необходимые товары» упоминает и Альберт Аахенский. См. Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. III, c. 27, P. 180—182.

лагерем у стен города, сохранив его в полной неприкосновенности и передав его представителям ромейского василевса. В 1100 г., согласно тому же Матфею Эдесскому, «ромейский военачальник, князь князей Татул держал Мараш, город принадлежавший греческому василевсу Алексею»⁷⁸⁴. Сохранилось несколько уцелевших булл Татула, на аверсе которых изображение св. Феодора Стратилата⁷⁸⁵, а на реверсе имя ромейского наместника Мараша, с титулами «архонта архонтов» и протоновелиссима⁷⁸⁶. В описаниях арабских географов XII в. (Якута аль-Хамави и Мухаммеда ал-Идриси), Мараш предстает как хорошо укрепленный город «окруженный двойными стенами и рвом. Посреди города возвышается цитадель, обнесенная стеной»⁷⁸⁷. Ал-Идриси также отмечает «хорошо укрепленные стены и базары» Мараша. По его словам, город славился и торговлей: «многие прибывают туда для покупки и продажи товаров и провианта»⁷⁸⁸.

В июле-августе 1100 г. к Марашу выдвинулись франко-нормандские войска, во главе которых находился сам князь Антиохийский и его кузен Ричард Салернский. «... великий франкский граф Бозмунд и сын сестры его — Ричард»⁷⁸⁹ вдвоем созвали франков и повели их к Марашу. Они атаковали князя князей, имя которого было Татул, требуя, чтобы

⁷⁸⁴ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 166, Р. 229—230.

⁷⁸⁵ Ростовое изображение св. Феодора Стратилата (или св. Георгия), держащего копье и придерживающего щит чеканили на своих печатях многие ромейские военачальники того времени, вплоть до Филарета Варажнуни и Алексея Комнина (в бытность его великим domestikом схол Запада).

⁷⁸⁶ Личности Татула, о котором мы знаем лишь благодаря хронике Матфея Эдесского и сохранившимся печатям, посвящены работы Жан-Клода Шейне и В.П. Степаненко. См. Cheynet J.C. Thathoul, archonte des archontes // *Revue des études byzantines*. — 1990. — Tome 48. — Р. 233—242; Степаненко В.П., Шандровская В.С. Татул и Пакурианы // *Античная древность и средние века*. — Екатеринбург, 2005. — №36. — С. 171—193. Также о нем достаточно подробно пишет и Жорж Дедеян, в своей работе «Армянские князья Евфрата и Византийской империи (конца XI-начала XII в.» и А.П. Каждан в своей монографии «Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI-XII вв.». См. Dedeyan G. Les princes arméniens de l'Euphratèse et de l'Empire byzantin (fin XIe — milieu XIIe siècles) // *L'Arménie et Byzance. Histoire et culture*. — Paris, 1996. — Р. 79—88; Каждан А.П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI-XII вв. — Ереван, 1975.

⁷⁸⁷ Le Strange G. Op.cit. — Р. 503.

⁷⁸⁸ Ibid.

⁷⁸⁹ Здесь Матфей Эдесский допускает ошибку. Ричард Салернский был сыном Вильгельма де Отвилля, младшего брата Робера Гвискара. Следовательно, он приходился двоюродным братом, а не племянником Бозмунду. «Сыном сестры» Бозмунда — Эммы де Отвилля, был Танкред.

он сдал им город. Снова и снова их войска атаковали его. Но князь князей был храбрым мужем и искусным воителем, и с ним в Мараше было много знатных воинов. Он с презрением смотрел на все их старания. Боэмунд же встал лагерем на равнине Мараша, подчинив себе все окрестные земли»⁷⁹⁰. Мощные укрепления города (воздвигнутые, если верить арабским историкам, халифом Харуном аль-Рашидом), защищенные многочисленным ромейским и армянским гарнизоном, действительно представляли собой серьезную преграду. Неизвестно, чем бы завершилась эта первая франкская осада Мараша, если бы к Боэмунду не прибыли послы от другого армянского князя-халкидонита, готового добровольно признать господство князя Антиохийского.

Этим армянским князем был Гавриил, правитель Мелитены. Как сказано в хронике Гильома Тирского, Гавриил «по вере был греком, а по языку, происхождению и обычаям — армянином». Он входил в число ближайших соратников Филарета Варажнуни. Согласно хронике Михаила Сирийца, «в Мелитене пребывал правитель-грек, Гавриил, поставленный там Филаретом. Когда же Филарет умер, Гавриил стал править самостоятельно; увидев, что турки одержали верх над греками, он отправил свою жену в Багдад, и та получила указ от арабского халифа»⁷⁹¹, которым тот передал Гавриилу княжество Мелитены»⁷⁹². На протяжении последующих лет Гавриил удерживал власть над Мелитеной, при помощи военных сил, подкупа и дипломатии отбиваясь от соседствующих тюркских эмиров и поддерживая союзные отношения с армянскими князьями Леванта, в особенности со своим сородичем Торосом Эдесским»⁷⁹³. Как и его зять — куропалат Торос, Гавриил был византийским сановником и номинальным вассалом Ромей-

⁷⁹⁰ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 166, Р. 230.

⁷⁹¹ Если принять во внимание, что события эти относятся к 1086—1092 гг., халифом этим был Аль-Муктади, правивший в 1075—1094 гг.

⁷⁹² Michel le Syrien. Op.cit. — Lib. XV, с. 6, Р. 179. Михаил Сириец, как уроженец Мелитены, оставляет наиболее подробные сведения о Гаврииле. Конечно же, сам Михаил не застал его правления, т. к. родился лишь в 1129 г., т. е. спустя более чем двадцать шесть лет после свержения и убийства Гавриила.

⁷⁹³ Матфей Эдесский отмечает родственную связь двух соратников Филарета — Гавриила и Тороса Эдесского, отмечая, что Гавриил приходился тестем Торосу. См. Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 149, Р. 212. При своем свержении куропалат Торос просил восставший народ отпустить его и его супругу именно в Мелитену — к Гавриилу. См. Ibid. — с. 154, Р. 220. Известно также, что Торос Хетумид был наместником в Мелитене до Гавриила. См. Michel le Syrien. Op.cit. — Lib. XV, с. 4, Р. 173—174.

ской державы⁷⁹⁴. А.П. Каждан, (подчеркивая, что мы фактически ничего не знаем о конкретных связях Гавриила с Византией), тем не менее, обращает внимание на то, что в прологе греческого перевода «Книги семи мудрецов» («Синтипа»), составленном в Мелитене в конце XI в., византийский ученый Михаил Андреопул именует Гавриила дукой и севастом⁷⁹⁵. В 1100 г. против Гавриила выступил эмир Севастии, Амасии и Никсара — Данишменд-гази, страстно жаждавший покорить богатый христианский город, расположенный к югу от его владений. Вскоре турки разорили окрестности Мелитены и приступили к осаде самого города. Гавриил, не видя иного выхода из создавшегося положения, «направил послов к Бозмунду, князю Антиохийскому, приглашая его прибыть без всяких отлагательств и, на оговоренных условиях, принять город»⁷⁹⁶.

Приняв послов Гавриила, Бозмунд снял осаду Мараша и, во главе отряда из 300 франко-нормандских рыцарей, сержантов и армянских всадников, отбыл на север — к Мелитене⁷⁹⁷. С князем Антиохийским по-прежнему находился его кузен, Ричард Салернский. Также, на пути из Мараша к Мелитене, его сопровождали два армянских (миафизитских) епископа: Киприан, епископ Антиохии⁷⁹⁸, и Григорий,

⁷⁹⁴ Хотя конкретная форма отношений Гавриила с Византией не прослеживается с той же ясностью, как аналогичные контакты со стороны армяно-халкидонитских правителей Эдессы и Мараша с императорским двором в Константинополе.

⁷⁹⁵ Каждан А.П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи... С. 130.

⁷⁹⁶ Guillaume de Tug. Op.cit. — Lib. IX, c. 21, P. 396. Альберт Аахенский оставляет сходное описание. По его словам, Бозмунда «посредством посланий и посольств, призвал прийти на помощь христианам армянский князь и господин города — Гавриил, поскольку Данишменд, некий князь турок, с многочисленным войском осадил несчастный город». См. Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. VII, c. 27, P. 524.

⁷⁹⁷ Альберт Аахенский говорит о том, что «в августе Бозмунд собрал триста рыцарей и выступил к городу Мелитене». См. Ibid. — Lib. VII, c. 27, P. 524. Конечно же, речь идет не о трехстах знатных франко-нормандских miles, но скорее о сборном отряде из, собственно, рыцарей, франкских сержантов и армянских конных воинов. То, что в числе войск Бозмунда у Мелитены были и франки, и армяне, подтверждает Матфей Эдесский. См. Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 166, P. 230.

⁷⁹⁸ Поскольку Армянская Апостольская Церковь не имела общения с халкидонскими Церквями, а также, до XX в., не находилась еще в полном общении с миафизитскими Сирийской и Коптской Церквями, у армян были собственные епископы в том числе и в кафедральных городах древних Патриархатов (в Иерусалиме и Антиохии). Так, в Антиохии армянские общины окормлял отдельный епископ (не отвечавший ни перед православным, ни перед сиро-яковитским, ни перед латинским патриархом), чьей резиденцией служил монастырь Иесуанк Ванк на Черной горе. См. Hamilton B. The Latin Church in the Crusader states... с. 8, P. 201.

епископ Мараша⁷⁹⁹. Мелитена располагалась более чем в 300 километрах к северо-востоку от Антиохии. Как и Мараш, Мелитена находилась в долинах восточного Тавра, только еще севернее, на самой юго-восточной окраине Анатолийского плато. В описаниях персидского географа и ученого Истахри (X в.), Мелитена предстает как «большой город и одна из наиболее мощных крепостей (...) Она окружена множеством холмов, изобилующих орешником, миндалем и виноградом; земля ее плодоносит и в теплое, и в прохладное время года. Нет ничего, что невозможно было бы взрастить на этих землях. В настоящее время это один из сильнейших румских городов; населен он армянами»⁸⁰⁰. Несмотря на то, что Истахри отмечает преобладание армянского населения, следует отметить, что Мелитену населяло и изрядное число других христиан. Крайне многочисленной была сиро-яковитская община. К примеру, прославленный Патриарх Михаил I Великий (Михаил Сириец) был уроженцем Мелитены. Часть населения города составляли и православные (сиро- и грекоязычные) ромеи, сохранявшие там свои церкви и архиепископскую кафедру⁸⁰¹.

Невзирая на дальний переход и малочисленность своих войск, Бозмунд был преисполнен решимости изгнать осаждавших тюрок и утвердить свою власть над Мелитеной. Рауль Канский прямо обвиняет Бозмунда в безрассудной недооценке противника; по словам нормандского каноника, на подступах к Мелитене антиохийский князь презрительно отметил, что турки «как лисы, прячутся в свои норы, как только услышат лай собак»⁸⁰². Однако старый эмир Данишменд, в молодости еще участвовавший в разгроме ромейской армии у Манцикерта (1071 г.), оказался опасным противником. Как впоследствии писал Фульхерий Шартрский, «неподалеку от города турки окружи-

⁷⁹⁹ Mathieu D'Edesse. *Op.cit.* — с. 166, P. 230. Присутствие армянских церковных иерархов в стане нормандского князя Антиохии наводит на мысль, что, вероятно, в период осады Мараша и готовившегося похода к Мелитене армяне-миафизиты выступили как посредники в переговорах между франко-нормандцами и византийскими архонтами сирийских городов (благо, последние принадлежали к числу армян-халкидонитов).

⁸⁰⁰ Le Strange G. *Op.cit.* — P. 499. Стоит отметить, что турецкая провинция (ил) Малатья по сей день славится как один из главных центров по выращиванию и экспорту абрикосов.

⁸⁰¹ Один из последних архиепископов Мелитены — Иоанн II, упоминается еще в 1193 г. См. Le Quien. *Op.cit.* — Tomus I, с. 446.

⁸⁰² Radulfo Cadomensis. *Op.cit.* — с. 141, P. 704—705.

ли его (Боэмунда. — С. Б.) со всех сторон, ведь этот коварный народ не смеет выступать открыто и предпочитает таиться и устраивать засады. Поскольку нас (франков. — С. Б.) было слишком мало, мы были отброшены и рассеяны; многих из отступавших турки убили»⁸⁰³. То, что конница Боэмунда была окружена и рассеяна войсками эмира, подтверждает и Гильом Тирский, по словам которого Данишменд-гази «некоторых поразил острием меча; остальные же, не в силах выстоять перед многочисленностью врага, обратились в бегство»⁸⁰⁴. При этом Альберт Аахенский оставляет несколько более реалистичное описание численного соотношения противников. По его словам, у Боэмунда было триста конных воинов, у эмира Данишменда — пятьсот⁸⁰⁵. Так или иначе, Данишменд-гази одержал стремительную и неожиданную, как для франков, так и для тюрок, победу. Рыцари Боэмунда были частью обращены в бегство, частью — перебиты. Армянские епископы Киприан и Григорий, сопровождавшие нормандского князя, пали под ударами сельджуков⁸⁰⁶. Ричард Салернский был скован тюркскими арканами и взят живьем. Вскоре турки пленили и самого «малика франков», сына Гвискара, князя Антиохийского. Предвидя катастрофический исход сражения, Боэмунд спешно направил одного из своих сирийских гонцов к Бодуэну Эдесскому. «В знак своего пленения и скорби»⁸⁰⁷, а также и подлинности самого сообщения, Боэмунд, унаследовавший от отца уникальный светло-рыжий цвет волос, отрезал локон со своей головы и передал его гонцу. Как писал современник этих событий, Фульхерий Шартрский, «Боэмунд, от-

⁸⁰³ Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. I, c. 35, P. 346—347.

⁸⁰⁴ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. IX, c. 21, P. 396.

⁸⁰⁵ «Данишменд, прослышав о приближении Боэмунда и его войск, который был уже недалеко от осажденного города, взял 500 рыцарей из собственных сил и выступил к близлежащей равнине. Он вступил в сражение, засыпая франков необоримым градом стрел, до тех пор, пока силы Боэмунда не были подорваны и все его войско — повержены; убиты, или обращены в бегство и рассеяны. Среди этих воинов, многих обезглавили, других же взяли живьем и, вместе с самим князем Боэмундом, заковали в цепи и угнали в Никсар, город, принадлежавший этому турку». См. Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. VII, c. 27, P. 524.

⁸⁰⁶ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — c. 166, P. 231.

⁸⁰⁷ По словам Альберта Аахенского «Боэмунд (...), благодаря некоему сирийцу, тайно отправил Бодуэну волос со своей головы, как знак своего пленения и скорби». См. Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. VII, c. 29, P. 526.

резав локон своих волос, переслал этот знак Бодуэну, с призывом помочь ему, ради всей любви Господней»⁸⁰⁸. Согласно «Иерусалимской истории» Альберта Аахенского, «На третий день после пленения Боэмунда, Бодуэн собрал 140 тяжеловооруженных рыцарей и выступил на равнины Мелитены, чтобы спасти Боэмунда, своего брата во Христе»⁸⁰⁹. По пути к Мелитене к Бодуэну присоединились и спешившие на помощь к своему князю франко-нормандские войска из Антиохии⁸¹⁰. Однако эдесские и антиохийские рыцари, шедшие к Мелитене под командованием Бодуэна, не смогли уже настичь Данишменда-гази, который к тому времени уже ушел на север, в пределы собственного эмирата. Как сказано у Альберта: «при стремительном наступлении Бодуэна, Данишменд (...) немедленно снялся с лагеря, оставил осаду и повернул со всей своей конницей к Русскому морю (т. е. Черному морю. — С. Б.); он отступил в свою страну, радуясь, что захватил Боэмунда, прославленного князя и главу христиан»⁸¹¹.

Битва у Мелитены завершила первое правление Боэмунда в Антиохии. Последующие три года он провел в плену у эмира Данишменда-гази, на берегах Понта, в крепости Никсар (бывшая византийская Неокесария). Благодаря стойкому сопротивлению Татула, Мараш остался форпостом византийского господства на рубежах Сирии. Мелитена же перешла в вассальную зависимость от франков, только не от нормандской Антиохии, а от Бодуэна I Эдесского. Гавриил «передал город Бодуэну на тех же условиях, которые были предложены Боэмунду»⁸¹². Бодуэн, в свою

⁸⁰⁸ Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. I, c. 35, P. 347—348.

⁸⁰⁹ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. VII, c. 29, P. 526.

⁸¹⁰ Приведенное Альбертом Аахенским число в 140 рыцарей скорее всего обозначает лишь численность конного отряда, который Бодуэн вывел из самой Эдессы. То, что Бодуэн Эдесский, прежде чем подойти к Мелитене, собрал дополнительные силы, в т. ч. и из Антиохии, отмечают и Фульхерий Шартрский, и Матфей Эдесский. По словам Фульхерия: «герцог Эдесский Бодуэн, собрав столько франков, сколько было возможно из Эдессы и Антиохии, выступил без всяких отлагательств». См. Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. I, c. 35, P. 347. См. также: Mathieu D'Edesse. Op.cit.. — с. 166, P. 231. Примечательно, что Фульхерий, как и Альберт Аахенский, именует Бодуэна I «герцогом» (dux) Эдессы, т. к. вероятно титул «графа Эдесского» носил уже находившийся в вассальной зависимости от Иерусалима преемник Бодуэна — Бодуэн II де Бург.

⁸¹¹ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. VII, c. 29, P. 526. См. также: Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. I, c. 35, P. 348; Mathieu D'Edesse. Op.cit.. — с. 166, P. 231.

⁸¹² Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. IX, c. 21, P. 397.

очередь, подтвердил права Гавриила на правление городом⁸¹³ и оставил там 50 франкских рыцарей и сержантов⁸¹⁴. Между тем, молодое княжество Антиохийское, не просуществовав и двух лет, оказалось без своего основателя и государя. Бозмунд и его ближайший соратник и сородич Ричард Салернский находились в заточении, в далеком Никсаре. На протяжении последующих месяцев, обязанности регента исполнял латинский Патриарх Антиохии — Бернард Валенский, при соучастии графов Эдессы (Бодуэна I и его преемника — Бодуэна II де Бурга). Однако подобное положение не могло долго устраивать франко-нормандцев Антиохии, т. к. ни у патриарха Бернарда, ни у графов Эдессы не было кровных уз с Бозмундом и, следовательно, они не имели династических прав на власть в княжестве. Но вскоре бароны Антиохии нашли выход из положения, призвав принять регентство еще одного «крестоносного» отпрыска нормандской династии Отвиллей — племянника Бозмунда, Танкреда⁸¹⁵.

⁸¹³ Очевидно, это и было главным из условий подчинения франкам Мелитены, о которых говорит архиепископ Гильом Тирский.

⁸¹⁴ Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. I, c. 35, P. 348—349. О численности франкского контингента, оставленного Бодуэном I Эдесским в Мелитене, вновь сообщает Альберт Аахенский.

⁸¹⁵ В большинстве монографий и исследований, затрагивающих Антиохию эпохи крестовых походов, говорится об антиохийских баронах, призвавших Танкреда принять регентство. Однако практически нигде нет даже краткой попытки назвать хоть одного из тех соратников Бозмунда, которые составляли нобилитет Антиохийского княжества в первые годы существования этого государства, и которые, в свою очередь, призывали Танкреда. Если же исходить из сохранившихся документальных свидетельств, прежде всего — хартий, возможно вывести перечень хотя бы нескольких баронов, которые играли заметную роль в жизни княжества Антиохийского в правление Бозмунда (1098—1100/1104 гг.), Танкреда (1101—1103/1104—1112 гг.) и даже их преемника — Рожера (1112—1119 гг.). Помимо плененного у Мелитены Ричарда Салернского, в число баронов князя Антиохийского в этот период уже входили Робер де Сурдеваль и Рено де Мазуар (оба — основоположники знаменитых антиохийских сеньориальных династий), Робер Флорентийский, княжеские коннетабли — Ричард и Адам, а также дук Антиохии — Рауль Акрский и виконт Торольд. Все эти бароны упоминаются в различных латинских текстах, относящихся к 1098—1101 гг. и, скорее всего, именно они принимали непосредственное участие в призвании и передаче регентства Танкреду. См. Hagenmeyer H. Die Kreuzzugsbriefe... №13, P. 155; Röhrich R., ed. Regesta... — №12, P. 2; Ibid. — №35, P. 5; Carli M.T., ed. Carte dell'Archivio Capitolare di Pisa. Vol. III. — Pisa, 1977. — №37—38, P. 80—83. См. также: Asbridge T. The Creation of the Principality of Antioch... P. 169—180.

В число «власть имущих» нормандской Антиохии (Antiochenos potentior) входил и Бодуэн де Бург. В 1099—1100 гг. князь Бозмунд поставил Бодуэна де Бурга во главе гарнизона Антиохии. Поздней осенью 1100 г. де Бург, по воле своего кузена Бодуэна I, наследовал земли и титул графа Эдесского, что, безусловно, упрочило его положение

II. Норманно-византийские войны на Востоке. Первые завоевания Танкреда и последующие кампании Боэмунда

Танкред и его участие в Первом крестовом походе

Танкред, как уже было сказано выше, был внуком Робера Гвискара, сыном его старшей дочери — Эммы (единоутробной сестры Боэмунда) и некоего итало-нормандского феодала — маркиза Одо Доброго (или «Одо — Доброго маркиза»)⁸¹⁶. Вместе со своим старшим братом — Вильгельмом, Танкред принял крест и выступил на Восток под знаменами Боэмунда Тарентского. И если Вильгельм был убит в первый год «вооруженного паломничества» в битве у Дорилии (1 июля 1097 г.), то Танкред вошел в историю как один из наиболее деятельных государей крестоносцев⁸¹⁷. С момента вступления в пределы Ромейской державы и битвы на реке Вардар (зимой 1096 г.), вплоть до битвы у Антиохии (28 июня 1098 г.), Танкред оставался ближайшим Боэмунду военачальником среди итало-нормандцев; однако он с самого начала стремился все к большей независимости. В Константинополе он был одним из немногих баронов, которые наотрез отказались приносить оммаж императору Алексею I Комнину, в то время как Боэмунд, напротив, принес оммаж своему старому противнику и, первоначально, был заинтересован в тесном союзе с ромеями⁸¹⁸. Осенью 1097 г. Танкред возглавил итало-нормандские войска, направленные Боэмундом для захвата городов равнинной Киликии. После столкновений с графом Бодуэном у Тарса, Танкред занял Мамистру, а затем отвоевал у сельджуков Александретту, Баграс и перевал Аль-Балан. После битвы у Антиохии, в котором он вел один из отрядов (*bataille*)

и влияние на землях франкской Сирии. Бодуэн де Бург, вне всякого сомнения, был главой оппозиции Танкреду. По словам Рауля, Танкред первым делом «отрешил Бодуэна от командования войском» Антиохии. См. Radulfo Cadomensi. Op.cit. — с. 143, Р. 706. Это, бесспорно, говорит о том, что среди баронов и рыцарей антиохийского княжества доминировала партия, предпочитавшая правление нормандца Танкреда регентству Патриарха Бернарда и графа Бодуэна II.

⁸¹⁶ Orderic Vitalis. Op.cit. — Vol. III, Lib. IV, с. 4, Р. 82.

⁸¹⁷ О гибели Вильгельма де Отвилля в битве у Дорилии, см. Radulfo Cadomensi. Op.cit. — с. 26, Р. 624—625.

⁸¹⁸ О трениях между Боэмундом и Танкредом, связанных с вопросом о принесении оммажа ромейскому василевсу, см. Ibid. — с. 13, Р. 614—615.

крестоносного войска, Танкред держал для «кормления» своих рыцарей города Харим и Имм⁸¹⁹. Наконец, зимой 1098—1099 гг. Танкред окончательно отделился от Боэмунда и, со своими итало-нормандскими последователями, отбыл вместе с другими вождями Первого крестового похода в Палестину.

Во время завоевания Святой земли, Танкред, вместе с Бодуэном де Бургом освободил восставший против фатимидов Вифлеем. Когда Иерусалим пал перед армией крестоносцев (15 июля 1099 г.) Танкред был в числе первых прорвавшихся в Святой Град; его рыцари заняли Храм аль-Шариф (Храмовую гору) и разграбили мечети Куббат ас-Сакру и Аль-Аксу⁸²⁰. При этом, Танкред, рассчитывая на богатый выкуп, взял под свою защиту скопившихся на крыше Аль-Аксы мусульман, и, по словам Анонимного автора «Деяний франков» пришел в ярость, когда прорвавшиеся к мечетям воины и паломники вырезали всех найденных там беженцев-сарацин⁸²¹. Уже после завоевания Иерусалима, Танкред, находясь в авангарде главных сил крестоносного войска, покорил Наблус (совместно с графом Эсташем III Булоньским)⁸²², а затем принял участие в знаменитом разгроме вышедшей из Египта фатимидской армии в битве у Аскалона (12 августа 1099 г.)⁸²³.

⁸¹⁹ Об этих событиях уже подробно говорилось выше. См. Часть I, гл. 2, С. 50, 100—101, 200.

⁸²⁰ Radulfo Cadomensis. Op.cit. — с. 128—131, Р. 695—697. Рауль Канский также пишет о том, что вожди Первого крестового похода, во главе с будущим латинским Патриархом Иерусалима — Арнульфом де Шоке, вынудили Танкреда разделить захваченные сокровища, т. е. сопоставимой добычи не было ни у одного другого барона в стане крестоносцев. См. Ibid. — с. 135—137, Р. 699—703.

⁸²¹ Anonymi Gesta Francorum... с. 37, Р. 474.

⁸²² Мусульманское население Наблуса (главного исламского города Палестины и «малого Дамаска»), бежало, как только до него дошла весть о падении Иерусалима. По словам Анонимного автора «Деяний франков», город был сдан Танкреду «верными жителями» города, т. е. оставшимися там христианами. См. Anonymi Gesta Francorum... с. 39, Р. 484.

⁸²³ Тот же Анонимный автор «Деяний франков» (вероятно — очевидец и участник битвы у Аскалона), отмечает, что армию крестоносцев вели герцог Готфрид Бульонский, герцог Робер II Нормандский, граф Раймонд Сен-Жильский, граф Робер Фландрский, граф Эсташ Булоньский, Танкред и Гастон Беарнский. См. Ibid. — Р. 493. Таким образом, у Танкреда был опыт командования отдельными подразделениями (bataille) в армии крестоносцев в двух вошедших в легенды сражениях Первого крестового похода — битв у Антиохии (28 июня 1098 г.) и Аскалона (12 августа 1099 г.).

Нормандское завоевание Галилеи (1099—1100 гг.)

После того, как большая часть «вооруженных паломников» покинула пределы Палестины (в августе 1099 г.), Танкред, под началом которого оставалось 80 рыцарей и несколько сотен сержантов, обратился к завоеванию еще непокоренной крестоносцами Галилеи⁸²⁴. Кампания была быстрой и, очевидно, практически бескровной. Арабы-мусульмане и евреи бежали на восточный берег Иордана, а Танкред беспрепятственно занял Назарет и Тивериаду, подчинив все территории вдоль западного побережья Галилейского моря⁸²⁵. Нельзя не отметить, что крестоносцы Танкреда стали первыми христианскими воинами, покорившими эти, связанные с земной жизнью и служением Христа, земли, со времен кратковременного пребывания там ромейских войск Иоанна I Цимисхия (в 975 г.). Последующие полтора года (с осени 1099 до ранней весны 1101 г.) Танкред всецело посвятил укреплению и расширению своего княжества Галилейского. К 1100 г. им была завоевана портовая Хайфа, перестроена цитадель Тивериады⁸²⁶, основан бенедиктинский монастырь на горе Фавор⁸²⁷. Плодородные земли Галилеи и захваченные в Иерусалиме сокровища позволили Танкреду быстро снискать благово-

⁸²⁴ Из «Деяний Танкреда» мы знаем о том, что после отбытия других вождей крестового похода, в Палестине оставалось всего 200 рыцарей (очевидно, Рауль имеет в виду исключительно рыцарей, не считая сержантов и паломников). Из этих двух сотен 80 находились на службе у «отпрыска Гвискара». См. Radulfo Cadomensis. Op.cit. — с. 139, P. 703. Гильом Тирский приводит более реалистичную и полную численность войск, оставшихся под началом герцога Готфрида и Танкреда в Палестине — 300 рыцарей и 2,000 пеших воинов. См. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. IX, c. 19, P. 393.

⁸²⁵ Бодри Дейльский, в одном из последних фрагментов своей «Иерусалимской истории», пишет о том, что Танкред, подступая к Тивериаде, увидел, что «город опустел и там осталось лишь несколько сириан (т. е. палестинских мелькитов. — С. Б.)». См. Baldrici, episcopi Dolensis. Op.cit. — P. 111. Часть населения Тивериады составляли мелькиты, и в городе располагалась православная церковь Св. Георгия, которую впоследствии разделяли франки и «сириане». Подробнее о завоевании Галилеи см. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. IX, c. 13, P. 384. См. также: Runciman S. A History of the Crusades. Vol. I. — Book V, c. 3, P. 305.

⁸²⁶ О перестройке цитадели Тивериады, см. Baldrici, episcopi Dolensis. Op.cit. — P. 111; Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. VII, c. 16, P. 508.

⁸²⁷ Об основании Танкредом бенедиктинского монастыря Сан Сальваторе на горе Фавор, см. Paoli S., ed. Codice diplomatico del sacro militare ordine gerosolimitano, oggi di Malta. — Lucca, 1733. — №. 156, P. 200—201. См. также Hamilton B. The Latin Church in the Crusader states... c. 3, P. 60.

ление как франкского рыцарства, так и стекавшихся на Святую землю пилигримов и латинского клира⁸²⁸. В пределах покоренной франками Святой земли, Танкред пользовался *de facto* независимым положением, ни в чем не уступая своему номинальному, иерусалимскому сюзерену — «Защитнику Гроба Господня» Готфриду Бульонскому. Тот факт, что после взятия Иерусалима Танкред предпочел не возвращаться в Антиохию⁸²⁹, но обратился всецело к созданию и укреплению собственной сеньории в Галилее, наглядно свидетельствует не только о его энергии и склонности к независимости, но и о том, что Боэмунд и Танкред явно предпочитали держаться в стороне друг от друга⁸³⁰. Однако, после пленения Боэмунда, Танкред готов был оставить свои владения в Галилее, т. к. в Иерусалиме к власти пришел его давний недруг — Бодуэн I Эдесский, наследовавший своему брату Готфриду и принявший, во время рождественского богослужения в базилике Вифлеема, золотой венец «короля Иерусалимского». Пребывание этих двух соперников на единой территории рано или поздно привело бы к междоусобной войне (что они уже продемонстрировали в 1097 г. в Киликии). В марте 1101 г. Танкред отбыл на север — к Антиохии, условившись с королем Бодуэном, что он сможет вновь принять княжество Галилейское, если вернется в течение года и трех месяцев⁸³¹.

⁸²⁸ По словам Рауля Канского, Танкред употребил удержанные сокровища Куббат ас-Сакры для вооружения, содержания и привлечения новых рыцарей и сержантов, перешедших к нему из других контингентов крестоносного войска. См. Radulfo Cadomensi. Op.cit. — с. 130, Р. 696. Гильом Тирский, писавший в 1170—1180-х гг. XII в., отмечал, что «жители той земли (т. е. Галилеи. — С. Б.) благословляют его (Танкреда. — С. Б.) имя до сего дня». См. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. IX, с. 13, Р. 384.

⁸²⁹ К примеру, после окончания Первого крестового похода, на службу к Боэмунду, в Антиохию, прибыл не имевший кровной связи с Отвиллями Бодуэн де Бург. См. Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. VII, с. 31, Р. 530. См. также Часть I, гл. 2, С. 100.

⁸³⁰ Боэмунд, в свою очередь, в большей степени доверял своему кузену — Ричарду Салернскому, который оставался с ним в Антиохии, сопровождал его в походах к Марашу и Мелитене и разделил тяготы плена в Никсаре.

⁸³¹ О конфликтах между королем Бодуэном I Иерусалимским и князем Танкредом подробно пишут Альберт Аахенский и Фультхерий Шартрский. См. Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. VII, с. 44—45, Р. 552—554; Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. II, с. 7, Р. 390—393. Рауль Канский, бывший всецело на стороне своего патрона Танкреда, но писавший свою книгу уже после его смерти, в скриптории Храма Гроба Господня, при живом и благоденствующем короле Бодуэне I, говорит лишь о том, что «наследники заняли свои места: Бодуэн в Иерусалиме, а Танкред в Антиохии» и что «оба горели завистью в отношении друг друга». См. Radulfo Cadomensi. Op.cit. — с. 143, Р. 706.

*Утверждение Танкреда в Антиохии.
Города равнинной Киликии и их завоевание*

Весной 1101 г. Танкред прибыл в Антиохию. Если верить «Истории священной войны», Танкреда даже не впустили в город, покуда он не принес клятву верности Боэмунду⁸³². Торжественную инвеституру Танкреда как князя-регента Антиохии совершили латинский Патриарх Бернард Валенский и находившийся в городе папский легат — кардинал Морис дель Порто⁸³³. Однако, если на первых порах Танкред «чувствовал себя скорее гостем, нежели князем»⁸³⁴, то вскоре он дал понять франко-нормандским баронам, что в его лице они обрели энергичного, предприимчивого, беспощадного к врагам правителя. Свое первое правление в Антиохии Танкред всецело посвятил войне с Византией. Укрепив свою власть над княжеством и отстранив графа Бодуэна II Эдесского от участия в делах Антиохии⁸³⁵, Танкред собрал войска антиохийских баронов и повел их через Аманос, в Киликию. Начав свою первую войну с ромеями, летом 1101 г., Танкред в полной мере продемонстрировал умение вести внезапную, яростную наступательную кампанию, в лучших традициях Гвискара и других нормандских завоевателей. Стоявшие в Киликии ромейские гарнизоны явно не ожидали, что после пленения Боэмунда нормандцы Антиохии успеют так быстро восстановить свои силы и решиться на новое наступление. Как писал об этом Рауль Канский, Танкред «стремился расширить рубежи княжества до пределов, которыми кратковременно правил Боэмунд, но которые затем урезали греки. Поэтому он со всей стремительностью и яростью обратился против Мамистры, Аданы и Тарса, вторично покорив то, что было потеряно из-за небрежения его предшественника»⁸³⁶. Когда осенью 1101 г. разрозненные, малочисленные отряды крестоносцев «арьергардного похода», пройдя Анатолию, добрались до Киликии, они увидели, что все города и земли этого региона уже покорены и находятся под властью нормандско-

⁸³² *Historia belli sacri...* c. 139, P. 228.

⁸³³ Cafari de Caschifelone. *Annali Genovesi di Caffaro e de'suoi continuatori*. Vol. I. — Rome, 1890. — P. 5.

⁸³⁴ Radulfo Cadomensi. *Op.cit.* — c. 143, P. 706.

⁸³⁵ *Ibid.*

⁸³⁶ Radulfo Cadomensi. *Op.cit.* — c. 143, P. 706.

го князя Антиохийского⁸³⁷. Танкреду была подвластна вся равнинная Киликия, от Тарса и Лонгиниады на западе, до склонов Аманоса и замка Сервантикар на востоке. Форпостами Византии оставались только Латакия и Мараш⁸³⁸.

В позднейших исследованиях и в средневековых нарративных источниках, затрагивающих историю Киликии X-XIV вв. можно встретить множество упоминаний о том, как ромеи, армяне, сельджуки, франки или мамлюки завоевали «Тарс, Адану и Мамистру». При этом фактически ни в одной монографии или статье не приводятся описания этих городов и их состояния в эпоху крестовых походов. Следовательно, не создается и ясного представления о том, *за что* (в торгово-экономическом, материальном отношении) с таким ожесточением и так часто воевали христианские и мусульманские правители Малой Азии и Леванта. В связи с этим, считаем необходимым привести, по крайней мере, краткое описание Мамистры, Тарса и Аданы. Мамистра (Моисустия или, как ее называли армяне, Мсис) была крупнейшим городом восточной Киликии. На протяжении всего XII в. она играла центральную роль в столкновениях ромеев, киликийских армян и антиохийских франков. На рубеже XI-XII вв. Мамистра представляла собой два города, которые были разделены рекой Пирам (Джихан). Над бурными водами Пирама, в эпоху римского правления, был возведен каменный арочный мост, который по сей день остается, пожалуй,

⁸³⁷ По словам Рауля Канского, когда один из вождей «арьергардного» крестового похода — герцог Гильом IX Аквитанский «бежал, изможденный, отчаявшийся, нагой» из Анатолии в Киликию, он там «нашел Танкреда», который взял на себя заботу о добравшихся до его владений западных рыцарях. «Тот, кого находили лишенным всего, принимали и предоставляли ему великое множество всех возможных благ». См. Radulfo Cadomensis. Op.cit. — с. 147, Р. 709. Альберт Аахенский оставляет сходное, но более точное описание бегства герцога Гильома IX Аквитанского. Согласно «Иерусалимской истории» Альберта, герцог Гильом, в сопровождении всего одного оруженосца, добрался до города Лонгиниады, близ Тарса, где был принят одним из баронов Танкреда — Бернардом Чужаком. Танкред, в свою очередь, получив известия от Бернарда, выслал за герцогом Гильомом вооруженный эскорт, который и препроводил его в Антиохию. См. Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. VIII, с. 40, Р. 630.

⁸³⁸ Анна Комнина отмечает, что в 1103 г. посланные императором Мануил Вутумит и Иоанн Монастра не смогли войти в Киликию со своим войском, т. к. увидели, что «армяне уже заключили договор с Танкредом»; поэтому они миновали равнину и прошли непосредственно к Марашу. См. Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XI, гл. 10, С. 313.

самым знаменитым памятником Мамистры⁸³⁹. В «Книге Рожера» Аль-Идриси можно найти следующее описание Мамистры: «Город состоит из двух городов, расположенных на двух берегах реки Джихан. Между ними возвышается каменный мост (...) оба города окружены обширными садами и полями. Река Джихан вытекает из земли румов (т. е. из Анатолии. — С. Б.) (...) и впадает в море в 12 милях от города»⁸⁴⁰. Эту особенность Мамистры — разделение города на две части руслом реки Пирам, отмечала и Анна Комнина⁸⁴¹. Мамистра была важным торговым городом, в частности — одним из центров левантйской торговли мехом. Якут аль-Хамави упоминает о том, что в Мамистре «обрабатывают меха, которые затем вывозят во все концы мира. Цена за одну шкурку подчас достигает 30 динаров»⁸⁴². В городе было несколько церквей, принадлежащих как грекам, так и армянам. Церкви Мамистры (как и сам город) были дотла разорены и мамлюками, однако в 1956 г. на месте старого города были произведены раскопки византийской базилики IV в., пол которой был украшен уникальными мозаиками V-VI вв.⁸⁴³. Православная епархия Мамистры (Мопсуестии) первоначально была частью митрополии Аназарва, однако с IX и вплоть до XIV в. епархию возглавлял архиепископ, отвечавший непосредственно перед Антиохийским патриархом⁸⁴⁴. Возвышение епархии Мамистры является прямым свидетельством процветания как самого города, так и его греческой общины. Отталкиваясь от большого количества византийских надгробий и надписей, сохранившихся на старых городских кладбищах, В. Ланглуа определил, что в Мамистре, вне всякого сомнения,

⁸³⁹ У Прокопия Кесарийского можно найти подробное упоминание о том, как император Юстиниан I отремонтировал и укрепил мост Мамистры, на протяжении всех последующих веков служивший основной переправой через реку Пирам. См. Прокопий Кесарийский. Война с готами. О Постройках... — Книга V, гл. 5, 4—7.

⁸⁴⁰ Le Strange G. Op.cit. — P. 506.

⁸⁴¹ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XII, гл. 2, С. 322.

⁸⁴² Le Strange G. Op.cit. — P. 506.

⁸⁴³ Сохранившиеся участки мозаичного пола отображают животных, погружающихся на Ноев ковчег, а также деяния Самсона. Подробнее о мозаиках базилики Мамистры, см. Kitzinger E. Observations on the Samson Floor at Mopsuestia // *Dumbarton Oaks Papers*, 27. — 1973. — P. 133—144. Стоит, правда, отметить, что Кизингер отнюдь не склонен считать базилику — христианским храмом, а скорее — синагогой.

⁸⁴⁴ Le Quien M. *Oriens Christianus in Quatuor Patriarchatus Digestus*. Tomus II. — Paris, 1740. — P. 1000, 1002.

процветало греческое население⁸⁴⁵. Главным городским укреплением, помимо разнородных и не слишком надежных крепостных стен, служила мощная византийская цитадель, «возвышающаяся на горе к югу, напротив Мамистры. Она отделена от самого города мостом, ведущим к Адане, и была возведена для защиты этой переправы»⁸⁴⁶. Еще в середине XIX в., согласно описаниям Виктора Ланглуа, можно было «увидеть башни и стены, в брешах меж которыми растут травы и ежевика, служащие кормом для пасущихся здесь овец и коз»⁸⁴⁷. Мамистра была не просто богатым торговым, ремесленным и сельскохозяйственным центром, но и важнейшим опорным пунктом на стыке между равнинной и нагорной Киликией, а также на пути от Тарса и Аданы — к горам Аманоса, Марашу и Антиохии. Этим, во многом, объясняется и страстное желание князей Антиохийских к завоеванию и удержанию этого города, желание, которое будет вновь и вновь проявляться в правление Танкреда, Раймонда де Пуатье и Бозмунда III.

Тарс имел еще большее, непреходящее стратегическое значение для восточного Средиземноморья. Город, расположенный на реке Кидн, к западу от перевала Киликийских Врат, контролировал путь из Анатолии в Киликию и Сирию. На протяжении веков Тарс оставался столицей (или, по крайней мере, одним из основных центров) персидской, селевкидской, римской, арабской, византийской и армянской Киликии. Для христианского мира Тарс приобрел особое значение и как родина Апостола Павла. После завоевания императором Никифором II Фокой в 965 г. и вынужденного исхода мусульман из Киликии, население Тарса почти полностью составили христиане — преимущественно греки и армяне, но также и сирояковиты⁸⁴⁸. Тарс был кафедральным городом греческого и сирояковитского митрополитов, а также и армянского архиепископа. Причем в иерархии православной Церкви митрополит Тарса занимал второе по чести место среди двенадцати митрополитов Антиохийского Патриархата⁸⁴⁹.

⁸⁴⁵ Langlois V. Voyage dans la Cilicie... P. 461.

⁸⁴⁶ Ibid.

⁸⁴⁷ Ibid.

⁸⁴⁸ О населении Тарса, см. Часть I, гл. 1, С. 100.

⁸⁴⁹ В нотиции Патриарха Анастасия I Синаита, митрополит Тарса следует сразу же после митрополита Тира. Согласно нотиции Патриарха Анастасия, митрополиту Тарса подчинялись семь суффраганов, в том числе и епископ Аданы. См. Vailhe S. La «Notitia episcopatum» d'Antioche du Patriarche Anastase // Echos d'Orient, Vol. X. — Paris, 1907. — P. 144—145.

Среди церквей города господствующее положение первоначально занимали собор Св. Апостола Павла (построенный императором Маврикием и в XII в. полностью перестроенный антиохийскими франками)⁸⁵⁰ и церковь Пресвятой Богородицы, также, вероятно, восходящая к ранневизантийскому периоду⁸⁵¹. В XII в. в Тарсе был возведен и армянский кафедральный собор, освященный в честь Св. Апостола Петра и Св. Софии. В X-XII вв. Тарс славился как богатый, многолюдный и превосходно укрепленный город. Якут аль-Хамави, в частности, отмечал внушительные укрепления города: «В Тарсе двойные стены, огражденные широким рвом, а также шесть врат»⁸⁵². Ныне от этих укреплений сохранились лишь одни портовые ворота. Как и уничтоженные в XIX в. крепостные стены, они представляют собой арабо-византийскую постройку, хоть и получили название «Врат Клеопатры»⁸⁵³. В северо-восточной части Тарса располагалась цитадель, построенная (или фундаментально перестроенная) ромеями⁸⁵⁴. При цитадели находилась церковь, освященная в честь прославленного воина-мученика Феодора Стратилата⁸⁵⁵. В «Книге Рожера» Аль-Идриси Тарс описан как «великий город, обнесенный двойным рядом каменных стен. В городе множество товаров, а население его крайне многочисленно. Земля в этом месте невероятно плодородна»⁸⁵⁶.

Стоит отметить, что Адана (в отличие от Тарса и Мамистры) до нормандского похода 1101 г. не была еще зависима от князя Антиохийского⁸⁵⁷. Этому новому «приобретению» Танкреда стоит, хоть раз, уделить немного внимания, т. к. подчинение подобного го-

⁸⁵⁰ О соборе Св. Павла в Тарсе будет подробно сказано ниже, см. Часть II, гл. 1, С. 100.

⁸⁵¹ О времени основания ныне уничтоженной турками церкви Пресвятой Богородицы до сих пор идут споры. См. Langlois V. Voyage dans la Cilicie... P. 318—319.

⁸⁵² Le Strange G. Op.cit. — P. 378.

⁸⁵³ Это новое название призвано связать хоть один из уцелевших памятников Тарса с историей пребывания в городе царицы Клеопатры VII, которая впервые встретилась там с Марком Антонием.

⁸⁵⁴ Langlois V. Voyage dans la Cilicie... P. 313.

⁸⁵⁵ О цитадели и церкви Св. Феодора Стратилата подробное пишет Вильбранд Ольденбургский. См. Wilbrandus de Oldenburg. Op.cit. — P. 176. Полное описание Тарса, оставленное Вильбрандом Ольденбургским, посещавшим город в 1212 г. См. Ibid. — P. 176—177.

⁸⁵⁶ Le Strange G. Op.cit. — P. 378.

⁸⁵⁷ Asbridge T. The Creation of the Principality of Antioch... c. 1, P. 45.

рода никак не может считаться второстепенным завоеванием. Средневековая Адана располагалась на западном берегу реки Сар. В описаниях арабских и персидских историков, Адана предстает как «приятный город, с плодородными землями (...) хорошо укрепленный и многолюдный»⁸⁵⁸. Земли Аданы славились своими виноградниками, что отмечал в свое время Виктор Ланглуа⁸⁵⁹. Со времен римского господства в городе возвышались действующий акведук и огромный арочный мост через реку Сар, воздвигнутый императором Адрианом и укрепленный Юстинианом⁸⁶⁰. В эпоху арабского владычества близ этого моста, по приказу халифа Харун аль-Рашида, была построена цитадель города⁸⁶¹. После заселения Киликии армянами (в X-XI вв.), Адана, наряду с Тарсом, оставалась одним из основных центров сосредоточения киликийских греков и мелькитов. В городе находилась действующая православная митрополичья кафедра⁸⁶². В годы Первого крестового похода (в 1097 г.) Адана, как уже говорилось выше, была завоевана армянским князем Ошином Хетумидом, который самостоя-

⁸⁵⁸ Описание персидского историка Истахри. См. Le Strange. Op.cit. — P. 382—383.

⁸⁵⁹ Langlois V. Voyage dans la Cilicie... P. 353.

⁸⁶⁰ Описание этого моста оставляет Прокопий Кесарийский: «есть другой город, Адана, на восточной стороне которого протекает река по имени Сар, вытекающая из гор Армении. Эта река судоходна, и для пешеходов она непроходима вброд. Издревле на ней был искусно построен прекрасный и замечательный мост. Был он выстроен следующим образом. Из огромных камней во многих местах реки со дна были подняты вверх сооружения (в виде каменных устоев огромной толщины). Своими рядами они шли во всю ширину реки, в высоту же они намного превосходят ее даже во время разлива. Наверху, на каждых двух столбах, посередине выгибаясь вверх, поднимаются на значительную высоту арки». См. Прокопий Кесарийский. Война с готами. О Постройках... — Книга V, гл. 5, 8—11.

⁸⁶¹ Виктор Ланглуа оставил описание руин этой цитадели, считая ее византийской постройкой. Однако из арабских источников мы знаем, что крепость там была поставлена Харун аль-Рашидом. Следовательно, цитадель Аданы была перестроена ромеями после завоевания Киликии Никифором Фокой. См. Langlois V. Voyage dans la Cilicie... P. 330; Le Strange. Op.cit. — P. 382—383.

⁸⁶² Невзирая на то, что согласно «нотиии Патриарха Анастасия I» епископ Аданы считался суффраганом митрополита Тарса, существуют документальные свидетельства того, что к XI в. архиереи Аданы сами стали носить титул «митрополитов». Так, в коллекции Хури Археологического музея санджака Хатай (в Антакье) сохранился моливдовул митрополита Аданы Авраамия. См. Cheynet J.C. Sceaux de la collection Khoury // Revue numismatique, 6. — 2003. — Tome 159. — P. 439 (№23). В этом же собрании хранится и относящаяся к этому же периоду булла Феодора, императорского прото-спафария и страгига Аданы. См. Ibid. — P. 424 (№5).

тельно изгнал сельджуков и оказал поддержку крестоносцам⁸⁶³. Начиная с 1101 г. (а затем повторно — с 1109 г.), благодаря завоеваниям Танкреда, этот благополучный, полуармянский, полугреческий город вошел в состав нормандского княжества Антиохийского. Хотя нельзя не отметить, что антиохийские франки придавали Адане меньшее значение, нежели Тарсу или Мамистре. В Адане так и не была учреждена латинская епископская кафедра (хотя греческая митрополия, вероятно, была упразднена), а франко-нормандские сеньоры Киликии предпочитали именоваться «сеньорами (или князьями) Тарса и Мамистры», не включая Адану в свой титул.

Вторая осада и взятие Латакии (1101—1103)

Осенью 1101 г., укрепив свое положение в Киликии, Танкред, наконец, обратился к Латакии. Во второй раз за последние два года этому греко-мелкитскому городу суждено было испытать ярость нормандских князей Антиохии. Крупнейший портовый город Сирии, беспрепятственно получавший припасы и пополнения с византийского Кипра, необходимо было прежде всего блокировать с моря. Очевидно, во время этой второй нормандской осады Латакии (и первой осады Танкреда), блокада города была возложена на генуэзцев. Еще весной 1101 г. Танкред заключил союз с генуэзцами, чьи эскадры курсировали у берегов Леванта. Согласно хартии, дарованной Танкредом и подписанной в 1101 г. в курии Св. Петра, генуэзские консулы получали подтверждение своих прав на владения в Антиохии, которыми их наделил Бозмунд («от Оронта до квартала Амальфитанцев», с церковью Св. Иоанна), треть ренты, поступающей «от моря и земли», квартал в еще непокоренной Латакии («от церкви с колодцем до гавани и замка Св. Илии»), и аналогичные привилегии (т. е. квартал и треть дохода) «в каждом городе и порте, взятом при помощи генуэзцев»⁸⁶⁴. Латакия была хорошо укреплена и не испытывала недостатка в войсках и провианте. Под ко-

⁸⁶³ См. выше, Часть II, гл. 2, С. 100.

⁸⁶⁴ Röhrich R., ed. Regesta... — №35, P. 5. О том, что весной 1101 г. Танкред заключил союз с генуэзцами, подтвердив «привилегии, дарованные им Бозмундом, сыном Робера Гвискара, господином Антиохии» упоминает и Каффаро (возможно, бывший очевидцем церемонии предоставления хартии в антиохийской курии Св. Петра). См. Cafari de Caschifellone. De libertatione civitatum Orientis... — P. 59.

мандованием императорского наместника — Андроника Цинцилука, помимо ромейских войск, находилось и несколько сотен провансальских крестоносцев, оставленных в городе графом Раймондом Сен-Жилльским после первой нормандской осады (1099 г.). Однако Танкред не намерен был ограничиваться лишь блокадой города; он велел своим войскам штурмовать сухопутные стены, будучи уверенным, что рано или поздно «стена не устоит перед нашими топорами и лестницами»⁸⁶⁵. Как впоследствии писал Рауль Канский, «жители покинули свои безопасные укрытия и взялись за оружие. Тяжелые камни, словно дождь, падали с башен. Ни одна из сторон не жалела брошенных копий. Никто внутри городских стен не знал покоя. Страх смерти изгнал страх перед противником»⁸⁶⁶. Осаде было суждено продлиться более полутора лет, с осени 1101 до ранней весны 1103 г.⁸⁶⁷.

Благо, Танкред мог позволить себе на протяжении многих месяцев держать войска своих рыцарей и баронов у стен города, т. к. на Востоке служба вассала не была ограничена карантеном. Сам Танкред неоднократно покидал осаду, когда обстоятельства требовали его присутствия в Антиохии или других частях Латинского Востока. На рубеже 1101—1102 гг. он часто находился в Антиохии, где принимал и великодушно снабжал всем необходимым добравшихся до его владений вождей «арьергардного» крестового похода (герцога Гильома IX Аквитанского, Вельфа Баварского, графов Этьена Блуасского, Этьена Бургундского и Гильома II Неверского). Летом 1102 г. Танкред, со значительной частью антиохийского войска, даже совершил дальний поход в Палестину, на помощь к королю Бодуэну I Иерусалимскому, разбитому фатимидской армией у Рамлы⁸⁶⁸. Подобная военная ак-

⁸⁶⁵ Radulfo Cadomensi. Op.cit. — с. 144, Р. 707.

⁸⁶⁶ Radulfo Cadomensi. Op.cit. — с. 144, Р. 707.

⁸⁶⁷ Осаде Латакии, проведенной Танкредом в 1101—1103 гг., Рауль Канский посвятил две главы «Деяний Танкреда». См. Radulfo Cadomensi. Op.cit. — с. 144, 146, Р. 706—707, 708—709.

⁸⁶⁸ Потерпев сокрушительное поражение от фатимидской армии визиря Аль-Афдала во время Второй битвы при Рамле (17 мая 1102 г.), король Бодуэн I Иерусалимский вынужден был обратиться за помощью к двум «северным», сирийским государям франков — графу Бодуэну II Эдесскому и к далеко не дружественному Танкреду. Оба государя, отлично понимая, чем чревато падение Иерусалима, выступили на помощь к королю. Летом 1102 г. армия антиохийских и эдесских баронов, под общим командованием Танкреда, графа Бодуэна II де Бурга и гостившего в Антиохии герцога Гильома IX Аквитанского,

тивность не может не привести нас к вопросу о военных (прежде всего — людских) ресурсах Танкреда и самого княжества Антиохийского. Если в Иерусалиме первоначально наметилась катастрофическая нехватка людей и «Защитник Гроба Господня» (Готфрид Бульонский) вынужден был довольствоваться тремя сотнями рыцарей и 2,000 пеших воинов⁸⁶⁹, то на севере — в пределах княжества Антиохийского и графства Эдесского положение было совершенно иным. Во время рождественского паломничества, зимой 1099 г., князь Бозмунд I Антиохийский и граф Бодуэн I Эдесский привели с собой в Иерусалим и Вифлеем более «25,000 человек обоих полов, как пеших, так и конных»⁸⁷⁰. Естественно, в это число, приведенное участником паломничества — Фульхерием Шартрским, входили не только рыцари и сержанты, состоявшие на службе у князя Антиохии и графа Эдессы, но также и находившиеся в Сирии пизанцы и генуэзцы, армянские воины, многочисленные нонкомбатанты (женщины, латинские клирики и пилигримы, монахи и паломники из числа восточных христиан). Однако число паломников, пришедших из северной (бывшей византийской) Сирии создает вполне четкое представление о людских ресурсах и военной мощи франкских княжеств Антиохии и Эдессы⁸⁷¹. В 1104 г. армия Антиохийского князя, выступившая на

совершив марш вдоль Оронта и Иордана, вошли в пределы королевства Иерусалимского. Альберт Аахенский определяет численность войска Танкреда и Бодуэна II Эдесского в 500 рыцарей и 1,000 пеших воинов. См. Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. IX, c. 13, P. 652. То, что Танкред выступил в Палестину во главе войска не означает, однако, что он прервал осаду Латакии. Вероятней, силы Антиохийского княжества были разделены на три части — часть оставалась на своих землях в равнинной Киликии и Сирии, часть стояла у стен Латакии, совместно с генуэзцами осаждая город, и, наконец, несколько сотен рыцарей и пехотинцев сопровождали Танкреда в Святую землю. К моменту прибытия войск Антиохии и Эдессы, король Бодуэн I сумел самостоятельно вытеснить армию Аль-Афдала к Аскалону. Однако прибывшая армия Танкреда и Бодуэна II приняла участие в дальнейших рейдах против фатимидских войск в южной Палестине и в разорении окрестностей Аскалона. Подробнее о пребывании антиохийских и эдесских франков в Палестине (в 1102 г.) см. Ibid. — Lib. IX, c. 13—17, P. 652—658; Runciman S. A History of the Crusades. Vol. II. — Book I, c. 5, P. 80—81.

⁸⁶⁹ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. IX, c. 19, P. 393. Также, см. выше.

⁸⁷⁰ Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. I, c. 33, P. 328.

⁸⁷¹ Это первоначальное соотношение сил Антиохии и Иерусалима (окончательно сошедшее на нет после 1119 г.), отмечали многие исследователи. См. Успенский Ф.И. История Византийской империи... Т. 4, гл. 6, С. 177—178; Runciman S. A History of the Crusades. Vol. I. — Book V, c. 3, P. 302—303; Oldenbourg Z. Les Croisades. — P. 254—255.

помощь к графу Бодуэну II Эдесскому, насчитывала более 10,000 человек (3,000 рыцарей и конных сержантов и 7,000 пеших воинов)⁸⁷². Так что в период первого правления Танкреда (1101—1103 гг.) княжество Антиохийское отнюдь не испытывало затруднений с людскими ресурсами, что позволяло нормандскому князю удерживать под своей властью обширные покоренные территории, вести осаду Латакии и, одновременно, сохранить достаточное число войск под своим непосредственным командованием для таких кампаний, как поход в Палестину (1102 г.). Все это также ясно говорит о том, что плодородные долины едва вышедших из-под власти империи Сирии и Киликии оказались для франкских рыцарей, пилигримов и переселенцев более привлекательными, чем каменистые просторы Святой земли.

Еще одним ударом по положению империи на Ближнем Востоке стало пленение графа Раймонда Сен-Жильского, на заре 1102 г. Напомним, что могущественный граф Тулузы, Сен-Жилля и Прованса был, пожалуй, наиболее ожесточенным латинским противником Боэмунда и самой идеи нормандского утверждения в Антиохии. Подобно Готфриду, Боэмунду и Танкреду, граф Раймонд не собирался покидать Востока, невзирая ни на преклонный возраст⁸⁷³, ни на тот факт, что ему принадлежал один из наиболее богатых и благополучных регионов латинского Запада⁸⁷⁴. Оставаясь верным союзником и вассалом императора Алексея I Комнина, Раймонд готов был вступить в войну против нормандцев⁸⁷⁵.

⁸⁷² Alberti Aquensis. — Lib. IX, c. 39, P. 691.

⁸⁷³ Если принять во внимание, что уже в 1060 г. Раймонд унаследовал Сен-Жилль и к 1063 г. фигурировал на хартиях как полноправный сеньор, он должен был уже достигнуть совершеннолетия, наступавшего в различных регионах Франции в 16—18 лет. Следовательно, родился он не позднее 1040—1044 гг. Т. е. к моменту окончания Первого крестового похода ему должно было быть около 55—60 лет. Хартия, о которой идет речь, пожалована Раймондом и его братьями аббатству Клюни. См. Bruehl A., ed. *Recueil des Chartes de l'Abbaye de Cluny*. Tome IV. — Paris, 1888. — №3392, P. 495.

⁸⁷⁴ К 1094 г. Раймонд был графом Тулузы, маркизом (маркграфом) Прованса и герцогом Нарбоннским, т. е. правителем доброй половины плодородных и относительно мирных территорий современного юга Франции.

⁸⁷⁵ Анна Комнина подробно пишет о дружбе и союзе ее отца с графом Сен-Жильским, которого она именует «Исангелом» (греч.). «Из всех латинян император выделил Исангела, которого полюбил за выдающийся ум, за искренность суждений и за чистоту жизни; он знал также, что больше всего Исангел дорожил правдой и не предпочел ей ничто иное. Всеми этими качествами он выделялся среди других латинян, как

В августе 1099 г. он, совместно с другими вождями Первого крестового похода, сорвал первую нормандскую осаду Латакии и, отеснив Боэмунда, принял власть над городом от имени василевса. В следующем году Раймонд отбыл к императорскому двору, в Константинополь, однако в Латакии остались верные ему провансальские и каталонские крестоносцы⁸⁷⁶. Летом 1101 г. граф Раймонд, по поручению Алексея I Комнина, возглавил один из контингентов «арьергардного крестового похода» во время перехода через Малую Азию. Тогда он потерпел страшное поражение и едва не погиб, когда ведомая им колонна «вооруженных паломников» была уничтожена тюрками в битве у Мерсивана. Зимой 1101 г. граф Раймонд вновь отправился в Левант, решив возвратиться к своим крестоносцам, стоявшим в Латакии.

Возвращение на Ближний Восток главного «крестоносного» врага молодого княжества Антиохийского, причем врага, посланного непосредственно василевсом и снабженного запасами имперского золота, не сулило нормандцам ничего хорошего. Как об этом впоследствии писал капеллан Танкреда Рауль Канский: «Ненависть была общей причиной, объединившей этих мужей (т. е. графа Раймонда и василевса Алексея. — С. Б.) Антиохия была врагом для каждого из них. Так, говорю я, Раймонда отправили с великими дарами, чтобы он сразился с общим врагом, с сыном маркиза (Танкредом. — С. Б.)»⁸⁷⁷. Однако застигнутые штормом в проливе между Кипром и Килики-

солнце среди звезд. По этой причине император удержал его при себе. Когда все графы заключили договор с самодержцем и через пролив Пропонтиду отбыли на Дамалис (т. е. переправились через Босфор и), самодержец, избавившись от тех хлопот, которые они ему доставляли, стал часто приглашать к себе Исангела; он подробно поведал ему о том, что ждет латинян в пути, а также раскрыл свои подозрения относительно намерений франков. Об этом он часто говорил с Исангелом. Как бы открыв ему ворота своей души и все объяснив, он просил его неусыпно помнить о коварстве Боэмунда и, если тот захочет нарушить клятву, удержать его и любым способом расстроить козни. Исангел ответил самодержцу: „От своих предков Боэмунд как некое наследство получил коварство и вероломство, и будет величайшим чудом, если он останется верен своей клятве. Но я сделаю все, чтобы выполнить твое поручение“. И, заключив договор с самодержцем, он уехал, чтобы соединиться с кельтским войском». См. Анна Комнина. Книга X, гл. 11, С. 292.

⁸⁷⁶ В Латакии же находилась и супруга графа Тулузского и Сен-Жилльского — Эльвира Арагонская. К числу каталонцев принадлежал главный соратник будущий преемник Раймонда — граф Сердани Гильом-Жордан.

⁸⁷⁷ Radulfo Cadomensis. Op.cit. — с. 145, P. 708.

ей, корабли Раймонда принуждены были пристать к берегу, близ киликийской Лонгиниады. Ступив на берег, Раймонд и его свита оказались во владениях князя Антиохийского, что не сулило им ничего хорошего. Их худшие опасения незамедлительно оправдались; провансальцы и ромеи были окружены и взяты под стражу войсками антиохийского барона Бернарда Чужака, державшего Тарс и Лонгиниаду⁸⁷⁸. Великий крестоносец и правитель Прованса, вместе со всеми сокровищами и дарами, полученными от ромейского императора, оказался пленником осевших на Востоке нормандцев. Это обстоятельство, не без язвительности, отмечает Рауль Канский: «Алексей, ты сам отправил сокровища Танкреду. Галеры Раймонда, груженные твоими дарами, едва не потонули. Пройдя множество мест, сопровождаемые недобрыми предзнаменованиями, они (...) были доставлены в сокровищницу твоего врага, попав в гавань близ города Тарса (т. е. в Лонгиниаду). Потрепанные штормом, они попали в руки своих врагов»⁸⁷⁹. Номинальным предлогом к пленению Раймонда послужило то, что он предал доверенные его попечению войска «арьергардно-го крестового похода», оставив «на избиение ломбардцев и прочих, выступивших в этот поход»⁸⁸⁰.

Вскоре Бернард Чужак переправил Раймонда и захваченную вместе с ним добычу к своему сюзерену, очевидно, откликнувшись на прямой приказ Танкреда. Рауль Канский, в частности, упоминает о том, что Танкред, едва прослышав о пленении Раймонда, «велел доставить к нему в Антиохию и графа, и греческие сокровища»⁸⁸¹. Но плененному Раймонду не суждено было задержаться и в Антиохии; по словам Матфея Эдесского, Танкред «воспользовавшись случаем, захватил Сен-Жилля и доставил его, закованного в цепи, в замок Сарандави (т. е. Сервантикар)»⁸⁸². Неприступная крепость, высеченная в скале и возвышающаяся над южным берегом Пирама, на поросших елями северных склонах хребта Аманос, Сервантикар стал новой темницей для графа Сен-

⁸⁷⁸ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. VIII, c. 42, P. 632.

⁸⁷⁹ Radulfo Cadomensis. Op.cit. — c. 145, P. 708.

⁸⁸⁰ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. VIII, c. 42, P. 632.

⁸⁸¹ Radulfo Cadomensis. Op.cit. — c. 145, P. 708.

⁸⁸² Mathieu D'Edesse. Op.cit. — c. 172, P. 242.

Жилльского⁸⁸³. Можно только догадываться о том, какая судьба ожидала бы Раймонда, если бы за него не вступился латинский Патриарх Антиохии и стекавшиеся в столицу княжества вожди «арьергардного крестового похода» (Гильом Аквитанский, Этьен Блуасский, Гильом Неверский и т.д.). Согласно хронике Матфея Эдесского, за графа Раймонда вступился и Патриарх Бернард Валенский, а также латинский клир Антиохии. «Патриарх франков и другие клирики вступились за него перед Танкредом, и тогда он вернул ему свободу»⁸⁸⁴. Альберт Аахенский, в свою очередь, пишет о том, что вожди «арьергардного» похода, возмущившись тем, что «их брат, христианский князь, брошен на произвол и закован в цепи (...) взмолились, что было сил, к Танкреду, дабы он, ради Христа, отпустил столь великого князя»⁸⁸⁵. Вняв мольбам латинского клира и западных крестоносцев, Танкред освободил Раймонда «при условии, что он более не посягнет ни на какие земли по эту сторону от Акры (т. е. к северу от Акры. — С. Б.) и, дав связующую клятву, не преступит ее»⁸⁸⁶. Рауль Канский подтверждает то, что Раймонд «покаялся во всем, в чем ему было приказано»⁸⁸⁷. Примечательно, что ни Альберт, ни Рауль Канский ни слова не говорят о том, что Танкред вернул Раймонду изъятые у него сокровища (чего, очевидно, и не произошло).

Когда Раймонд был освобожден, он, вместе с остальными вождами крестового похода, продолжил поход в пределы Иерусалимского королевства. Однако, он быстро отказался от идеи повторного паломничества ко Святому Гробу, приступив к завоеванию южной Сирии и Ливана, о чем будет сказано ниже. Пленение Раймонда можно с полным основанием считать бескровной победой Танкреда, прямо отразившейся на положении восточных владений Византии. Граф

⁸⁸³ Средневековые описания замка Сервантикара, см. Le Strange, G. Op.cit. — P. 538. Этому замку и его значению в истории франкской Сирии и Киликийской Армении посвящена статья Поля Дешампа, см. Deschamps P. Château de Servantikar en Cilicie // Syria. Tome 18 (4). — 1937. — P. 379—388. О пленении там Раймонда Сен-Жилльского, см. Ibid. — P. 384—385.

⁸⁸⁴ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 172, P. 242.

⁸⁸⁵ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. VIII, с. 42, P. 632.

⁸⁸⁶ Ibid.

⁸⁸⁷ Radulfo Cadomensis. Op.cit. — с. 145, P. 708.

Сен-Жильский — как наиболее видный латинский вассал императора, был унижен, а предоставленные ему сокровища перекочевали в казну князя Антиохийского. Более того, во исполнение условий клятвы, данной Танкреду, граф Раймонд вывел свои войска из Латакии, тем самым существенно ослабив императорский гарнизон и открыв путь для скорейшего нормандского завоевания города.

Решив проблему пребывания в Леванте графа Раймонда Сен-Жильского и добившись исхода провансальцев из центральной Сирии, Танкред смог сконцентрировать все силы и все свое внимание на осаде Латакии. Невзирая на отступление провансальцев, ромейский гарнизон, находившийся под командованием Андроника Цинцилука, отнюдь не намерен был сдаваться без боя. Во время осады армия антиохийского князя страдала от постоянных вылазок и контратак со стороны ромейских войск⁸⁸⁸. Столкнувшись с регулярными нападениями на свой лагерь, Танкред решил воспользоваться чрезмерной решимостью ромеев. Он велел водрузить огромный, богато украшенный шатер на окраине лагеря, в виду стен Латакии. Перед рассветом Танкред собрал антиохийских рыцарей, «велел им построиться в тени, верхом на своих лошадях». По приказу князя они должны были броситься из засады на вышедших в поле ромейских воинов. Днем значительную часть франков, на виду у защитников Латакии, отправили для сбора провианта, создавая иллюзию еще большей уязвимости лагеря осаждавших. Вскоре ромейская конница и пехота выступила за пределы городских стен, атаковав лагерь противника. Однако когда в лагере начались затяжные бои, и ромеи, по своему обыкновению, собрали добычу и устремились назад к городу, путь им перерезала вылетевшая из засады рыцарская конница князя Антиохийского. Отступавшие, рассредоточенные, частично нагруженные добычей ромеи не могли устоять перед атакой франко-нормандских рыцарей и были либо перебиты, либо пленены вблизи стен города, на глазах у своих соратников и сородичей, оставшихся в Латакии⁸⁸⁹. Это поражение, в сочетании с полуторалетней осадой и морской блокадой города, подорвало силы оборонявшихся. «Оставшиеся стражи города были малочисленны

⁸⁸⁸ «Осажденные привыкли устраивать засады для осаждавших. Посреди дня они внезапно атаковали, тревожа спящих (т. е. осаждавших франко-нормандцев. — С. Б.), сея смерть и разорение. При сигнале тревоги франки немедленно брались за оружие. Но в это же время мужи Латакии возвращались в город, без потерь произведя нападение». См. Radulfo Cadomensi. Op.cit. — с. 146, Р. 708.

⁸⁸⁹ Radulfo Cadomensi. Op.cit. — с. 146, Р. 708—709.

и охвачены страхом. Они более не возлагали надежд ни на городские стены, ни на свое мужество. Они просили мира и предложили передать стены подступавшим, если будет достигнуто соглашение об их безопасности. Эти условия вполне удовлетворяли князя»⁸⁹⁰. По словам Анны Комниной «Цинцилук, видя упорство Танкреда и трудность своего собственного положения, запросил помощи с Кипра. Но так как на Кипре медлили, он оказался в отчаянном положении и, мучимый осадой и голодом, предпочел сдать крепость»⁸⁹¹. Ранней весной 1103 г. Танкред принял капитуляцию Андроника Цинцилука; ромейские воины покинули город, отплыв на Кипр. Латакия впервые перешла под власть Антиохийского князя.

Возвращение Боэмунда.

Франко-нормандское завоевание Мараши и Эльбистана

За два года правления (с весны 1101 г. до весны 1103 г.) Танкред вдвое расширил территорию княжества Антиохийского, причем исключительно за счет византийских владений. Ромейская держава потеряла богатые города и обширные земли равнинной Киликии, и, конечно же, Латакию — лучший порт сирийского побережья и крупнейший греческий анклав северной Сирии. Став регентом Антиохии, Танкред проявил поразительную энергию, честолюбие и талант настоящего нормандского завоевателя. Однако в одном он выказал совершенно несвойственную его характеру вялость и отстраненность — в деле сбора выкупа за плененного князя Боэмунда. Как об этом писал Рауль Канский: «В то время, сбор выкупа за Боэмунда довлел над народом, в особенности над графом Бодуэном (т. е. Бодуэном II де Бургом), который был ожесточенным врагом Танкреда. Бодуэн досаждал антиохийцам предупреждениями, мольбами и упреками, чтобы они сделали все от них зависящее, чтобы добиться освобождения Боэмунда (...) Патриарх Бернард также предпринимал великие усилия (...)»⁸⁹². Танкред же,

⁸⁹⁰ Radulfo Cadomensis. Op.cit. — с. 146, P. 709.

⁸⁹¹ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XI, гл. 7, С. 309. Слова Анны Комниной о том, что Латакия страдала от голода, прямо подтверждает то, что осада велась Танкредом как с суши, так и с моря, т. е. довести Латакию до голода, не перерезав морское сообщение с Кипром, было бы невозможно.

⁸⁹² Radulfo Cadomensis. Op.cit. — с. 147, P. 709.

по словам Рауля, «не препятствовал этим усилиям, хотя возвращение Боэмунда положило бы конец его продолжавшемуся благоденствию»⁸⁹³. «Не препятствовать» не значит участвовать. Альберт Аахенский пишет о том, что заточенному в Никсаре Боэмунду было позволено рассылать гонцов к франкам, и что «он посылал ко всем своим сородичам и друзьям, не только в Антиохию, но и в Эдессу, и на Сицилию, для сбора денег»⁸⁹⁴. Ордерик Виталий, в свою очередь, упоминает, что Боэмунд направлял некоторых своих соратников, разделявших с ним тяготы плена, в Антиохию для ведения переговоров и переправки выкупа; эти посольства возглавляли Ричард Салернский и некий Саркис (очевидно — один из знатных армянских или сирийских воинов, состоявших на службе у князя Антиохийского)⁸⁹⁵. Выкуп, согласно «Деяниям Танкреда» составил «10 мириад 'Михайлов'»⁸⁹⁶, т. е. 100,000 золотых иперпиров чеканки императора Михаила VII Дуки (ценившихся более, нежели девальвированные иперпиры Алексея I Комнина), что подтверждает и Альберт Аахенский, и Матфей Эдесский, и Ибн аль-Асир⁸⁹⁷. Единственным вкладом Танкреда можно считать данное им разрешение отпустить нескольких знатных мусульманских пленников, томившихся в Антиохии, в качестве «присовокупления» к выкупу за Боэмунда⁸⁹⁸.

Из «Деяний Танкреда» мы знаем, что во главе франков, радевших за скорейшее освобождение Боэмунда, стояли латинский Патриарх Антиохии Бернард и граф Бодуэн II Эдесский. Матфей Эдесский предоставляет нам сведения и еще об одном человеке, который принял действенное и щедрое участие в выкупе Боэмунда; речь идет об армянском князе Гох Василе, правителе Рабана и Кайсуна (Кишума). Согласно хронике Матфея, «Боэмунда выкупили за 100,000 тахеганов, благодаря вмешательству и щедрости великого армянского князя Гох Василя. Именно он

⁸⁹³ Ibid.

⁸⁹⁴ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. IX, c. 37, P. 686.

⁸⁹⁵ Orderic Vitalis. Op.cit. — Vol. III, Lib. X, c. 23, P. 320.

⁸⁹⁶ Radulfo Cadomensis. Op.cit. — c. 147, P. 709.

⁸⁹⁷ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. IX, c. 37, P. 686; Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... P. 212; Mathieu D'Edesse. Op.cit. — c. 178, P. 252.

⁸⁹⁸ Среди освобожденных мусульман была и одна из дочерей эмира Антиохии Ягисана, упоминания о которой можно встретить и у Ибн аль-Асира, и у Ордерика Виталия. См. Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... P. 212; Orderic Vitalis. Op.cit. — Vol. III, Lib. X, c. 23, P. 318.

предоставил средства для выкупа, в то время как граф Антиохии (т. е. Танкред. — С. Б.) не внес ничего»⁸⁹⁹. Далее Матфей описывает хлопоты, с которыми Гох Васил собирал необходимую сумму для выкупа, и переходит к встрече Боэмунда и Василя. Когда выкуп был внесен, Гох Васил отправился к рубежам своего княжества, которые граничили с владениями Данишменда-гази, «чтобы встретить освобожденного Боэмунда, которого он с величайшими почестями принял в своем дворце, где преподнес великолепные дары. Не меньшую щедрость он проявил и к тем, кто сопровождал Боэмунда; его дары равнялись 10,000 тахеганам. Спустя несколько дней Боэмунд отправился в Антиохию, став, после принесения священных клятв, приемным сыном Гох Василя»⁹⁰⁰. Итак, Рауль Канский пишет о рвении и преданности графа Бодуэна II Эдесского, Матфей Эдесский — о необычайной щедрости армянского князя Гох Василя, чье участие привело не только к установлению союза между княжествами Антиохии и Кайсуна, но и торжественной церемонии усыновления Боэмунда. Стремление двух ближайших к Антиохии христианских правителей (Бодуэна II Эдесского и Гох Василя) выкупить Боэмунда объясняется не только желанием освободить своего «брата», но и очевидным неприятием Танкреда, чьи неукротимые амбиции и поразительные военные успехи, вероятно, внушали им серьезные опасения. О том, что рвение Бодуэна де Бурга в деле выкупа Боэмунда было вызвано его враждой с Танкредом, прямо пишет Рауль Канский⁹⁰¹. И следует отметить, что этим опасениям Бодуэна II де Бурга и Гох Василя впоследствии суждено было в полной мере оправдаться.

В конце весны 1103 г. Боэмунд вернулся в Антиохию⁹⁰². Он был торжественно встречен нобилитетом, клиром и населением города.

⁸⁹⁹ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 178, P. 252.

⁹⁰⁰ Ibid. — с. 178, P. 252—253.

⁹⁰¹ Radulfo Cadomensi. Op.cit. — с. 147, P. 709.

⁹⁰² Здесь, конечно же, нельзя не сказать и о том, что история освобождения Боэмунда I Антиохийского отражена еще и в романтическом сказании о некоей Мелаз, дочери Данишменда-гази, которая помогала пленным франкам, а затем приняла христианство и даже вышла замуж за Рожера, сына Ричарда Салернского (чего, естественно, на самом деле никогда не было). См. Orderic Vitalis. Op.cit. — Vol. III, Lib. X, с. 23, P. 309—322. Также история пленения и освобождения Боэмунда была связана с заступничеством св. Леонарда; в различных вариантах «*Miracula Sancti Leonardi*» в полной мере отражена и эпопея плененного антиохийского князя. См. Poncelet A. Boemond et s. Leonard // *Analecta Bollandiana*. — 1912. — №31. — P. 24—44.

Танкред, естественно, сложил с себя регентство, не оспаривая прав своего дяди на престол. Однако он, вероятно, выдвинул свои права на завоеванную им равнинную Киликию и Латакию⁹⁰³. Здесь ему суждено было пережить и разочарование, и унижение. Боэмунд отказался признавать сеньориальные права Танкреда в Латакии и Киликии и отрекся от командования армией. Как об этом писал Рауль Канский, Танкред был «принужден отдать Латакию, Мамистру, Адану и Тарс, которые он завоевал собственными силами, тому, кого только освободили из цепей и оков. Так, лишенный всего, что ему принадлежало, даже сопровождавшего его войска, он вынужден был вымалывать право владения двумя малыми городами»⁹⁰⁴. Эта жесткость Боэмунда, вне всякого сомнения, была вызвана безучастностью Танкреда в деле выкупа законного князя Антиохийского⁹⁰⁵. Подобное отношение в очередной раз подтверждает, что отношение между двумя нормандскими завоевателями Сирии были далеко не простыми и отнюдь не дружескими. Первое правление Танкреда в Антиохии пришло к стремительному завершению; претерпев унижение, он все же не вернулся в Галилею (срок его владения княжеством уже истек), а остался в Сирии, в тени своего сородича и сюзерена.

Поскольку, благодаря кампаниям Танкреда, ромеи были отброшены далеко на запад, и, за исключением Мараша, у них не осталось ни одного города или крепости к западу от Селевкии, Боэмунд смог сосредоточиться на войнах с мусульманами. В правление Танкреда эмиры Алеппо, Хомса и Дамаска поочередно разоряли южные и юго-восточные окраины Антиохийского княжества⁹⁰⁶. Боэмунд, в первую

⁹⁰³ По словам Рауля Канского, «Танкред передал ему (Боэмунду. — С. Б.) как то, что он от него принял (т. е. Антиохию и окружающие ее сирийские земли. — С. Б.), так и то, чего он не принимал (т. е. то, что он сам завоевал, став князем-регентом Антиохии, в частности Киликию и Латакию. — С. Б.). Первое он совершил охотно, второе — вопреки своей воле». См. Radulfo Cadomensi. Op.cit. — с. 147, P. 709.

⁹⁰⁴ Ibid.

⁹⁰⁵ Yewdale R.B. Bohemond I, Prince of Antioch... с. 6, P. 98—99; Runciman S. A History of the Crusades. Vol. II. — Book I, с. 3, P. 39.

⁹⁰⁶ К примеру, эмир Хомса Джанах ад-Даула разорил окрестности занятого франками Маарат ан-Нумана и взял близлежащую крепость Асфуна, вырезав всех находившихся там латинян. См. Kemal ad-Din. Op.cit. — P. 589. О мусульманских рейдах на окраинах княжества Антиохийского в 1102—1103 гг., см. Asbridge T. The Creation of the Principality of Antioch... с. 2, P. 53.

очередь, посвятил себя новой войне с Алеппским эмиратом. Он разорил мусульманские поселения между Антиохией и Алеппо⁹⁰⁷ и заставил эмира Рыдвана выплатить дань в размере 7,000 динаров и 10 кровных арабских скакунов⁹⁰⁸. Вскоре после этих побед антиохийские и эдесские франки все же обратились против последней ромейской твердыни Сирии — Мараша. Стоит отметить, что Мараш был сдан не князю Антиохийскому, но одному из баронов графства Эдесского — Жослену де Куртенэ. Согласно хронике Матфея Эдесского, «В том же году (т. е. в начале 1104 г.) греки потеряли Мараш. Князь князей (Татул. — С. Б.) покинул город, сдав его Жослену. Он продал почитаемый образ Пресвятой Богородицы великому армянскому князю Торосу, сыну Константина, сыну Рубена, и отбыл в Константинополь»⁹⁰⁹.

Жослен — человек, сыгравший одну из ведущих ролей истории франкской Сирии, был вторым сыном сира де Куртенэ, одного из французских феодалов, державших земли на Луаре. По материнской линии он приходился двоюродным братом Бодуэну де Бургу⁹¹⁰. Он прибыл на Восток в 1102 г., во время «арьергардного крестового похода», оказавшись в числе немногих рыцарей, уцелевших после перехода через Анатолию и дошедших до Сирии. Оказавшись в Леванте, Жослен перебрался ко двору своего кузена, в Эдессу. Бодуэн де Бург предоставил своему двоюродному брату крупнейшую сеньорию графства Эдесского — Турбессель (Тель-Башир), что сделало Жослена одним из наиболее состоятельных франкских баронов Сирии⁹¹¹. Сеньория Жослена находилась на западном берегу Евфрата, на стыке

⁹⁰⁷ Ибн аль-Асир сообщает, что едва освободившись из плена, Боэмунд обратился против мусульман, напав на город Киннасрин (к югу от Алеппо) и заставив жителей заплатить огромный выкуп. См. Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... P. 212. Кемаль ад-Дин, в «Алеппской хронике», подробно пишет о том, как войска антиохийских и эдесских франков, под общим командованием князя Боэмунда, взяли укрепленный город Муслимию, частью пленив, частью перебив жителей. См. Kemal ad-Din. Op.cit. — P. 591.

⁹⁰⁸ Kemal ad-Din. Op.cit. — P. 591.

⁹⁰⁹ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 186, P. 257.

⁹¹⁰ Мать Бодуэна де Бурга — Мелисанда, и мать Жослена — Елизавета, были дочерьми Ги, сира Блэ и Монфлэри. Мелисанда вышла замуж за графа Гуго де Ретеля (отца де Бурга), Елизавета — за Жослена де Куртенэ (отца будущего графа Эдесского, о котором идет речь). О близком родстве Бодуэна де Бурга и Жослена де Куртенэ подробно пишет Гильом Тирский. См. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. X, с. 24, P. 437.

⁹¹¹ Описание Турбесселя, см. Часть I, гл. 2, С. 100.

графства Эдесского и княжества Антиохийского. В 1103 г. Жослен, как сеньор Турбесселя, очевидно принимал участие в кампаниях Боэмунда I Антиохийского против Алеппского эмира. Если же принять во внимание, что франки Антиохии и Эдессы совместно принимали участие в рейдах против Алеппо, вполне вероятно, что они могли вместе выступить и против византийского Мараша. Во всяком случае, кажется невозможным, чтобы Боэмунд остался в стороне и позволил одному из баронов графства Эдесского осаждать столь необходимый его княжеству город. И совершенно невозможно предположить, чтобы Мараш, с его мощными укреплениями и гарнизоном, могли успешно осадить войска одной лишь франкской сеньории, даже такой обширной и богатой, как Турбессель. Скорее, город был осажден объединенной армией антиохийских и эдесских франков, а сдан Жослену в отсутствие Боэмунда. Вероятно, именно этим можно объяснить то, что Жослен успешно утвердил свои сеньориальные права на Мараш.

Остается вопрос — где в момент сдачи Мараша находился Боэмунд? Из хроники Михаила Сирийца мы знаем о том, что в 1104 г. князь Боэмунд совершил дальний рейд на север, где «захватил Абластаин (т. е. Эльбистан. — С. Б.) и всю область Джихана»⁹¹², т. е. земли у истоков реки Пирам (Джихан), протекавшей через Мамистру и впадавшей в Средиземное море. Эльбистан находится примерно в 70 км к северо-востоку от Мараша. Однако из-за труднопроходимых хребтов восточного Тавра, дорога меж двумя городами, пролегающая вдоль русла реки Пирам, более чем в два раза превышает это расстояние. Население Эльбистана составляли, преимущественно, армяне⁹¹³. Это расширение владений сирийских франков на север — к Марашу и Эльбистану, имевшее место в течение одного года, скорее всего, было частью единой наступательной кампании, нежели чередой разрозненных, параллельных походов. Вполне вероятно, что когда основная армия антиохийских и эдесских баронов осаждала Мараш, Боэмунд, передав командование тому же Жослену, как наиболее могущественному барону, отправился на северо-восток, для завоевания Эльбистана. На наш взгляд, это наиболее правдоподобная реконструкция событий, хотя, опять же, сугубо гипотетичная, т. к. и о сдаче Мараша, и о завоевании Эльбистана хронисты оставляют

⁹¹² Michel le Syrien. Op.cit. — Lib. XV, c. 10, P. 195.

⁹¹³ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — c. 191, P. 261.

достаточно обрывочные упоминания. Тем не менее, сходных версий придерживались и Рене Груссе, и Рансимен⁹¹⁴. Итак, архонт архонтов Татул сдал Мараш и отбыл в столицу Ромейской империи; подпав под власть франков, город стал одним из главных оплотов латинского господства в северной, византийской Сирии. На протяжении почти полувека он оставался центром великой сеньории (или графства) Мараша. Судьба Мараша крайне показательна. Один из великих христианских городов Сирии, он был первоначально передан франкскими крестоносцами Византии, чтобы спустя семь лет, пережив две осады, быть покоренным теми же, оставшимися на Востоке франками.

***Битва у Харрана и ее последствия
для франко-нормандцев Антиохии (1104)***

Покончив с Марашем, франки Антиохии и Эдессы вновь обратились к войнам против сарацин. В апреле 1104 г. в пределы графства Эдесского началось вторжение тюркских войск эмира Сокмана ибн Артука и Джекермиша, эмира Мосула. Бодуэн, «пораженный нежданному появлению столь многочисленной орды (...) чрез послов призвал Боэмунда и Танкреда прийти к нему на помощь и привести с собой свежие силы»⁹¹⁵. Получив известия от графа Бодуэна II, князь Боэмунд I Антиохийский «пересек Евфрат в сопровождении Патриарха (Бернарда), Танкреда и Жослена, который в то время правил городом Мараш»⁹¹⁶. Армия князя Антиохийского и сопровождавших его эдесских баронов с западного берега Евфрата насчитывала, если верить Альберту Аахенскому, 3,000 конных и 7,000 пеших воинов⁹¹⁷. Соединившись с основными си-

⁹¹⁴ Рансимен склонен считать взятие Мараша и Эльбистана результатами единой кампании, в которой антиохийскими войсками командовал князь Боэмунд, эдесскими — Жослен де Куртенэ. См. Runciman S. A History of the Crusades. Vol. II. — Book I, c. 3, P. 40. Груссе также считает, что Мараш был осажден и взят армией князя Антиохийского. См. Grousset R. Histoire des croisades. Vol. I... P. 399.

⁹¹⁵ Alberti Aquensis. — Lib. IX, c. 39, P. 691. Ибн аль-Каланиси подтверждает слова Альберта, утверждая, что число франков составляло десять тысяч конных и пеших воинов, не считая обозы и лагерную команду». См. Гибб Г. Дамасские хроники крестоносцев... С. 46.

⁹¹⁶ Radulfo Cadomensis. Op.cit. — c. 148, P. 710.

⁹¹⁷ Alberti Aquensis. — Lib. IX, c. 39, P. 691.

лами графа Бодуэна II Эдесского, христианская армия погнала отступавших тюрок к южному течению Евфрата. Однако между городами Харран и Ракка, у притока Евфрата — реки Балих эмиры Мосула и Мардина, под началом которых находилось более 10,000 тюркских, арабских и курдских всадников, неожиданно атаковали франков⁹¹⁸; так началась великая битва у Харрана (7 мая 1104 г.). Войска графства Эдесского, во главе с самим графом Бодуэном II, увлеченные ложным отступлением тюрок, были окружены и, в своей массе, перебиты. Сам Бодуэн II, вместе с Жосленом де Куртенэ, был взят в плен посреди реки Балих, при попытке отступить через брод, к главным силам армии Боэмунда, которые находились более чем в миле от разбитых рыцарей Эдессы. Антиохийцы и остатки эдесского войска, оставив в руках противника свой лагерь и обоз, с большими потерями отступили на север, страдая от преследовавших тюрок, от обратившихся против них арабов Харрана и от внезапно хлынувших и размывших дороги ливневых дождей⁹¹⁹. Как писал Фульхерий Шартрский «это столкновение оказалось намного страшнее, нежели все предшествующие битвы»⁹²⁰. Единственным франком, выигравшим от этого поражения, был Танкред. Для него битва у Харрана ознаменовала возвращение к власти и активному участию в судьбах Ближнего Востока. Во время похода к Эдессе и Харрану ему была доверена одна из трех колонн франкской армии⁹²¹. В битве при Харране батай Танкреда предпринял единственную успешную контратаку против тюркской конницы, прорвавшись на помощь к разгромлен-

⁹¹⁸ Ибн аль-Асир пишет о том, что «Сокман выступил во главе семи тысяч всадников-туркмен, а Джекермиш — трех тысяч конных тюрок, арабов и курдов». См. Ibn al-Athir. *Al-Kamil fi al-Tarikh*... P. 221.

⁹¹⁹ Битва при Харране подробно описана арабскими хронистами (Ибн аль-Асиром, Ибн аль-Каланиси), латинскими (Фульхерий Шартрский, Рауль Канский, Альберт Аахенский) и восточно-христианскими авторами (Михаилом Сирийцем, Матфеем Эдесским). См. Ibn al-Athir. *Al-Kamil fi al-Tarikh*... P. 221—223; Гибб Г. Дамасские хроники крестоносцев... С. 45—46; Fulcheri Carnotensis. *Op.cit.* — Lib. II, c. 27, 468—477; Radulfo Cadomensis. *Op.cit.* — c. 148—150, P. 710—711; Alberti Aquensis. *Op.cit.* — Lib. IX, c. 39—41, P. 690—694; Mathieu D'Edesse. *Op.cit.* — c. 182, P. 254—255; Michel le Syrien. *Op.cit.* — Lib. XV, c. 10, P. 195. Общие описания сражения, см. Runciman S. *A History of the Crusades*. Vol. II. — Book I, c. 3, P. 41—44; Cahen C. *La Syrie du Nord*... P. 237—238.

⁹²⁰ Fulcheri Carnotensis. *Op.cit.* — Lib. II, c. 27, 468—473.

⁹²¹ Согласно описаниям Рауля Канского, князь Боэмунд вел правую колонну, граф Бодуэн II Эдесский — левую, Танкред — центральную. См. Radulfo Cadomensis. *Op.cit.* — c. 148, P. 710.

ным эдесским франкам и отбив у тюрок плененного латинского архиепископа Эдессы Бенедикта⁹²². После пленения графа Бодуэна II и большей части его баронов, князь Боэмунд I Антиохийский взял под защиту графство Эдесское, регентство над которым доверил Танкреду⁹²³.

Катастрофическая для сирийских франков кампания у Харрана в корне переменяла расстановку сил на Ближнем Востоке. Весть о страшном поражении огромной франкской армии быстро распространилась по всему Востоку. Как писал Ибн аль-Каланиси, «народ бурно обсуждал эту радостную весть о победе над франками, верил в их уничтожение и в то, что удача отвернулась от них»⁹²⁴. Эмиры Джекермиш и Сокман ибн Артук ограничились разорением земель Эдесского графства и осадой самой Эдессы (где их атаки были отбиты Танкредом)⁹²⁵. Однако, прослышав о разгроме сирийских франков, против княжества Антиохийского обратились эмир Рыдван Алеппский и император Алексей I Комнин. Эмир

⁹²² Alberti Aquensis. — Lib. IX, c. 40, P. 692—694; Radulfo Cadomensis. Op.cit. — c. 149, P. 710—711. По словам Рауля Канского, Танкред был одним из немногих франкских баронов, обличившимся в полный кольчужный доспех. Боэмунд и граф Бодуэн II де Бург, изможденные характерной для Сирии майской жарой, ехали без кольчуг и шлемов, вступив в бой «с незащищенной грудью, с непокрытой головой». См. Ibid. — c. 148, P. 710.

⁹²³ По словам Альберта Аахенского «Танкред поставлен был править городом и княжеством (т. е. Эдессой и эдесским графством. — С. Б.) вместо Бодуэна». См. Alberti Aquensis. — Lib. IX, c. 41, P. 694. См. также Radulfo Cadomensis. Op.cit. — c. 151, P. 712.

⁹²⁴ Гибб Г. Дамасские хроники крестоносцев... С. 46.

⁹²⁵ Вскоре после битвы у Харрана, объединенные силы эмира Сокмана ибн Артука и Джекермиша Мосульского осадили Эдессу. Танкред, обратившись за помощью к Боэмунду I Антиохийскому, стойко оборонял город. Исход осады был решен, когда Танкред, собрав франкских рыцарей и армянских воинов, совершил внезапную предрассветную контратаку против тюркского лагеря. «...с рассветом, они выступили из города, вооружившись и собрав все силы, и атаковали вражеский лагерь со всей яростью, с внезапным шумом и криком. Враги были ослаблены вчерашним вином и совершенно неподготовленными; христиане всюду предавали их мечу, до тех пор, пока вся равнина не была покрыта мертвыми телами и ручьями крови. Более того, по мере того как наступал день, армия Танкреда и его силы возобладали, а страх все больше охватывал врагов, покуда, ужаснувшись столь обильному избиению, они не бросились к шатрам своих князей. Вскоре Джекермиш и Сокман, увидев, что лагеря их воинов уничтожены, вскочили на своих лошадей и (...) обратились в бегство, оставив свои шатры и все свое имущество, добычу и деньги. Танкред же продолжал преследовать и истреблять их». См. Alberti Aquensis. — Lib. IX, c. 44, P. 698. Вечером того же дня, после победы Танкреда над аскарами эмиров Мардина и Мосула, к Эдессе подошли спешившие на помощь войска князя Боэмунда I Антиохийского. О поражении мусульман у стен Эдессы пишет и Ибн аль-Асир, см. Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... P. 223.

Алеппо, опираясь на недовольство и мусульманского, и восточно-христианского населения, отбил у князя Антиохийского большую часть владений к востоку от Оронта, в том числе и «щит Антиохии» — Арту⁹²⁶. Алексей I Комнин снарядил против Боэмунда I Антиохийского как сухопутные силы, так и флот, снабженный осадными орудиями, мастерами и войсками для десанта. Ромейская армия вновь завоевала равнинную Киликию, а византийская эскадра отбила у Боэмунда большую часть Латакии, а также закрепились в других частях сирийского побережья, к югу от гавани Св. Симеона. К концу 1104 г. антиохийское княжество вновь лишилось всех своих владений в Киликии. Едва завоеванные Танкредом Тарс, Лонгиниада, Адана, Мамистра безраздельно перешли к ромеям⁹²⁷. В Латакии франко-нормандцы удержались лишь на окраине города, в цитадели, где оставался мощный гарнизон из ста рыцарей и пятисот пеших воинов, во время усиленный Боэмундом⁹²⁸.

Последствия битвы при Харране стали первым серьезным кризисом в истории франкской Сирии. Силы антиохийских и эдесских франков

⁹²⁶ Среди городов, потерянных франками и перешедшими под власть эмира Рывдана, Кемаль ад-Дин называет Маарат Месрин, Сармин, Маарат ан-Нуман, Кафартаб, Альбару. См. Kemal ad-Din. Op.cit. — Р. 592. Фактически, князь Антиохийский потерял всю Русийскую долину (долину Рудж) и горный регион Джебел ас-Сумак, отделявший франкские владения от эмиратов Хомса и Шейзара. Согласно «Деяниям Танкрета», «щитом Антиохии» Арту именовал сам князь Боэмунд I, т. к. этот укрепленный город служил важнейшей преградой на восточных подступах к Антиохии. См. Radulfo Cadomensis. Op.cit. — с. 152, Р. 712.

⁹²⁷ Подробнее о наступлении, инициированном императором Алексеем I Комниным в Киликии и на сирийском побережье после разгрома франков у Харрана (1104 г.) см. Часть I, гл. 4, С. 100—101.

⁹²⁸ Согласно описаниям Анны Комниной, когда ромеи захватили гавань, приморские башни и нижний город Латакии, «акрополь же, который теперь вошло в обычай называть „кула“, еще удерживали кельты — пятьсот пехотинцев и сто всадников. Боэмунд, услышав о взятии прибрежных городов и узнав от графа — защитника акрополя Лаодикии — о нехватке продовольствия в городе, соединил все свои отряды с войсками своего племянника Танкрета (...) нагрузил мулов всевозможными припасами, прибыл в Лаодикию и быстро доставил продовольствие на кулу». Он «приказал своей коннице приблизиться к самым воротам города. Воины Кантакузина, осаждавшие городские стены, осыпали приближавшихся к стенам франков градом стрел и отбросили их на некоторое расстояние. Но Боэмунд сразу же собрал их всех снова и вошел в акрополь. Боэмунд заподозрил защищавшего акрополь графа и его кельтов, прогнал их и передал командование другому графу. Он уничтожил также все виноградники, чтобы они не мешали наступлению конницы латинян. После этого ушел в Антиохию». См. Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XI, гл. 11, С. 317.

были истощены до предела. Значительная часть эдесского рыцарства была перебита, а граф Бодуэн II де Бург находился в плену. Франко-нормандцы Антиохии вынуждены были вести оборонительную войну на два фронта, столкнувшись с наступлением Алеппского эмира на востоке и ромейских армий — на западе. Кроме того, Антиохийский князь должен был взять под свою защиту и графство Эдесское, куда был направлен Танкред. О каких-либо наступательных действиях не могло быть и речи. Франки держали глубокую оборону оставшихся территорий, опираясь на Антиохию, Эдессу, Мараш и ближайшие к ним города. Не видя иного выхода из создавшегося положения, князь Боэмунд I Антиохийский принял решение лично отправиться на Запад, чтобы просить помощи у Апостольского престола, а также государей, прелатов и баронов французских и итальянских земель. При этом Боэмунд видел главного, наиболее опасного противника в лице ромейского василевса, а отнюдь не в разделенных сельджукских эмирах; последствия битвы при Харране полностью оправдывали подобное суждение. Решение князя было объявлено на совете баронов и прелатов в антиохийском кафедральном соборе Св. Петра. Регентство над княжеством Антиохийским и графством Эдесским Боэмунд, теперь уже лично, возложил на Танкреда⁹²⁹. Поздней осенью 1104 г. Боэмунд, собрав в гавани Св. Симеона флотилию из тринадцати кораблей, вместе с находившимся в Антиохии латинским Патриархом Иерусалима — Даимбертом Пизанским, отплыл на Запад⁹³⁰.

⁹²⁹ О совете баронов и прелатов в антиохийской базилике Св. Петра, а также об отбытии Боэмунда на Запад, см. Radulfo Cadomensis. Op.cit. — с. 152—153, Р. 712—714. Как об этом писал Альберт Аахенский: «Танкред был оставлен в Антиохии, чтобы защищать город от имени вместо своего дяди; защита Эдессы была возложена на того же Танкреда». См. Alberti Aquensis. — Lib. IX, с. 47, Р. 702.

⁹³⁰ Анна Комнина приводит удивительную историю о том, как Боэмунд, дабы избежать византийский флот, курсировавший близ гавани Св. Симеона, велел положить себя в гроб и передать ромеям, что франки везут его тело на Запад для похорон. «Боэмунд, опасаясь угроз самодержца и не имея никаких средств для защиты (у него не было ни большого войска на суше, ни флота на море, а опасность уже надвигалась на него со всех сторон), задумал нечто очень низкое и очень подлое. Прежде всего, оставив Антиохию своему племяннику Танкреду, сыну Маркиза, он повсюду распустил слух, что Боэмунд, мол, умер, и сам живой убедил весь мир в своей кончине. Молва, как на крыльях, разнеслась повсюду, извещая о смерти Боэмунда. Когда Боэмунд нашел, что слухи уже достаточно распространились, он велел приготовить деревянный гроб и диеру для его перевозки; и вот живой покойник отплыл из Суды — это порт Антиохии — в Рим. Так и доставляли его по морю как мертвого. Внешне казалось, что везут настоящего покойника; Боэмунд лежал в гробу, и где только они ни появлялись, варвары рвали на себе волосы и громко рыдали. А тот лежал в гробу, вытянувшись,

как мертвец, вдыхая и выдыхая воздух через потайные отверстия. Так было на берегу. Но как только корабль выходил в море, Боэмунду давали еду и ухаживали за ним, а потом снова начинались слезы и шарлатанство. Чтобы от „трупа“ шел запах и все думали, что он разлагается, они не то задушили, не то зарезали петуха и подкинули его „мертвому“. Уже на четвертый или на пятый день от петуха пошел дух, нестерпимый для всех, кто не потерял обоняния. Обманутым людям казалось, что этот тяжелый дух исходит от Боэмунда. Больше всех наслаждался этой гадкой выдумкой сам Боэмунд, и я удивляюсь, как его нос мог вынести такую атаку, ведь Боэмунд живой лежал рядом с мертвечиной. Из этого случая я поняла, что все племя варваров не знает удержу в своих стремлениях и готово добровольно вытерпеть любые страдания. Вот и Боэмунд живой, умерший только для вида, не побоялся жить рядом с мертвечиной. В первый и единственный раз видела наша земля подобную хитрость варвара, целью которой было ниспровержение ромейского владычества. Никогда прежде ни варвар, ни эллин не придумывали против врагов ничего подобного, да и будущие поколения, я полагаю, такого не увидят». Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XI, гл. 12, С. 317. Это, безусловно, выдумка, возможно вызванная известным преданием об отце Боэмунда — Робере Гвискаре, который разграбил прославленное аббатство Монтекассино, велел перенести себя туда в гробу, для похорон и отпевания. См. Radulfo Cadomensi. Op.cit. — с. 135, Р. 700.

Более правдоподобное описание путешествия оставляет итало-нормандский автор «Истории священной войны», который приводит численность флотилии Боэмунда (13 кораблей) и подробно пишет о совместном путешествии князя Антиохийского и Патриарха Дамаскского из Антиохии в Рим, к Папе Пасхалию II. См. *Historia belli sacri*... с. 139, Р. 228.

Глава III

Балканский крестовый поход князя Боэмунда I Антиохийского (1104—1108 гг.)

I. Западное турне князя Антиохийского (1104—1107 гг.). Подготовка к крестовому походу

Папа Пасхалий II и Боэмунд I: благословение похода

Своим путешествием на Запад сын Гвискара отнюдь не решал насущные проблемы основанного им молодого княжества Антиохийского (это, как раз, было возложено на Танкреда). Боэмунд всецело посвятил себя проповеди крестового похода против Византии. Со стратегической точки зрения, его расчет был верен. Завоевание самого Константинополя раз и навсегда решило бы в том числе и проблемы нормандских владений на территории бывших провинций Византии (в Апулии, Калабрии, Сирии, Киликии). В 1105 г., после нескольких месяцев пребывания в своих южно-итальянских владениях, князь Боэмунд I Антиохийский и сопровождавший его Патриарх Даимберт прибыли в Рим, для встречи с Папой Пасхалием II. Подробности этой встречи и переговоров не находят прямого описания в латинских источниках, однако тот факт, что Пасхалий II благословил Боэмунда для проповеди нового похода против Византии, не может вызывать сомнений. Как писала об этом Анна Комнина, Боэмунд «воздействовал на ум первосвященника с целью убедить его в том, что имеет благовидные основания для вражды к ромеям (...) Обманутый словами Боэмунда, папа согласился с ним и одобрил переправу в Иллирик»⁹³¹. Благодаря папскому благословию и последующему «турне» Анти-

⁹³¹ Анна Комнина. Указ соч. — Книга XII, гл. 8, С. 337.

охийского князя по землям Италии и Франции (в 1105—1107 гг.), греко-латинское противостояние вышло на совершенно новый уровень, а проповедь борьбы с ромеями как с «ложными христианами», начатая Боэмундом в 1098—1099 гг. была провозглашена далеко за пределами восточного Средиземноморья.

Когда Боэмунд готовился пересечь Альпы, для проповеди своего похода на землях Франции, Папа Пасхалий II вручил ему «знамя Св. Петра» (*vexillum Sancti Petri*), знак того, что отныне он действует от имени Римской Церкви⁹³². Второй раз в истории, нормандское нападение на Византию получало официальное одобрение Апостольского престола⁹³³. Благословение Папой Григорием VII Гильдебрандом похода Робера Гвискара и аналогичное благословение, дарованное Пасхалием II сыну Гвискара, обозначило новую эпоху в истории конфронтации и отчуждения латинского Запада и византийского Востока. По меткому выражению Стивена Рансимена, «соглашение между Боэмундом и Папой Пасхалием (о походе Боэмунда на Византию. — С. Б.) повлияло на разделение церквей Востока и Запада гораздо больше, чем все споры кардинала Гумберта с Михаилом Керуларием»⁹³⁴. В качестве папского легата, призванного сопровождать Боэмунда и «призывать и напутствовать» (*invitandam et confortandam*)⁹³⁵ тех, кто желал сразиться под его знаменами, Пасхалий II избрал кардинала-епископа Сеньи Бруно Астийского, одного из выдающихся иерархов Римской Церкви, сподвижника почившего Папы Урбана II, бывшего с понтификом при провозглашении Первого крестового похода в Клермоне⁹³⁶. На протяжении последующих полутора лет Бруно как папский легат сопровождал Боэмунда, проповедуя новый крестовый поход в Италии и Франции.

⁹³² Bartolfus de Nangeio. *Gesta Francorum Iherusalem expugnatum* // RHC Occ. III. — Paris, 1866. — P. 538.

⁹³³ Подробнее об отношениях Пасхалия II и Боэмунда и о роли понтифика в провозглашении похода против Византии, со ссылками на многочисленные источники, см. Rowe G. *Paschal II, Bohemund of Antioch and the Byzantine Empire* // *Bulletin of John Rylands Library*. — 1966. — №49. — P. 165—202.

⁹³⁴ Runciman S. *A History of the Crusades*. Vol. II. — Book I, c. 3, P. 48

⁹³⁵ *Suggerius Abbas. Vita Ludovici Regis* // PL. Vol. 186. — Paris, 1854. — c. 9, P. 1266.

⁹³⁶ *Historia belli sacri...* P. 228.

Проповедь крестового похода во Франции и Италии (1105—1107 гг.)

Как сказано в «Церковной истории» Ордерика Виталия: «Боэмунд, прославленный герцог Антиохийский (...) прибыл в Галлию в 1106 г. от Рождества Христова, и был с почестями принят всеми западными народами, как главный знаменосец Христианского мира (...), многие тысячи мужей Запада встали под его знамена, отправившись воевать с неверными»⁹³⁷. Только «неверными» этими были не сарацины, а ромеи, т. е. те самые «братья, живущие на Востоке», к освобождению которых за одиннадцать лет до похода Боэмунда призывал Папа Урбан II. Французский король Филипп I, отчасти по собственной инициативе, отчасти следуя советам Папы Пасхалия II и его легата, оказал полномасштабную поддержку Боэмунду⁹³⁸. Король Генрих I Английский не проявил подобного энтузиазма, воспротивив князю Антиохийскому проповедовать его поход в Англии; однако он позволил ему вербовать рыцарей в Нормандии и направил Ансельма Кентерберийского для встречи с Боэмундом в Руане⁹³⁹. Между тем, французский монарх принял настолько активное участие в судьбах «Заморской земли», что отдал двух своих дочерей замуж за нормандских князей Антиохии. В пасхальные дни 1106 г. в кафедральном соборе Шартра, в присутствии самого Филиппа I, святой епископ Иво венчал князя Боэмунда

⁹³⁷ Orderic Vitalis. Op.cit. — Vol. III, Lib. VIII, c. 20, P. 6.

⁹³⁸ Подробнее об общей поддержке Папы Пасхалия II и короля Филиппа I, оказанной крестовому походу Боэмунда, см. Monod B. Essai sur les rapports de Pascal II avec Philippe I (1099—1108). — Paris, 1907. — P. 45—47.

⁹³⁹ О переговорах князя Боэмунда I Антиохийского и короля Генриха I Английского и о королевском запрете на проповедь крестового похода к северу от Ла-Манша, см. Orderic Vitalis. Op.cit. — Vol. III, Lib. XI, c. 12, P. 365—366. Об этом уже говорилось выше, см. Часть I, гл. 2, С. 100. Есть несколько свидетельств того, что в 1106—1107 гг. Боэмунд набирал рыцарей в Нормандии. Среди примкнувших к Боэмунду нормандских рыцарей был Робер де Вью-Понт, впоследствии ставший одним из баронов княжества Антиохийского, близким соратником князей Танкреда и Рожера. В 1107 г. Робер покинул Нормандию и отбыл с Боэмундом на Балканы, после чего перебрался в Левант. См. Asbridge T. The Creation of the Principality of Antioch... P. 178. Среди высших соратников Боэмунда во время Балканского похода был и Робер де Монфор, один из вассалов короля Генриха I Английского и маршал Нормандии, обвиненный королем в вероломстве и покинувший Англию ради «пути в Иерусалим». См. Orderic Vitalis. Op.cit. — Vol. III, Lib. XI, c. 24, P. 387, 388. О встрече Боэмунда I Антиохийского с архиепископом Ансельмом Кентерберийским пишет английский хронист Эдмер в своей «Новой истории Англии». См. Eadmerus. Historia novorum in Anglia. — London, 1884. — P. 179—180; см. также Yewdale R.B. Bohemond I, Prince of Antioch... c. 7, P. 106.

И Антиохийского со старшей королевской дочерью — Констанцией. Описание этого оставил будущий аббат Сен-Дени, Сугерий, в своей «Жизни короля Людовика»: «Венчание было отпраздновано с великой пышностью и совершено епископом Шартрским в присутствии короля, сира Людовика⁹⁴⁰, множества архиепископов, епископов и нобилей государства»⁹⁴¹. Сугерий также пишет о потомстве, появление которого установило кровные связи между французскими Капетингами и антиохийскими Отвиллями. «Госпожа Констанция родила сиру Боэмунду двух сыновей, Жана и Боэмунда. Жан умер в Апулии, не достигнув возраста посвящения в рыцари. Но Боэмунд, прекрасный молодой человек, созданный для рыцарства, стал князем Антиохийским»⁹⁴². То, что король Франции породнился к нормандскими князьями Антиохии, не осталось не замеченным ни на Западе, ни на Востоке. Так, Анна Комнина упоминает о том, что «король отдал одну из своих дочерей в жены самому Боэмунду, а другую отправил морем в Антиохию к племяннику Боэмунда — Танкреду»⁹⁴³. Младшая дочь короля Филиппа I — девятилетняя Сесилия была отправлена в Антиохию, где в 1106 г. и венчалась с Танкредом⁹⁴⁴. В 1112 г., после смерти Танкреда, Сесилия вышла замуж за графа Понса Триполийского, тем самым связав с Капетингами и графский дом Триполи⁹⁴⁵. Венчание с дочерью француз-

⁹⁴⁰ Т. е. сын короля Филиппа I — будущий французский король Людовик VI Толстый.

⁹⁴¹ Sugerius Abbas. Op.cit. — с. 9, P. 1266.

⁹⁴² Ibid. — с. 9, P. 1267. Сохранилась булла, на которой княгиня Констанция Капет отображена вместе с сыновьями Жаном (Иоанном) и Боэмундом II. Жан стоит справа, что, вероятно, свидетельствует о том, что он, а не Боэмунд II был старшим сыном и наследником нормандских княжеств Апулии и Антиохии. См. Engel A. Recherches sur la Numismatique et la Sigillographie des Normans de Sicile et d'Italie. — Paris, 1882. — Pl. 2, N^o3.

⁹⁴³ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XII, гл. 1, С. 320.

⁹⁴⁴ Guillaume de Tug. Op.cit. — Lib. XI, с. 1, P. 450.

⁹⁴⁵ Здесь нельзя не отметить, что браки дочерей французского короля Филиппа I связали княжеский дом Антиохии и род графов Триполи не только с династией Капетингов, но и, парадоксально, установили кровную связь правителей франкской Сирии с далекой, северной, православной династией Рюриковичей. Дело в том, что Филипп I (как и его «крестоносный» младший брат Гуго Вермандуа) были сыновьями Анны Ярославны, дочери великого князя Киевского Ярослава I Мудрого, вышедшей замуж за французского короля Генриха I. С заключением браков дочерей Филиппа — Констанции и Сесилии Капет, кровное родство связало Рюриковичей и с франкскими правителями Заморской земли. Так, все франкские государи Антиохии и Триполи, начиная с князя Боэмунда II Антиохийского (сына Боэмунда I) и графа Раймонда II

ского короля в Шартре и паломничество к мощам св. Леонарда в Лемузен⁹⁴⁶ не отвлекли Боэмунда от главной его цели — подготовке западного рыцарства к войне с Ромейской державой.

Уже на свадебных торжествах, в соборе Нотр-Дам де Шартр, Боэмунд «став на ступенях перед алтарем Пресвятой Девы Марии (...) призвал всех рожденных для ношения оружия присоединиться к нему в его походе против императора, обещая предоставить большие и малые города тем рыцарям, которые проявят должную храбрость»⁹⁴⁷. Данным в Шартре обещанием раздачи ромейских городов западным нобилям Боэмунд почти на столетие предвосхитил рождение Латинской Романии, когда на осколках европейских владений империи действительно возникнут государства латинян: королевство Фессалоникийское, герцогство Афинское, княжество Ахейское, Латинская империя Константинополя, герцогство Архипелага. В том же 1106 г. в Пуатье был созван собор прелатов, клира, баронов и рыцарства, на котором князь Боэмунд I Антиохийский и папский легат — Бруно Астийский призывали к паломничеству на Восток⁹⁴⁸. По словам аббата Сугерия, бывшего очевидцем и участником собора, кардинал Бруно «провел торжественный собор, на котором я присутствовал, ибо уже закончил свое обучение; там он принимал участие в различных синодальных делах, но прежде всего уделил внимани-

Триполийского (сына Сесилии Капет и ее второго мужа графа Понса), приходились далекими, но все же — прямыми потомками Ярослава I Мудрого и его дочери Анны. Это обстоятельство, естественно, не было отмечено современниками; не получило оно рассмотрения и в позднейших исследованиях (в отличие от регулярно упоминаемых связей между Киевской Русью и Францией Капетингов). Подробнее, см. Брюн С.П. Потомки Ярослава — государи крестоносцев // Родина. — М.: 2012. — №12. — С. 76—77.

⁹⁴⁶ И Боэмунд I Антиохийский, и его кузен Ричард Салернский приписывали свое освобождение из тюркского плена в Никсаре заступничеству франкского аскета и исповедника VI в. — св. Леонарда. Ричард совершил свое паломничество в монастырь Сан-Леонард-де-Нобле в 1103—1104 гг., Боэмунд I Антиохийский — в 1106 г. Оба паломничества подробно описаны Ордериком Виталием, см. Orderic Vitalis. Op.cit. — Vol. III, Lib. X, c. 23, P. 321; Lib. XI, c. 12, P. 365. См. также: Poncelet A. Boemond et s. Leonard... — P. 24—44. О пленении и паломничестве Ричарда Салернского, см. Beech G.T. A Norman-Italian Adventurer in the East: Richard of Salerno 1097—1112 // Anglo-Norman Studies. — 1993. — №15. — P. 34—35.

⁹⁴⁷ Orderic Vitalis. Op.cit. — Vol. III, Lib. XI, c. 12, P. 366.

⁹⁴⁸ То, что собор был созван в Пуатье, служит прямым свидетельством того, что Боэмунда, в его начинаниях, поддерживал и герцог Гильом IX Аквитанский, получивший в 1102 г. убежище на землях княжества Антиохийского (см. выше).

пути в Иерусалим, покуда рвение к этому великому предприятию не охладилось. И сам он, и Боэмунд сподвигли многих к этому пути»⁹⁴⁹. Сугерий говорит о «пути в Иерусалим» (*Hierosolymitana itinere*), но, как известно, эти слова часто обозначали «вооруженное паломничество» как таковое, то есть саму идею принятия креста и отбытия на Восток, для битв за Христа и его Церковь. Если же принять во внимание, что Боэмунд собрал там «великое множество рыцарей» (*multo multaque militia*) для своего похода на Балканы, совершенно очевидно, что на соборе в Пуатье проповедовали «itinere» как в Иерусалим, так и в Константинополь. Данное утверждение вполне согласуется со словами современника этих событий, Ордерика Виталия, описывавшего балканский поход Боэмунда I Антиохийского именно как третье вооруженное паломничество, как третий, после Первого и «арьберггардного», поход западного рыцарства на Восток. Дословно: «В то время начался третий поход народов Запада в Иерусалим (*tertio profectio occidentaliū in Jerusalem*), и огромное, многотысячное скопление народа вступило во Фракию, угрожая попать византийскую династию»⁹⁵⁰. Стоит обратить особое внимание на то, что среди обвинений, выдвинутых Боэмундом против Алексея I Комнина, было и обвинение в узурпации престола. Для этих целей из Южной Италии был приглашен грек-самозванец, выдававший себя за императора Михаила VII Дуку еще при Робере Гвискаре. По словам Ордерика Виталия, Боэмунда «сопровождал сын императора Диогена»⁹⁵¹ и прочие знатные мужи из Романии и Фракии. Их обвинения против императора Алексея, обвинения в вероломной узурпации наследственных прав на престол, возбудили ярость у неистовых франков»⁹⁵². Впоследствии, сходным обвинениям — в предательстве и вероломном

⁹⁴⁹ Sugerius Abbas. *Op.cit.* — с. 9, P. 1266—1267.

⁹⁵⁰ Orderic Vitalis. *Op.cit.* — Vol. II, Lib. V, с. 19, P. 223. Юдейл, в своей диссертационной работе, посвященной личности великого нормандского завоевателя, вполне обоснованно доказывает, что балканский поход Боэмунда получил именно статус полноправного крестового похода, о чем неопровержимо свидетельствует поддержка Папы Пасхалия II, вручение антиохийскому князю стяга Св. Петра, и проповедь похода папским легатом — Бруно Астийским. См. Yewdale R.B. Bohemond I, Prince of Antioch... с. 7, P. 108, с. 8, P. 115.

⁹⁵¹ Ордерик ошибочно называет Михаила VII Дуку (вернее, самозванца, выдававшего себя за Михаила Дуку) «сыном Диогена».

⁹⁵² Orderic Vitalis. *Op.cit.* — Vol. III, Lib. XI, с. 12, P. 366.

свержении законного императора, суждено будет вновь прозвучать в стане крестоносцев, у стен осажденного Константинополя, в 1203—1204 гг.⁹⁵³.

***Армия князя Боэмунда I Антиохийского
и ее вторжение на Балканы (1107 г.)***

Здесь, конечно же, нельзя не обратить внимание и на то, какую популярность среди латинских христиан завоевала не просто идея вооруженного паломничества в Святую землю, но и проповедуемый Боэмундом и нормандцами путь на Восток для войны с Византией. Автор «Истории священной войны», писавший в 1130-х гг. в монастыре Монтекассино, говорит о том, что народ стекался к Боэмунду, «желая увидеть его, словно самого Христа»⁹⁵⁴. Ордрик Виталий говорит о том, что: «многие рыцари из разных стран с нетерпением ждали переправы через море, желая сразиться с императором под знаменами герцога», и что Боэмунд «на протяжении двух лет содержал такое количество войск, что совершенно истощил свою казну»⁹⁵⁵. Аналогичное описание оставляет и Анна Комнина: «Боэмунд собрал отовсюду многотысячную армию, вызвал из всех областей и городов графов вместе с их войсками и ускорил переправу в Иллирик»⁹⁵⁶. Очевидно, армия, набранная князем Боэмундом I Антиохийским в Италии и Франции, вызывала изумление, ужас и восхищение современников, что и привело к многократному преувеличению ее численности в латинских хрониках. Даже Альберт Аахенский, хронист, известный своей похвальной склон-

⁹⁵³ В своей книге «Завоевание Константинополя» Робер де Клари неоднократно упоминает об обвинении ромеев в предательстве и узурпации. Эти обвинения обращены то к одному из виновников «резни латинян» 1182 г. — императору Андронику I Комнину, то к императору Алексею III Ангелу, то к императору Алексею V Мурзуфлу. Так, Робер вспоминает о том, как перед одним из приступов латинские прелаты «разъясняли пилигримам, что битва является законной, ибо греки — предатели и убийцы и им чужда верность, ведь они убили своего законного сеньора, и они хуже евреев». См. Жоффруа де Виллардуэн, Робер де Клари. Завоевание Константинополя. — М.: Наука, 1993. — гл. 73.

⁹⁵⁴ *Historia belli sacri...* P. 228.

⁹⁵⁵ *Orderic Vitalis. Op.cit.* — Vol. III, Lib. XI, c. 24, p. 239.

⁹⁵⁶ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XII, гл. 1, С. 319—320.

ностью к правдоподобным цифрам, явно впадает в преувеличение, когда говорит о том, что армия Боэмунда I Антиохийского состояла из «12,000 конных воинов и 60,000 пехотинцев»⁹⁵⁷. Фульхерий Шартрский говорит о 5,000 конных и 60,000 пеших воинах⁹⁵⁸. Несколько более правдоподобна цифра, приведенная в хронике Гильома Тирского: «5,000 всадников и 40,000 пеших воинов»⁹⁵⁹. Еще большее доверие вызывает численность, данная в Анонимной хронике Бари: 34,000 пеших и конных воинов⁹⁶⁰. Для перевозки армии был построен флот, состоявший, если верить анонимному хронисту из Бари, из 30 больших галер и 200 прочих кораблей⁹⁶¹. Корабли и экипажи были предоставлены подвластными нормандцам портовыми городами Южной Италии (Амальфи, Бари, Бриндизи), но также и могущественной Генуей, которую князь Антиохийский и его супруга посещали в 1106 г.⁹⁶².

К сентябрю 1107 г. франко-итальянская армия князя Боэмунда была собрана в его европейских владениях, в Апулии, стягиваясь к Бриндизи и Бари. Перед отбытием в кафедральном соборе Бари — в возведенной и опекаемой Боэмундом базилике Св. Николая — была отслужена торжественная литургия, на которой присутствовал Антиохийский князь с супругой, а также бароны и рыцари, отправлявшиеся в поход против ромеев⁹⁶³. В числе старших соратников Боэмунда были как французские бароны (Робер де Монфор, Гуго де Пюисет), так и его итало-нормандские сородичи, в частности его младший брат Ги де Отвилль, герцог Амальфи, и прибывший из Антиохии Ричард Салернский⁹⁶⁴. В качестве капеллана,

⁹⁵⁷ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. X, c. 40, P. 754.

⁹⁵⁸ Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. II, c. 38, P. 521.

⁹⁵⁹ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XI, c. 6, P. 461.

⁹⁶⁰ Anonimi Barensis Chronicon... — P. 155.

⁹⁶¹ Anonimi Barensis Chronicon... — P. 155.

⁹⁶² Cafari de Caschifelone. Annali Genovesi... — P. 15.

⁹⁶³ Anonimi Barensis Chronicon... — P. 155.

⁹⁶⁴ Это был тот самый герцог Ги де Отвилль, который вел франко-нормандских рыцарей в составе армии императора Алексея I Комнина в 1098 г. и который умолял василевса не отказываться от похода к Антиохии, на помощь к крестоносцам. См. выше: Часть I, гл. 2, С. 100. Подробнее о Ричарде Салернском и его участии в крестовом походе Боэмунда, см. Beech G.T. A Norman-Italian Adventurer in the East: Richard of Salerno 1097—1112... — P. 34—36, 38.

Антиохийского князя сопровождал поступивший к нему на службу высокообразованный нормандский каноник Рауль Канский — автор, на которого мы уже неоднократно ссылались в ходе данной работы⁹⁶⁵.

В начале октября 1107 г. армия князя Антиохийского высадилась на западе Балканского полуострова, в Авлоне. Согласно описаниям Гильома Тирского, Боэмунд «в седьмой день октября высадился на землях вышеупомянутого императора, и в скором времени отвоёвывал практически все прибрежные города и занял весь Эпир. Вначале он разорил все вышеназванные области, а затем осадил Диррахий, митрополию Эпира, предав огню окрестные земли. Так, он направил свою волю и все свои силы на то, чтобы отплатить за притеснения латинян и, с помощью Божьей, готовился довести свои войска до дальних рубежей империи»⁹⁶⁶. Очевидно, Боэмунд собирался повторить и, на этот раз, победоносно завершить вторжение, впервые инициированное его отцом — Робером Гвискарсом. Но, если во время той, первой войны, войска латинян, шедших к Константинополю возглавлял энергичный, двадцатипятилетний рыцарь Боэмунд, то в 1107 армию французских, нормандских и итальянских крестоносцев на Балканы привел уже умудренный опытом и многими битвами муж, князь Антиохийский, которому шел уже шестой десяток лет. Парадоксально, но во время этого второго нормандского похода Боэмунд совершенно не принял во внимание ни своего главного противника — Алексея I Комнина, ни общего состояния Ромейской державы. Еще при первом вторжении изможденная гражданскими войнами и сельджукскими завоеваниями империя, при поддержке Венеции, смогла выдержать натиск Гвискара и вытеснить нормандцев с Балкан. В 1107—1108 гг. крестоносцам Боэмунда суждено было столкнуться уже с совершенно иной, окрепшей империей, которая входила в эпоху «комниновского возрождения».

⁹⁶⁵ Подробнее о Рауле Канском, его взаимоотношениях с Боэмундом и участии в балканском походе (1107—1108 гг.) см. Bachrach B.S., Bachrach D.S., ed. & trans. *The Gesta Tancredi of Ralph of Caen. A History of the Normans on the First Crusade.* — Ashgate, 2010. — P. 2—3.

⁹⁶⁶ Guillaume de Tyr. *Op.cit.* — Lib. XI, c. 6, P. 461.

II. Война на Балканах (1107—1108 гг.).

Поражение и смерть Боэмунда

Действия Алексея I Комнина:

подготовка империи к новой войне (1106—1107)

Конечно же, Алексей I Комнин вряд ли пользовался тем подавляющим численным превосходством, которое пытался отобразить Альберт Аахенский, писавший о ромейском войске исключительно как о «неисчислимой армии» и «бесчисленном множестве туркополов, куманов и печенегов»⁹⁶⁷. Современные исследования убедительно доказывают, что василевс вряд ли мог вывести в поле более 25,000 человек, так что, если отталкиваться от численности войск Боэмунда, данной в Анонимной хронике Бари (34,000 воинов), мы можем говорить скорее о равенстве сил противоборствовавших сторон⁹⁶⁸. Перенеся ставку в Фессалоники, василевс приступил к реорганизации ромейского войска и к строительству новых кораблей для императорского флота, сооружение которых развернулось в гаванях ромейских городов, на Кикладских островах и в Малой Азии. Диррахий был должным образом укреплен; туда были стянуты дополнительные силы и запасы провианта, а на посту дуки Диррахия с 1105 г., т. е. с момента отбытия Боэмунда на Запад, находился племянник и тезка василевса — Алексей Комнин⁹⁶⁹. Великим дукой флота был назначен Исаак Контосте-

⁹⁶⁷ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. X, c. 42—43, P. 756.

⁹⁶⁸ К примеру, Ж.-К. Шейне определяет силы Боэмунда примерно в 30,000 человек, Алексея I Комнина — в 25,000. См. Cheynet J.C. Les effectifs de l'armée byzantine aux Xe-XIIe siècles // Cahiers de civilisation médiévale, 38. — №152. — 1995. — P. 311.

⁹⁶⁹ Подробное описание всех этих событий оставила в «Алексиаде» Анна Комнина: «Император же, прибыв (...) в Фессалонику, готовился к переправе Боэмунда, обучал новобранцев натягивать лук, стрелять в цель и прикрываться щитом. Он также отправлял письма, намереваясь обеспечить себе чужеземных союзников, которые смогли бы, когда потребуются, быстро явиться на помощь. Большое внимание уделял он также Иллирику, укрепил город Диррахий и назначил его правителем Алексея — второго сына севастократора Исаака. Вместе с тем он приказал завершить снаряжение флота на Кикладских островах, в приморских городах Азии и в Европе. Многие тогда отговаривали его соорудить флот на том основании, что Боэмунд не спешит с переправой, Алексей, однако, не обращал на эти советы внимания и говорил, что полководец должен быть неусыпным стражем». См. Анна Комнина. Указ соч. — Книга XII, гл. 4, С. 327—328.

фан, которому василевс пригрозил «что выколет ему глаза, если тот не успеет прибыть в Иллирик до переправы Боэмунда»⁹⁷⁰.

Контостефан не ограничился патрулированием Адриатики; он переправился со своей эскадрой к берегам Апулии и атаковал Бриндизи. Город выдержал ромейскую осаду, а прибывшие к стенам Бриндизи итало-нормандские войска сбросили экспедиционные силы Контостефана в море. Анна Комнина утверждает, что и инициатива атаковать Бриндизи, и вина за поражение всецело принадлежит Контостефану, однако более чем вероятно, что удар по одному из главных портовых городов Боэмунда был совершен не только с ведома, но и по приказу самого василевса. Нельзя не отметить, что этой единственной «итальянской» кампании императора Алексея I Комнина, инициированной в разгар войны с Антиохийским князем, всегда уделялось слишком мало внимания⁹⁷¹. Несколько печенежских наемников, взятых нормандцами в плен у Бриндизи, князь Боэмунд доставил в Рим. «Явившись капостольскому престолу и беседуя с папой, он возбуждал в нем негодование против ромеев и раздувал старую ненависть этих варваров к нашему народу. Стремясь еще более ожесточить италийцев, входивших в окружение папы, Боэмунд показал им пленных скифов в доказательство того, что самодержец Алексей враждебно относится к христианам, выставляет против них неверных варваров, страшных конников — стрелков, поднимающих оружие на христиан»⁹⁷².

Неудачная атака на апулийские владения Боэмунда не подорвала подготовку Ромейской державы к предстоящей войне. На Балканах продолжалось вооружение и обучение ромейских войск. Помимо привлечения большого числа печенежских, тюркских, аланских и франкских наемников, император Алексей возвращал в строй и собственно ромейские контингенты. Состав армии пополнился поколением молодых военачальников, воспитанных и обученных под личным руководством василевса⁹⁷³. Явным признаком укрепления

⁹⁷⁰ Анна Комнина. Указ соч. — Книга XII, гл. 8, С. 334.

⁹⁷¹ Единственное описание этой ромейской экспедиции и осады Бриндизи приведено в «Алексиаде». См. Анна Комнина. Указ соч. — Книга XII, гл. 8, С. 335—336.

⁹⁷² Анна Комнина. Указ соч. — Книга XII, гл. 8, С. 336—337.

⁹⁷³ «Алексей выделил из всего войска новобранцев и назначил командирами тех, кого он сам воспитал и обучил военному искусству. Было их всего триста человек — все

Ромейской империи стало и то, что василевс теперь вновь мог опираться на ресурсы отвоеванных, азиатских провинций. Портовые города Вифинии и Пафлагонии приняли участие в постройке кораблей для флота, а ромейские войска были призваны как с западного побережья Малой Азии, так и из Киликии⁹⁷⁴. Императорский флот, после поражения у стен Бриндизи и последовавшей высадки армии Боэмунда в Эпире, был передан под начало намного более способных военачальников — Мариана Маврокатакалона и Ландульфа. Более того, зимой 1107 г. на помощь к Ромейской державе выступил венецианский флот, во главе с дожем Орделафо Фальеро, что определило победу Византии на море⁹⁷⁵.

Осада Диррахия и битвы в Эпире (1107—1108 гг.)

С военно-стратегической точки зрения, «крестовый поход» Боэмунда фактически был сведен к стремительному завоеванию прибрежных областей Эпира⁹⁷⁶ и к последовавшей бессрочной осаде Диррахия. Князь Антиохийский отлично понимал, что, не взяв Диррахий, ключ к западным рубежам империи, невозможно продвигаться вглубь Балканского полуострова. Исходя из этого, он приложил все

молодые и рослые, сильные телом, с первым пухом на щеках, все как один искусные стрелки из лука и непревзойденные метатели копий. Сыновья разных народов, они составляли отборный отряд всего ромейского войска и подчинялись стратигу-императору, ибо он был для них одновременно и императором, и стратигом, и учителем». См. Анна Комнина. Указ соч. — Книга XIII, гл. 2, С. 343.

⁹⁷⁴ «Повсюду распространялась весть о предстоящей переправе Боэмунда. Самодержец, испытывая большой недостаток в воинах и нуждаясь в войске, не уступающем кельтским полчищам и способном противостоять им, не стал медлить и колебаться, а послал за военачальниками, находившимися в Келесирии, — я имею в виду Кантаквузину и Монастру, из которых первый охранял Лаодикию, второй — Тарс». См. Анна Комнина. Указ соч. — Книга XII, гл. 2, С. 321.

⁹⁷⁵ Согласно «Кратким венецианским анналам»: «В год господень 1108 (1107. — С. Б.) 3 декабря начался поход Венеции против Боэмунда. Дожем в то время был Орделафо Фальеро». См. *Annales Venetici breves // Testi storici veneziani (XI-XIII secolo)*, Medioevo Europeo Vol. 1 — Padova 1999. — P. 92.

⁹⁷⁶ Анна Комнина пишет о том, что помимо Авлоны, «Боэмунд захватил Петрулу, крепость Милос за рекой Деволом и присвоил себе по обычаю войны все города в округе Диррахия. Вот что свершил он своей воинственной десницей». См. Анна Комнина. Указ соч. — Книга XIII, гл. 2, С. 344.

усилия к осаде города, непрерывно атакуя стены, воздвигая мощные осадные орудия⁹⁷⁷ и даже сжигая собственные корабли, дабы отбить у своих воинов мысли об отступлении⁹⁷⁸. Цвет западного рыцарства почти на год увяз под стенами балканского города-крепости, в то время как ромейская армия и императорский флот методично блокировали крестоносцев с суши и моря.

Если, во время кампании 1107—1108 гг. в действиях Боэмунда можно проследить явное желание повторить и победоносно завершить кампанию Гвискара, то император Алексей совершенно четко избегал ошибок прошлой войны. В частности, его армия умело и упорно избегала генерального сражения с франко-нормандцами, очевидно памятуя о печальном исходе битв у Диррахия (1081 г.) и Арты (1083 г.). Исключением, конечно же, стали битвы у Арванона, Главиницы и на реке Арзен, но это были столкновения отдельных, хоть и многочисленных контингентов, корпусов франко-нормандской и ромейской армии⁹⁷⁹. Что касается самих Алексея и Боэмунда, то они, с основными силами своих армий, так и не встретились на поле боя. Между

⁹⁷⁷ Согласно «Алексиаде», Боэмунд «он сооружал военные машины, строил черепahi, снабженные башнями или таранами, щиты и навесы; он трудился в течение всей зимы и лета, своими угрозами и делами устрашая и без того устрешенных людей». См. Анна Комнина. Указ соч. — Книга XIII, гл. 2, С. 344. Среди осадных орудий, воздвигнутых франко-нормандцами у Диррахия, Анна Комнина уделяет особое внимание огромной «черепахе» (*testudo*) и осадной башне, превышавшей по высоте стены города. Оба орудия были сожжены ромеями. См. *Ibid.* — Книга XIII, гл. 3, С. 344—345, 346—347.

⁹⁷⁸ «После переправы Боэмунд немедленно предал огню свои грузовые суда, корабли для перевозки лошадей и так называемые „стратиотиды“; сделал он это частично из военной хитрости, дабы его войско не возлагало надежд на море, частично — вынуждаемый ромейским флотом». См. Анна Комнина. Указ соч. — Книга XIII, гл. 2, С. 344.

⁹⁷⁹ В битве у Арванона франко-нормандская конница герцога Ги де Отвилля взяла в тиски и разгромила ромейские войска Евстафия Камицы. См. Анна Комнина. Указ соч. — Книга XIII, гл. 5, С. 351. В ходе последовавшего сражения у Главиницы посланные герцогом Ги нормандцы, под началом графа Пайена (или, как его называет Анна, «Контотагана») разбили и контингент стратига Алиата, причем сам Алиат был убит графом Пайеном на поле боя. См. *Ibid.* — С. 351—552. Наконец, в битве на реке Арзен вызванный василевсом дука Иоанн Кантакузин (за три года до этого отвоевавший у Антиохийского князя Латакию и сирийское побережье) наголову разбил войска Ги де Отвилля, пленив множество рыцарей, в том числе и графа Пайена. Причем, сражение было выиграно благодаря стойкости ромейских войск, устоявших перед нормандцами в то время как печенег, турки и аланы отступили под натиском рыцарской кавалерии. Это прямо свидетельствует об успехах военных реформ императора Алексея

тем, блокада, установленная Алексеем I Комниным, довела армию Бозмунда до полного истощения. Императорские и венецианские корабли не давали союзным Бозмунду итальянским судам приблизиться к побережью, а ромейские войска и наемные контингенты стойко держали оборону горных проходов и перевалов, окружавших Диррахий. Как об этом писала Анна Комнина, «продовольствие, которое по расчетам Бозмунда ему должны были доставить, не давали подвезти отряды ромейского войска, овладевшие долинами, проходами и самим побережьем. Поэтому голод сразу постиг как коней, так и людей, и губил тех и других, ибо у коней не было корма, а у людей — пищи. Кроме того, варварское войско было поражено некоей желудочной болезнью»⁹⁸⁰. Сообщение Анны подтверждает и Ордерик Виталий: «запасы провианта подходили к концу, и войско Христово таяло на чужой земле. В конце концов, не в силах выдержать тяжкий голод, они стали дезертировать; собираясь небольшими группами и рассеиваясь по Македонии, они прибывали к императору, который предоставлял им выбор — либо остаться у него на службе, либо покинуть страну и идти туда, куда им угодно»⁹⁸¹. Здесь, вероятно, речь идет о выборе продолжить путь в Святую землю или переправиться обратно в Италию.

Дезертирство и переход крестоносцев на сторону василевса оказали не менее губительное воздействие на состояние армии Бозмунда. Альберт Аахенский пишет о том, что «Ги (...), Гильом Кларет и другие предводители войска, подкупленные деньгами и лестью императора, выдвигали тяжкие обвинения против Бозмунда — за нехватку еды, за рассеяние их народа, за возвращение флота, за богатства, посланные императором в осажденный город. Так они пытались отвратить Бозмунда от осады и связать его договором дружбы с императором»⁹⁸². Гильом Кларет — один из баронов, присоединившихся к крестовому походу 1107—1108 гг., действительно предал Бозмунда, что подтверждает Анна Комнина. Согласно тексту «Алексиады»: «Один знатный граф Бозмунда, Вильгельм Кларет, видя, как все кельтское войско

¹ Комнина, возвратившего в строй боеспособные ромейские части. Подробное описание сражения на реке Арзен, см. *Ibid.* — С. 352—353.

⁹⁸⁰ Анна Комнина. Указ соч. — Книга XIII, гл. 2, С. 344.

⁹⁸¹ Orderic Vitalis. *Op.cit.* — Vol. III, Lib. XI, c. 24, P. 389.

⁹⁸² Alberti Aquensis. *Op.cit.* — Lib. X, c. 44, P. 758.

гибнет от голода и болезни (воинов свыше постигла некая страшная болезнь), решил позаботиться о своем спасении и вместе с пятьюдесятью всадниками перешел к самодержцу. Император принял Вильгельма, расспросил о Бозмунде, узнал, что войско противника гибнет от голода и находится в очень тяжелом положении, возвел Вильгельма в сан новелиссима и пожаловал ему многочисленные дары и милости»⁹⁸³. Что касается Ги де Отвилля, герцога Амальфи, то он (справедливо или нет), был заклеен как главный предатель, превзошедший других в вероломстве и променявший верность своему брату на золото василевса. Описывая то, как Бозмунда предавали соратники, Ордерик Виталий пишет о том, что «даже его собственный брат Ги, и Робер де Монфор, которым он доверял больше, чем всем остальным, вероломно предали его и перешли на сторону императора, ослепленные огромными подкупам»⁹⁸⁴. Вопрос о предательстве Ричарда Салернского остается открытым. Анна Комнина упоминает, что Ричард был среди подписавших Девольский мирный договор как свидетель, присутствовавший «от императорского двора», что дало основание позднейшим историкам писать о предательстве последнего⁹⁸⁵. Джордж Бич считает, что «ближайшие соратники Бозмунда, в том числе Ричард, испытывали серьезные сомнения насчет перспектив похода, превратившегося в катастрофическое предприятие; не в силах склонить своего вождя к этой точке зрения, они, за его спиной, вступили в прямые переговоры с противником»⁹⁸⁶. Однако если принять во внимание, что после завершения кампании на Балканах Ричард возвратился в пределы Антиохийского княжества и до конца жизни оставался сеньором Мараша, вряд ли можно было бы предположить, что он рискнул вернуться к Танкреду, будучи уличенным в подобном стоворе с ромейским василевсом. Тем более, что подобное обвинение или даже подозрение стало бы существенным препятствием при восшествии его сына — Рожера — на престол княжества Антиохийского зимой 1112 г.

Здесь нельзя не отметить, что Анна Комнина в принципе отрицает наличие предательства как со стороны Ричарда, так и со стороны

⁹⁸³ Анна Комнина. Указ соч. — Книга XIII, гл. 8, С. 358.

⁹⁸⁴ Orderic Vitalis. Op.cit. — Vol. III, Lib. XI, c. 24, P. 388.

⁹⁸⁵ Анна Комнина. Указ соч. — Книга XIII, гл. 12, С. 372.

⁹⁸⁶ Beech G.T. A Norman-Italian Adventurer in the East: Richard of Salerno 1097—1112... — P. 37.

герцога Ги. Согласно ее истории, ее отец посылал в лагерь Боэмунда подложные письма к ближайшим соратникам антиохийского князя, порождая недоверие и распри в стане крестоносцев. Описание, данное в «Алексиаде», является, пожалуй, одним из лучших ромейских восхвалений изощренной имперской дипломатии, того самого «вероломства греков», которого так страшились латиняне. «Алексей, как на сцене, разыгрывает следующее: он составляет как бы ответные письма к некоторым наиболее близким Боэмунду людям, изображая дело так, будто бы те писали Алексею, домогались его дружбы и открывали ему тайные замыслы тирана. Он посылает им эти письма, будто бы выражая свою благодарность и благосклонно принимая их преданность. Этими людьми были: Гвидо — родной брат Боэмунда, некий славный муж по имени Коприсиян, кроме того, Ричард ди Принципат (т. е. Ричард Салернский. — С. Б.), храбрый муж, занимавший высшие должности в войске Боэмунда, и многие другие. Этим людям направил Алексей фальшивые письма. Ни от кого, ни от Ричарда, ни от кого другого не получал император никаких писем с изъявлениями верности и преданности. Он сам по собственному почину сочинил все письма. Эта инсценировка имела следующий смысл: если слух о предательстве столь высокопоставленных мужей, которые будто бы отвернулись от Боэмунда и перешли на сторону императора, дойдет до ушей тирана, тот сразу же придет в неистовство, проявит свою варварскую природу, станет с ними дурно обращаться и вынудит их порвать с ним»⁹⁸⁷. Однако, невзирая на эти уверения Анны Комниной, Ги де Отвилль либо действительно состоял в тайных сношениях с василевсом, либо, сломленный обвинением и давлением со стороны своего старшего брата, взял на себя вину за подобный сговор. По-крайней мере, согласно Ордерiku Виталию, «Ги вскоре заболел и публично признал свое предательство, в котором был виновен. Но он так и не смог получить прощение своего брата»⁹⁸⁸. Причем произошло это еще за несколько месяцев до окончания войны на Балканах. Уже летом 1108 г. Ги, сраженный эпидемией, бушевавшей в стане крестоносцев, отбыл в Италию и, в июле, умер в Салерно, где и был похоронен в соборе Св. Апостола Матфея⁹⁸⁹.

⁹⁸⁷ Анна Комнина. Указ соч. — Книга XIII, гл. 4, С. 349.

⁹⁸⁸ Orderic Vitalis. Op.cit. — Vol. III, Lib. XI, c. 24, P. 390.

⁹⁸⁹ На гробнице Ги де Отвилля, сохранившейся по сей день, осталась дата смерти — 8 июля 1108 г.

Окончание крестового похода против Византии.

Капитуляция и смерть Боэмунда I Антиохийского (1108—1111 гг.)

К концу лета 1108 г. безвыходное положение крестоносцев стало очевидным. Ни о продолжении осады Диррахия, ни о продвижении вглубь Эпира не могло быть и речи. Боэмунд I Антиохийский принужден был вступить в инициированные ромеями переговоры с императором. После предварительных переговоров с дукой Диррахия Алексеем Комниным и, позднее, с императорским зятем — кесарем Никифором Вриением (мужем Анны Комниной), Боэмунд, получив гарантии безопасности, прибыл в императорский лагерь на реке Девол. Там он принес оммаж своему великому противнику и принял условия выдвинутого Алексеем I мирного договора. Договор этот впоследствии вошел в историю как «Девольский мир» и, в ходе данной работы, в частности — в главе, посвященной византийской экспансии в пределы франкской Сирии, мы будем неоднократно обращаться к различным его условиям и аспектам. Сейчас отметим лишь то, что по условиям Девольского мира Боэмунд становился вассалом императора, получал титулы севаста и дуки (т. е. наместника) Антиохии, которая должна была вернуться к ромеям после сразу же после его смерти. Он обязался никогда более не поднимать меча против Ромейской державы, навсегда отрекаться от прав на киликийские земли, сирийское побережье и Латакию, и клялся, с оружием в руках, выступать против всех врагов Алексея I Комнина, в том числе и против своего родного племянника, князя-регента Антиохии Танкреда, если тот не пожелает признать условий заключенного мира⁹⁹⁰. Подписание договора и оммаж князя Боэмунда императору Алексею I Комнину был принесен в присутствии нескольких византийских сановников, франко-нормандских баронов и двух латинских прелатов, в том числе и папского легата — епископа Мавра Амальфитанского⁹⁹¹.

⁹⁹⁰ Текст договора полностью передан в «Алексиаде». См. Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XIII, гл. 12, С. 364—372.

⁹⁹¹ Анна Комнина отмечает, что Мавр, епископ Амальфи «прибыл к самодержцу как папский посол». Другим латинским прелатом, присутствовавшим при подписании Девольского мира был епископ Таранто Ренар. Помимо этого, там находился и аббат монастыря Св. Андрея из Бриндизи. См. Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XIII, гл. 12, С. 372. Из, собственно, нормандских баронов, Девольский мир засвидетельствовал Ричард Салернский; см. выше. Примечательно, что значительную часть свидетелей

Латинские хронисты, описывавшие эту войну, подчеркнуто не писали об условиях Девольского мира. В книгах Фульхерия Шартрского и Альберта Аахенского, в хронике Гильома Тирского исход войны выведен в свете примирения Алексея I Комнина и князя Боэмунда I Антиохийского, связавших себя клятвами верности, мира и дружбы⁹⁹². Так, Альберт Аахенский акцентирует внимание на роскошных дарах, предоставленных василевсом князю Антиохийскому. По его словам, Боэмунд «примирился с императором, получив невероятное количество золота и серебра, и драгоценного пурпура»⁹⁹³. От Альберта, Фульхерия, Гильома Тирского и других латинских авторов радикально отличается Ордерик Виталий, который отнюдь не идеализирует исхода войны и видит в победе Византии божий промысел: «справедливое провидение Господне расстроило предприятие тех, кто горел желанием вторгнуться на земли, принадлежавшие соседям. (...) это гордое собрание честолюбивых мужей не стяжало награды, к которой в своем тщеславии устремилось»⁹⁹⁴. Ордерик вкладывает в уста соратников Боэмунда покаянное исповедание и признание того, что поражение у Диррахия стало расплатой за то, что они «подняли руки против священной империи (*курсив авт.*)». Далее встречаются слова: «Господь поругаем не бывает (...) он услышал молитвы тех, кто взывал к нему в Романии, ища защиту от нас (т. е. от латинян. — С. Б.); он рассеял наши войска, сломив их не силой оружия, но голодом. Он уничтожил нашу армию, не выпустив и капли крови»⁹⁹⁵. «Церковная история»

с византийской стороны составляли латиняне, состоявшие на службе у императора Алексея I Комнина, к примеру севаст Марин (отпрыск знатного неаполитанского рода), севаст Рожер, сын Дагоберта (итало-нормандский барон, перешедший на службу к Алексею I Комнину еще во времена первой нормандской войны), провансалец Петр Аульпский (Петр Алифа). На это обилие «византийских» латинян в ставке василевса, в свое время, обращал внимание и Я.Н. Любарский, и маркиз де ля Форс. См. *Ibid.* — С. 599; Force (Marquis de la), *Les conseillers latine d'Alexis Comnène // Byzantion*, Tome II. — 1936. — P. 155—156.

⁹⁹² К примеру, Гильом Тирский говорит о взаимных обещаниях ромейского василевса и Антиохийского князя «сохранить дружбу и верность» друг другу (*amicitiam et fidelitatem perpetuo conservandam promisit*). См. Guillaume de Tyr. *Op.cit.* — Lib. XI, с. 6, P. 461. Аналогичное описание Фульхерия Шартрского, см. Fulcheri Carnotensis. *Op.cit.* — Lib. II, с. 39, P. 523—524.

⁹⁹³ Alberti Aquensis *Op.cit.* — Lib. X, с. 45, P. 758.

⁹⁹⁴ Orderic Vitalis. *Op.cit.* — Vol. II, Lib. V, с. 19, P. 223.

⁹⁹⁵ Orderic Vitalis. *Op.cit.* — Vol. III, Lib. XI, с. 24, P. 389.

Ордерика Виталия, англо-нормандского автора никоим образом не связанного с византийским миром, блистательно раскрывает и латинскую горечь от поражения, и потерю всякого устремления к войне с ромеями, и отказ воспринимать их как бесправных «ложных христиан». К этим словам Ордерика мы еще вернемся в первой главе второй части книги, когда речь пойдет о греко-латинских церковных взаимоотношениях, связанных с франкской Сирией XI-XIII вв.

Армия Боэмунда окончательно рассеялась в течение нескольких недель, последовавших за Девольским миром. Часть принявших крест рыцарей, сержантов и паломников вернулась, через апулийские портовые города, в Италию и Францию, часть — продолжила, с дозволения василевса, паломничество в Иерусалим⁹⁹⁶. При этом, большая часть войска осталась без обещанной награды, т. к. Антиохийский князь увез с собой те сокровища, которыми он еще располагал и которые получил в качестве компенсации от василевса. Согласно «Иерусалимской истории» Альберта Аахенского, Боэмунд «получив неисчислимые дары и сокровища, сел на корабль и возвратился в Апулию, обманув всех тех, кто разделял с ним труды и тяготы войны у Диррахия и не дав им никакой награды»⁹⁹⁷. То, что Боэмунд всецело передал заботу о своих войсках василевсу, подтверждает и Анна Комнина, по словам которой «Боэмунд обратился с просьбой позволить ему вернуться на родину, а всех своих воинов поручил власти и усмотрению самодержца, попросив щедро снабдить их всем необходимым и разрешить перезимовать в пределах Ромейской державы; когда же кончится зима и они придут в себя от многих и тяжких трудов, позволить им отправиться туда, куда они пожелают (...) По прибытии в лагерь Боэмунд передал войско людям, специально с этой целью направленным самодержцем, взошел на монеру и отправился в Лонгивардию»⁹⁹⁸.

Так завершился балканский поход князя Боэмунда I Антиохийского — наиболее масштабная из доселе имевших место латинских

⁹⁹⁶ Некоторые соратники Боэмунда по балканскому походу отбыли на Восток и навсегда остались в Леванте. Среди них были Гуго де Пюисет, впоследствии ставший одним из вассалов короля Иерусалимского и сеньором Яффы, Ричард Салернский, вернувшийся в Антиохию и получивший от Танкреда сеньорию Мараша, Робер де Вью-Понт — также вошедший в число баронов антиохийского княжества, и Рауль Канский — перешедший на службу к Танкреду и впоследствии ставший верным капелланом и биографом этого князя.

⁹⁹⁷ Alberti Aquisensis Op.cit. — Lib. X, c. 45, P. 758.

⁹⁹⁸ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XIV, гл. 1, С. 372—373.

атак на Византию⁹⁹⁹ и единственный «крестовый поход» против ромеев, официально провозглашенный Апостольским престолом¹⁰⁰⁰. Заключение Девольского мира ознаменовало финал великих предприятий и походов Боэмунда. Оставшиеся три года своей жизни этот человек, который, по словам Анны Комниной, «одному императору уступал по своей судьбе, красноречию и другим дарам природы»¹⁰⁰¹, провел в своих итальянских владениях, в Апулии, так никогда и не вернувшись к своему величайшему детищу — созданному в Леванте франко-нормандскому княжеству Антиохийскому¹⁰⁰². Он умер в марте 1111 г. в Каносе, в возрасте примерно шестидесяти — шестидесяти трех лет, и был похоронен в местном соборе Сан-Сабино, став единственным Антиохийским князем, гробница и мавзолей которого сохранились до наших дней.

⁹⁹⁹ Походу Боэмунда против Византии посвящены двенадцатая, тринадцатая и самое начало четырнадцатой книги «Алексиады». См. Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XII–XIV, С. 319–373. Среди латинских источников, см. Orderic Vitalis. Op.cit. — Vol. III, Lib. XI, с. 24, P. 387–389; Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. X, с. 40–45, P. 754–760; Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. II, с. 38–39, P. 518–525; Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XI, с. 6, P. 460–461; *Historia belli sacri*... P. 228–229. Позднейшие описания и исследования балканского похода Боэмунда I Антиохийского, см. Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 4. С. 182–184; Успенский Ф.И. История крестовых походов... С. 349–351; Yewdale R.B. Bohemond I, Prince of Antioch... с. 7, P. 106–114, с. 8, P. 115–134; Runciman S. A History of the Crusades. Vol. II. — Book I, с. 3, P. 46–54; Oldenbourg Z. Les Croisades. — P. 313–318; Lilie R.-J. Byzantium and the Crusader States... — P. 72–75; Harris J. Byzantium and the Crusades... — с. 5, P. 78–80. Отдельного внимания заслуживает монография греческого историка Алексея Саввидеса, см. Savvides A.G.K. Byzantino-Normannica: The Norman Capture of Italy (to A. D. 1081) and the First Two Norman Invasions in Byzantium (A. D. 1081–1085 to 1107–1108). — Leuven, 2007.

¹⁰⁰⁰ Здесь следует вновь отметить, что знаменитый Четвертый крестовый поход (1203–1204 гг.) был созван Папой Иннокентием III для нападения на Египет, а отнюдь не на Византию. Крестоносцы этого похода продвигались к Заре и Константинополю вопреки приказаниям Апостольского престола. Между тем, балканский поход князя Боэмунда I Антиохийского стал единственным латинским «вооруженным паломничеством» против ромеев, снаряженным при прямой поддержке Папы Римского.

¹⁰⁰¹ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XIII, гл. 10, с. 362

¹⁰⁰² Последние документальные свидетельства о жизни князя Боэмунда I Антиохийского связаны в основном с его дарениями южно-итальянским монастырям, в частности — аббатству Св. Лаврентия в Аверсе, Св. Марии в Бриндизи, монастырю Св. Стефана в Монополи и, конечно же, базилике и монастырю Св. Николая в Бари. Подробнее см. Yewdale R.B. Bohemond I, Prince of Antioch... с. 8, P. 132–133 (со ссылками на источники). См. также Codice diplomatico Barese... Vol. II. P. 94–95; Ibid. Vol. VI, P. 80–81.

Глава IV

Франко-нормандская экспансия на восточных рубежах империи от великих завоеваний Танкреда до последних походов сирийских франков на Кипр (1104—1191 гг.)

I. Войны Танкреда (1104—1112 гг.)

Антиохийское княжество после битвы у Харрана — между «греками» и «турками»

Завершив обозрение деяний Боэмунда и инициированного Антиохийским князем балканского «крестового похода», обратимся к самому княжеству Антиохийскому, вновь возвращенному под власть Танкреда. Этому, самому восточному из государств, основанных нормандцами, предстояло войти в новый этап своей истории и вновь стать центром нормандской борьбы с Византией. Итак, вернемся к 1104 г., когда из гавани Св. Симеона отбыли корабли князя Боэмунда I Антиохийского. Положение, в котором остался Танкред и осевшие в Сирии франко-нормандцы, было явно незавидным, если не сказать — критическим. Со стратегической точки зрения, положение княжества Антиохийского, зажато́го между наступавшими ромеями и сельджуками, ясно обрисовал, перед своим отбытием, еще сам сын Гвискара. «Греки и турки окружают нас со всех сторон. Мы раздразили две богатейшие силы мира, Константинополь и Персию. Восток (т. е. мусульманский мир. — С. Б.) ужасает нас, наступая по суше; Запад (Ромейская держава. — С. Б.) также ужасает, наступая с суши и моря»¹⁰⁰³. «Греки и турки...» (Graeci et Turci). Опять же, мы видим здесь

¹⁰⁰³ Radulfo Cadomensis. Op.cit. — с. 152, P. 712.

фактический знак равенства между войной с мусульманами и войной с ромеями. Танкреду суждено было провести остаток своей жизни, воюя как против мусульман, так и против христиан (ромеев, армян и даже франков). Примечательно, что даже книга «Деяния Танкреда» обрывается на том, как Танкред планирует одновременные осады занятой ромеями Латакии и принадлежавшей сарацинам Апамеи¹⁰⁰⁴.

На исходе 1104 г., когда в антиохийском соборе Св. Петра была совершена повторная инвеститура Танкреда как князя-регента Антиохии, ромеи господствовали в Киликии и контролировали значительную часть сирийского побережья — от Латакии до Тартуса¹⁰⁰⁵. Конница эмира Рывдвана Алеппского курсировала по восточному берегу Оронта. Фактически Танкреду были подвластна сама Антиохия и окружавшие ее земли, гавань Св. Симеона, и горы Аманоса — от Александретты и Баграса на юге до Мараша на севере. Власть Танкреда распространялась и на обширные территории графства Эдесского, но в этот период это было скорее тяготой для Антиохийского князя. Приняв всю полноту власти над княжеством Антиохийским и графством Эдесским, Танкред столкнулся с катастрофической нехваткой военных и экономических ресурсов. Покидая Левант, Боэмунд истощил казну Антиохийского княжества, забрав с собой сокровища и запасы золота, в качестве богатых даров западным государям и платы рыцарям и сержантам, желавшим встать под его знамена. Об этом прямо пишет, обличая сына Гвискара, Рауль Канский, в свое время служивший как у Боэмунда, так и у Танкреда. По словам Рауля, Боэмунд «забрал с собой золото, серебро, драгоценные камни и одеяния. Город (т. е. Антиохия. — С. Б.) был оставлен на попечение Танкреда без защиты, без средств, без наемников»¹⁰⁰⁶.

Битва при Арте и взятие Апамеи (1105—1106 гг.)

Невзирая на крайне бедственное положение, Танкред со свойственной ему энергией стал стремительно наращивать имевшиеся

¹⁰⁰⁴ Radulfo Cadomensi. Op.cit. — с. 156—157, Р. 716.

¹⁰⁰⁵ Тортосу и другие прибрежные земли вплоть до предместий Триполи к этому времени держали союзные ромеям провансальские крестоносцы графа Раймонда Сен-Жильского.

¹⁰⁰⁶ Radulfo Cadomensi. Op.cit. — с. 153, Р. 714.

в его распоряжении ресурсы, готовясь нанести решающий удар по завравшемуся противнику. Первой его целью стал эмир Рыдван Алеппский, наступавший на Антиохию с востока. Описание наступления эмира Рыдвана можно найти на страницах «Иерусалимской истории» Альберта Аахенского: «Рыдван, великолепный князь Алеппо (...) воспользовавшись случаем, вероломно разорвал договор и дружбу с Танкредом и дотла разорил многие земли и города, принадлежавшие граду Антиохии, так, что даже епископ Альбары должен был бежать, а великое множество божиих церквей было уничтожены. Но, не удовлетворившись этим разорением и резней, он вывел из своих земель 10,000 всадников и 20,000 пеших воинов и выступил, одержимый гордыней и заносчивостью, против Антиохии...»¹⁰⁰⁷. За счет дополнительных налогов, возложенных на греческих, сирийских и армянских купцов и ремесленников Антиохии, Танкред смог собрать необходимые средства для содержания войска. Оставив в отдаленных городах на севере и северо-востоке лишь самые необходимые гарнизоны, он стянул к Антиохии все возможные силы. По словам Альберта Аахенского, Танкред «направил весть в Турбессель, Эдессу и Мараш, призывая всех христиан прийти к нему на помощь и назначив Антиохию местом сбора войска»¹⁰⁰⁸. После проповеди, произнесенной латинским Патриархом Антиохии Бернардом Валенским и отпущения грехов, франко-нормандская армия пересекла Железный Мост и выступила на восток, к Арте.

20 апреля 1105 г. на каменистой равнине между Артой и водами Оронта армия Танкреда нанесла сокрушительное поражение эмиру Рыдвану Алеппскому, почти полностью уничтожив его аскар. Согласно описаниям Рауля Канского, Танкред выстроил войска близ непригодной для конницы, покрытой камнями и рытвинами местности. Когда наступавшие тюрки приблизились к расположению христианской армии, они вынуждены были кружить перед сомкнутым строем франкской пехоты, прикрывавшей ожидавших своего часа рыцарей. Когда же дистанция между противоборствующими армиями сократилась до предела, Танкред разомкнул строй пехоты и выпустил вперед свою тысячу рыцарей и конных сержантов, которые мгновенно перешли в галоп и сомкнутым строем обрушились

¹⁰⁰⁷ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. IX, c. 47, P. 702.

¹⁰⁰⁸ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. IX, c. 47, P. 702.

на сарацин. Армия Рыдвана в беспорядке отступила к каменистой местности, где кони оказались совершенно бесполезными; тюркская конница лишилась возможности как отступить, так и маневрировать. Началась настоящая свалка, где спотыкавшиеся кони давили всадников, а пешие и конные воины, смешавшись, давили друг друга. Аскар Рыдвана стал легкой добычей для рыцарской кавалерии Танкреда и следовавшей за ней франкской пехоты. Сам эмир Рыдван, в сопровождении своей свиты и части войск, бежал с поля боя, бросив там даже собственное знамя¹⁰⁰⁹. Согласно «Алеппской хронике» Кемаль ад-Дина: «Мусульманская пехота держалась стойко, но когда конница была рассеяна, пешие воины были истреблены, за исключением тех немногих, которым Аллах предначертал спасение. Всего три тысячи мусульманских всадников и пеших воинов было убито, а все те, кто находился в Арте, бежали. Тогда франки вторглись на земли Алеппо, преследуя жителей, чиня разорение и пленяя каждого, кто попадался им на глаза (...) Словом, это бедствие для земли Алеппо во много раз превзошло то, которое ранее имело место у Келлы»¹⁰¹⁰. Почти идентичное описание оставляет в своей «Дамасской хронике» и Ибн аль-Каланиси.¹⁰¹¹

Победа у Арты ознаменовала непрерывную череду успехов Танкреда на почве расширения границ княжества Антиохийского. В течение последующего года князь-регент Антиохии восстановил франко-нормандское господство над долиной Рудж, Альбарой, Маарат ан-Нуманом, Кафартабом. Более того, в сентябре 1106 г. Танкред, после долгой осады, взял Апамею — бывшую некогда недосыгаемой и желанной целью господствовавших в северной Сирии ромеев. В описаниях Абу-ль-Феды Апамея предстает как «город славный своей древностью (...) Древний город расположен на возвышении. Рядом находится озеро, наполненное сладкой водой, через который течет

¹⁰⁰⁹ Фульхерий Шартрский пишет о том, что Танкред взял даже «знамя короля-беглеца», а также множество боевых коней. См. Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. II, c. 30, P. 488.

¹⁰¹⁰ Kemal ad-Din. Op.cit. — P. 593—594. Под бедствием, постигшим мусульман Алеппо у Келлы Кемаль ад-Дин подразумевает поражение, нанесенное эмиру Рыдвану князем Бозмундом I Антиохийским в битве у Келлы, в 1100.

¹⁰¹¹ Гибб Г. Указ. соч. — С. 52. Также, битва при Арте подробно описана в «Деяниях Танкреда», в книгах Альберта Аахенского и Фульхерия Шартрского, в хронике и Ибн аль-Каланиси. См. Radulfo Cadomensis. Op.cit. — c. 155, P. 714—715; Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. IX, c. 47, P. 702—704; Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. II, c. 30, P. 485—488.

Оронт»¹⁰¹². Здесь, конечно же, нельзя не отметить, что город был взят Танкредом при активном соучастии сына свергнутого и убитого ас-сасинами эмира Апамеи — Мусбих ибн Мулаиба, что является одним из ярких эпизодов франко-мусульманского (или, конкретнее, арабо-нормандского) взаимодействия в эпоху крестовых походов¹⁰¹³.

Нас же в большей степени интересует тот факт, что с франкским завоеванием Апамеи связан и один из печальных эпизодов крайне неудачного взаимодействия между латинскими и сирийскими христианами. Первоначально христианское население Апамеи, состоявшее из сирийских мелькитов, армян и сиро-яковитов, обратилось к Танкреду с предложением сдать ему город. Так, если верить Альберту Аахенскому, захвативший Апамею сирийский ассасин Абу Тахир ас-Сайгх «подозревал жителей города, в особенности потому, что они были христианами». Он обратился за помощью к эмиру Рыдвану Алеппскому, узнав о чем «христианские и армянские жители (...) направили послов к Танкреду, ибо он был муж христианской веры и великий воин, прося его собрать войска, прийти к ним и принять господство над городом»¹⁰¹⁴. Однако, согласно истории Альберта, Абу Тахир ас-Сайгх смог подкупом и угрозами добиться покорности населения Апамеи, так что когда весной 1106 г. Танкред прибыл к городу во главе войска из 700 конных и 1,000 пеших воинов, «жители не пустили его»¹⁰¹⁵. Апамею пришлось брать продолжительной осадой, прерванной великим постом и возобновленной летом того же года. Причем, по словам Альберта, Танкред искренне желал того, чтобы «жители (т. е. христианское население Апамеи. — С. Б.) были наказаны вместе с предателем» Абу Тахиром, однако ни в «Иерусалимской истории», ни в арабских хрониках мы не встречаем упоминаний

¹⁰¹² Le Strange G. Op.cit. — P. 384—385.

¹⁰¹³ Как писал Ибн аль-Каланиси: «Мусбих бен Мулаибу, которому удалось спастись при нападении в Афамии, нашел убежище у Танкреда, правителя Антиохии, и стал уговаривать его вернуться в Афамию и захватить город, учитывая нехватку в нем провизии. В результате Танкред отправился туда, разбил лагерь и осадил город, который в конце концов капитулировал...». См. Гибб Г. Указ. соч. — С. 55. Альберт Аахенский подтверждает факт перехода Мусбих ибн Мулаиба на сторону Танкреда. Согласно «Иерусалимской истории», Мусбих перешел к князю Антиохийскому с сотней тюркских и арабских воинов. См. Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. X, c. 21, P. 738.

¹⁰¹⁴ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. X, c. 19, P. 736.

¹⁰¹⁵ Ibid.

о каких-либо массовых преследованиях христиан Апамеи со стороны нормандцев¹⁰¹⁶. Так или иначе, Апамея, с селевкидских времен бывшая одним из основных стратегических и экономических центров Сирии, город «сирийского тетраполя», стала главным форпостом антиохийских франков на юго-западных границах их княжества и кафедральным градом латинского архиепископа¹⁰¹⁷.

*Междоусобная война христианских государей
северной Сирии (1107—1109 гг.)*

Несмотря на то, что и в последующие годы Танкред будет неоднократно и успешно воевать с мусульманскими правителями Сирии, нас, в рамках данного исследования, в гораздо большей степени интересуют войны этого нормандского государя с христианами Востока, кампании против которых возобновились с 1107 г. Стоит лишь отметить, что первыми христианскими противниками Танкреда, с момента его повторного восшествия на престол Антиохии, стали не ромеи или армяне, но родные ему по вере и культуре франки. Со времен пленения графа Бодуэна II де Бурга в битве у Харрана (1104 г.), Танкред оставался полноправным правителем графства Эдесского. Однако нормандцы не смогли установить сколь либо доверительных отношений с восточно-христианским населением графства. Нельзя не отметить, что Танкред не столкнулся ни с одним значимым восстанием на территории графства Эдесского. Более того, он, вероятно, пользовался определенной долей популярности, по крайней мере — среди армян Эдессы. Матфей Эдесский открыто восхваляет Танкреда и именует его «благочестивым» человеком и «поборником Христовым»¹⁰¹⁸. Очевидно, проблема крылась в фигуре регента, поставленного Танкредом в Эдессе — уже неоднократно упоминавшегося Ричарда Салернского. Ричард своими полководческими неудачами и безмерной алчностью стяжал страстную ненависть

¹⁰¹⁶ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. X, c. 20, P. 738.

¹⁰¹⁷ Об осаде и взятии Апамеи, см. Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. X, c. 18—24, P. 734—740; Гибб Г. Указ. соч. — С. 54—55; Kemal ad-Din. Op.cit. — P. 594—595. Подробнее о кампаниях Танкреда против сирийских мусульман, с ссылками на источники, см. Cahen С. La Syrie du Nord... P. 241—243; Runciman S. A History of the Crusades. Vol. II. — Book I, c. 3, P. 52—53; Asbridge T. The Creation of the Principality of Antioch... c. 2, P. 58—61.

¹⁰¹⁸ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — c. 199, P. 266—267.

жителей города¹⁰¹⁹. Христианское население Эдессы и прочих городов графства, не дерзая бросить открытый вызов нормандцам, все же явно тяготело к своим прежним франкским сеньорам, успевшим установить кровные, династические узы с армянской знатью; в частности — к графу Бодуэну II и Жослену де Куртенэ¹⁰²⁰.

В 1107 г. тюркский плен покинул Жослен де Куртенэ, выкупленный населением своего города — Турбесселя¹⁰²¹. Обретя свободу и восста-

¹⁰¹⁹ Ричард Салернский занимал пост регента Эдессы в 1104—1106 гг., до своего отбытия в Европу, когда он присоединился к крестовому походу князя Боэмунда I Антиохийского. Возможно, что после своего возвращения в Левант, на исходе 1107 г., Ричард вновь был поставлен регентом Танкреда в Эдессе. См. Beech G.T. A Norman-Italian Adventurer in the East: Richard of Salerno... P. 35—36, 38. Сохранились монеты графа Бодуэна Эдесского, поверх которых отчеканено имя Ричарда. См. Schlumberger G. Numismatique de L'Orient Latin. — Paris, 1878. — Pl. II, №1—3. Михаил Сириец говорит о том, что Ричард «причинил много зла жителям Эдессы». См. Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XV, c. 10, P. 195. Матфей Эдесский бичует Ричарда Салернского за полководческие неудачи и подробно пишет о неудачной вылазке, совершенной Ричардом во время разорения окрестностей Эдессы тюркской конницей эмира Джекермиша Мосульского. Вылазка завершилась разгромом франко-армянских войск Ричарда и гибелью 400 воинов-армян. См. Mathieu D'Edesse. Op.cit. — c. 189, P. 260. Армянский хронист также отмечал, что Ричард «когда правил городом, причинил много зла населению». Ibid. — c. 199, P. 267. Автор «Анонимной сирийской хроники» пишет о том, что «Ричард был дурным, тираничным, несправедливым, алчным человеком. Мужики Эдессы обнаружили, что настало время, которое соответствовало их собственным грехам. Они стали судиться друг с другом, и каждый, у кого было что-либо против своего соседа, обрел возможность отплатить ему. Ричард же предавал их жесточайшим мучениям, заключению и позору. Он собрал огромные суммы денег, поскольку он знал, что он остается разрушителем и проходимцем, а не законным государем и наследником». См. Tritton A.S., Gibb. H. The First and Second Crusades from an Anonymous Syriac Chronicle... P. 80.

¹⁰²⁰ Бодуэн I, ставший впоследствии королем Иерусалима, в бытность свою графом Эдессы женился на дочери армянского князя Тафнуза (или Тафрока), который держал земли к северу от Евфрата. См. Alberti Aquisensis. Op.cit. — Lib. III, c. 31; Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. X, c. 1, P. 402. Бодуэн II де Бург провел всю жизнь в счастливом браке с Морфией, дочерью армяно-халкидонитского правителя Мелитены Гавриила. Об этом браке подробно будет сказано ниже, см. Часть II, гл. 2, С. 100. Жослен де Куртенэ взял в жены армянскую княжну Беатрису, дочь киликийского князя Константина I Рубенида. Точная дата этого брака неизвестна, однако, вероятно, Жослен уже к 1104 г. (т. е. к моменту своего пленения и ко второму году своего появления в Леванте) сумел установить столь тесные связи с сирийскими и киликийскими армянами, что те готовы были выкупать его из тюркского плена. О браке Жослена I де Куртенэ и о том, что его сын Жослен Младший был рожден «от сестры Левона Армянского», т. е. Левона I, сына князя Константина I Рубенида, см. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XIV, c. 3, P. 609.

¹⁰²¹ О выкупе Жослена жителями Турбесселя см. Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XV, c. 10, P. 195.

новив власть над своей сенььорией, Жослен приступил к сбору средств для освобождения своего сюзерена — графа Бодуэна II Эдесского. Согласно Анонимной сирийской хронике, выкуп, назначенный эмиром Джавали Сакав за графа Эдесского, составил в «70,000 *михаилите* динаров», т. е. золотых безантов чеканки василевса Михаила VII Дуки¹⁰²². Матфей Эдесский говорит о том, что «Жослен выкупил у Джавали графа Эдесского, Бодуэна, за сумму в 30,000 тахеганов»¹⁰²³. В хронике Михаила Сирийца можно найти четкое «примирение» фрагментов из «Анонимной хроники» и хроники Матфея. По словам Михаила Сирийца, «Сумма выкупа за Бодуэна была определена в 70,000 динаров. Жослен взял 30,000 и отправился в Калаат Джабар, где предал себя в заложники и освободил Бодуэна»¹⁰²⁴. Анонимный автор «Сирийской хроники...», основываясь на хронике Михаила Сирийца, оставляет подробное описание того, как Жослен отдал себя в заложники эмиру Джавали Сакаву и, как эмир, пораженный его доблестью, преданностью графу Бодуэну и церемониальным изъяснением покорности, отпустил его, отказавшись от выкупа¹⁰²⁵.

Здесь нельзя не отметить, что, согласно «Всеобщей истории» Ибн аль-Асира, выкуп за Бодуэна II де Бурга был предоставлен Жослену Танкредом. По словам Ибн аль-Асира, Танкред предоставил Жослену «30,000 золотых динаров, а также лошадей, оружие, ткани и прочие дары»¹⁰²⁶. Подобные действия вряд ли можно считать органичными для Танкреда, особенно если вспомнить о его поведении при сборе средств для выкупа из плена его родного дяди — Боэмунда I. Если Ибн аль-Асир действительно передает достоверные сведения, а не позднейший вымысел, то можно предположить, что Танкред, вероятно, готов был заменить своего кузена Ричарда на Бодуэна II, если послед-

¹⁰²² Tritton A.S., Gibb. H. *The First and Second Crusades from an Anonymous Syriac Chronicle...* P. 81.

¹⁰²³ Mathieu D'Edesse. *Op.cit.* — с. 199, P. 266.

¹⁰²⁴ Michel le Syrien. *Op.cit.* — Vol. III, Lib. XV, с. 10, P. 195.

¹⁰²⁵ Этот фрагмент «Анонимной сирийской хроники» представляет собой один из интереснейших текстов о связях первых, осевших на Востоке франков с местными мусульманскими правителями. См. Tritton A.S., Gibb. H. *The First and Second Crusades from an Anonymous Syriac Chronicle...* P. 80—82. Аналогичный фрагмент из хроники Михаила Сирийца, см. Michel le Syrien. *Op.cit.* — Vol. III, Lib. XV, с. 10, P. 195—196.

¹⁰²⁶ Ibn al-Athir. *Al-Kamil fi al-Tarikh...* P. 262.

ний окажется в вассальной и, к тому же, финансовой зависимости от Антиохии. Это подтверждает Матфей Эдесский, который говорит о том, что «Танкред, во время их (т. е. Жослена и Бодуэна II) пленения захватил принадлежавшие им земли и отказался возвращать их, покуда эти два князя не станут его вассалами. Они же отвергли это требование»¹⁰²⁷. Де Бург требовал полного восстановления своих прав на графство Эдесское, в чем Танкред наотрез отказался¹⁰²⁸. По словам Фульхерия Шартрского, «когда Бодуэн вернулся в свой город, Эдессу, он увидел, что не сможет войти, так как Танкред и его войска воспевают ему»¹⁰²⁹.

Столкнувшись с сопротивлением Танкреда, Бодуэн II де Бург отбыл к своему кузену Жослену, в Турбессель, откуда стал стягивать силы своих сторонников и союзников, и распространять свою власть на близлежащие земли. Так началась междоусобная война между франкскими правителями северной Сирии за права на престол и земли графства Эдесского. Упоминание хронистов XII-XIII вв. об этой войне в достаточной мере запутаны¹⁰³⁰, однако если выровнять разнящиеся упоминания по наиболее полному описанию — из «Свода всеобщей истории» Ибн аль-Асира, то создается вполне правдоподобная картина конфликта. Желая удержать инициативу, Танкред собрал войска и осадил Турбессель в надежде принудить Бодуэна II и Жослена к сдаче, прежде чем они успеют собрать достаточное число войск и призвать из Мосула эмира Джавали Сакава, на помощь которого они уповали. По словам Ибн аль-Асира, войска Танкреда и Бодуэна II де Бурга «сразились, но после боя христиане встретились друг с другом, разделили трапезу и вступили в переговоры»¹⁰³¹. При этом, «Танкред удалился в Антиохию», а «вопрос об Эдессе так и не был разрешен»¹⁰³². Т. е. стороны заключили перемирие, но не отказались от своих при-

¹⁰²⁷ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 199, P. 266.

¹⁰²⁸ Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... P. 262.

¹⁰²⁹ Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. II, с. 28, P. 479.

¹⁰³⁰ Наиболее подробные описания можно найти у Альберта Лахенского, Фульхерия Шартрского, в хронике Матфея Эдесского, в «Хронографии» Абу-ль-Фараджа Бар Эбрея, кратко — в «Анонимной сирийской хронике» и, наконец, полноценное описание в «Своде всеобщей истории» Ибн аль-Асира.

¹⁰³¹ Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... P. 262.

¹⁰³² Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... P. 262.

тязаний на Эдессу, которая, вероятно, еще оставалась во власти Танкреда. Земли Эдесского графства были разделены между противоборствовавшими сторонами, и вскоре война разразилась с новой силой. На этот раз инициатива принадлежала графу Эдесскому и его вассалу — Жослену де Куртенэ.

Отлично понимая, что они не смогут, опираясь лишь на собственных вассалов, вытеснить Танкреда из Эдессы, Бодуэн II и Жослен обратились за помощью к уже упоминавшемуся выше армянскому князю Гох Василу — правителю Кайсуна, Рабана и обширных территорий на севере, между Евфратом и хребтом Аманоса («княжества Евфратес»). Очевидно, что в этот период, столкнувшись с угрозой франко-нормандской экспансии, исходившей от князя-регента Антиохии, Гох Васил (человек, некогда принявший столь активное участие в выкупе князя Боэмунда I Антиохийского), решил сделать ставку и на союз с обездоленным графом Эдессы, и на сближение с Византией. Как и братья-князья Рубениды, державшие земли в горах Тавра, Гох Васил признал некую символическую форму зависимости от Ромейской державы¹⁰³³. Известно, что Васил, как и Торос I Рубенид, носил византийский титул севаста¹⁰³⁴. Гох Васил охотно откликнулся на обращение графа Бодуэна II де Бурга, заключив с эдесским графом союз против Танкреда. Согласно хронике Ибн аль-Асира: «Граф (Бо-

¹⁰³³ Сыновья Константина I Рубенида — братья Торос I и Левон I даже упоминаются в тексте Девольского мира. Согласно условиям договора Боэмунд I Антиохийский получал в пожизненное владение Аманос и Мараш, но подчеркивалось, что он не имеет права на земли «Льва и Феодора Рупениев, армян — подданных вашего владения». См. Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XIII, гл. 12, С. 369. Связям Гох Васила с Ромейской державой посвящено исследование В.П. Степаненко. См. Степаненко В.П. Из истории международных отношений на Ближнем Востоке XII в. Княжество Васила Гоха и Византия // Античная древность и средние века. — Свердловск, 1980. — №17. — С. 34—44.

¹⁰³⁴ Применительно к Торосу I Рубениду — сохранилась надпись на одной из церквей Аназарва, где этот князь упоминается как «севаст», что упоминает, в своем исследовании А.П. Каждан, со ссылкой на работу графа Рюдт-Колленберга. См. Каждан А.П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI-XII вв... С. 40; Rüdtt-Collenberg W.H. The Rupenides, Nethumides and Lusignans: the structure of the Armeno-Cilician dynasties. — Paris, 1963. — P. 50. Что касается Гох Васила, то Григорий Пресвитер, автор продолжения хроники Матфея Эдесского, именует его «севастом». См. Mathieu D'Edesse. Op.cit. — P. 332. А.П. Каждан, в свою очередь, отмечает, что титул севаста был, скорее всего, дарован Гох Василу императором Алексеем I Комниным. См. Каждан А.П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI-XII вв... С. 42.

дуэн II. — С. Б.) и Жослен напали на земли Танкреда и, одновременно, призвали на помощь Васи́ла, армянского князя, который, собрав отрекшихся от веры мусульман и прочих воинов, правил Рабаном, Кайсуном и другими крепостями к северу от Алеппо. Васил отправил на помощь графу тысячу всадников, отрекшихся мусульман, а также две тысячи пеших воинов»¹⁰³⁵. Более того, для этой войны Гох Васил призывал и ромейские войска из Киликии, в частности — наемников-печенегов, стоявших в Мамистре¹⁰³⁶. С момента заключения союза между армянским князем Кайсуна и графом Эдессы северо-восточные рубежи княжества Антиохийского превратились в добычу для франкских, армянских и ромейских (печенежских) войск де Бурга и Гох Васи́ла.

Примечательно, что Матфей Эдесский, также оставивший подробное описание этих событий, прямо осуждает Бодуэна II, Жослена и Гох Васи́ла за их нападение на княжество Антиохийское. Так, по его словам: «Жослен прибыл к Васи́лу, который с почестями принял его и осыпал дарами. Затем он вернулся к Бодуэну, собрав конное войско из Рабана, города, принадлежавшего Васи́лу, преисполненный намерения вести войну против благочестивого Танкреда. Бодуэн и Жослен совершили богомерзкое деяние, и были в высшей степени виновны пред лицом Божиим. Они направили весть персидскому эмиру Джавали, призвав его прийти к ним на помощь во главе 5,000 конных воинов. Так они напали на графа Антиохии — Танкреда (...) Васил направи́л двум франкским вождям 800 воинов, а также отряд печенегов, наемников императора греков, стоявших в Мамистре»¹⁰³⁷. Далее описания Ибн аль-Аси́ра и Матфе́я Эдесского расходятся. Матфей Эдесский говорит лишь о нападении объединенной армии Бодуэна II и его союзников на антиохийские земли и о крупном, кровопролитном сражении близ Турбесселя, завершившемся гибелью «2,000 христиан» и победой Танкреда. Но, по словам Матфе́я, после этого сражения Бодуэн II бежал в Равандель, а затем вернулся в Эдессу (!), что само по себе странно, т. к. армянский хронист ни слова не говорит о возвращении города под власть де Бурга¹⁰³⁸. Гораздо более убедитель-

¹⁰³⁵ Ibn al-Athir. *Al-Kamil fi al-Tarikh*... P. 262.

¹⁰³⁶ Mathieu D'Edesse. *Op.cit.* — с. 199, P. 266—267.

¹⁰³⁷ Mathieu D'Edesse. *Op.cit.* — с. 199, P. 266—267.

¹⁰³⁸ Mathieu D'Edesse. *Op.cit.* — с. 199, P. 267.

тельной кажется последовательность событий, изложенная в хронике Ибн аль-Асира. Согласно «Своду всеобщей истории», когда войска Бодуэна II де Бурга и Гох Васила вторглись в пределы Антиохийского княжества «Танкред выступил, чтобы встретить их. Они сразились за право господства над Эдессой, но тогда вмешался Патриарх (т. е. латинский Патриарх Антиохии Бернард Валенский. — С. Б.), который для христиан то же, что и имам для мусульман, и которому они не смеют противиться. Несколько патрициев (т. е. баронов — С. Б.) и священников засвидетельствовали, что дядя Танкреда — Боэмунд, решив возвратиться в Европу, приказал, чтобы Эдесса была возвращена графу, когда тот вновь обретет свободу. Тогда Танкред отказался от своих притязаний на город, и вернул его в девятый день месяца сафара (18 сентября 1108 г.)»¹⁰³⁹. У нас нет оснований не верить столь правдоподобному описанию, тем более, что со стратегической точки зрения, союз между Гох Василом, контролировавшим Рабан и Кайсун, и Бодуэном II, опиравшимся на Турбессель, Равандель и западные области графства Эдесского, вне всяких сомнений изолировал Эдессу от княжества Антиохийского.

Итак, если отталкиваться от текстов Ибн аль-Асира и Матфея Эдесского, можно отметить, что Ромейская держава — силами восточных гарнизонов и зависимого от империи армянского князя — сыграла значимую роль в междоусобной войне франкских князей северной Сирии¹⁰⁴⁰. Во многом благодаря этому вмешательству, антиохийские нормандцы не смогли единолично господствовать во всей «византийской» Сирии — объединив под своим правлением и Антиохию, и Эдессу. В сентябре 1108 г., параллельно с тем, как князь Боэмунд I Антиохийский приносил оммаж василевсу Алексею I Комнину на реке Деволь, Танкред отрекся от своих прав на Эдессу, возвращая город правителю, не внушавшего опасений Ромейской державе¹⁰⁴¹. Конечно же, эти события не были ни инициированы, ни скоординиро-

¹⁰³⁹ Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... P. 262—263.

¹⁰⁴⁰ То, что в своих столкновениях с антиохийским княжеством Гох Васил искал поддержку и, в свою очередь, отражал интересы Ромейской державы, отмечал, в свое время, и Каэн. См. Cahen C. La Syrie du Nord... P.335.

¹⁰⁴¹ Еще раз напомним, что Бодуэн II де Бург был женат на Морфии дочери уже упоминавшегося выше армянина-халкидонита Гавриила, византийского сановника и правителя Мелитены. О браке Бодуэна II и дочери Гавриила — Морфии подробнее будет сказано во второй части исследования. См. Часть II, гл. 2, С. 100—101.

ваны василевсом, который, очевидно, даже не знал об исходе борьбы в Сирии¹⁰⁴². Однако нельзя не отметить, что, при определенном участии и вовлечении империи, к осени 1108 г. позиции нормандцев на Востоке были существенно ослаблены — как на Балканах, где капитулировал Боэмунд, так и в Сирии, где Танкред утратил Эдессу.

Завершая описание этой войны, нельзя не упомянуть о том, что на рубеже 1108—1109 г. антиохийские и эдесские франки вновь сошлись на поле боя, на этот раз — будучи вовлеченными в конфликт своих исламских союзников. Как повествует Ибн аль-Асир, в 1109 г. эмир Мосула Джавали Сакав собрал значительные силы тюрок и арабов, и разорил земли Алеппского эмирата. При этом, он, вероятно, предоставил возможность своим войскам, а также своим франкским союзникам, в частности — Жослену де Куртенэ, вновь обратиться против восточных рубежей княжества Антиохийского. Эмир Рыдван Алеппский, ставший, после битвы у Арты (1105 г.) данником Антиохийского князя, призвал на помощь Танкреда. Вскоре объединенная армия Танкреда и эмира Рыдвана, состоявшая из 1,500 антиохийских рыцарей и конных сержантов, 600 конных воинов Алеппского аскара¹⁰⁴³, а также большого числа пеших воинов, встретила с разношерстной армией эмира Джавали Сакава и с эдесскими франками графа Бодуэна II и Жослена де Куртенэ. В ходе этого сражения Танкред нанес поражение войскам Бодуэна II де Бурга, а эмир Джавали, в свою очередь, наголову разбил пехоту антиохийцев. Когда же недисциплинированные туркменские отряды Джавали попытались угнать коней у союзных им эдесских рыцарей, Танкред, воспользовавшись замешательством, повел свою конницу против эмира Мосула, которого также обратил в бегство¹⁰⁴⁴. Наиболее подробное описание этого сражения можно найти у Ибн аль-Асира — единственного хрониста, четко разделявшего междоусобицу антиохийских и эдесских франков на два конфликта — первый, вызванный борьбой за право господства над Эдессой, и второй — вызванный нападением эмира Джавали на Алеппский эмират.

¹⁰⁴² По условиям Девольского мира, Эдесса, как раз, должна была отойти к Боэмунду I Антиохийскому, о чем будет подробно сказано ниже. См. Часть I, гл. 4, С. 100.

¹⁰⁴³ О численности войск Танкреда и Рыдвана Алеппского см. Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... P. 266.

¹⁰⁴⁴ Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... P. 266—267.

Матфей Эдесский, не разделявший этих двух конфликтов, в своей хронике приводит описание битвы, фактически идентичное тексту аль-Асира. «Сражение произошло в пределах Тель-Башира (Турбесселя). Бодуэн и Танкред сразились друг с другом со всей яростью и отвагой, в то время как персы сокрушили пехоту Танкреда. Однако, с помощью Божьей, Бодуэн был побежден и обращен в бегство. Затем он (Танкред) с яростью бросился на Джавали и, нанося удары, принес гибель рядам его воинов (...) Одержав столь значимую победу, Танкред вернулся в Антиохию. Бодуэн, как беглец, укрылся в крепости Равандель. Жослен спасся в своей крепости Тель-Башир»¹⁰⁴⁵. Фүльхерий Шартрский оставляет аналогичное описание битвы у Турбесселя, отмечая и потери среди антиохийцев, и победу Танкреда, и тот факт, что конфликт начался, когда Антиохийское княжество было атаковано Жосленом де Куртенэ и турками. «Жослен, собрав 7,000 турок, спровоцировал не ожидавшего нападения Танкреда, и вступил в битву, убил, при помощи этих турок, 500 последователей Танкреда. Танкред едва не был побежден, но Господь, в своем соучастии, никогда не отвращается от дел справедливости. Танкред остался победителем на поле боя, победителем, сохранившим честь (*victor honoris*)»¹⁰⁴⁶. Описывая это сражение, Бар Эбрей пишет о том, что «франки не убивали франков, а лишь сбивали их с лошадей»¹⁰⁴⁷, но скорее всего писавший в XII в. сирийский хронист идеализировал поведение франков; Матфей Эдесский, напротив, говорит о том, что в битве у Турбесселя пало более 2,000 христиан¹⁰⁴⁸.

¹⁰⁴⁵ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 199, Р. 267.

¹⁰⁴⁶ Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. II, с. 28, Р. 480—481.

¹⁰⁴⁷ Bar Hebraeus. Chronography... — Р. 475.

¹⁰⁴⁸ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 199, Р. 267. Согласно описаниям Матфея, Бодуэн II, переждав последствия битвы в Раванделе, возвратился в Эдессу. Следовательно, город уже находился во власти де Бурга, и битва у Турбесселя отнюдь не была столкновением за право господства над Эдессой. Это прямо соответствует последовательности событий, изложенной в хронике Ибн аль-Асира. В Эдессе Бодуэн II застал городской совет (ишханов Эдессы), члены которого держали оборону города и заседали в латинском кафедральном соборе Св. Иоанна Крестителя, ища преемника исчезнувшему графу и опасаясь, «как бы город не вернулся под власть Танкреда, а тот не вернул бы его Ричарду». Однако возвратившийся живым Бодуэн II не только разубедил совет в такой необходимости, но и сурово наказал ишханов, заподозрив их в неверности. См. Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 199, Р. 267—268. См. также: Степаненко В.П. Ишханы Эдессы и внешнеполитическая ориентация города в 70-х годах XI — начале XII в... С. 94.

Окончательно мир между Танкредом и Бодуэном II де Бургом был восстановлен лишь после совета всех франкских государей Заморской земли, под председательством короля Бодуэна I Иерусалимского, на Монт Пелерен, близ Триполи, в том же 1109 г.¹⁰⁴⁹ Подводя итог этой войне, нельзя не обратить внимания, что те самые два крестоносца (Бодуэн де Бург и Танкред), которым в 1099 г. довелось вместе освобождать место Рождества Христова — Вифлеем, спустя менее чем десять лет готовы были яростно биться друг с другом, приходя на помощь своим союзникам-сарацинам и привлекая для этой войны армян, ромеев, печенегов и сельджуков¹⁰⁵⁰. Готовность заключать союзы с восточными христианами и мусульманами ради войны со своими же «латинянами» является наглядным свидетельством стремительной адаптации осевших в Сирии франков. Обретя свою землю, свои владения на Востоке, франко-нормандские нобили открыто продемонстрировали готовность вести войну и против мусульман, и против восточных христиан, и против своих латинских соперников. Кровавопролитная война с графом Бодуэном II Эдесским отнюдь не сломила амбиций Танкреда. Утратив Эдессу, Танкред сохранил не принадлежавший ему ранее Мараш; более того, он разбил коалицию своих противников, нанеся им сокрушительное поражение в одном или двух полевых сражениях. Потеря Эдессы позволила Танкреду консолидировать силы, за счет возвращения войск, ранее требовавшихся для обороны эдесского графства. К тому же, у него появились новые источники для пополнения своего войска; на исходе 1108 г. до Сирии наконец-то стали добираться крестоносцы из распавшейся армии Боэмунда, а у берегов Леванта курсировали крупные эскадры пизанцев и генуэзцев. Успехи в войнах с мусульманами, в сочетании с вышеназванными факторами, позволили Танкреду вновь обратиться против восточных владений Ромейской державы. В отличие от антиохийских франков, силы ромеев на Востоке были, к 1107—1110 гг., существенно ослаблены. Война с Боэмундом на Балканах вынудила им-

¹⁰⁴⁹ На совете на Монт Пелерен, король Бодуэн I Иерусалимский, на правах первого по чести франкского государя в Леванте, смог примирить Танкреда с графом Бодуэном II де Бургом и Жосленом де Куртгенэ. См. Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. XI, c. 12, P. 782.

¹⁰⁵⁰ Общие описания и позднейшие исследования междоусобной войны между Танкредом и Бодуэном II, см. Runciman S. A History of the Crusades. Vol. II. — Book I, c. 6, P. 112—114; Nicholson R.L. Tancred... P. 172—178; Oldenbourg Z. Les Croisades... P. 348—351; Asbridge T. The Creation of th Principality of Antioch... c. 4, P.112—114.

ператора Алексея отозвать часть восточных войск, а также призвать в Европу полководцев, успешно воевавших против княжества Антиохийского — Иоанна Монастру и Иоанна Кантакузина. Подобная расстановка сил естественным образом позволила Танкреду вновь приступить к новой череде «византийских» войн.

Датировка «византийских» войн Танкреда

Проблема датировки кампаний Танкреда против Ромейской державы в период его второго правления (1104—1112 гг.) вызывает вопросы и споры. В сохранившихся источниках можно найти лишь обрывочные упоминания о повторном нормандском завоевании Киликии и Латакии, причем — с конфликтующими датировками, относящимися к 1106—1110 гг. Невзирая на то, что Рансимен, Николсон и ряд других исследователей относят киликийский поход Танкреда к 1107—1108 гг., позволим себе категорически не согласиться предложенной ими датировкой¹⁰⁵¹. На наш взгляд, наиболее обоснованным кажется предположение, что первой «византийской» кампанией Танкреда стала осада Латакии, и что лишь после взятия этого портового города, не ранее 1109 г., князь-регент Антиохии обратился к завоеванию утраченных территорий Равнинной Киликии. В пользу данного предположения можно привести следующие аргументы. Во-первых, три латинских хрониста пишут о том, что осада Латакии протекала примерно в одно время со взятием Апаimei (1106)¹⁰⁵². Во-вторых, существует два не связанных меж собой свидетельства о том, что в 1108 г. Киликия все еще находилась под властью ромеев. Матфей Эдесский говорит о том, что в 1108 г., во время войны с Танкредом, Гох Васил призывал византийских

¹⁰⁵¹ См. Runciman S. A History of the Crusades. Vol. II. — Book I, c. 3, P. 53—54; Nicholson R.L. Tancred... P. 165. Также комментарии Я.Н. Любарского к «Алексиаде»; Анна Комнина. Указ. соч. — С. 587—588, 655.

¹⁰⁵² Рауль Канский говорит о том, что после битвы при Арте и одновременно с осадой Апаimei Танкред готовился начать осаду Латакии. См. Radulfo Cadomensis. Op.cit. — с. 156, P. 715. Альберт Аахенский даже утверждает, что Танкред взял Латакию незадолго до осады Апаimei, что, конечно, маловероятно. См. Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. X, c. 20, P. 736. Гильом Тирский также оставляет (скорее поэтическое, нежели историческое) упоминание о взятии Танкредом Апаimei и Латакии. См. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. X, c. 23, P. 635—636.

наемников-печенегов из Мамистры¹⁰⁵³. Альберт Аахенский, в свою очередь, говорит о том, что в 1108 г., когда в Левант прибыл граф Бертран Тулузский, Танкред безуспешно пытался заручиться его поддержкой для предстоящего похода на Мамистру¹⁰⁵⁴. Нельзя забывать и о том, что в 1107—1109 гг. Танкред воевал с графом Бодуэном II, Гох Василом и эмиром Джавали. Трудно себе представить, чтобы Танкред, вовлеченный в разорительную, кровопролитную войну на своих восточных границах, смог бы в этот же самый период выделить достаточно сил для полномасштабного завоевательного похода в противоположном, западном направлении, т. е. в Киликии. Это, вне всяких сомнений, было бы невозможно, хотя бы из соображений элементарной стратегии. В то же самое время, Танкред вполне мог бы держать у Латакии часть войска, которое продолжало бы осаду в отсутствие князя, так, как это было в 1101—1103 гг. И, кстати, крайне маловероятно, чтобы Танкред решился на наступление в Киликии, оставив лежавшую в двух днях пути от Антиохии Латакию в руках ромеев. Наконец, стоит обратить внимание еще на два датированных свидетельства. Сохранилось два варианта хартии, датированной 1108 г., в которой Танкред дарует пизанцам недвижимость в Латакии¹⁰⁵⁵. Это дает достаточное основание считать, что Латакия была взята не позднее 1108 г. В 1109 г. после окончательного примирения с Бодуэном II и взятия крестоносцами Триполи, Антиохийский князь завоевал и соседствующие с Латакией города сирийского побережья — Валанию и Джабалу¹⁰⁵⁶. Наступление же в Киликии вряд ли могло начаться ранее 1109 г. и, скорее всего, завершилось к 1110 г. Данное предположение подтверждает и последовательность событий, изложенная в «Дамасской хронике» Ибн аль-Каланиси¹⁰⁵⁷; к тому же, к подобной датировке склоняются такие исследователи, как Клод Каэн и Томас Асбридж¹⁰⁵⁸.

¹⁰⁵³ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 199, P. 266—267.

¹⁰⁵⁴ По словам аахенского хрониста, Танкред просил «помощи Бертрана и его войска для осады и возвращения Мамистры, которая недавно была возвращена императору». См. Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. XI, с. 6, P. 778.

¹⁰⁵⁵ Muratori L., ed. Antiquitates Italicae. Vol. II. — Milan, 1739. — P. 905—906.

¹⁰⁵⁶ О взятии Валании и Джабалы подробно пишет Ибн аль-Каланиси. См. Гибб Г. Указ. соч. — С. 66.

¹⁰⁵⁷ Гибб Г. Указ. соч. — С. 66, 72.

¹⁰⁵⁸ Cahen C. La Syrie du Nord... P. 243—244; Asbridge T. The Creation of the Principality of Antioch... с. 2, P. 62—64.

Третья осада и завоевание Латакии (1106—1108 гг.)

Итак, обратимся вначале к осаде и повторному взятию Танкредом Латакии. Об обстоятельствах этой осады известно не так уж и много. К примеру, Анна Комнина в принципе умалчивает о том, что ромеи потеряли город после его завоевания в 1104 г. Напомним, что с 1104 г., т. е. с момента высадки в Сирии войск Иоанна Кантакузина, Латакия была разделена между ромеями и франко-нормандцами, которые продолжали держаться на окраине города, в цитадели¹⁰⁵⁹. Очевидно, антиохийские франки сохраняли этот плацдарм в Латакии вплоть до возобновления осады Танкредом, что произошло, вероятно, не позднее 1106 г. Во всяком случае, Рауль Канский пишет о том, что приступивший к осаде Апамен Танкред получил обращение о помощи от осажденных в цитадели и лишенных провианта франкских войск¹⁰⁶⁰. Вероятно, именно в этот период Танкред и возобновил осаду Латакии. Из дошедших до нас обрывочных сведений можно, с известной степенью достоверности, реконструировать следующие события этой, третьей по счету нормандской осады Латакии. В 1104—1106 гг. франко-нормандцы продолжали удерживать одну из двух цитаделей Латакии, периодически получая подкрепления из Антиохии. Начиная с 1106 г., т. е. с момента осады и взятия Апамен, Танкред стал усиливать антиохийский контингент в Латакии и, используя его как плацдарм, приступил к осаде города. Очевидно, осада отнюдь не была легкой и сопровождалась кровопролитными столкновениями между франко-нормандцами и ромеями. Альберт Аахенский, оставивший два кратких упоминания о взятии города, акцентирует внимание читателя на том, что город был взят после упорных боев. Вначале Альберт говорит о том, что «Танкред осадил Латакию и вернул господство над городом, завоевав и подчинив его, исторгнув из рук греческого царя и из-под защиты его людей», а затем, в следующей книге, еще раз упоминает о том, что Танкред вернул Латакию «после того как воины императора греков были изгнаны и побеждены»¹⁰⁶¹.

Опираясь на текст «Алексиады», можно утверждать, что взятие города произошло после 1107 г., когда войска Иоанна Кантакузина

¹⁰⁵⁹ См. выше: Часть I, гл. 3, С. 100.

¹⁰⁶⁰ Radulfo Cadomensis. Op.cit. — с. 156, P. 715.

¹⁰⁶¹ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. X, с. 20, P. 736; Lib. XI, с. 40, P. 816.

отбыли на Балканы, а оборона Латакии была доверена сменившему их гарнизону под командованием некоего Пецеля¹⁰⁶². Как и в 1101—1103 гг. Танкреду необходима была поддержка итальянских торговых республик, чьи корабли способны были перерезать сообщение Латакии с Кипром и блокировать город с моря. И, если в первый раз Танкред взял Латакию при помощи генуэзцев, то повторно город был взят при помощи пизанской эскадры. Об этом прямо свидетельствует сохранившийся в двух вариантах текст хартии Антиохийского князя, закрепляющей привилегии пизанцев в Латакии. Согласно хартии, засвидетельствованной Патриархом Валенским, латинскими архиепископами Тарса и Мамистры, и тремя антиохийскими баронами: «Танкред — герцог и князь Антиохийский (...), за помощь и соучастие пизанцев в завоевании греческой Латакии, которую вышеупомянутые греки, вопреки Божьей справедливости, разорили, силой отторгли и подчинили, дарует пизанцам улицу в вышеназванном городе, и воздает им почести и свободу»¹⁰⁶³. Хартия датирована 1108 г., и это можно воспринимать как вполне четкое свидетельство, что город был взят именно в этом году, как раз после отзыва войск Кантакузина (1107 г.) и до завоевания Танкредом Валансии и Джабалы (1109 г.)¹⁰⁶⁴. Итак, Танкред во второй раз завоевал Латакию. К сожалению, невозможно узнать, был ли город взят штурмом, или принужден к сдаче, как в 1103 г. Последующие восемьдесят лет этот населенный греками и мелькитами город уже непрерывно оставался под властью антиохийских франков, став одним из главных центров их княжества. В следующем году войска антиохийские франко-нормандцы отбили последние, еще непокоренные портовые города северной Сирии.

Кстати говоря, о завоеванных в 1108—1109 гг. Валансии и Джабале также стоит сказать несколько подробнее, т. к. в течение долгих лет они оставались неотъемлемой частью княжества Антиохийского; сохранившая большую часть своего мусульманского населения Джабала — до 1188 г., населенная преимущественно христианами-мелькитами Валансия — до 1271 г. Якут аль-Хамави пишет о Джабале как о «знаменитой крепости на сирийском побережье, близ Латакии

¹⁰⁶² Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XII, гл. 2, С. 321—322.

¹⁰⁶³ Muratori L., ed. *Antiquitates Italicae*. Vol. II. — Milan, 1739. — P. 905—906.

¹⁰⁶⁴ Гибб Г. Указ. соч. — С. 66.

(...) Город был перестроен халифом Муавией, который поставил укрепление за пределами старых румских городских стен. Джабала была завоевана румами в 357 г. (968 г.). В 473 г. (1080 г.) город был отвоеван мусульманами, пришедшими из Триполи»¹⁰⁶⁵. Валанция описана арабским географом аль-Димашки как прекрасный город, где можно увидеть «ручьи, берущие начало от истоков, а сады (...) славятся среди садов прибрежных городов; ибо рубежи этих садов омывают морские волны, и вокруг них нет иной ограды. Сады же питаются сладкой водой»¹⁰⁶⁶. К тому же, Валанция находилась в тени одной из величайших сирийских крепостей — замка Маркаб (Маргат), впоследствии превращенного в шедевр западной крепостной архитектуры госпитальерами. Так, все сирийское побережье — от залива Александретты до Тортосы оказалось в составе княжества Антиохийского¹⁰⁶⁷. И это обстоятельство, наряду с завершением войны на восточных границах, позволило Танкреду обратиться на запад, к потерянным, обширным территориям Киликии.

Повторное завоевание Тарса, Аданы и Мамистры (1108—1109 гг.)

С отбытием Иоанна Монастры, оставшиеся в Киликии ромейские войска, наемники и ополчение были доверены армянскому князю Аспиету, назначенному стратопедархом Востока. Личность этого человека до сих пор вызывает определенные споры среди историков. Дюканж, Шаландон, Рансимен и некоторые другие западные исследователи отождествляют его с Ошином Хетумидом, правителем Лампрона¹⁰⁶⁸. Однако более убедительной кажется позиция Ж. Лорана и А.П. Каждана, которые убедительно доказывают, что подобное

¹⁰⁶⁵ Le Strange G. Op.cit. — P. 459.

¹⁰⁶⁶ Le Strange G. Op.cit. — P. 424—425.

¹⁰⁶⁷ Тортоса, завоеванная провансальскими крестоносцами, в 1108—1112 гг. находилась под властью вассалов Танкреда — графа Гильома-Жордана и Вильгельма де Отвилля. См. Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. XI, c. 40, P. 816; Гибб Г. Указ. соч. — С. 91.

¹⁰⁶⁸ Chalandon F. Les Comnène; Etudes sur l'Empire byzantin aux XIe et XIIe siècles. Vol. I. Essai sur le règne d'Alexis 1er Comnène (1081—1118). — Paris, 1900. — P. 239; Runciman S. A History of the Crusades. Vol. II. — Book I, c. 3, P. 53—54; Asbridge T. The Creation of the Principality of Antioch... c. 2, P. 62—63.

отождествление крайне маловероятно¹⁰⁶⁹. Анна Комнина говорит о том, что Аспиет принадлежал к знатному армянскому роду, возводившему свое происхождение к Аршакидам, и что в молодости он прославился во время первого нормандского вторжения на Балканы (1081—1085 гг.)¹⁰⁷⁰. Казалось, выходец из армянской знати, проявивший себя в войнах с нормандцами, прекрасно соответствовал возложенной на него обязанности защищать византийские интересы в Киликии. Однако Аспиету суждено было жестко разочаровать василевса.

В то же самое время Танкред, завершив кампании в Сирии, тщательно готовился к предстоящему походу против Киликии. Упоминание Альберта Аахенского о том, как Танкред пытался заручиться поддержкой провансальских крестоносцев Бертрана Тулузского для похода на Мамистру, наводит на мысль, что завоевание Киликии было одним из важнейших приоритетов нормандского князя Антиохии. Анна Комнина оставила на удивление подробное описание подготовки Танкреда к новой войне с ромеями в Киликии. Согласно «Алексиаде», Танкред «отовсюду набирал воинов — армян и кельтов, ежедневно тренировал их, обучал войско строить ряды и сражаться, а иногда и отправлял его в набеги, — это был дым, предшествующий огню; он также сооружал осадные машины и всческим образом готовился к осаде»¹⁰⁷¹. И если с Танкред не смог договориться с войсками Бертрана Тулузского — сыном Раймонда Сен-Жильского и вассалом василевса — то с мощной ге-

¹⁰⁶⁹ Laurent J. Armeniens de Cilicie: Aspietes, Oschin, Ursinus // *Mélanges offerts à Gustav Schlumberger*, I. — Paris, 1924. — P. 159—168; Cahen C. *La Syrie du Nord...* P. 243, n. 9; Каздан А.П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи... — С. 44, 131. В пользу теории Лорана-Каздана говорит и тот факт, что Ошин и его потомки — Хетумиды продолжали благополучно править замком Лампрон и окрестными землями на протяжении всего XII в., избежав конфликта с франко-нормандцами. К тому же, в 1111 г. Ошин откликнулся на арьер-бан Танкреда и прибыл со своими войсками в Сирию, под знамена антиохийского князя. См. Alberti Aquensis. *Op.cit.* — Lib. XI, c. 40, P. 816. Такое было бы вряд ли возможным, если бы Ошин был тем самым стратопедархом Востока Аспиетом, который, пускай и безуспешно, командовал ромейскими войсками в борьбе с Танкредом за Киликию. В.П. Степаненко и В.С. Шандровская, в своей совместной работе, выдвинули предположение, что Аспиет мог принадлежать к знатному ивино-армянскому роду Пакурианов. См. Степаненко В.П., Шандровская В.С. Татул и Пакурианы... С. 174.

¹⁰⁷⁰ Анна Комнина достаточно подробно рассказывает о том, как Аспиет проявил себя, сражаясь в рядах ромейского войска во время нормандского вторжения на Балканы. См. Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XII, гл. 2, С. 323.

¹⁰⁷¹ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XII, гл. 2, С. 322.

нуэзской эскадрой, доставившей провансальцев в Левант, нормандский князь быстро нашел общий язык.

На исходе 1109 г., завершив завоевание портовых городов Сирии, Танкред повел армию франко-нормандцев, армян и генуэзцев в Киликию. Вторжение шло одновременно с двух сторон: армия Антиохийского князя вошла в восточную Киликию со стороны Аманоса и Александретты, в то время как генуэзские корабли поднимались по судоходному, широкому руслу реки Пирам. Первой целью латинян, естественно, стала Мамистра. Подробное описание осады этого города оставила Анна Комнина: «Танкред неожиданно выступил в поход из Антиохии вместе с огромным войском; разделив его на две части, он одних своих воинов отправил сушей против городов Мопса (Мамистры), а других посадил на триеры и морем повел к реке Сарос¹⁰⁷². Эта река течет с севера с Таврских гор, протекает между двумя городами Мопса — разрушенным и существующим — и впадает в Сирийское море. Отплыв оттуда, корабли Танкреда приблизились к устью этой реки и поднялись к мостам, соединяющим оба города Мопса. Таким образом, город был окружен и подвержен ударам с обеих сторон. Прибывшие с Танкредом легко могли напасть на город с кораблей, а наступающие с материка — вести бой на суше»¹⁰⁷³. Так, в 1110 г. Мамистра была отбита у ромеев франко-нормандцами и генуэзцами, что подтверждает, в двух своих сочинениях, генуэзский хронист Каффаро¹⁰⁷⁴.

¹⁰⁷² Анна Комнина путает киликийские реки и ошибочно полагает, что Мамистра стоит на реке Сар. На самом деле, речь идет о реке Пирам, которая и разделяет Мамистру на два города. Описание Мамистры, см. Часть I, гл. 3, С. 100.

¹⁰⁷³ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XII, гл. 2, С. 322—323.

¹⁰⁷⁴ Причем Каффаро, в «Краткой истории королевства Иерусалимского», пишет о том, что генуэзцы «без чьей-либо помощи взяли город Мамистру, что в пределах княжества Антиохийского». См. Safari de Caschifelone. Op.cit. — P. 128—129. Слова Каффаро явно противоречат сообщению Анны Комниной о том, что Мамистра была осаждена Танкредом и что осада велась одновременно сухопутной армией и флотом. Это противоречие заставляет искать соответствующее объяснение. В Мамистре, в годы франкского владычества, действительно располагалась генуэзская фактория, но сам город оставался во власти франков, будучи центром одной из крупнейших сеньорий княжества Антиохийского. Об основании, в 1110 г., генуэзских факторий в покоренных Мамистре и Бейруте бегло упоминает тот же Каффаро в своих «Генуэзских анналах». См. Safari de Caschifelone. Op.cit. — P. 15.

Остается вопрос — если бы генуэзцы действительно самостоятельно захватили город, стали бы они возвращать его своим должникам, франкам? И, к тому же, Мамистра с 1110 г. не просто признавала некую символическую власть антиохийского

Аспиет и его ромейские гарнизоны оказались совершенно неготовыми к столь стремительному наступлению. Анна Комнина, отдавая должное прошлым заслугам Аспиета, нещадно критикует его за потерю киλικийских территорий. По ее словам, во время нападения армии антиохийского князя на Мамистру Аспиет «проявил свое бессилие перед лицом неутомимого воина Танкреда»¹⁰⁷⁵. При этом дочь василевса Алексея открыто восхваляет полководческие дарования нормандского завоевателя: «Танкред (...) превосходил всех своих современников, был одним из наиболее опытных полководцев и к тому же никогда не знал неудач в осаде городов»¹⁰⁷⁶. Конечно же, у автора «Алексиады» нет ни малейшего желания писать о неудачах ее отца — поэтому, описав осаду Мамистры, она ни слова не говорит о самом взятии этого города, как и о последующем нормандском завоевании Аданы, Тарса и прочих территорий Киликии. Восполняющее это молчание описание можно найти в «Дамасской хронике» Ибн аль-Каланиси, согласно которому: «Танкред вышел из Антиохии со своим войском и своим проклятым сбродом и, направившись к границам Сирии, захватил Тарсус (Тарс) и ближайшие территории, изгнал оттуда представителей малика греков и вернулся в Антиохию»¹⁰⁷⁷. По сохранившимся свидетельствам, можно предположить, что стремительная и хорошо спланированная киλικийская кампания Танкреда протекала в течение 1110 г. и привела к полному покорению богатых городов и земель равнинной Киликии. Уже в 1111 г. Танкред уверенно опирался на свои владения

князя, но была подвластна его франкским вассалам. На наш взгляд, здесь возможны следующие объяснения. Генуэзцы, поднявшись по реке Пирам, могли сходу взять город, до прибытия армии Танкреда (что, опять же, противоречит версии, изложенной в «Алексиаде»). При этом они могли, опасаясь, что не смогут удержать город, и не желая конфликтовать с князем Антиохийским, передать город Танкреду, ограничившись правом основать в Мамистре факторию. Также возможно, что осада велась совместно, но именно генуэзцы добились решающего перелома в борьбе и первыми вошли в Мамистру, проложив путь войскам Танкреда. Наконец, можно просто предположить, что Каффаро нарочито преувеличивает заслуги своих соотечественников, которые действительно вели свои корабли, осадные орудия и воинов под стены Мамистры, но воевали там совместно с франко-нормандскими и армянскими войсками Антиохийского князя.

¹⁰⁷⁵ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XII, гл. 2, С. 322.

¹⁰⁷⁶ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XII, гл. 2, С. 323.

¹⁰⁷⁷ Гибб Г. Указ. соч. — С. 72.

в Киликии и даже призывал к восточным рубежам княжества войска своего вассала — Ги де Шеврёля, «князя Тарса и Мамистры»¹⁰⁷⁸.

Эту кампанию следует считать полководческим и политическим триумфом Танкреда. О мощи и стремительности наступления Антиохийского князя свидетельствует и то, что армянские князья Торос I, Левон I, и даже Гох Васил — севасты и номинальные вассалы империи — не посмели бросить ему вызов и ничего не сделали для защиты византийской Киликии. Во всяком случае, Рубениды, в период правления Танкреда и его преемника — князя Рожера, оставались верными союзниками Антиохийского княжества¹⁰⁷⁹. С завершением этой войны и на протяжении четверти века антиохийские франко-нормандцы безраздельно господствовали на киликийских землях, пользуясь богатствами этого региона и правя его городами¹⁰⁸⁰. На западе границы княжества Антиохийского доходили до крепости Корик и восточного берега реки Салеф¹⁰⁸¹. Возвышавшаяся на за-

¹⁰⁷⁸ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. XI, c. 40, P. 816.

¹⁰⁷⁹ В 1111 г. князья Торос I и Левон I Рубениды, Ошин Хетумид, а также и Гох Васил, откликнулись на призыв Танкреда и прибыли со своими войсками к Апамее, для отражения вторжения сельджукского эмира Мавдуда. См. Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. XI, c. 40, P. 816. Спустя восемь лет, в 1119 г., Левон I Рубенид вновь покинул родной ему Тавр и прибыл, во главе войска, под знамена князя Рожера Антиохийского, дабы принять участие в его походе против города Азак, к северу от Алеппо. Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 227, P. 298. Лишь после гибели четвертого нормандского князя Антиохии — Бозмунда II (1130 г.), князь Левон I Рубенид бросил вызов ослабевшим антиохийским франкам и начал завоевание равнинной Киликии.

¹⁰⁸⁰ Автор считает себя вправе избежать длительной полемики с высказываниями Р. Груссе и Г. Микаеляна о том, что Киликия была до 1132 г. под властью ромеев, а затем перешла к Рубенидам. Эта версия, основанная лишь на одном упоминании хроники Смбата Спарাপета и игнорирующая целый ряд других источников, была блестящим образом опровергнута В.П. Степаненко в его работе о равнинной Киликии. См. Grousset R. Histoire des croisades et du royaume franc de Jerusalem. Vol. — P. 51; Микаелян Г.Г. История Киликийского армянского государства. — Ереван, 1952. — С. 96; Степаненко В.П. Равнинная Киликия во взаимоотношениях Антиохийского княжества и княжества Рубенидов в 10—40-х годах XII в. // Византийский временник. — 1989. — №49. — С. 119—126.

¹⁰⁸¹ В хартии антиохийского коннетабля Готье де Сурдеваля, датированной 1134 г., в числе свидетелей фигурирует дук Латакии — Тибо де Коризо. Р. Рёрихт вполне обоснованно предполагает, что «Коризо» — латинское написание города-крепости Корик. См. Röhrich R., ed. Regesta Regni Hierosolymitani... №150, P. 37. Также см. Степаненко В.П. Равнинная Киликия во взаимоотношениях Антиохийского княжества и княжества Рубенидов в 10—40-х годах XII в. // Византийский временник. — 1989. — №49. — С. 120. Река Салеф представляла собой естественный оборонительный рубеж на дальних подступах к Тарсу, так что более чем вероятно, что именно по ней проходили западные рубежи княжества Антиохийского.

падном берегу реки Селевкия Исаурийская оставалась в руках василевса и на протяжении последующих десятилетий служила ромейским форпостом на западе Киликийской равнины¹⁰⁸².

Франко-нормандская Киликия

На протяжении всей истории крестовых походов киликийские земли оставались важнейшим центром для латинян Востока. Значение этого региона сложно переоценить: в XI-XII вв. антиохийские франки будут неоднократно сражаться за этот регион с ромеями и армянами; в XIII-XIV вв. Киликийская Армения будет оставаться домом для тысяч франков, державших сеньории, церкви и фактории на ее землях. С начала 1100 г. в Тарсе и Мамистре существовали латинские архиепископские кафедры, и, несмотря на то, что в 1104—1110 гг. киликийские прелаты должны были искать убежища в Антиохии, с 1110 г. они вновь утвердились своих диоцезах, распространив свою пастырскую власть на местных греков и стремительно заселявших Киликию латинян¹⁰⁸³. Важнее было то, что с 1111 г. и вплоть до 1132 гг. на территории отвоеванной у империи равнинной Киликии была создана одна из крупнейших сеньорий княжества Антиохийского¹⁰⁸⁴.

¹⁰⁸² Никита Хониат упоминает о том, что одним из предлогов войны между императором Иоанном II Комниным и Леоном I Рубенидом в 1137 г. стали приготовления последнего к захвату принадлежавшей ромеям Селевкии. См. Никита Хониат. Указ. соч. — Том I, «Царствование Иоанна Комнина», гл. 6, С. 34.

¹⁰⁸³ О становлении латинской Церкви на землях франкской Сирии будет сказано в первой главе второй части книги. См. Часть II, гл. 1, С. 100. К моменту повторного завоевания Танкредом Киликии (1110 г.) все еще был жив первый латинский архиепископ Тарса — Рожер, которому был возвращен его кафедральный град и диоцез. В то же самое время, первый латинский архиепископ Мамистры — Варфоломей, скончался в Антиохии и к 1108 г. его сменил на титулярной кафедре новый архиепископ, фигурирующий лишь на одной хартии (приведенной выше хартии Танкреда — пизанцам) как «R. Archiepiscopi Mamistensis». См. выше. Вероятно, именно этому латинскому архиепископу и суждено было вернуться в отвоеванную у ромеев Мамистру. Кстати, Б. Гамильтон убедительно доказал, что этого прелата ни в коем случае не стоит отождествлять со знаменитым Раулем Домфроном, который занимал архиепископскую кафедру Мамистры в начале 30-х гг. XII в., а затем стал латинским Патриархом Антиохии. См. Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... с. 2, P. 24—25.

¹⁰⁸⁴ Большая часть нагорной Киликии находилась под властью армянских князей Рубенидов и правивших в западной части Тавра Хетумидов Лампрона.

Уже в 1101 г., после первой кампании Танкреда, Тарс и Лонгиниада были доверены одному из его вассалов — Бернарду Чужаку. В 1110—1111 гг. Танкред не просто разделил киликийские земли между своими вассалами, но создал там великую сеньорию (или княжество) Тарса и Мамистры, которую передал нормандцу Ги де Шеврёлю¹⁰⁸⁵.

Из сохранившихся источников мы знаем лишь о двух франко-нормандских сеньорах Тарса и Мамистры. Первым был Ги де Шеврёль, вторым (вернее — второй) — Сесилия де Бург, сестра Бодуэна де Бурга и вдова князя Рожера Антиохийского¹⁰⁸⁶. «Ги, по прозвищу 'дикий козел', князь городов Тарса и Мамистры» (*Wido cognomine Carpeolus, princeps ciuitatum Tharsis et Mamistre*) упоминается Альбертом Аахенским в его перечне вассалов княжества Антиохийского, откликнувшихся на арьер-бан Танкреда в 1111 г.¹⁰⁸⁷ Готье Канцлер, в свою очередь, пишет о том, что Ги де Шеврёль (*Guido Carpeolus*), совместно с графом Бодуэном II Эдесским, командовал авангардом армии князя Рожера Антиохийского в битве у источников Тель-Данита (14 сентября 1115 г.)¹⁰⁸⁸. Тот факт, что авангард франкского войска был доверен графу Эдесскому и сеньору Тарса и Мамистры, явно говорит о том, что эти феодалы играли ведущую роль среди сирийских франков. Следовательно, можно предположить, что Ги де Шеврёль обладал, за счет киликийских фьефов, достаточным числом собственных рыцарей (вальвассоров), что позволяло ему пользоваться положением, почти равным графу Эдессе¹⁰⁸⁹. К тому же, сиры Тарса и Мамистры были единственными баронами княжества Антиохийского, которые само-

¹⁰⁸⁵ Томас Асбридж выводит связь Ги де Шеврёля с нормандским родом Ле Шеврёль, представители которого ок. 1060 г. переехали в Южную Италию и вошли в число вассалов графа Рожера I Сицилийского. См. Asbridge T. *The Creation of the Principality of Antioch...* с. 6, Р. 166, 173.

¹⁰⁸⁶ Подробнее о Сесилии де Бург, см. Asbridge T. *The Creation of the Principality of Antioch...* Р. 123, 140, 145, 149, 151, 157—158, 165, 167. См. также: Степаненко В.П. Цицилия «Дама Тарса и сестра короля». Равнинная Киликия в составе Антиохийского княжества 1108—1137 гг. // *Византийский временник*. — 1991. — Том 51 (76). — С. 119—123.

¹⁰⁸⁷ Alberti Aquensis. *Op.cit.* — Lib. XI, с. 40, Р. 814.

¹⁰⁸⁸ Galterii Cancellarii. *Op.cit.* — I Bell., art. 6, Р. 93.

¹⁰⁸⁹ На это обстоятельство особое внимание обращает Т. Асбридж в своих комментариях к английскому изданию «Антиохийских войн» Готье Канцлера. См. Asbridge T., Edgington S., ed. & trans. *Walter the Chancellor's The Antiochene Wars. A Translation and Commentary*. — Aldershot, 1999. — Р. 102.

стоятельно издавали хартии и даровали привилегии, получая лишь заочное или последующие подтверждение этих «дарений» со стороны своего сюзерена¹⁰⁹⁰. Это вновь подчеркивает, что «сеньоры Тарса и Мамистры» были не просто баннеретами, но скорее великими сеньорами франкской Сирии, сравнимыми если не с графами Эдесскими, то по крайней — с полунезависимыми графами Мараша.

Из текста сохранившихся хартий сеньоров Тарса можно составить некоторое представление о богатствах Киликии, за которые еще не раз суждено было сразиться антиохийским франкам, ромеям и победившим в этой схватке армянам. Сеньоры Тарса и Мамистры свободно дарили почитаемой палестинской обители касали (деревни) и поставки рыбы из богатых киликийских рыбоводств, и заверяли эти дарения, пользуясь свидетельством своих вассалов, сановников и латинского клира киликийских епархий¹⁰⁹¹. Значение Киликии для сирийских франков в полной мере подчеркивает, в своей хронике, архиепископ Гильом Тирский. Гильом оставляет подробное обоснование франкских прав на киликийские земли и яростно осуждает отвовавшего их в 1137 г. василевса Иоанна II, отмечая, что «вся Киликия, вот уже сорок лет, бесспорно принадлежала князю Антиохийскому»¹⁰⁹². На протяжении XII-XIII вв. антиохийские франки еще не раз будут бороться с ромеями и армянами за право владения богатыми киликийскими землями.

Завоевание Киликии стало последним походом Танкреда против Ромейской державы, последней кампанией в череде норманно-византийских войн, сотрясавших Ближний Восток на протяжении первого десятилетия XII в. Благодаря энергии и полководческим дарованиям Антиохийского князя противостояние с империей в Леванте

¹⁰⁹⁰ Позднее, с 1130-х гг., этой привилегией будут пользоваться и другие великие сеньоры Антиохийского княжества, в частности — княгиня Латакии и Джабалы Алиса и сеньор Валаньи и Маркаба — Рено II де Мазуар. Подробнее о некоторых их хартиях будет сказано ниже, во второй части книги.

¹⁰⁹¹ Хартия Ги де Шеврёля засвидетельствована архиепископом Тарса — Рожером, пятью канониками и четырьмя рыцарями; хартия Сесилии де Бург — пятью ее вассалами. Кроме того, сеньоры Тарса и Мамистры пользовались правом держать собственных сенешалей и собственную канцелярию, на что особое внимание обращает Т. Асбридж. См. Asbridge T. The Creation of the Principality of Antioch... с. 6, Р. 159. Так, в числе свидетелей на хартии Ги де Шеврёля упоминается его сенешаль (dapifer) Санко. См. Chartes de l'Abbaye de Notre-Dame de la Vallée de Josaphat ... — №4, Р. 116.

¹⁰⁹² Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XIV, c. 24., Р. 642.

закончилось убедительной победой нормандцев. Этими успехами Танкред перечеркнул, для антиохийских франков, балканское поражение Бозмунда и условия Девольского мира, которые так никогда и не вступили в силу. Как вспоминала Анна Комнина, господство нормандцев на еще недавно принадлежавших Ромейской империи землях Сирии и Киликии не давало покоя василевсу Алексею, и что он намеревался лично возглавить поход против княжества Антиохийского. Однако члены синклита и военачальники империи отговаривали василевса от этого намерения, и дальше отправки нескольких посольств к франкским государям Заморской земли дело не пошло¹⁰⁹³. На протяжении почти тридцати лет с момента завершения последнего киликийского похода Танкреда (т. е. в 1110—1137 гг.) ни один ромейский воин не пересекал западных рубежей равнинной Киликии.

Последний поход и смерть Танкреда (1112 г.).

Воцарение князя Рожера

В 1112 г. Танкред предпринял попытку завоевать и княжество имперского вассала — Гох Васи́ла. Армия князя Антиохийского razори́ла Раба́н и осадила Кайсу́н, где ее встретили войска князя Васи́ла. Согласно хронике Матфея Эдесского: «граф Антиохии, Танкред, собрал войска и выступил против армянского князя Гох Васи́ла. Он атаковал Раба́н и, после яростного приступа, взял город. Оттуда он двинулся к Кайсу́ну и встал перед городом, на равнине Неркиаг, у Ти́ля. В то же самое время Васи́л собрал 5,000 воинов. Прошло несколько дней, но они (Васи́л и Танкред) не вступали в бой; после этого они заключили мир»¹⁰⁹⁴. В одной из версий армянской хроники Смбата Спарапета можно найти упоминание о том, как Гох Васи́л не только выступил против Танкреда с собственными войсками, но и призвал на помощь сельджуков, что и вынудило Танкреда согласиться на заключение мира¹⁰⁹⁵. По условиям мирного договора, Антиохийский князь покинул Раба́н; Гох Васи́л, в свою очередь, вернул франкам ранее захваченные у них крепости на северных

¹⁰⁹³ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XIV, гл. 2, С. 376—377.

¹⁰⁹⁴ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 209, Р. 280—281.

¹⁰⁹⁵ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad, or of the «Royal Historian»... Р. 63.

границах княжества Антиохийского и Эдесского графства¹⁰⁹⁶. Вряд ли Танкред полностью отказался от завоевания лежавшего к северу от его владений армянского княжества, тем более что в октябре 1112 г. Гох Васил умер, передав власть своему приемному сыну — Тга Василу («Василию Отроку»). Но щедрые дары от нового правителя и его матери, вдовы Гох Васила, удержали Антиохийского князя от повторного нападения на Кайсун¹⁰⁹⁷. К тому же, Антиохийский князь пережил Гох Васила всего на два месяца.

В декабре 1112 г., в возрасте тридцати-шести лет, Танкред умер в столице своего княжества — Антиохии¹⁰⁹⁸. Как об этом писал Альберт Аахенский: «В том же году брат Танкред, правивший в Антиохией, был охвачен тяжелой болезнью и умер примерно в дни Рождества Господа Нашего Иисуса Христа. Его похоронили в базилике блаженного Апостола Петра, и весть о его смерти принесла великую скорбь всем, ближним и дальним»¹⁰⁹⁹. Причиной смерти скорее всего стал тиф или лихорадка, т. к. Альберт Аахенский говорит о тяжелой болезни, а Ибн аль-Каланиси сообщает, что Танкред заболел во время похода против Гох Васила¹¹⁰⁰. Наиболее же распространенными болезнями на Латинском Востоке были лихорадка и тиф. Танкред, вне всякого сомнения, является одной из интереснейших фигур эпохи крестовых походов. Его капеллан Рауль Канский оставил незавершенный труд — «Деяния Танкреда», в которых во всех

¹⁰⁹⁶ Bedrosian R., ed. *The Armenian Chronicle of Sempad, or of the «Royal Historian»...* P. 63. Описание похода Танкреда против Рабана можно найти и в хронике Михаила Сирийца, см. Michel le Syrien. *Op.cit.* — Vol. III, Lib. XV, c. 11, P. 199. Подробнее об этой войне, см. Cahen C. *La Syrie du Nord...* P. 265—266; Runciman S. *A History of the Crusades*. Vol. II. — Book I, c. 6, P. 123; Asbridge T. *The Creation of the Principality of Antioch...* c. 2, P. 67.

¹⁰⁹⁷ По словам Матфея Эдесского: «Танкред получил (...) из дома Гох Васила множество драгоценных даров, огромные суммы денег, парчу, лошадей, мулов (...) диадема жены Васила была отправлена жене Танкреда (Сесилии Капет. — С. Б.». См. Mathieu D'Edesse. *Op.cit.* — с. 209, P. 281.

¹⁰⁹⁸ Согласно хронике Матфея Эдесского, Танкред скончался 5 декабря. Фульхерий Шартрский считает датой смерти 12 декабря; Альберт Аахенский говорит о том, что Танкред умер примерно во время Рождества. Ибн аль-Каланиси называет более раннюю дату — 11 сентября, но, скорее всего, ошибка. См. Mathieu D'Edesse. *Op.cit.* — с. 210, P. 281; Fulcheri Carnotensis. *Op.cit.* — Lib. II, c. 47, P. 562—563; Alberti Aquensis. *Op.cit.* — Lib. XII, c. 8, P. 836; Гибб Г. Указ. соч. — С. 94—95.

¹⁰⁹⁹ Alberti Aquensis. *Op.cit.* — Lib. XII, c. 8, P. 836.

¹¹⁰⁰ Гибб Г. Указ. соч. — С. 94—95.

возможных выражениях восхваляет достоинства своего патрона¹¹⁰¹. Более интересна эпитафия, оставленная Матфеем Эдесским. Армянский хронист именует Танкреда «величайшим из всех верных» и «человеком благочестивым и святым, заботливым и преисполненным милосердия. Он постоянно обращал свое внимание к нуждам и благу христиан, проявляя великое смирение...»¹¹⁰². Похвала Матфея Эдесского дает основание предположить, что Танкред, при всех своих отрицательных качествах, мог завоевать уважение и даже привязанность как со стороны латинских, так и со стороны восточных христиан Сирии.

Вместе с Бодуэном I Иерусалимским и Бодуэном II де Бургом, Танкред вошел в историю и как «отец-основатель» государств Латинского Востока, и как один из первых крестоносцев, которые готовы были, ради собственных прав и владений, яростно воевать с другими христианами. Такие эпизоды, как пленение Раймонда Сен-Жильского (1101 г.), безучастие в выкупе Боэмунда (1101—1103 гг.), и борьба с Бодуэном II де Бургом (1107—1108 гг.) наглядно говорят о том, что Танкред готов был укреплять свое положение, в том числе и за счет своих же соратников по крестовому походу. Среди кампаний, инициированных Танкредом, как минимум шесть были направлены против византийских, армянских и латинских христиан¹¹⁰³. Примечательно, что Танкред на всю жизнь сохранил след именно от боя с христианином — рыцарем Альбери де Гранменилом, с которым он, из-за ссоры, схлестнулся во время осады Антиохии. И как же редко вспоминают о том, что Танкред, этот молодой, амбициозный и безжалостный нормандский завоеватель, до конца жизни хромал, по-

¹¹⁰¹ В защиту Рауля Канского можно сказать лишь то, что его книга отнюдь является не прижизненным панегириком всемогущему нормандскому правителю. Как сам Рауль отмечает в предисловии к «Деяниям...», он приступил к ее написанию лишь после смерти Танкреда, покинув Антиохию и перебравшись в Иерусалим, где начал работу под патронажем своего учителя — Патриарха Арнульфа де Шоке, в скриптории при Храме Гроба Господня. Это позволяет предположить, что образованный нормандский капеллан действительно искренне привязался к Танкреду. См. Radulfo Cadomensis. Op.cit. — Praefatio, P. 603—604.

¹¹⁰² Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 210, P. 282.

¹¹⁰³ Речь идет о двух походах в Киликию (1101, 1110 гг.), двух осадах Латакии (1103, 1108 г.), войны против Бодуэна II Эдесского (1107—1109 гг.), атаке на княжество Гох Васила (1112 г.). Здесь можно было бы вспомнить и о столкновениях Танкреда с графом Бодуэном во время киликийской кампании Первого крестового похода (осенью 1097 г.), однако там Бодуэн и Танкред поочередно нападали друг на друга.

лучив во время этого боя под стенами Антиохии тяжелейшие травмы от руки своего же собрата-крестоносца¹¹⁰⁴! Танкред, вне всякого сомнения, заслужил почетное место среди великих нормандских завоевателей и был достойным наследником своего деда — Гвискара. Благодаря Танкреду княжество Антиохийское достигло своего расцвета, став равноценной частью «нормандского мира», наряду с нормандской Англией и Южной Италией. В рамках данного исследования нельзя не отметить, что ни один другой нормандский завоеватель, кроме Робера Гвискара, не смог отвоевать у Византии и удержать столько же территорий, сколько Танкред в период двух своих правлений в Антиохии. С его именем связан и пик нормандской экспансии на Востоке; именно под его началом, пускай и в краткие периоды, нормандцы стояли в Вифлееме, Иерусалиме, на Фаворе, покоряли Галилею, держали под своей властью Эдессу и Мараш, завоевывали у ромеев Латакию, Мамистру, Адану, Тарс. Как справедливо отмечает Рансимен, «долгая история князей Антиохийских была плодом его (Танкреда) энергии»¹¹⁰⁵.

Танкред умер в расцвете сил, не оставив потомства; его супруга Сесилия была еще девочкой. Бозмунд I Антиохийский умер за год до этого, в Италии. Антиохийский престол и титул князя перешел, согласно воле Танкреда, к еще одному Отвиллю — Рожеру, сыну Ричарда Салернского. При этом Рожер должен был передать престол сыну основателя княжества — Бозмунда, если тот, достигнув совершеннолетия, прибудет на Восток¹¹⁰⁶. Князь Рожер, невзирая на краткость своего правления и трагическую смерть, показал себя достойным преемником Танкреда¹¹⁰⁷. В то же самое время он отнюдь не стремился расши-

¹¹⁰⁴ Историю об этом столкновении и хромоте Танкреда передает Ордрик Виталий — историк, крайне внимательно относившийся ко всему происходящему в «нормандском» мире. См. Orderic Vitalis. Op.cit. — Vol. III, Lib. VIII, c. 28, P. 57.

¹¹⁰⁵ Runciman S. A History of the Crusades. Vol. II. — Book I, c. 6, P. 125—126.

¹¹⁰⁶ Гильом Тирский пишет о том, что «Танкред, на смертном одре, доверил правление Рожеру, с условием, что по требованию Бозмунда или его наследников тот должен будет, не противясь, возвратить его». См. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XII, c. 10, P. 558—559. Однако и о Рожере, и Танкреде следует говорить как о полноценных князьях, а не просто регентах, т. к. оба использовали именно титул «princesps»; Танкред — на хартиях, Рожер — на хартиях и, к тому же, на монетах.

¹¹⁰⁷ Правлению Рожера посвящена книга «Антиохийские войны», написанная его канцлером — Готье. Среди позднейших работ, посвященных третьему нормандскому князю Антиохии, см. Asbridge T., Edgington S., ed. & trans. Walter the Chancellor's *The Antiochene Wars. A Translation and Commentary*. — Aldershot, 1999; Брюн С.П.

рять княжество за счет христианских территорий, сосредоточившись исключительно на войнах с сарацинами. Рожер поддерживал гораздо более дружественные отношения с другими франкскими государями Заморской земли и даже связал себя родственными узами с бывшими противниками Танкреда — графом Бодуэном II Эдесским и Жосленом де Куртенэ¹¹⁰⁸. Что касается дальнейшей войны с Византией, то она уже была фактически невозможна. Танкред расширил северные и западные рубежи княжества до предела, завоевав все византийские владения, которые были в зоне досягаемости франко-нормандцев. Единственным исключением был византийский Кипр, но идея нападения на остров не рассматривалась антиохийскими франками вплоть до правления князя Рено (1153—1160 гг.). Ни Рожер, ни последний нормандский князь Антиохии — Боэмунд II не помышляли о войне с ромеями. Император Алексей I Комнин, как мы уже говорили выше, также не намеревался возобновить борьбу с Антиохийскими князьями; этой же политики достаточно долго придерживался и его сын Иоанн II. В войнах между франкской Антиохией и Византией наступил почти тридцатилетний перерыв (1110—1137 гг.).

Бодуэн II де Бург и франкское завоевание княжества Евфратес

Единственная военная кампания франков, затронувшая положение Ромейской империи на Востоке в этот период (1112—1137 гг.), была инициирована не нормандскими князьями Антиохии, но графом Бодуэном II Эдесским, который завоевал Рабан, Кайсун и все земли, некогда принадлежавшие Гох Василиу (т. н. «княжество Евфратес»). В 1116 г. войска графа Эдесского вторглись в пределы княжества Евфратес и осадили Рабан. Кампания не обещала быть легкой, т. к. войска

Византийские иконы на монетах нормандского правителя сирийской Антиохии. Опыт рецепции византийской иконографии на заре крестовых походов // Культура и цивилизация. — 2013. — №1—2.

¹¹⁰⁸ В начале своего правления, князь Рожер Антиохийский женился на Сесилии де Бург, сестре графа Бодуэна II Эдесского. См. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XI, c. 22, P. 527; Galterii Cancellarii. Op.cit. — II Bell., c. 12, P. 123. Tritton A.S., Gibb. H. The First and Second Crusades from an Anonymous Syriac Chronicle... P. 85. Овдовевший Жослен де Куртенэ, став графом Эдессы в 1118 г., в последний год жизни князя Рожера был помолвлен и венчан с сестрой Антиохийского князя — Марией. См. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XIX, c. 4, P. 889.

нового князя — Тга Василя оказывали стойкое сопротивление, и франки быстро увязли у стен Рабана. Согласно хронике Матфея Эдесского: «Бодуэн, граф Эдессы, начал войну против Тга Василя, великого князя армян. Он выступил со своими войсками против Рабана и осадил город. На протяжении долгого времени он осаждал город, а затем установил надежную блокаду»¹¹⁰⁹. Князь Тга Василь надеялся найти союзников против франков в лице киликийских Рубенидов. Однако когда Тга Василь выехал в Тавр для переговоров со своим тестем — Левонем I, он был захвачен старшим из братьев Рубенидов, Торосом I, который решил сделать ставку на союз с Эдесским графом. Плененный Тга Василь был выдан Бодуэну II де Бургу. По словам Смбата Спарапета, «Василь отправился к своему тестю, Левону, сыну Константина. Торос схватил его и отправил к Бодуэну, который безжалостно пытал его и силой захватил все его земли. Так закончилось правление армян в тех землях»¹¹¹⁰.

Под пыткой армянский князь согласился сдать франкам Рабан и Кайсун. Так прекратило свое существование армянское княжество Евфратес, чьи земли вошли в состав графства Эдесского и, впоследствии, стали частью сеньории (графства) Мараш. Сам Тга Василь, его семья, свита и последователи получили право покинуть земли своего бывшего княжества. По словам Матфея: «Василь вновь отправился к своему тестю, Левону, а оттуда в Константинополь, где греческий император с почестями принял как его самого, так все его войско»¹¹¹¹.

¹¹⁰⁹ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 221—222, Р. 293. Почти идентичное описание можно найти и в хронике Смбата Спарапета, который, очевидно, использовал хронику Матфея Эдесского как источник. См. Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad, or of the «Royal Historian»... Р. 66.

¹¹¹⁰ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad, or of the «Royal Historian»... Р. 66. Аналогичное сообщение можно найти и у писавшего на столетие ранее Матфея Эдесского, который, однако, пишет о том, что Тга Василь вел переговоры о браке с дочерью Левона, а затем, сразу же, именует князя Левона «тестем» Василя. Это само по себе странно, т. к. трудно поверить, чтобы Тга Василь вел переговоры о свадьбе в разгар войны с франками, и, тем более, что Левон I Рубенид готов был бы выдать свою дочь за Василя, после того, как тот лишился своего княжества. В этом отношении версия Смбата более логична. См. Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 223, Р. 293.

¹¹¹¹ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 223, Р. 293; Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad, or of the «Royal Historian»... Р. 66. Историю отбытия Тга Василя в Константинополь достаточно подробно рассматривает Шаландон. См. Chalandon F. Les Comnène; Etudes sur l'Empire byzantin aux XIe et XIIe siècles. Vol. II. Jean II Comnène, 1118—1143, et Manuel I Comnène, 1143—1180. — Paris, 1912. — Р. 101—102.

Этот исход Тга Васи́ла и его сторонников в Константинополь вновь подтверждает связь княжества Евфратес с Ромейской державой. Поэтому Тга Васи́ла — Кокковасилии (патроним, производный от «Гох Васи́ла») остались на службе у ромейских василевсов и заняли свое место среди военно-аристократического сословия комниновской империи¹¹¹². С поглощением княжества Тга Васи́ла завершился процесс франкского завоевания территорий византийской Сирии и Киликии, в т. ч. и армянских княжеств и городов, сохранивших христианское правление со времен Филарета Варажнунни и состоявших в номинальной зависимости от державы ромеев.

II. Прецеденты латинского притеснения восточных христиан на землях Антиохии, Эдессы, Триполи

Нормандцы Антиохии и христиане Востока. Противостояние западных и восточных христиан на ранней стадии франкского правления в Сирии

Отдельной, не менее важной темой в истории столкновений латинских и восточных (в т. ч. византийских, православных) христиан в Сирии являются и периодически возникавшие прецеденты притеснений восточно-христианского населения со стороны франко-нормандских и провансальских государей. Конечно же, в рамках данного исследования, ограниченного темой соприкосновения латинских и византийских христиан, невозможно дать полного описания франкских столкновений с армянами и сиро-яковитами, т. к. они заслуживают отдельного, полноценного рассмотрения¹¹¹³. Нас же, в пер-

¹¹¹² Подробнее см. Каждан А.П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв... С. 42–43. Каждан обращает внимание на то, что Кокковасилии дважды упоминаются в «Краткой истории...» Иоанна Киннама. По словам ромейского историка, Кокковасилии «командовали военными силами и уже давно приняли добровольное подданство василевсу». В другом отрывке, Киннам называет некоего Кокковасилия среди ромейских военачальников, командовавших императорскими войсками в битве с венграми у Сирмиума. Упоминания относятся к 1160 г. и 1167 г. соответственно. См. Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга IV, гл. 24, С. 219; Книга VI, гл. 7, С. 299.

¹¹¹³ К примеру, взаимоотношения антиохийских и эдесских франков с сиро-яковитами посвящены прекрасные работы таких исследователей, как М. Муса и В. Вельтеке. См. Moosa M. Crusades... с. 18 'The Franks and the Syrian Christians'. — P. 657–679; Weltecke D. On the Syriac Orthodox in the Principality of Antioch... — P. 95–124.

вую очередь, интересует то, как латинское господство, и тем более — франко-нормандские войны с ромеями, отразились на положении византийских христиан Леванта. Поэтому мы будем рассматривать либо те прецеденты, которые касались в равной степени всех восточных христиан (без четкого указания конфессии), либо те немногие случаи, когда подобные столкновения почти наверняка касались непосредственно византийских, православных христиан (греков, мелькитов, армян-халкидонитов).

В пределах графства Эдесского византийские христиане (мелькиты, армяне-халкидониты, греки) сильно уступали по численности как мусульманам, так и своим собратьям — миафизитам. Так что если эдесские франки и чувствовали необходимость в карательных акциях против восточно-христианского населения, то они были направлены против армян и сиро-яковитов. Граф Бодуэн II де Бург несколько раз достаточно жестоко преследовал знатных армянских горожан Эдессы¹¹¹⁴; имели место и случаи посягательства эдесских графов на богатства сиро-яковитских монастырей¹¹¹⁵. Совершенно иное положение можно было наблюдать на территории княжества Антиохийского, государи которого были вовлечены в войны с Ромейской державой, в то же самое время держа под своей властью территории, сохранившие большие анклавные греков и мелькитов. Опять же стоит подчеркнуть, что комплексу греко-латинского соприкосновения в сферах церковной, торгово-экономической, культурной жизни будет посвящена фактически вся вторая часть книги. Сейчас же нас интересуют именно прецеденты открытых столкновений между латинскими и византийскими христианами. Конечно же, положение подпавших под франко-нормандское правление восточных христиан оставалось весьма противоречивым. Антиохийские князья и бароны, защищая греческих, сирийских и армянских горожан, купцов, «вилланов» и монахов от сельджукских набегов и разорений, в то же самое время относились к ним исключительно как к подданным, от которых любыми путями следовало добиваться покорности и вы-

¹¹¹⁴ Среди примеров периодических репрессий, вводимых франкскими графами Эдессы против армянского населения, см. Mathieu D'Edesse. *Op.cit.* — с. 199, Р. 268.

¹¹¹⁵ Наиболее известный, фактически беспрецедентный случай — разорение в 1148 г. одной из самых почитаемых сиро-яковитских обителей, монастыря Бар Саумы, войсками графа Жослена II Эдесского. См. Michel le Syrien. *Op.cit.* — Lib. XVII, с. 9, Р. 283—288.

платы податей, и на верность которых отнюдь не приходилось полагаться. Недоверию и ожесточению способствовала и уязвимость едва осевших на Востоке франков, вызванная их малочисленностью среди чуждого по языку и культуре населения.

Во второй главе мы подробно говорили о восстаниях армян, греков и сирийских мелькитов, обратившихся против мусульман и выступивших на стороне франков в годы Первого крестового похода. Но если в начале подобные восстания дали импульс для кратковременного сближения восточных христиан и франков в борьбе с сельджуками, то впоследствии эта демонстрация восточно-христианской готовности к перемене правителей породила настоящую «фобию предательства» среди латинян. Тем более что армяне, греки или мелькиты, охотно встречая франков как освобождающих «паломников», явно не стремились принять их как перманентных правителей. В пределах иерусалимского королевства единственной альтернативой франкскому правлению было установление власти фатимидских халифов или сельджукских эмиров Дамаска. Эта перспектива явно не прельщала византийских христиан Палестины, что делало возможным сближение франков и мелькитов¹¹¹⁶. Но на землях княжества Антиохийского, в первые годы его существования, из-за постоянных войн перед восточно-христианским населением открывались перспективы перехода под правление ромейского василевса, обособленных армянских князей или даже, на худой конец, отдельных сирийских эмиров. И эти перспективы, очевидно, казались все более заманчивыми, по мере того как нормандские князья и бароны про-
являли отрицательные стороны своего правления.

Чтобы лучше понять происходившее на землях византийской Сирии и Киликии на заре XII в., достаточно взглянуть на то, как в предшествующие десятилетия проходило нормандское завоевание и колонизация Южной Италии. Вспомним слова латинского автора XI в. Гвиберта Тульского о том, что нормандцы были как помощники и защитники от чужеземных народов, но затем проявили себя как «жестокие тираны и разорители нашей страны». Эти слова могут быть в равной степени отнесены как

¹¹¹⁶ К примеру, король Бодуэн I переселял в опустевший после истребления мусульман Иерусалим многочисленные семьи мелькитов с восточного берега реки Иордан. См. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XI, c. 27, P. 502.

к итальянским, так и к сирийским землям¹¹¹⁷. Гоффредо Малатерра откровенно пишет о качествах и склонностях нормандцев и их знати. «Они народ коварный, быстрый на мщение, жаждущий обогащения за счет других, а не от родных полей. Они жаждут и алчут богатства и власти; они двуличны и склонны к обману почти во всем. Но между мотовством и алчностью они избирают средний путь. Хотя их князья могут быть избыточно щедрыми, когда ищут народной славы. Они знают, как льстить, и привержены воспитанию красноречия (...) И если их не сдержать под ярмом правосудия, они становятся неуправляемым народом. Когда того требуют обстоятельства, они готовы претерпеть великие труды, голод и холод; но они так же страстно привязаны к охоте и сокольничеству, и они находят величайшую радость в роскошных одеяниях, в искусно сделанных сбруях для своих коней, и в украшении своего оружия»¹¹¹⁸. Данная характеристика имеет особое значение, поскольку основателями Антиохийского княжества стали выходцы из тех самых нормандских семей, о которых пишет Малатерра¹¹¹⁹. Гордость, алчность и жестокость, проявленная нормандцами, вполне естественно вызывала отторжение у местного населения и вынуждала армян, греков и сирийцев лавировать между противоборствующими силами в Леванте, в поисках более выгодной смены правителей.

Мы уже приводили пример, когда сирийские христиане и армяне Апаimei первоначально призвали к городу армию князя

¹¹¹⁷ Хотя сам автор — архидиакон Гвиберт Тульский, соратник Папы Льва IX и автор старейшего его «Жития» — конечно же, говорит не о Сирии, а о нормандском утверждении в Апулии. См. Wiberto archidiacono Tullensis. Leonis IX vita ab ipsius in ecclesia Tullensi archidiacono Wiberto conscripta // Pontificum Romanorum — Vitae. Vol. I. (ed. J.M. Watternich). — Leipzig, 1862. — Lib. II, c. 6, P. 158.

¹¹¹⁸ Gaufredo Malaterra. Op.cit. — Lib. I, c. 3.

¹¹¹⁹ К числу нормандской и итало-нормандской знати, естественно, принадлежали первые князья Антиохии — Бозмунд, Танкред, Рожер и Бозмунд II, а также такие бароны как Ричард Салернский — регент Эдессы и сеньор Мараша, Ги де Шеврёль — князь Тарса и Мамистры, Робер де Сурдеваль, Робер Фиц-Фульк Прокаженный, Робер де Вью-Понт, Робер де Сен-Ло, Ги де Френель, Вильгельм де Отвилль. См. Asbridge T. The Creation of the Principality of Antioch... P. 169—180; Murray A.V. How Norman was the Principality of Antioch? Prolegomena to a Study of the Origins of the Nobility of a Crusader State // Family Trees and the Roots of Politics: The Prosopography of Britain and France from the Tenth to the Twelfth Century. — Woodbridge, 1997. — P. 349—359.

Антиохийского, но затем, смирившись с правлением ассасинов, отказались выступить на стороне нормандцев, чем вызвали ярость Танкреда¹¹²⁰. В высшей степени показательными являются два армянских восстания в сирийской Арте, имевшие место в 1097 и 1104 гг. В 1097 г. армянское население Арты восстало против эмира Яги-Сиана и вырезало сельджукский гарнизон, открыв ворота города подступавшим к Антиохии крестоносцам¹¹²¹. После семи лет нормандского господства армяне Арты вновь восстали — на этот раз против Антиохийского князя, призвав на помощь сельджуков¹¹²². Аналогичное восстание вспыхнуло в 1105—1106 гг. и на дальних, северных рубежах княжества Антиохийского — в Эльбистане, армянское население которого вырезало всех находившихся в городе латинян и признало власть эмира Гази Гюмюштекина¹¹²³. В 1104 г., после разгрома антиохийских и эдесских франков в битве у Харрана, армянское и греческое население Киликии наглядно продемонстрировало свою неверность, восстав против франко-нормандцев и встретив ромейские войска Иоанна Монастры как освободителей. Как писал Рауль Канский: «Когда весть о поражении франков разнеслась по всем городам, Киликия, Сирия и Финикия возликовали; радовались и те, кто был покорен, и те, кто лишь ожидали завоевания. Последние изгнали страх из своих сердец, первые — сбросили ярмо со своих шей. Тарс, Адана и Мамистра вернулись к своему собственному правлению. Они пригласили греков и изгнали наш народ»¹¹²⁴.

О том страхе и недоверии, которое антиохийские франко-нормандцы испытывали перед своими восточно-христианскими подданными, пожалуй, лучше всего написал канцлер Готье. Летом 1119 г., после гибели князя Рожера и его армии в битве на Кровавом Поле,

¹¹²⁰ См. выше. Часть I, гл. 3, С. 100—101.

¹¹²¹ См. выше. Часть I, гл. 2, С. 100.

¹¹²² Описывая это восстание, Рауль Канский с горечью восклицает, что «Арта обратилась против своей матери (т. е. Антиохии. — С. Б.)». См. Radulfo Cadomensis. — с. 154, Р. 714.

¹¹²³ Эдесский хронист сообщает, что более 300 человек погибло в результате этого восстания, вызванного тем, что христианское население города «претерпело многочисленные нападки, бедствия и несправедливость со стороны франкских воинов». См. Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 191, Р. 261—262.

¹¹²⁴ Radulfo Cadomensis. Op.cit. — с. 151, Р. 712. Альберт Аахенский также говорит о том, что Мамистра была сдана ромеям из-за «предательства армян». См. Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. XI, с. 6, Р. 778.

когда тюрки подступили к Антиохии, франки со страхом ожидали измены или открытого восстания со стороны населявших город греческих, сирийских и армянских христиан. По словам Готье: «не было ничего удивительного в том, чтобы антиохийцы (т. е. восточно-христианское население Антиохии. — С. Б.) пожелали отплатить злом за зло (...) ибо некогда наш народ силой и хитростью лишил народ Антиохии их сокровищ и достояния...»¹¹²⁵. Здесь, опять же, история нормандского утверждения в Сирии явно перекликается с предшествовавшей историей нормандского утверждения в Италии. Ощущение уязвимости нормандцев перед лицом измены, восстаний и ненависти восточных христиан, переданное в текстах Рауля Канского и канцлера Готье, поразительным образом перекликается с письмом нормандского аббата Иоанна, из бенедиктинского монастыря Фекан, к Папе Льву IX, относящееся ко временам покорения итальянских земель. «Ненависть итальянцев к нормандцам распространилась по городам Италии и разгорелась до такой степени, что нормандцу невозможно безопасно путешествовать и даже отправиться в благочестивое паломничество, так как на него непременно нападут, ограбят, изобьют, уведут, закуют в цепи, и бросят в мерзкую темницу, где он, терзаемый, вероятно, и испустит дух»¹¹²⁶. Парадоксально, что и в Нормандской Италии, и в Антиохии подобные периоды жестокости и взаимного отторжения отнюдь не препятствовали дальнейшему культурному соприкосновению, и даже продолжавшемуся экономическому процветанию подвластного восточного населения.

Если же говорить о том ущербе, который был нанесен анклавам и общинам именно византийских христиан, т. е. грекам и мелькитам, то создается впечатление, что на ранней стадии нормандского правления в наибольшей степени пострадала Латакия. За десять лет (1098—1108 гг.) город несколько раз переходил из рук в руки; к тому же, Латакия на протяжении четырех лет была разделена между противоборствующими силами ромеев и гарнизоном антиохийского князя (в 1104—1108). Греки и мелькиты Латакии в полной мере испытали

¹¹²⁵ Galterii Cancellarii. Op.cit. — II Bell., с. 8, Р. 114—115. Слова канцлера Готье о хитрости, силе и алчности нормандцев служат прекрасным подтверждением и дополнением приведенному выше описанию Малатерры.

¹¹²⁶ Joannis Abbatis Fiscamnensis. Epistola Joannis I Abbatis Fiscamnensis ad S. Leonem IX // PL. Vol. 143. — Paris, 1882. — с. 797—798.

на себе тяжелую руку нормандцев; герцог Роберт II Нормандский терзал население непосильными поборами, князь Бозмунд I Антиохийский устраивал показательные казни и ослепления защитников Латакии на внешних укреплениях города, Танкред изводил город продолжительными, кровопролитными осадами¹¹²⁷. Рауль Канский, видевший Латакию в 1108—1112 гг. и восхвалявший ее красоту, в то же самое время отмечал и крайне бедственное положение города. По его словам, руины, стены и памятники, «все эти значимые творения, сохранившиеся и по сей день после стольких лет и стольких разорений, свидетельствовали о прошлом Латакии, в противовес ее нынешнему положению, говорили о ее прошлом величии, противопоставляя его нынешним разрушенным остаткам, напоминали о ее некогда многочисленном населении, и невольно сравнивали его с нынешним, заброшенным состоянием»¹¹²⁸. Справедливости ради, стоит отметить, что с окончанием норманно-византийских войн (1108—1110 гг.) подпавшая под власть Антиохийских князей Латакия пережила период восстановления, и, к моменту завоевания Салах-ад-Дином в 1188 г. представляла собой «красивый город, радующий взгляд» и «торговой город, в котором находилось много сокровищ и товаров»¹¹²⁹.

Избиение «греков» в Антиохии (1138 г.)

В 30-х гг. XII в. в пределах франкской Сирии имели место и два прецедента массового избиения восточных христиан (причем и в первом, и, вероятней всего, во втором случае это были византийские христиане, т. е. греки и сирийские мелькиты). Как известно, 1137—1138 гг. ознаменовали возвращение Византии в северные пределы Леванта; франкские государи Сирии, будучи не в силах оказать открытое сопротивление ромеям, принесли оммаж императору Иоанну II Комнину¹¹³⁰. Летом 1138 г. василевс, со своими сыновьями, свитой и частью войск, находился в Антиохии; во время своего пребывания

¹¹²⁷ См. выше. Часть I, гл. 3, С. 100, 101, 102, 103.

¹¹²⁸ Radulfo Cadomensis. Op.cit. — с. 144, Р. 706.

¹¹²⁹ Баха ад-Дин. Указ. соч. — гл. 41, С. 124.

¹¹³⁰ О самом походе императора Иоанна II Комнина и его пребывании в Антиохии будет подробно сказано в следующей главе.

в городе он потребовал от князя Раймонда де Пуатье передать ему цитадель Антиохии, а также предоставить ромейским войскам право беспрепятственного доступа в город. Это требование привело в ужас франков и вызвало доселе невиданное, стихийное восстание латинян Антиохии. Латинское население города, опасаясь, что ромеи, заняв цитадель, подчинят себе весь всю Антиохию, устроило стихийное избиение «греков» — слуг и воинов василевса, а также представителей греческой и мелькитской общин. Согласно хронике Гильома: «граждане, взволнованные слухами (о передаче Антиохии василевсу. — С. Б.), поднялись и бросились на тех, кто им казался виновным. Они раздевали, калечили и отрубали головы сопротивлявшимся и преследовали бежавших. С мечами в руках, они дошли до княжеского дворца, сея увечья и смерть среди тех, кого преследовали»¹¹³¹. Желая прекратить бессмысленное кровопролитие в греческих кварталах Антиохии, император Иоанн II покинул пределы города, отказался вводить свои войска в цитадель и, заручившись повторными клятвами верности князя Раймонда и графа Жослена II Эдесского, отбыл в Малую Азию. Как только угроза о ромейского «поглощения» Антиохии миновала, страсти улеглись и беспорядки в городе прекратились¹¹³².

В манускрипте хроники Гильома Тирского из Британской библиотеки, составленной в 1232—1261 гг. (т. е. еще в период существования княжества Антиохийского и других франкских государств в континентальном Леванте), сохранилась прекрасная миниатюра, отображающая пребывание василевса Иоанна II в Антиохии и, одновременно, греческие погромы на улицах города. Два латинянина (оба с бритыми лицами, одетые на западный манер, один из них — в характерном чепце «кале»), побивают и гонят, держа за волосы, двух греков (восточное происхождение которых выдают их бороды)¹¹³³. Причем миниатюра удивительно точно передает расстановку сил в период этих беспорядков; яростное, открытое сопротивление василевсу оказывают не нобили, смиренно стоящие перед Иоанном II в верхней части композиции, а простые франки, нещадно побивающие греков. Действи-

¹¹³¹ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XV, c. 4, P. 662.

¹¹³² Подробно история пребывания и исхода императора Иоанна II Комнина из Антиохии изложена лишь в хронике Гильома Тирского. См. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XV, c. 3—5, P. 658—665.

¹¹³³ MS Yates Thompson 12, f. 90.

тельно, эта вспышка агрессии против греков, — вне всякого сомнения сыгравшая на руку князю Раймонду, Жослену II и франкским баронам, — была стихийным выражением ярости франкских бюргеров, вилланов, простых воинов (сержантов) и мелкой знати, осевших или уже рожденных в Сирии, не имевших иного дома, кроме Антиохии, и страстно боявшихся потерять этот обретенный в Заморской земле дом¹¹³⁴. Эти чувства латинского населения Антиохии прекрасно передал Гильом Тирский, согласно которому, восстание началось, когда разнесся слух о том, что «город уже передан грекам, что жители должны оставить родные дома и отеческие владения, и покинуть эти земли»¹¹³⁵. Т. е. в данном случае латинская агрессия против греков была вызвана вполне реальной угрозой со стороны ромейского василевса, армия которого стояла у стен Антиохии.

Резня «сириан» в Аль-Куре (1137 г.)

Другая, и намного более жестокая вспышка франкской агрессии против сирийских христиан имела место годом ранее, т. е. в 1137 г., в графстве Триполи. В отличие от княжества Антиохийского, это государство крестоносцев не только никогда не воевало с ромеями, но, напротив, было основано при активной поддержке Византии и содействии местного христианского населения¹¹³⁶. И прецедент, о котором пойдет речь, отнюдь не был связан с какой-либо действительной угрозой со стороны Ромейской империи. Весной 1137 г. на земли графства Триполи вторгся аскар Дамасского эмирата, под началом мамлюка Базавы. Вторжение и стремительный выход сельджуков в западные, приморские области графства застал франков врасплох. Собрав тех рыцарей и конных сержантов, которые были под рукой, граф Понс Триполийский, совместно со своим сыном — Раймондом II и епископом Триполи Жераром, выступил против сарацин. Столкновение про-

¹¹³⁴ Арабский хронист Аль-Азими, единственный средневековый автор, кроме Гильома, который оставил описание антиохийских беспорядков 1138 г., говорит о том, что «князь (Раймонд. — С. Б.) готов был сдать город малику румов, но его остановило ополчение горожан». Цитата приводится по французскому переводу данного фрагмента К. Казном. См. Cahen C. La Syrie du Nord... P. 363, п. 14.

¹¹³⁵ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XV, с. 4, P. 662.

¹¹³⁶ О роли Византии в основании графства Триполи см. Часть I, гл. 4, С. 100—110.

изошло в области Аль-Кура, между Триполи и Ботроном (Батруном); отряд графа Понса был окружен и перебит превосходящими силами Базавы. Часть триполийских рыцарей, во главе с молодым Раймондом II, смогла вырваться из окружения; плененный тюрками епископ Жерар смог в последний момент откупиться, выдав себя за простого рыцаря. Между тем, отбившийся от соратников Понс вынужден был в одиночестве бежать и искать убежища в близлежащей христианской деревне. Однако населявшие ее «сириане» предали своего государя и выдали его войскам Базавы. Граф Понс был быстро доставлен в Дамаск и предан казни на одной из площадей города¹¹³⁷.

Это предательство вызвало ярость вступившего на отцовский престол Раймонда II. По словам Гильома Тирского: «После смерти своего отца Раймонд возглавил остатки войск и ополчения, собрал сильную армию и повел ее в высокогорья Ливана, желая отомстить всем „мужам крови“ (т. е. „сиринам“. — С. Б.), которых он считал виновными в отцовской смерти, а также их женам и детям. Толпы захваченных и порабощенных согнали в Триполи, где в присутствии графа их подвергли различным наказаниям и жесточайшей казни, в отместку за погибших»¹¹³⁸. Остается вопрос — кем были те самые «мужья крови», те ливанские христиане, которые предали графа Понса и поселения которых разорил граф Раймонд II? Гильом Тирский пишет о них как о «сирианах» (Sugianis), но как мы знаем, под это латинское определение могли подпадать все сиро- и арабоязычные христиане. Двумя наиболее многочисленными христианскими конфессиями Ливана являются марониты и мелькиты. Если же учесть, что, согласно Ибн аль-Каланиси, столкновение между войсками графа Понса и аскаром Базавы произошло на землях Аль-Куры, т. е. местности, которая и по сей день остается крупнейшим православным анклавом Ливана, то «мужьями крови» и «сирианами», которых так жестокого покарал граф Раймонд II, вполне могли быть мелькиты.

С именем графа Раймонда II Триполийского связан и еще один случай латинского избиения восточного (в том числе — восточно-христианского) населения. Летом 1152 г. граф Раймонд II был убит

¹¹³⁷ Вторжение Базавы в пределы графства Триполи, битва в Аль-Куре и последующая гибель преданного сирианами графа Понса описана в хрониках Гильома Тирского и Ибн аль-Каланиси (правда, дамаский хронист умалчивает о пленении и казни графа). См. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XIV, c. 23, P. 630; Гибб Г. Указ. соч. — С. 172—173.

¹¹³⁸ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XIV, c. 23, P. 630.

ассасинами у ворот своей столицы — Триполи, став первым знатным латинянином, павшим жертвой этой восточной секты. Когда весть о гибели Раймонда II разнеслась по городу, среди франкских жителей и находившихся в Триполи пилигримов поднялась волна яростного негодования. Франки, провансальцы и итальянцы начали бессмысленное массовое избиение восточного — христианского, мусульманское и еврейского — населения. По словам Гильома Тирского: «Город был потрясен смертью графа, и народ схватился за оружие; горожане, совместно с пришедшими из-за моря пилигримами, бросались на каждого, кто отличался (от франков) по одежде или мышлению, желая найти сикария, совершившего убийство. Нанося бесчисленные удары мечами, они сеяли смерть среди всех без какого-либо разбора»¹¹³⁹.

Резня сирийских христиан в Аль-Куре (1137 г.) и погромы греков в Антиохии (1138 г.) являют собой наиболее мрачные стороны латинского «соприкосновения» с христианами Сирии и наглядно свидетельствуют о том, что франки, доведенные до крайности и чувствуя угрозу своему положению, могли с легкостью поднять мечи против своих восточно-христианских подданных. Причем, не стоит считать эти вспышки агрессии делом рук чуждых завоевателей, едва осевших в Леванте. Среди антиохийских и триполийских франков, избивавших восточных христиан в Аль-Куре, Антиохии или Триполи, многие, в том числе и сам граф Раймонд II, принадлежали к поколениям, рожденным в «Заморской земле». Это имеет особое значение в свете продолжающихся исследований самого феномена «заморских» франков, их культуры, восприятия Востока и их предрасположенности к толерантности.

III. Последние походы антиохийских и триполийских франков на ромейские земли Киликии и Кипра

Война князя Раймонда Антиохийского за равнинную Киликию (1143—1144 гг.)

В то же самое время, в 1140—1160-х гг., после более чем двадцатилетнего перерыва, возобновились попытки сирийских франков обогатиться за счет поглощения или разорения восточных провинций Ромейской империи. В 1143 г., в результате непреднамеренного

¹¹³⁹ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVII, c. 19, P. 791.

отравления, умер император Иоанн II Комнин. За семь лет до этого он отвоевал у армян и франков Киликию, и с тех пор дважды совершал походы к Антиохии¹¹⁴⁰. Как мы уже говорили выше, равнинная Киликия была важнейшей частью владений антиохийских франков. В 1132 г. ослабевшее княжество, потеряв двух своих государей и множество рыцарей в катастрофических сражениях с тюрками, утратило контроль над равнинной Киликией, которая перешла к обратившемуся против антиохийских нормандцев Левону I Рубениду. Взойдя на антиохийский престол в 1136 г., князь Раймонд де Пуатье попытался отбить утраченную франками Киликию у Рубенидов. Война шла с переменным успехом, но экспансия Иоанна II Комнина в Левант положила конец Левону и самому княжеству Рубенидов (возродившемуся лишь после 1144 г.); Киликия, со всеми ее городами и ресурсами, вновь стала частью Ромейской державы и плацдармом для дальнейшей ромейской экспансии в Сирию. С тех пор Иоанн II Комнин дважды приводил свои армии к Антиохии. Весть о смерти василевса предоставила антиохийским франкам надежду отбить Киликию у ромеев.

Еще в Мамистре, когда молодой василевс Мануил I Комнин снаряжал похоронный кортеж для своего отца и готовился вести армию обратно к Босфору, к нему прибыли послы от князя Раймонда с требованиями оставить Киликию и сдать ее антиохийцам¹¹⁴¹. Мануил ответил отказом, но, в то же время, он не мог начать войну с Раймондом, поскольку ему необходимо было срочно отбыть в Константинополь для похорон отца и собственного венчания на царство. Когда императорская армия ушла вглубь Малой Азии, антиохийские франки, во главе с князем Раймондом, вторглись на земли равнинной Киликии. Подробности этой кампании, упоминаемой лишь Иоанном Киннамом, неизвестны¹¹⁴². Киннам говорит о том, что василевсу Мануилу пришлось снаряжать поход, чтобы отбить у антиохийских франков захваченные ими крепости в Киликии. Из этой «обмолвки» византийского историка можно сделать вывод, что князь Раймонд смог разорить

¹¹⁴⁰ Подробнее, см. ниже. Часть I, гл. 4, С. 100—120.

¹¹⁴¹ По словам Киннама, послы антиохийского князя «просили возвратить им землю, которая, по словам их, принадлежит Антиохии, тогда как ею насильно, вовсе не по праву, завладели римляне». См. Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга II, гл. 1, С. 29.

¹¹⁴² Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга II, гл. 1—3, С. 28—36.

земли Киликии и выбить ромейские гарнизоны, по крайней мере, из восточной части Киликийской равнины, т. е. из Мамистры и Аданы. Но уже в следующем, 1144 г., новый василевс направил в Левант армию, под ударами которой франки должны были не только оставить Киликию, но и оборонять саму Антиохию¹¹⁴³.

Кипрский рейд князя Рено де Шатильона (1156 г.)

Намного более разрушительным и ощутимым ударом по византийскому Востоку стало разорение Кипра, инициированное в 1156 г. преемником князя Раймонда — Рено де Шатильоном. Истоки этого конфликта крылись в неудачном, сорвавшемся соглашении между ромейским императором Мануилом I Комниным и князем Рено¹¹⁴⁴. Порвав с Ромейской державой и заключив союз с киликийским князем Торосом II, Рено приступил к сбору средств, войск и строительству флота. В 1156 г. построенные и нанятые антиохийским князем корабли, погрузив войска, вышли из гаваней Латакии, Джабалы и Св. Симеона и взяли курс на Кипр. Вскоре объединенная армия антиохийских франков и киликийских армян, во главе с князем Рено и Торосом II, высадилась на восточном побережье острова. Вторжение, очевидно, шло именно с востока, со стороны залива Амохостос. Во-первых, этот залив находится на прямом курсе от Латакии и Джабалы, в то время как северное побережье Кипра, огражденное хребтом Кирении, совершенно не подходит для быстрого продвижения вглубь острова. Во-вторых, именно со стороны Амохостоса открывается наиболее легкий путь к Никосии, уже тогда бывшей столицей Кипра. В то же самое время, со слов Киннама известно, что Никосия еще в начале кипрского рейда пала перед армией князя Рено де Шатильона¹¹⁴⁵.

Дука Кипра, племянник василевса Мануила, Иоанн Комнин, либо находился в другой части острова, либо бежал из города. Ромеи же, под началом стратига Михаила Враны, собирались с силами на юге (вероятно — между Лимасолом и Ларнакой). Казалось, что, невзирая на потерю Никосии, вторжение могло закончиться поражением

¹¹⁴³ Подробнее, см. ниже. Часть I, гл. 4, С. 100—105.

¹¹⁴⁴ Подробнее, см. ниже. Часть I, гл. 5, С. 100—105.

¹¹⁴⁵ Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга IV, гл. 17, С. 195—196.

князей Рено и Тороса. Войска ромеев, собранные Михаилом Враной и Иоанном Комниным, разбили зарвавшихся франков и армян, которые стали быстро отступать к Никосии. Однако на подступах к городу князь Рено смог привести в порядок свою армию и наголову разбить ромеев; при этом, и Михаил Врана, и дукс Иоанн Комнин попали в плен к Антиохийскому князю¹¹⁴⁶. Как писал в своей хронике архиепископ Гильом Тирский, «Жители Кипра были предупреждены нашими гонцами (т. е. гонцами иерусалимского короля. — С. Б.), и благодаря этому смогли стянуть силы со всего острова. Но гордый князь Рено разбил их армию и рассеял их воинов, так что никто более не смел поднять против него руки»¹¹⁴⁷.

С разгромом ромейских войск началось планомерное разорение острова. «С этого момента толпы осиротевших детей вынуждены были блуждать по острову, города были разорены, святые монастыри (как мужские, так и женские) — разграблены. Монахинь и нежных дев забирали для забав; среди добычи было золото, серебро и бесчисленные драгоценные ткани (...) На протяжении нескольких дней войска князя продвигались вглубь острова, до тех пор, пока там не осталось никого, кто мог бы оказать сопротивления; они убивали всех, невзирая ни на возраст, ни на пол, ни на состояние. В конце концов, собрав награбленную добычу, бесчисленную и состоявшую из всего, что можно только вообразить, они отошли к побережью и, сев на корабли, отплыли в пределы княжества Антиохийского»¹¹⁴⁸. Армянские хронисты — Григорий Пресвитер и Смбат Спарпет оставляют не менее страшные описания кипрского опустошения, считая его инициатором не Рено де Шатильона, а именно князя Тороса Рубенида. Автор продолжения хроники Матфея Эдесского Григорий Пресвитер писал, что франкские и армянские войска, «застав жителей врасплох и без всяких средств к защите, отнеслись к ним как неверным, разоряя их города и деревни, лишая домов, присваивая их богатства и жестоко терзая греческих клириков, которым отрезали носы и уши»¹¹⁴⁹. Смбат, почти дословно повторяя описания Григория, добавляет, что франки и армяне «отрезали руки, ноги и носы многим знатым

¹¹⁴⁶ Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга IV, гл. 17, С. 195—196.

¹¹⁴⁷ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVIII, c. 10, P. 835.

¹¹⁴⁸ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVIII, c. 10, P. 835.

¹¹⁴⁹ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — c. 273, P. 353—354.

мужам и клирикам, и оставив их в таком положении, покинули остров»¹¹⁵⁰. Причем стоит обратить внимание на то, что Смбат отнюдь не осуждает Тороса II и Рено за эти деяния, а перечисляет даже поругание и пытки греческого клира в числе подвигов «бесстрашного Тороса II», поясняя, что он мстил ромеям за пленение своей семьи и смерть своего отца — Левона I (умершего в ромейском плену, в Константинополе)¹¹⁵¹. Дополнительное описание кипрского рейда можно найти и у сирийских (сиро-яковитских) хронистов: «князь, правитель Антиохии, вторгся на Кипр и разорил его дотла; мужчин, овец, волов, лошадей и все богатства. Всех пленников согнали к побережью, где пообещали киприотам выкупить свою свободу и свой скот в обмен на золото. Так франки и оставили их, собрав все сокровища. Они также забрали с собой в Антиохии и всех епископов, архимандритов и знатных мужей»¹¹⁵², в качестве заложников, покуда все золото не было выплачено»¹¹⁵³.

Кипрский рейд князя Рено де Шатильона — событие уникальное как для военной истории Латинского Востока, так и для греко-латинского соприкосновения в Леванте. Рено стал тем государем, который впервые открыл перед сирийскими франками, да и перед всем латинским миром, перспективу нападения на богатый византийский остров, лежавший в отдалении от других провинций империи. Подобную идею не дерзнули осуществить даже нормандские предшественники Рено на престоле Антиохии, в разгар их войн с Византией. Между тем, именно Кипру, завоеванному в конце XII в. крестоносцами короля Ричарда I Львиное Сердце, суждено было пережить все

¹¹⁵⁰ Bedrosian R., ed. *The Armenian Chronicle of Sempad, or of the «Royal Historian»*... P. 79—80.

¹¹⁵¹ «Торос поступил так потому, что его невинного отца, вместе с самим Торосом, его братом Стефаном, его матерью и сестрами, отправили, в цепях, в Константинополь». См. Bedrosian R., ed. *The Armenian Chronicle of Sempad, or of the «Royal Historian»*... P. 80. Пленением и отправкой Левона I Рубенида и его семьи в Константинополь завершилась киликийская кампания императора Иоанна II Комнина (1137 г.). Кстати говоря, Смбат допускает ошибку — пленным и убитым в Константинополе братом Тороса II был Рубен, а не Стефан. Подробнее см. ниже: Часть I, гл. 5, С. 100—105.

¹¹⁵² Среди пленников, доставленных в Антиохию, безусловно были дукка Иоанн Кинам и Михаил Врана, но неизвестно, был ли среди плененных архиереев предстоятель Кипрской Церкви — архиепископ Иоанн II Критянин.

¹¹⁵³ Michel le Syrien. *Op.cit.* — Vol. III, Lib. XVIII, с. 5, P. 315. Это же сообщение, слово в слово, повторяет в своей «Хронографии» и Бар Эбрей. См. Bar Hebraeus. *Chronography*... — P. 326.

прочие латинские владения в Леванте и оставаться оплотом латинян вплоть до XVI в. Более того, для этого похода Рено прибегнул к строительству собственного флота. Вспомним слова Киннама о том, что для этой кампании Рено «понастроил кораблей». Подобная инициатива была исключительной редкостью для франкских государей Заморской земли, которые предпочитали пользоваться услугами и кораблями итальянских торговых республик. Строительство флота, спланированная высадка, стремительный захват столичной Никосии, как минимум два масштабных сражения с императорскими войсками и полный разгром ромеев — все это дает полное основание считать, что кипрский рейд князя Рено де Шатильона представляет собой сложную, тщательно продуманную и крайне значимую военную операцию, а не просто стихийное, разбойное нападение «барона с большой дороги».

Но, одновременно, это и наиболее масштабный и разрушительный акт латинской агрессии против византийских христиан Ближнего Востока, в сравнении с которым меркнут и резня в Аль-Куре, и погромы в Антиохии, и ожесточенный период норманно-византийских войн. Нельзя не отметить, что разорение Кипра — это великое «деяние» антиохийских франков — осуждалось многими латинскими христианами уже в XII в., причем даже франками соседнего, иерусалимского королевства. Как свидетельствует Гильом Тирский, король Бодуэн III Иерусалимский, узнавший о приготовлениях князя Рено, даже направил на Кипр гонцов, дабы предупредить дуку Иоанна Комнина о готовившемся вторжении. Для латинского архиепископа-хрониста кипрский рейд князя Рено это, прежде всего, «преступление» (*flagitium*), «злодеяние» (*maleficium*) и «отвратительное вторжение» (*abominandae invasionis*), лишенное какой-либо воинской доблести или героизма, тем более — пафоса «вооруженного паломничества» и «священной войны». В то же самое время, византийский Кипр описан как «остров, населенный верными, который приносил немало пользы нашему (т. е. иерусалимскому. — С. Б.) королевству и всегда был нашим другом»¹¹⁵⁴. Очевидно что Гильом, как латинский архиепископ Тира и канцлер Иерусалимского королевства, отражал точку зрения значительной части «заморских» франков.

¹¹⁵⁴ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVIII, c. 10, P. 834.

Кипрский рейд графа Раймонда III Триполийского (1162 г.)

Спустя шесть лет, в 1162 г., земли Кипра были повторно разорены другим франкским государем Сирии — графом Раймондом III Триполийским¹¹⁵⁵. У Раймонда III, как и у князя Рено де Шатильона, были личные счеты с императором Мануилом I Комниным. Если в случае с Рено василевс не пожелал своевременно оплачивать военные расходы антиохийского князя, то на этот раз причиной конфликта стал разрыв помолвки Мануила с сестрой графа Раймонда III — Мелисандой Триполийской, которая была отвергнута «словно дочь простолюдина»¹¹⁵⁶. Оскорбленный василевсом граф Раймонд III снарядил собственную флотилию, созвал триполийских рыцарей и атаковал побережье Кипра. Согласно той же хронике Гильома Тирского, Раймонд «вооружил команды кораблей, призвал пиратов и прочих мастеров, способных на самые страшные преступления, и отдал приказ атаковать земли императора. Собрав большое число войск, они уничтожали все на своем пути, убивая и не разбирая возраста и пола, разоряя и не останавливаясь даже перед церквями и монастырями; все поглощал огонь, всюду творилось насилие, и убийства совершались свободно, без всякого разбора»¹¹⁵⁷. Причем латинский хронист резко разделяет, в своей нравственной оценке, кипрские рейды графа Раймонда III и князя Рено. Честно описывая все злодеяния, свершенные франками, Гильом все же отмечает, что у этой войны был «справедливый повод» (*justa causa*) — месть Раймонда III за оскорбленную честь сестры. Кипрский рейд графа Раймонда III Триполийского стал последней крупномасштабной атакой сирийских франков на восточные провинции Византии. Хотя и впоследствии антиохийские и триполийские рыцари, во главе со своими князьями, возвращались на Кипр.

¹¹⁵⁵ Сыном графа Раймонда II, учинившего избиение христиан в Аль-Куре и показательные казни «сириан» в Триполи в 1137 г.

¹¹⁵⁶ «*tanquam gregarii alicujus filiam*» — выражение Гильома Тирского. См. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVIII, с. 33, Р. 878. Подробнее о помолвке ромейского василевса и триполийской принцессы, ее расторжении и последствиях, см. Брюн С.П. Забытая трагедия Принцессы Грезы // Театр. Живопись. Кино. Музыка. Альманах. — 2012. — №4. — С. 184—191.

¹¹⁵⁷ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVIII, с. 33, Р. 878.

**Участие антиохийских и триполийских франков
в завоевании Кипра (1191 г.)**

В мае 1191 г. князь Боэмунд III Антиохийский, совместно с другими государями Заморской земли и в сопровождении своих сыновей — Раймонда и Боэмунда IV, графа Триполи — прибыл на Кипр, чтобы встретиться с королем Ричардом I Львиное Сердце и оказать ему поддержку в его войне с самопровозглашенным императором Исааком Комнинным. Согласно английскому хронисту Рожеру Ховеденскому, «к королю Англии, на остров Кипр, прибыл Ги, король Иерусалимский, брат его Жоффруа де Лузиньян, Онфри де Торон, Боэмунд¹¹⁵⁸, князь Антиохии и Боэмунд, сын его, граф Триполи, и Лев, брат Рубена — властителя гор; они предложили королю свое служение, принесли ему оммаж и клятвы верности против всех врагов»¹¹⁵⁹. Баха ад-Дин упоминает, что на подмогу королю Ричарду на Кипр прибыло 160 рыцарей из Сирии и Палестины, принявших участие в последующем завоевании острова¹¹⁶⁰. Переговоры и принесение василевсом Исааком Комнинным оммажа королю Ричарду I в Лимассоле также проходило «в присутствии короля Иерусалимского и князя Антиохийского»¹¹⁶¹. Когда «император Кипра» отказался соблюдать условия договора и бежал, со своими последователями, из стана короля Англии, Ричард I Львиное Сердце «поручил часть своей армии Ги и князю Антиохии, и другим, прибывшим к нему, и приказал им преследовать императора и пленить его»¹¹⁶².

¹¹⁵⁸ В тексте Рожер Ховеденский постоянно допускает ошибку и именует князя Боэмунда III — «Раймондом». Вероятно, он ошибочно отождествляет князя Боэмунда III с его старшим сыном — Раймондом (или же, что менее вероятно, с его отцом — князем Раймондом де Пуатье).

¹¹⁵⁹ Roger de Hoveden. The Annals of Roger de Hoveden. — London, 1853. — Vol. II, P. 202. Сходное описание Рожер приводит и в своих «Деяниях короля Генриха II и короля Ричарда». См. Gesta Regis Henrici Secundi et Regis Ricardi I. Vol. II. — London, 1867. — P. 165. Во время издания этой книги ошибочно еще приписывались Бенедикту, аббату Питерборо, а не Рожеру из Ховедена.

¹¹⁶⁰ Баха ад-Дин. Указ. соч. — гл. 98, С. 242.

¹¹⁶¹ Roger de Hoveden. Op.cit. — Vol. II, P. 203; Gesta Regis Henrici Secundi et Regis Ricardi... — P. 165.

¹¹⁶² Roger de Hoveden. Op.cit. — Vol. II, P. 203.

В то время, как король Ги де Лузиньян и князь Боэмунд III (со своим сыном графом Триполи) вели войска англо-французских крестоносцев через горы Троодоса, Ричард, посадив свои войска на корабли, обогнул южное побережье и высадился в заливе Фамагусты. Там вновь все силы крестоносцев были объединены, поскольку Исаак все же смог оторваться от преследования королем Ги и князем Боэмундом III и укрепиться на севере острова. После битвы у Треметусы, где ромейские и армянские войска Исаака вновь были разгромлены, король Англии занял и северное побережье — с Никосией и Киринеей. В итоге, Исаак Комнин был окружен и принужден к сдаче на мысе Св. Андрея — самой северо-восточной части Карпасского полуострова. Латинские хронисты единогласно повторяют историю о том, как Исаак сдался лишь с условием, что он не будет закован в железные оковы, и хитроумный король Ричард I Львиное Сердце велел изготовить для плененного «императора Кипра» цепи из золота и серебра¹¹⁶³. Византийский Кипр был завоеван крестоносцами меньше чем за месяц. Боэмунд III Антиохийский и его сыновья оставались на Кипре вплоть до полного завоевания острова крестоносцами, отплыв в Сирию вместе с королем Ричардом. Как повествует Рожер Ховеденский: «король Англии отплыл с Кипра, сев на свои галеры и взяв с собой короля Иерусалимского, князя Антиохийского, графа Триполи и всех прочих князей, которые прибыли к нему на Кипр»¹¹⁶⁴. Плененный «император Кипра», василевс Исаак Комнин, со своей семьей был доставлен в Триполи. Последующие несколько лет он провел в пределах княжества Антиохийского, где ему уже довелось находиться в плену в 1182—1184 гг. На этот раз его держали, как узника, в замке госпитальеров в Маркабе¹¹⁶⁵.

Сформированному к концу XII в. Кипрскому королевству суждено было пережить все прочие франкские государства Заморской земли;

¹¹⁶³ Roger de Hoveden. Op.cit. — Vol. II, P. 203; Gesta Regis Henrici Secundi et Regis Ricardi... — P. 168—169; Itinerarium Peregrinorum et Gesta Regis Ricardi... P. 203; Ambroise. Op.cit. — P. 51—57 (полное описание завоевания); L'Estoire Eracles... P. 168—169.

¹¹⁶⁴ Gesta Regis Henrici Secundi et Regis Ricardi I. Vol. II. — P. 168.

¹¹⁶⁵ В итоге, Исаак был отпущен на свободу к 1195 г., после чего отбыл в Малую Азию — ко двору Румского султана Кей-Хосрова I. Ок. 1196 г. Исаак погиб во время неудачного выступления против императора Алексея III Ангела; он был отравлен по приказу ромейского василевса. Подробнее об Исааке Комнине см. Rüdtt-Collenberg W.H. L'empereur Isaac de Chypre et sa fille (1155—1207) // Byzantion. — 1968. — №38. — P. 123—177.

королевство просуществовало вплоть до 1489 г., после чего еще почти столетие Кипр оставался владением «Светлейшей республики Св. Марка» (до османского завоевания 1570—1571 гг.). Здесь нельзя вновь не отметить, что первые масштабные военные экспедиции против византийского острова были инициированы именно сирийскими франками — князем Рено Антиохийским и графом Раймондом III Триполийским. Участие князя Боэмунда III Антиохийского и графа Боэмунда IV Триполийского в завоевании острова крестоносцами Третьего похода практически не удостоивается серьезного рассмотрения или даже эпизодического упоминания. В 1226 г. Боэмунд IV Одноглазый — теперь уже князь Антиохии и граф Триполи привел на Кипр шестьдесят своих рыцарей и контингент пеших воинов, чтобы принять участие в войне священно-римского императора Фридриха II Гогенштауфена против партии Ибелинов¹¹⁶⁶. Однако этот последний поход антиохийских и триполийских франков на Кипр уже не имел отношения к войнам с ромеями, а относился к латинским междоусобицам, потрясавшим государства Заморской земли в XIII в. Между тем, с 1267 г. и вплоть до 1473 г. на королевский престол Кипра восходили прямые потомки Антиохийского княжеского дома — династии Лузиньян-Пуатье, утвержденной внуком Боэмунда IV — королем Гуго III¹¹⁶⁷.

Итак, столь пространное и подробное описание походов сирийских франков на восточные провинции Византии вполне естественно приводит нас к теме ответных, византийских вторжений в пределы княжества Антиохийского и графства Эдессы, и об отношении трех великих императоров династии Комнинов (Алексея I, Иоанна II и Мануила I) к утверждению франко-нормандцев и провансальцев на некогда принадлежавших империи сирийских землях.

¹¹⁶⁶ Les gestes des Chiprois. — Geneva, 1887. — с. 130, Р. 45—46.

¹¹⁶⁷ Гуго III был сыном Генриха Антиохийского — младшего сына князя Боэмунда IV Одноглазого, женившегося на Изабелле де Лузиньян. Гуго III наследовал своему двоюродному брату — Гуго II, прямому и бездетному потомку «чистых» Лузиньянов и первых королей Кипра. Соединенная династия потомков Антиохийских князей и королей Кипра правила островным королевством вплоть до 1473 г., даты кончины Жака II де Лузиньяна.

Глава V

Император Алексей I Комнин и франкские государства в Сирии

I. Алексей I Комнин и франки

Войны и контакты Алексея I Комнина с латинянами до Первого крестового похода (1074—1097 гг.)

Из трех великих императоров династии Комнинов Алексею I (1085—1118 гг.) первому пришлось столкнуться как с самим феноменом «крестовых походов», так и со становлением франкских государств и латинских патриархатов на Ближнем Востоке. И здесь следует отметить, что из всех василевсов, восходивших на ромейский престол в XI в., Алексей I Комнин был, пожалуй, в наибольшей степени подготовлен к диалогу с «латинянами» и лучше других ромеев знал нравы западного рыцарства. Многие годы он провел, сражаясь с франками — имея их и в качестве противников, и в качестве соратников. Для самого василевса, как и для всей Ромейской державы, настоящей «школой» взаимоотношений с латинянами и борьбы с ними стали вторжения на Балканы армий герцога Робера Гвискара (1081—1085 гг.) и князя Боэмунда I Антиохийского (1107—1108 гг.). Но не следует забывать, что самой первой самостоятельной кампанией, выпавшей на долю Алексея Комнина, стал поход против восставших франко-нормандских наемников Русселя де Баёлля, захвативших части византийской Галатии и Вифинии (1076 г.)¹¹⁶⁸.

¹¹⁶⁸ Эта кампания подробно описана зятем Алексея I Комнина — кесарем Никифором Вриеннием Младшим, а также дочерью василевса — Анной Комниной. См. Никифор Вриенний. Указ. соч. — Книга II, гл. 19—25, С. 266—272; Анна Комнина. Указ. соч. — Книга I, гл. 1—3, С. 57—61. О самом восстании Русселя де Баёлля см. выше: Часть I, гл. 1, С. 100—105.

Фактически, на плечи молодого стратига была возложена тяжелая задача подавления первой серьезной попытки франков создать свое государство на землях византийского Востока. И здесь стоит обратить внимание на то, что, подавив восстание, Алексей Комнин отказался ослеплять Русселя, устроив лишь показательную симуляцию казни; более того, впоследствии он завязал дружбу с прославленным франко-нормандцем¹¹⁶⁹. Зимой 1077 г. Алексей Комнин и Руссель де Баёлль вместе вели войска, разгромившие армию осаждавшего Константинополь Иоанна Вриенния¹¹⁷⁰.

В последующих своих кампаниях Алексей Комнин, возведенный в сан великого доместика схол Запада, постоянно рассчитывал, в том числе, и на свою франкскую кавалерию. Наемники франко-нормандцы сражались часто под непосредственным командованием доместика Алексея, во время его походов против претендентов на императорский престол — Никифора Вриенния и Никифора Васибеки (в 1078—1079 гг.)¹¹⁷¹. Став василевсом, Алексей I Комнин продолжил поддерживать и нанимать контингенты франко-нормандской кавалерии, которая принимала участие во всех его кампаниях — против тюрок в Малой Азии, против печенегов в Европе, и даже против нормандцев Гвискара и Бозмунда. Пребывание франкских наемников в стане императора Алексея I Комнина отмечали и латинские хронисты. К примеру, Альберт Аахенский пишет о том, что ромейское войско, выступившее против крестоносцев Бозмунда (в 1107—1108 гг.), составляли, в том числе, и франки — «галльские чужеземцы, которые воевали за императора как наемники»¹¹⁷².

В 1087 г. или в 1089 г. в Константинополе, возвращаясь из паломничества в Иерусалим, остановился граф Фландрии — Робер I¹¹⁷³. Он принес оммаж и обещал, по возвращении на родину, прислать Алексею I Комнину 500 рыцарей и конных сержантов¹¹⁷⁴. Конечно же, ни один

¹¹⁶⁹ Никифор Вриенний. Указ. соч. — Книга II, гл. 24; Анна Комнина. Указ. соч. — Книга I, гл. 3, С. 60—61.

¹¹⁷⁰ Об этом достаточно подробно пишет Михаил Агталиат, см. Michaelis Attaliotae. Historia // CSHB. — Bonn, 1853. — P. 288—289.

¹¹⁷¹ О присутствии франков (или «кельтов») в рядах ромейского войска в период, предшествующий Первому крестовому походу, см. Никифор Вриенний. Указ. соч. — гл. 4, 6, 7, 10, 14, 24; Анна Комнина. Указ. соч. — С. 62, 64, 73, 192, 193, 202, 203, 219, 232, 236.

¹¹⁷² Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. X, с. 42, P. 756.

¹¹⁷³ Отец одного из вождей Первого крестового похода — Робера II Фландрского.

¹¹⁷⁴ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга VII, гл. 6, С. 214.

западноевропейский сюзерен не мог бы приказать своим вассалам отправиться на другой конец христианского мира; однако очевидно, что граф Робер I Фландрский сумел убедить достаточное количество северофранцузских и фламандских рыцарей и сержантов отправиться в Константинополь, на службу к новому и крайне щедрому господину. Эти, убежденные и направленные графом Фландрии рыцари и сержанты остались на службе у василевса, помогали ему удерживать Никомедию — единственную малоазиатскую твердыню ромеев, не подпавшую под власть сельджуков, а также сражались вместе с Алексеем I Комниным во время его войн с печенегам¹¹⁷⁵. Вполне очевидно, что идея остаться в Византии, на императорской службе, привлекала многих латинян. Во всяком случае, Ордерик Виталий отмечает, что среди крестоносцев, возвращавшихся после освобождения Иерусалима на Запад, было множество рыцарей, «которые желали остаться среди греков», т. е. на службе у Алексея I Комнина¹¹⁷⁶. Нельзя еще раз не обратить внимание и на то, что из одиннадцати известных по имени свидетелей подписания Девольского мира (помимо многочисленных латинских клириков и Ричарда Салернского), как минимум семеро были латинянами, состоявшими на службе у василевса Алексея¹¹⁷⁷.

«Византийские франки» комниновской империи

В годы правления императора Алексея I Комнина окончательно оформился феномен «византийских» франков — не просто представителей франко-нормандского нобилитета, переходивших на службу к василевсу, но и их потомков, рожденных в Византии. Здесь можно привести примеры трех западных рыцарей, перешедших на сторону императора Алексея I Комнина в годы первого нормандского вторжения на Балканы (1081—1085 гг.). Речь идет о провансальском рыцаре Петре Аульпском (Петре Алифе) и о двух знатных итало-нормандцах — Рожере, сыне Дагоберта, и Умберто де Отвилле (последний был племянником самого Робера Гвискара). Все трое до конца жизни оставались на службе у ромейского василевса,

¹¹⁷⁵ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга VII, гл. 7, С. 217; Книга VIII, гл. 3, 232.

¹¹⁷⁶ Orderic Vitalis. Op.cit. — Pars III, Lib. X, c. 11, P. 255.

¹¹⁷⁷ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XIII, гл. 12, С. 372.

войдя в число привилегированных соратников Комнина¹¹⁷⁸. Причем Рожер даже смог породниться с императорской династией, взяв в жены представительницу рода Далассинов, к которому принадлежала и мать Алексея I Комнина. Все трое — Рожер, Петр Алифа и Умберто — присутствовали при подписании Девольского мира (1108). Наконец, все трое оставили потомство, и их сыновья уже принадлежали к поколению «византийских» франко-нормандцев, принявших греческие имена и полностью инкорпорированных в среду ромейской аристократии. Никита Хониат упоминает четверых сыновей Петра Алифы, которые отличились при штурме Корфу, в правление императора Мануила I Комнина (в 1149 г.)¹¹⁷⁹. Константин Умбертопул — сын Умберто де Отвилля командовал франкскими наемниками василевса Алексея I Комнина в Малой Азии и на Балканах¹¹⁸⁰. Иоанн-Рожер — сын Рожера (сына Дагоберта) также находился на императорской службе и упрочил родственные связи с Комнинами, женившись на дочери василевса Иоанна II — Марии. Благодаря этому браку Иоанн-Рожер был возведен в сан кесаря, а при воцарении Мануила I Комнина даже претендовал на ромейский престол¹¹⁸¹.

Алексей I Комнин и крестоносцы: принципы диалога

Итак, именно Алексей I Комнин, с правлением которого связан столь важный этап греко-латинского соприкосновения, заложил основные принципы, на которых суждено было строиться дальнейшему

¹¹⁷⁸ Петр Алифа, в годы Первого крестового похода, держал от имени василевса город Команы, а затем, вместе с графом Этьенном Блуасским, вошел в число тех «беглецов», которые склонили императора Алексея к отказу от похода на помощь крестоносцам, к Антиохии. Подробнее см. выше. Книга I, гл. 2, С. 100.

¹¹⁷⁹ По словам Хониата, все воины боялись штурмовать стены цитадели Корфу, покуда «четыре родных брата Петралифы, происходивших из племени франков и жившие в Дидимотихе, не послушались императора и первые не взойшли на лестницу». См. Никита Хониат. Указ. соч. — Книга II, гл. 4, С. 95.

¹¹⁸⁰ Анна Комнина. Указ. соч. — С. 97, 146, 202, 236, 239, 267; Force (Marquis de la), Les conseillers latine d'Alexis Comnène.... — P. 164.

¹¹⁸¹ Подробнее о кесаре Иоанне-Рожере, см. Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга II, гл. 4, С. 38—39; Chalandon F. Les Comnène. Vol. II. Jean II Comnène, 1118—1143, et Manuel I Comnène, (1143—1180)... P. 11—12 (о происхождении и браке Иоанна-Рожера), P. 197 (о его попытке захватить престол после смерти Иоанна II). О его отце — Рожере, см. Анна Комнина. Указ. соч. — С. 372, 461.

диалогу между франкскими государями Леванта и василевсами Ромейской державы. Фактически, принципы этого диалога сводились к следующему. Василевс не пытался перекрыть латинским пилигримам доступ в пределы империи, признавая право латинян проходить по ромейским землям во время их паломничества (в т. ч. «вооруженного паломничества») на Восток. Более того, он готов был оказать экономическую и даже военную поддержку крестоносцам, когда это соответствовало интересам империи в ее борьбе с сельджуками. Осознавая, что латиняне могут подолгу находиться в пределах империи, а то и перманентно осесть на ее восточных рубежах, василевс признал право франков оставаться под властью собственных князей, от которых, в свою очередь, он требовал принесения оммажа и нескольких адаптированных форм вассальной зависимости. Заключая договоры с франками, император Алексей I Комнин всегда облакал свои требования в формы понятные и приемлемые представителям франкского нобилитета. Так, Анна Комнина ясно пишет о том, что еще в 1096—1097 гг. ее отец требовал от вождей Первого крестового похода «обычной у латинян клятвы (τὴ συνήθη τοῖς Λατίνοις ὀρκον)», т. е. оммажа¹¹⁸².

Стремление инкорпорировать западные вассально-ленные отношения в разветвленную административную систему империи и сочетать идею вассальных обязательств с идеей покорности и служения василевсу и автократу ромеев охарактеризовало два важнейших императорских договора с крестоносцами; «константинопольский оммаж» вождей Первого крестового похода (1097 г.) и Девольский мир (1108 г.). В то же время, ромеями отнюдь не отвергалось и право военного вмешательства и открытого давления на франков — для обуздания колонн «вооруженных паломников», шедших через провинции Ромейской державы, при отражении атак латинян на империю (как в 1081—1085 гг. и 1107—1108 гг.), и для возвращения территорий, которые занимали латиняне и на которые претендовала империя. Формат данной работы не предполагает рассмотрения сложных ромейских взаимоотношений с колоннами «вооруженных паломников» Первого, Арьергардного и последующих крестовых походов. Об отражении нормандских вторжений на Балканы было, насколько возможно, сказано в предыдущих главах. Сейчас же, обратимся, в первую очередь,

¹¹⁸² Анна Комнина. Указ. соч. — Книга X, гл. 7, С. 279; гл. 11, С. 291.

к военным кампаниям, которые василевс Алексей I Комнин инициировал против Антиохийского княжества, с целью возвращения территорий византийской Сирии и Киликии. Кампании эти начались достаточно рано — буквально со момента окончания Первого крестового похода и начала становления княжества Антиохийского.

II. Кампании императора Алексея I Комнина против княжества Антиохийского (1100—1104 гг.)

Первый поход ромейских армий в Киликию. Взятие Тарса и Мамистры (1100 г.)

В 1099 г. в Леванте, по поручению василевса, находился один из лучших византийских военачальников — Мануил Вутумит. Его посольство в Антиохию и переговоры с князем Боэмундом закончились полным провалом, о чем мы уже писали выше¹¹⁸³. Однако миссия Вутумита отнюдь не ограничивалась лишь дипломатическими функциями. Под его командованием находились достаточные силы, необходимые ромеям для укрепления Кипра и вассальных имперских владений в западной Киликии и северной Сирии. Анна Комнина оставляет достаточно запутанное описание миссии Вутумита и последовавших военных действий в Киликии, которые можно лишь условно датировать 1100—1103 гг. Слова византийской царевны, никогда не бывавшей в Леванте и писавшей спустя полвека после указанных событий, необходимо сверять с другими, более ранними, латинскими и армянскими источниками. К примеру, Анна говорит о том, что Вутумит взял Мараш, в то время как это явно противоречит другим источникам, согласно которым город уже находился под христианским правлением. Скорее, можно предположить, что Вутумит, пройдя со своими войсками по нагорной Киликии, укрепил Мараш, усилив его гарнизон и доверив город протопроедру Татулу. При этом, стоит обратить внимание и на слова Анны о том, что войска Мануила Вутумита и Иоанна Монастры не могли свободно передвигаться по Киликии, а должны были миновать значительную ее часть, т. е.

¹¹⁸³ См. Книга I, гл. 3, С. 100—101.

население (в частности — армяне) было покорно Антиохийскому князю¹¹⁸⁴.

В то же самое время Анна упоминает о том, что другой ромейский военачальник — друнгарий Евстафий захватил и укрепил Селевкию и Корик. Эти две крепости были западными воротами на Киликийскую равнину, открывавшими ромейским войскам путь к занятому нормандцами Тарсу. Захват Корики и восстановление Селевкии позволило ромеям не только получить укрепленный плацдарм на западе Киликийской равнины, но и контролировать пролив между Киликией и Кипром. Причем, согласно «Алексиаде», князь Боэмунд также готовился вести свои войска для взятия Корики, но его опередили ромеи. «Боэмунд (...) испугался, как бы император раньше него не захватил Курик, не ввел в гавань ромейский флот, не установил на Кипре свой контроль и не стал задерживать союзников Боэмунда, прибывавших к нему из Лонгивардии по анатолийскому побережью. Рассуждая таким образом, он сам решил отстроить Курик и удержать порт (...) Но самодержец, заботясь о том же и разгадав замыслы Боэмунда, послал евнуха Евстафия, возведенного (...) на пост великого друнгария флота, с поручением спешно занять Курик и как можно скорей его отстроить. Он велел также отстроить расположенную в шести стадиях от Курика крепость Селевкию, оставить в обоих городах крупные военные силы и назначить дукой Стратигия Страва, человека малого роста, но большого знатока военного дела. Кроме того, он приказал ввести в гавань большой флот, поручив ему помогать Кипру и бдительно подстерегать тех, кто будет идти на помощь Боэмунду из Лонгивардии. Итак, вышеназванный друнгарий флота отправился в путь и, предупреждая замыслы Боэмунда, восстановил Курик и привел его в прежнее состояние. Сразу после этого он отстроил Селевкию, окружил ее рвом, оставил в обоих городах значительные силы под началом дуки Стратигия, спустился в порт, оставил там, согласно указаниям императора, сильный флот и вернулся в столицу»¹¹⁸⁵.

¹¹⁸⁴ Согласно «Алексиаде», Мануил Вутумит «с Монастрой и с оставшимися при нем отборными командирами прибыл в Киликию. Обнаружив, что армяне уже заключили договор с Танкредом, Вутумит миновал их земли и, дойдя до Мараша, овладел им и всеми соседними городками и селеньями». См. Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XI, гл. 10, С. 313; см. также Книга I, гл. 3, С. 100.

¹¹⁸⁵ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XI, гл. 10, С. 315—316.

Так кампании Мануила Вутумита и евнуха Евстафия привели к сосредоточению крупных ромейских сил на северных и западных границах княжества Антиохийского — в восточном Тавре, у Мараша, под началом Иоанна Монастры и Татула, и в западной части равнинной Киликии — у Селевкии и Корики, под командованием дуки Стратигия Страва. К сожалению, Анна ни слова не говорит о дальнейшем ходе этой кампании. Но здесь историю, переданную Анной, стоит соотнести с книгой «Деяний Танкреда». Так, согласно тексту Рауля Канского, Боэмунд в начале 1100 г. посетил Тарс и Мамистру, где поставил латинских архиепископов, а в 1101 г. Танкред должен был уже отвоевывать у ромеев все города равнинной Киликии, потерянные «из-за небрежения его предшественника»¹¹⁸⁶. Это позволяет, с полным основанием, утверждать, что действия Вутумита, евнуха Евстафия и других императорских военачальников, описанные Анной, были началом организованной кампании, которая в 1100 г. привела к первому ромейскому завоеванию Тарса, Мамистры и всей равнинной Киликии. Т. е. уже в 1100 г., на втором году существования княжества Антиохийского, император Алексей I Комнин нанес первый серьезный удар по молодому ближневосточному государству нормандцев. Хотя уже в следующем, 1101 г., ромеи были выбиты из Киликии Танкредом¹¹⁸⁷.

***Походы 1104 г. Повторное ромейское завоевание Киликии.
Взятие Латакии и городов сирийского побережья***

В 1104 г., после известия о разгроме антиохийских и эдесских франков в битве у Харрана, василевс Алексей I Комнин вновь двинул ромейские армии против княжества Антиохийского. На этот раз вторжение шло одновременно с суши и с моря. Мощная византийская эскадра, под началом Иоанна Кантакузина, атаковала сирийское побережье. Первой целью императорского флота, естественно, стала Латакия. Корабли Иоанна Кантакузина вошли в гавань, и высадившиеся ромейские войска отбили у франко-нормандцев большую

¹¹⁸⁶ Radulfo Cadomensis. Op.cit. — с. 143, Р. 706. Подробнее, см. выше; Часть I, гл. 3, С. 100, 105—110.

¹¹⁸⁷ См. выше. Часть I, гл. 3, С. 100—110.

часть города; войска антиохийского князя смогли удержаться лишь на окраине города, в одной из двух городских цитаделей, о чем мы уже говорили выше. Кампания Иоанна Кантакузина, представляющая собой одну из интереснейших византийских десантных операций XII в., подробно описана в «Алексиаде» и в «Деяниях Танкреда». Согласно описаниям Рауля Канского: «Великое множество греческих кораблей наполнило гавань Латакии. Корабли были наполнены оружием, мастерами и войсками, чтобы они могли одновременно воевать и возводить укрепления. Доставив с собой и обработанный камень, и каменщиков, они приступили к строительству. Разрушенные стены предоставляли обилие материала для тех, кто нуждался в камне. Гавань была укреплена, и строительство закипело вовсю»¹¹⁸⁸. Анна Комнина добавляет, что Иоанн Кантакузин «захватил гавань и, не прекращая осаду ни днем, ни ночью, штурмовал стены. Впрочем, он ничего не достиг; тысячу раз наступал, тысячу раз терпел неудачу: то он пытался примириться с кельтами, но не мог убедить их, то вступал в бой, но терпел поражение. Наконец, он за трое суток построил между берегом и стенами Лаодикии небольшую круглую стену из нецементированных камней и под ее прикрытием внутри в короткий срок воздвиг укрепление из камней, скрепленных цементом, чтобы использовать его как опорный пункт для дальнейшего штурма. Кроме того, с двух сторон у входа в гавань он построил по башне и протянул между ними железную цепь, чтобы преградить путь кораблям¹¹⁸⁹, которые должны были прийти на помощь кельтам»¹¹⁹⁰.

Противоборство ромеев и нормандцев в Латакии продолжалось на протяжении последующих четырех лет, завершившись лишь с повторным завоеванием города армией Танкреда в 1108 г. В то же самое время, Иоанн Кантакузин выделил часть ромейских кораблей и войск и отбил у арабских эмиров соседствующие с Латакией приморские города, в том числе Валанию, Маркаб и Джабалу. По словам Анны Комниной, Кантакузин «захватил много небольших прибрежных городков: Аргирокастр, Маркаб, Гавал и другие, вплоть до

¹¹⁸⁸ Radulfo Cadomensis. Op.cit. — с. 151, P. 712.

¹¹⁸⁹ Здесь Анна Комнина ошибается; приморские башни и цепь, перекрывавшая путь в Латакию, упоминаются и до ромейской экспедиции 1104 г., так что Кантакузин скорее всего восстановил эти башни, пострадавшие после боев 1097, 1099, 1101—1103 и 1104 гг.

¹¹⁹⁰ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XI, гл. 10, С. 316.

окрестностей Триполи. Прежде эти города платили дань сарацинам, позднее самодержец потом и кровью присоединил их к Ромейской державе»¹¹⁹¹. Это был последний случай в истории, когда ромеи занимали Джабалу, Маркаб, Валанию и другие города сирийского побережья, и, конечно же, период крайне непродолжительный. Уже в 1107 г. войска Иоанна Кантакузина были отозваны на Запад, и, несмотря на то, что ромеи продолжали удерживать Латакию, остальные приморские крепости были, вероятно, оставлены. Во всяком случае, когда, в 1109 г. князь-регент Антиохии приступил к покорению Валании и Джабалы, они вновь принадлежали арабам-шиитам.

Параллельно с высадкой Иоанна Кантакузина на сирийском побережье ромейская армия под командованием Иоанна Монастры вошла в Киликию. Согласно тексту «Алексиады»: «Монастра, двигаясь с конным войском по суше, захватил Лонгиниаду, Тарс, Адану, Мамистру и полностью всю Киликию»¹¹⁹². Вторжение войск Иоанна Монастры сопровождалось восстаниями киликийских греков и армян, и не исключено, что ромейский полководец смог занять некоторые города Киликии без боя, как о том свидетельствуют латинские хронисты¹¹⁹³. Ромеи смогли сохранять свою власть в Киликии на протяжении последующих четырех-пяти лет, после чего регион был вновь перешел под власть князя Антиохийского благодаря походам Танкреда¹¹⁹⁴. Незвизирая на то, что исход норманно-византийских войн, в конечном итоге, завершился победой антиохийских франко-нормандцев и их неутомимого князя — Танкреда, кампания 1104 г. все же может считаться бесспорным успехом комниновской империи на Ближнем Востоке. Ромеи смогли провести сложные сухопутные и десантные операции, завоевать и на протяжении нескольких лет удержать обширные территории в Киликии и северо-западной Сирии. Однако эта война требовала от ромеев вовлечения чрезмерных людских, материальных и экономических ресурсов. В то время как державшие

¹¹⁹¹ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XI, гл. 10, С. 316—317.

¹¹⁹² Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XI, гл. 11, С. 318.

¹¹⁹³ Выше мы уже приводили слова Рауля Канского о том, что жители Мамистры, Аданы и Тарса «пригласили греков» и изгнали франков. См. Radulfo Cadomensis. Op.cit. — с. 151, P. 712. Альберт Аахенский говорит о том, что Мамистра была потеряна Антиохийским князем «из-за предательства армян». См. Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. XI, с. 6, P. 778.

¹¹⁹⁴ См. выше, Часть I, гл. 3, С. 100—105.

Антиохию франко-нормандцы готовы были бросить все свои силы для возвращения Киликии и покорения приморских городов Сирии, василевс Алексей I Комнин не мог, ради восстановления своего положения в далеком Леванте, отрешиться от намного более насущной борьбы с сельджуками в западной Малой Азии и с печенегам на Балканах, поскольку эта борьба затрагивала положение в самом сердце Ромейской державы.

III. Ромейская империя и становление графства Триполи (1102—1112 гг.)

Раймонд Сен-Жильский и начало провансальских завоеваний в Леванте

При всей вовлеченности ромеев в ожесточенную войну с княжеством Антиохийским императору Алексею I Комнину суждено было сыграть диаметрально противоположную роль в формировании еще одного франкского государства «Заморской земли». Столкнувшись с возникновением враждебного нормандского княжества в Сирии и Киликии, Алексей I Комнин разумно сделал ставку на создание «альтернативного», союзного империи франкского государства, возникшего к югу от Антиохии и Латакии, на финикийском побережье и землях северо-западного Ливана. Это государство было детищем графа Раймонда Сен-Жильского и его провансальских рыцарей. Первоначально оно носило гордое наименование «земля Камеллы», т. е. земли Хомса, поскольку граф Раймонд надеялся покорить все земли от древней Эмесы (Хомса) до приморских городов на сиро-ливанском побережье. Но эти планы оказались несбыточными; владения потомков и преемников Раймонда охватывали лишь прибрежные земли, часть нагорного Ливана и долины Бекаа, и государство, основанное провансальскими крестоносцами, получило название «графства Триполи».

Провансальское завоевание сиро-ливанского побережья началось весной 1102 г., вскоре после того, как Танкред освободил графа Раймонда Сен-Жильского из плена и тот, вместе с вождями «арьергардного крестового похода», покинул пределы Антиохийского

княжества¹¹⁹⁵. Уцелевшие французские крестоносцы, объединившиеся под началом герцога Гильома IX Аквитанского, графов Гуго Вермандуа и Гильома Неверского, продолжили марш к Иерусалиму. Раймонд Сен-Жильский присоединился к ним, забрав из Латакии (во исполнение клятв, данных Танкреду) своих провансальских и каталонских рыцарей и сержантов, оставленных там еще в 1099 г. Шедших по приморским землям крестоносцев сопровождали генуэзские корабли, которые, начиная с 1098 г., постоянно курсировали у берегов Леванта. Вскоре армия и флот латинян подошли к Тартусу (или, на латинский манер — к Тортосе). Тартус, в конце X в. завоеванный ромеями и заново отстроенный императором Василием II Болгаробойцей, с 1080-х гг. находился во власти арабов-мусульман. Крестоносцы, при помощи генуэзцев, взяли этот преимущественно христианский город, истребив всех найденных там сарацин¹¹⁹⁶. Со взятием «Тортосы», перед «вооруженными паломниками» вновь открылся путь на Иерусалим. Однако Раймонд Сен-Жильский и его рыцари не последовали за своими «собратьями во Христе». Вместо того, чтобы совершить повторное паломничество в Иерусалим, граф Сен-Жильский намерен был создать собственное государство, к югу от Антиохийского княжества, на территориях, которые были ему хорошо знакомы еще со времен Первого крестового похода. Фульхерий Шартрский пишет о том, что другие предводители французских крестоносцев болезненно восприняли этот демарш провансальцев и «покрыли бранью» Раймонда¹¹⁹⁷. И, вполне естественно, что эти упреки не возымели какого-либо действия.

Французские пилигримы продолжили свой марш к Иерусалиму, в то время как вокруг Тартуса, усилиями оставшихся провансальцев, постепенно зарождалось новое государство крестоносцев в континентальном Леванте. Из всех городов Сирии, Ливана и Палестины, Тартус (Тортоса) дольше всех будет сохранять франкское правление. Краткое описание Тартуса XII в. оставил Аль-Идриси, по словам которого «Антартус — небольшой город на берегу моря, заполненный базарами; там всегда бывает множество товаров. Город расположен

¹¹⁹⁵ Подробнее см. выше. Книга I, гл. 3, С. 100.

¹¹⁹⁶ Фульхерий Шартрский пишет о том, что крестоносцы «взяли город, перебили сарацин, забрали их деньги». См. Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. II, c. 17, P. 433—434.

¹¹⁹⁷ Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. II, c. 17, P. 435.

у края великой гавани, а над ним простирается горная гряда. Гавань простирается вдоль на 10 миль. Город окружает крепостная стена, и он очень хорошо укреплен»¹¹⁹⁸. Там же, в XII-XIII вв., франки возвели одну из самых красивых церквей крестоносцев, о которой подробно будет сказано во второй части книги. Нельзя не обратить внимание на то, с какими малыми силами граф Раймонд приступил к созданию своего восточного государства. Рауль Канский говорит о том, что под началом графа Тулузы и Сен-Жилля было «примерно 400 христиан, как рыцарей, так и пеших воинов»¹¹⁹⁹. Анна Комнина называет это же число последователей графа Раймонда¹²⁰⁰. Альберт Аахенский говорит о том, что Раймонд оставил в Латакии «500 братьев»¹²⁰¹. Ибн аль-Асир пишет о том, что под началом «Санжиля» было 300 воинов¹²⁰². Со столь небольшими силами Раймонд решился не только удерживать Тартус, но расширять свои владения, в частности — атаковать Триполи, один из самых богатых арабских городов Леванта, твердыню, которая выстояла даже перед натиском армий ромейских василевсов (Никифора II, Иоанна I и Василия II) и их наместников.

Первое серьезное испытание выпало на долю графа Раймонда в первые же месяцы его завоевательной кампании. Арабский кади Триполи — Фахр аль-Мулк, потеряв Тортосу и пережив первые рейды провансальцев по предместьям своей столицы, призвал на помощь эмира Дамасского — Дукака, и эмира Хомса — Джанаха ад-Даулу, которые прибыли к нему во главе своих аскаров. Той же весной 1102 г. состоялось одно из великих сражений эпохи крестовых походов. Со слов Ибн аль-Асира создается впечатление, что столкновение имело место близ Триполи. Ибн аль-Каланиси, Анна Комнина и Каффаро, напротив, пишут о том, что битва произошла у стен Тартуса, и это, на наш взгляд, намного более вероятно. Учитывая, что сражение произошло весной 1102 г., у Раймонда не было еще времени задвинуть свой знаменитый замок на подступах Триполи, и вряд ли он остался бы ждать аскары противника в открытом поле. Скорее, он

¹¹⁹⁸ Le Strange G. Op.cit. — P. 394—395.

¹¹⁹⁹ Radulfo Cadomensis. Op.cit. — с. 145, P. 707.

¹²⁰⁰ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XI, гл. 7, С. 308—309.

¹²⁰¹ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. VI, с. 59, P. 484.

¹²⁰² Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... P. 211.

должен был стянуть все силы к единственному подвластному укрепленному городу — Тартусу, и лишь тогда решиться на внезапную вылазку против осаждавших сарацин, что соответствовало бы опыту Антиохийской битвы 1098 г. Ибн аль-Каланиси пишет о том, что сельджуки и триполийские арабы выступили к Тартусу¹²⁰³. Каффаро приводит яркое описание того, как крестоносцы, раскрыв ворота, выступили против сарацин под звон колоколов церковей Тартуса¹²⁰⁴.

Это же соответствует описаниям Анны Комниной: «Атабек Дамасский собрал большие силы и выступил в поход против Исангела. Поскольку у Исангела было слишком мало сил против такого огромного войска, он решился на решение скорее разумное, чем храброе. Доверившись местным жителям, он сказал им: „Я укроюсь где-нибудь в этой огромной крепости, а вы, когда придет Атабек, не открывайте ему правды, а уверьте его, что я в испуге бежал“. Атабек, придя, спросил про Исангела. Поверив, что тот убежал, он, усталый с дороги, разбил свою палатку вблизи стен крепости. Поскольку жители проявили к нему полное дружелюбие, турки, ничего не подозревая и не опасаясь никаких враждебных действий, выпустили коней на равнину. В полдень, когда солнце отвесно бросает свои лучи, Исангел хорошо вооружился и, внезапно открыв ворота, ворвался со своими воинами (их было около четырехсот) в середину турецкого лагеря. Не щадя жизни, вступили с ним в бой те из турок, кто привык мужественно сражаться, а остальные пытались найти спасение в бегстве. Но широкая долина, где не было ни болота, ни холма, ни оврага, отдала их в руки латинян. Все они стали жертвой мечей; в плен были взяты немногие. Так, хитростью победив турок, Исангел отправился в Триполи»¹²⁰⁵. Описание этого сражения оставляет, на страницах своей хроники, и Ибн аль-Асир. По его словам, провансальцы атаковали мусульманскую армию, разделившись на несколько отрядов, ударивших в расходящихся направлениях. Сотня рыцарей и сержантов атаковала дамасский аскар, сотня — войска триполийских арабов, полсотни были направлены против аскара Хомса и полсотни остались под началом самого графа Раймонда, который перемещался от одного

¹²⁰³ Гибб Г. Дамасские хроники крестоносцев... С. 42.

¹²⁰⁴ Это описание приведено не в «Анналах», но в «Освобождении городов Востока». См. Cafari de Caschifelone. Op.cit. — P. 118—119.

¹²⁰⁵ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XI, гл. 7, С. 308—309.

участка боя — к другому¹²⁰⁶. Стоит обратить особое внимание на то, что победа малочисленного контингента крестоносцев над многократно превосходящими силами мусульман подробнейшим образом, с упоминанием численности противостоящих сторон, приведена не христианским, но арабо-мусульманским хронистом. Именно со слов Ибн аль-Асира мы узнаем, что в этот день три сотни рыцарей и сержантов графа Раймонда Сен-Жильского перебили 7,000 мусульман¹²⁰⁷. Ибн аль-Каланиси, в свою очередь, отмечает лишь, что «Армия мусульман дрогнула перед армией неверных, неся большие потери. Уцелевшим удалось укрыться в Дамаске и Хомсе на 23-й день второго месяца джумаада (14 апреля 1102 г.), понеся значительные потери»¹²⁰⁸.

*Ромейское участие в осаде Триполи
и завоевательных кампаниях провансальских крестоносцев*

Победа в битве у Тартуса открывала Раймонду путь к дальнейшим завоеваниям. При всей малочисленности своих последователей, граф Сен-Жильский обрел нескольких деятельных союзников — генуэзцев, местное христианское население (маронитов и мелькитов) и, конечно же, ромейского василевса. Вряд ли провансальское завоевание сиро-ливанского побережья было инициировано по приказу Алексея I Комнина, как нас пытается уверить дочь василевса¹²⁰⁹. Но очевидно, что император Алексей благосклонно отнесся к этому предпрятию своего франкского союзника. На протяжении нескольких лет Ромейская держава оказывала провансальским крестоносцам поддержку, направляя к берегам Леванта свои корабли, запасы провианта, строительные материалы и мастеров. Эта поддержка империи сделала возможной продолжительную осаду Триполи, которую Раймонд Сен-Жильский начал на рубеже 1102—1103 гг. В то время как осажденный Триполи поддерживали корабли, поставлявшие подкрепления и провиант из пределов Фатимидского халифата и арабских городов Сахилия, осаждавших провансальцев поддерживал византийский флот,

¹²⁰⁶ Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... P. 211.

¹²⁰⁷ Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... P. 212.

¹²⁰⁸ Гибб Г. Дамасские хроники крестоносцев... С. 42.

¹²⁰⁹ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XI, гл. 7, С. 308.

доставлявший все необходимое с Кипра. Ибн аль-Асир пишет о том, что «император румов приказал своим военачальникам, державшим от его имени Латакию, направлять запасы франкским войнам, которые продолжали осаду Триполи. Эти запасы поступали по морю»¹²¹⁰. Арабский хронист также оставляет описание «страшного сражения между кораблями румов и мусульман», в ходе которого корабли Бену Аммар захватили ромейское судно с экипажем¹²¹¹. Однако и эти столкновения не останавливали продолжавшиеся действия византийского флота, поддерживавшего провансальцев и исправно доставлявшего провиант.

Замок графа Раймонда Сен-Жильского на Монт Пелерен (Калат Санжиль) — главная твердыня провансальцев во время семилетней осады Триполи, была возведена на средства василевса, византийскими мастерами, присланными дукой Кипра Евмафием Филокалом. Анна Комнина отмечает, что граф Раймонд Сен-Жильский, приступив к осаде Триполи, «занял вершину холма, который возвышался около Триполи и составляет часть Ливанских гор. Он хотел использовать его как укрепление и в то же время перехватить воду, текущую с Ливана в Триполи по склону этого холма. Затем он сообщил обо всем случившемся императору и просил его соорудить надежное укрепление до того, как из Хорасана подойдут еще более крупные силы. Император поручил строительство этой крепости дуксу Кипра и приказал ему срочно отправить с флотом в указанное Исангелом место все необходимые материалы и строителей»¹²¹². Причем крепость неоднократно была атакована триполийскими арабами и постоянно нуждалась в перестройке и восстановлении. Как отмечает Рауль Канский: «Редки были те дни, когда бы кровь не проливалась на равнине», разделявшей Триполи и замок тулузского графа на Монт Пелерен¹²¹³. В этих постоянных стычках с племенем Бену Аммар прошли последние годы жизни графа Раймонда. Примечательно, что в отличие от самого Триполи, уничтоженного мамлюками в 1289 г., замок графа Сен-Жильского по сей день возвышается на Монт Пелерен, ныне — фактически в черте современного Триполи.

¹²¹⁰ Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... P. 236.

¹²¹¹ Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... P. 236.

¹²¹² Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XI, гл. 7, С. 309.

¹²¹³ Radulfo Cadomensis. Op.cit. — с. 145, P. 707–708.

**Франкское завоевание Гибелета (Библа), Арки и Триполи.
Объединение Триполийского графства**

Естественно, что провансальцы не направляли все свои усилия лишь на осаду Триполи. В 1104 г. граф Раймонд Сен-Жильский покорил еще один портовый город Леванта — лежавший к югу от Тартуса и Триполи древний финикийский Библ, получивший от франков название Гибелет (от арабского — «Джебайл»). Завоевание Гибелета стало возможным благодаря союзу графа Сен-Жильского с генуэзцами. Как повествует Альберт Аахенский: «пизанцы и генуэзцы (...) привели свой флот из Латакии, где они зимовали, к городу Гибелету. Граф Раймонд выступил к ним из Тортосы, прося их помощи в завоевании этого самого Гибелета, дабы, когда его жители-сарацины будут изгнаны, он перешел бы к христианам». Генуэзцы «охотно откликнулись на его просьбы и осадили город, собрав крайне многочисленный флот и атаковав его укрепления. Граф же, отрезав его с суши, обрушил на него удары постоянных приступов и осадных орудий, пока город, со всеми его жителями, не был взят и покорен, и передан, и подчинен самому Раймонду»¹²¹⁴. Сходное описание оставляет Ибн аль-Каланиси: «В месяце раджаб этого года (с 30 марта) стали поступать сообщения о прибытии флота франков из их страны, груженного купцами, войсками и к тому же паломниками, который бросил якоря в Аль-Ладхикии (Латакии)¹²¹⁵. Рассказывали, что Сен-Жиль, который в то время осаждал Тарабулюс (Триполи), призвал их помощь ему захватить город. Они откликнулись на его просьбу, присоединились к нему и осадили город, но через несколько дней сражений отступили. Тогда франки направились к укрепленному порту Джебель, осадили его, атаковали и добились капитуляции города, но, овладев им, они не выполнили своих обещаний, данных населению, а забрали все, лишив горожан собственности и денег посредством наказаний различных пыток»¹²¹⁶. Завоевание

¹²¹⁴ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. XI, 26, P. 670.

¹²¹⁵ Ранней весной 1104 г. Латакия все еще находилась под властью князя Антиохийского. Ромеи отвоевали ее лишь во второй половине года, после битвы у Харрана.

¹²¹⁶ Гибб Г. Дамасские хроники крестоносцев... С. 45. Периодически возникает некоторая путаница, связанная с тем, когда франки взяли Гибелет (Библ), который арабы называли Джебайл, и когда они покорили другой сирийский порт — Джабалу. Однако вполне очевидно, что Гибелет был взят графом Раймондом и генуэзцами весной 1104 г. (что соответствует описаниям Альберта Аахенского и Ибн аль-Каланиси), в то время как Джабала была завоевана Танкредом и антиохийскими франко-нормандцами, при помощи тех же генуэзцев, в 1109 г., вскоре после взятия крестоносцами Триполи.

Гибелета имело огромное значение для франкского утверждения в Леванте. Это был богатый город и, к тому же, форпост крестоносцев к югу от Триполи. Альберт Аахенский, писавший со слов западных пилигримов, говорит о Гибелете и прилегающих к нему землях как о регионе, «богатом фруктами и виноградниками (...) с ручьями и пастбищами на открытых равнинах»¹²¹⁷. В 1109 г. граф Бертран Триполийский преподнес Гибелет в дар генуэзскому кафедральному собору Св. Лаврентия, т. е. Генуэзской торговой республике¹²¹⁸. Вскоре там утвердился генуэзский род Эмбриацо (братья Гильом и Николай), представители которого держали город уже не как факторию Генуэзской республики, но как сеньорию графства Триполи¹²¹⁹. На протяжении более чем полутора веков, сеньоры Гибелета из рода Эмбриацо оставались одними из наиболее влиятельных и богатых баронов Заморской земли¹²²⁰.

В феврале 1105 г. Раймонд Сен-Жилльский умер на Монт Пелерен «и удостоился христианского погребения в той самой крепости, которую сам воздвиг»¹²²¹. Владения Раймонда в Леванте унаследовал его племянник — граф Серданьи Гильом-Жордан. Именно на его плечи легла задача дальнейшего расширения франкских владений на землях «Камеллы». Пользуясь поддержкой византийского флота и местных христиан, он удерживал Тортосу и Гибелет, расширял свои владения за счет присоединения мелькитских и маронитских поселений, и, самое главное, продолжал держать в осаде Триполи, опираясь на замок Сен-Жилля на Монт Пелерен. Новая череда успехов в завоевании Ливана пришлась на позднюю осень и зиму 1108 г. Провансальские крестоносцы, под началом графа Гильома-Жордана, нанесли новое поражение аскару эмира Захир аль-Дина Тугтекина Дамасско-

¹²¹⁷ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. VI, c. 54, P. 474—476.

¹²¹⁸ Rey E. Les Seigneurs de Giblest // ROL III. — Paris, 1895. — P. 399. Между прочим, кафедральный собор Генуи возводился как раз в первой четверти XII в., и во многом — на средства, поступавшие от доходов генуэзских факторий в Леванте.

¹²¹⁹ Это положение было признано консулами Генуэзской республики в 1147 г. и 1154 г. См. Rey E. Les Seigneurs de Giblest... — P. 398—422.

¹²²⁰ К примеру, в 1221 г. сеньор Гибелета — Ги I де Эмбриацо предоставил 50,000 безантов австрийскому эрцгерцогу Леопольду VI, находившемуся в Леванте в годы Пятого крестового похода. См. L'Estoire de Eracles... — P. 332; Rey E. Les Seigneurs de Giblest... P. 403.

¹²²¹ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. IX, c. 34, P. 680. Гильом Тирский называет точную дату кончины графа Раймонда — 28 февраля 1105 г. См. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XI, c. 2, P. 452.

го¹²²². Согласно арабским хронистам, войска Дамасского эмирата по-
дошли к ливанской Арке, в надежде освободить город, осажденный
графом Серданьи. «... сильный снегопад и дожди не позволили аска-
ру вовремя дойти до Арки, в городе стала ощущаться нехватка про-
довольствия, снабжение было отрезано, и франки поспешно осадили
его. Когда Захир аль-Дин подошел к городу, он обнаружил, что фран-
ки уже захватили его, а у него не хватало сил самостоятельно изгнать
их»¹²²³. Дамасский аскар повернул к занятой франками крепости
Аль-Акма (которая, очевидно, соответствует ливанскому поселению
Акун), однако туда же за мусульманскими войсками тайно просле-
довал и граф Гильом-Жордан с тремя сотнями рыцарей и конных
сержантов. Провансальцы, каталонцы и их сирийские «туркополы»
внезапно атаковали дамасский аскар и неотступно преследовали его
во время беспорядочного отступления к Хомсу. Согласно хронике Ибн
аль-Каланиси: «франки отправились в погоню за (...) аскаром и захва-
тили много лошадей и других животных в качестве трофеев. Войска
рассеялись по лесам и горам и добралось до Хомса обессиленным»¹²²⁴.

Одержав победу над дамасским аскаром, крестоносцы графа Гильома-
Жордана принудили арабский гарнизон сдать Арку. По словам Альберта
Аахенского, граф Гильом-Жордан «на протяжении трех недель (...) неустан-
но нападал на защитников крепости при помощи осадных орудий и ар-
балетов, не позволяя никому ни входить, ни выходить, покуда крепость,
огражденная самой природой и неприступная для людей, не будет сра-
жена голодом и не сдастся ему»¹²²⁵. Город, чьи запасы были полностью ис-
тощены осадой и предшествующими набегами провансальских и ката-
лонских рыцарей, сдался на милость графа Сердани. Аль-Идриси описы-
вает Арку как «прекрасный и многолюдный город, лежащий у подножия
невысоких холмов. Посреди города, на возвышении, стоит крепость (...)»
В городе многочисленное население и множество товаров. Жители горо-
да — богаты. Питьевая вода доставляется в город по акведуку, берущему
свое начало от реки, которая, не иссякая, течет близ Арки. Там множество
садов с фруктовыми деревьями и сахарным тростником; на упомянутой

¹²²² Описание сражения приведено Ибн аль-Асиром и Ибн аль-Каланиси. См. Ibn al-Athir. *Al-Kamil fi al-Tarikh*... P. 270; Гибб Г. Дамасские хроники крестоносцев... С. 64—65.

¹²²³ Гибб Г. Дамасские хроники крестоносцев... С. 64—65.

¹²²⁴ Гибб Г. Дамасские хроники крестоносцев... С. 65.

¹²²⁵ Alberti Aquensis. *Op.cit.* — Lib. XI, c. 2, P. 774.

реке стоят мельницы. Город лежит примерно в трех милях от морского берега»¹²²⁶. Причем, здесь было бы уместно отметить, что область Аккар (т. е. земли, непосредственно прилегающие к Арке) это регион, традиционно населенный мелькитами. Даже сейчас там, согласно исследованию Р. Беттса, насчитывается «до двух десятков православных деревень»¹²²⁷.

Это приводит нас к теме поддержки восточных христиан, которой должны были пользоваться союзные василевсу провансальские крестоносцы. Во второй главе книги мы уже подробно говорили о поддержке восточных христиан, оказанной крестоносцам, и значимости этого фактора во франкском завоевании Леванта. И естественно, контингент из нескольких сотен провансальцев и каталонцев, даже при поддержке византийского и генуэзского флота, никогда бы не смог основать собственное государство, если бы мелькиты и марониты Ливана предпочли бы арабское или сельджукское правление. Анна Комнина приводит описание того, как великая битва у стен Тартуса (1102 г.) была выиграна при содействии местного христианского населения, которому доверился граф Раймонд Сен-Жильский¹²²⁸. Ибн аль-Асир говорит о том, что «жители окрестных гор и жители области Суад, большую часть которых составляли христиане, оказывали помощь» графу Раймонду и его крестоносцам¹²²⁹. Другие арабские хронисты также оставляют эпизодические упоминания о присутствии сирийских христиан в стане крестоносцев. Ибн аль-Каланиси упоминает «рекрутов» в войске графа Сен-Жильского¹²³⁰, а Усама ибн Мункыз пишет о том, что под началом графа Гильома-Жордана были «туркополы»¹²³¹. О том, что марониты сла-

¹²²⁶ Le Strange G. Op.cit. — P. 398.

¹²²⁷ Betts R. The Southern Portals of Byzantium... P. 82.

¹²²⁸ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XI, гл. 7, С. 308—309.

¹²²⁹ Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... P. 212.

¹²³⁰ Ибн аль-Каланиси пишет о рекрутах, т. е. об ополченцах, что совершенно четко подразумевает местных христиан, т. к. провансальцы не успели бы еще создать общин латинских переселенцев и тем более — «коренных» триполийских франков. См. Гибб Г. Дамасские хроники крестоносцев... С. 42. Здесь слово «рекруты» явно обозначает сирийских христиан — мелькитов и маронитов, набранных графом Сен-Жильским в Тортосе и ее окрестностях.

¹²³¹ Усама описывает их как «франкских лучников», но это, скорее всего, следует понимать как «лучников на службе у франков». См. Усама ибн Мункыз. Указ. соч. — С. 102. Вполне вероятно, что когда речь заходит о «туркополах» первых провансальских государей Тортосы и Триполи, хронисты подразумевают сирийских христиан, в частности — маронитов Ливанских гор.

вились сохранением своих воинских традиций и сражались, в качестве лучников и пехотинцев, в рядах франкских войск, пишет Гильом Тирский. Архиепископ Гильом описывает маронитов как «славных воинов, которые оказались крайне полезными нашим людям в их частых битвах с врагом»¹²³². В то же самое время, нет каких-либо причин полагать, чтобы и мелькиты, населявшие земли вокруг Тартуса, Арки, Библа, обширные территории Аль-Куры и долины Бекаа, уклонились бы от поддержки и приятия провансальских крестоносцев, союзных ромейскому василевсу и получавших поддержку от ромеев Кипра. Другое дело, что впоследствии эти отношения между латинянами и восточными христианами были омрачены такими событиями, как резня в Аль-Куре (1137 г.) и погромы восточного населения в Триполи (1152 г.).

На исходе 1108 г. в Левант прибыл граф Бертран Тулузский — незаконнорожденный сын графа Раймонда Сен-Жильского, намеренный унаследовать ближневосточные владения своего отца. Как об этом повествует Альберт Аахенский, «Бертран, сын графа Раймонда» собрал «со всех концов своей земли армии воинственных мужей и тяжеловооруженных конных воинов, всего — сорок галер, на борту которых находилось 4,000 воинов (на борту каждого по сто воинов, не считая моряков)». Флотилия провансальских крестоносцев прибыла к портам Генуи, где был заключен союз между графом Бертраном и торговой республикой, принимавшей столь действенное участие в латинском завоевании Леванта. Генуэзцы предоставили графу Бертрану еще 80 кораблей, и к рубежу 1108—1109 гг., сделав остановку в Константинополе, армада генуэзцев и провансальцев достигла сирийских берегов¹²³³. Между графами Тулузы и Сердании немедленно возникло острое противоборство, граничившее с междоусобной войной. По словам Фульхерия Шартрского, Бертран «не желал, чтобы Гильом преуспел. Гильом же не желал, чтобы Бертран жил»¹²³⁴. Положение осложнялось и благодаря тому, что два претендента на триполийские земли быстро обрели двух могущественных сюзеренов; Бертран Тулузский обратился за помощью к королю Бодуэну I Иерусалимскому, граф Гильом-Жордан — к князю Танкреду Антиохийскому. Как известно, эти два государя отнюдь не были расположены друг к дру-

¹²³² Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XXII, c. 8, P. 1077.

¹²³³ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. XI, c. 3, P. 776.

¹²³⁴ Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. II, c. 40, P. 530—531.

гу, со времен открытой войны, которую они вели друг против друга во время киликийской кампании 1097 г. Однако авторитет и сила Иерусалимского короля перевесили все прочие факторы в политике «Заморской земли». Противоречия между государями крестоносцев были разрешены на совете, собранном под председательством короля Бодуэна I Иерусалимского, на Монт Пелерен. «Земли Камеллы» должны были быть разделены между двумя преемниками графа Сен-Жильского: северная часть, с Тортосой и Аркой, должны были отойти к Гильому-Жордану, ставшему вассалом Антиохийского князя, южные же земли — с Триполи и Гибелетом, отходили к Бертрану Тулузскому, который держал бы их как вассал Иерусалимского короля. Тогда же было достигнуто окончательное примирение между Танкредом и графом Бодуэном II Эдесским¹²³⁵. Вскоре объединенная армия крестоносцев, куда вошли войска государей Иерусалима, Антиохии, Эдессы и провансальские крестоносцы графа Бертрана Тулузского, совместно с генуэзским флотом, вновь приступили к осаде Триполи.

12 июля 1109 г., спустя почти семь лет после начала осады графом Раймондом Сен-Жильским, франки и генуэзцы вошли в Триполи. Очевидец событий, Фульхерий Шартрский, говорит о том, что соглашением, «скрепленным клятвами и подтвержденным королем», было решено, что «сарацины не будут убиты, но им будет предоставлено право беспрепятственного прохода в те земли, куда они пожелают уйти»¹²³⁶. После этого войскам Иерусалимского короля и графа Бертрана был предоставлен доступ в один из кварталов города. Избиение же мусульманского населения и разорение города было делом рук генуэзцев, не считавших себя связанными договорами Иерусалимского короля. Как пишет Фульхерий Шартрский, «внезапно, по той или иной причине, невероятный гомон поднялся со стороны простолоудин генуэзских. Они забрались на стены при помощи веревок и лестниц и вошли в город. Каждому сарацину, которого они там находили, отрубали голову. Лишь те, кто находился в квартале короля, был защищен по условиям достигнутого соглашения»¹²³⁷. Ибн аль-Каланиси оставляет общее описание взятия и разорения Триполи. «Они (фран-

¹²³⁵ Подробное описание совета на Монт Пелерен приводит Альберт Аахенский. См. Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. XI, c. 12, P. 782.

¹²³⁶ Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. II, c. 41, P. 532.

¹²³⁷ Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. II, c. 41, P. 533.

ки. — С. Б.) воздвигли осадные башни у стен города, и, когда его население собственными глазами увидело армию противника, оно сильно опечалилось, осознав свою участь. Боевой дух жителей упал, кругом царило всеобщее отчаяние, вызванное задержкой египетского флота, который должен был по морю доставить в город продовольствие и подкрепление, но трюмы кораблей опустели, дул встречный ветер, и, по велению Аллаха, произошло так, как должно было произойти. Франки атаковали город со своих осадных башен и силой оружия захватили его в понедельник, на 11-й день месяца зу-л-хиджа (12 июля) этого года. Они разграбили все, что могли, пленили мужчин и забрали в рабство женщин и детей. Количество трофеев, попавших в их руки, товаров из лавок и складов, книг из учебных заведений и частных библиотек не поддается исчислению. Правителя города и часть его войска, попросивших пощады еще до захвата города, помиловали, и после захвата они были отпущены и прибыли в Дамаск несколькими днями позже. С населением же города обошлись очень жестоко, деньги горожан и зарытые ими ценности были конфискованы, и люди остались в крайней нужде и горе»¹²³⁸.

Триполи был передан графу Бертрану Тулузскому, который, в свою очередь, передал треть города генуэзцам. Также генуэзским союзникам графа Бертрана отошел Гибелет и замок Рожера, коннетабля графа Раймонда Сен-Жильского, расположенный к югу от Триполи¹²³⁹. С внезапным убийством графа Гильома-Жордана, в том же 1109 г.¹²⁴⁰, почти все завоеванные провансальцами «земли Камеллы» — Арка, Триполи, Нефин, Батрун, Гибелет — были объединены под властью графа Бертрана Тулузского, став, собственно, единым графством Триполи. Танкред продолжал удерживать часть владений своего почившего вассала — Гильома-Жордана, а именно — Тортосу,

¹²³⁸ Гибб Г. Дамасские хроники крестоносцев... С. 65—66.

¹²³⁹ Rey E. Les Seigneurs de Giblest... P. 399.

¹²⁴⁰ Граф Сердани был смертельно ранен стрелой, пущенной из засады. Фульхерий Шартрский прямо пишет о двусмысленности и противоречии, связанном с этим убийством. «По какой-то печальной ошибке судьбы, понять которую я не в силах, Гильом-Жордан был убит. Выехав одной ночью, он был сражен небольшой стрелой (возможно — арбалетным болтом. — С. Б.), пущенной из засады. Все спрашивали о том, кто же это сделал, и никто не находил ответа. Кто-то скорбел, кто-то радовался. Одни оплакивали смерть друга, другие — радовались смерти врага». См. Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. II, c. 41, P. 531—532.

Мараклею и покоренный им Хисн-аль-Акрад (будущий Крак де Шевалье). Эти территории перешли в состав графства Триполи лишь в 1112 г., когда Танкред передал их юному графу Понсу, пользовавшемуся поддержкой и опекой Антиохийского князя.

*Вассальная зависимость провансальских государей
«земли Камеллы» и графства Триполи от Ромейской империи*

Невзирая на то, что они были связаны договорами с Иерусалимом, Генуей и даже с нормандской Антиохией (при Гильоме-Жордане и Понсе), графы Триполи на протяжении долгого времени сохраняли некую символическую форму зависимости от Ромейской державы, принося оммаж василевсу Алексею I Комнину. Конечно же, наиболее явно это проявлялось при первых двух государях «земли Камеллы» — Раймонде Сен-Жилльском, не признававшем какого-либо сюзерена, кроме ромейского василевса, и при графе Гильоме-Жордане. Раймонд Сен-Жилльский принес оммаж василевсу еще в годы Первого крестового похода, и на протяжении последующих лет оставался верным союзником ромеев и яростным противником нормандских князей Антиохии, о чем мы уже неоднократно писали выше. После смерти графа Раймонда (в 1105 г.), император Алексей I Комнин направил посольство и богатые дары его преемнику — Гильому-Жордану, графу Сердании, чтобы убедить его «принести присягу в том, что он будет хранить нерушимую верность императору, как хранил ее до самой своей смерти его покойный дядя Исангел»¹²⁴¹.

С сыном графа Раймонда Сен-Жилльского — Бертраном Тулузским, отношения василевса складывались несколько сложнее. Первоначально, провансальцы и генуэзские союзники Бертрана, пристав к греческому побережью на пути в Левант, разорили византийский город Альмирос. Но, по словам Альберта Аахенского, когда «до императора дошла весть о том, что Бертран, сын графа Раймонда, с большим войском занял земли, принадлежавшие грекам, и не остановился перед их разорением», Алексей I Комнин призвал графа в Константинополь для переговоров, дабы «обсудить мир», и, обещая, что «Бертран получит в дар от императора столько денег, сколько пожелает, и будет

¹²⁴¹ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XI, гл. 8, С. 311.

восстановлен перед императором в дружбе и верности, как и некогда его отец»¹²⁴². Бертран «немедленно повиновался приказам императора, и прошел по морю к проливам Св. Георгия с несколькими доверенными соратниками и переговорил с императором в его дворце, где он присоединился к нему дарованием клятвы и стал его подданным, после чего получил множество даров из золота, серебра и пурпура. Тогда же он вернулся на свой корабль и отплыл к далекой гавани Св. Симеона»¹²⁴³. Более того, осенью 1108 г. граф Бертран наотрез отказался от предложения Танкреда заключить союз и совершить общий поход на занятую ромеями Мамистру. Граф Тулузский прямо заявил о том, что «не предпримет ничего против императора или его городов из-за клятвы, которую он принес»¹²⁴⁴. И это, естественно, стало новым поводом для вражды между Антиохийским князем и провансальскими крестоносцами.

После завоевания Триполи граф Бертран, ставший вассалом Иерусалимского короля, тем не менее принес и повторный оммаж императору Алексею I Комнину. Согласно тексту «Алексиады», оммаж был принесен в Триполи, когда в город прибыл, в качестве императорского посланника, Мануил Вутумит. «Император поручил (...) Мануилу Вутумиту причалить в Триполи, встретиться с графом Бертраном, сыном Исангела (...), напомнить ему о верности, которую соблюдал его отец, вручить ему императорское письмо и сказать следующее: „Не будь хуже своего отца, следуй его примеру и соблюдай верность мне“»¹²⁴⁵. По словам Анны Комниной, граф Бертран был «расположен к самодержцу, готов исполнить все его желания и, если понадобится, принять за него смерть и даже явиться на поклон к императору»¹²⁴⁶. Вполне естественно, что Алексей I Комнин рассчитывал обрести в лице графа Бертрана не просто отдаленного, номинального вассала, но действенного союзника в предстоящей (и не состоявшейся) войне против княжества Антиохийского. Ромейский василевс даже направил в Триполи запасы средств и сокровищ, которые должны были

¹²⁴² Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. XI, c. 4, P. 776.

¹²⁴³ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. XI, c. 4, P. 776.

¹²⁴⁴ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. XI, c. 6, P. 778.

¹²⁴⁵ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XIV, гл. 2, С. 377.

¹²⁴⁶ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XIV, гл. 2, С. 377.

стать частью императорской походной казны во время новой, планируемой кампании в Сирии. Однако василевсу Алексею I Комнину так и не удалось убедить триполийских государей выступить с оружием в руках против княжества Антиохийского.

Бертран, при всей антипатии, не решался бросить вызов Танкреду, который был слишком сильным противником, и, к тому же, удерживал отторгнутую у провансальцев Тортосу. Что касается сына Бертрана — графа Понса Триполийского, вззошедшего на престол весной-летом 1112 г., то он находился под сильным влиянием Танкреда. Согласно «Дамасской хронике» Ибн аль-Каланиси, Понс «был зачислен в число рыцарей Танкреда и получил от него в дар фьефы в Антартусе, Сафите, Мараклее и Хисн аль-Акраде»¹²⁴⁷, т. е. Тортосу, Мараклею, а также замки Сафита и Крак де Шевалье. Более того, находясь на смертном одре, Танкред завещал графу Понсу свою девочку-супругу — Сесилию Капет¹²⁴⁸. Не позднее 1115 г. овдовевшая княгиня Сесилия вышла замуж за графа Понса, предоставив Триполийскому графу, в качестве фьефа, новые территории на юге Антиохийского княжества, в частности — Рудж и Аржган. Вполне естественно, что граф Понс не собирался, следуя византийским требованиям, поднимать оружие против Танкреда и Антиохийского княжества. Первоначально он даже не стал придерживаться традиций, заложенной его отцом и дедом, и отказался приносить оммаж василевсу. При этом он захватил императорскую походную казну, ранее доставленную в Триполи.

За это Понс и поддерживавшие его триполийские бароны заслужили весьма показательное нареkanie от императорского посольства, во главе которого вновь находился Мануил Вутумит: «вы не истинные рабы императора и не соблюдаете ему верности, как это делали Бертран и его отец Исангел. Поэтому в будущем не будут снабжать с Кипра всем необходимым, дука Кипра не станет помогать вам, и вы падете жертвой голода»¹²⁴⁹. Эти угрозы дают вполне четкое представление о той зависимости от византийской экономической поддержки, которую графство Триполи испытывало на раннем этапе своей истории. И эти угрозы, очевидно, возымели действие, т. к. вито-

¹²⁴⁷ Гибб Г. Указ. соч. — С. 91.

¹²⁴⁸ Об условиях этого брака, устроенного умирающим Танкредом, упоминает Гильом Тирский. См. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XIV, c. 5, P. 612—613.

¹²⁴⁹ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XIV, гл. 2, С. 379.

ге граф Понс все же принес оммаж («клятву нерушимой верности») императору Алексею, за что получил «те дары, которые были отправлены его отцу: монеты золотой и серебряной чеканки, и различные одежды»¹²⁵⁰. Так или иначе, в правление графа Понса номинальный византийский сюзеренитет над графством Триполи окончательно сошел на нет. Причем граф Понс был пленен и убит сарацинами как раз незадолго до вторжения императора Иоанна II Комнина в пределы франкской Сирии. Невзирая на то, что византийский союз с провансальскими крестоносцами не дал тех результатов, на которые рассчитывал василевс, нельзя не отметить, что Ромейская империя, благодаря инициативе Алексея I Комнина, внесла важнейший вклад в формирование графства Триполи и, следовательно, — в восстановление христианского правления на землях Ливана.

IV. Девольский мир (1108 г.). Имперские притязания и византийское восприятие франкской Сирии

Оммаж князя Бозмунда I Антиохийского. Обязательства вассала и сюзерена

Обратимся к договору, который ознаменовал победоносное завершение борьбы Алексея I Комнина с западными крестоносцами и князем Бозмундом I Антиохийским. Речь, конечно же, идет о Девольском мире. Этот договор, чей текст известен благодаря «Алексиаде», детальнейшим образом выявляет имперское видение положения латинян на восточных границах Ромейской державы. В первую очередь, нельзя не отметить, что Девольский мир, опять же, построен на несколько адаптированной ромеями форме оммажа и вассальных обязательств Антиохийского князя перед империей. Во многом, Девольский мир можно считать попыткой сочетать западную систему вассально-ленных отношений (предполагающих передачу наследственных прав на фьеф в обмен на воинскую службу сюзерену), с византийской «пронией», т. е. предоставлением права пожизненного управления территорией в награду за службу василевсу. Начало текста Девольского мира, бесспорно, основано на идее рыцарских обязательств защищать своего

¹²⁵⁰ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XIV, гл. 2, С. 379.

сюзерена: «я буду верным человеком твоей царственности и твоего горячо любимого сына — императора Иоанна Порфирородного. Я выступлю с оружием в руках против любого противника твоего владычества, вне зависимости от того, будет ли поднявший на тебя руку христианского рода или же врагом нашей веры, из числа тех, кого мы называем язычниками»¹²⁵¹. Несколько раз в тексте договора Боэмунд клянется выступить «с оружием в руках против всех врагов»¹²⁵² императора Алексея и его порфирородного сына Иоанна II¹²⁵³. Причем в числе врагов империи, против которых Боэмунд обязался выступить с оружием в руках, был и его собственный племянник, князь-регент Антиохии Танкред. «С племянником моим Танкредом, если он не пожелает отказаться от ненависти к вашей царственности и не освободит из-под своей власти города вашей империи, я буду вести непримиримую борьбу»¹²⁵⁴. В качестве платы и награды за эти обязательства Боэмунд получал византийские титулы севаста и дуки, ежегодную денежную выплату в «двести литр в монетах чеканки Михаила»¹²⁵⁵, а также восточные земли — часть из которых отходили к нему пожизненно (как «прония»), часть — в качестве наследственного, неотъемлемого фьефа.

Разделение территорий Сирии и Киликии согласно условиям Девольского мира

Территории Сирии и Киликии, согласно условиям Девольского мира, разделялись условно, на три категории: i) земли, которые немедленно

¹²⁵¹ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XIII, гл. 12, С. 364.

¹²⁵² Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XIII, гл. 12, С. 365.

¹²⁵³ Здесь, конечно же, нет каких-либо упоминаний о сроках этой службы, нет собственного французским землям «карантена», т. к. на Латинском Востоке, из-за уязвимости перед натиском сарацин, срок службы вассала — сюзерену не был ограничен сорока днями в году.

¹²⁵⁴ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XIII, гл. 12, С. 367.

¹²⁵⁵ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XIII, гл. 12, С. 371. Здесь, опять же, имеются в виду гистаменоны времен императора Михаила VII Дуки, предшествовавшие монетным реформам императора Алексея I Комнина. Как видно из истории с выкупом князя Боэмунда I Антиохийского в 1103 г., многие правители на рубеже XI-XII вв. предпочитали получать вознаграждение старой монетой времен Михаила VII, не затронутой реформами Комнина. Подробнее см. Часть I, гл. 3, С. 100—101.

возвращались Ромейской державе; ii) территории которые подлежали возвращению империи после смерти Боэмунда; iii) и те города и земли, которые отходили в наследственное владение к нормандскому князю и его потомкам. Вначале поговорим о городах и землях, которые, по словам Боэмунда, «ваша царственность (Алексей I Комнин. — С. Б.) отняла от владений князя Антиохии и, отделив их, включила в круг своих владений»¹²⁵⁶. В число этих территорий входила Латакия и земли сирийского побережья с Джабалой, Валанией и Тортосой, а также большая часть Киликии, в том числе вся Киликийская равнина, с Тарсом, Аданой, Мамистрой и Аназарвом. К пожизненным владениям Боэмунда, которые должны были отойти к империи после смерти нормандского князя, относились Антиохия с прилегающими землями, гавань Св. Симеона, горы Аманоса и Мараш. Наконец, наследственные владения Боэмунда должны были составить обширные территории вокруг Алеппо, Шейзара и вдоль берегов Евфрата — вплоть до самой Эдессы. В этом разделении сирийских территорий явно прослеживается византийское устремление к планомерному вытеснению франко-нормандцев к востоку от Антиохии и Аманоса, вглубь «мусульманской» Сирии.

Ромейский василевс, осознавая невозможность немедленно изгнания Боэмунда из Антиохии, все же решительно отрицал право франков на перманентное владение городом и тем более — на установление там светской или церковной власти латинян¹²⁵⁷. Впоследствии этой же позиции будет придерживаться и Иоанн II Комнин. Стоит обратить внимание на то, что в тексте договора Боэмунд именуется исключительно «дукой» (т. е. византийским наместником) и ни разу «князем» (*princeps/prīukif*), хотя известно, что к 1108 г. он уже на протяжении нескольких лет пользовался этим титулом¹²⁵⁸. Отрицалось и право нормандцев на

¹²⁵⁶ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XIII, гл. 12, С. 370.

¹²⁵⁷ Вопрос об Антиохийском патриаршестве, в т. ч. и в тексте Девольского мира, будет подробно описан в следующих главах. См. Часть I, гл. 5, С. 100—105; Часть II, гл. 1, С. 100—110; гл. 4, С. 100—110.

¹²⁵⁸ Я.Н. Любарский, в своем переводе «Алексиады», допускает здесь некоторую неточность, используя слово «князь» там, где в греческом тексте используется слово «δοῦκας». К примеру, когда речь заходит о передаче части занятых франками территорий Ромейской державе, в переводе они описаны как владения «князя города Антиохии», в то время как в греческом тексте они значатся как владения «дуки города Антиохии» (δοικικῆς ἀρχῆς τῆς κατὰ τὴν πόλιν Ἀντιοχείας); см. Анна Комнина. Указ. соч.. — Книга XIII, гл. 12, С. 370. Точный момент принятия Боэмундом титула «princeps» неизвестна. Мы не знаем, носил ли Боэмунд княжеский титул во время своего пребывания в Сирии (1098—1104),

владение киликийскими землями и приморскими городами Сирии; Девольский мир фактически лишал антиохийских франко-нормандцев выхода к морю. Единственным портом, оставленным в их руках, была гавань Св. Симеона, и то — лишь на время жизни Боэмунда. Причем нельзя не обратить внимание на фактор времени, предполагаемых сроков в Девольском мире. Антиохия, Арта, гавань Св. Симеона, хребет Аманоса и Мараш отходили к Боэмунду «пожизненно»; но на момент подписания мира нормандскому князю уже шел шестой десяток, так что возвращение этих территорий империи был вопросом 10—15 лет — вполне обозримого ближайшего будущего, а отнюдь не дальней перспективы. В то же самое время, Алексей I Комнин «щедро» предоставлял Боэмунду и его потомкам Алеппо и Шейзар — территории, которые не были заняты ни франками, ни ромеями; Алеппо оставался под властью сельджукского эмира Рыдвана, Шейзар принадлежал шиитским эмирам Мункидитам (Бену Мункыз). Причем, ромейский василевс полностью предоставлял завоевание этих территорий самому Боэмунду и его нормандцам; ни о каком участии ромейских войск или обязательствах Ромейской державы не было и речи.

Единственной действительно значимой уступкой франко-нормандцам можно считать отказ василевса от имперских прав на Эдессу — город, который еще двадцать лет назад (вплоть до 1087 г.) оставался византийским форпостом в Сирии. Вопрос об Эдессе в принципе является одним из наиболее примечательных условий Девольского мира¹²⁵⁹. Как сказано в самом тексте договора, «Нельзя оставить

но доподлинно известно, что он именовался «князем Антиохийским» во время своего «турне» по землям Италии и Франции. Первое сохранившееся документальное свидетельство, в котором Боэмунд именует себя «князем Антиохийским», относится к 1106; этот документ — послание Боэмунда к Папе Пасхалию II. См. Niestand R., ed. *Papsturkunden für kirchen im Heiligen Lande*. — Göttingen, 1985. — №7, P. 102; Asbridge T. *The Creation of the Principality of Antioch...* — с. 5, P. 131. На наш взгляд, вопрос о титулах Боэмунда имеет принципиальное значение, т. к. принятый им титул «princers» обозначал создание нового государства, в то время как титул «δούκας» являлся традиционным византийским титулом наместника Антиохии. Составляя свой комментарий к тексту Девольского мира, английский историк Томас Асбридж также отмечает, что в договоре «ни разу не упоминается титул „князь“, т. к. Боэмунд должен был быть дукой (dux) Антиохии». Asbridge T. *The Creation of the Principality of Antioch...* — с. 3, P. 96.

¹²⁵⁹ Этому вопросу, в частности, посвящены работы П.-К. Тодта и В.П. Степаненко. См. Степаненко В.П. Мараш и графство Эдесское в Девольском договоре 1108 г. // *Византийский временник*. — 1987. — Том 48. — С. 53—63; Todt K.-P. *Antioch and Edessa in the so-called Treaty of Deabolis (September 1108)* // *ARAM*. — 1999—2000. — №11—12. — P. 485—501.

здесь без упоминания вопрос об Эдессе и талантах, назначенных мне твоим хранимым богом владычеством для ежегодной выплаты — я имею в виду двести литр в монетах чеканки Михаила. Ведь, кроме прочего, священным хрисовулом вашей царственности мне было отдано и графство ... в целом вместе со всеми подвластными ему укреплениями и землями, причем графская власть вручена не только мне, но по священному хрисовулу я имею право передать ее тому, кому сам пожелаю, если, разумеется, тот, кто ее получит, будет подчиняться приказам и волей вашей царственности, как вассал той же власти и той же империи, и будет разделять и признавать мое соглашение с вами»¹²⁶⁰. Невзирая на лакуну, совершенно очевидно, что речь идет о графстве Эдесском, как и обозначено в предшествующей фразе. Напомним, что Девольский мир был подписан как раз в разгар войны Танкреда и Бодуэна II де Бурга за господство в Эдессе. Как известно, Бодуэна II де Бурга поддерживали ромейские войска из Киликии и имперский вассал — севаст Гох Васил; безусловно, ослабление нормандцев и лишение Танкреда одновременного господства в Антиохии и Эдессе вполне соответствовало интересам Ромейской державы. Однако к осени 1108 г. Алексей I Комнин очевидно решил пожертвовать историческими византийскими притязаниями на Эдессу. Города и земли эдесского графства, на которые претендовали нормандские правители Антиохии, должны были перейти к ним, в качестве компенсации за уступленные ромеям территории северо-западной Сирии. Эдесса, наряду с Алеппо и Шейзаром, становилась частью вассального франко-нормандского государства на восточных границах Ромейской державы.

Этот поворот политики Комнина подчеркивает взвешенность его амбиций и хорошую осведомленность в делах Леванта. В ту пору, когда сельджуки господствовали в центральной Анатолии и совершали набеги на едва отвоеванное ромеями западное побережье Малой Азии, василевсу не оставалось ничего другого, как отказаться от отдаленных, недостижимых евфратских земель, где были лишь небольшие общины мелькитов, а основную часть населения составляли мусульмане и христиане-миафизиты. В то же самое время, Алексей I Комнин был полон решимости занять или удержать прибрежные сирийские города (Латакию, Валанию, Тартус),

¹²⁶⁰ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XIII, гл. 12, С. 371.

лежавшие вблизи византийского Кипра и сохранившие большие анклавные греческого и мелькитского населения. Так или иначе, при всех тонкостях Девольского мира и при всей значимости этого документа — как ярчайшего выражения ромейской восточной политики — его решения так никогда и не были приведены в жизнь. Алексей I Комнин не смог ни вытеснить нормандцев из Антиохии, ни добиться повторного византийского утверждения в Киликии, Антиохии и портовых городах Сирии. Антиохийские франко-нормандцы не только не ушли в Эдессу, Алеппо и Шейзар, но, напротив — под началом Танкреда выбили ромеев из Киликии и завоевали все киликийское и северо-сирийское побережье — от Корика до Тартуса. Победа, одержанная императором над армией князя Антиохийского на Балканах (1108 г.), ни в коей мере не была победой ромейского оружия над самим княжеством Антиохийским. И договор, подписанный в Эпире, не мог привести к столь масштабному перераспределению латинских, византийских, армянских и мусульманских владений в Леванте.

***Последние попытки императора Алексея I Комнина
заключить союз с франкскими государями
против Антиохийского княжества (1109—1110 гг.)***

Подводя итоги войнам Алексея I Комнина с Антиохийским князем и осевшими в Сирии франко-нормандцами, нельзя не отметить, что эта была борьба именно против нормандской экспансии на византийские земли, но не тотальный конфликт Византии с латинским Западом или с присутствием латинян в Леванте. В событиях первой четверти XII в. нет того антилатинского ожесточения, вспышки которого можно проследить на исходе века (в особенности после смерти Мануила I Комнина). Даже в преддверии и во время балканского крестового похода император Алексей вполне разумно выкупал и возвращал свободу западным рыцарям и баронам, попавшим в плен к сарацинам. Так, в 1106 г., благодаря щедрости василевса, на Запад смог вернуться выкупленный в Египте коннетабль священной-римского императора Генриха IV — Конрад. Описывая освобождение коннетабля Конрада, Альберт Аахенский восхваляет щедрость Алексея I Комнина, называя его «великим королем греков» (*regni magno*

Гресогум)¹²⁶¹. Около 1107—1108 г. посланцы императора Алексея I Комнина выкупили в Каире и виконта Буржа — Одо Арпина. Этот шаг василевса также не мог остаться незамеченным на Западе, поскольку Одо, через Константинополь, отправился в Рим, где встречался с Папой Пасхалием II, а затем принял постриг в аббатстве Ключи¹²⁶².

Анна Комнина описывает два византийских посольства в Египет, предпринятых для освобождения плененных франкских баронов¹²⁶³. Согласно ее описаниям, император Алексей, «узнав о пленении графов и о всех выпавших на их долю несчастьях (...) стал терзаться душой и думать лишь об их освобождении»¹²⁶⁴. Более того, когда освобожденные франки перебрались из Каира в Константинополь и рассказали василевсу о своих страданиях, Алексей, «сочувствуя их страданиям, стал проливать горячие слезы» и «сразу же удостоил и многих милостей, пожаловал денег, подарил всевозможные одежды, отправил в баню и всячески старался облегчить им боль от перенесенных мук»¹²⁶⁵. При этом, автором «Алексиады» дана и вполне трезвая, реалистичная оценка действиям василевса, который, конечно же, рассчитывал на то, что освобожденные и щедро одаренные им латинские бароны, возвратившись на Запад, опровергли бы «наветы Боэмунда» и «стали живыми уликами против Боэмунда», чтобы они «обличали Боэмунда во всех городах и областях и выставляли себя как надежных свидетелей»¹²⁶⁶.

С окончанием балканского крестового похода, когда стало очевидно, что Девольский мир никогда не будет претворен в жизнь, император Алексей I Комнин не только возобновил идею военного вторжения в пределы Антиохийского княжества, но и обратился к латинским государям Иерусалима и Триполи, предлагая им совместно с ромеями выступить в поход против Танкреда. В 1111 г. в пределы Латинского Востока было направлено императорское посольство во

¹²⁶¹ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. X, c. 39—41, P. 754.

¹²⁶² Orderic Vitalis. Op.cit. — Vol. III, Lib. X, c. 22, P. 305—306.

¹²⁶³ Первое подобное посольство возглавлял некий Вардал, второе — Никита Панукмит. См. Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XI, гл. 7, С. 308; Книга XII, гл. 1, С. 320.

¹²⁶⁴ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XII, гл. 1, С. 320.

¹²⁶⁵ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XII, гл. 1, С. 321.

¹²⁶⁶ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XII, гл. 1, С. 321.

главе с Мануилом Вутумитом. Мануил повторно заручился оммажем графа Бертрана Триполийского, после чего, во главе флотилии из 12 кораблей, отправился в Акру, для встречи с королем Бодуэном I Иерусалимским¹²⁶⁷. Первоначально казалось, что переговоры с графом Бертраном и королем Бодуэном I могут привести к желанным ромейскому василевсу результатам. В Триполи была оставлена часть походной казны императора, предназначенная для предстоящего восточного похода ромейских армий. Император Алексей даже обещал оказать Иерусалимскому королю поддержку в завоевании мусульманских портовых городов Леванта, прежде всего — Тира. По словам Альберта Аахенского: «король греков обещал, что его войска придут по морю, однако из-за наступавшей зимы их невозможно было собрать»¹²⁶⁸. Совместное франко-византийское завоевание Тира так и не состоялось, а переговоры Вутумита с франками вскоре зашли в тупик. Стало очевидным, что ни король Бодуэн I, ни графы Триполи — Бертран и Понс, ни даже убежденный противник Танкреда — Жослен де Куртенэ (бывший в этот период князем Галилеи), не собирались начинать войны против Антиохийского княжества¹²⁶⁹. При всем престиже Ромейской державы, ее государь не смог создать коалиции против нормандской Антиохии. Даже когда император Алексей I Комнин был полон решимости лично повести свои войска на Ближний Восток, начав третью войну против Антиохийского княжества, он был разумно остановлен членами синклита¹²⁷⁰. С провалом миссии Мануила Вутумита, возвратившегося в Константинополь в 1112 г., ни о каком походе против Антиохии говорить уже было невозможно. Последние годы своего правления император Алексей I Комнин посвятил исключительно расширению и укреплению своих владений на Балканах и в Малой Азии, совершенно устранившись от судеб Леванта. Сходного курса, на протяжении первых 18 лет своего правления, придерживался и порфирородный сын Алексея — император Иоанн II Комнин.

¹²⁶⁷ Посольство Мануила Вутумита подробнейшим образом описано в «Алексиаде». См. Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XIV, гл. 2, С. 377—380.

¹²⁶⁸ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. XII, c. 4, P. 829.

¹²⁶⁹ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XIV, гл. 2, С. 379—380.

¹²⁷⁰ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XIV, гл. 1, С. 376—377.

Глава VI

Император Иоанн II Комнин и его походы на восток

I. Состояние Антиохийского княжества — от битвы на Кровавом поле (1119 г.) до воцарения Раймонда де Пуатье (1136 г.)

*Битва на Кровавом поле. Гибель князя Рожера
и правление короля Бодуэна II де Бурга в Антиохии (1119—1126 гг.)*

Итак, со времен последней киликийской кампании Танкреда в войнах между Антиохией и Византией наступил почти тридцатилетний перерыв (1110—1137 гг.). Новый период франко-византийских войн в Сирии связан именно с правлением Иоанна II Комнина. Как известно, Иоанн II показал себя достойным преемником своего отца, и в его правление Ромейская держава планомерно расширяла свои территории и неуклонно восстанавливала свой военный и экономический потенциал. В эти же самые годы (1119—1137 гг.) княжество Антиохийское переживало период почти неуклонного ослабления — гибели своих князей, катастрофических военных поражений и потери обширных территорий. Два последних Антиохийских князя династии Отвиллей, вместе с большей частью нормандских баронов и рыцарей, пали на поле боя. Первым погиб князь Рожер Антиохийский, чья армия была практически полностью уничтожена тюрками в битве на Кровавом Поле (28 июня 1119 г.). Уцелевшие антиохийские бароны и Патриарх Бернард Валенский призвали на помощь Бодуэна II де Бурга, ставшего к этому времени королем Иерусалимским¹²⁷¹.

¹²⁷¹ Этим событиям посвящена вторая книга «Антиохийских войн» Готье Канцлера. См. Galterii Cancellarii. Op.cit. — II Bell, P. 99—132.

Приняв всю полноту власти над княжеством Антиохийским, король Бодуэн II смог восстановить, насколько было возможно, пошатнувшееся положение этого государства крестоносцев¹²⁷². Разорывшие антиохийские земли тюрки эмира Ильгази были оттеснены после второй битвы при Тель-Даните (14 августа 1119 г.); захватившие южные города княжества арабы Шейзара — отброшены, благодаря решительной ответной кампании короля Бодуэна II¹²⁷³. По-крайней мере, для части вдовствующих антиохийских фьефов были найдены новые сеньоры — за счет иерусалимских франков и прибывавших на Восток западных рыцарей¹²⁷⁴. Казалось, что нормандская Антиохия сможет в полной мере оправиться после поражения на Кровавом Поле (1119 г.).

Правление и гибель князя Боэмунда II Антиохийского (1126—1130 гг.)

Поздней осенью 1126 г. к берегам Сирии причалила эскадра Боэмунда II, сына основателя княжества и законного наследника престола Антиохии. С именем юного Боэмунда были связаны надежды на дальнейшее укрепление и восстановление франко-нормандского княжества в северной Сирии. Король Бодуэн II де Бург охотно передал власть над княжеством сыну своего старого соратника, оказал ему все подобающие почести, лично присутствовал при его инвеституре в соборе Св. Петра.

¹²⁷² Готье Канцлер пишет о том, что Бодуэн II «принял княжеское достоинство воистину по праву» (*principatus dignitatem adeptus est, jure quidem*). См. *Galterii Cancellarii. Op.cit.* — II Bell, art. 9, P. 117. Фульхерий Шартрский даже говорит о том, что «со смертью князя Рожера Антиохийского, Бодуэн стал королем народа Антиохии». См. *Fulcheri Carnotensis. Op.cit.* — Lib. III, c. 7, P. 635. Слова этих двух очевидцев, канцлера покойного князя Рожера и капеллана короля самого короля Иерусалимского, дают достаточное основание считать, что Бодуэн II де Бург был не просто регентом или бальи Антиохии, но пользовался положением, которое было гораздо ближе правам полноценного государя, князя. Подробнее о положении Бодуэна II де Бурга в Антиохии (1119—1126 гг.) см. *Asbridge T. The Creation of the Principality of Antioch...* P. 143—146; *Mayer H.E. Jérusalem et Antioche au temps de Baudouin II // Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.* — 1980. — Vol. 124 (№4). — P. 717—734.

¹²⁷³ Кампания короля Бодуэна II де Бурга, посвященная повторному завоеванию антиохийских городов Маарат Месрина и Сармина (1122 г.), подробно описана Кемаль ад-Дином. См. *Kemal ad-Din. Op.cit.* — P. 622—623.

¹²⁷⁴ Фульхерий Шартрский пишет о том, что король Бодуэн II «раздал земли скончавшихся нобилей — живым», в том числе «соединив вдов, коих обнаружил достаточное количество, с новыми мужьями». См. *Fulcheri Carnotensis. Op.cit.* — Lib. III, c. 7, 633—634.

Более того, король Иерусалимский отдал в жены новому князю свою дочь — Алису¹²⁷⁵. Как об этом пишет Фульхерий Шартрский: «король выступил во главе великой процессии, чтобы встретить его посреди не смолкавшего ликования народа. Король и Боэмунд немедленно провели совет, после которого король передал Боэмунду все его земли и отдал за него замуж одну из своих дочерей»¹²⁷⁶. Сходное описание искреннего, полноценного союза между королем Бодуэном II де Бургом и князем Боэмундом II оставляет и Гильом Тирский¹²⁷⁷. Усама ибн Мункыз даже приводит историю о том, что с момента, как Боэмунд II вступил в наследство, король Бодуэн II де Бург во время своего пребывания в Антиохии стал покупать провиант для своих войск и лошадей, в знак подчеркнутости уважения к новому князю¹²⁷⁸.

Прибытие Боэмунда II ознаменовало кратковременное усиление итало-нормандского элемента в Антиохийском княжестве. Согласно описаниям Фульхерия Шартрского, под началом молодого Боэмунда II из Апулии пришла эскадра, состоявшая из 22 кораблей, груженных войсками и пилигримами¹²⁷⁹. Очевидно, что прибытие новых итало-нормандских рыцарей и сержантов позволило, по крайней мере, в некоторой степени укрепить пошатнувшуюся военную мощь Антиохии¹²⁸⁰. Во главе своих сирийских и итало-нормандских вассалов

¹²⁷⁵ Примечательно, что после затяжных и кровопролитных конфликтов с Танкредом, Бодуэн II де Бург всячески стремился поддерживать добрые отношения с последующими князьями Антиохии, более того — он стремился ккреплению союзнических отношений династическими браками. Еще будучи графом Эдессы, Бодуэн II отдал свою сестру — Сесилию замуж за князя Рожера Антиохийского. С прибытием Боэмунда II, де Бург (будучи уже королем Иерусалима и регентом Антиохии) со всей поспешностью организовал помолвку и венчание нового князя со своей дочерью.

¹²⁷⁶ Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. III, c. 61, P. 820—821.

¹²⁷⁷ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XIII, c. 21, P. 588—589.

¹²⁷⁸ Усама говорит о том, что посол эмира Шейзара в Антиохии «клялся, что (...) король Балдуин, покупал в этот же вечер на базаре корм для своих лошадей, хотя амбары Антиохии были наполнены собранным урожаем». См. Усама ибн Мункыз. Указ. соч. — С. 197.

¹²⁷⁹ Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. III, c. 57, P. 806.

¹²⁸⁰ Есть, по крайней мере, несколько свидетельств того, что воцарение Боэмунда II сопровождалось переселением новой волны итало-нормандцев на земли Антиохии. К примеру, Гильом Тирский упоминает о том, что спустя год после кончины Боэмунда II, мятеж его вдовы — княгини Алисы, помог подавить один из итало-нормандских рыцарей покойного князя — Вильгельм из Аверсы. См. Guillaume de Tyr.

Бозмунд II отбил у арабов Кафартаб (1127 г.), атаковал Шейзар и даже принял участие в походе короля Бодуэна II де Бурга на Дамаск¹²⁸¹. Эти походы, в сочетании с обаянием молодого князя, вселяли надежду на возрождение прежней мощи нормандской Антиохии. Даже внешне Бозмунд II напоминал своего великого отца. Гильом Тирский описывает его как человека, «не уступавшего никому из смертных в благородстве облика», потомка великого Робера Гвискара и французских королей, мужа «высокого и хорошо сложенного. У него были светлые волосы и правильные черты лица. Его манера держаться выдавала в нем князя (...) Его речь была приятной и легко вызывала симпатию собеседников. Он был щедрым человеком и, как и его отец, поистине великолепным»¹²⁸². Матфей Эдесский говорит о Бозмунде II как о человеке, «который подчинил своему авторитету, силе и неотразимому влиянию весь народ франков»¹²⁸³.

Однако правление нового князя оказалось непродолжительным. В феврале 1130 г. князь Бозмунд II начал поход против армянского княжества Рубенидов. «Властитель гор» Левон I Рубенид, как и его предшественник — Торос I, стал постепенно расширять свои владения за счет земель равнинной Киликии, принадлежавшей антиохийским

Op.cit. — Lib. XIII, c. 27, P. 600. В 1135 г. одним из двух претендентов на латинский патриарший престол Антиохии был итало-нормандский каноник Арнульф, уроженец Калабрии, который также, очевидно, прибыл на восток в правление князя Бозмунда II. Проиграв борьбу за патриаршество, он вернулся в Италию, где состоял при дворе короля Рожера II и стал епископом калабрийской Косенцы. См. Ibid. — Lib. XV, c. 12, P. 677; Hamilton B. The Growth of the Latin Church at Antioch // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. — Leuven, 2006. — P. 179.

¹²⁸¹ Описание взятия Кафартаба князем Бозмундом II и истребления всех найденных там сарацин оставляет Гильом Тирский. См. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XIII, c. 21, P. 589. Арабский автор — Усама ибн Мункыз, в свою очередь, отмечает, что «народ перенес от этого дьявола Ибн Маймуна (т. е. „сына Бозмунда“. — С. Б.) великие бедствия». См. Усама ибн Мункыз. Указ. соч. — С. 197. Усама вспоминает и о том, как он, в составе аскара своего дяди, участвовал в отражении нападения Бозмунда II на Шейзар, когда он встретил молодого Антиохийского князя на поле боя. При этом Усама отмечает молодость и неопытность Бозмунда II. Подробнее, см. Ibid. — С. 197–199. О совместном походе Иерусалимского короля Бодуэна II де Бурга, князя Бозмунда II Антиохийского, графов Понса Триполитского и Жослена I Эдесского на Дамаск, см. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XIII, c. 26, P. 595–598.

¹²⁸² Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XIII, c. 21, P. 589.

¹²⁸³ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — c. 250, P. 319.

франкам¹²⁸⁴. Прослышав о наступлении князя Боэмунда II Антиохийского, Левон I Рубенид спешно заключил союз с эмиром Никсара — Гази Гюмюштекином, войска которого вошли в восточную Киликию. Вскоре между Мамистрой и Аназарвом произошло решающее сражение тюрок и армян с франко-нормандцами¹²⁸⁵. Авангард князя Боэмунда II Антиохийского, который насчитывал, если верить Ордерiku Виталию, всего 200 рыцарей и конных сержантов, был окружен и перебит превосходящими силами эмира Гази Гюмюштекина. Как об этом пишет Ордерик Виталий, «кровь верных лилась в этой проклятой распре, а язычники добились великой победы»¹²⁸⁶. Сам Боэмунд II пал в сражении, а его голова — забальзамирована и отправлена эмиром Гази Гюмюштекином в Багдад, в качестве дара халифу Аль-Мустаршиду¹²⁸⁷.

¹²⁸⁴ Подробнее о причинах между франкскими князьями Антиохии и армянскими князьями нагорной Киликии, см. Степаненко В.П. Равнинная Киликия во взаимоотношениях Антиохийского княжества и княжества Рубенидов в 10—40-х годах XII в. // Византийский временник. — 1989. — Том 49. — С. 122—123.

¹²⁸⁵ Гильом Тирский говорит о том, что битва произошла у Мамистры, Михаил Сириец называет местом сражения «равнину близ Аназарва». См. Guillaume de Tug. Op.cit. — Lib. XIII, c. 27, P. 598—599; Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVI, c. 3, P. 227.

¹²⁸⁶ Orderic Vitalis. Op.cit. — Vol. III, Lib. XI, c. 29, P. 410.

¹²⁸⁷ Наиболее подробное описание этого сражения приведено в «Церковной истории» Ордерика Виталия, в хронике Михаила Сирийца и в Анонимной сирийской хронике. Англо-нормандский хронист дает описание того, как молодой Антиохийский князь, во главе отряда из 200 всадников атаковал подступавшую тюркскую армию, отказываясь отступать и «предпочитая, после гибели своих соратников, смерть — отступлению. Так, безбродый юноша бросился против целого войска и пал, сражаясь за дело Христа». При этом Ордерик подчеркивает, что «собрал эти сведения у верных воинов Христовых, которые, ради Него, стали изгнанниками на Востоке», и писал со слов «тех, кто присутствовал при всех этих событиях». Единственной его явной ошибкой является то, что он помещает это сражение на берега Евфрата, а не в восточную Киликию. См. Orderic Vitalis. Op.cit. — Vol. III, Lib. XI, c. 29, P. 410—411.

Михаил Сириец, описывая это сражение, представляет дело так, словно бы Левон и армяне нагорной Киликии столкнулись с одновременным вторжением тюрок и антиохийских франков. «Франки не подозревали о приближении тюрок, а турки — о близости франков: но обе стороны, и турки, и франки, пришли против армян». См. Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVI, c. 3, P. 227. Михаил приводит описание сражения, близкое описаниям Ордерика. Боэмунд II с несколькими рыцарями оказался лицом к лицу с многочисленной тюркской конницей; он бросился в атаку, но затем был окружен на одном из холмов, а его отряд — полностью перебит. При этом Михаил Сириец говорит о том, что турки убили, а не пленили Боэмунда II, поскольку не распознали в нем князя. Когда же он был убит и опознан, его голова была преподнесена эмиру Гази Гюмюштекину. Тот велел «забальзамировать голову Боэмунда и отослать

Гибель князя Боэмунда II ознаменовала переломный период в истории Антиохийского княжества. Отныне это некогда мощное государство, простиравшееся от Селевкии и Тарса до предместий Алеппо, будет неуклонно терять территории, отражая натиск мусульман на востоке и христианских (ромейских и армянских) государей на северо-западе. К началу 1132 г. вся равнинная Киликия (с Тарсом, Аданой и Мамистрой) была потеряна антиохийскими франками, которые уже не могли сдерживать натиск «властителя гор» Левона I Рубенида. Согласно хронике Смбата Спарапета: «В 581 г. армянского летоисчисления (1132 г.) Левон, сын Константина, взял киликийские города Мамистры, Аданы и Тарса. Франки атаковали его и, в силу своего злого поведения, посвятили себя разорению этих земель»¹²⁸⁸. Эти слова армянского хрониста позволяют предположить, что антиохийские бароны не собирались сдавать киликийские земли: они совершали разорительные рейды в Киликию, но отвоевать утраченных городов, конечно же, уже не могли. Спустя три года, в 1134 гг., франки потеряли и обширные территории к востоку от Оронта; города-крепости Аль-Атариб, Зардана, Кафартаб, Маарат ан-Нуман пали перед аскарами эмира Имад ад-Дина Зенги, объединившего власть над эмиратами Алеппо и Мосула¹²⁸⁹. При этом завоевание франкских городов к востоку от Оронта сопровождалось тотальным истреблени

ее, вместе с другими дарами, оружием и лошадьми, халифу Багдада». Ibid. — P. 227. Сходной версии придерживается и автор Анонимной сирийской хроники, который, однако, утверждает, что голова (в его версии — скальп) Боэмунда II был отправлен не халифу, а великому сельджукскому султану. См. Tritton A.S., Gibb. H. The First and Second Crusades from an Anonymous Syriac Chronicle // Journal of the Royal Asiatic Society. — Cambridge, 1933. — P. 99. Следует отметить, что Михаил Сириец, отрицая факт союза между тюрками и киликийскими армянами, тем не менее, отмечает, что после битвы Левон I Рубенид «занял перевалы и перебил множество франков», т. е. вероятно — подступавшие войска антиохийских франков, т. к. в битве у Аназарва/Мамистры был истреблен только авангард князя Боэмунда II. См. Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVI, c. 3, P. 227. Здесь, конечно же, нельзя не обратить внимание на то, как судьба свела на поле боя пару отцов и пару сыновей. Если в 1100 г. во время битвы при Мелитене, князь Боэмунд I Антиохийский был пленен эмиром Данишмендом Гази, то спустя тридцать лет их сыновья также встретились на поле боя, в восточной Киликии, где сын Данишменда — Гюмюштекин принял, в качестве трофея, голову павшего Боэмунда II. На это обстоятельство особое внимание обращает автор Анонимной сирийской хроники.

¹²⁸⁸ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 73.

¹²⁸⁹ Kemal ad-Din. Op.cit. — P. 670—671.

ем христианского (в том числе восточно-христианского, сирийского и армянского) населения. Как об этом пишет Михаил Сириец, эмир Зенги нарушил условия сдачи Аль-Атариба и Зарданы; «он нарушил собственные клятвы и стал силой добиваться перехода населения в ислам; поскольку никто из жителей не отрекался от своей веры, он перебил всех»¹²⁹⁰.

Междоусобицы сирийских франков (1131—1134 гг.)

В то же самое время, параллельно с усилением армян Киликии и сирийских мусульман, франки все больше страдали от разделений и междоусобиц. Смерть Боэмунда II Антиохийского привела к смуте среди заморских франков¹²⁹¹. Законной наследницей княжеского престола Антиохии оказалась единственная дочь убитого князя — четырехлетняя княжна Констанция. Однако вдова Боэмунда II — княгиня Алиса была полна решимости править самостоятельно. Поскольку это решение не встретило поддержки со стороны большинства баронов и клира, Алиса обратилась за помощью к главному противнику франков — эмиру Имад ад-Дину Зенги. Этот шаг Алисы вызвал немедленное возмездие со стороны других франкских государей и, в первую очередь, отца княгини — короля Бодуэна II де Бурга. Армия короля Иерусалимского подступила к стенам Антиохии. Алиса и ее сторон-

¹²⁹⁰ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVI, c. 6, P. 238.

¹²⁹¹ Хотя нельзя не отметить, что уже при жизни Боэмунда II среди сирийских франков вновь наметились серьезные разногласия и склонность к междоусобице. Взойдя на престол, молодой князь Антиохийский потребовал от графа Жослена I Эдесского вернуть ему город Азаз. Этот город Жослен I получил после брака с Марией, сестрой прежнего князя Антиохии — Рожера (ок. 1118 г.). Спор из-за Азаза, лежавшего на стыке антиохийских и эдесских земель, быстро привел к открытой войне. В 1127 г. граф Жослен I Эдесский разорил северо-восточные области княжества Антиохийского (вероятно, вспомнив о своих кампаниях двадцатилетней давности, когда он воевал с Танкредом). За это латинский Патриарх Антиохии — Бернард Валенский наложил интердикт на все графство Эдесское (епархии которого входили в его юрисдикцию). Как об этом повествует Михаил Сириец: «Патриарх вознегодовал; он приказал закрыть церкви, запретил совершать богослужение, звонить в колокола и совершать отпевание». См. Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVI, c. 2, P. 224. К началу 1128 г., мир между князем Антиохии и графом Эдессы был восстановлен, благодаря личному вмешательству короля Бодуэна II де Бурга и непреклонности Патриарха Бернарда. См. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XIII, c. 22, P. 590—591.

ники укрылись в цитадели, а ворота города были открыты жителями Антиохии¹²⁹². Когда в город, к стенам цитадели прибыл сам Бодуэн II де Бург, Алиса, не смея больше сопротивляться, сдалась на милость своего отца. Невзирая на то, что Гильом Тирский и многие позднейшие историки пишут о «ссылке», постигшей Алису, нельзя не отметить, что наказание, наложенное королем Бодуэном II, было на удивление мягким. Алисе было запрещено появляться в Антиохии, но, в то же время, она сохранила, в качестве апанажа, приморские земли с портовыми городами Латакией и Джабалой¹²⁹³. Поход против собственной мятежной дочери стал последней кампанией короля Бодуэна II де Бурга. Этот государь, которому, на исходе его бурной жизни, готовы были покориться все прочие франкские князья, графы и бароны Заморской земли, умер в сентябре 1131 г. в Иерусалиме. Незадолго до смерти он принял постриг, закончив свои дни каноником Храма Гроба Господня¹²⁹⁴. В том же году скончался и кузен де Бурга — граф Жослен I Эдесский, которому король доверил пост бальи княжества Антиохийского и опеку над малолетней княжной Констанцией¹²⁹⁵.

¹²⁹² Согласно хронике Гильома Тирского, во главе антиохийских франков, открывших ворота королевской армии, был монах Петр Латинянин из монастыря Св. Павла, и один из княжеских итало-нормандских рыцарей, Вильгельм Аверский. Подняв латинское население, они открыли ворота Дуки (через которую вошла колонна графа Фулька Анжуйского) и ворота Св. Павла — для войск графа Жослена I Эдесского.

¹²⁹³ Подробнее о мятеже Алисы и походе короля Бодуэна II де Бурга на Антиохию, см. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XIII, c. 27, P. 599—601. См. также: Брюн С.П. Власть и общественное положение франкской женщины на Латинском Востоке // Диалог со временем. — 2013. — №43. — С. 202—203.

¹²⁹⁴ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XIII, c. 28, P. 601—602.

¹²⁹⁵ Жослен I Эдесский скончался поздней осенью или зимой 1131 г., во время похода против вторгшихся в пределы его графства тюрок эмира Гази Гюмюштекина (того самого, который за год до этого, своим рейдом в Киликию, привел к гибели Боэмунда II Антиохийского). Незадолго до своего последнего похода старый граф получил тяжелейшие травмы, во время осады арабской крепости неподалеку от Алеппо. Как об этом повествует Михаил Сириец: «... под крепостной стеной был сделан подкоп, и Жослен спустился, дабы осмотреть его. Внезапно подкоп обрушился и засыпал графа; его вытащили еле живого и повезли в Тель-Башир (Турбессель). Там до него дошла весть, что эмир Гази собрал войска и готовится вторгнуться на его земли. Жослен объявил о сборе войска, и велел себя нести на носилках. Так они выступили навстречу тюркам. Когда же они достигли Эдессы, Жослен скончался (...) Услышав о смерти Жослена, Гази прекратил войну и отправил гонцов к франкам со словами: „Я соболезную вам, и что бы кто ни говорил, но сейчас я не стану воевать с вами. После смерти вашего государя я легко могу одолеть ваших воинов. Сейчас же спокойно занимайтесь вашими делами,

В Иерусалиме королевский престол перешел к старшей дочери Бодуэна II де Бурга — Мелисанде и ее супругу — Фульку Анжуйскому. Новый король немедленно столкнулся с сопротивлением северных, сирийских государей и сеньоров, которые, покоряясь авторитету и первенству чести первых королей Иерусалима (Бодуэна I и Бодуэна II де Бурга), совершенно не были готовы автоматически признавать сходные права за новым, «анжуйским» королем, лишь недавно прибывшим на Восток. Против Фулька сформировался союз сирийских феодалов, во главе которого встали граф Понс Триполийский, молодой граф Эдессы — Жослен II, княгиня Алиса Антиохийская — сеньора Латакии и Джабалы, и некоторые другие антиохийские бароны, такие как братья Гильом и Гарентон, сеньоры Зарданы и Саона¹²⁹⁶. Когда, в конце осени 1132 г. король Фульк выступил на север, чтобы, по примеру своего покойного тестя, принять регентство над княжеством Антиохии, граф Понс преградил королевским войскам путь в пределы графства Триполи. Король Фульк должен был посадить своих рыцарей и сержантов на корабли в Бейруте и морем идти к гавани Св. Симеона. Там Иерусалимский король и его рыцари благополучно высадились и вошли в Антиохию. Это явно говорит о том, что если франки Триполи и Эдессы (во главе со своими графами) единодушно выступили против нового иерусалимского короля, то антиохийские франки были разделены на две противоборствующие партии. Часть

поставьте себе нового правителя по вашим законам и живите с миром на своих землях. Вам не стоит опасаться ни меня, ни моих воинов». См. Michel le Syrien. Op.cit. — Voi. III, Lib. XVI, c. 5, P. 232. Гильом Тирский оставляет сходное, но несколько более реалистичное описание этих событий. Причем архиепископ Тира указывает на то, что изначально израненный граф Эдессы доверил командование армией своему сыну — Жослену II, однако тот отказался выступать в поход, ссылаясь на малочисленность франкского войска. Тогда умирающий Жослен I лично повел армию к осажденному тюрками Кайсуну, приказав везти себя на телеге. Когда до Гази Гюмюштекина дошла весть о приближении эдесского войска, во главе со старым графом, эмир увел свои войска на север, покинув франкские земли. Тогда же граф Жослен I, возблагодарив Бога, умер, на дороге между Турбесселем и Кайсуном. См. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XIV, c. 3, P. 609—611. Похоронили графа Жослена I в латинской церкви города-крепости Дулук (современный Газиантен), близ Турбесселя. См. Tritton A.S., Gibb. H. The First and Second Crusades from an Anonymous Syriac Chronicle... — P. 100.

¹²⁹⁶ Гильом Тирский называет этих сеньоров как предводителей выступления против короля Фулька, но инициатором союза считает именно княгиню Алису. См. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XIV, c. 4, P. 611—612. См. также Брюн С.П. Власть и общественное положение франкской женщины на Латинском Востоке... — С. 203.

баронов, во главе с княгиней Алисой и сеньорами Саона и Зарданы были в числе поднявших оружие против Фулька; другая часть, во главе со старым Патриархом Бернардом и сеньором Валании и Маркаба — Рено I де Мазуаром держались союза с Иерусалимским королем.

Вскоре после вступления Фулька в Антиохию произошло открытое сражение между королевскими сторонниками и подошедшими с юга войсками графа Понса и княгини Алисы. Армии франков встретились друг с другом близ Руги, и столкновение закончилось победой королевских войск. После битвы противоборствующие партии вступили в переговоры; графы Понс и Жослен II, Алиса и другие сирийские бароны примирились с королем, который, в свою очередь, принял пост бальи и регента (фактические обязанности бальи были возложены на коннетабля Антиохии — Рено I де Мазуара)¹²⁹⁷. Несмотря на мирное завершение, эта война стоила франкам напрасно потраченных сил и крови. Как пишет в своей «Дамасской хронике» Ибн аль-Каланиси, «из владений франков пришло сообщение о споре, возникшем между ними, — хотя для них это было необычным делом, — и ссора закончилась схваткой, в которой многие из них погибли»¹²⁹⁸. Более того, она протекала параллельно с завоеваниями Левона I Рубенида в Равнинной Киликии (1131—1132 гг.) и в преддверии разрушительной кампании эмира Зенги на восточных рубежах Антиохийского княжества (1134—1135 гг.).

Раймонд де Пуатье — князь Антиохийский.

Возобновление франкской борьбы за Киликию (1136—1137 гг.)

В 1136 г., спустя шесть лет после гибели Боэмунда II, на Антиохийский престол был призван новый западный кандидат — Раймонд де Пуатье, младший сын герцога Гильома IX Аквитанского. За Раймонда была выдана шестилетняя дочь князя Боэмунда II, что предоставило аквитанскому нобилю право на престол

¹²⁹⁷ Описание междоусобной войны короля Фулька Анжуйского с сирийскими франками приведено в хронике Гильома Тирского. См. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XIV, с. 4—5, P. 611—614.

¹²⁹⁸ Гибб Г. Дамасские хроники крестоносцев... С. 153.

in matrimoniam¹²⁹⁹. Благодаря этому браку произошло слияние старой и новой династии — рода Отвиллей и рода Пуатье. Восшествие Раймонда на княжеский престол спровоцировало приток аквитанских рыцарей, сержантов и клира в пределы Антиохийского княжества, что в известной степени способствовало как его укреплению, так и окончательному переходу от исключительно «нормандского» княжества к смешанному, собирательно «франкскому» государству¹³⁰⁰. Новый князь Антиохии, как и его павший предше-

¹²⁹⁹ История призвания Раймонда де Пуатье на княжеский престол Антиохии подробно передана Гильомом Тирским. Согласно его хронике, направленные на Запад послы «заморских» франков должны были преодолеть почти всю Европу, т. к. Раймонд де Пуатье находился в Англии, при дворе посвятившего его в рыцари короля Генриха I. Когда весть о призвании на княжеский престол Антиохии была передана, Раймонд, вместе с полами, отправился в Сирию, причем часть пути он преодолевал инкогнито. Контролирувавший южно-итальянские портовые города Рожер II де Отвилль, также претендовавший на Антиохийский княжеский престол, не желал пропускать через свои владения «аквитанского» претендента. В итоге, Раймонд смог, миновав досмотрщиков Рожера II, сесть на корабль и отплыть к сирийским берегам. В Антиохии Раймонд был возведен на княжеский престол партией баронов, на сторону которых встал латинский Патриарх Рауль I Домфрон, совершивший в базилике Апостола Петра венчание Раймонда де Пуатье законной наследницей княжества — девятилетней княжной Констанцией де Отвилль, единственной дочерью князя Боэмунда II. Главное препятствие на пути Раймонда к престолу представляла мать Констанции и вдова Боэмунда II — Алиса, также пользовавшаяся поддержкой части населения и нобилитета и, к тому же, державшая один из великих фьефов княжества — сеньорию Латакии и Джабалы. Однако Патриарх Рауль сумел убедить княгиню Алису, что славившийся своей красотой и доблестью Раймонд прибыл, чтобы предложить руку ей, а не Констанции. Вероятно, этот обман Патриарха был поддержан знаками внимания со стороны самого Раймонда. Когда же Алиса погрузилась в подготовку к свадьбе, до нее дошла весть о состоявшемся венчании собственной дочери с ее «нареченным» женихом. Венчание с Констанцией, совершенное Патриархом Раулем, естественно, обесценило Раймонду и инвеституру в качестве князя Антиохии. См. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XIV, с. 20, P. 635—637.

¹³⁰⁰ Так, Ордерик Виталий пишет о сподвижниках и войсках Раймонда как об «аквитанцах». См. Orderic Vitalis. Op.cit. — Vol. IV, Lib. XIII, с. 34, P. 192. К числу аквитанской знати принадлежали как Петр Армоин — назначенный Раймондом шателеном Антиохии, так и призванный на Восток племянник Петра — Амори де Лимож, ставший вначале деканом, а затем — Патриархом Антиохии. См. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XV, с. 18, P. 688. Возможно, что к числу аквитанцев принадлежал и Бодуэн — граф Мараша и Кайсуна. Во всяком случае, армянские первоисточники — Пресвитер Григорий и Василий Доктор (а последний был духовником Бодуэна), утверждают, что граф Бодуэн Марашский был братом князя Раймонда Антиохийского. См. Grégoire le Prêtre. Op.cit. — P. 161; Basil le Docteur. Oraison funèbre de Beaudoin, comte de Marasch et de Kéçoun // RHC Arm. I. — Paris, 1869. — P. 213, 215. Латинские источники ничего не говорят об их родственной связи; возможно, что армянские авторы скорее имеют в виду

ственник, поражал современников молодостью, красотой и плеядой качеств, соответствовавших идеалам западного рыцарства¹³⁰¹.

Придя к власти в 1136 г., князь Раймонд немедленно посвятил все свои силы возобновлению борьбы за города Равнинной Киликии, перешедшей к Левону I Рубениду. К этому времени армянский государь не только правил вырванными у Антиохии киликийскими землями; Левон продолжил экспансию на восток, поглощая все новые франкские территории и закрепившись на северных склонах Аманоса, где он захватил замок Сервантикар. Новый князь Антиохии намерен был отбить у армян утраченные северные земли, заручившись для этих целей поддержкой иерусалимского короля Фулька, приславшего на север часть своих войск. Согласно хронике Смбата Спарапета, «король и антиохийская конница (...) вместе с другими нечестивцами» вошли в Киликию, где «разорили земли и захватили бесчисленное множество христиан»¹³⁰². Однако на стороне Левона I Рубенида выступил граф Жослен II Эдесский, очевидно, не желавший усиления Антиохийского князя и, к тому же, имевший тесные родственные связи с Рубенидами (Жослен II был племянником Левона). Это немедленно превратило войну в Киликии из объединенного франкско-

«двоюродный брат» или «сородич». Более отдаленная степень родства намного более вероятна, т. к. известно, что Бодуэн знал Восток лучше Раймонда; он изучил армянский язык и обычаи и окружил себя армянскими сановниками, о чем также говорит Василий Доктор. Тем не менее, родственная связь Бодуэна и Раймонда несомненна, т. к. игнорировать армянские первоисточники невозможно. И эта связь дала основание Т. С.Р. Боусу писать о том, что Бодуэн, вероятней всего, получил великую сеньорию Мараша, Кайсуна и Рабана «от Раймонда, в качестве буферного образования, разделявшего Антиохию и Эдессу». См. Boase T.S. R., ed. *The Cilician Kingdom of Armenia*. — Edinburgh, 1978. — P. 11. См. также MacEvitt C. *The Crusades and the Christian World of the East*... P. 94.

¹³⁰¹ Гильом Тирский посвятил целую главу своей хроники описанию внешности и характера князя Раймонда. По словам архиепископа Тирского, Раймонд был «удивительно высоким и прекрасно сложенным (...), превосходившим по красоте всех королей и правителей мира; человек приятный в обращении и беседе, открытый и несравненно великолепный; в своих познаниях военной тактики и умении владеть оружием он превосходил всех, кто был до и после него; покровитель письменности, хоть и сам безграмотный...». Гильом называет Раймонда благочестивым христианином «с особой жадой» посещавшим службы церковных праздников, верным мужем, оберегавшим свою супругу — Констанцию, князем «щедрым и щедрым без меры», и, в то же время — человеком вспыльчивым, опрометчивым, и слишком привязанным к азартным играм. См. Guillaume de Tyr. *Op.cit.* — Lib. XIV, c. 21, P. 637—638.

¹³⁰² Bedrosian R., ed. *The Armenian Chronicle of Sempad*... P. 73.

го похода против армян в новую междоусобицу сирийских франков, подобную войне христианских государей Сирии в 1107—1109 гг.¹³⁰³. Жослен II прибыл на помощь к Левону во главе франко-армянского воинства Эдесского графства, принудив князя Раймонда и графа Бодуэна Марашского покинуть Киликию. Тогда же граф Бодуэн призвал Левона I для переговоров о мире, однако вероломно пленил армянского князя и передал его князю Раймонду Антиохийскому. Пленение Левона I спровоцировало междоусобную войну между его сыновьями, и вскоре «властитель гор» должен был пойти на колоссальные уступки франкам¹³⁰⁴. Как повествует Смбат Спарамет, князь Раймонд получил «сыновей Левона в качестве заложников, 60,000 тахеганов, а также города Мамистру, Адану и Сервантикар, после чего отпустил Левона домой»¹³⁰⁵. После этой, скорее дипломатической, нежели военной победы франков, до Сирии и Киликии стали доходить тревожные вести о том, что ромейский василевс Иоанн II снаряжает войска и флот для похода на Ближний Восток. Князья Раймонд и Левон I Рубенид, при активном посредничестве графа Жослена II Эдесского, заключили некое подобие оборонительного союза против ромейского василевса¹³⁰⁶.

Однако в 1137 г. все франкские государи северной Сирии — Раймонд Антиохийский, граф Жослен II Эдесский, граф Бодуэн Марашский — должны были выступить на юг, в пределы графства Триполи, где непримиримый противник ближневосточных христиан, эмир Имад ад-Дин Зенги, нанес новое поражение франкам. В битве у крепости Баарин (или, как ее называли триполийские франки — замка Монферранд), эмир Зенги наголову разбил армию короля Фулька Анжуйского и пленил графа Раймонда II Триполийского. Прорвавшийся с поля боя король Фульк, во главе небольшого гарнизона и уцелевших

¹³⁰³ Подробнее о войне Танкреда, графа Бодуэна II де Бурга и князя Гох Васила (1107—1109 гг.) см. Книга I, гл. III, С. 100—105.

¹³⁰⁴ Подробнее о войне Раймонда де Пуатье и Левона I Рубенида за Равнинную Киликию см. Grégoire le Prêtre. Chronique de Grégoire le Prêtre // RHC Arm. I. — Paris, 1869. — P. 152; Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 74; Cahen C. La Syrie du Nord... P. 358; Степаненко В.П. Равнинная Киликия во взаимоотношениях Антиохийского княжества и княжества Рубенидов... — С. 124—125.

¹³⁰⁵ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 74.

¹³⁰⁶ О заключении подобного союза говорит Иоанн Киннам. См. Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга I, гл. 7, С. 15.

рыцарей, из последних сил держался в посаженном замке Монферранд, откуда посылал отчаянные призывы о помощи к франкам Антиохии и Эдессы¹³⁰⁷. Как об этом пишет Ибн аль-Каланиси, «Имад ад-Дин вернулся к замку Баарин, куда бежал (...) граф Анжуйский, с теми из вождей франков, которые его сопровождали, обескровленные и перепуганные (...) Имад ад-Дин разбил свой лагерь и осадил замок, где они укрывались, страдая от блокады и его атак, пока запасы их продовольствия не истощились и они не стали есть собственных лошадей. Остальные франки на своих землях (...) собрали свои силы и присоединились к сыну Жослена (Жослену II. — С. Б.) и правителю Антиохии (князю Раймонду. — С. Б.) и, набрав рекрутов, отправились на помощь забытому богом и охваченному горем гарнизону Баарина, чтобы оградить его от горя, страха и истребления, угрожавших ему»¹³⁰⁸. Так, с выступлением в поход Раймонда Антиохийского и графа Жослена II, Левон I Рубенид, под властью которого, после территориальных уступок франкам, оставалась западная часть Киликийской равнины, Нагорная Киликия, а также Тарс и Аназарв, оказался в одиночестве перед лицом ромейского вторжения.

II. Первый восточный поход императора Иоанна II Комнина (1137—1138 гг.). Завоевание Киликии. Утверждение византийского сюзеренитета над Антиохией и Эдессой

Ромейское завоевание Киликии. Падение государства Рубенидов

Поскольку расстановка сил на Ближнем Востоке явно благоприятствовала комниновской империи, василевс Иоанн II, на девятнадцатом году своего правления, решил нанести удар по княжествам киликийских армян и сирийских франков и восстановить ромейское господство в северной части Леванта. Византийские историки (Киннам и Хониат) пишут о том, что предлогом для войны стала экспансия

¹³⁰⁷ Описание битвы у Монферранда (Баарина) и последующей осады замка, см. Гибб Г. Дамасские хроники крестоносцев... С. 171—172; Kemal ad-Din. Op.cit. — P. 672—673; Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... P. 420; Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XIV, c. 25—27, p. 643—647.

¹³⁰⁸ Гибб Г. Дамасские хроники крестоносцев... С. 172.

Левона I Рубенида на запад, в византийскую Исаврию, где армяне отбили у ромеев несколько крепостей. Согласно византийским хроникам, Левон даже готовился осадить Селевкию — форпост Ромейской державы на юге Малой Азии¹³⁰⁹. Летом 1137 г. Иоанн II лично возглавил великий восточный поход ромейских армий, став первым василевсом, вступившим в Левант со времен Романа IV Диогена и катастрофической битвы у Манцикерта (1071—1072 гг.)¹³¹⁰. Личное участие василевса, шедшего во главе многочисленной и хорошо оснащенной армии, возымело сильнейший политический и психологический эффект, прямо свидетельствуя о восстановлении мощи Ромейской державы и напоминая о восточных походах императоров Никифора II Фоки, Иоанна I Цимисхия и Василия II.

Первый и главный удар Иоанна II пришелся по государству Рубенидов. Ромейская армия с боем прошла через киликийские земли, поступательно выбивая армянские войска из каждого значимого города и крепости; Тарс пал перед армией василевса еще на ранней стадии кампании. Более того, ромеи стали продвигаться вглубь Нагорной Киликии, куда стекались разбитые армяне. Князь Левон I Рубенид стянул все возможные силы к Аназарву, надеясь использовать город как опорный пункт для продолжения борьбы с ромеями, которым он перекрывал доступ к армянским владениям в горах Тавра. Император Иоанн II спешно повел свою армию к Аназарву, и после месячной осады город пал¹³¹¹. К этому времени Левон находился уже

¹³⁰⁹ Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга I, гл. 7, С. 15; Никита Хониат. Указ. соч. — Книга I, гл. 7, С. 34.

¹³¹⁰ Еще раз напомним, что отец Иоанна II — Алексей I Комнин, в годы норманно-византийских войн в Сирии ни разу лично не появлялся в пределах Леванта. Его поход к Антиохии в 1098 г. был остановлен в Филомелиуме, еще на западных подступах к Киликии; его планируемый великий поход против Танкреда и антиохийских франков так никогда и не состоялся. Что касается кампаний 1100 г. и 1104 г., то их ведение было доверено ромейским военачальникам — Мануилу Вутумиту, Иоанну Монастре, Иоанну Кантакузину и т.д.

¹³¹¹ Византийская осада Аназарва прекрасно описана Никитой Хониатом. «Этот город и сам по себе был многолюден, обнесен крепкими стенами и расположен на утесистых скалах; а тогда он сделался еще сильнее, потому что в нем, как в безопасном убежище, укрылись люди, вполне вооруженные и весьма храбрые, к нему прибавлены были новые укрепления, и он снабжен был всякого рода машинами». При этом Хониат говорит и о том, что император Иоанн II Комнин использовал против армян турецких наемников, увидев которых, защитники Аназарва «воспламенились (...) гневом и (...) отворив ворота, выступили против них. В последовавшей за тем битве они

в верхнем Тавре, где занял оборону в родовом замке Рубенидов — Вакхе.

Император Иоанн II оставил часть своей армии в Нагорной Киликии для осады Вакхи и других, еще непокоренных армянских крепостей. Сам он, с главными силами, продолжил движение через восточную Киликию — к заливу Александретты и горам Аманоса¹³¹². Осажденная ромейскими войсками Вакха пала зимой 1137—1138 гг. Тогда же ромеями был пленен (по другим версиям — добровольно сдался) Левон I Рубенид. Как сказано в хронике Смбата Спарапета, Иоанн II Комнин «захватил жену, сыновей и дочерей Левона. Левон же сам прибыл к императору и был отправлен в Константинополь, в цепях, со всей своей семьей и чтимой иконой Божьей Матери»¹³¹³.

действительно одолевают персов и, обратив их в бегство, далеко преследуют. Но когда бегущие персы (...) обратились назад, потому что и римские легионы подоспели им на помощь, тогда битва принимает противоположный вид, и армяне поневоле запираются в стенах. Вскоре за тем к стенам подвозятся осадные машины и бросаемыми из них шаровидными камнями поражаются башни. Но и варвары не оставались при этом в бездействии: напротив и они также, поставив на своих укреплениях машины, бросали в войско тяжелые камни и пускали раскаленные куски железа, и как в этом отношении имели решительный перевес над римлянами, то сначала весьма многие из римлян были ранены. Затем, одушевившись, армяне выходят из крепости и, произведя неожиданное и стремительное нападение, сжигают осадные машины, легко поджегши тростниковые циновки и плетенки, которыми для защиты покрыты были машины». После того, как ромейские осадные орудия проделали брешь в стенах, город сдался на милость василевса. Согласно Хониату, «городская стена во многих местах была разрушена, и доступ в город сделался удобным, — многочисленные неприятели, прежде дерзкие и потрясавшие оружием, преклоняются пред царем и, скорее по необходимости, чем по доброй воле, сдают ему город Аназарву; да и то не тотчас, но после вторичной попытки защититься, после неоднократных сражений, после того как перешли за другую, смежную стену и опять отсюда также, как из-за первой стены, не без крови отражали и отбивали римлян». См. Никита Хониат. Указ. соч. — Книга I, гл. 7, С. 38—39. Также см. Иоанн Киннам Указ. соч. — Книга I, гл. 7, С. 16—17.

¹³¹² На этой стадии похода император Иоанн II восстановил Александретту, пребывавшую в запустении со времен Первого крестового похода, а также отбил у все еще державшегося в восточной Киликии армянского военачальника (которого Ибн аль-Каланиси называет «Ибн Хайтам», т. е. «сын Хетума») крепость Тель-Хамдун. Армянское население этого региона было, по приказу василевса, переселено на Кипр. См. Гибб Г. Дамасские хроники... С. 170.

¹³¹³ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 74. См. также: Grégoire le Prêtre. Op.cit. — P. 152—153. Образ Божьей Матери, о котором упоминают Григорий Пресвитер и Смбат Спарпет — почитаемая икона Богоматери, первоначально хранившаяся в одной из церквей (или в кафедральном соборе) Мараша. В 1104 г., когда Мараш

Киликийское княжество Рубенидов более чем на пятнадцать лет исчезло с лица земли; его территории вновь превратились в провинции Ромейской империи¹³¹⁴. «Властитель гор» Левон I так и не увидел свободы: он умер в плену у василевса, в Константинополе, в 1140 г.¹³¹⁵. Судьба двух его плененных сыновей — Тороса II и Рубена — сложилась по-разному. Младший — Рубен был убит ромейскими воинами в 1140 г. Между тем, старшему — Торосу II не просто удалось выжить, но и бежать из Константинополя накануне или после смерти императора Иоанна II¹³¹⁶. Около 1144 г. Торос II вновь оказался на Востоке где, при поддержке своих уцелевших братьев и армянского населения, начал борьбу за возрождение государства Рубенидов — первоначально лишь в неприступных горах Тавра, но постепенно распространяя свою власть на всю Киликию.

Первая ромейская осада Антиохии (1137 г.)

Сокрушив государство Рубенидов, император Иоанн II Комнин повел свою армию в пределы Антиохийского княжества. Здесь необходимо провести некоторое уточнение: если Левон I Рубенид действительно сдал князю Раймонду де Пуатье земли восточной Киликии

был сдан франкам, византийский правитель города — архонт архонтов Татул продал Торосу Рубениду. См. выше: Книга I, гл. 3, С. 100—102. С разгромом государства Рубенидов в 1137—1138 гг. эта икона Божьей Матери была вывезена ромейским василевсом в Константинополь, пополнив тем самым число восточных святынь, веками свозившихся в Новый Рим.

¹³¹⁴ Описания завоевания Киликии императором Иоанном II см. Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга I, гл. 7, С. 14—17; Никита Хониат. Указ. соч. — Книга I, гл. 6—7, С. 34—40; Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 254, Р. 323; Grégoire le Prêtre. Op.cit. — Р. 152—153; Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... Р. 74; Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVI, с. 8, Р. 245; Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XIV, с. 24, Р. 341—342; Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... Р. 424.

¹³¹⁵ Обычно дата смерти Левона I исчисляется на основании хроники Самуила Анийского, который говорит о том, что князь прожил двенадцать лет с момента своего восшествия на престол в 1129 г. См. Samuel d'Ani, Extrait de la Chronographie de Samuel Ani // RHC Arm. I. — Paris, 1869. — Р. 451.

¹³¹⁶ Vahram D'Edesse. La chronique rimée des rois de la Petite Arménie... Р. 502—503. Другие сыновья Левона — Млех, Стефан и, возможно, ослепленный братьями Константин — смогли избежать ромейского плена и получить убежище при дворе своего сородича — графа Жослена II Эдесского. См. Ibid. — Р. 501.

(с Аданой и Мамистрой), то вторжение ромеев в пределы Антиохийского княжества началось не с выхода армии василевса к хребту Амана, а еще раньше — с киликийской кампании Иоанна II Комнина, в равной степени обращенной как против армян, так и против франков. Подтверждение этого мы находим у Гильома Тирского, который, описывая ромейское завоевание киликийских городов, пишет о них как о законных владениях антиохийских франков¹³¹⁷. Иоанн Киннам также считает началом открытого конфликта империи с антиохийскими франками вступление василевса Иоанна II в Киликию. Более того, Киннам утверждает, что основным мотивом к освобождению Левона из антиохийского плена стало заключение совместного франко-армянского союза против Византии¹³¹⁸. В любом случае, военные действия между ромеями и франками начались задолго до начала первой византийской осады Антиохии. Другое дело, что франкские гарнизоны, вероятно оставленные князем Раймондом в восточной Киликии, могли лишь обороняться, т. к. и сам Антиохийский князь, и большая часть сирийских баронов была связана походом против эмира Зенги и не могла вовремя прийти к ним на помощь¹³¹⁹.

¹³¹⁷ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XIV, c. 24, P. 641—642. Конечно же, определенную сложность создает то, что Гильом вначале пишет о ромейском завоевании Киликии и лишь затем обращается к истории осады Монферранда, отмечая, что князь Раймонд выступил на помощь королю Фульку, не зная о походе василевса на Антиохию. Но это относится к особенностям структуры его повествования, а не к предлагаемой им хронологии. Разгром иерусалимских и триполийских франков у Монферранда, поход Раймонда и Жослена II на помощь к осажденному королю Фульку и вторжение армии императора Иоанна II в Киликию, вне всякого сомнения, стоит воспринимать как параллельно развивающиеся, а не последовательные события. В связи с этим, см. также: Степаненко В.П. Равнинная Киликия... С. 125—126.

¹³¹⁸ «не успел он вступить в Киликию, как антиохийцы, изменив свои мысли, вместо друзей и союзников, явились злейшими ему врагами. Видя однакож, что не могут противостоять римскому войску, они признали нужным присоединить к себе и Левунию. И так, выведши из тюрьмы этого человека, захваченного на войне и содержавшегося под стражею, и взяв с него клятву, что он будет их другом и союзником против царя, они освободили его». См. Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга I, гл. 7, С. 15.

¹³¹⁹ Кстати, здесь вновь следует обратить внимание на то, что, согласно хронике Гильома, князь Раймонд Антиохийский был единственным сеньором Заморской земли, который колебался перед выступлением в поход к Монферранду, т. к. «император стоял у врат» его владений, что вполне может подразумевать не только ромейскую подготовку к осаде Антиохии, но и начало завоеваний франкских городов восточной Киликии. См. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XIV, c. 26, P. 646.

В этом отношении, поход к осажденному Монферранду (Баарину) оказался для антиохийских франков событием, катастрофически несвоевременным. С одной стороны, прибытие армии антиохийских и эдесских франков (так же как и их собратьев из Палестины, шедших под началом Патриарха Гильома Иерусалимского) вынудило эмира Зенги пойти на серьезные уступки: изголодавшимся защитникам Монферранда, во главе с королем Фульком, было позволено покинуть крепость и с миром уйти вглубь графства Триполи. Сама крепость была сдана эмиру Зенги, однако в ответ он освободил знатных франкских пленников, в том числе и графа Раймонда II Триполитского¹³²⁰. Освобождение короля Иерусалимского и графа Триполи, бесспорно, имело для всех франков Заморской земли огромное значение. Но как раз в разгар похода, когда объединенная армия Антиохии и Эдессы встретила у Арки колонны отступавших из Баарина королевских войск, к князю Раймонду прибыли гонцы с севера, известившие его о том, что армия василевса уже завершила покорение франкских и армянских владений в восточной Киликии, стремительно прошла через Сирийские врата и приближается к самой Антиохии¹³²¹. Вновь проявилось уязвимость княжества Антиохийского, оказавшегося, как и во времена своего основания, в тисках между «греками» и «турками»¹³²².

Приняв гонцов, князь Раймонд, взяв с собой лишь конное войско, спешно выступил к своей столице. Но когда он добрался до Антиохии, город уже был осажден ромейской армией; Раймонд де Пуатье должен был в буквальном смысле слова прокрадываться в город через

¹³²⁰ Кемаль ад-Дин даже упоминает о том, что при заключении мира состоялась личная встреча между Фульком Анжуйском и Имад ад-Дином Зенги, на которой эмир Мосула и Алеппо преподнес королю Иерусалимскому роскошные, царственные одежды. См. Kemal ad-Din. Op.cit. — P. 673. См. также: Гибб Г. Дамасские хроники... С. 172; Guillaume de Туг. Op.cit. — Lib. XIV, c. 29, P. 650—651.

¹³²¹ Как об этом пишет Ордерик Виталий «Раймонд шел ускоренными маршами на помощь королю Иерусалимскому (...) когда, на пути, он получил вести о том, что император приближается, дабы осадить Антиохию. Пораженный этой приближающейся бурей, Раймонд немедленно повернул обратно со всем, бывшим под его началом, войском и поспешил на помощь к своему народу, который был заперт в осажденном городе и охвачен страхом, в отсутствие своего защитника». См. Orderic Vitalis. Op.cit. — Vol. IV, Lib. XIII, c. 34, P. 191.

¹³²² См. выше: Книга I, гл. 3, С. 100—105.

высокогорные Железные врата¹³²³. Так началась первая византийская осада франкской Антиохии. Впервые, со времен основания Антиохийского княжества, армии василевса стояли лагерем на Оронте, перед стенами самой Антиохии. Подробное описание этой первой византийской осады Антиохии оставил, на страницах своей хроники, Гильом Тирский: «армия императора постоянно, то тайно, то явно, совершала атаки, нанося нам тяжелейшие потери и не считаясь с собственными, и невзирая даже на то, что город населяли исповедовавшие истинную веру. Император возвел огромные осадные орудия, метавшие камни с поистине варварской силой; они врезались и разрушали башни и стены со стороны Мостовых врат. Императорские легионы стояли вокруг города, поливая его градом стрел, снарядов и камней, выпущенных умелой рукой пращника; горожане не могли подойти к стенам, и тогда к ним продвинулись войска императора, готовясь овладеть ими силой»¹³²⁴. Антиохийские франки, под началом князя Раймонда, совершали яростные контратаки, нанося постоянные потери ромеям. Однако они не могли переломить хода осады или сбить армию императора с занятых позиций¹³²⁵. Отлично понимая, что продолжительная осада и грядущий штурм могут привести к гибели франкской Антиохии, Раймонд де Пуатье вступил в переговоры с василевсом. Переговоры эти быстро привели к новому договору между Константинополем и Антиохией, договору, перечеркнувшему Девольский мир.

Антиохийский оммаж князя Раймонда де Пуатье (1137 г.). Первый опыт установления византийского сюзеренитета над франкской Антиохией

Подробные описания переговоров князя Раймонда де Пуатье и Иоанна II Комнина, оммажа Антиохийского князя и нового договора, заключенного у стен Антиохии, можно найти в книге Иоанна

¹³²³ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XIV, c. 30, P. 651—652. Ордерик Виталий пишет о том, что Раймонд и его войска с боем прорвались в город, при этом явно преувеличивая потери, нанесенные антиохийскими франками ромеям. См. Orderic Vitalis. Op.cit. — Vol. IV, Lib. XIII, c. 34, P. 191—192.

¹³²⁴ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XIV, c. 30, P. 652.

¹³²⁵ О франкских контратаках и вылазках из осажденной Антиохии упоминают Ордерик Виталий и Иоанн Киннам. См. Orderic Vitalis. Op.cit. — Vol. IV, Lib. XIII, c. 34, P. 192—193; Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга I, гл. 8, С. 18.

Киннама и хронике Гильома Тирского. Согласно «Краткой истории...» Киннама, «Раймонд часто выходил к василевсу и докучал ему предложением сдачи города, с тем, чтобы василевс был и назывался господином его, а он (т. е. князь Раймонд. — С. Б.) только правителем от имени василевса. Делая такое предложение, он сперва получал отказы и возвращался без удовлетворения; а потом, через несколько дней, когда по этому поводу было совещание ромеев, допущен был и он к тому, о чем сказано, и латинские войска вместе с так называвшимися у них братствами и областными переселенцами присоединились к василевсу»¹³²⁶. Конечно же, есть все основания полагать, что византийский придворный историк лукавит, описывая, как франкский князь лично «докучал» василевсу предложениями о сдаче города, который ромейская армия, терпя потери, осаждала. Однако переговоры действительно, скорее всего, продолжались некоторое время, и василевс вполне мог несколько раз отсылать послов Антиохийского князя, продолжая осаду и требуя более выгодных условий. При этом, Киннам вполне четко передает суть соглашения: Раймонд де Пуатье признал права Иоанна II Комнина на Антиохию, однако сохранил власть над городом от имени ромейского василевса. Сам князь Раймонд, вместе со своими баронами, прелатами и всеми антиохийскими франками («областными переселенцами») признал сюзеренитет ромейского василевса. Примечательно, что представители военномонашеских орденов (госпитальеры и тамплиеры), которых Киннам называет «братствами», также посчитали себя связанными условиями договора с империей¹³²⁷. Слова Киннама подтверждает и Ордерик

¹³²⁶ Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга I, гл. 8, С. 18—19.

¹³²⁷ Госпитальеры держали земли на территории княжества со времен князя Боэмунда I Антиохийского, который передал братьям Иерусалимского госпиталя Св. Иоанна Милостивого «три касала в горах Антиохии». Сохранилась хартия князя Рожера Антиохийского (датированная 1118 г.), где он подтверждает дарения ордену, сделанные Боэмундом I, добавляя к ним как собственные пожертвования и дары своих вассалов (владения в самой Антиохии, а также касали близ Харима и Кафартаба). См. Köhrich R., ed. Regesta... — №86, Р. 20. Тамплиеры, вероятно, начали свое утверждение на антиохийских землях в 30-х гг. XII в., в период регентства Фулька Анжуйского и в правление князя Раймонда де Пуатье. Рыцари-тамплиеры Дрого и Гвиберт выступают как свидетели на хартии князя Раймонда, датированной 1140 г. См. Röhrich R., ed. Regesta... — №195, Р. 48. Дж. Райли-Смит связывает утверждение тамплиеров в пределах княжества Антиохийского с правлением Раймонда де Пуатье, считая что именно этот князь, вовлеченный в войну за восточную Киликию (1136—1137 гг.) мог предоставить рыцарям Храма их первые фьефы в горах Аманоса. См. Riley-Smith J. The Templars

Виталий: «Раймонд, чрез инвеституру, получил Антиохию как вассал императора, который обещал ему союз и поддержку против Дамаска и всех язычников»¹³²⁸.

Гильом Тирский оставляет более подробное описание этого нового соглашения между ромейским василевсом и антиохийским князем. По словам латинского хрониста, Раймонд прибыл в императорский лагерь и принес оммаж Иоанну II, приняв на себя все вассальные обязательства, «явственно проявив верность императору» и поклявшись на святых дарах в том, что отныне он будет беспрепятственно предоставлять ромейскому василевсу и его войскам доступ в Антиохию — как во время мира, так и во время войны. «В присутствии прославленных и знаменитых мужей императорского двора, он (Раймонд) должен был торжественно, вместе со всеми своими вассалами, принести клятвы верности и послушания. Он должен был принести священную клятву в том, что если господин император пожелает войти в Антиохию или ее цитадель, во время войны или мира, свободно и мирно, то князь не будет ему препятствовать (...) Если же господин император (...) мирно передаст Алеппо, Кесарию, Хаму и Эмесу князю, ибо тот должен был довольствоваться этими и окрестными городами, то князь передаст Антиохию империи, беспрепятственно, по праву владения»¹³²⁹. Изучая условия договора, изложенные на страницах хроники тирского архиепископа, можно сразу же отметить несколько важнейших отличий «антиохийского оммажа» 1137 г. от предшествовавшего ему Девольского мира¹³³⁰.

and the Teutonic Knights in Cilician Armenia // *The Cilician Kingdom of Armenia*. — Edinburgh, 1978. — P. 94—95. См. также: Burgdorf J. *The Military Orders in the Crusader Principality of Antioch // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean*. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. — Leuven, 2006. — P. 221—223.

¹³²⁸ Orderic Vitalis. *Op.cit.* — Vol. IV, Lib. XIII, c. 34, P. 194.

¹³²⁹ Guillaume de Tyr. *Op.cit.* — Lib. XIV, c. 30, P. 651—652.

¹³³⁰ В принципе, если исходить из текста хроники Гильома Тирского, то можно прийти к выводу, что император Иоанн II Комнин выстраивал имперские права не на Девольском мире, а на константинопольском оммаже вождей Первого крестового похода. Это обстоятельство вызывает противоречивые трактовки историков, к примеру — Дж. Лили и Т. Асбриджа. Лили настаивает на том, что Девольский мир должен был так или иначе использоваться при переговорах между Раймондом и Иоанном II. Асбридж, напротив, основываясь на тексте Гильома, считает, что Иоанн II Комнин отказался от ссылок на Девольский мир, и видел в оммаже князя Раймонда скорее исполнение

По условиям Девольского мира, князь Боэмунд получал подтверждение своих прав на «пожизненное» владение Антиохией. В «Антиохийском оммаже 1137 г.», напротив, нет и никаких упоминаний о «пожизненных» правах князя Раймонда на Антиохию. В отличие от Боэмунда времен Балканского крестового похода (1107—1108 гг.), Раймонд (в 1137 г.) был еще молодым и полным сил человеком¹³³¹. Доверить ему Антиохию «пожизненно» значило отсрочить возвращение города Ромейской державе на отдаленный, неопределенный срок. По условиям «Антиохийского оммажа 1137 г.» Раймонд обязался передать Антиохию и окружающие ее земли под непосредственную власть василевса, как только христианскими войсками будут отвоеваны великие мусульманские города Сирии, в частности — Алеппо, Хама, Хомс и Шейзар (последний Гиљом Тирский именует «Кесарией»). Причем, если император Алексей I Комнин предоставлял Боэмунду право самостоятельно отвоевать «дарованные» ему мусульманские города Сирии, то Иоанн II Комнин готов был лично вести ромейскую армию в походы против Алеппо и Шейзара, и в буквальном смысле слова «передать» эти города Раймонду де Пуатье и антиохийским франкам, в качестве наследственных владений и компенсации за возвращенную ромеям Антиохию.

То, что договор 1137 г. строился именно на идее «обмена» покоренных мусульманских территорий на Антиохию, подтверждает, в своей хронике, и Михаил Сириец: «когда император завоюет сирийские земли, то есть Алеппо и другие города — он передаст их франкам, а франки, взамен, отдадут ему Антиохию, в исполнение клятвы, данной, в свое время, его отцу Алексею»¹³³². Кампания против сирийских мусульман планировалась на лето следующего, 1138 года, когда василевс, со своей армией, должен был вернуться из Киликии в Сирию. При завершении переговоров над цитаделью Антиохии был поднят императорский

клятв крестоносцев, впервые данных Алексею I Комнину зимой 1096—1097 гг. См. Lilie R.-J. *Byzantium and the Crusader States...* — P. 121; Asbridge T. *The Creation of the Principality of Antioch...* P. 101—103.

¹³³¹ Гиљом Тирский говорит о Раймонде как о молодом человеке (*adolescens*), «ланиты которого еще покрывал юношеский пушок». См. Guillaume de Tyr. *Op.cit.* — P. 618, 637. Это позволяет предположить, что на момент призвания на Антиохийский княжеский престол Раймонду, который незадолго до этого был посвящен в рыцари королем Генрихом I Английским, было 16—20 лет.

¹³³² Michel le Syrien. *Op.cit.* — Vol. III, Lib. XVI, c. 8, P. 245.

стяг — в знак покорности и вассалитета Антиохийского княжества. Конечно же, нельзя не отметить и еще одного отличия между договорами 1108 г. и 1137 г. Соглашение между Алексеем I Комниным и князем Боэмундом I было заключено на западном побережье Балканского полуострова — в полутора тысячах километров от границ Антиохийского княжества; договор Иоанна II Комнина и князя Раймонда де Пуатье был заключен перед стенами самой Антиохии, которые на протяжении предшествующих дней подвергались обстрелу византийских осадных орудий. Это последнее обстоятельство как нельзя лучше свидетельствовало об изменении положения в пользу державы Комнинов.

Парадоксальную и крайне идилличную картину примирения Ромейской империи и Антиохийского княжества оставляет Ордерик Виталий. Англо-нормандский хронист воспринимает оммаж князя Раймонда, принесенный василевсу Иоанну II, как завершение бессмысленной междоусобной войны христиан, виновниками которой, во многом, были латинские князья Антиохии. «два государя (Раймонд и Иоанн II. — С. Б.) заключили мир, направленный на благо пилигримов и всех верных Христовых греческой и сирийской земли (...) война, которую без всякой цели на протяжении сорока лет Боэмунд и его преемники вели против Алексея, война ставшая причиной пленения и смерти тысяч людей и великих потерь, наконец, милостью Божией, была остановлена двумя государями, Иоанном императором и Раймондом де Пуатье — к великой радости многих с обеих сторон»¹³³³. Походы 1137—1138 гг. стали триумфом ближневосточной политики императора Иоанна II. Оказавшись перед лицом все возрастающей исламской угрозы, исходившей от державы Имад ад-Дина Зенги, франкские государи Заморской земли не могли отвергнуть притязаний василевса.

Распространение византийского сюзеренитета на всю франкскую Сирию. Оммажи графов Эдессы, Мараша и Триполи. Позиция короля Иерусалимского

Вслед за князем Раймондом Антиохийским оммаж ромейскому василевсу принесли другие франкские правители Сирии — граф Жослен II Эдесский, полунезависимый граф Мараша — Бодуэн, и даже, вероятно, граф Раймонд II Триполийский. Граф Бодуэн Марашский

¹³³³ Orderic Vitalis. Op.cit. — Vol. IV, Lib. XIII, c. 34, P. 194.

принес оммаж Иоанну II либо осенью 1137 г., одновременно с князем Раймондом де Пуатье, либо весной 1138 г., когда василевс привел свои войска к Кайсуну. Согласно хронике Матфея Эдесского: «император ромеев поспешил на помощь осажденному Кишуму (Кайсуну), откликнувшись на коленопреклоненную мольбу графа Бодуэна»¹³³⁴. О том, что в 1138 г. граф Жослен II Эдесский признал себя вассалом ромейского василевса, свидетельствует ряд упоминаний Гильома Тирского, Никиты Хониата и Михаила Сирийца. В своих действиях граф Жослен II показал себя полной противоположностью князю Раймонду Антиохийскому. Прямолинейный и горячий Раймонд во время войны и переговоров с василевсом постоянно колебался между гордым сопротивлением и честным изъявлением покорности. Жослен II был человеком совершенно иного склада и опыта. Рожденный в Сирии и искушенный в делах восточной политики, он готов был, отстаивая интересы Эдесского графства, лавировать между давлением Ромейской державы, эмира Имад ад-Дина Зенги и князя Антиохийского¹³³⁵. У него явно не было желаний видеть усиление Антиохийского княжества, ни тем более — утверждения в Сирии ромеев, особенно если учесть, что его близкого родственника — князя Левона I Рубенида уже ожидала тяжкая судьба императорского пленника. Но даже с разгромом государства Рубенидов и вторжением ромейских армий в пределы княжества Антиохийского, Жослен II намерен был всеми возможными, военными и дипломатическими средствами искать выгоды для собственного, Эдесского графства.

Возвратившись из похода к Монферранду, граф Эдесский пришел к Антиохии и принял активное участие в переговорах между

¹³³⁴ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 253, Р. 322.

¹³³⁵ Эти два государя сирийских франков — Раймонд де Пуатье и Жослен II де Куртене — даже внешне были полной противоположностью друг другу. Высокий, стройный, сильный, светловолосый Раймонд, как уже было сказано выше, славился как один из самых красивых правителей христианского мира. Жослен II, напротив, описан Гильомом Тирским как человек низкорослый, коренастый, смуглый, унаследовавший восточные черты своей матери-армянки. Его лицо было изъедено оспой. Гильом говорит о нем как о человеке сильным и щедром, как об опытном воине, но из сохранившихся в латинских, сирийских и армянских текстах упоминаний он предстает как человек, склонявшийся то к решительным, даже дерзким военным кампаниям, то к полнейшей апатии, что также подтверждает архиепископ Тирский, когда говорит о чрезмерной склонности Жослена II к пьянству и усладам Венеры. См. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XIV, с. 3, Р. 610.

василевсом Иоанном II и князем Раймондом де Пуатье. Во всяком случае, Михаил Сириец именно Жослена II считает наиболее активным участником переговоров с василевсом, почти умалчивая о Раймонде. По словам сирийского хрониста и патриарха, «Жослен прибыл к нему (Иоанну II. — С. Б.) и они заключили мир, с условием, что когда император завоюет сирийские земли, то есть Алеппо и другие города — он передаст их франкам, а франки, взамен, отдадут ему Антиохию»¹³³⁶. Во время кампании 1138 г. император Иоанн II предоставил (или, по словам Хониата, «подарил») графу Жослену II отбитую у сельджуков город-крепость Бизу, расположенную к северо-востоку от Алеппо¹³³⁷. При торжественном вступлении Иоанна II в Антиохию, Жослен II, вместе с князем Раймондом, участвовал в церемониальной встрече, сопровождая василевса в качестве конюшего¹³³⁸. Все это неуклонно свидетельствует о том, что в 1137—1138 гг. граф Жослен II Эдесский действительно признал себя вассалом империи и находился в достаточно тесном взаимодействии с ромеями. И это вновь возвращает нас к территориальной составляющей договоров Иоанна II Комнина с сирийскими франками. Император четко претендовал лишь на Киликию и Антиохию; другие центры бывшего византийского господства в Сирии, в частности — Эдесса и Мараш, должны были, очевидно, остаться в руках франкских вассалов империи.

Оммаж графа Раймонда II Триполийского упоминается только у Никиты Хониата, по словам которого василевс Иоанн II сделал «своим ленником князя (Раймонда де Пуатье. — С. Б.) и графа Триполийского»¹³³⁹. Латинские авторы (Ордерик и Гильом Тирский) ни слова не говорят об оммаже Раймонда II. То, что граф Триполи не участвовал, совместно с князем Антиохии и графом Эдессы, в сирийском походе императора Иоанна II (1138 г.), дает основание предположить, что либо сведения Хониата не были верны, либо граф Раймонд II ограничился неким символическим выражением покорности (к примеру — через посольство), предпочитая оставаться в Триполи, в стороне от активных контактов с василевсом. Важнее было то, что права ромейского императора на Антиохию признал ко-

¹³³⁶ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVI, c. 8, P. 245.

¹³³⁷ Никита Хониат. Указ. соч. — Книга I, гл. 7, С. 40. Хониат именует город Бизаа — «Пизой».

¹³³⁸ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XV, c. 3, P. 658—659.

¹³³⁹ Никита Хониат. Указ. соч. — Книга I, гл. 7, С. 40.

роль Иерусалима — Фульк Анжуйский, к которому тщетно, во время византийской осады, обращался князь Раймонд. Ордрик Виталий приводит, на страницах своей «Церковной истории», ответ короля Фулька, обращенный к посланникам князя Раймонда: «Мы все знаем от наших предшественников и отцов, что Антиохия по праву принадлежит Константинополю, и была отвоевана турками у императора за четырнадцать лет до того (как крестоносцы взяли город. — С. Б.); и все то, о чем говорит император, ссылаясь на договоры с нашими предшественниками, является истинным. Пристало ли нам отрицать истину и противостоять правде? (...) вернитесь же к вашему господину и скажите ему, чтобы он, следуя моему приказу, принял инвеституру и права на Антиохию от императора, как от своего полноправного сюзерена, и чтобы он соблюдал верность ему; ибо император — христианин, и государь могущественный и почитаемый франками»¹³⁴⁰.

III. Император в Сирии (1138 г.)

Вход императора Иоанна II Комнина в Антиохию

Наиболее ярким выражением дипломатических и военных побед, одержанных ромеями в Леванте, стал триумфальный въезд императора Иоанна II и его сыновей в Антиохию летом 1138 г. Красочные описания этого события приведены в книгах Гильома Тирского и Никиты Хониата. Согласно «Истории...» Хониата, «Когда василевс подходил к знаменитому городу Антиохии, ему навстречу вышли все городские жители, так что даже наскоро устроили ему светлое входное торжество, со священными изображениями (иконами. — С. Б.) и с великолепным убранством улиц»¹³⁴¹. Более подробное описание приводит Гильом Тирский: «... император со своими сыновьями и свитой вошел в Антиохию, где был встречен господином князем (Раймондом де Пуатье. — С. Б.) и господином графом (Жосленом II. — С. Б.), исполнявших церемониальную роль конюших, и господином Патриархом (Раулем I Домфроном. — С. Б.), шедшим во главе всего клира и народа, которые, совершая торжественное шествие с псалмами,

¹³⁴⁰ Orderic Vitalis. Op.cit. — Vol. IV, Lib. XIII, c. 34, P. 194.

¹³⁴¹ Никита Хониат. Указ. соч. — Книга I, гл. 8, С. 44.

гимнами и песнопениями, с игрой музыкантов, с аплодисментами и ликованием народа, препроводили его в кафедральный собор, а затем — во дворец князя»¹³⁴².

Однако, невзирая на этот внешний триумф, сюзеренитет империи над франкскими государями Сирии оставался весьма шатким. Конечно же, император Иоанн II готов был сделать все, что было в его силах, чтобы покорить мусульманские города Сирии, передать их своим франкским вассалам и тем самым добиться как расширения христианских владений на Востоке, так и столь желанного возвращения Антиохии. Здесь вполне уместно было бы вспомнить слова Танкреда, некогда обращенные к императору Алексею I Комнину: «Если хочешь господствовать, стремись вначале послужить».¹³⁴³ С момента принесения «Антиохийского оммажа» император Иоанн II Комнин более чем соответствовал этому франкскому требованию; вместо того, чтобы направить мощь империи на кровопролитную войну с сирийскими франками, он привел свою армию им на помощь, готовя грандиозную кампанию против ближайших исламских противников Антиохийского княжества — эмира Имад ад-Дина Зенги и арабских эмиров Шейзара.

Совместный поход ромеев и сирийских франков против эмиратов Алеппо и Шейзара

Подготовка к войне была тщательно продумана. Ранней весной 1138 г. «в Антиохии и прибрежных городах» франки «арестовали многих мусульманских купцов, людей из Алеппо и торговцев, всего около пятисот человек»¹³⁴⁴. В начале апреля объединенная христианская армия, под общим командованием императора Иоанна II Комнина, князя Раймонда Антиохийского и графа Жослена II Эдесского, пересекла Оронт и вторглась в пределы Алеппского эмирата. Как повествует Ибн аль-Каланиси, «греки (...) схватили большое число людей из Алеппо и его пригородов»; в особенности пострадали южные и западные окраины. Однако эмир Зенги оставил сильный гарнизон, под

¹³⁴² Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XV, c. 3, P. 658—659.

¹³⁴³ Radulfo Cadomensis. Op.cit. — c. 17, P. 618.

¹³⁴⁴ Гибб Г. Дамасские хроники... С. 174.

началом атабека Савара. К тому же, Алеппо не испытывал недостатка в припасах и местном ополчении. После нескольких кровопролитных столкновений ромеи и франки должны были отступить¹³⁴⁵. Дотла разорив предместья Алеппо, но не решаясь атаковать сам город, василевс Иоанн II сосредоточился на завоевании городов-крепостей, расположенных на стыке Антиохийского княжества и Алеппского эмирата. Под натиском ромеев и франков пали города Бизаа, Аль-Атариб, Маарат ан-Нуман и Кафартаб. Причем при взятии крепости Бизаа имело место массовое обращение арабского населения из ислама в христианство. Согласно хронике Ибн аль-Каланиси, «кади Бизаа принял христианство, вместе с многими уважаемыми горожанами и другими людьми, числом примерно четыре сотни человек»¹³⁴⁶. Сохранившие свою веру мусульмане были, вопреки соглашению, уведены в плен и обращены в рабство¹³⁴⁷. Бизаа, как уже было сказано выше, была передана василевсом Жослену II Эдесскому; остальные города, очевидно, достались князю Раймонду де Пуатье и его баронам, т. к. до 1134—1135 гг. они входили в состав Антиохийского княжества¹³⁴⁸.

Наконец, франко-византийская армия, вновь повернув в сторону Оронта, вышла к Шейзару. Ромейские войска захватили нижний город, а императорские осадные орудия с сокрушительной силой уничтожали еще непокоренные укрепления. Уроженец Шейзара — Усама ибн Мункыз оставляет в своей «Книге назиданий» устрашающие воспоминания о том, как камни, пущенные из византийских орудий, внезапно и неумолимо разносили дома и тела жителей осажденного города¹³⁴⁹. Никита Хониат также оставляет драматичное описание осады: «в течение многих дней, на близком расстоянии происходили схватки, стычки и настоящие битвы, и единоборства храбрых, и бегства, и отступления, и взаимное с той и другой стороны преследование. Хотя перевес всегда оказывался на стороне римлян,

¹³⁴⁵ Гибб Г. Дамасские хроники... С. 176—177.

¹³⁴⁶ Гибб Г. Дамасские хроники... С. 177.

¹³⁴⁷ Kemal ad-Din. Op.cit. — Р. 675. Эти пленники были впоследствии отбиты у ромеев конницей, направленной атабеком Саваром.

¹³⁴⁸ Хониат, в частности, говорит о том, что василевс Иоанн II преподнес некий город Фереп (вероятно — Аль-Атариб) князю Антиохийскому. См. Никита Хониат. Указ. соч. — Книга I, гл. 7, С. 40.

¹³⁴⁹ Усама ибн Мункыз. Указ. соч. — С. 187—188.

но и неприятели, несмотря на то, что во множестве падали от меча и засыпали сном смертным от стрел и были разрываемы на части камнями, бросаемыми из машин, несмотря на то, что и городские стены разрушались и падали, — все еще оставались непоколебимыми, так как их было бесчисленное множество, а притом они и сражались за свою жизнь, за своих жен и детей, да, кроме того, и за множество всякого рода богатства»¹³⁵⁰.

Однако здесь Иоанну II пришлось неожиданно столкнуться с практически полным бездействием своих франкских вассалов. Если в начале кампании антиохийские и эдесские франки охотно принимали участие в разорении мусульманских территорий и захвате ранее принадлежавших им городов, то у Шейзара их словно бы поразила полнейшая апатия. По словам Гильома Тирского, в то время как император Иоанн II, «муж, одаренный величайшим сердцем (...), препоясавшись мечом и облачившись в кольчугу и золоченый шлем, без усталости проверял работу своих осадных орудий (...) князь Антиохийский, совместно с графом Эдессы, будучи еще людьми молодыми, предпочли искать отдохновения от трудов войны, предаваясь игре в кости, на которую уходила большая часть их времени; они были бы и не прочь проявить себя в ратном деле, однако жара совершенно истощила их. Рыцари последовали примеру своих сеньоров и также совершенно забросили дело войны»¹³⁵¹. Невзирая ни на мощь своих войск, ни на личную отвагу и силу воли, василевс не смог заставить своих франкских вассалов выйти из лагеря и сражаться с сарацинами. Но стоит ли удивляться тому, что ни князь Раймонд, ни его бароны не пожелали выходить из лагеря и проливать кровь ради того, что променять богатую и, для многих, уже абсолютно родную столицу своего княжества — Антиохию на полуразрушенный византийскими осадными орудиями Шейзар? 22 мая 1138 г. Иоанн II Комнин, собрав баснословную дань с Шейзара, снял осаду и вернулся в Антиохию (когда он и совершил свой триумфальный въезд в город)¹³⁵².

¹³⁵⁰ Никита Хониат. Указ. соч. — Книга I, гл. 8, С. 42.

¹³⁵¹ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XV, c. 1, P. 656.

¹³⁵² Среди сокровищ, переданных, в качестве выкупа, был и драгоценный крест, взятый из ромейского лагеря при пленении императора Романа IV Диогена в 1071 г. По крайней мере, так уверяет Хониат. «Сарацины говорили, что между поднесенными василевсу дарами, крест из лучезарного камня, равно как драгоценный и удивительный стол давно уже приобретены их предками на войне, — именно когда они

**Пребывание императора Иоанна II Комнина в Антиохии.
Восстание латинского населения. Парадоксы «вассалитета» франков**

Пребывание императора в Антиохии скоро выявило всю шаткость ромейского сюзеренитета над франками Сирии. Во время своего пребывания в городе император Иоанн II потребовал, чтобы его васал — князь Раймонд передал ромейским войскам цитадель Антиохии. Это требование василевса, как уже было сказано в предыдущей главе, закончилось восстанием латинского населения Антиохии. Латиняне нападали на ромейских воинов и громили греческие кварталы¹³⁵³. Передача цитадели, естественно, воспринималась как первый шаг к передаче самого города, а идея возвращения Антиохии ромеям, этим «женоподобным грекам» вызывала у франков только ярость. Как об этом пишет Гильом Тирский, «город, который наш народ, преодолев столько опасностей и пролив столько крови, завоевал и восставил для христианства, город служивший столицей для окрестных земель, подпав под власть женоподобных греков, неминуемо бы пал, а без него — и оставшиеся части страны не смогли бы выстоять»¹³⁵⁴. Примечательно, что инициатором восстания латинян Антиохии Гильом Тирский считает графа Жослена II Эдесского, оставляя при этом подробное описание двойной игры, которую вел этот государь сирийских франков. В то время как князь Раймонд продолжал принимать Иоанна II в княжеском дворце, граф Жослен II Эдесский попросил василевса на время прервать переговоры, покинул дворец и, с помощью своих слуг, разнес весть об императорских притязаниях по всей Антиохии. Затем он вернулся во дворец, оповестил василевса о разразившемся восстании и убедил его покинуть город¹³⁵⁵.

взяли в плен бывшего римского самодержца Романа Диогена». См. Никита Хониат. Указ. соч. — Книга I, гл. 8, С. 43. Подробнее о походе франко-византийской армии Иоанна II Комнина против эмиратов Алеппо и Шейзара (1138 г.) см. Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга I, гл. 8, С. 19—20; Никита Хониат. Указ. соч. — Книга I, гл. 7—8, С. 40—44; Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XV, с. 1—2, Р. 655—658; Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... Р. 248—252; Kemal ad-Din. Op.cit. — Р. 674—678; Гибб Г. Дамасские хроники... — С. 174—178; Усама ибн Мункыз. Указ. соч. — С. 162, 187—188.

¹³⁵³ Подробнее см. выше: Книга I, гл. 3, С. 100—105.

¹³⁵⁴ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XV, с. 3, Р. 660.

¹³⁵⁵ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XV, с. 4, Р. 662. Здесь можно вновь отдать должное дипломатическим дарованиям Жослена II Эдесского. Из дошедших до нас упоминаний этот

Довольствуясь лишь символическим изъятием покорности со стороны князя Раймонда Антиохийского и графа Жослена II Эдесского, император Иоанн II Комнин покинул пределы франкской Сирии. Его армия вернулась в Малую Азию, сам василевс — в Константинополь. В Киликии были оставлены сильные ромейские гарнизоны. Так завершился великий восточный поход Иоанна II Комнина. Кампания эта, во многом, могла считаться триумфом Комниновской державы. Киликия вернулась в лоно империи; сирийские мусульмане вновь испытали на себе ярость ромейских армий, франкские государи Заморской земли принесли василевсу оммаж. Но, все же, ни о каком действительном союзе между Латинским Востоком и империей, ни о каком подлинном васалитете франкских государей говорить не приходилось. Своим «участием» в осаде Шейзара и в попустительстве беспорядкам в Антиохии князь Раймонд и граф Жослен II доказали своему порфирородному сюзерену, что «клятвы верности без дел суть мертвы»¹³⁵⁶.

IV. Второй восточный поход императора Иоанна II Комнина (1142—1143 гг.)

Вторжение императора в пределы Эдесского графства. Оммаж графа Жослена II у стен Турбесселя

Осенью 1142 г. император Иоанн II Комнин совершил свой второй поход в Левант, все же надеясь «склонить латинян добровольно уступить ему господство над Антиохией»¹³⁵⁷. Вначале армия василевса,

франкский государь предстает как ловкий дипломат, искусно лавировавший между различными силами на Ближнем Востоке. Участвуя в кампании сирийских феодалов против короля Фулька Анжуйского в 1132 г. и в войне против князя Раймонда Антиохийского в 1136 г., он, тем не менее, готов был примириться с обоими государями и, совместно с Раймондом, совершить поход на помощь к осажденному королю Иерусалимскому в 1137 г., дабы нейтрализовать опасность, исходившую от эмира Зенги, в равной степени угрожавшего всем заморским франкам. Граф Жослен II трижды выступал в качестве посредника при переговорах Раймонда де Пуатье с восточными государями. Речь идет о переговорах Антиохийского князя с Левонем I Рубенидом в 1137 г., о переговорах с ромейским василевсом осенью-зимой 1137—1138 гг. (если верить Михаилу Сирийцу) и о финальных переговорах — во время пребывания Иоанна II в Антиохии и при исходе василевса из Сирии в 1138 г.

¹³⁵⁶ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XV, c. 2, P. 658. Также, см. выше: Книга I, гл. 3, С. 100—105.

¹³⁵⁷ Никита Хониат. Указ. соч. — Книга I, гл. 10, С. 51.

обогнув горы Аманоса с севера, неожиданно для франков и армян вошла в пределы графства Эдесского. Согласно хронике Гильома: «император, еще до того, как весть о его прибытии успела дойти до графа Эдесского, вошел в пределы той страны и встал, со всеми своими силами, у стен Турбесселя. Расположив свой лагерь в плодородной местности на берегу Евфрата, в двадцати милях от города, император призывал туда графа Жослена Младшего¹³⁵⁸ и потребовал от него заложников. Граф, охваченный страхом и пораженный этим неожиданным прибытием императора, с которым не мог сравниться ни один из государей земли, осознал тщетность сопротивления и, покорившись, передал ему одну из своих дочерей — Изабеллу, в качестве заложницы. Император выдвинул подобное требование, чтобы граф оставался верным данной ему клятве и держался заключенного договора»¹³⁵⁹. Получив столь унижительные для франков гарантии и заручившись новыми клятвами графа Жослена II, император Иоанн II покинул земли графства Эдесского и повернул на юго-запад, чтобы встретиться с главным своим франкским вассалом на Востоке — князем Раймондом Антиохийским.

Вторая ромейская осада Антиохии (1142 г.)

Спустя несколько дней после молниеносного появления у стен Турбесселя ромейская армия форсировала Аманос и стала лагерем неподалеку от Антиохии, у замка Баграс. Однако здесь Иоанн II Комнин вновь должен был столкнуться с непреклонным сопротивлением франкской Антиохии. Если в Турбесселе граф Жослен II и эдесские бароны безоговорочно покорились требованиям василевса, то князь Раймонд и антиохийские франки, не дерзнув бросить открытый вызов Иоанну II, все же проявили всю свою готовность к сопротивлению. Раймонд готов был подтвердить свой оммаж и позволить Иоанну II совершить новое триумфальное шествие по Антиохии — но не более того. О том, чтобы передать ромеям цитадель города и тем более — саму Антиохию, не могло быть и речи. Согласно «Истории...»

¹³⁵⁸ Гильом именует Жослена II «Жосленом Младшим» (Joscelino juniore), в противовес его прославленному отцу-крестоносцу — графу Жослену I Эдесскому.

¹³⁵⁹ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XV, c. 19, P. 689.

Никиты Хониата, когда император Иоанн II «приблизился к городу Антиоха, то встретил в италийцах совсем иные мысли и расположения, так как молва уже разгласила о всех его тайных и тщательно скрываемых замыслах. Он не нашел в Антиохию доступа легкого и согласно с его видами, напротив, увидел, что ему позволяют вступить только под условием клятвы, что вступив в город, он пробудет в нем несколько дней, примет подобающие ему поздравления и почести и затем опять выступит, не делая никакого нововведения в гражданском управлении и не изменяя ничего в установившихся обычаях, т. е. совсем не так, как он предполагал»¹³⁶⁰. Причем, антиохийскими франками был найден прекрасный повод для разделения личных клятв Раймонда де Пуатье, принесенных василевсу в 1137 г., и обязательств, касавшихся всего Антиохийского княжества.

На совете Высокой палаты Антиохии в курии Св. Петра, латинские бароны и прелаты постановили, что князь Раймонд может лично признать себя вассалом василевса, но не имеет права передавать ромеям какие-либо земли Антиохийского княжества, т. к. он занимает княжеский престол *in matrimonium*, т. е. по праву брака с законной, наследственной правительницей — княгиней Констанцией. «Они сказали князю, что не потерпят того, чтобы он заключал подобные договоры и передавал законное наследство своей супруги, без одобрения со стороны граждан и нобилитета. Права заключать столь несправедливые соглашения, без ведома знати и граждан, не было даровано ни князю, ни княгине. Так, ежели один из них, или оба, будут упорно держаться подобного соглашения, то их ждет изгнание из пределов земли Антиохийской, как людей, отвергших своих подданных и продавших то, что было им доверено в наследство»¹³⁶¹. Это крайне редкое, не свойственное Антиохийскому княжеству проявление «феодалного парламентаризма» отнюдь не следует воспринимать как борьбу нобилитета против княжеской власти; скорее бароны, Патриарх и латинский клир предоставили князю Раймонду прекрасный повод, номинально не нарушая клятвы, отказаться от своих обязательств перед Ромейской империей¹³⁶². Антиохийские франки не были готовы (как

¹³⁶⁰ Никита Хониат. Указ. соч. — Книга I, гл. 11, С. 52.

¹³⁶¹ Guillaume de Tug. Op.cit. — Lib. XV, с. 20, Р. 690—691.

¹³⁶² У нас нет каких-либо оснований полагать, чтобы бароны в дальнейшем пытались ограничивать власть князя Раймонда. Последующие семь лет правления Раймонда

во времена нормандских князей) первыми напасть на Ромейскую державу; более того, они не собирались отречься от номинальных вассальных обязательств перед империей. Однако они вновь, как и в 1138 г., проявили готовность до последнего сражаться за Антиохию, в случае, если василевс возобновит посягательства на город.

Для передачи этого решения, от имени князя, нобилитета, «Блаженного Апостола Петра, господина Патриарха и всех жителей Антиохии», к василевсу было снаряжено посольство, под началом латинского епископа Джабалы — Гуго¹³⁶³. Как только латинские послы, во главе с епископом Гуго, покинули императорский лагерь, Иоанн II Комнин бросил свои войска на Антиохию. Ромейские воины дотла разорили городские предместья, поля, сады и прилегающие деревни. Латинское и восточно-христианское население Антиохии с городских стен взидало на уничтожение своих виноградников, садов и деревень, однако Раймонд не дерзнул вывести свои войска для открытого сражения с армией василевса. Между тем, василевс приказал отложить саму осаду до следующего года, не желая зимовать под стенами Антиохии и предпочитая собрать дополнительные силы в Киликии. Как писал Никита Хониат, «Раздраженный тем, что не сбылись его ожидания, он (Иоанн II. — С. Б.) хотя и не счел нужным войти в город силой, питая крайнее отвращение к войне с христианами, однако же, расположившись в предместьях города, дозволил войску опустошать их и забрать все, что только можно. Вследствие этого дозволения, данного под предлогом недостатка в необходимом про-

прошли без каких-либо столкновений с нобилитетом княжества. Следовательно, решение Высокой палаты, вынесенное осенью 1142 г., можно считать единодушным выражением воли всего латинского населения Сирии — княжеского дома, нобилитета, клира и бюргерства.

¹³⁶³ Епископ Гуго Джабальский (или Габальский) известен благодаря двум знаменитым посольствам, в которых он принимал участие в 40-х гг. XII в. В 1142 г. он шел во главе антиохийского посольства в лагерь императора Иоанна II Комнина, а спустя три года — в 1145 гг. сходным образом возглавлял посольство к Папе Евгению III, которого оповестил о падении Эдессы и бедствиях сирийских франков. Во время этого, второго посольства, епископ Гуго, находясь при папском дворе в Витербо, встретился с прославленным германским епископом и латинским хронистом — Оттоном Фрейзингенским, которому впервые поведал историю о Пресвитере Иоанне — христианском царе-несторианине, который правил далеко на Востоке и воевал с сарацинами. Этому сказанию суждено было на протяжении многих поколений тревожить воображение христиан Запада. См. *Ottonem Frisingensem episcopum. Chronicon* // MGH SSRG. — Hanover, 1867. — Lib. VII, c. 33, P. 334—335.

довольствии, даже фруктовые деревья не остались нетронутыми, но и они были сожжены для приготовления пищи. Тайно отомстивши таким образом за пренебрежение к себе, василевс удалился к пределам киликийским»¹³⁶⁴.

Смерть императора Иоанна II Комнина (1143 г.)

Императору Иоанну II не довелось возобновить кампанию против Антиохии. Весной 1143 г. он умер в Киликии после несчастного случая на охоте. Умирая от отравленной раны, «сохраняя императорское величие (...)» и «презирая невыносимую боль, страдание и приближение смерти»¹³⁶⁵, Иоанн II, в присутствии армии и членов синклита, нарек своего младшего сына — Мануила новым василевсом и автократом ромеев¹³⁶⁶. «Мануил, любивший отца больше, чем кто другой, и уважавший законы природы, потупил глаза и, склонившись головой на грудь родителя, оросил слезами постель его. Потом облекся в порфиру, возложил на себя диадему, и все войско провозгласило его василевсом. После сего василевс Иоанн, прожив еще несколько дней, скончался»¹³⁶⁷. Император Иоанн II Комнин показал себя мудрым политиком и доблестным военачальником. Однако в его отношениях с франками прослеживалось абсолютное непонимание изменившейся расстановки сил и реалий Леванта. Несмотря на свою возросшую мощь, Ромейская империя могла присоединить Антиохию только ценой большой крови, насильственного изгнания или истребления франков. Подобное кровопролитие привело бы только к стремительному ослаблению христиан Востока — ромеев, франков, армян. Очевидно, что василевс Иоанн II готов был пойти на эти жерт-

¹³⁶⁴ Никита Хониат. Указ. соч. — Книга I, гл. 11, С. 52. См. также: Cahen C. *La Syrie du Nord...* P. 366—367.

¹³⁶⁵ Guillaume de Туг. *Op.cit.* — Lib. XV, с. 22, P. 694.

¹³⁶⁶ Иоанн II был ранен в руку отравленной стрелой из собственного колчана, во время охоты на кабанов в горах Тавра. Рана вызвала заражение, и василевс, отказавшись от ампутации руки, предпочел медленную смерть. История его ранения и смерти подробно описана Киннамом, Хониатом и Гильомом Тирским. См. Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга I, гл. 10, С. 24—29; Никита Хониат. Указ. соч. — Книга I, гл. 11—12, С. 51—60; Guillaume de Туг. *Op.cit.* — Lib. XV, с. 22, P. 693—694.

¹³⁶⁷ Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга I, гл. 10, С. 29.

вы ради сокровенной цели — возвращения Антиохии; его зимовка в Киликии свидетельствует о подготовке к дальнейшей войне, о желании расправиться с Антиохийским княжеством так же, как он расправился с государством Рубенидов. Отравленная стрела, унесшая жизнь василевса, во многом уберегла христиан Сирии от подобной имперской экспансии, которая вряд ли принесла бы что-либо кроме бессмысленных потерь. Сыну и преемнику Иоанна II — Мануилу I Комнину — суждено было добиться несравненно больших успехов как на пути распространения имперского влияния на Востоке, так и в действенном объединении христиан Леванта перед лицом ислама.

Глава VII

Византия и франкская Сирия от воцарения Мануила I Комнина до великого императорского похода на восток (1143—1158 гг.)

I. Война империи с Антиохийским княжеством (1143—1144 гг.)

Вторжение в пределы княжества Антиохийского.

Третья ромейская осада Антиохии (1144 г.)

Новый, только провозглашенный император — Мануил I Комнин отвел армию обратно, вглубь Анатолии, поспешив в Константинополь. Готовившаяся осада Антиохии была отложена на неопределенный срок. Тогда же князь Раймонд де Пуатье предпринял попытку отбить у овдовевшей Ромейской державы некогда принадлежавшие Антиохийскому княжеству киликийские земли, о чем мы уже писали выше. В 1143 г. антиохийские франки, уничтожив ромейские гарнизоны, заняли города восточной Киликии¹³⁶⁸. Это повлекло ответное вторжение ромейских армий. Как и в 1104 г., наступление велось одновременно с суши и с моря. Мануил I Комнин не смог лично принять участие в этой кампании, доверив ее ведение своим военачальникам; во главе армии были поставлены братья Иоанн и Андроник Контостефаны, и опытный имперский стратиг, крещеный тюрк — Просух. Византийским флотом командовал друнгарий Димитрий Врана¹³⁶⁹. Войска князя Раймонда, будучи не в силах сдержать наступление ромеев, покинули завоеванные киликийские земли и ушли за перевалы Аманоса, в Сирию, куда вскоре вступили и преследовавшие их

¹³⁶⁸ См. выше: Книга I, гл. 3, С. 100—105.

¹³⁶⁹ Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга II, гл. 3, С. 34.

ромейские армии. По словам Киннама: «Просух и оба Контостефана, придя к пределам Киликии, вскоре освободили крепости, отнятые у ромеев антиохийцами и, сразившись с Раймондом, обратили его в бегство и побили многих из его войска (...). Овладев упомянутыми крепостями и не встретив при этом никакого сопротивления, ромеи дошли до самого города Антиохии и обобрали у антиохийцев все встречное, будто у мизиян»¹³⁷⁰.

В третий раз за последние семь лет земли и поселения вокруг Антиохии были дотла разорены ромеями. На этот раз, князь Раймонд де Пуатье был намерен дать открытый бой ромеям. Выступив во главе конного и пешего войска, он начал преследование ромейской армии, отступавшей к Сирийским вратам. Обе стороны, отошедшие от Антиохии на достаточное расстояние, встали лагерем друг напротив друга. На рассвете началось сражение; ромеи попытались внезапно напасть на франкский лагерь, но князь Раймонд уже успел выстроить свои войска и подготовить их к битве. Тем не менее, численное превосходство было, очевидно, на стороне ромеев, и сражение закончилось победой императорской армии. Раймонд должен был дать приказ об отступлении, а ромеи «перебили многих из его войска и гнали за ними до самых ворот Антиохии»¹³⁷¹. Повторно разорив территории вокруг Антиохии, ромейская армия, через Сирийские врата, ушла в Киликию. Параллельно с кампаниями армии Просуха и братьев Контостефанов в Киликии и у стен Антиохии, приморские земли Антиохийского княжества были атакованы византийской эскадрой Димитрия Враны. «Димитрий со своей флотилией опустошил побережья и места приморские, забрал в плен толпы народа и сжег множество принадлежавших тамошним жителям судов, стоявших у морского берега. В числе пленных у ромеев находился даже сборщик государственных податей. Услышав об этом и воспылав ве-

¹³⁷⁰ Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга II, гл. 3, С. 34—35.

¹³⁷¹ Описание сражения, см. Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга II, гл., С. 35—36. Наиболее вероятным местом сражения следует считать окрестности Баграса и перевала Аль-Балан. Во-первых, кратчайший путь из Антиохии в Киликию лежал через перевал Аль-Балан (Сирийские врата). Во-вторых, ромеи отошли на север на такое расстояние, что преследовавшему их Раймонду пришлось поставить свои войска лагерем, на ночлег. Наконец, одержавшие победу ромеи преследовали разбитые франкские войска обратно к стенам Антиохии, так что сражение должно было произойти в северной Сирии, по южную сторону от Аманоса.

ликим гневом, Раймонд хотел было напасть на неприятельскую флотилию, но, узнав, что ромейские корабли уже удалились от берега, возвратился домой без успеха»¹³⁷².

***Сопоставление ромейских вторжений 1104 и 1144 гг.
Исторический контекст последней наступательной войны
комниновской империи против Антиохии***

Здесь стоит отметить сходство византийских наступательных кампаний, инициированных императором Алексеем I Комниным в 1104 г. и его внуком — Мануилом I в 1144 г. С военно-стратегической точки зрения, эти экспедиции можно считать наиболее эффективными византийскими кампаниями против франкской Антиохии. Следовательно, именно эти походы были сопряжены с наибольшими потерями для антиохийских франков, столкнувшимся с превосходящим в силах противником, который, как некогда говорил Рауль Канский, «ужасает, наступая с суши и моря»¹³⁷³. Также нельзя не обратить внимания и на жестокость и карательный характер этих кампаний, от которых в равной степени страдало как латинское, так и восточно-христианское население северной Сирии. Сталкиваясь с сопротивлением антиохийских франков, ромейские василевсы вели войну на уничтожение, прибегая к тактике выжженной земли (которая всегда пользовалась успехом в военном искусстве Византии). Параллельные атаки с моря и суши позволяли ромеям наносить максимальный ущерб франкским владениям, т. к. они разоряли наиболее плодородные и богатые территории княжества — окрестности Антиохии, долину Дафни и приморские земли вокруг гавани Св. Симеона и Латакии.

Конечно же, нельзя не обратить внимание на исторический контекст последней полномасштабной войны между Византией и франкской Антиохией и косвенных последствий этого конфликта для сирийских франков. Эта война имела место в 1144 г. — в год падения Эдессы. Хорошо известно, что князь Раймонд де Пуатье не оказал какой-либо поддержки потерявшему свою восточную столицу графу Жослену II. В то время, как королева Мелисанда Иерусалимская

¹³⁷² Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга II, гл. 3, С. 36.

¹³⁷³ Radulfo Cadomensis. Op.cit. — с. 152, P. 712.

направила на север, за несколько сотен километров, армию палестинских баронов, ни один вассал Антиохийского князя не дерзнул совершить намного более короткого перехода в помощь соседнему Эдесскому графству¹³⁷⁴. Даром что граф Жослен II Эдесский признал себя вассалом князя Антиохийского, в то время как его отношения с Иерусалимским королевством никогда не были четко определенными¹³⁷⁵. Конечно же, свою роль здесь сыграла острая и взаимная неприязнь, ставшая преградой в отношениях Раймонда и Жослена II¹³⁷⁶.

¹³⁷⁴ «Госпожа королева, державшая власть в королевстве, внял советам Манасси, королевского коннетабля, его сородича Филиппа Наблусского и Элинарда Тивериадского, направила их, во главе большого войска, со всей скоростью, дабы они, своими трудами, оказали помощь графу (Жослену II. — С. Б.) и горожанам, охваченным бедствием». См. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVI, c. 4, P.710. Армия Иерусалимского королевства, под началом коннетабля Манасси де Иержа, князя Элинарда Галилейского и Филиппа Наблусского не смогла подойти в срок и достигла берегов Евфрата уже после падения Эдессы. Тем не менее, прибытие палестинских баронов стало одним из факторов, отвративших эмира Зенги от наступления на западные области Эдесского графства — с Турбесселем, Айнтабом, Дулуком, Раванделем, Самосатой и переправами через Евфрат. Это позволило Эдесскому графству продолжить свое существование, по крайней мере — в течение еще нескольких лет.

¹³⁷⁵ Сохранилась хартия графа Эдесского, датированная 1141 г., в тексте которой Жослен II фиксирует дарение касая ордену госпитальеров. При этом граф Жослен II отмечает, что текст хартии составлен при свидетельстве Франко, архиепископа Иераполя (Дулука), и «в правление Раймонда, князя Антиохийского» (Raimundo, Antiochie princeps, regnante), что явно указывает на зависимость Эдесского графства (или, по крайней мере, его западных территорий) от Антиохийского князя. См. Röhrich R., ed. Regesta... — №206, P. 51. Архиепископ Гильом Тирский также говорит о том, что князь Раймонд Антиохийский был «господином» графа Жослена II Эдесского (Antiochenum principem dominum sum). См. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVI, c. 4, P.710. На то, что не сохранилось ни одного свидетельства о том, чтобы Жослен II Эдесский признал себя вассалом короля Фулька Анжуйского или королевы Мелисанды Иерусалимской, особое внимание обращает Рансимен. См. Runciman S. A History of the Crusades... Vol. II, Book II, c. 4, P. 235.

¹³⁷⁶ Так, ранней весной 1143 г., во время совместной кампании антиохийских и эдесских франков против Алеппского эмирата, граф Жослен II внезапно заключил перемирие с атабеком Саваром, наместником Зенги в Алеппо. Это привело к срыву похода и остановило успешное завоевание северо-западных областей Алеппского эмирата, начатое князем Раймондом де Пуатье. Атабек Савар не только довольствовался отступлением Раймонда, но и сам совершил разорительный набег на западный берег Оронта — в сердце Антиохийского княжества. См. Kemal ad-Din. Op.cit. — P. 684. Срыв этой кампании, вероятно, стал последней каплей в отношениях между франкскими государями Антиохии и Эдессы. Хотя конфликты между ними начались гораздо раньше — со времен войны за восточную Киликию в 1136 г. и в период споров из-за Антиохийского патриаршества в 1138—1140 гг. (когда Жослен II оказывал поддержку Патриарху Раулю I Домфрону, низложения которого добивался князь Раймонд де Пуатье).

Но, очевидно, что причины этой апатии антиохийских франков стоит искать не только в установившейся между государями Антиохии и Эдессы неприязни. Не менее важным фактором следует считать и нежелание князя Раймонда рисковать своими войсками и вступать в бой с Имад ад-Дином Зенги, когда его собственное, Антиохийское княжество еще не успело оправиться от учиненного ромейскими армиями разорения.

II. Падение Эдессы и дальнейшее ослабление франков Сирии (1144—1158 гг.)

Падение Эдессы (1144 г.)

Падение Эдессы стало первой из череды масштабных катастроф, которые в XII-XIII вв. привели к радикальному изменению культурного ландшафта Ближнего Востока и уничтожению великих христианских центров Сирии. Осада города началась в конце ноября, когда войска графа Эдесского отбыли на восток, к берегам Тигра, где тюркский эмир Кара-Арслан Артукид, союзник Жослена II в борьбе с эмиром Зенги, был осажден в своем городе — Хисн-Кайфе (современный Хасанкейф) и молил франков о срочной помощи¹³⁷⁷. С отбытием графа Жослена II и эдесских баронов к Тигру (по другим сведениям — к Харрану) эмир Имад ад-Дин Зенги внезапно выступил к Эдессе, ведя за собой аскары Алеппо и Мосула, вместе с большим числом местных тюркских кочевников и курдов. Вскоре его армия встала у стен Эдессы, близ Ворот Времени и церкви Св. Исповедников. Для осады были сооружены семь *манджаников* (требуше). К аскару эмира Зенги присоединились и многочисленные тюркские кочевники, откликнувши-

Гильом Тирский характеризует отношения князя Раймонда и графа Жослена II как «личную ненависть» (*personale odium*). См. Guillaume de Tug. Op.cit. — Lib. XVI, c. 4, P.710. Жесткие упреки в отношении бездействия антиохийских франков и, в особенности, самого князя Раймонда, оставляют такие авторы, как Гильом Тирский и Католикос Нерсес IV Милостивый. Гильом даже говорит о том, что князь Раймонд откровенно «радовался несчастью, постигшему графа» Жослена II. См. Ibid. — P.710; Nerses Shnorhali. *Élégie sur la prise d'Édesse par les Musulmans* // RHC. Arm. I. — Paris, 1869. — P. 231.

¹³⁷⁷ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVI, c. 2, P. 260.

еся на призыв к джихаду. Как повествует Ибн аль-Каланиси, Зенги «отписал племенам туркмен, призывая их оказать помощь (...) и выполнить тем самым их обязательства в отношении священной войны. Огромное войско туркмен присоединилось к нему, они окружили город со всех сторон (...) Даже птица не могла бы пролететь, не рискуя потерять жизнь от метких стрел бдительных воинов, окружавших город»¹³⁷⁸.

Предложение сдаться было отвергнуто жителями города, которые полагались на неприступность укреплений, запасы провианта, силы гарнизона, и, конечно же, на быструю помощь со стороны своего графа — Жослена II и государей Антиохии и Иерусалима¹³⁷⁹. Оборону города возглавил латинский архиепископ Эдессы — Гуго, или, как его называют армянские и сирийские авторы, «папиос»¹³⁸⁰. В принципе, защита и последние сражения за Эдессу были делом рук не столько франкского рыцарства, сколько ополчения и духовенства — как латинского, так и восточного (армянского и сирийского). Вместе с латинским архиепископом Гуго обороной руководили армянский архиепископ Эдессы Иоанн и сиро-яковитский митрополит Василий бар Шумана. «Все жители города — старые и молодые, мужчины и женщины, и даже монахи с Горы Эдесской, стояли на стенах и сражались»¹³⁸¹. Столкнувшись со столь ожесточенным сопротивлением горожан, Зенги велел, параллельно с обстрелом стен, начать подкоп под крепостную стену. «Люди из Хорасана и Алеппо, знакомые с техникой подкопов, достаточно отважные (...) взялись за дело и вырыли сапы в нескольких местах (...) а когда закончили эту работу, оставалось только все это поджечь»¹³⁸². При этом, Зенги вновь обратился к жителям, с предложением сдачи: «Сдайте мне город до того, как я возьму его силой. Я хочу, чтобы вы уцелели»¹³⁸³. Когда архиепископ и жители Эдессы отвергли новое предложение сдачи,

¹³⁷⁸ Гибб Г. Дамасские хроники... С. 189.

¹³⁷⁹ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVI, c. 2, P. 260.

¹³⁸⁰ Папиос — достаточно распространенное восточное название для латинских церковных иерархов Заморской земли.

¹³⁸¹ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVI, c. 2, P. 260—261.

¹³⁸² Гибб Г. Дамасские хроники... С. 189.

¹³⁸³ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVI, c. 2, P. 261.

эмир велел поджечь опорные столбы, державшие подкоп. Две башни и соединявший их участок стен, близ Ворот Времени, обрушились.

Однако защитники города, за несколько дней заметившие работы турецких и арабских воинов, успели возвести баррикаду примерно напротив места обрушения стен. Когда мусульманские воины «собрались для прорыва (...) жители города, собравшись под началом папиоса и епископов, встали, чтобы отразить нападение. Брешь в стене была завалена множеством трупов — как осажденных, так и осаждавших»¹³⁸⁴. В то время, как все внимание защитников было приковано к кровавой рукопашной схватке у места обрушения стен, другая часть войска эмира Зенги, при помощи приставных лестниц, овладело укреплениями на другом участке стен. Как пишет Ибн аль-Каланиси, «Мусульмане ворвались в город после того, как огромное число воинов с обеих сторон погибло, сражаясь на руинах»¹³⁸⁵. Вход воинов эмира в город сломил сопротивление защитников; среди жителей началась паника. Каждый, кто мог, бежал к цитадели, надеясь укрыться в ее стенах. Архиепископ Гуго, предвидя паническое бегство и желая, чтобы цитадель выстояла, велел страже закрыть ворота и не впускать кого-либо внутрь, до его особого распоряжения. Однако в момент прорыва архиепископ сражался у баррикады, и франкские воины, покорные его приказу, не открывали ворот. У стен цитадели началась кровавая давка, в которой погиб и сам отступавший к крепости латинский архиепископ.

Эдесса пала 23 декабря 1144 г. Захват города армией эмира Зенги сопровождался безжалостными грабежами и избиением христиан. «Как можно, без содрогания, твердой рукой описать то охватившее бедствие (...) Тюрки вошли в город с обнаженными ножами и мечами, утолив жажду клинков кровью старцев и младенцев, мужчин и женщин, священников и диаконов, чад, женихов и невест (...) Город Авгаря, друга Христа, низвергнут, по нашим грехам. Священники — убиты, диаконы — истреблены, иподиаконы — растерзаны, храмы — разграблены, алтари — перевернуты. О, горе! Отцы отрекались от сыновей, матери — забывали любовь к чадам своим. По мере того, как опускался меч истребления, многие бежали, ища спасения, к Горе; другие же, собрав малых детей своих, как наседки на цыплятах,

¹³⁸⁴ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVI, c. 2, P. 261.

¹³⁸⁵ Гибб Г. Дамасские хроники... С. 189.

ждали смерти и пленения»¹³⁸⁶. По описаниям Ибн аль-Каланиси, «Войска стали убивать, захватывать и мародерствовать, пока их руки не наполнились таким количеством денег, животных, трофеев и пленных, что дух возликовал, а сердца возрадовались»¹³⁸⁷.

Истребления и грабежи продолжались на протяжении трех дней, в том числе и в день Рождества Христова 1144 г. Через два дня на милость эмира Зенги сдалась цитадель. Примерно тогда же эмир приказал остановить избиение населения и прекратить грабеж. «Имад ад-Дин отдал приказ прекратить убийства и грабежи и занялся восстановлением всего разрушенного, ремонтом поврежденного (...) а также постарался успокоить горожан, пообещав им хорошее отношение и восстановление справедливости ко всем, близким и далеким»¹³⁸⁸. Автор Анонимной Сирийской хронике 1234 г. приводит описание торжественного въезда эмира Зенги в покоренный город, когда его встречали как мусульманские воины, так и восточные христиане, во главе с сиро-яковитским митрополитом Василием. «Митрополит, священники, диаконы и все христиане выступили, чтобы встретить его, встав с одной стороны, в то время как мусульмане, сошедшись из всех кварталов, встали с другой. Зенги встретил христиан с радостью, взял у них Евангелие и поцеловал его; он приветствовал митрополита и справился о его здоровье, и молвил: „Ради Тебя я прибыл, чтобы позаботиться о ваших нуждах“. Он проехал мимо Восточных врат и въехал через Северные врата, через которые город и был захвачен»¹³⁸⁹. Как сказано в хронике Михаила Сирийца: «Тюрки сохранили жизнь нашему народу (сирийцам-миафизитам. — С. Б.), армянам и грекам (мелькитам. — С. Б.), но повсеместно истребляли франков»¹³⁹⁰.

Многие церкви Эдессы подверглись безжалостному разорению или даже полному разрушению. Латинский кафедральный собор Св. Иоанна Крестителя был вначале превращен в резиденцию эмира Зенги, а затем разграблен его воинами. Согласно той же Анонимной Сирийской

¹³⁸⁶ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVI, c. 2, P. 261—262.

¹³⁸⁷ Гибб Г. Дамасские хроники... С. 189—190.

¹³⁸⁸ Гибб Г. Дамасские хроники... С. 190.

¹³⁸⁹ Tritton A.S., Gibb. H. The First and Second Crusades from an Anonymous Syriac Chronicle... — P. 289. Также английский перевод этого фрагмента полностью приведен в монографии Дж. Сигала, см. Segal J.B. Edessa: The Blessed City... P. 249.

¹³⁹⁰ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVI, c. 2, P. 262—263.

хронике, «они начали строить дворец для правителя рядом с великолепной церковью Св. Иоанна, в которой и расположился правитель. У этой церкви они поставили стражу, чтобы ничто из хранившегося там не было уничтожено»¹³⁹¹. Однако хранившиеся в соборе мощи Св. Апостола Фаддея и царя Авгаря были осквернены и выброшены, а роскошная серебряная рака была взята воинами эмира в качестве трофея. Что касается выброшенных мощей, то они были собраны сирийскими христианами и бережно перенесены в сиро-яковитскую церковь Св. Феодора (т. н. «Церковь Сирийцев»), где хранились еще на протяжении нескольких лет¹³⁹². Вскоре кафедральный латинский собор Св. Иоанна Крестителя был полностью разграблен, и позднее превращен в шерстяной склад. Истерзанная церковь полностью погибла во время пожара, вспыхнувшего на этом шерстяном складе в 1183 г.¹³⁹³. «Также мусульмане взяли церкви Св. Стефана и Св. Апостола Фомы, ибо, как было сказано, в этих церквях молились франки. Церковь Св. Фомы они превратили в конюшню, а церковь Св. Стефана в хранилище для зерна и прочего урожая, принадлежавшего правителю. Церковь Исповедников за пределами городских стен, которая была построена примерно за сто лет до этого, они снесли. Церкви Св. Феодора и Ангела Михаила, в южной части города, они снесли и из их камня восстановили разрушенные участки близлежащих стен, верхней цитадели и других зданий, где это требовалось. Также мусульмане восстановили и украсили заново мечеть и мусульманскую часовню, которые до этого были превращены в резиденцию для епископа франков»¹³⁹⁴.

Создается впечатление, что в период этого первого мусульманского завоевания Эдессы, в 1144 г., храмы и монастыри миафизитов (сиро-яковитов и армян) не подверглись еще масштабному разорению или осквернению. Избранной целью и жертвой сарацин стали латинские церкви, те, в которых, по словам Анонимного сирийского хрониста, «молились

¹³⁹¹ Tritton A.S., Gibb. H. The First and Second Crusades from an Anonymous Syriac Chronicle... — P. 290; Segal J.B. Edessa: The Blessed City... P. 249.

¹³⁹² «При взятии города рака была взята из церкви, а кости святых выброшены; но верующие собрали их, вместе с другими мощами святых, и принесли их, в специальной раке, в северную ризницу Церкви Сирийцев, известной как церковь Св. Феодора». См. Tritton A.S., Gibb. H. The First and Second Crusades from an Anonymous Syriac Chronicle... — P. 290; Segal J.B. Edessa: The Blessed City... P. 249.

¹³⁹³ Segal J.B. Edessa: The Blessed City... P. 256.

¹³⁹⁴ Tritton A.S., Gibb. H. The First and Second Crusades from an Anonymous Syriac Chronicle... — P. 290—291; Segal J.B. Edessa: The Blessed City... P. 250.

франки». Но также нельзя обойти вниманием то, что, наряду с латинскими церквями, уничтожению подверглись и церкви мелькитов, как очевидно зависящих от латинской иерархии. Построенный при Юстиниане великий православный собор Св. Софии был разрушен до основания; стены церкви, некогда столь ревностно оберегаемой арабскими халифами, были пущены на строительство мечети в Харране¹³⁹⁵. Также, как уже было указано, были разрушена мелькитская церковь Архангела Михаила и церковь Св. Феодора (также известная как церковь Св. Креста)¹³⁹⁶. Гибель Эдессы — как великого христианского центра Востока, города обращенного Апостолом Фаддеем и царем Авгарем — с особой горечью оплакивает великий хронист Заморской земли — Гильом Тирский¹³⁹⁷.

С падением Эдессы, франки без боя сдали и Сарудж, свой второй и последний значимый город к востоку от Евфрата. Последние сельские поселения армян и христиан-сирийцев были эвакуированы на западный берег Евфрата еще в правление графа Бодуэна II де Бурга, в 1111 г. Той же зимой эмир Зенги обратился и против антиохийских франков, понадеявшись отбить у них Альбару; однако эта твердыня на юго-восточных рубежах княжества смогла выдержать осаду. Между тем, падение и разорение Эдессы стало поводом для провозглашения Второго крестового похода, рассмотрение которого, увы, уведет нас слишком далеко от темы данной книги¹³⁹⁸.

Константинопольский оммаж князя Раймонда де Пуатье (1145 г.)

После падения Эдессы и поражения Антиохии в войне с Византией (1143—1144 гг.) стало очевидно, что антиохийские и эдесские франки не

¹³⁹⁵ Segal J.B. Edessa: The Blessed City... P. 256.

¹³⁹⁶ Segal J.B. Edessa: The Blessed City... P. 250. О разорении церквей Эдессы, см. также: Moosa M. Crusades: Conflict Between Christendom and Islam... — с. 15, P. 563—564.

¹³⁹⁷ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVI, с. 5, P. 711—712. Также описания падения Эдессы можно найти в ряде других восточных хроник, см. Grégoire le Prêtre. Op.cit. — P. 158—159; Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 75; Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... P. 443—446; Tritton A.S., Gibb. H. The First and Second Crusades from an Anonymous Syriac Chronicle... — P. 281—286. Падению Эдессы посвящена «Элегия» Католикоса Нерсеса IV Шнорали, один из великих памятников армянской литературы XII в. См. Nerses Shnorhali. Élégie sur la prise d'Édesse par les Musulmans // RHC. Arm. I. — Paris, 1869.

¹³⁹⁸ О взятии Саруджа и осаде Альбары, см. Гибб Г. Дамасские хроники... С. 190.

смогут одновременно противостоять натиску ромеев на западе и Зенгидов на востоке. Это вынудило князя Раймонда пойти на беспрецедентный шаг; в сопровождении нескольких антиохийских баронов и небольшой свиты он покинул пределы своего княжества и отплыл в Константинополь, став первым франкским государем Заморской земли, посетившим столицу Ромейской державы¹³⁹⁹. Когда корабли Антиохийского князя пристали в бухте Золотого Рога, начались переговоры. Раймонд де Пуатье был встречен сановниками и представителями императора, однако не был допущен до встречи с самим Мануилом I Комниным. Согласно хронике Михаила Сирийца: «В 1457 г. (по сирийскому летоисчислению, т. е. в 1145 г. — С. Б.), увидев, что франки ослаблены до последней степени, Бедави¹⁴⁰⁰, государь Антиохии, отправился к императору греков Мануилу, в Константинополь, и просил там о прощении за все прегрешения, содеянные против его отца»¹⁴⁰¹. По словам Иоанна Киннама, «василевс не прежде принял» Раймонда «как по возвращении его с гробницы отца, где он должен был признать свою вину и дать клятву, что на будущее время сохранить верность» империи¹⁴⁰². После церемонии покаяния у гробницы Иоанна II Комнина в монастыре Пантократора князь Раймонд был принят императором Мануилом.

Оммаж князя Раймонда Антиохийского — императору Мануилу I Комнину был принесен либо во Влахернах, либо в Большом императорском дворце Константинополя. «Проявив смирение, он был удостоен

¹³⁹⁹ Ранее Константинополь посещали герцог Готфрид Бульонский и его брат Бодуэн, а также и Бодуэн де Бург, ставшие первыми франкскими правителями Иерусалима (а последние два — еще и графами Эдессы). Тогда же, в годы Первого крестового похода, в Константинополе побывали Бозмунд и Танкред — первые князья Антиохии, а также Раймонд Сен-Жильский, Бертран Тулузский и его сын — Понс, т. е. первые правители провансальского графства Триполи. Однако все вышеперечисленные государи крестоносцев посещали Новый Рим лишь до своего восшествия на престолы Антиохии, Иерусалима, Эдессы и Триполи. Так что первым франкским государем Заморской земли, покинувшим свои владения в Леванте и посетившим Константинополь, может по праву считаться князь Раймонд де Пуатье. Впоследствии, следуя его примеру, аналогичные путешествия совершал его сын — князь Бозмунд III Антиохийский (1165 г.) и король Амори I Иерусалимский, совершивший свое путешествие в Византию в 1171 г.

¹⁴⁰⁰ Раймонда часто именуют «Бедави» в сирийских и арабских текстах и «Питевином» — в греческих. Это искаженное восточными авторами старофранцузское слово «Poitevin», т. е. «пуатьевинец», «человек из Пуатье» или «де Пуатье».

¹⁴⁰¹ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVI, c. 4, P. 267.

¹⁴⁰² Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга II, гл. 3, С. 37.

почестей, золота и многих драгоценных даров, после чего был с миром отпущен в свой город, получив от императора обещание, что тот придет на помощь христианам»¹⁴⁰³. Исходя из сохранившихся упоминаний этого нового договора между Ромейской державой и Антиохийским княжеством, можно предположить, что на заре своего правления император Мануил I Комнин воздержался от традиционных требований, ранее выдвигавшихся его отцом и дедом. От Раймонда не требовали передачи Антиохии или ее цитадели ромейским войскам, ни сдачи Латакии или иных территорий — за исключением отказа от притязаний на киликийские земли. Франкского князя не пытались лишить наследственных прав на Антиохию, а также не принуждали его восстановить в городе православного патриарха, который продолжал жить при дворе василевса. Во всяком случае, ни латинские, ни византийские, ни сирийские авторы не говорят об этом ни слова. Таким образом, соглашение между императором Мануилом I Комниным и князем Раймондом де Пуатье сводилось к церемониальному покаянию Антиохийского князя, к его оммажу и обновленной клятве верности новому василевсу Ромейской державы, к вручению богатых даров Раймонду — как почетному вассалу императора, и к обещанию василевсу оказывать военную поддержку сирийским франкам¹⁴⁰⁴. Так, договор, заключенный в 1145 г. в Константинополе, был намного более выгодным для франков, нежели предшествующие соглашения, заключенные у берегов Девола (1108 г.) и у стен Антиохии (1137 г.).

Поход франков к Эдессе и повторное разорение города (1146 г.)

Невзирая на многообещающий союз с империей, последующие годы стали временем новых катастроф для франков Сирии. В 1146 г.

¹⁴⁰³ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVI, c. 4, P. 267.

¹⁴⁰⁴ По завершении переговоров Мануил не только щедро одарил своего «покаявшегося» вассала, но и устроил в честь него конные ристалища на ипподроме. Ромейский василевс и князь Раймонд — оба знатоки и любители джостры — совместно принимали в турнире, устроенном в сердце Нового Рима. Косвенные упоминания об этом можно найти в книге Никиты Хониата, который говорит о том, что Раймонд «был отличный всадник и владел ясеневым копьем лучше известного Приама». См. Никита Хониат. Указ. соч. — Книга III, гл. 5, С. 127. Вероятно, память о воинском искусстве князя Раймонда Антиохийского сохранялась в Византии не только благодаря сведениям, долетавшим из далекой Сирии, но и потому, что сам князь Раймонд, оказавшись в Константинополе, смог продемонстрировать жителям ромейской столицы искусство джостры.

в крепости Калаат Джабар эмир Зенги был убит своими рабами. Обширные владения эмира были разделены между его сыновьями; старший — Сейф ад-Дин Гази I принял власть над эмиратом Мосула, второму сыну — Нур-ад-Дину отошел эмират Алеппо¹⁴⁰⁵. Франки не преминули воспользоваться замешательством, царившим среди сирийских мусульман. Возвратившийся из Константинополя князь Раймонд, во главе антиохийского рыцарства, совершил несколько разорительных рейдов по землям Алеппо и Хамы. Согласно «Хронографии» Бар Эбрея, «властитель Антиохии отправился на земли Алеппо и Хамы и учинил великое избиение арабов»¹⁴⁰⁶. Той же осенью 1146 г. граф Жослен II и Бодуэн, граф Мараша и Кайсуна, совершили дерзкую, но, в конечном итоге — обреченную попытку отвоевать Эдессу. Христианское — сирийское и, в особенности, армянское — население Эдессы ни в коей мере не простило сарацинам учиненного насилия и разорения; со смертью всесильного эмира Зенги армяне Эдессы вновь призвали своего прежнего, христианского правителя — Жослена II, поклявшись сдать ему город.

В ночь на 27 октября 1146 г. войска графов Жослена II и Бодуэна пересекли Евфрат и, пройдя ускоренным маршем от переправ Самосаты, вошли в Эдессу¹⁴⁰⁷. Как повествует Ибн аль-Каланиси, мусульман Сирии мгновенно облетела весть о том, что «сын Жослена (т. е. Жослен II. — С. Б.) собрал франков со всех уголков своей страны и неожиданно напал на город Аль-Руху (Эдессу. — С. Б.) при потворстве христиан, проживавших там, вошел в город, завладел им и убил всех мусульман, которых нашел»¹⁴⁰⁸. Второе правление, или, вернее — «стояние» франков в Эдессе продлилось всего шесть дней¹⁴⁰⁹. Все попытки занять цитадель оказались безуспешными; ключ от укреплений города оставался в руках мусульман¹⁴¹⁰. Между тем, до франков и христиан Эдессы уже дошли вести о приближении к городу армии молодого эми-

¹⁴⁰⁵ О смерти эмира Зенги, см. Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVI, c. 4, P. 268; Гибб Г. Дамасские хроники... 194.

¹⁴⁰⁶ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 312.

¹⁴⁰⁷ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVI, c. 5, P. 270;

¹⁴⁰⁸ Гибб Г. Дамасские хроники... С. 194.

¹⁴⁰⁹ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVI, c. 5, P. 270.

¹⁴¹⁰ В этом отношении, мусульманский гарнизон Эдессы оказался в положении, очень схожем с тем, в котором оказался ромейский гарнизон в 1031 г. Тогда, в XI в., при византийском завоевании Эдессы, ромеи смогли удержаться в цитадели, а турки — разорив

ра Алеппского — Нур-ад-Дина Зенги, которого сопровождал старый атабек покойного эмира Зенги — Савар. Как пишет Ибн аль-Каланиси: «эмир Нур ад-Дин, правитель Алеппо, вышел со своим аскаром вслед за Сейф ад-Даула Саваром. Когда к ним присоединились прибывшие со всех концов страны туркмены, они составили огромное войско, примерно в десять тысяч всадников»¹⁴¹¹.

2 ноября его армия вышла к Эдессе. Долше оставаться в городе было невозможно. Жослен II отдал приказ об отступлении. При этом франко-армянское войско сопровождали и тысячи беженцев; кто-то из местных армян и сирийцев бежал по доброй воле, многих франки принудили к совместному бегству силой. Перед уходом граф Жослен II велел поджечь дома и городские здания своей потерянной столицы. У Ворот Вод началась страшная давка, в которой погибли десятки людей¹⁴¹². Колонны беженцев, в окружении войск графов Жослена II и Бодуэна, вышли из города, начав отчаянное бегство к переправам Самосаты. Наперерез христианам немедленно двинулась армия эмира Нур-ад-Дина. Первоначально графы Эдессы и Мараша, став во главе рыцарей, конных воинов и пехотинцев, схлестнулись с передовыми отрядами тюрок, прикрывая отступление. Сражение, как сообщает Михаил Сириец, продолжалось до шести часов вечера. В конце концов, сопротивление христиан было сломлено. Граф Бодуэн пал на поле боя¹⁴¹³, а раненый граф Жослен II, вместе с уцелевшими рыцарями и всеми конными воинами, бежал к переправам и укрылся в Самосате. Там же нашли убежище и те беженцы, которым посчастливилось идти в авангарде. Среди них был сиро-яковитский митрополит Эдессы — Василий¹⁴¹⁴.

нижний город, неминуемо должны были, в конечном итоге, отступить. Подробнее, см. Книга I, гл. 1, С. 100—105.

¹⁴¹¹ Гибб Г. Дамасские хроники... С. 194.

¹⁴¹² Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVI, c. 5, P. 270.

¹⁴¹³ Гибель графа Бодуэна Марашского в особенности оплакивают армянские хроники, такие как Григорий Пресвитер и Смбат Спарпет. См. Grégoire le Prêtre. Op.cit. — P. 160—161; Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 76. Армянский духовник графа Бодуэна — Василий составил «Слово на смерть Бодуэна, властителя Мараша и Кайсуна», где воспекает, в том числе, и обстоятельства его героической смерти. См. Basil le Docteur. Oraison funèbre de Beaudoin, comte de Marasch et de K'èçoun // RHC Arm. I. — Paris, 1869. — P. 205.

¹⁴¹⁴ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVI, c. 5, P. 271.

С бегством конницы началось систематическое истребление пехоты и колонн беженцев. Франкские пешие воины заняли оборону и разрушенной крепости, лежавшей на пути между Эдессой и Самосатой. Там же, вокруг стен крепости, собрались и отчаявшиеся в своем спасении беженцы¹⁴¹⁵. Как пишет Михаил Сириец: «Земля содрогалась от ужаса истребления; как серп, срезающий колосья, как огонь, пожирающий хворост, меч опускался на христиан. Тела священников, диаконов и монахов, знатных мужей и простолюдинов лежали вперемежку. Их гибель была ужасной, но она уберегла их от тех мучений, которые выпали на долю живых. Уцелевшие были захвачены свирепыми тюрками, и те, сняв с мужчин и женщин одежду и обувь, заставили пленников голыми, с завязанными за спиной руками, бежать вслед за своими конями. Тем, кто изнемогал и падал, турки наносили новые раны и бросали умирать на дороге; они становились добычей для диких зверей или хищных птиц, и тогда их смерть была еще мучительнее»¹⁴¹⁶. Среди пленников, наводнивших мусульманские дома и рынки, был и армянский архиепископ Эдессы — Иоанн. Избиение христиан продолжилось и в самой Эдессе, куда вошла армия Нур-ад-Дина. Те эдесские сиро-яковиты, армяне и мелькиты, которые не вышли с франками, а остались в церквях города, рассчитывая на милость Нур-ад-Дина, были истреблены¹⁴¹⁷. Ибн аль-Каланиси лаконично отмечает, что в те дни «меч положил конец всем христианам в Аль-Рухе»¹⁴¹⁸. Подводя итог двум разорениям Эдессы, Михаил Сириец приводит страшные и, очевидно, достаточно реальные сведения о погибших: «Около тридцати тысяч жителей погибло при первой и второй осаде. Шестнадцать тысяч пленников обратили в рабство. Лишь тысяча спаслась. Ни одна женщина, ни один ребенок не выжили; все они погибли при избиении беженцев или были угнаны в плен. Эдесса уподобилась пустыне...»¹⁴¹⁹.

¹⁴¹⁵ Возможно, это была та самая крепость Св. Иоанна, которую, на ранней стадии своих завоеваний, воздвиг основатель Эдесского графства — Бодуэн I (хотя это, опять же, лишь предположение). См. Книга I, гл. 2, С. 100—105.

¹⁴¹⁶ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVI, c. 5, P. 271.

¹⁴¹⁷ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVI, c. 5, P. 270.

¹⁴¹⁸ Гибб Г. Дамасские хроники... С. 195.

¹⁴¹⁹ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVI, c. 5, P. 272. Подробнее о походе графов Жослена II и Бодуэна Марашского, и об окончательном разорении Эдессы (помимо уже указанных текстом Михаила Сирийца и Ибн аль-Каланиси), см. Guillaume de Tyr.

Битвы у Йагры и Инаба. Гибель князя Раймонда де Пуатье (1149 г.)

Попытки князя Антиохийского, графа Эдесского и графа Триполи привлечь французского короля Людовика VII и участников Второго крестового похода к борьбе с эмиром Нур-ад-Дином не увенчались успехом. С окончательным переходом Эдессы к мусульманам эмир Нур-ад-Дин всецело сосредоточился на войнах с Антиохийским княжеством. На рубеже 1146—1147 гг. он разорил восточные земли Антиохии, в том числе — разграбил Арту¹⁴²⁰. При этом граф Жослен II Эдесский заключил с эмиром Нур-ад-Дином перемирие, частью — из-за слабости своего государства, частью — из-за чувства личной мести, ненависти к Раймонду и нежелания, в свою очередь, оказывать помощь антиохийским франкам. Как повествует Михаил Сириец, «Жослен был врагом Бедави, властителя Антиохии, не оказавшего ему помощи при разорении Эдессы. И теперь он возрадовался разорению его земель. Когда (...) Нур-ад-Дин услышал об этом, он отправил к Жослену посольство, дабы заключить мирный договор. Они встретились на равнине, на полпути между Алеппо и городом Азаз, где принесли клятвы и заключили договор. Франки братались, ели и пили с тюрками, и это было, для франков, предвестием гибели»¹⁴²¹.

В то же самое время, при столь явственном разделении латинских христиан Леванта, мусульманские правители Сирии и Анатолии стали проявлять все большую согласованность действий. Для войн с антиохийскими франками Нур-ад-Дин стал привлекать тюркских кочевников и добровольцев джихада из соседних эмиратов — Мосула, Хамы и даже Дамаска. С севера, на территории графства Мараша и Кайсуна стали совершать набеги анатолийские турки, под началом самого Румского султана — Масуда I.

Кажется, что в сложившемся положении князь Раймонд Антиохийский неминуемо должен был искать помощи у своего византийского сюзерена — Мануила I Комнина. Однако в этот период василевс

Op.cit. — Lib. XVI, c. 14—16, P. 728—732; Grégoire le Prêtre. Op.cit. — P. 160—161; Tritton A.S., Gibb. H. The First and Second Crusades from an Anonymous Syriac Chronicle... — P. 292—297; Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... P. 455—458.

¹⁴²⁰ Kemal ad-Din. Histoire d'Alep // ROL III. — Paris, 1895. — P. 515.

¹⁴²¹ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVI, c. 8, P. 282.

был всецело поглощен войной с итало-нормандцами на Балканах¹⁴²², а ромейские гарнизоны, стоявшие в Киликии, были связаны кровопролитными конфликтами с вновь восставшим противником — новым армянским князем династии Рубенидов. Как уже было сказано выше, около 1143—1144 гг. в Киликию из Константинополя бежал Торос II Рубенид, утвердившийся, при помощи восставших армян, в горах Тавра. Когда Торос II захватил родовой замок Рубенидов — Вакху и некоторые другие крепости, такие как Амуда (на ближних подступах к Аназарву), к нему стали стекаться «многочисленные армяне и франки», готовые воевать как с тюрками, так и с ромеями. Особую поддержку ему оказывал сеньор Рабана — Симон, дочь которого была выдана за Тороса II. Новый государь Рубенид, в свою очередь, оказывал поддержку эдесским франкам в их войнах с анатолийскими тюрками. Так, Торос II и его воины приняли участие в отражении тюркского набега на Рабан. «Он перебил три тысячи тюрков, освободил их пленников и принес мир всей области»¹⁴²³. При этом Торос II, опираясь на своих армянских и франкских соратников, продолжил войну с ромеями, отбивая у них киликийские территории, в частности — Аназарв. В этом был заложен один из парадоксов стратегического положения латинских, армянских и византийских христиан Сирии конца 40-х гг. XII в. Франки Мараша и Эдессы, столкнувшись с агрессией анатолийских тюрков, должны были искать союза с армянами. Армяне, при помощи франков Рабана, Кайсуна и Эдессы, воевали с ромеями, сковывая их силы в Киликии. А на помощь ромеев, в свою очередь, рассчитывали антиохийские франки, выносившие на своих плечах всю тяжесть войны с эмиром Нур-ад-Дином.

Отступничество графа Эдесского и отсутствие помощи со стороны ромеев не сломило решимости антиохийских франков. В 1148 г. князь Раймонд, во главе антиохийских рыцарей и ставших под его знамена французских крестоносцев, совершил дальний рейд, вплоть до предместий самого Алеппо¹⁴²⁴. На рубеже 1148—1149 гг. Антиохийский князь нанес серьезное поражение армии эмира Нур-ад-Дина, когда тот вновь вторгся на земли княжества

¹⁴²² Речь идет о войнах между Византией и королем Рожером II Сицилийским в 1147—1149 гг.

¹⁴²³ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVI, c. 8, P. 281—282.

¹⁴²⁴ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVI, c. 27, P. 752.

и разорил несколько христианских поселений. Сражение произошло на северных рубежах княжества, близ осажденной сарацинами крепости Йагра — у восточного берега Антиохийского озера, когда аскар Нур-ад-Дина, груженный добычей и утомленный дальним походом, уже готовился завершить набег и вернуться в Алеппо. Как сообщает Бар Эбрей, «властитель Антиохии устроил засаду и ждал его (Нур-ад-Дина. — С. Б.), и, атаковав, истребил многих из его войска; но сам Нур-ад-Дин, в сопровождении нескольких воинов, сумел бежать в Алеппо»¹⁴²⁵. Ибн аль-Каланиси, стараясь не акцентировать внимание читателя на поражении Алеппского эмира, все же говорит о том, что «правитель Антиохии собрал франков и атаковал Нур-ад-Дина, когда он этого не ожидал, и причинил такие потери в рядах его аскара, в обозах и среди животных, которые были предначертаны ему судьбой»¹⁴²⁶. Михаил Сириец отмечает, что войска князя Раймонда Антиохийского «разгромили тюрок, которые бежали, израненные и лишенные добычи»¹⁴²⁷. Нельзя не обратить внимание на то, что в то время как Ибн аль-Каланиси явно преуменьшает потери мусульман, он все же признает, что Нур-ад-Дин должен был некоторое время оставаться в Алеппо «восполняя потери в своем обозе и недостаток вооружения своего аскара»¹⁴²⁸. Это подтверждает слова Михаила Сирийца о том, что после битвы у Йагры войска Нур-ад-Дина бежали «лишенными добычи» или «обобранными»¹⁴²⁹.

¹⁴²⁵ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 315.

¹⁴²⁶ Гибб Г. Дамасские хроники... С. 205. Эти же слова, слово в слово, повторяет и Абу Шама в своей «Книге Двух садов». См. Abu Shama. Le Livre des Deux Jardins // RHC Orient. IV. — Paris, 1898. — P. 60.

¹⁴²⁷ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVI, c. 10, P. 288.

¹⁴²⁸ Гибб Г. Дамасские хроники... С. 205.

¹⁴²⁹ Причем, вероятно, что именно это сражение Кемаль ад-Дин, писавший уже в XIII в., ошибочно именует битвой у Баграса (путая крепости Йагра и Баграс), описывая это столкновение в числе побед Нур-ад-Дина. См. Kemal ad-Din. Histoire d'Alep // ROL III... — P. 517—518. В этом отношении ошибке Кемаль ад-Дина следует и Рансимен, когда пишет о том, что в 1148—1149 гг. произошло целых три полевых сражения между армиями эмира Нур-ад-Дина и князя Раймонда Антиохийского: у Йагры (победа франков), у Баграса, и у Инаба (последние два — победы Нур-ад-Дина). См. Runciman S. A History of the Crusades... Vol. II, Book III, c. 2, P. 325—326. Скорее, можно предположить, что в этот период было лишь две битвы: на рубеже 1148—1149 гг. князь Раймонд разгромил вторгшийся на его земли аскар Нур-ад-Дина у Йагры, а летом 1149 г., уверенный

Летом 1149 г. Нур-ад-Дин, заключив союз с эмирами Хамы и Дамаска, вновь вошел в пределы Антиохийского княжества и осадил Харим. Князь Раймонд, совместно с молодым графом Мараша и Кайсуна — Рено¹⁴³⁰, выступил на восточный берег Оронта, для отражения набега. Согласно Ибн аль-Каланиси, Нур-ад-Дин вступил «в провинции Антиохия с армией, насчитывавшей около шести тысяч боевых всадников, не считая сопровождающих их обозы, в то время как число франков составляло четыре тысячи конных воинов, вооруженных копьями, и тысячу пехотинцев, не считая сопровождающих»¹⁴³¹. Абу Шама, в своей «Книге Двух садов» говорит о гораздо большем неравенстве сил; у Нур-ад-Дина — 6,000 конных воинов, у князя Раймонда — 400 конных и 1,000 пеших воинов¹⁴³². Стоит также отметить, что в этот период в стане князя Раймонда находились не только франки, армяне и сирийские христиане, но и отряд ассасинов, который возглавлял курд Али ибн Вафа. Ассасины участвовали в разгроме аскара Нур-ад-Дина при Йагре и, совместно с князем Раймондом, выступили к Хариму¹⁴³³.

Когда Нур-ад-Дину сообщили о приближении армии Антиохийского князя он, памятуя о недавнем поражении, предпочел снять осаду и отступить¹⁴³⁴. Тем более, что малочисленное войско князя Раймонда он принял лишь за авангард подступавшей христианской армии. Раймонд, в свою очередь, решил преследовать отступавший аскар, вероятно, в надежде нанести новое поражение своему противнику. Однако Нур-ад-Дин не собирался уходить в Алеппо; напротив, когда он воочию убедился в подавляющем численном превосходстве

в своих силах после недавней победы, сам был разгромлен эмиром Алеппским в битве у Инаба.

¹⁴³⁰ Рено наследовал своему старшему брату, графу Бодуэну, павшему под Эдессой в 1146 г. Воюя бок о бок с князем Раймондом, граф Рено, тем не менее, имел родственные связи с Жосленом II Эдесским, на дочери которого — Агнессе, был женат. Положение графа Рено — как соратника князя Раймонда и, в то же время, сородича Жослена II, в полной мере отражает двойственное положение графства Мараша, существовавшего на стыке франкской Антиохии и Эдессы. См. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVII, c. 9, P. 775.

¹⁴³¹ Гибб Г. Дамасские хроники... С. 207.

¹⁴³² Abu Shama. Le Livre des Deux Jardins... — P. 62.

¹⁴³³ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVII, c. 10, P. 288—289.

¹⁴³⁴ Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... P. 476.

своих войск, эмир стал готовиться к новому сражению с франками. Меж тем, увлекшийся преследованием князь Раймонд оставил войска ночевать в открытом поле. Наутро следующего дня, 29 июня 1149 г., лагерь был окружен аскаром эмира Нур-ад-Дина. Раймонд успел построить свои войска для прорыва и лично возглавил атаку рыцарской конницы. Но в то же время подул изнуряющий, штормовой ветер — хамсин, фактически ослепивший антиохийских франков. Конница и пехота были, по большей части, перебиты. В числе павших были граф Рено Марашский и курдский ассасин — Али ибн Вафа. Среди убитых был, вероятно, и княжеский коннетабль — Рожер де Монс¹⁴³⁵. Сам князь Раймонд пал на исходе сражения, вступив в единоборство с одним из старших военачальников Нур-ад-Дина — курдом Асад-адином Ширкухом¹⁴³⁶. Ширкух, сразив Раймонда, велел отрубить ему голову и лично преподнес ее Нур-ад-Дину. Тот, в свою очередь, велел отправить череп, обрамленный серебром, в дар Аббасидскому халифу Аль-Муктафи¹⁴³⁷.

Третий раз в истории голова Антиохийского князя, погибшего вместе со своей армией, преподносилась как дар Аббасидскому халифу¹⁴³⁸. Обезглавленное тело князя Раймонда, опознанное «по

¹⁴³⁵ Он последний раз упоминается в числе свидетелей на хартии князя Раймонда — госпитальерам, датированной февралем 1149 г. См. Röhrich R., ed. *Regesta...* — №253, P. 63.

¹⁴³⁶ Abu Shama. *Le Livre des Deux Jardins...* — P. 63.

¹⁴³⁷ Подробнее, о битве при Инабе (1149 г.), см. Guillaume de Tyr. *Op.cit.* — Lib. XVII, c. 9, P. 771—773; Michel le Syrien. *Op.cit.* — Vol. III, Lib. XVII, c. 10, P. 289; Bar Hebraeus. *Chronography...* — P. 315; Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга III, гл. 14, С. 134—135; Гибб Г. Дамасские хроники... С. 206—207; Abu Shama. *Le Livre des Deux Jardins...* — P. 62—63; Kemal ad-Din. *Histoire d'Alep // ROL III...* — P. 521—522; Ibn al-Athir. *Al-Kamil fi al-Tarikh...* P. 476; Grégoire le Prêtre. *Op.cit.* — P. 161—162. При этом средневековые авторы практически единогласно упрекают князя Раймонда в безумной самонадеянности, в частности — из-за того, что он стал лагерем на открытой местности, вблизи расположения противника, вместо того, чтобы отвести свои войска в один из близлежащих замков.

¹⁴³⁸ Исход битвы при Инабе действительно напоминал о поражении и смерти князя Бозмунда II в битве у Мамистры (1130 г.), но еще больше — о самом страшном поражении антиохийских франков, о битве на Кровавом Поле (1119 г.). Даром что между гибелью князя Рожера в битве на Кровавом Поле и смертью князя Раймонда в битве при Инабе прошло практически ровно 30 лет. Еще одним роковым совпадением казалось то, что в обоих сражениях атака антиохийской рыцарской кавалерии была ослаблена внезапно разразившимися порывами хамсина. Наконец, оба сражения произошли в дни празднования Св. Апостолов Петра и Павла — основателей Антиохийской Церкви.

отдельным атрибутам и известным шрамам, было найдено в груди трупов. Его доставили в Антиохию и, со всеми почестями, торжественно захоронили в месте погребения его предшественников, в притворе церкви князя Апостолов», т. е. в соборе Св. Петра¹⁴³⁹. Смерть Раймонда де Пуатье стала тяжелейшим ударом как для антиохийских франков, так и для всех христиан Леванта. Как об этом, спустя почти столетие, писал Бар Эбрей, «из всех королей франков, не было никого, кого бы турки боялись больше» Раймонда¹⁴⁴⁰. Ибн аль-Каланиси словно бы подтверждает слова сиро-яковитского хрониста: «Этот проклятый (...) славился своей отвагой, храбростью, хитростью и статным видом, пользовался особой репутацией и внушал всем страх своей яростью и жестокостью»¹⁴⁴¹. Михаил Сириец также оплакивает смерть князя, отмечая, что день его гибели «стал несчастным для христиан». «Властитель Антиохии, князь Раймонд, этот могучий лев, был убит. Властитель Кайсуна — юный львенок Рено — также погиб. Никто не смог спастись, чтобы донести скорбную весть. Все обратились в горы трупов»¹⁴⁴².

Наступление эмира Нур-ад-Дина и султана Масуда I на земли франкской Сирии; пленение графа Жослена II Эдесского (1149—1150 гг.)

С гибелью князя Раймонда и его армии в битве при Инабе, Антиохийское княжество оказалось практически беззащитным перед дальнейшим продвижением армии Нур-ад-Дина. Эмир Алеппский завоевал последние замки и укрепленные города антиохийских франков к востоку от Оронта; под ударами его аскара пали Харим, Имм, Арта, Ругия. После непродолжительной осады сдалась и Апамея. Великая христианская твердыня, кафедра латинской архиепископии, один из городов «Сирийского тетраполя» — Апамея навсегда перешла под власть мусульман. Франкский гарнизон, потеряв «всяческую надежду на получение помощи (...) согласился сдаться на условиях

¹⁴³⁹ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVII, c. 9, P. 773.

¹⁴⁴⁰ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 315.

¹⁴⁴¹ Гибб Г. Дамасские хроники... С. 207.

¹⁴⁴² Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVII, c. 10, P. 289.

сохранения жизни»¹⁴⁴³. Франки и те армянские и сирийские христиане, которые хотели за ними последовать, смогли благополучно переправиться через Оронт и уйти вглубь Антиохийского княжества¹⁴⁴⁴.

В то же время Нур-ад-Дин не собирался ограничиваться лишь завоеванием территорий на восточном берегу Оронта; он перевел свою армию на западный берег и продвигался вперед, разоряя все на своем пути — долину Дафни, богатые земли вокруг Антиохии, прославленную лавру Св. Симеона Дивногольца. Наконец «он вышел к морю, которого никогда доселе не видел, и в знак своей победы омылся в нем, вместе со своими соратниками»¹⁴⁴⁵. Тогда же Нур-ад-Дин попытался склонить к сдаче и саму Антиохию. Эмир «со своим аскаром стал лагерем у ворот Антиохии, которая, хоть и лишилась своих стражей и защитников, и в которой никого не осталось, кроме жителей, все еще сопротивлялась ему и оставалась неприступной»¹⁴⁴⁶. Как повествует, основываясь на хронике Михаила Сирийца, Бар Эбрей, «Между жителями Антиохии не было единства, и многие склонялись к тому, чтобы сдать город Нур-ад-Дину. Другие же, со всей поспешностью, отправили гонцов к королю Иерусалимскому»¹⁴⁴⁷. Вероятно, в этом брожении восточно-христианского населения Антиохии следует усмотреть не вспышку антилатинских настроений, но скорее — отчаянное желание разделить судьбу с боем взятой (и потому — разоренной) Эдессы. «Между Нур-ад-Дином и жителями города начались переговоры. Он требовал сдать ему город в обмен на гарантии безопасности и неприкосновенности их жизни и собственности, но жители ответили ему, что пойдут на этот шаг лишь тогда, когда все надежды на прибытие помощи и поддержки в борьбе против тех, кто их атакует, иссякнут»¹⁴⁴⁸. Но принявший регентство латинский Патриарх Амори де Лимож сумел удержать город в повиновении, а приближение армии молодого иерусалимского короля Бодуэна III вынудило Нур-ад-

¹⁴⁴³ Гибб Г. Дамасские хроники... С. 208

¹⁴⁴⁴ Об осаде и взятии Апамеи, см. Гибб Г. Дамасские хроники... С. 208; Ibn al-Athir. Histoire des Atabecs de Mosul... P. 180.

¹⁴⁴⁵ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVII, c. 10, P. 774.

¹⁴⁴⁶ Гибб Г. Дамасские хроники... С. 208.

¹⁴⁴⁷ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 315. См. также: Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVII, c. 10, P. 290.

¹⁴⁴⁸ Гибб Г. Дамасские хроники... С. 208.

Дина отступить на восточный берег Оронта. Согласно «Хронографии» Бар Эбрея, король Бодуэн III «спешно вступил в город и вселил мужество в сердца уцелевших рыцарей. Он доверил правление Патриарху (Амори де Лиможу. — С. Б.), до тех пор, покуда Бозмунд, сын убитого князя, не достигнет положенного возраста»¹⁴⁴⁹.

В том же 1149 г. франки потеряли Мараш — город, который со времен ромейского завоевания 962 г. непрерывно оставался под властью византийских, армянских и латинских христиан. На исходе года, Мараш был осажден армией султана Масуда I. С гибелью князя Раймонта Антиохийского и графа Рено стало очевидно, что жителям не от кого ждать помощи. Жослен II, принявший со смертью графа Рено власть над Марашем и Кайсуном, не дерзнул бы выступить открыто против армии Румского султана. После непродолжительной осады Мараш сдался на милость султана, в обмен на неприкосновенность и право свободного прохода жителей к Антиохии. По словам Михаила Сирийца, турки позволили «франкским рыцарям, епископу и старейшинам города уйти в Антиохию»¹⁴⁵⁰. Но когда колонны франков, армян и христиан-сирийцев вышли за пределы городских стен и направились к Антиохии, султан Масуд I, «забыв о принесенных им клятвах, велел тюркам перехватить их на дороге, и они перебили всех»¹⁴⁵¹. Одновременно Румский султан разорил и уцелевшие территории Эдесского графства, вплоть до самых стен Турбесселя, столицы Жослена II¹⁴⁵².

В то же самое время, граф Жослен II вступил в конфликт со своим недавним союзником — эмиром Кара Арсланом Артукидом. На рубеже 1149—1150-х гг. Кара Арслан осадил Гаргар — владение армянского князя Василия, вассала графа Эдесского¹⁴⁵³. Узнав

¹⁴⁴⁹ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 315.

¹⁴⁵⁰ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVII, c. 10, P. 290; Bar Hebraeus. Chronography... — P. 316.

¹⁴⁵¹ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVII, c. 10, P. 290. При этом, сирийский хронист говорит о том, что командование тюркскими войсками при взятии Мараша принадлежало не самому султану Масуду I, но его старшему сыну и наследнику — Кылыч-Арслану II.

¹⁴⁵² Подробнее см. Grégoire le Prêtre. Op.cit. — P. 162—163; Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 76.

¹⁴⁵³ Об армянских князьях Гаргара — как вассалах графов Эдессы, см. выше: Книга I, гл. 2, С. 100—105. Василий был братом Католикоса Григория III Пахлавуни.

о бедственном положении города, Жослен II немедленно стал стягивать силы для похода к Гаргару. Кампания эта интересует нас прежде всего потому, что она ознаменовала возобновление *византийского* участия в делах *франкской* Сирии. В хронике Михаила Сирийца можно найти следующую запись: «Греки и франки собрались, чтобы оказать помощь осажденным в Гаргаре»¹⁴⁵⁴. К сожалению, на это упоминание о появлении ромеев в пределах Эдесского графства практически не обращают внимания. Между тем, этот поход прямо предвещает дальнейшее вовлечение ромейского василевса в судьбы графства Эдесского. Завершив в 1149 г. войну с королем Рожером II Сицилийским, император Мануил I Комнин готов был возобновить активное византийское участие в жизни *франкской* Сирии. В начале 1150 г. ромейский контингент, очевидно направленный дукой Киликии — Фомой, присоединился к походу эдесских франков к Гаргару. Невзирая на превосходство в силах, франки, армяне и ромеи были наголову разбиты тюрками. Предводители христианского войска либо погибли, либо были взяты в плен¹⁴⁵⁵. Гаргар пал перед аскаром эмира Кара Арслана¹⁴⁵⁶. Это поражение стало последней кампанией графа Жослена II Эдесского.

В апреле 1150 г., во время путешествия из Турбесселя в Антиохию, неподалеку от Азаза, Жослен II был взят в плен тюркскими кочевниками. Знатного пленника быстро опознали и доставили в Алеппо, к эмиру Нур-ад-Дину, который выкупил его всего за 1,000 динаров. Последние девять лет своей жизни граф Жослен II Эдесский провел в заточении, в цитадели Алеппо. Как пишет Михаил Сириец: «Жослену многое довелось перенести в плену. Он умер в страшных мучениях, проведя в заточении девять лет. Мусульмане изыскивали разные способы обратить его в ислам; они соблазняли его обещаниями, но он не поддался. Они угрожали и пытали его, но он не убоился и остался тверд в своей вере»¹⁴⁵⁷. Автор Анонимной сирийской хроники уверяет, что в годы своего заточения,

¹⁴⁵⁴ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVII, c. 11, P. 294.

¹⁴⁵⁵ Среди пленников Кара Арслана был последний армянский князь Гаргара — Василий и Майо — *франкский* рыцарь из Кайсуна. См. Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVII, c. 11, P. 294.

¹⁴⁵⁶ О падении Гаргара, см. также: Grégoire le Prêtre. Op.cit. — P. 163—164.

¹⁴⁵⁷ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVII, c. 11, P. 295.

Жослен II был ослеплен¹⁴⁵⁸. Тем не менее, с кончиной Жослена II, в 1159 г., Нур-ад-Дин позволил устроить открытые для народа, христианские похороны. Граф Эдессы был погребен в одной из церквей Алеппо. По словам Михаила Сирийца, «его похороны привлекли великое множество народа — как арабов, так и христиан — которые были поражены произошедшим»¹⁴⁵⁹.

С пленением Жослена II графство Эдесское немедленно испытало новый натиск сарацин. С севера на земли эдесских франков вошли войска султана Масуда I. Румский султан обрушился на города Рабан и Кайсун, полный решимости присоединить к своим владениям те земли, которые некогда составляли великую франкскую сеньорию Мараша и Кайсуна, а до этого — армянское княжество Евфратес. Первым капитулировал Кайсун. Как повествует Михаил Сириец: «Жители Кишума (Кайсуна), увидев мощь неисчислимых армий, оставили сопротивление (буквально „повернули спины“. — С. Б.). Они направили к султану епископа Иоанна (сиро-яковитского епископа Кайсуна. — С. Б.) и получили от султана клятвенное заверение, что франки получают право свободного прохода в Айнтаб. Так и случилось»¹⁴⁶⁰. Т. е. в данном случае имело место достаточно трогательное посредничество сирийских христиан, вытребовавших для франков Кайсуна право беспрепятственного, безопасного исхода из обреченного города в Айнтаб и Турбессель. Примечательно также, что на этот раз султан Масуд I сдержал свое слово и не повторил вероломной бойни латинян, учиненной в предшествующий год при сдаче Мараша. Тогда же румскому султану был сдан Рабан, а также прочие крепости на северных рубежах Эдесского графства. Согласно хронике Пресвитера Григория, «спустя восемь дней (после сдачи Кайсуна. — С. Б.) покорился и неприступная крепость

¹⁴⁵⁸ Tritton A.S., Gibb. H. The First and Second Crusades from an Anonymous Syrian Chronicle... — P. 300. О пленении и смерти Жослена II Эдесского, см. также: Bar Hebraeus. Chronography... — P. 316—317; Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVII, c. 11, P. 776—777; Kemal ad-Din. Histoire d'Alep // ROL III... — P. 523—524; Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... P. 481; Гибб Г. Дамасские хроники... С. 213; Grégoire le Prêtre. Op.cit. — P. 164.

¹⁴⁵⁹ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVII, c. 11, P. 295. Михаил Сириец говорит о том, что предсмертное отпущение грехов и причастие Жослена II было совершено сиро-яковитским митрополитом Алеппо — Игнатием. См. Ibid. — Vol. III, Lib. XVIII, c. 5, P. 315.

¹⁴⁶⁰ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVII, c. 12, P. 296.

Бетхесни (ныне город Бесни. — С. Б.), а спустя еще четыре дня — пал и великий город Рабан»¹⁴⁶¹.

Одержав череду быстрых побед, султан Масуд I повел свою армию к столице эдесских франков — Турбесселю. Однако осада города не увенчалась успехом. «Масуд вошел на земли Тель-Башира (Турбесселя), которые он тревожил и разорял еще в прошлом году. Он долго оставался в окрестностях Тель-Башира, но ничего не достиг, поскольку город защищал сын графа (Жослен III. — С. Б.), поддержанный войсками своего отца и населением. Они храбро сражались за свою веру; и, несмотря на то, что неверные прибегали ко всем способам нападения и вели обстрел из осадных орудий, они принуждены были вернуться в свою страну, ослабленными и подавленными»¹⁴⁶². Тогда же, с юга, в пределы графства вошел аскар эмира Нур-ад-Дина, отвоевавший у эдесских франков Азас¹⁴⁶³. Эдесское графство франков доживало свои последние дни.

Ромейская аннексия графства Эдесского (1150—1151 гг.)

Именно в этот период, император Мануил I Комнин предпринял единственную, за время своего правления, попытку присоединить к империи часть франкских территорий Заморской земли. В 1150 г. василевс направил в Турбессель посольство к последней

¹⁴⁶¹ Grégoire le Prêtre. Op.cit. — P. 165.

¹⁴⁶² Grégoire le Prêtre. Op.cit. — P. 165—166. Ибн аль-Каланиси также отмечает неудачу тюрок при осаде Турбесселя: «после осады и атак (на город. — С. Б.), Масуд отступил (...), и большинство его защитников вернулись в город». См. Гибб Г. Дамасские хроники... С. 213—214.

¹⁴⁶³ Азас, со времен взятия его князем Рожером Антиохийским, в 1119 г., на протяжении более тридцати лет оставался форпостом антиохийских (позднее — эдесских) франков на северных подступах к Алеппо. Сам Азас находится менее чем в тридцати километрах от Алеппо. Вполне естественно, что взятие этого города было одной из важнейших стратегических задач для эмира Нур-ад-Дина. Осада Азаза подробно описана в хронике Ибн аль-Каланиси: «После (...) заключения сына Жослена в цитадель Алеппо Нур ад-Дин (...) направился со своим аскаром к Азазу (...) Он стал пред им лагерь, осадил и атаковал до тех пор, пока Аллах не позволил ему завладеть городом, несмотря на его исключительную неприступность, трудности подхода к нему и высокое местоположение. Захватив город и учредив там надежный гарнизон, он отправился назад в Алеппо, радостный и триумфальный». См. Гибб Г. Дамасские хроники... С. 213.

правительнице графства Эдесского — графине Беатрисе, правившей от имени своего несовершеннолетнего сына Жослена III, с предложением передать ромеям все оставшиеся в ее власти города и замки, в обмен на поддержку и щедрую материальную компенсацию. Аналогичное посольство было направлено и в Антиохию, а ведение переговоров доверено ромейскому дуке Киликии — Фоме. Гильом Тирский — единственный автор, который оставляет подробное упоминание об этом договоре между Мануилом I Комниным и сирийскими франками. По его словам, «Узнав об опустошении той земли (графства Эдесского. — С. Б.), государь император Константинопольский направил к ней одного из своих сановников¹⁴⁶⁴, с огромным суммами денег и немалыми военными силами, предлагая графине и ее детям ежегодное содержание, с положенным им достатком и почестями, выделенное из его собственных доходов, в обмен на передачу ему всей полноты власти над той страной (...) которую он желал присоединить к своей империи. Уповая на свои неисчислимые богатства, он был уверен в том, что сможет оградить страну от тюркских набегов и вернуть утраченные области для своей империи, если вся область будет подчинена его власти»¹⁴⁶⁵.

Вскоре государи, бароны и прелаты Заморской земли собрались на большой совет в Антиохии. Король Бодуэн III Иерусалимский, княгиня Констанция Антиохийская и латинский Патриарх Антиохии Амори де Лимож (юрисдикция которого распространялась на территорию графства) одобрили решение графини Беатрисы, хотя часть сирийских баронов и была против передачи последних эдесских городов и крепостей ромеям. Архиепископ Гильом приводит достаточно взвешенные и прагматичные суждения короля Бодуэна III: «Он не возлагал надежд и не считал, что страну, в подобном состоянии, можно удержать силами греков, но предпочел, чтобы именно они владели ей, как и было ранее, дабы не на нем, но на них легла ответственность за бедствия народа и уничтожение

¹⁴⁶⁴ Буквально — «князей» (*principis*), что и дает основание предположить, что этим «князем» был дука (*dux*) Киликии — Фома. См. Chalandon F. *Les Comnène; Etudes sur l'Empire byzantin aux XIe et XIIe siècles*. Vol. II. Jean II Comnène, 1118—1143, et Manuel I Comnène, 1143—1180... — P. 424—425.

¹⁴⁶⁵ Guillaume de Tyr. *Op.cit.* — Lib. XVI, c. 16, P. 784—785.

страны»¹⁴⁶⁶. Предложение василевса было принято; города Эдесского графства входили в состав Ромейской державы. Также было достигнуто соглашение о совместном походе ромейских войск и армии сирийских франков в пределы графства; первые должны были принять власть над замками и укреплениями городов, вторые — проследить за эвакуацией тех латинян и армян, которые, не пожелав остаться под властью ромеев, переселялись в пределы княжества Антиохийского.

«Были составлены условия договора, согласно которым графиня и ее дети (Жослен III, Агнесса и Изабелла де Куртенэ. — С. Б.) должны были получить подобающее вознаграждение, а король (Бодуэн III. — С. Б.) со всей армией — отправиться в ту страну и передать императору всю полноту власти над ее землями и народами. Собравшись вместе, король, граф Триполи (Раймонд II. — С. Б.) и бароны княжества Антиохийского¹⁴⁶⁷, совместно с прибывшими туда греками, должны были проследовать в пределы графства Эдесского. Передав всю полноту власти грекам и взяв с собой госпожу графиню, ее детей и домочадцев, а также всех армян и латинян, которые пожелают покинуть эти земли, они должны были уйти. Вот перечень городов, которые подлежало передать грекам: Турбессель, Айнтаб, Равандель, Рум Калаат¹⁴⁶⁸, Биле (Биреджик), Самосата, а также и некоторые другие крепости»¹⁴⁶⁹. Нур-ад-Дин не преминул воспользоваться эвакуацией армянского и франкского населения. Во время перехода из Дулука в Айнтаб его аскар атаковал колонны христиан, покидавших эдесские земли. Од-

¹⁴⁶⁶ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVI, c. 16, P. 785.

¹⁴⁶⁷ Как уже было сказано, эти события имели место спустя год после гибели князя Раймонда де Пуатье в битве при Инабе; именно поэтому Гильом, перечисляя состав франкского войска, говорит о короле Бодуэне III, графе Раймонде II Триполитском и «баронах княжества Антиохийского». Поскольку ни княгиня Констанция, ни Патриарх Амори де Лимож не могли возглавить поход, антиохийские рыцари выступили под общим командованием короля Иерусалимского и под непосредственным началом Робера де Сурдеваля, сына старого коннетабля Антиохии — Готье де Сурдеваля.

¹⁴⁶⁸ На самом деле, единственное исключение в этом перечне составляла крепость Рум Калаат (Ромкла), которая была передана графиней Беатрисой не ромеям, но армянскому Католикусу Григорию III Пахлавуну. На протяжении последующих 144 лет (1149—1293 гг.) крепость Рум Калаат или Ромкла (Хромкла) оставались резиденцией киликийского Католикоса. Подробнее о передаче крепости армянам, см. ниже: Книга II, гл. 2, С. 100—105.

¹⁴⁶⁹ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVI, c. 16, P. 785—786.

нако король Бодуэн III, невзирая на молодость, сумел подготовиться к нападению. Войско франков было распределено так, чтобы держать строй и, со всех сторон, окружать нонкомбатантов. Авангард, составленный из иерусалимских рыцарей, шел под началом самого короля, фланги прикрывали войска антиохийских баронов, арьергард доверен графу Раймонду II Триполийскому и коннетаблю Иерусалимского королевства — Онфри II де Торону. Невзирая на постоянные нападения и даже на то, что обоз, из-за обилия тюркских стрел, стал, по словам Гильома Тирского, «похож на дикобраза», все атаки тюркской конницы были отбиты, а христианская армия и беженцы благополучно укрылись в стенах Айнтаба. Нур-ад-Дин отвел свои войска к Азазу и Алеппо; королевская армия достигла Антиохийского княжества, где сотни латинских и армянских беженцев смогли обрести надежное убежище (некоторые, вероятно, позднее переселялись на земли Иерусалима, Триполи, в Киликию)¹⁴⁷⁰.

¹⁴⁷⁰ При этом, Онфри II де Торон и Робер де Сурдеваль, попытались уговорить Бодуэна III оставить хотя бы этот город за франками. Но король Иерусалимский держался заключенного договора, и Айнтаб был передан ромеям. Описание битвы при Айнтабе и последующего перехода армии и беженцев в пределы княжества Антиохийского подробнейшим образом приведено в хронике Гильома Тирского. См. Guillaume de Tug. Op.cit. — Lib. XVII, с. 17, Р. 786—789. Жослен III — титулярный граф Эдессы, входил, на протяжении многих лет, в число вассалов Антиохийского князя. В 1158 г. ему был передан отвоеванный франками Харим. См. Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVIII, с. 5, Р. 316. Сохранилась также хартия князя Боэмунда III Антиохийского, в которой тот передает касали Жослену III, именуя его «графом Эдесским, моим вассалом» (Edessani comitis, homino suo ligio). См. Röhricht R., ed. Regesta... — №555, Р. 147—148. Связь графа Жослена III с Антиохией объясняется еще и тем, что его мать — графиня Беатриса, принадлежала к антиохийской знати и, первым браком, была замужем за Гильомом, сеньором Саона. Сеньоры знаменитой антиохийской сеньории Саона — Рожер и Гарентон II, были детьми графини Беатрисы и, следовательно, единоутробными братьями Жослена III. См. Ibid. — №473, Р. 124. Позднее, граф Жослен III Эдесский обзавелся обширными фьефами и в Палестине, став сенешалем Иерусалимского королевства (пост, который он занимал с 1176—1178 гг.). Среди других эдесских франков, осевших на землях Антиохийского княжества, стоит назвать Тибо, сына сеньора Кира (Куриса), или многочисленных отпрысков рода д'Азар, т. е. титулярных сеньоров Азаза, представители которого входили в число баронов княжества Антиохийского вплоть до его падения. Так, если первый представитель этого рода — Танкред д'Азар, впервые фигурирует на одной из антиохийских хартий в 1170 г., то последний известный отпрыск династии — Петр II д'Азар, занимал пост сенешала Антиохии, с 1262 г. и, вероятно, вплоть до захвата города мамлюками. См. Ibid. — №473, Р. 124; №1317, Р. 344. О связи рода д'Азар с утерянной эдесской сеньорией Азаза, см. Rey E.G. Sommaire du supplément aux familles d'Outre-Mer. — Chartres, 1881. — Р.7. Там же см. и упоминания о Тибо, сыне сира Куриса и его связи с Антиохией. И, конечно же, нельзя не отметить,

Так, все большее вовлечение империи в судьбы вассального графства Эдесского в итоге привело к полному переходу уцелевших земель этого франкского государства под власть ромейского василевса. При этом стоит обратить внимание еще на два исторических упоминания, относящиеся примерно к 1150 г. и свидетельствующие об интересе Ромейской державы к эдесским землям. Во-первых, речь идет о вышеуказанном ромейском участии в походе эдесских франков и армян к крепости Гаргар, имевшем место в последний год правления графа Жослена II¹⁴⁷¹. Во-вторых, именно к середине XII в. относятся и упоминания о появлении, после длительного перерыва, нового православного митрополита Эдессы — Иоанна¹⁴⁷². На поставление нового титулярного митрополита Эдессы (вероятно, рукоположенного и пребывавшего в Константинополе, вместе с *de facto* титулярным православным Патриархом Антиохии) следует обратить особое внимание, т. к. в силу хронологии упоминаний оно может быть прямо связано с имперской экспансией на землях эдесских франков и с намерением василевса восстановить на присоединенных территориях полноценную православную иерархию, чье преемство было фактически прервано на рубеже XI-XII вв.

Однако худшие предположения короля Бодуэна III и сирийских франков о судьбе новых византийских владений действительно оказались пророческими. К исходу следующего, 1151 г., все перешедшие кромея города графства Эдесского были завоеваны объединившими усилия армиями румского султана Масуда I, эмира Нур-ад-Дина и войсками присоединившегося к ним Тимурташа Артукида, эмира Мардина. Как повествует Михаил Сириец, когда «люди императора греков (...) утвердились в Тель-Башире, Айнтабе и Азазе, тюрки напали на них и держали в осаде. Когда же они были охвачены голодом, они мирно сдали все крепости Нур-ад-Дину, и правитель Алеппо стал властвовать в Тель-Башире, Айнтабе, Азазе и на всех землях между этими городами. Султан (Масуд I. — С. Б.) сохранил за собой Мараш,

что приток мелкого рыцарства, сержантов, клира и бюргеров, переселившихся из павшего Эдесского графства, вне всяких сомнений, привел к укреплению латинского элемента в пределах Антиохийского княжества.

¹⁴⁷¹ Подробнее, см. выше — С. 100—105.

¹⁴⁷² Булла митрополита Иоанна Эдесского, датированная ок. 1150 г. хранится в собрании Dumbarton Oaks. См. Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin Tome V (vol. 1),. — N°260.

Фарзаман, Рабан, Кайсун и Бетхесни, а Кара Арслан — Бабулу, Гаргар, Гахтай и Хисн Мансур. Тимурташ, властитель Мардина, завоевал Биру (Биреджик. — С. Б.) и Самосату, Курис и Харпут. Итак, тюрки властвовали над всеми этими землями»¹⁴⁷³.

Гильом Тирский также оставляет описание этих завоевательных походов, причем описания эти переходят в подобие элегии по утраченным франками и ромеями землям Эдесского графства. «Нур-ад-Дин, увидев, что графство не может получить поддержки со стороны латинян и находится во власти изнеженных греков, стал совершать постоянные набеги, с которыми греки не могли справиться. В конце концов, он направил туда многочисленную армию, осадил города и, сломив сопротивление греков, завоевал всю страну в течение года. Так, страна, славившаяся силой своих рек, красотой своих лесов и пастбищ, плодородием своих земель, изобилующая всевозможными дарами, страна, предоставлявшая бенефиции для пяти сотен рыцарей, по нашим грехам была отторгнута из под нашей власти и предана в руки врага — и по сей день она остается чужой нам»¹⁴⁷⁴. Ощущение Божией кары и катастрофы, проступающее в описаниях Гильома, вполне понятно. Эдесское графство было первым из франкских государств, основанных в Заморской земле. В одном Турбесселе, бывшем, по сути дела, небольшим, заселенным преимущественно армянами укрепленном городом, франки, на протяжении своего полувекового правления, возвели латинский кафедральный собор, госпиталь ордена Св. Иоанна, церковь Св. Романа¹⁴⁷⁵. Нельзя не отметить, что, отдавая должное слабости «изнеженным грекам», Гильом все же считает потерю первого государства крестоносцев, земли, служившей домом для трех латинских епархий и 500 рыцарей, плодом грехов своих же собратьев латинян.

Кратковременная оккупация территории графства Эдесского, обернувшаяся для ромеев лишь потерями в живой силе, экономических ресурсах и общем престиже, несомненно, сыграла важную роль в формировании восточной политики Мануила I Комнина. К сожалению,

¹⁴⁷³ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVII, c. 12, P. 297. Из всех ромейских владений на территории бывшего Эдесского графства, последним пал Турбессель, принужденный к сдаче 12 июля 1151 г. Подробнее, см. Гибб Г. Дамасские хроники... С. 219.

¹⁴⁷⁴ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVI, c. 17, P. 789.

¹⁴⁷⁵ Подробнее, см. Röhricht R., ed. Regesta Regni Hierosolymitani... №151, P. 38; Cahen C. La Syrie du Nord... P. 519.

в большинстве монографий и публикаций, посвященных греко-латинским отношениям эпохи крестовых походов и внешней политике династии Комнинов, этой неудачной попытке присоединения эдесских земель уделяется слишком мало внимания. Значимое исключение составляет работа В.П. Степаненко «Византия и гибель графства Эдесского (1150 г.)»¹⁴⁷⁶. Между тем, этот печальный опыт наглядно продемонстрировал тщетность византийских попыток удержать восточные территории, без поддержки сирийских франков и армянского населения. На протяжении последующих 29 лет своего правления император Мануил I Комнин не предпринял более ни одной попытки отвоевать или выкупить какие-либо города или территории Латинского Востока.

III. Великий восточный поход императора Мануила I Комнина (1158—1159 гг.)

Возвращение Киликии; ромейское завоевание киликийских земель и государства Рубенидов (1158 г.)

Поворотным этапом в отношениях между комниновской империей и государствами крестоносцев стал 1158 г., когда василевс Мануил I Комнин лично возглавил великий восточный поход ромейских армий, направленный против княжества Антиохийского и возродившегося киликийского государства Рубенидов¹⁴⁷⁷. Мануил был полон решимо-

¹⁴⁷⁶ Степаненко В.П. Византия и гибель графства Эдесского (1150 г.) // Византийский временник. — 1989. — №50. — С. 85—92.

¹⁴⁷⁷ В начале 1150-х гг. Торос II Рубенид отбил у ромеев всю Равнинную Киликию, с Аназарвом, Аданой, Мамистрой и Тарсом. Переломным моментом в борьбе за Киликию стали 1151—1152 гг. В 1151 г. Торос II отвоевал у ромеев Мамистру и Тель-Хамдун, и даже взял в плен ромейского дуку Киликии — Фому. См. Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... Р. 78. В следующем, 1152 г., во время ночного сражения у стен Мамистры, Торос II нанес сокрушительное поражение направленной против него ромейской армии Андроника Комнина (двоюродного брата василевса Мануила). Согласно описаниям Иоанна Киннама, осажденный в Мамистре Торос II «выбрал одну безлунную ночь, когда притом шел проливной дождь, разрушил во многих местах мопсуестийскую стену, вывел с собой все многочисленное свое войско и, неожиданно напав на римлян, разбил их наголову». См. Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга III, гл. 15, С. 136. В числе погибших предводителей ромейской армии были Феодор Контостефан и Смбат, властитель Бабарона. Среди пленных было несколько киликийских армянских князей, воевавших на стороне императора Мануила I, в том числе Ошин II Хетумид, князь Лампрона, Василий — властитель Парцаперта и Тигран, правитель

сти покарать князя Рено де Шатильона и Тороса II Рубенида за разорение Кипра, положить конец нападениям на ближневосточные земли империи и восстановить ромейское господство над Киликией и северной Сирией¹⁴⁷⁸. Как и во время первого ближневосточного похода императора Иоанна II, в котором Мануил принимал участие, сопровождая своего отца, первый удар ромейских войск пришелся по Киликийской Армении. Вторжение ромейской армии и тем более — личное прибытие императора, шедшего в авангарде, во главе отряда из 500 тяжеловооруженных всадников, застало князя Тороса II врасплох¹⁴⁷⁹.

Иоанн Киннам говорит о том, что весть о начавшемся вторжении Торосу II принес латинский пилигрим, совершавший путешествие через Киликию и гостивший при дворе Рубенида¹⁴⁸⁰. Будучи не в силах собрать войска и оказать организованное сопротивление, Торос II бежал в высокогорья Тавра. Согласно хронике Смбата Спарапета, «В 608 году армянского летоисчисления (т. е. в 1159 г.) император Кир Мануил собрал армию, состоявшую из 800,000 воинов, и привел ее в Киликию, встав лагерем в Мамистре, где и провел всю зиму. Торос, сын Левона, из страха перед императором, спрятал свою жену, детей и все свои сокровища в крепости Таджиккар, а сам, во главе отряда воинов, укрылся в неприступных горах и лесах Тавра»¹⁴⁸¹. Киннам говорит о том, что о местонахождении Тороса II знали только два его ближайших соратника¹⁴⁸². Что касается упоминаний армянских хронистов о том, что численность ромейской армии до-

Брагана. Андроник, проявив, при своей полководческой некомпетентности, бесспорную личную храбрость на поле боя, смог прорваться и уйти из пределов, подвластных Торосу II. Армянские описания битвы у Мамистры приведены в хрониках Григория Пресвитера и Смбата Спарапета. См. Grégoire le Prêtre. Op.cit. — P. 167—168; Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 78. С разгромом ромейской армии, князь Торос II распространил свою власть на всю Равнинную Киликию, покорив Адану и Тарс. Более того, он даже заключил династический союз с заклятыми противниками династии Рубенидов — с правителями Лампрона, Хетумидами, выдав свою дочь за сына плененного князя Ошина II — Хетума III. Это, вне всякого сомнения, позволило Торосу II покорить Тарс, т. к. владения Хетумидов лежали как раз к северо-западу от столицы византийской Киликии.

¹⁴⁷⁸ О разорении Кипра князем Рено Антиохийским и Торосом II Рубенидом см. выше: Книга I, гл. 3, С. 100—105.

¹⁴⁷⁹ Grégoire le Prêtre. Op.cit. — P. 180.

¹⁴⁸⁰ Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга IV, гл. 17, С. 198.

¹⁴⁸¹ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad, or of the «Royal Historian»... P. 81—82.

¹⁴⁸² Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга IV, гл. 17, С. 198.

стигала 500 или даже 800 тысяч воинов — то это, конечно же, явное, нарочитое преувеличение¹⁴⁸³. Но это поэтическое преувеличение позволяет сделать вывод, что император Мануил вошел в Левант с силами, не меньшими, а то и превосходившими численность войска, с которым Иоанн II Комнин покорял Киликию в 1137—1138 гг. Во время этой, новой византийской кампании на землях Киликии император Мануил разделил армию на две колонны. Первая, под непосредственным командованием василевса, выступила к Аназарву; вторая, доверенная Феодору Ватаци, параллельно шла к Тарсу¹⁴⁸⁴. В течение нескольких месяцев императорские войска отвоевали у армян Тарс, Адану, Аназарв, Сис и, наконец, стали лагерем в покоренной Мамистре. Все крупные города Киликии, все ее земли, за исключением нескольких высокогорных замков в нагорной Киликии, перешли под власть василевса. Вести о поступательном завоевании и разгроме государства Рубенидов, приносимые беженцами и пилигримами, регулярно доходили до Антиохии. И вряд ли у кого-либо возникали сомнения насчет того, что следующей целью ромейского василевса должно было стать Антиохийское княжество.

Капитуляция князя Рено де Шатильона в Мамистре (1158 г.)

Совершенно очевидно, что в этот период у князя Антиохии уже не было ресурсов, достаточных для отражения полномасштабного вторжения ромейских армий. Войны Раймонда де Пуатье с империей (1137, 1142, 1143—1144 гг.) явственно доказали невозможность открытого, равноправного противоборства антиохийских франков с комниновской империей. В правление князя Рено, пришедшего к власти уже после гибели князя Раймонда и значительной части антиохийского рыцарства в битве при Инабе, Антиохийское княжество тем более не могло в полной мере восстановить былую военную мощь. Князь Рено показал себя опытным полководцем, и под его началом антиохийские франки одерживали яркие победы над киликийскими армянами, отдаленными византийскими гарнизонами и тюркскими

¹⁴⁸³ Григорий Пресвитер говорит о «500 тысячах», Смбат Спарпет — о 800,000. См. Grégoire le Prêtre. Op.cit. — P. 186; Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad, or of the «Royal Historian»... P. 81.

¹⁴⁸⁴ Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга IV, гл. 17, С. 198—199.

кочевниками; однако, невзирая на успехи в «локальных» войнах, у Рено и его вассалов не было шансов выстоять против армии василевса, собравшего под своими знаменами всю мощь окрепшей Ромейской державы — от Варяжской стражи до тюркских кочевников, и от франкских и венгерских контингентов до восстановленных ромейских тагм. Осознав, что в скором времени Антиохию ждет полное разорение и кровопролитная, разрушительная война, князь Рено, следуя совету латинского епископа Латакии — Жерара Назаретского, принял решение поставить на кон свою жизнь и честь и лично отправиться в императорский лагерь, в восточную Киликию, чтобы своей «смиренной» (если не сказать — позорной) капитуляцией уберечь Антиохийское княжество от вторжения. Как об этом повествует Гильом Тирский: «Следуя совету господина лаодикийцев — почитаемого епископа Жерара, он (Рено. — С. Б.), в сопровождении нескольких соратников, отбыл в Киликию, где император встал лагерем»¹⁴⁸⁵.

Поздней осенью 1158 г. князь Рено де Шатильон пересек северные рубежи своего княжества и прибыл в Мамистру, где стояла армия императора. Как и в случае с князем Раймондом в 1145 г. император Мануил вначале отказал Рено в аудиенции, готовя почву для унижительной, церемониальной капитуляции. Однако, если во время «Константинопольского оммажа 1145 г.» князь Раймонд де Пуатье ограничился «покаянием» у гробницы покойного императора, то в 1158 г. его преемник — князь Рено пошел гораздо дальше. Босой, облаченный в рубище, с веревкой на шее и с мечом в руках, князь Рено Антиохийский на протяжении нескольких часов стоял у палатки Мануила, ожидая дозволения приблизиться к василевсу. Согласно «Краткой истории...» Иоанна Киннама, Рено обещал василевсу признать его сюзеренитет над Антиохийским княжеством и сдать ромейским войскам цитадель Антиохии — ключ от укреплений всего города. «Когда же василевс не принял его просьбы, он поступил следующим образом: снял с головы шлем, обнажил руки до самых локтей и, без обуви, с толпой монахов пройдя через весь город, предстал пред василевсом с веревкой на шее и с мечом в левой руке. На этот случай был воздвигнут блистательный престол. Ренальд стоял вдали от палатки василевса, как бы не смея войти в нее; а сонм монахов немонашествующих, без сандалий и с непокрытыми головами, вошел к василевсу, — и все они, став на колена и проливая

¹⁴⁸⁵ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVIII, c. 23, P. 860.

из очей слезы, простирали к нему руки. Василевс сперва упорствовал, но наконец, быв упрошен, повелел, войти князю. Когда он вошел в описанном нами виде, василевс был тронут и простил ему оскорбление. При этом Ренальд клятвами утвердил как многое другое, чего хотелось василевсу, так и то, чтобы в Антиохию архиерей посылаем был, по древнему обычаю, из Византии. Это казалось чудом для всех послов, которым тогда случилось здесь быть»¹⁴⁸⁶. Подобное описание могло бы показаться нарочито преувеличенным, пафосным восхвалением, если бы практически идентичную картину не оставил в своей хронике Гильом Тирский, по словам которого князь Рено: «с величайшем позором и смущением для нашего народа наконец-то смог примириться с императором. Находясь в лагере, он, босой, в рубище, с закатанными рукавами, с веревкой на шее, с мечом в руках, обращенным рукоятью к императору, пал на землю перед лицом легионов, в таком виде представ перед императором»¹⁴⁸⁷.

Подобного унижения не переживал ни один франкский государь Антиохии — ни Бозмунд I, когда присягал Алексею I Комнину на реке Девол, ни Раймонд де Пуатье, приносивший оммаж императору Иоанну II у Антиохии и Мануилу в Константинополе. После этой унижительной церемонии начались переговоры, вернее — капитуляция князя Рено. Мануил I Комнин требовал признания имперского сюзеренитета над княжеством Антиохийским и передачи антиохийской цитадели ромейским войскам, восстановления в городе православного Патриарха и признания своего права призывать сирийских франков для участия в своих восточных кампаниях¹⁴⁸⁸. Рено не смел отказывать ни одному требованию василевса. Однако, несмотря на всю жесткость этих условий, нельзя не отметить, что Мануил, в противовес своему отцу и деду, снова не требовал сдачи Антиохии. Более того, приняв оммаж Рено де Шатильона, василевс признал его права на княжеский престол. Конечно же, вопрос о том, насколько обременительным для Антиохийского княжества обещал быть сюзеренитет ромейского василевса, продолжал тревожить антиохийских франков;

¹⁴⁸⁶ Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга IV, гл. 18, С. 201.

¹⁴⁸⁷ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVIII, c. 23, P. 860.

¹⁴⁸⁸ Единственным автором, подробно описавшим условия соглашения, заключенного при капитуляции князя Рено в Мамистре, является Иоанн Киннам. См. Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга IV, гл. 18, С. 201.

унижение князя Рено и его обещание заменить латинского Патриарха — греческим не предвещали ничего хорошего. Тем не менее, князь Рено смог благополучно вернуться в Антиохию, а сирийские франки были спасены от вторжения императорской армии.

Подавляющее большинство историков и исследователей, начиная с архиепископа Гильома Тирского, предпочитают видеть в капитуляции князя Рено исключительно лишенное всякого достоинства унижение. Однако нельзя отрицать, что в 1158 г. Рено проявил гораздо большее личное мужество, нежели Раймонд де Пуатье в 1137 и 1142 гг., когда он укрывался за стенами Антиохии и наблюдал за разорением северных и западных земель своего княжества. Между тем, своей добровольной капитуляцией и личным унижением Рено уберег Антиохийское княжество от опустошения и тягот войны. Все военные великого действия великого восточного похода императора Мануила I Комнина велись исключительно на землях Киликийской Армении. Все потери этой кампании пришлось на долю ромейских и армянских воинов, и, конечно же, — на долю населения Киликии. Но не пострадала ни одна пядь земли и ни единый житель княжества Антиохийского, т. к. любые военные действия против франков были предвосхищены добровольной капитуляцией князя Рено. Фигура Рено де Шатильона гораздо сложнее того образа неугомонного и зловещего крестоносца-разбойника, которая так мастерски выведена Густавом Шлюмберже, С. Рансименом, Д. Харитоновичем¹⁴⁸⁹. «Переоценке» действий и личности князя Рено, в свою очередь, посвящены работы Бернарда Гамильтона и Керолл Хилленбранд¹⁴⁹⁰.

¹⁴⁸⁹ Schlumberger G. Renaud de Châtillon — Prince D'Antioche, Seigneur de la Terre D'Outre-Jourdain. — Paris, 1898; Runciman S. A History of the Crusades... Vol. II. — passim; Харитонович Д.Э. История крестовых походов. Краткий курс. — гл. 4, раздел «Рено Шатийонский, барон с большой дороги». — С. 127—128.

В своей работе «Шесть византийских портретов» Д. Оболенский сравнивает капитуляцию Рено де Шатильона в Мамистре (1158 г.) с аналогичной капитуляцией жупана Рашки — Стефана Немани, совершенную в горах Сербии в 1172 г. Однако, отдавая должное любви императора Мануила I Комнина к показательному, даже «церемониальному» унижению его противников, нельзя не обратить внимание на совершенно различные обстоятельства капитуляции Рено и Стефана. См. Оболенский Д. Сава Сербский // Шесть византийских портретов. — С. 487. Скорее, большее сходство в действиях Стефана Немани и Тороса II Рубенида, т. к. оба капитулировали лишь после разгрома своих княжеств и продолжительного блуждания по горным укрытиям. Что касается Рено, то он пошел на личное унижение задолго до вступления (и тем более — разорения) его государства ромейскими армиями.

¹⁴⁹⁰ См. Hamilton B. The elephant of Christ: Reynald of Châtillon // Studies in Church History. — 1978. — №15. — P. 97—108; Hamilton B. The Leper King and his Heirs... passim;

***Переговоры Мануила I Комнина с королем Бодуэном III
Иерусалимским. Пересмотр императорского соглашения
с князем Антиохийским (1158—1159 гг.)***

Зимой того же 1158 г. на север, в Антиохию, прибыл король Бодуэн III Иерусалимский. У Иерусалимского королевства, в отличие от Антиохийского княжества, не было каких-либо конфликтов с Ромейской державой. Напротив, Бодуэн III, в предшествующие годы, всячески искал союза с Византией. В 1156 г. его послы предупредили дуку Кипра о грядущем вторжении князя Антиохийского¹⁴⁹¹. А в 1158 г. король Бодуэн III установил династический союз с Комнинами, взяв в жены племянницу императора Мануила — Феодору Комнину¹⁴⁹². Молодой король Иерусалима был естественным посредником в переговорах между антиохийскими франками и ромеями. Во время своего пребывания во дворце у князя Рено, в Антиохии, Бодуэн III регулярно направлял гонцов на север, добываясь личной встречи со своим родственником — василевсом. В конце концов, после нескольких попыток, разрешение было дано и король Иерусалимский, со своей свитой, отправился в восточную Киликию — в ставку к Мануилу. По словам Киннама, «антиохийцы, когда он (Бодуэн III. — С. Б.) выходил из города, окружили его и просили как можно постараться примирить их с василевсом»¹⁴⁹³.

В Мамистре короля Иерусалимского — как союзника и сородича императора ожидал совершенно иной прием, кардинально отличавшийся от того, которого «удостоился» князь Рено. Оказавшись в Мамистре, Бодуэн III, верхом, «в сопровождении царских жезлоносцев и знатнейших римлян», был препровожден в резиденцию Мануила. Там король Иерусалима принес оммаж василевсу, получил от него поцелуй мира и был посажен близ василевса, правда на более низком кресле¹⁴⁹⁴. Сидеть близ

Hillenbrand C. Some reflections on the imprisonment of Reynald of Châtillon // *Texts, Documents and Artefacts: Islamic Studies in Honour of D.S. Richards*. — Leiden, 2003. — P. 79—101.

¹⁴⁹¹ См. выше: Книга I, гл. 3, С. 100—105.

¹⁴⁹² О династических браках между сирийскими франками и Комнинами будет сказано ниже, см. Книга I, гл. 5, С. 100—105.

¹⁴⁹³ Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга IV, гл. 19, С. 202—203.

¹⁴⁹⁴ См. Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга IV, гл. 20, С. 204—205; Guillaume de Tyr. *Op.cit.* — Lib. XVIII, c. 24, P. 861—862.

ромейского василевса и так было великой честью, а на «более низком кресле», одесную Мануила, оказывались практически все монархи, включая короля Франции Людовика VII Молодого (в 1147 г.). Император Мануил I оказал своему вассалу достойное гостеприимство, и король Иерусалимский оставался в Мамистре на протяжении десяти дней, ежедневно встречаясь, пируя и участвуя в охотах с василевсом¹⁴⁹⁵. В скором времени Бодуэн III был отпущен в Антиохию, куда доставил дары императора: «двадцать две тысячи иперпиров (...), три тысячи марок серебра, и это, не считая одежд, бархата и драгоценных сосудов»¹⁴⁹⁶. Однако в качестве «почетного гостя», а точнее — заложника, король Иерусалимский должен был оставить при дворе василевса своего младшего брата — Амори, графа Яффы и Аскалона¹⁴⁹⁷.

Во время личных встреч и переговоров с Мануилом в Мамистре, король Бодуэн III смог добиться пересмотра и значительного смягчения условий договора, заключенного предшествующей осенью князем Рено¹⁴⁹⁸. Подробности переговоров императора Мануила с королем Бодуэном III, так же как и условия договора, ранее заключенного между василевсом и князем Рено, известны преимущественно благодаря книге Иоанна Киннама. Большинство других авторов (Гильом Тирский, Никита Хониат, Михаил Сириец, Смбат Спарамет) оставляют лишь самое общее описание этих событий. Согласно же «Краткой истории...» Кинна-

¹⁴⁹⁵ Роль переводчика короля Бодуэна III Иерусалимского была доверена Жоффруа — аббату Храма Господня (Templum Domini), т. е. Купола Скалы, который, как пишет Гильом Тирский, «владел греческим языком». См. Guillaume de Tug. Op.cit. — Lib. XVIII, c. 24, P. 861.

¹⁴⁹⁶ Guillaume de Tug. Op.cit. — Lib. XVIII, c. 24, P. 862—863.

¹⁴⁹⁷ Будущего короля Амори I Иерусалимского (1162—1174 гг.).

¹⁴⁹⁸ Причем усилия Бодуэна III на этом поприще дали основание Иоанну Киннаму обвинять короля в попытке, на правах благодетеля и защитника, захватить власть над Антиохией. «Задумав властвовать над Антиохией, которая находилась у него в соседстве, но не зная, как бы овладеть ею,— пока еще не известно было ему, что случилось с Ренальдом, Балдуин советовал василевсу никак не выпускать этого человека из рук, чтобы, то есть, по низложению его либо поработить антиохийцев себе, так как бы он спас их, либо, когда они откажутся подчиниться тому и другому (Ренальду и василевсу), тем не менее поведовать ими. Замыслив это, он приехал в Антиохию и, обратившись с речью к антиохийцам, искусно напомнил им, что он для их пользы прибыл сюда из Палестины и что они обязаны ему великою благодарностью. Когда же антиохийцы подтвердили его слова, он опять стал просить василевса о свидании с ним». См. Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга IV, гл. 19, С. 202.

ма, «антиохийцы недовольны были договором Ренальда относительно количества войска, которым обязывались помогать василевсу, — потому что город не имел прежней силы, — и относительно архиеерея, чтобы он присылаем был в Антиохию из Византии, и по сему поводу пришли просить василевса, то Балдуин ходатайствовал перед ним и об этом деле и, как скоро заметил, что василевс не сильно отказывает, тотчас велел послам пасть к его стопам. Тогда, размыслив, который из двух (предметов прошения) приносит римлянам более чести, василевс тут же дозволил антиохийцам вооружать для службы себе меньшую дружину (...), а архиеерея не дозволил принимать ни откуда более, как из Византии. Выслушав это с удовольствием, послы были отпущены в город»¹⁴⁹⁹. Стоит отметить, что здесь придворный византийский историк допускает явное лукавство; во время переговоров с Бодуэном III василевс Мануил пошел на уступки как в вопросе о поставляемом антиохийском войске, так и в вопросе о патриархе. Православный Патриарх Антиохийский — Афанасий I Манасси до 1165 г. оставался в Константинополе, а в период «триумфального» пребывания императора Мануила в Антиохии, единственным патриархом, объединявшим под своей канонической властью латинские, греческие и мелькитские церкви франкской Сирии, оставался латинский Патриарх — Амори де Лимож. Подробнее вопрос об Антиохийском патриаршестве и его значимости для восточной политики Комнинов будет рассмотрен в следующей главе.

Если же отвлечься от великодержавного пафоса, переданного Киннамом, легко заметить, сколь значимыми были уступки василевса и насколько явным было его стремление умиловить признавших сюзеренитет империи франкских государей Антиохии и Иерусалима. Капитуляция и оммаж Рено де Шатильона обеспечили неприкосновенность земель Антиохийского княжества и признание прав Рено на престол. Благоволение Мануила I Комнина к Бодуэну III Иерусалимскому и заступничество молодого короля привели к смягчению условий овиной повинности антиохийского князя и его баронов, а также к временному отказу василевса от восстановления православного патриаршества в Антиохии. Более того, в период «стояния» в Мамистре василевс Мануил, вняв просьбам короля Бодуэна III, франкских баронов и военно-монашеских орденов, даровал прощение и бежавшему в горы Тавра Торосу II Рубениду. Смбат Спарпет, во многом следуя

¹⁴⁹⁹ Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга IV, гл. 20, С. 205.

хронике Григория Пресвитера, описывает, как «король Иерусалимский, увенчанный крестом братства, и все христиане пришли к императору Мануилу и смиренно просили его примириться с Торосом, сыном Левона», восхваляя всевозможные его добродетели и отмечая, что армянский князь «отстаивал интересы всех христиан (...). Император, ради них, простил Торосу все его преступления и пожелал лично увидеть его»¹⁵⁰⁰. Торос II прибыл в Мамистру и, согласно сходному описанию Гильома Тирского, принес клятву верности василевсу¹⁵⁰¹.

Можно вернуться и к описаниям Киннама: «Торос сперва убежал в пустынные места и Таврские горы, а потом, когда Балдуин стал просить василевса и о нем, явился в римском лагере жалким просителем. Приняв его, василевс причислил к римским подданным и, наконец, прекратил войну»¹⁵⁰². У него были отторгнуты отвоеванные ромеями равнинные города, однако он смог, как имперский вассал, сохранить обширные владения в Нагорной Киликии. По завершении переговоров Торос II получил титул «севаста»¹⁵⁰³. Торос «пробыл при императорском дворе несколько дней, после чего император приказал ему отправиться в свои владения и собрать должные запасы продовольствия — овец, буйолов, коров, кабанов, оленей и статных арабских коней — для императорской армии. Все эти дары Торос преподнес императору, и тот был доволен щедростью Тороса, простив ему все преступления, совершенные в отношении греков»¹⁵⁰⁴. Таким образом, два главных «разорителя Кипра», против которых и снаряжался великий восточный поход Мануила, оказались в числе привилегированных имперских вассалов, получивших от василевса признание гарантии безопасности и подтверждение прав на господство в их землях. Киликийские стада и табуны, предоставленные ромейской армии Торосом II, искупили, в глазах

¹⁵⁰⁰ Bedrosian R., ed. *The Armenian Chronicle of Sempad, or of the «Royal Historian»...* P. 81; Grégoire le Prêtre. *Op.cit.* — P. 188—189.

¹⁵⁰¹ Guillaume de Tyr. *Op.cit.* — Lib. XVIII, c. 24, P. 862.

¹⁵⁰² Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга IV, гл. 20, С. 206.

¹⁵⁰³ Смбат Спарамет, описывая эти события, начинает именовать Тороса II «севастом» как раз после его примирения с василевсом. См. Bedrosian R., ed. *The Armenian Chronicle of Sempad, or of the «Royal Historian»...* P. 81. Киннам говорит о том, что Торос II был «причислен к римским подданным». См. Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга IV, гл. 20, С. 206.

¹⁵⁰⁴ Bedrosian R., ed. *The Armenian Chronicle of Sempad, or of the «Royal Historian»...* P. 81.

василевса, кровь киприотов и отрезанные носы греческого духовенства; час унижения Рено оказался более значимым, чем многодневные страдания сотен жителей Кипра. Если же абстрагироваться от идеи непременного, праведного «воздаяния», то нельзя не отметить, что столь крайне щедрое отношение Мануила к сирийским франкам и киликийским армянам было вполне разумным.

Перед ромейским василевсом предстала вполне четкая альтернатива. Он мог истощать военные и экономические ресурсы империи в бесплодной войне в северном Леванте, обескровив весь христианский Восток; или же, он мог признать обосновавшиеся на восточных рубежах Византии княжества франков и армян как вассалов империи, откликаясь на их нужды и довольствуясь действенным военным союзом и утвержденным сюзеренитетом. Мануил, на которого, вероятно, повлияли неудачи его предшественников, а также собственная неудачная попытка присоединить земли Эдесского графства, склонился ко второму решению, которое в гораздо большей степени соответствовало общим интересам латинских и византийских христиан Востока. Ни одна пядь земли Антиохийского княжества не пострадала; государство Рубенидов — лишившись большей части завоеванных территорий, все же не было уничтожено (как это было в 1137—1138 гг.). Очевидно, что после войн 1100, 1104, 1137, 1142 и 1144 гг., после многочисленных прецедентов франко-нормандской агрессии, василевс осознал, что дальнейшее продвижение в пределы Леванта ничем не оправдано. Тюрки по-прежнему господствовали в сердце Анатолии; в Сирии шло объединение разрозненных сельджукских эмиратов под властью Зенгидов; наконец, Египет — с его людскими и экономическими ресурсами, оставался во власти мусульман. В подобном положении, ведение войны с латинянами за Антиохию и приморские земли северной Сирии оказалось бы безумием. Христианский Восток и так уже пострадал от предшествующих войн между антиохийскими франками, киликийскими армянами и ромеями.

Нельзя не отметить, что в изрядном количестве современных работ явно прослеживается видение кампаний василевсов Алексея I и Иоанна II против антиохийских франков и киликийских князей Рубенидов как законной, в известном смысле слова — оправданной, «справедливой» борьбы Ромейской империи против утвердившихся на ее окраинах латинян и армян. Однако еще Ф.И. Успенский справедливо отмечал, что стремление ромейских императоров вытеснить франков Антиохии

привело лишь к ослаблению *всех* христиан Востока: «...так как усиление христианского элемента в Азии обуславливало собою в то же время усиление тех княжеств, которые были основаны крестоносцами, и так как это последнее обстоятельство было противно видам и интересам Византийской империи (...) византийские цари с этих пор всегда стояли на страже своих собственных интересов и препятствовали делу усиления христианского элемента в Малой Азии; этим обстоятельством объясняется все негодование, все обвинения, которые направлены против Византии со стороны западноевропейцев»¹⁵⁰⁵. В качестве подтверждения слов Ф.И. Успенского можно привести два примера из истории Леванта 30—50-х гг. XII в. В 1138 г., после завоевания Иоанном II Киликии и уничтожения княжества Рубенидов, мусульмане смогли нанести сокрушительный удар по одному из трех великих христианских городов этого региона: Адана была дотла разорена румским султаном Масудом I, а христианское население города было угнано в пределы тюркских владений. Как об этом писал Михаил Сириец, «Тогда же (т. е. в 1138 г., во время пребывания армии императора Иоанна II Комнина в Сирии. — С. Б.) султан Масуд вышел из Икония и вторгся в Киликию. Он с боем взял Адану, пленил всех ее жителей, во главе с епископом, и увел их в Мелитену»¹⁵⁰⁶. Разорение Аданы служит явственным свидетельством того, что триумфальный поход императора Иоанна II и возвращение Киликии в лоно Ромейской державы отнюдь не способствовали укреплению этого христианского региона.

Еще более показательным стал опыт имперского присоединения территорий графства Эдесского; стремительно последовавшее сельджукское завоевание едва занятых ромеями Турбесселя, Самосаты, Айнтаба и прочих христианских городов Евфрата наглядно продемонстрировало тщетность византийских попыток удержать дальние сирийские рубежи без поддержки франков и армян. Вероятно, именно этот опыт и склонил императора Мануила к той крайне толерантной линии взаимоотношений с латинскими государями Заморской земли, которой он придерживался вплоть до своей смерти. «Латинофильство» Мануила часто вменяется ему в вину; однако, в данном случае, нельзя не отметить, что применительно к проблеме христианского присутствия на Ближнем Востоке, исключительно щедрое

¹⁵⁰⁵ Успенский Ф.И. История Византийской империи... Т. 4, гл. 6, С. 176.

¹⁵⁰⁶ Michel le Syrien. Op.cit. — Lib. XVI, c. 8, P. 245.

отношение василевса к сирийским франкам было в полной мере оправданным, чего нельзя сказать о предшествующем полувеке ромейских войн и отстаивания сугубо имперских, византийских интересов в Леванте. Восточный поход Мануила I Комнина — последний поход ромейских василевсов в Левант, стал не столько «триумфом» имперской мощи, сколько зарей совершенно новой эпохи, положившей начало необычайно гармоничному союзу между комниновской Византией и франками Заморской земли.

*Торжественный вход и пребывание императора
Мануила I Комнина в Антиохии*

Символическое начало этой новой эпохи в истории христианского Востока ознаменовал пасхальный въезд императора Мануила в Антиохию 12 апреля 1159 г. Как об этом вспоминал Гильом Тирский: «Когда же настали дни Пасхи Господней, император направил армию к Антиохии и расположил свои легионы перед городом, у врат которого стоял Патриарх, со всем народом и клиром, со святыми Евангелиями, вынесенными из городских церквей, и со всеми регалиями. Там же был и король (Бодуэн III Иерусалимский. — С. Б.) и князь того города (Рено де Шатильон. — С. Б.), граф Аскалона (Амори, будущий король Иерусалима. — С. Б.) со всем нобилитетом королевства и княжества Антиохийского; все они вышли для встречи императора, который вступил в город, оваянный величайшей славой, с императорской диадемой, увенчанной лавровыми ветвями, с царскими регалиями, под звуки труб и биение тимпанов. С гимнами и песнопениями он был препровожден в кафедральный собор, в базилику князя апостолов, а затем во дворец, куда его сопровождали как знать, так и народ»¹⁵⁰⁷. Сходное описание оставил, на страницах своей хроники, и Смбат Спарамет, по словам которого жители Антиохии «украсили врата города и все его стены, и подняли царское знамя над вершиной цитадели. Затем они расставили воинов и военачальников у городских врат, и на улицах, и наполнили центр города войсками. Тогда император въехал на коне, облаченный в золотые царские одежды и увенчанный короной, драгоценные камни которой переливались

¹⁵⁰⁷ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVIII, c. 25, P. 863.

и сияли как звезды. Его войска шли справа и слева от него, по мере того как он степенно продвигался вперед. Король Иерусалимский ехал впереди, увенчанный диадемой и верхом на коне, в то время как князь Антиохии, будучи ниже саном, шел перед императором пешком. Так, во главе этой процессии, император греков Мануил вошел в Антиохию, совместно с Бодуэном, королем Иерусалимским. Император проехал через город — вплоть до благословенного храма и Апостольской кафедры Св. Петра, где вознес молитвы; после чего он удалился в свои покои»¹⁵⁰⁸.

И, конечно же, не менее яркое описание оставляет грамматик василевса Мануила — Иоанн Киннам. Согласно его описаниям, Мануил I Комнин вступил в Антиохию верхом на коне, которого вел, исполняя церемониальную роль императорского конюшего (коннетабля) князь Рено де Шатильон. Перед василевсом шла его Варяжская стража, а позади него, безоружный и без королевского венца, ехал король Бодуэн III Иерусалимский. По словам Киннама, василевс «надел двойную броню (...) возложил на себя широкую персидскую, покрытую драгоценными камнями одежду (...) также венец и другие обычные царские украшения» и совершил триумфальное шествие «которое обыкновенно бывает при вступлении в Константинополь. Василевс подъехал к храму апостола Петра и легко сошел с коня (...) Тут встретил его архиерей города, облаченный в священные одежды, со всем чином священнослужителей. Они держали в руках кресты и несли перед собой священные книги, так что все чужеземцы и пришельцы изумлялись, особенно видя, что Ренальд и знатные антиохийцы бегут подле царского коня пешком, а Бодуэн, венценосный муж, далеко оттуда едет на коне, но без всяких знаков власти. Этим заключился триумф, и василевс, пробыв в городе восемь дней, выступил оттуда. Антиохийцы выражали ему такую преданность, что когда он жил во дворце Ренальда, все тяжущиеся судились не у своих единоплеменников, а у римлян»¹⁵⁰⁹. На протяжении восьмидневного пребывания императора Мануила I в Антиохии устраивались роскошные празднества и охоты. Причем, когда, во время одной из охот, король Бодуэн III Иерусалимский упал с коня и сломал руку, император Мануил, увлекавшийся врачевным искусством и изучавший

¹⁵⁰⁸ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad, or of the «Royal Historian»... P. 82—83.

¹⁵⁰⁹ Иоанн Киннам. — Книга IV, с. 20, С. 206—207.

медицину, лично ухаживал за его раной¹⁵¹⁰. Подобной чести удоставались разве что ближайшие соратники и домочадцы василевса, а также правитель Священной Римской империи — «король римлян» Конрад III, которого Мануил лечил от лихорадки (в 1147 г.). В эти же дни, по повелению Мануила, на равнине близ Антиохии был устроен и роскошный турнир, в котором антиохийские и иерусалимские рыцари сражались против обученных на западный манер военачальников и соратников василевса¹⁵¹¹. Причем в ристалищах участвовал сам Мануил I Комнин, а также, вероятно, и князь Рено Антиохийский¹⁵¹².

С завершением пасхальных празднеств в Антиохии, император Мануил I повел свою армию на восток, к границам владений Нур-ад-Дина. Однако это была скорее демонстрация силы, нежели серьезная военная кампания. Встревоженный франко-византийским союзом и приближением армии василевса Нур-ад-Дин немедленно снарядил к Мануилу посольство, пошел на значительные уступки франкам и добился заключения мира. Как пишет Иоанн Киннам, «василевс приготавлился идти против Нураддина. Но Нураддин, узнав о походе, освободил сына Сангелы, родом итальянца и начальника палестинских рыцарей, которого латиняне называют магистром Храма (оба они были люди знаменитейшие). Освободил он, кроме того, и много дворян, а простого народа разных сословий — более шести тысяч. Все они взяты были им в плен из войска алеманского и германского, когда сражались в Азии. Сделав это, Нураддин обещался еще помогать царю в его войнах

¹⁵¹⁰ Подробное описание этого случая приведено у Киннама. См. Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга IV, гл. 21, С. 210. См. также: Guillaume de Tug. Op.cit. — Lib. XVIII, c. 25, P. 864.

¹⁵¹¹ Описание турнира в Антиохии приведено в «Истории...» Никиты Хониата. См. Никита Хониат. Указ. соч. — Книга III, гл. 3, С. 119—121.

¹⁵¹² Хониат пишет о том, что в турнире участвовал некий «князь Герард» (Жерар). «Выехал также и князь Герард, сидя на коне белее снега, одетый в разрезную тунику (сюрко или длинную котту, спадавшую складками из под кольчужного обера. — С. Б.), и имея на голое шлем, наклоненный наподобие тиары и покрытый золотом (вероятно — популярный среди латинян Средиземноморья конический шлем, носивший название „фригийского колпака“. — С. Б.)» См. Никита Хониат. Указ. соч. — Книга III, гл. 3, С. 120. Отождествить этого «князя Герарда» с кем-либо из знатных антиохийских или иерусалимских баронов не удастся. Ни одного «латинянина» Хониат более не называет. Кстати, и Рено де Шатильон не фигурирует в его «Истории...». Следовательно, можно предположить, что византийский историк имеет в виду не некоего неизвестного Жерара, но князя Рено, запамятавав имя Антиохийского государя. Это тем более вероятно, если принять во внимание роскошное облачение этого «князя».

с азиатскими неприятелями и такими условиями отклонил его от принятого намерения»¹⁵¹³. Ибн аль-Каланиси также пишет о том, что «Условие императора греков освободить предводителей фраков, находящихся в заключении у князя Нур-ад-Дина, и их перевод в его собственный лагерь было выполнено (...) Удовлетворены были также и другие его требования. В ответ на этот великодушный жест, император греков прислал дары, подобающие самым великим (...) правителям: различные (...) парчовые одежды (...), драгоценные камни, парчовый шатер (...), а также достаточное число горных лошадей. После этого (...) он покинул лагерь и вернулся с войском в свои земли, заслужив благодарности и похвалы, не тронув ни одного мусульманина, и сердца людей покинули неуверенность и страх, их сменило чувство спокойствия и безопасности»¹⁵¹⁴.

Под «сыном Сангелы» Киннам имеет в виду Бертрана, сына графа Альфонса Тулузского и внука графа Раймонда Сен-Жилльского, взятого в плен Нур-ад-Дином в 1148 г.¹⁵¹⁵. Несравненно большее значение для франков Заморской земли стало освобождение магистра ордена тамплиеров — Бернарда де Бланшефора, взятого в плен во время битвы при Баниасе, в 1157 г. И, несмотря на то, что пребывание императора Мануила I Комнина в Сирии не привело к походу против эмира Нур-ад-Дина, вряд ли обосновано мнение, что союз франков с Византией оказался бесплодным. Напротив, имперский сюзеренитет имел важнейшие последствия, как для самого христианского присутствия на Ближнего Востоке, так и в особенности — для княжества Антиохийского.

¹⁵¹³ Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга IV, гл. 21, С. 208.

¹⁵¹⁴ Гибб Г. Дамасские хроники... С. 252.

¹⁵¹⁵ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVIII, c. 25, P. 864.

Глава VIII

Эпоха византийского сюзеренитета над княжеством Антиохийским (1158—1182 гг.)

I. Династические браки между династией Комнинов и франками Заморской земли

*Зарождение идеи династических связей между императорским домом
и франкскими государами Антиохии. Несостоявшиеся «византийские»
браки Констанции Антиохийской*

Итак, обратимся к истории княжества Антиохийского — как полноценного вассала комниновской Византии. Период сближения между Ромейской империей и франками Заморской земли, начавшийся с 1158 г., был ознаменован чередой династических браков, соединивших род Комнинов с династиями Антиохии и Иерусалима. Впервые мысль о возможности подобного династического союза возникла в Антиохии в 1130-х гг., когда княгиня Алиса, вдова Боэмунда II, предложила выдать свою дочь Констанцию за Мануила, младшего сына императора Иоанна II Комнина. Как об этом писал Иоанн Киннам, «Когда правитель Антиохии Боэмунд умер, — начальники той страны чрез посланных говорили царю, что если угодно ему дочь Боэмунда взять замуж за младшего царского сына Мануила, власть над Антиохиею, тотчас после этого брака, будет принадлежать ему. Но еще не успел он вступить в Киликию, как антиохийцы, изменив свои мысли, вместо друзей и союзников, явились злейшими ему врагами»¹⁵¹⁶. Сватовство, устроенное княгиней Алисой, сорвалось, и девятилетняя княжна Констанция, при

¹⁵¹⁶ Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга I, гл. 7, С. 15.

деятельном участии короля Фулька Анжуйского и латинского Патриарха Рауля I Домфрона, была выдана за Раймонда де Пуатье¹⁵¹⁷.

В 1150 г. идея «византийского» династического брака теперь уже с овдовевшей княгиней Констанцией Антиохийской возродилась вновь, однако на этот раз инициатива исходила со стороны ромеев. В этот период император Мануил I Комнин уже состоял в своем первом браке — с Бертой-Ириной Зульцбах, так что в качестве жениха, призванного взойти на Антиохийский княжеский престол и укрепить союз княжества с Ромейской державой был избран «византийский» нормандцев — кесарь Иоанн Рожер¹⁵¹⁸. К 1150 г. кесарь Иоанн Рожер уже овдовел, и, в глазах василевса Мануила, этот полунормандец, полуромей был идеальным кандидатом на княжеский престол Антиохии. Однако симпатий Мануила не разделяли ни антиохийские бароны, ни княгиня Констанция. Согласно описаниям Иоанна Киннама: «василевс послал в Антиохию кесаря Рожера (...), чтобы он вступил с Констанцией в брак», однако когда кесарь Иоанн Рожер прибыл в Антиохию, он «не сделал ничего для цели своего путешествия, ибо, быв уже в преклонных летах, не понравился Констанции» и вызвал подозрения у антиохийского нобилитета, насчет того «как бы им, если эта женщина выйдет за Рожера, не пришлось платить римлянам дань»¹⁵¹⁹. Старый кесарь был отвергнут Констанцией, которая вскоре вышла замуж за бургундского рыцаря Рено де Шатильона, осевшего в Леванте после Второго крестового похода. Так, на протяжении своей жизни, княгиня Констанция дважды отвергала кандидатуры византийских женихов и шла под венец с прибывавшими на Восток французскими рыцарями — Раймондом де Пуатье (1136 г.) и Рено де Шатильоном (1153 г.).

Брак короля Бодуэна III Иерусалимского и Феодоры Комниной (1158 г.)

С конца 1150-х гг. начинается необычайно оживленное установление династических браков между Комнинами и франками Заморской земли. В 1157 г. король Бодуэн III Иерусалимский, с согласия Высокой палаты королевства, обратился к Мануилу I Комнину, желая вступить

¹⁵¹⁷ Подробнее, см. выше: Книга I, гл. 4, С. 100—105.

¹⁵¹⁸ О кесаре Иоанне Рожере, см. выше. Часть I, гл. 4, С. 100—105.

¹⁵¹⁹ Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга IV, гл. 14, 17, С. 135, 196.

в брак с одной из племянниц василевса. Мануил положительно отреагировал на сватовство Иерусалимского короля и осенью следующего, 1158 г., в разгар ближневосточного похода василевса, в Тир прибыла императорская племянница Феодора. Подробное описание ее прибытия и условий ее бракосочетания оставляет Гильом Тирский, по словам которого, новая королева Иерусалимская «была племянницей государя императора, дочерью его брата — господина Исаака. Ей было тринадцать лет, телосложение ее было несравненной красоты, речь — изящна; во всем она была прекрасна, вызывая расположение всех, кому доводилось видеть ее»¹⁵²⁰. Приданое, предоставленное василевсом, также поражало воображение современников и составляло «100,000 полновесных иперпиров, не считая еще и 10,000, которые господин наш император щедро предоставил для покрытия свадебных расходов. И это также не считая даров, предоставленных деве — стоимость которых, с учетом золота, камней, тканей, жемчуга, вышивки и драгоценных чаш, составляла около 40,000»¹⁵²¹. Король Бодуэн III, со своей стороны, обязался передать Феодоре, в качестве апанажа, Акру — один из двух великих портовых городов, входивших в состав королевского домена. В том же месяце в Иерусалиме состоялось венчание Бодуэна III и Феодоры Комниной, которое совершил латинский Патриарх Антиохии — Амори де Лимож¹⁵²². Этот брак ознаменовал череду последовавших бракосочетаний, скрепивших династические узы между Византией и правящими франкскими домами Антиохии и Иерусалима.

Сватовство ромейского василевса к сестрам латинских правителей Антиохии и Триполи. Брак императора Мануила I Комнина с Марией Антиохийской (1161 г.)

В 1160 г. в пределы Заморской земли прибыло посольство от императора Мануила I Комнина, которое возглавляли Иоанн Контостефан и Феофилакт Италиец. Контостефану и Феофилакту была доверена

¹⁵²⁰ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVIII, c. 22, P. 857.

¹⁵²¹ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVIII, c. 22, P. 858.

¹⁵²² Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVIII, c. 22, P. 858. Избранный Иерусалимский Патриарх — Амори де Несле не был еще утвержден и возведен в сан, так что венчание совершал пребывавший в Иерусалиме латинский Патриарх Антиохии — Амори де Лимож.

важнейшая и необычайно деликатная миссия — найти невесту для ромейского василевса, т. к. Мануил только что овдовел и, к тому же, не имел наследника¹⁵²³. При этом, василевс был полон решимости избрать невесту именно из семьи одного из франкских государей Востока. Выбор Мануила пал на двух наиболее знатных франкских принцесс: сестру князя Бозмунда III Антиохийского — Марию и сестру графа Раймонда III Триполийского — Мелисанду. Дальнейшее решение, т. е. конкретный выбор между Марией Антиохийской и Мелисандой Триполийской был поручен Контостефану и старшему из государей крестоносцев, родственнику василевса — королю Бодуэну III Иерусалимскому. Король Бодуэн III посоветовал послам отправиться в Триполи, дабы устроить помолвку василевса с Мелисандой¹⁵²⁴. Это была великая честь для тулузской династии графов Триполи. Граф Раймонд III с необычайной торжественностью встретил Иоанна Контостефана и прочих имперских послов, с которыми оговорил условия помолвки. Одновременно он приступил к сбору не знавшего равных приданого, дабы свадебный кортеж его сестры был достоин «царицы городов» христианского мира — Константинополя. Среди сокровищ, собранных графом, помимо бесчисленных украшений и роскошных предметов утвари (в том числе литургической) Гильом Тирский называет «венец из чистейшего золота», огромные серебряные чаши и двенадцать шлемов, работы лучших восточных мастеров¹⁵²⁵. Подобная забота о приданом ясно свидетельствует о том, с какой гордостью Раймонд III и Мелисанда готовились к предстоящей свадьбе. В 1161 г., находясь вместе с братом в пределах Иерусалимского королевства, Мелисанда гордо именovala себя «будущей императрицей Константинопольской» (*futuræ imperatricis Constantinopolitanae*), что отражено в одной из сохранившихся хартий¹⁵²⁶.

Однако вскоре помолвка василевса с Мелисандой была расторгнута. История эта описана двумя современниками — Гильомом Тирским и Иоанном Киннам. Причем, латинский и византийский авторы называют разные мотивы к расторжению помолвки. Иоанн Киннам намекает на то, что Мелисанда уже лишилась девственности,

¹⁵²³ Первая супруга Мануила — Берта-Ирина Зульцбах умерла в 1159 г.

¹⁵²⁴ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVIII, c. 31, P. 874.

¹⁵²⁵ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVIII, c. 31, P. 874—875.

¹⁵²⁶ Röhrich R., ed. Regesta Regni Hierosolymitani... №366, P. 96.

и что василевс был спасен от недостойного брака божественным провидением¹⁵²⁷. «Посланные, увидев девицу, были восхищены ее красотой и, так как не представлялось ни откуда никакого препятствия, нисколько не медля посадили ее на трирему. Но только лишь хотели они отплыть, как в девице проявилась жестокая болезнь — и она находилась в опасном состоянии. Посему откладывая со дня на день отплытие, они напрасно теряли время; ибо только лишь немного облегчались ее страдания и она казалась благонадежною для отплытия, страшная болезнь вдруг будто нарочно возвращалась к ней, и тогда, уложенная в постель, она тряслась всем телом и подвергалась жестоким судорогам, а затем следовали жар, синета под глазами и изнеможение. Цвет глаз, прежде сиявший какою-то прелестью, быстро изменялся и становился мрачным. Всякий, видя, как вянет преждевременно этот цветок, проливал слезы. Так страдала девица, находясь дома; а когда удалялась от Триполи, тогда поднималась в ней сугубая тревога, и судно вновь возвращалось в Триполи, где, после кратковременного облегчения от страданий, она подвергалась еще сильнейшим. Частое повторение этого явления наконец поставило Контостефана в недоумение — и вот он, колеблясь (...) пришел в один из тамошних храмов узнать, следует ли василевсу жениться на этой девице. Священный оракул отвечал: „брак действительно готов, но званые не достойны войти“. Услышав это и поняв ответ оракула, подтверждающийся притом и распространившеюся молвою, будто девица вступила уже в незаконный брак, Контостефан считал предпринимаемое дело весьма постыдным и, удерживаясь от выполнения его, скоро собрался и прибыл в Византию». Под «оракулом» Киннам, естественно, подразумевает не языческого оракула, но гадание по Священному Писанию (распространенное среди латинских и византийских христиан). Слова «оракула», определившие судьбу Мелисанды, взяты из Евангелия от Матфея (Мф. 22: 6). Так или иначе, история эта, по мнению Киннама, должна была придать решению Контостефана мистическое, божественное обоснование.

¹⁵²⁷ Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга V, гл. 4, С. 230—232. Под «оракулом» Киннам, естественно, подразумевает не языческого оракула, но гадание по Священному Писанию (распространенное среди латинских и византийских христиан). Слова «оракула», определившие судьбу Мелисанды, взяты из Евангелия от Матфея (Мф. 22: 6). Так или иначе, история эта, по мнению Киннама, должна была предать решению Контостефана мистическое, божественное обоснование.

Со слов Гильома Тирского скорее складывается ощущение, что Контестефан и имперские послы были смущены слухами о незаконнорожденности Мелисанды, а также «недовольны королем и графом», т. е. Бодуэном III и Раймондом III, вероятно — за их слишком самоуверенную подготовку к свадьбе, в то время как василевс еще не дал окончательного ответа¹⁵²⁸. Очевидно, что Мелисанда пала жертвой дурной репутации своей матери — графини Одиерны¹⁵²⁹, и излишней самоуверенности своего брата и кузена. Контестефан и Феофилакт приняли расчетливое и жесткое решение — покинуть Триполи, не раскрыв истинных причин своего отъезда и оставив Раймонда III и его сестру в «счастливом неведении». На протяжении нескольких месяцев граф ждал вестей из Константинополя. Не получая ответа, он сам вынужден был снарядить в столицу империи посольство, которое возглавил один из триполйских рыцарей — Одо де Ризберг. Лишь тогда графа поставили в известность о том, что помолвка василевса с его сестрой аннулирована¹⁵³⁰. Мелисанда, эта несчастная «будущая императрица Константинопольская», была «отвергнута словно дочь простолюдина»¹⁵³¹. Это был тяжелейший удар для франков Триполи. Опозоренная Мелисанда словно бы исчезла из жизни; о ней нет ни единого документального упоминания после 1161 г.¹⁵³². Оскорбленный действиями Мануила, граф Раймонд III собрал войска и флот, и вскоре обрушился на византийский Кипр, о чем уже подробно было сказано в одной из предшествующих глав¹⁵³³.

¹⁵²⁸ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVIII, c. 31, P. 875.

¹⁵²⁹ Одиерна и ее сестры, королева Мелисанда Иерусалимская и княгиня Алиса Антиохийская, славились своими сильными, вольнолюбивыми нравами, которые неоднократно приводили к скандалам, политическим конфликтам и даже междоусобицам в государствах крестоносцев. Так, Одиерна, на протяжении того периода, когда она была беременна Мелисандой, находилась в открытой ссоре со своим супругом — графом Раймондом II. Напомним также, что именно графиня Одиерна Триполйская была «далекой возлюбленной» знаменитого трубадура Жоффруа Рюделя, сира Блаи, который прибыл, умирая, к ней в Триполи и которого она велела с почестями похоронить в городской церкви тамплиеров. О Руделе и Одиерне, см. Жизнеописания трубадуров. Жан де Нострдам. Жизнеописания древних и наиславнейших провансальских пиитов, во времена графов Прованских процветших. — М.: Наука, 1993. — С. 18.

¹⁵³⁰ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVIII, c. 31, P. 875.

¹⁵³¹ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVIII, c. 33, P. 878.

¹⁵³² Подробнее об истории Мелисанды Триполйской, см. Брюн С.П. Забытая трагедия Принцессы Грезы // Театр. Живопись. Кино. Музыка. Альманах. — 2012. — №4.

¹⁵³³ См. выше: Книга I, гл. 3, С. 100—105.

Между тем, взоры василевса вновь обратились к Марии Антиохийской, старшей дочери покойного князя Раймонда де Пуатье и сестре юного князя Боэмунда III. В Антиохию было направлено второе посольство, которое возглавляли великий дука Алексей Вриенний Комнин¹⁵³⁴, севаст Никифор Вриенний (Третий), а также епарх Константинополя, севаст Андроник Каматир¹⁵³⁵. Нельзя не отметить, что василевс во второй раз в своей жизни сватался за антиохийскую княжну; только если в 1135 г. семнадцатилетнего Мануила сватали за восьмилетнюю княжну Констанцию, то в 1161 г. сорокатрехлетний император сватался уже за шестнадцатилетнюю дочь Констанции — Марию. Княгиня Констанция и ее сын — Боэмунд III с радостью откликнулись на сватовство василевса; осенью 1161 г. из гавани Св. Симеона отплыли корабли, на которых находились византийские севасты, бароны антиохийского княжества и сама Мария Антиохийская, призванная на супружеское ложе и престол ромейского василевса.

Вступив в Константинополь, Мария поразила ромеев своей красотой и статью. Восторженные отзывы об ее облике оставили Иоанн Киннам и Никита Хониат. По описаниям Хониата, «Это была женщина красивая, очень красивая, и даже чрезвычайно красивая, — словом, необыкновенная красавица. В сравнении с ней решительно ничего не значили и всегда улыбающаяся и золотая Венера, и белокурая и волоокая Юнона, и знаменитая своей высокой шеей и прекрасными ногами Елена, которых древние за красоту обоготоврили, да и вообще все женщины, которых книги и повести выдают за красавиц»¹⁵³⁶. Киннам добавляет, что «такой красоты римляне (...) от века не видывали»¹⁵³⁷. В Ватиканской библиотеке хранится единственное уцелевшее изображение Марии, на одной из миниатюр «греческого кодекса 1176 г.», где она изображена рядом со своим мужем — императором Мануилом I Комниным¹⁵³⁸. Византийский мастер искусно отобразил статную женщину, с бледной кожей, румянцем и золотисто-рыжим цветом волос, облаченную в алые, расшитые золотом и украшенные камнями одежды, со скипетром

¹⁵³⁴ Алексей Вриенний Комнин был сыном кесаря Никифора Вриенния и Анны Комниной — на тексты которых мы многократно ссылались в ходе данной работы.

¹⁵³⁵ Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга V, гл. 4, С. 232.

¹⁵³⁶ Никита Хониат. Указ. соч. — Книга V, гл. 5, С. 127.

¹⁵³⁷ Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга V, гл. 4, С. 233.

¹⁵³⁸ Codex Vaticanus graecus 1176.

в руке; по своей стати она не уступает Мануилу и одновременно представляет резкий контраст со своим крайне смуглым супругом.

Венчание Марии и Мануила было совершено на Рождество, 25 декабря 1161 г., в соборе Святой Софии. Таинство совершали три православных патриарха — Вселенский Патриарх Лука Хрисоверг, александрийский — Софроний III и антиохийский — Афанасий I Манасси. Свадебные торжества сопровождались роскошными, всенародными празднествами. Описание этого также оставил Иоанн Киннам, вероятно бывший очевидцем свадебных торжеств: «... в двадцать пятый день текущего месяца апеллея, который люди, говорящие по-латински, называют декабрем, василевс торжественно введен был в славнейшей храм Божьей Премудрости, где тогдашний предстоятель Константинопольской Церкви Лука, предстоятель александрийский Софроний и антиохийский Афанасий, по христианскому обычаю возложив на них руки, сочетали их браком — и василевс, наименовав свою жену Августой, возвратился в царские палаты, угостил великолепным обедом вельмож, а для народа по всем улицам города расставил преисполненные кушаньем столы, пригласил также патриархов принять участие в его пиршестве и, одарив каждого обильно золотом, отпустил их; больше же одарил Церковь, внося в нее центенарий золота; а немного спустя развлекал народ и конскими скачками и ничего не упустил, что могло служить к его удовольствию»¹⁵³⁹. В сентябре 1169 г. Мария Антиохийская родила Мануилу его единственного сына и наследника — Алексея II Комнина. Так, четвертый и предпоследний император этой династии в равной степени был отпрыском рода Комнинов и княжеского дома Антиохии, будучи одновременно правнуком Алексея I Комнина и Боэмунда I Антиохийского, внуком василевса Иоанна II и князя Раймонда де Пуатье.

***Браки Марии Комниной с королем Амори I Иерусалимским
и Балианом Ибелином. Потомство Комнинов в Заморской земле***

За браками Бодуэна III (1158) и Мануила I Комнина (1161) последовали новые франко-византийские династические бракосочетания. В 1167 г. король Амори I Иерусалимский взял в жены еще одну родственницу императора — Марию Комнину. Его заключению предшествовали достаточно долгий период переговоров. Еще в 1165 г. король Амори I отправил

¹⁵³⁹ Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга V, гл. 4, С. 233—234.

в Константинополь посольство, во главе с латинским архиепископом Кесарии — Эрве и королевским виночерпием — Одо де Сент-Амадом, с целью найти невесту из династии Комнинов. Здесь важно подчеркнуть, что это было не сватовство к конкретной деве из императорской семьи, а просьба о посылке *любой* подходящей византийской царевны, с предоставлением более конкретного выбора самому василевсу Мануилу. Королю Амори I пришлось ждать около двух лет, на протяжении которых его послы оставались в Константинополе. И лишь в 1167 г. в гавани Тира пристал корабль, на котором, помимо королевских послов, находилась и долгожданная византийская невеста Амори — Мария Комнина. Мария была дочерью протосеаста Иоанна Комнина, племянника императора Мануила¹⁵⁴⁰. Венчание короля Амори и Марии Комниной было совершено Иерусалимским Патриархом Амори де Несле в кафедральном соборе Тира. Согласно хронике Гильома Тирского, Мария Комнина «была помазана и увенчана наследственной диадемой, знаком королевского достоинства, рукою блаженной памяти Патриарха Амори, в церкви Тира, за четыре дня до сентябрьских календ»¹⁵⁴¹. Как пишет Иоанн Киннам, король Амори I Иерусалимский «получив в супружество одну из дочерей протосеаста, подтвердил клятвой все те условия, какие были у василевса с его братом Бодуэном»¹⁵⁴². То есть, венчавшись с Марией Комниной, король Амори подтвердил оммаж василевсу Мануилу и те вассальные обязательства, которые его старший брат — Бодуэн III принял на себя во время переговоров в Мамистре и Антиохии (1158—1159).

Спустя три года после смерти короля Амори, в 1177 г., Мария Комнина сочеталась браком с палестинским бароном Балианом Ибелином¹⁵⁴³. Благодаря этим двум бракам королевы Марии установилась кровная связь Комнинов практически со всеми влиятельными латинскими домами Заморской земли. Дочь короля Амори I и Марии Комниной — Изабелла с 1190 г. унаследовала королевский престол

¹⁵⁴⁰ Иоанн был сыном Андроника Комнина, старшего брата императора Мануила. Здесь стоит отметить, что это был тот самый Иоанн Комнин, который занимал пост дукса Кипра в 1156 г. и был захвачен в плен князем Рено де Шатильоном во время разорения острова. Когда за него был внесен выкуп, он вернулся в Константинополь (что должно было произойти до 1158 г.). О разорении Кипра, князе Рено и дуксе Иоанне, см. выше: Книга I, гл. 3, С. 100—105.

¹⁵⁴¹ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XX, c. 1, P. 942—943.

¹⁵⁴² Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга V, гл. 13, С. 264.

¹⁵⁴³ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XXI, c. 18, P. 1035.

Иерусалима, права на который попеременно приносила трем своим супругам: Конраду Монферратскому (1190 г.), Генриху Шампанскому (1192 г.) и Амори II де Лузиньяну (1197 г.)¹⁵⁴⁴. Внучки Марии Комниной взошли (в качестве наследниц престола или консортов) фактически на все престолы Заморской земли: Мария унаследовала королевский престол Иерусалима, Алиса стала королевой Кипра (венчавшись с королем Гуго I де Лузиньяном), Сибилла — королевой Киликийской Армении (будучи второй женой Левона I Великолепного), Мелисанда — княгиней Антиохии-Триполи (в качестве супруги князя Боэмунда IV Одноглазого)¹⁵⁴⁵. В то же самое время дети Марии Комниной от ее второго брака — Жан и Филипп Ибелины в начале XIII в. вошли в число наиболее влиятельных баронов Заморской земли и впоследствии неоднократно занимали посты регентов (бальи) королевств Иерусалима и Кипра. Рожденные от смешанного, греко-латинского брака, Филипп и, в особенности, Жан, положили начало расцвету сеньориальной династии Ибелинов, представители которой держали обширные земли и занимали важнейшие административные посты как в пределах Кипрского королевства, так и в континентальном Леванте¹⁵⁴⁶.

Стоит также отметить, что вдовствующие «византийские» королевы Иерусалима — Феодора и Мария Комнины получали, в качестве апанажа, центральные города королевства. Так, Феодора, во время своего кратковременного пребывания в Палестине, держала Акру¹⁵⁴⁷.

¹⁵⁴⁴ Здесь стоит уточнить, что Изабелла выходила замуж четыре раза. Ее первый брак — с Онфри IV де Тороном, был расторгнут в 1190 г., еще до того, как Изабелла, со смертью своей старшей сестры — королевы Сибиллы, унаследовала права на королевский престол. Стоит также отметить, что из трех супругов королевы Изабеллы Иерусалимской, официальной коронации удостоился лишь последний, король Кипра Амори II де Лузиньян, венчанный и помазанный на иерусалимский престол в 1197 г. См. *L'Estoire de Eracles...* P. 223—224.

¹⁵⁴⁵ Du Cange C. *Les Familles d'Outremer*. — Paris, 1869. — P. 30—31.

¹⁵⁴⁶ Du Cange C. *Les Familles d'Outremer*. — Paris, 1869. — P. 360—379. С начала XIII в., Ибелины держали сеньории Бейрута, Арсура, Яффы, обширные фьефы на землях Кипрского королевства.

¹⁵⁴⁷ В 1166 г. вдовствующая королева Феодора бежала из пределов Латинского Востока, вместе со своим сородичем и любовником — Андроником Комниным, незадолго до этого получившим от короля Амори сеньорию Бейрута. Когда любовники, обвиненные в кровосмесительстве, бежали ко двору эмира Нур-ад-Дина (а к этому времени выдачи Андроника требовали император Мануил I Комнин и князь Боэмунд III Антиохийский), король Амори конфисковал Акру и фьеф Бейрута. См. *Guillaume de Tug. Op.cit.* — Lib. XX, c. 2, P. 943—944; Никита Хониат. Указ. соч. — Книга IV, гл. 5, С. 154—155.

Мария Комнина сходным образом получила сеньорию Наблуса, которую держала вплоть до завоевания города Салах-ад-Дином¹⁵⁴⁸.

**«Византийские браки» Антиохийского княжеского дома:
князь Боэмунд III Антиохийский и Феодора Комнина (1176 г.);
Агнесса Антиохийская и Бела III Арпад (1170 г.)**

В 1176 г. князь Боэмунд III Антиохийский венчался с еще одной племянницей императора Мануила — Феодорой Комниной. Это был второй брак князя Боэмунда III. Его первой женой была Оргуэлисса д'Аренк, дочь сеньора Харима, одного из баронов Антиохийского княжества. Оргуэлисса родила Боэмунду III двух его старших сыновей — Раймонда и Боэмунда IV. Она упоминается в нескольких сохранившихся хартиях Антиохийского князя¹⁵⁴⁹. Последнее упоминание о ней относится к марту 1175 г. Согласно венецианской версии *Lignages d'Outremer*, «великий князь Боэмунд» добился развода с Оргуэлиссой¹⁵⁵⁰. О ее дальнейшей судьбе ничего не известно. Точное количество детей от брака Боэмунда III и Феодоры не установлено. В принципе вопрос о четырех женах и многочисленных детях князя Боэмунда III является предметом для отдельного исследования. В Ватиканской версии «*Lignages des Outremer*» можно найти упоминание о том, что у «Боэмунда Заики» и «племянницы императора Мануила I Комнина» родились две дочери — Констанция и Филиппа, в наиболее распространенной версии «*Lignages*» есть упоминания лишь об одной дочери — Констанции¹⁵⁵¹. Также в некоторых генеалогических источниках регулярно упоминается имя Мануила де Пуатье — сына Боэмунда III Антиохийского и Феодоры Комниной, предположительно родившегося около 1176 г. и скончавшегося в 27 июня 1211 г.¹⁵⁵². Пер-

¹⁵⁴⁸ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XXI, c. 18, P. 1035.

¹⁵⁴⁹ Röhricht R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani...* — №511, P. 135; №523, 524, P. 139.

¹⁵⁵⁰ *Lignages d'Outremer*. Marciana Ms Francese 20 // Biblioteca Nazionale Marciana, Venezia. — c. 301, P. 83.

¹⁵⁵¹ *Lignages d'Outremer*. Le Vaticanus Latinus 7806 // Bibliotheca Vaticana. — P. 173; *Lignages de Outremer* // RHC Lois II.... — c. 5, P. 446.

¹⁵⁵² Schwennicke, D. *Europäische Stammtafeln: Stammtafeln zur Geschichte der Europäischen Staaten*. — Frankfurt am Main, 1998. — Vol. 552, band. 3, Tafel №154.

воисточник, по которому приводятся имя и точная дата смерти этого человека, до сих пор не найден. В известных хрониках, хартиях и в различных рукописях «*Lignages des Outremer*» оно отсутствует. Если же факт существования Мануила де Пуатье будет документально подтвержден, а не списан на позднейшие ошибки авторов генеалогических древ, то это, безусловно добавит новый и весьма яркий акцент к истории греко-латинских отношений XII в. Франкские государи крайне редко (фактически — никогда) не давали своим детям подчеркнуто византийские имена. Чуть ли единственным известным исключением стал Димитрий — последний король Фессалоникийский, сын Бонифация Монферратского. Если же существование Мануила де Пуатье найдет документальное подтверждение, можно будет констатировать, что в Антиохии, в период византийского сюзеренитета над княжеством, франкский князь готов был дать одному из своих сыновей (тем более — рожденному от брака с византийской царевной) имя ромейского василевса.

И, конечно же, нельзя вспомнить и об еще одном «византийском» династическом браке членов Антиохийского княжеского дома; о венчании Агнессы Антиохийской — младшей дочери княгини Констанции и единственной дочери Рено де Шатильона с венгерским принцем, носившем при византийском дворе имя кесаря Алексея, но впоследствии взошедшего на королевский престол Венгрии под именем Белы III Арпада. Брак этот был заключен около 1170 г. по инициативе императора Мануила. В конце 1160-х гг. из Антиохии в Константинополь перебрались младшие брат и сестра императрицы Марии Антиохийской — Бодуэн де Пуатье и Агнесса де Шатильон. К этому времени Мария уже родила Мануилу сына и наследника — Алексея II, и венгерский принц Бела (кесарь Алексей), которого василевс доселе считал своим предполагаемым наследником, лишился права на престол. Не желая расторгать дружеские и, конечно же, политические, союзные связи с Белой, император Мануил обвенчал его с сестрой императрицы Марии — Агнессой. До этого Бела был помолвлен с дочерью василевса от первого брака — порфирородной Марией Комниной. Венчание кесаря Белы и Агнессы де Шатильон было совершено в Константинополе, хотя неясно — латинским или, что более вероятно, византийским клиром. Подробное описание этих событий можно найти в книге Никиты Хониата: «Передав, как полагал, через совершение присяги скипетр сыну (т. е. Алексею II Комнину. — С. Б.), василевс спустя немного времени разлучает дочь

свою с ее женихом Алексеем (Белой Арпадом. — С. Б.) и обручает его на родной сестре жены своей (Агнессой. — С. Б.), незадолго перед тем прибывшей из Антиохии с братом Бодуэном. Между тем, около этого времени венгерский король (старший брат Белы, Стефан III. — С. Б.) умер. Мануил, считая его смерть счастливым случаем, тотчас же посылает Алексея с блистательной свитой и огромным царским багажом принять власть над Пэонией (Венгрией) и царствовать над своими единоплеменниками. И Алексей без труда надел на себя королевскую корону и без всякого сопротивления стал господствовать над всем народом»¹⁵⁵³.

13 января 1173 г. Бела III Арпад и его супруга — Агнесса Антиохийская были миропомазаны и возведены на королевский престол Венгрии. Агнесса родила Беле III двух сыновей — Имре и Андрея (Андраша), каждый из которых впоследствии восходил на венгерский престол. Таким образом, все последующие короли династии Арпадов были, по материнской линии, отпрысками Антиохийского княжеского дома и прямыми потомками Рено де Шатильона. Примечательно, что подавляющее большинство авторов, описывая участие короля Андраша II Венгерского в Пятом крестовом походе, практически никогда не упоминают о том, что принявший крест мадьярский король приходился родным внуком легендарному крестоносцу — Рено де Шатильону. В связи с этим неплохо бы еще раз обратить внимание на то, каким образом имперский вассалитет и династические связи с Ромейской державой сказались на судьбе князя Рено. Как у младшего отпрыска знатного, но все же — в достаточной мере заурядного бургундского рыцарского рода, у Рено не было шансов когда-либо породниться с гордыми королевскими домами христианского мира¹⁵⁵⁴. Однако решение принять крест и отправиться с войском короля Людовика VII Молодого на Восток полностью переменило его жизнь. Пережив тяжелейший переход через Малую Азию и уцелев после кампаний в Сирии, он остался в Леванте. Там, благодаря неожиданно вспыхнувшей страсти княгини Констанции, Рено взошел на княжеский престол Антиохии. Придя к власти, он, казалось бы, сделал все, чтобы лишиться столь неожиданно достигнутого престола; его издевательства над латинским Патри-

¹⁵⁵³ Никита Хониат. Указ. соч. — Книга V, гл. 8, С. 183—184.

¹⁵⁵⁴ Если отталкиваться от исследования Жана Ришара, Рено был сыном Эрве II, сира Донзи. Свое имя он получил по предоставленной ему сеньории Шатильон-на-Луаре (Шатильон-Колиньи). Подробнее о родословной Рено де Шатильона, см. Richard J. Aux origines d'un grand lignage. Des Paladii à Renaud de Châtillon // Recueil de melanges offerts à l'occasion de son 65e anniversaire a Karl Fedinand Werner. — Paris, 1989. — P. 409—418.

архом Амори де Лиможем и варварское разорение византийского Кипра вошли в легенду. Тем не менее, благодаря «карающей руке» василевса Мануила, Рено получил подтверждение своих прав на княжеский престол Антиохии, был включен в число имперских вассалов и даже — сородичей (будучи отчимом императрицы Марии), а его дочь — Агнесса взойшла уже на королевский престол Венгрии. Герб де Шатильонов по сей день красуется рядом с королевскими гербами Венгрии, на гробнице Белы III и Агнессы в церкви Св. Матьяша в Будапеште. Это неожиданное объединение рода Рено де Шатильона с королевской династией Арпадов может, по праву, считаться одним из наиболее парадоксальных и исторически значимых примеров франко-византийских династических браков, бравших свое начало в Антиохии.

Конечно же, нельзя не задаться вопросом — зачем императору Мануилу понадобилось скреплять вассалитет Антиохии и союз с Иерусалимом еще и кровными узами? Однако это устремление являлось характерной чертой политики Комнинов. С конца XI в. Комнины укрепляли свою власть и влияние внутри империи благодаря династическим бракам с другими ромейскими аристократическими родами; Дуками, Вриенниями, Далассинами, Контостефанами, Ангелами, Палеологами. Император Мануил, очевидно, не желая более ни воевать с сирийскими франками, ни рассчитывать только на клятвы их государей, перенес эту модель династического сближения на правящие дома Антиохии и Иерусалима, инкорпорируя франкских правителей Заморской земли в разветвленную семью Комнинов. И надо сказать, что эта политика василевса в действительности обеспечила как признание сирийскими франками имперского сюзеренитета, так и весьма гармоничный союз между Византией и франками Заморской земли, сохранявшийся на протяжении двадцати двух лет (1158—1180 гг.). Так, со времен восточного похода Мануила, короли Иерусалима (Бодуэн III, Амори I и Бодуэн IV Прокаженный) и князья Антиохии (Рене и Боэмунд III) не пытались оспаривать имперский сюзеренитет и гегемонию Ромейской державы в восточном средиземноморье.

II. Участие сирийских франков в восточных войнах императора Мануила I Комнина

Если отвлечься от торжественного принесения оммажа латинскими государями и череды франко-византийских династических браков,

нельзя не задаться вопросом — каковы же были практические проявления византийского сюзеренитета над государствами крестоносцев, в особенности — над княжеством Антиохийским? Естественно, наиболее действенным проявлением вассалитета была военная повинность, несение воинской службы по призыву сюзерена. Во второй половине XII в. антиохийские и иерусалимские франки принимали участие в целом ряде ближневосточных кампаний императора Мануила I Комнина. Здесь мы принципиально не касаемся описанного выше похода императора Иоанна II Комнина и сирийских франков против Алеппо и Шейзара (1138 г.), т. к. этот поход может скорее служить примером того, как василевс не смог добиться покорности своих франкских вассалов¹⁵⁵⁵. Мануил I Комнин, в свою очередь, добился на этом поприще намного более впечатляющих результатов.

*Кампания князя Рено де Шатильона
против Тороса II Рубенида (1153 г.)*

К началу 1150-х гг. Ромейская держава лишилась большей части своих владений в Киликии, которые были завоеваны Торосом II Рубенидом. После сокрушительного поражения ромейской армии Андроника Комнина в битве у стен Мамистры (1152 г.) император Мануил, осознав, что в данный момент он не сможет возглавить новый поход в Киликию, обратился к дипломатическим мерам. Он стал натравливать на государство Рубенидов двух наиболее мощных восточных государей, находившихся в сфере влияния Византии; румского султана Масуда I и князя Антиохийского — Рено де Шатильона. По словам Гильома Тирского, «император направил послание к Рено, призвав его выступить в поход и оградить Киликию от нападений и посягательств; если же Рено нужны были бы для этого деньги, то император обещал выделить все необходимые средства из своей казны и выслать их, когда придет время»¹⁵⁵⁶.

К этому времени Рено едва успел взойти на княжеский престол, которым был всецело обязан своей романтической связью и последовавшим браком с овдовевшей княгиней Констанцией Антиохийской. Чувствуя шаткость своего положения, он охотно вступил в соглашение

¹⁵⁵⁵ См. выше: Книга I, гл. 4, С. 100—105.

¹⁵⁵⁶ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVIII, c. 10, P. 834—835.

с ромейским василевсом. Собрав войска антиохийских франков и контингенты тамплиеров, Рено начал свою первую наступательную кампанию, направленную против Тороса II Рубенида. К этому времени Торос II расширял свои владения не только за счет византийских территорий; он также захватил и северные земли Антиохийского княжества, в том числе — Александретту и Баграс. Разбив войска Тороса II в полевом сражении, князь Рено отвоевал Александретту, Баграс и другие ранее утраченные франками крепости по обеим сторонам Аманоса. Согласно хронике Михаила Сирийца, «Противники встретились у врат Александретты»¹⁵⁵⁷. Армяне потерпели поражение, а Торос бежал. Вскоре после этого он попросил мира и отдал братьям (т. е. тамплиерам. — С. Б.) принадлежавшие им земли»¹⁵⁵⁸. Победоносный исход кампании 1153—1154 гг. подтверждает и Гильом Тирский: «собрав войска и предоставив себя в распоряжение императора, Рено выступил в Киликию, против вышеупомянутого Тороса, где он наголову разбил его армию и рассеял ее по высокогорьям»¹⁵⁵⁹. Вновь отвоевав земли у залива Александретты и гор Аманоса (часть которых была возвращена в непосредственное владение князя, часть — отдана под защиту ордена тамплиеров), Рено прекратил наступление против княжества Рубенидов¹⁵⁶⁰. Между тем, император Мануил требовал от Рено продолжения войны против Тороса II, отказавшись, до ее завершения, компенсировать военные расходы Антиохийского князя. Это привело к разрыву княжеского соглашения с василевсом, заключению военного союза между Рено и Торосом II и последующему разорению византийского Кипра¹⁵⁶¹. Тем не менее, существует свидетельства того, что в правление князей Раймон-

¹⁵⁵⁷ Бар Эбрей пишет о том, что битва произошла «у врат Секунтарона», т. е. Сервантикара. См. Bar Hebraeus. Chronography... — P. 324.

¹⁵⁵⁸ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVIII, c. 4, P. 314.

¹⁵⁵⁹ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVIII, c. 10, P. 835.

¹⁵⁶⁰ Подробнее о тамплиерах и их землях на северных рубежах княжества Антиохийского, в частности — о замках, контролировавших перевалы Аманоса (замках Баграс, Дарпак, Ля Рош Руссель и Ля Рош Гильом), см. Smith J. The Templars and the Teutonic Knights in Cilician Armenia // The Cilician Kingdom of Armenia. — Edinburgh, 1978. — P. 92—95.

¹⁵⁶¹ Уже в 1154 г. войска Тороса II Рубенида (доверенные его младшему брату — Стефану), совместно с тамплиерами и антиохийскими франками разбили тюрок, разорявших территории вдоль Тавра и Аманоса. Сражение произошло у Столпа Ионова, на подступах к Александретте. См. Grégoire le Prêtre. Op.cit. — P. 171. О разорении Кипра, см. выше: Книга I, гл. 3, С. 100—105.

да и Рено, даже вне конкретных периодов сближения с Византией, по крайней мере некоторые антиохийские франки переходили на службу к ромейскому василевсу, пополняя состав латинских контингентов империи. Так, Иоанн Киннам упоминает некоего антиохийского рыцаря Фому, отличившегося во время войны императора Мануила I Комнина против Сицилийского королевства и погибшего во время поединка с одним из итало-нормандских рыцарей у стен Бриндизи¹⁵⁶².

*Участие антиохийских и иерусалимских франков
в войне против Румского султаната (1159 г.)*

Договоры императора Мануила I Комнина с князем Рено Антиохийским и королем Бодуэном III Иерусалимским, заключенные в Мамистре в 1158—1159 гг., прямо затрагивали вопрос о контингентах, которые сирийские франки обязались выставлять под знамена василевса. Уже в 1159 г. князь Рено и король Бодуэн III вынуждены были откликнуться на призыв своего сюзерена и принять участие в его войне против Румского султаната. Согласно «Краткой истории...» Киннама, император Мануил, готовясь к войне с султаном Кылыч-Арсланом II, «послал Иоанна Контостефана в Палестину, чтобы переговорить с королем Бодуэном и привести оттуда силы, которые Бодуэн, в случае нужды, обещал дать василевсу на помощь и, кроме того, собрать наемное войско. Приказано было также антиохийскому князю Ренальду, чтобы и он как можно скорее шел с бывшими у него войсками. Такое же приказание отдано было и тогдашним правителям Армении — Терозу и Тиграну»¹⁵⁶³. При этом Иоанн Контостефан не только в кратчайшие сроки посетил Антиохию и Иерусалим, но и побывал на византийском Родосе, где набрал стоявших там лагерем латинских пилигримов¹⁵⁶⁴. В итоге, Кылыч-Арслан II, «не имея силы вступить в борьбу

¹⁵⁶² «Фома, родом антиохиец, издавна сам собой перешедший на службу к василевсу». См. Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга IV, гл. 10, С. 175.

¹⁵⁶³ Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга IV, гл. 24, С. 219. «Тероз» — это, вероятней всего, Торос II Рубенид (хотя А.П. Каждан оспаривает это). «Тигран» — это, вероятно, Тигран — князь Брагана.

¹⁵⁶⁴ По словам Киннама, Контостефан «зная, что у латинян, отправляющихся в Палестину, сборным местом всегда бывает остров Родос, привел наемную конную дружину и оттуда». См. Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга IV, гл. 24, С. 219.

ни с одним из тех врагов, которых накликал на него василевс, уступил обитателям соседних стран вместе со многим другим и города, завоеванные им прежде с великим трудом, а у василевса через послов стал просить прощения»¹⁵⁶⁵. Единственным крупным сражением этой войны стало столкновение сельджукских войск с объединенной франко-византийской армией, выступившей из пределов Антиохии и Киликии под командованием Иоанна Контостефана. Согласно тому же Киннаму: «Иоанн, ведя из Палестины конницу, встретился с персидским войском, состоявшим из двадцати двух тысяч человек, способных к битве. Пораженный этой нечаянностью, он сперва поспешно взошел со своими на один находившийся вблизи холм и остановился, но потом приказал всей своей дружине идти на неприятелей, и так как римляне сделали на них сильный натиск, то они отступили, и во время бегства много их было побито, еще же больше взято в плен римскими воинами, а иные смяты были конницей. В этом подвиге совершены дела, достойные памяти и мужества, как многими другими римлянами, так и военачальником Иоанном»¹⁵⁶⁶.

Поход короля Амори I Иерусалимского и князя Бозмунда III Антиохийского против Млеха Рубенида (1173 г.)

Сходная кампания имела место и в 1173 г., когда князь Бозмунд III Антиохийский и король Амори I Иерусалимский (преемники Бодуэна III и Рено) совершили совместный поход в Киликию, где к власти пришел князь-узурпатор Млех Рубенид, состоявший в тесном союзе с Нур-ад-Дином и представлявший серьезную угрозу и для восточных провинций Ромейской державы, и для франкской Сирии¹⁵⁶⁷. При-

¹⁵⁶⁵ Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга IV, гл. 24, С. 220.

¹⁵⁶⁶ Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга IV, гл. 24, С. 220—221.

¹⁵⁶⁷ Млех Рубенид пришел к власти в 1170 г., при поддержке Нур-ад-Дина. Малолетний сын покойного Тороса II Рубенида — Рубен II был убит, а правивший от его имени регент Фома бежал в Антиохию. См. Bedrosian R., ed. *The Armenian Chronicle of Sempad...* P. 87; Vahram D'Edesse. *La chronique rimée des rois de la Petite Arménie...* P. 508—509. Ненависть Млеха к Византии вполне объяснима, особенно если вспомнить о том, что его семье пришлось претерпеть от ромеев; напомним, что его отец Левон I Рубенид умер в византийском плену, его братья — Рубен и Стефан были, в разное время, убиты ромейскими воинами. Гораздо сложнее объяснить его ожесточенную войну против сирийских франков.

дя к власти, Млех Рубенид развернул наступательную войну как на западных, так и на юго-восточных рубежах своего государства, благо временная покорность большей части армянских князей и прибытие союзных тюркских войск предоставляли ему необходимую военную мощь. С одной стороны, Млех возобновил войну в западной Киликии, обрушившись на ромейские территории и на владения вассалов империи — Хегумидов¹⁵⁶⁸. Под натиском его войск, дука Константин Коломан едва удерживал западные области Равнинной Киликии, с Селевкией и Тарсом. В то же самое время, Млех атаковал и северные рубежи княжества Антиохийского, отвоевав доверенные тамплиерам владения в горах Аманоса¹⁵⁶⁹. В 1171 г. войска Млеха были частично пленили, а частично — перебили французских крестоносцев графа Стефана Сансирского, возвращавшихся со Святой земли через Киликию¹⁵⁷⁰.

В 1173 г. Млех Рубенид, при поддержке войск, присланных Нур-ад-Дином, уничтожил выступившую против него ромейскую армию и пленил дуку Константина Коломана. Тогда же он вошел в Тарс. Дуку Константина, вместе с другими знатными ромейскими пленными, Млех велел отправить в Алеппо, к своему союзнику-сюзерену, Нур-ад-Дину. Как об этом повествует Ибн аль-Асир: «Млех обрел дружбу и поддержку Нур-ад-Дина в его борьбе против соседствующих армян и греков. Города Адана, Мамистра и Тарс находились под властью царя румов, повелителя Константинополя. Млех покорил их, ибо они лежали на рубежах его владений. И напрасно царь румов выслал против него многочисленную армию, во главе которой шли великие патриции, его отцы. Млех выступил навстречу им, ведя с собой часть аскара Нур-ад-Дина; он мужественно сражался и выстоял перед ними. Румы обратились в бегство, а многие были убиты или взяты в плен (...) Армянский князь отправил Нур-ад-Дину, в качестве дани, значительную часть захваченной добычи, в том

В молодости Млех получил убежище при дворе графа Жослена II Эдесского, а позднее — перешел в лоно латинской Церкви и даже был принят в число собратьев (*confrater*) ордена тамплиеров. О принадлежности Млеха к ордену Храма, в частности, упоминает Гильом Тирский. См. Guillaume de Tyr. *Op.cit.* — Lib. XX, c. 16, P. 991.

¹⁵⁶⁸ Bedrosian R., ed. *The Armenian Chronicle of Sempad...* P. 87.

¹⁵⁶⁹ Guillaume de Tyr. *Op.cit.* — Lib. XX, c. 26, P. 991.

¹⁵⁷⁰ Guillaume de Tyr. *Op.cit.* — Lib. XX, c. 25, P. 988.

числе и тридцать самых знатных и главных пленников»¹⁵⁷¹. О пленении дуки и севаста Константина пишет и Никита Хониат, по словам которого, Коломан «прибыв в Тарс (...) вступил в войну с враждебными римлянам армянами; но когда неприятели напали на него всей массой, он был взят в плен и заключен в оковы. Василевс освободил его, дав значительный выкуп»¹⁵⁷². О том, насколько Нур-ад-Дин ценил победы своего союзника и вассала, свидетельствует то, что после отправки Коломана и других знатных ромейских пленников в Алеппо эмир передал Млеху Мараш. Так, поражение ромеев и франков, в то же самое время обернулось возвращением Мараша христианам. Конечно же, Млех Рубенид совершенно не походил на защитника ближневосточных христиан, но он был прагматичным и сильным государем, и благодаря его расчетливому, тесному союзу с Нур-ад-Дином, Мараш — этот великий город, лежавший на стыке Киликии и Сирии — вернулся под власть христиан¹⁵⁷³.

Падение Тарса и пленение дуки Константина Коломана сломило сопротивление ромеев. Как об этом писал Ибн аль-Асир, после пленения Коломана «силы Млеха возросли, а румы потеряли всякую надежду на повторное завоевание той страны»¹⁵⁷⁴. Однако примерно в это же время новое и намного более успешное наступление против Млеха Рубенида было инициировано франкскими вассалами империи — князем Боэмундом III Антиохийским и королем Амори I Иерусалимским. Первыми в войну вступили антиохийские франки, т. к. северные области их княжества были завоеваны Млехом, что привело к постоянным набегам и ответным рейдам. Вскоре после пленения Коломана князь Боэмунд III Антиохийский начал полномасштабную войну против Млеха I Рубенида, хотя вряд ли его силы были достаточными для полноценного противостояния. Согласно хронике Гильома: «Князь Антиохийский и бароны его земли, видя наглость этого мужа и его ярость против христиан, подняли против

¹⁵⁷¹ Ibn al-Athir. *Al-Kamil fi al-Tarikh*... P. 588—589.

¹⁵⁷² Никита Хониат. Указ. соч. — Книга IV, гл. 5, С. 152.

¹⁵⁷³ В XIII в. Мараш еще несколько раз будет переходить из рук в руки — от армян к анатолийским тюркам, мамлюкам и вновь — к армянским государям. В 1208 г. город был отбит у короля Левона I Рубенида румским султаном Кей-Хосровом I, но спустя полвека король Хетум I, при помощи монголов, вернул Мараш в состав Киликийской Арменнии. На рубеже XIII-XIV вв. город был razoren мамлюками, но король Хетум II смог, хоть и на краткий, пятилетний период (1299—1304 гг.) вернуть Мараш под власть христиан, прежде чем он окончательно перешел к мусульманам.

¹⁵⁷⁴ Ibn al-Athir. *Al-Kamil fi al-Tarikh*... P. 589.

него оружие, невзирая на опасность положения, когда верные выступают против тех, кто исповедует ту же веру, (...) и брань становится междоусобной. Тем не менее, они не могли закрыть глаза на злодеяния, причиненные братьям (т. е. державшими северные фьефы тамплиерами. — С. Б.), и война против этого врага была провозглашена открыто»¹⁵⁷⁵. Под «открытым провозглашением» войны Гильом, очевидно, подразумевает, что Патриарх Амори де Лимож благословил князя Боэмунда III и антиохийское рыцарство для войны с Млехом и киликийскими армянами. Вскоре к войне присоединился и король Амори I Иерусалимский.

Как повествует Гильом Тирский, король Амори I «с войсками и свитой выступил в Антиохию», где Боэмунд III «князь Антиохийский уже поднял оружие» против Млеха¹⁵⁷⁶. С прибытием войск короля Амори, антиохийские и иерусалимские франки смогли начать совместное наступление вглубь Киликии. Млех был разбит франками и осажден армией Амори I и Боэмунда III в одной из киликийских крепостей. Согласно хронике Михаила Сирийца, «король Иерусалимский, прослышав о злодеяниях, которые Млех, князь Киликии, чинил христианам, пошел на него войной. Тот, в свою очередь, обратился к тюркам, которые пришли к нему на помощь. Противники сошлись в сражении, и Господь, по своей милости, содействовал королю, который и одержал победу. Тюрки отступили, а Млех укрылся в одной из своих крепостей. Король осадил эту крепость и начал приступ, а Млех, доведенный до отчаяния, проявил раскаяние, попросил пощады и покорился королю»¹⁵⁷⁷. Захваченные замки и земли в горах Аманоса были возвращены тамплиерам и Антиохийскому князю. Тарс вернулся под власть ромеев. Этот поход франков, во многом, сломил силы Млеха Рубенида. Не прошло двух лет, как Млех был убит в своей столице — Сисе в результате заговора киликийских баронов. Мятежники призвали на престол племянника Млеха и Тороса II — Рубена III. И, несмотря на то, что Рубен III жестоко покрал виновников убийства своего дяди, он остался неоспоримым правителем государства Рубенидов, причем правителем, в достаточной мере дружелюбно настроенным в отношении франков¹⁵⁷⁸.

¹⁵⁷⁵ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XX, c. 26, P. 991.

¹⁵⁷⁶ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XX, c. 26, P. 991.

¹⁵⁷⁷ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XIX, c. 6, P. 337.

¹⁵⁷⁸ Историю убийства Млеха и призвания на престол Рубена III передана в хрониках Смбата Спарапета и Бар Эбрея. При этом, сирийский хронист говорит о жестокой

**Бодуэн Антиохийский и франкская кавалерия
в битве у Мириокефала (1176 г.)**

Если же вернуться к теме служения антиохийских франков в рядах ромейской армии, то не стоит забывать и о том, что в сентябре 1176 г. контингент франкской кавалерии, под командованием Бодуэна де Пуатье — младшего брата князя Боэмунда III Антиохийского принял участие в последнем великом сражении императора Мануила I Комнина — злосчастной для ромеев битве при Мириокефале. Тогда Бодуэн Антиохийский, командовавший войсками на правом фланге императорской армии, предпринял единственную серьезную попытку сбить сельджукские войска с господствующих высот, окружавших ущелье Мириокефала. Отчаянная конная атака антиохийских рыцарей и франкских наемников имела плачевный исход; франкская конница не смогла пройти по крутым склонам и была в буквальном смысле слова задавлена спускавшимися сельджуками. Бодуэн погиб, возглавив последнюю контратаку своих рыцарей. Подробное описание этой атаки и гибели Бодуэна де Пуатье оставил Никита Хониат: «персы, спустившись с высоты вниз и с холмов в долины, большой массой напали на них, отважно вступили с ними в бой и, разорвав их ряды, обратили в бегство войско Бодуэна, многих ранили и немало убили. Тогда Бодуэн, видя, что его дела дурны и что его войска не в силах пробиться сквозь ряды врагов, теснимый отовсюду, взяв несколько всадников, врывается в персидские фаланги; но, окруженный врагами, он и сам был убит, и все бывшие с ним пали, совершив дела мужества и показав пример храбрости»¹⁵⁷⁹. После смерти Бодуэна и его кавалерии ромейская армия фактически распалась. Лишь в последний момент Мануил I Комнин смог, во главе оставшихся войск, вырваться из окружения. Поход 1176 г. стал последней ромейской кампанией, в которой принимали бы участие антиохийские франки.

Правда, на рубеже 1176—1177 гг. Мануил I Комнин снарядил еще одну франко-византийскую экспедицию, направленную против

расправе Рубена III над даровавшими ему престол убийцами Млеха. Согласно хронике Бар Эбрея, Рубен III «казнил убийц своего дяди Млеха, ибо они не удостоили его погребения и бросили его тело собакам». См. Bar Hebraeus. Chronography... — P. 352; Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 191—192.

¹⁵⁷⁹ Никита Хониат. Указ. соч. — Книга VI, гл. 3, С. 194.

Александрии и Египта. «История...» Иоанна Киннама обрывается на описании того, как василевс, готовя войну против Кылыч-Арслана II, параллельно направил «флот из полутораста кораблей в Египет». При этом Киннам отмечает, что «войска на флоте было меньше, чем сколько требовалось для покорения Египта»¹⁵⁸⁰. Гильом Тирский говорит о том, что в 1177 г. в гавань Акры вошел византийский флот из 70 кораблей, под командованием Андроника Ангела¹⁵⁸¹. Однако из-за феодальных распрей в Иерусалимском королевстве и неготовности короля Бодуэна IV Прокаженного поддержать поход, атака на Египет так и не состоялась. Это был последний случай в истории, когда византийский флот выходил бы к Египту¹⁵⁸². Однако этот несостоявшийся поход (как и ранее проведенная совместно с королем Амори I египетская экспедиция 1169 г.), уже не имел отношения к Антиохии и сирийским землям.

III. Прецеденты обращения к арбитражу и протекции ромейского василевса со стороны сирийских франков

Ранние прецеденты: Бодуэн Марашский (1138 г.), Раймонд де Пуатье (1145 г.), Беатриса Эдесская (1150 г.), Констанция Антиохийская и Патриарх Амори (1149—1158 гг.)

Другим проявлением византийского сюзеренитета следует считать прецеденты апеллирования светской и церковной власти франкской Сирии к ромейскому василевсу. Одним из первых, среди сирийских франков, к поддержке и защите ромейского василевса обратился граф Мараш и Кайсуна — Бодуэн. Весной 1138 г. он направил находившемуся в Киликии императору Иоанну II Комнину

¹⁵⁸⁰ Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга VII, гл. 3, С. 333.

¹⁵⁸¹ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XXI, c. 16, P. 1030—1031.

¹⁵⁸² Александрия пала перед армиями ислама в ноябре 641 г. В 645 г., в правление императора Константа II, ромей вновь заняли Александрию, но в следующем, 646 г., арабы отбили город. Спустя восемь лет, в 654 г. император Констант II снарядил еще одну экспедицию в Египет, однако на этот раз ромейский флот не смог даже кратковременно занять Александрию. Со времен Константа II и вплоть до правления Мануила I Комнина, т. е. на протяжении более чем четырех веков, ни один византийский василевс не предпринимал серьезных попыток завоевать Египет или, по крайней мере, атаковать города Нильской дельты.

«коленипреклонную мольбу» о помощи, призвав своего византийского сюзерена к осажденному тюрками Кайсуну¹⁵⁸³. В 1145 г. князь Раймонд де Пуатье, во время своего путешествия в Константинополь, просил Мануила I Комнина оказать военную и экономическую поддержку сирийским франкам, и василевс обещал, что «прибудет на помощь христианам»¹⁵⁸⁴. Спустя пять лет, в 1150 г., графиня Беатриса Эдесская, очевидно, опираясь на предшествующие договоры своего супруга — Жослена II с Ромейской державой, вступила в переговоры с василевсом, которые завершились продажей земель Эдесского графства империи¹⁵⁸⁵.

Примерно в то же время (1149—1150 гг.), после гибели князя Раймонда де Пуатье и его баронов в битве при Инабе, княгиня Констанция Антиохийская взывала к защите и покровительству императора Мануила I Комнина. Согласно «Краткой истории» Иоанна Киннама «по смерти антиохийского князя Раймонда, супруга его Констанция тотчас и себя, и антиохийские дела вверила василевсу»¹⁵⁸⁶. Неизвестно, в чем именно выражалось это «вверение антиохийских дел» императору, но можно предположить, что Констанция подтвердила оммаж Мануилу, надеясь заручиться его поддержкой перед лицом агрессии эмира Нур-ад-Дина. Очевидно, что в период самостоятельного правления княгини Констанции и регентства Патриарха Амори (1149—1153 гг.), Антиохийское княжество продолжало поддерживать контакты с Византией. Стоит обратить внимание на то, что именно в Антиохию, после своего разгрома у стен Мамистры (в 1152 г.), бежал ромейский дук Киликии — Андроник Комнин. Можно предположить, что в пределах княжества нашли убежище и часть разбитого киликийскими армянами ромейского войска. Во всяком случае, именно в Антиохии Андроник смог оправиться от катастрофического поражения и, через земли Антиохийского княжества и византийского Кипра, вернуться в Константинополь¹⁵⁸⁷. В 1158 г. к защите василевса Мануила I Комнина взывал и латинский Патриарх Антиохии — Амори де Лимож. Будучи зверски избитым по приказу

¹⁵⁸³ Mathieu D'Edesse. *Op.cit.* — с. 253, Р. 322. Подробнее, см. выше: Книга I, гл. 3, С. 100—105.

¹⁵⁸⁴ Michel le Syrien. *Op.cit.* — Vol. III, Lib. XVI, с. 4, Р. 267.

¹⁵⁸⁵ См. выше: Книга I, гл. 4, С. 100—105.

¹⁵⁸⁶ Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга IV, гл. 17, С. 196.

¹⁵⁸⁷ Подробнее, см. Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга III, гл. 14—15, С. 135—136.

Рено де Шатильона (ок. 1154—1155 гг.), Патриарх Амори покинул пределы Антиохийского княжества и отбыл в Иерусалим, откуда неоднократно писал к ромейскому василевсу, стремясь заручиться его поддержкой; во время восточного похода императора Мануила (1158 г.), Патриарх Амори даже предлагал выдать ромеям князя Рено. По словам Иоанна Киннама, Патриарх Амори «уже не раз посылал к василевсу и предлагал ему выдать этого человека (т. е. Рено). Но василевс не соглашался на его предложение (потому что хотел победить Ренальда скорее войною, чем коварством)»¹⁵⁸⁸.

*Пленение Рено де Шатильона. Роль ромейского василевса в борьбе между
Констанцией Антиохийской и Бозмундом III (1160—1163 гг.)*

В ноябре 1160 г., во время дальнего рейда по землям к северо-востоку от Антиохийского озера, князь Рено был взят в плен сарацинами. Причем здесь стоит отметить, что этот рейд князя Рено был в равной степени направлен как против кочевавших между Тавром и Евфратом туркменских племен, так и против христианских (сирийских и армянских) поселений, плативших дань местным мусульманским правителям. Гильом Тирский пишет о том, что территории, разоренные князем Рено, населяли «лишь христиане, армяне и сирийцы, пасшие стада и возделывавшие землю»¹⁵⁸⁹. Пресвитер Григорий упрекает Рено в том, что тот разорил владения армянского католикоса, лежавшие у крепости Дзовк¹⁵⁹⁰. Когда груженный обильной добычей и гнавший похищенные стада отряд князя Рено возвращался к рубежам Антиохийского княжества, он был встречен войсками Мадж-ад-Дина, атабека эмира Нур-ад-Дина, шедшего наперерез франкам. Под началом князя Рено, согласно хронике Пресвитера Григория, находилась 1,000 конных и пеших воинов, и численное преимущество было на стороне сарацин. Причем, когда войска Мадж-ад-Дина обрушились на Рено, князь встретил их лишь во главе авангарда, состоявшего из 300 рыцарей и конных сержантов. Рено, естественно, оказал тюркам яростное сопротивление; сражение унесло жизни более чем четырехсот человек. Однако, в конечном итоге, князь был пленен, а остатки его войска — рас-

¹⁵⁸⁸ Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга IV, гл. 18, С. 200—201.

¹⁵⁸⁹ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVIII, c. 28, P. 868.

¹⁵⁹⁰ Grégoire le Prêtre. Op.cit. — P. 198.

сеяны¹⁵⁹¹. Причем и Пресвитер Григорий, и Гильом Тирский говорят об «неслыханных оскорблениях» и «актах бесчестья», которые князь Рено перенес от захвативших его тюрок, что наводит на мысль о худших надругательствах, которые мужчина может перенести в плену¹⁵⁹². И это в полной мере объясняет ту ненависть, которую Рено питал к мусульманам до конца своих дней, когда он, спустя двадцать семь лет, вновь оказался в мусульманском плену и открыто дерзил Салах-ад-Дину, за что был лично убит султаном. Между тем, осенью 1160 г. князь Рено был доставлен к Нур-ад-Дину и заключен в цитадель Алеппо; его пребывание в плену продлилось больше шестнадцати лет.

С пленением князя Рено между княгиней Констанцией Антиохийской и ее старшим сыном Боэмундом III завязалась борьба за княжеский престол. Высокая палата Антиохии, под председательством иерусалимского короля Бодуэна III, приняла решение, что настала пора передать власть молодому Боэмунду III, при временном регентстве Патриарха Амори де Лиможа¹⁵⁹³. Вскоре в Антиохию прибыло византийское посольство во главе с Иоанном Контостефаном. Основной целью посольства было заключение помолвки между василевсом и одной из латинских принцесс, о чем мы уже писали выше. Гильом Тирский прямо не говорит о вмешательстве послов василевса в борьбу за Антиохийский престол, однако связь между этими событиями очевидна. Посольство Иоанна Контостефана прибыло в Антиохию примерно в одно время с решением короля и антиохийских баронов передать княжеский престол Боэмунду III и доверить регентство латинскому Патриарху. И вопреки решению Высокой палаты, о котором пишет Гильом, на протяжении последующих двух лет (1161—1163 гг.) княгиня Констанция оставалась у власти, отстранив своего совершеннолетнего сына от управления княжеством¹⁵⁹⁴. Гильом ничего

¹⁵⁹¹ Наиболее подробное описание этого сражения и пленения князя Рено оставляет Пресвитер Григорий. См. Grégoire le Prêtre. Op.cit. — P. 198.

¹⁵⁹² Grégoire le Prêtre. Op.cit. — P. 198; Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVIII, c. 28, P. 869.

¹⁵⁹³ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVIII, c. 30, P. 872—873.

¹⁵⁹⁴ Подобной трактовки событий придерживаются, в частности, Рансимен и З. Ольденбург. См. Runciman S. A History of the Crusades... Vol. II, Book III, c. 3, P. 360; Oldenbourg Z. Les Croisades. — Paris, 2009. — P. 552—553. Подробнее об этой борьбе княгини Констанции, так же как и о мятеже ее матери — Алисы, и об аналогичной борьбе иерусалимской королевы Мелисанды с ее совершеннолетним сыном Бодуэном III, см. Брюн С.П. Власть и общественное положение франкской женщины на Латинском Востоке... С. 201—205.

не говорит о подобном развитии событий, но об этом прямо пишет современник Гильома Тирского, источник не менее надежный (по крайней мере, в отношении истории Антиохии), а именно — Михаил Сириец. Согласно хронике сиро-яковитского Патриарха, «после того, как Рено был взят в плен тюрками и заключен в Алеппо, его жена, которой принадлежала Антиохия, унаследованная ей от отца, приняла власть над городом и правила им, как полноправная государыня. У нее был сын, который уже достиг совершеннолетия, но не был допущен к власти, что вызвало раздражение у властителей той страны»¹⁵⁹⁵.

В 1163 г. юный Боэмунд III вновь вступил в борьбу за княжеский престол. Княгиня Констанция по-прежнему пользовалась поддержкой василевса Мануила I Комнина. Более того, чувствуя угрозу своему положению, она обратилась к императору с просьбой прислать в Антиохию контингент ромейских войск. Против Констанции выступила мощная партия сторонников Боэмунда III; подавляющее большинство антиохийских баронов, Патриарх Амори де Лимож и князь Торос II Рубенид, который прибыл в Антиохию со своими войсками. Констанция была изгнана из Антиохии, в то время как в кафедральном соборе Св. Петра, в присутствии киликийского князя и антиохийских баронов, Патриарх Амори совершил инвеституру и помазание князя Боэмунда III. Как об этом писал Михаил Сириец, «Столкнувшись с оппозицией баронов, она (Констанция) призвала царя греков, который был ее зятем, прийти на помощь, обещая передать ему город. Когда Патриарх и бароны узнали об этом, они призвали Тороса Киликийского. Тот прибыл в Антиохию и изгнал королеву из города, подтвердив права ее сына на престол»¹⁵⁹⁶.

Очевидно, что среди латинян Антиохии еще существовало острое неприятие идеи усиления византийского влияния, и если у антиохийских баронов был выбор, то они предпочитали обращаться за помощью к королю Иерусалимскому, а не ромейскому василевсу. Так, спустя год, когда молодой князь Боэмунд III попал в плен к сарацинам (в 1164 г.), антиохийские франки призвали в город короля Амори I Иерусалимского, которому и доверили регентство. Подобные действия не могли не вызывать императорского гнева и вполне вероятно, что Мануил I Комнин

¹⁵⁹⁵ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVIII, c. 10, P. 324.

¹⁵⁹⁶ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVIII, c. 10, P. 324. Эти же слова в точности повторяет, в своей «Хронографии» и Бар Эбрей. Bar Hebraeus. Chronography... — P. 329.

готовился к решительным действиям, призванным обуздать его антиохийских вассалов. Эти настроения, царившие при императорском дворе, передает Иоанн Киннам: «антиохийцы, будучи по природе вероломны, пришли в Палестину к Бодуэну (ошибка Киннама, здесь речь идет уже об Амори I. — С. Б.) и добровольно вверили ему власть над собой и над своим городом. Но король, зная, что этот город подвластен василевсу, счел нужным, как сказано, сперва спросить его о нем. Василевс отвечал ему: „Просьба о браке, так как тебе угодно заискивать наше благорасположение, будет в непродолжительном времени исполнена; что же касается до Антиохии, то она как издревле была данницей римлян, так и ныне подвластна нашей державе, — и ни ты, пока мы живы, ни кто другой не может управлять ею. А антиохийцы скоро получат от нашего величества возмездие за свою неверность римлянам и тогда почувствуют, кого дерзнули они оскорбить“»¹⁵⁹⁷. Однако последующее развитие событий не только предотвратило какую-либо конфронтацию, но более того — укрепило связи империи с княжеством Антиохийским. Несмотря на то, что князь Боэмунд III Антиохийский вззошел на престол благодаря победе антивизантийской партии, его правление ознаменовало пик сближения Антиохийского княжества с Ромейской державой. Уже в 1165 г. он совершил путешествие в Константинополь, где лично принес оммаж своему сюзерену и сородичу — Мануилу¹⁵⁹⁸. Король Амори I Иерусалимский, как уже говорилось, взял в жены внучатую племянницу василевса и, в 1171 г., также лично принес оммаж Мануилу I Комнину, совершив аналогичное путешествие в Константинополь.

IV. Военная, дипломатическая и экономическая поддержка Антиохии и франков Сирии со стороны Мануила I Комнина и державы ромеев

Важнейшей составляющей византийского сюзеренитета над Антиохией следует считать ту военную, дипломатическую и экономическую поддержку, которую император Мануил I Комнин оказывал сирийским франкам. В первую очередь, это касается и прямого участия ромейских контингентов в войнах, которые франкские государи

¹⁵⁹⁷ Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга V, гл. 13, С. 263.

¹⁵⁹⁸ Подробнее, см. ниже.

вели против сирийских мусульман. Первым подобным прецедентом, опять же, стал поход императора Иоанна II Комнина, предпринятый весной 1138 г. совместно с князем Раймондом Антиохийским и графом Жосленом II Эдесским. Невзирая на его печальный исход, сирийские франки смогли вернуть утраченные ранее города и крепости, такие как Бизаа, Кафартаб, Маарат ан-Нуман и Аль-Атариб. Однако ромейские кампании на землях франкской Сирии, имевшие место в правление императора Мануила I Комнина, имели уже совершенно иное значение. Василевс не пытался отвоевать мусульманские земли для переселения туда латинян из Антиохии; напротив, Мануил стремился оказать военную поддержку сирийским франкам, всячески способствуя укреплению вассального княжества Антиохийского и соседствующего с ним графства Триполи.

Ромейское участие в обороне графства Триполи.

Битва у Крака де Шевалье (1163 г.)

В 1163 г. ромейские войска, под командованием дуки Киликии — Константина Коломана, прибыли в Триполи для отражения вторжения эмира Нур-ад-Дина. Летом этого года аскар Нур-ад-Дина вошел на земли Триполийского графства и осадил Крак де Шевалье — важнейший оплот франков в долине Бекаа и среднем Ливане. Положение Крака — а соответственно, и христианского господства к востоку от ливанского хребта — было критическим. Замок не был еще превращен в тот шедевр средневековой фортификационной архитектуры, который сохранился до наших дней. Граф Раймонд III Триполийский направлял соседним христианским государям отчаянные призывы о помощи. Ни антиохийские рыцари, ни король Иерусалимский не успели вовремя собрать войска для поддержки триполийского графства. К стенам Триполи успели подойти лишь войска французских крестоносцев, которых вели граф Гуго VIII де Лузиньян и Жоффруа Мартел и ромейские контингенты, направленные василевсом под началом дуки Константина. Причем, исходя из срочности призывов Раймонда III и опасности положения, войска Коломана прибыли в Триполи по морю, погрузившись на корабли в портах Киликии и миновав околный сухопутный путь через

Александретту, Аманос, Антиохию и приморские города Сирии¹⁵⁹⁹. Конечно же, нельзя не напомнить, что всего лишь за год до этих событий, в 1162 г., граф Раймонд III и его триполийские рыцари разорили византийский Кипр. Однако уже в 1163 г. на помощь Триполийскому графству пришли ромейские войска. Это вновь доказывает, что василевс Мануил готов был пожертвовать интересами империи ради укрепления христианского присутствия на Востоке. Он оказал помощь (причем помощь крайне своевременную) государю, который всего за год до этого разорял византийские поселения и монастыри¹⁶⁰⁰.

Итак, когда силы графа Триполи и его вассалов, французских крестоносцев и ромеев, были собраны, объединенная христианская армия, под началом графа Раймонда III, графа Гуго VIII де Лузиньяна, Жоффруа Мартела и дуки Константина Коломана выступила на восток — к долине Бекаа и стенам Крака де Шевалье. Тогда войска христиан нанесли Нур-ад-Дину одно из самых тяжелых поражений, практически полностью разгромив его армию у стен осажденного Крака. Как об этом вспоминал Гильом Тирский, «Нур-ад-Дин, находясь неподалеку от Триполи, велел своей армии встать лагерем в указанном месте (т. е. у стен Крака де Шевалье. — С. Б.), позволив своим воинам и ополченцам отдохнуть. В это самое время его армии был нанесен сокрушительный удар; многие его воины были захвачены в плен, еще большее количество — предано мечу, и так почти все его войско подверглось уничтожению. Сам он, бросив все свое имущество, босоногий, бросился на спину одной из ближайших лошадей и бежал, едва избежав плена. Наши же воины, обогатившись за счет многочисленных сокровищ и трофеев, ставших достойной добычей победителей, возвратились в свои дома»¹⁶⁰¹. Другой современник этого сражения — Михаил Сириец, оставляет не менее яркое описание: «В один из дней осады, в полдень, когда тюркские воины отдыхали в своих палатках, у лагеря внезапно появились кресты и знамена франков, которые стремительно продвигались вперед, вселяя ужас и захватывая тюрков. Как рассказывают, когда Нур-ад-Дин увидел знамена франков, он выбежал из своей палатки в одной рубашке и бросился к своей лошади, которая, как обычно, стоя-

¹⁵⁹⁹ О том, что ромейские войска пришли в Триполи «по воде», говорит Кемаль ад-Дин. См. Kemal ad-Din. *Histoire d'Alep* // ROL III. — P. 534.

¹⁶⁰⁰ На это особое внимание обращает Рене Груссе. См. Grousset R. *Histoire des croisades et du royaume franc de Jerusalem*. Vol. II. — P. 434.

¹⁶⁰¹ Guillaume de Tyr. *Op.cit.* — Lib. XIX, c. 8, P. 894—895.

ла на привязи. Некий курд подбежал к Нур-ад-Дину и успел перерезать привязь его коня, благодаря чему эмир смог бежать с поля боя и спастись. Франки же схватили того курда и убили его. В тот день они предали мечу великое множество тюрок, а уцелевших — заковали в цепи и доставили в Триполи»¹⁶⁰². Описывая битву у стен Крака, Ибн аль-Асир, особо отмечает действия ромейских войск «греческого Аль-Дуки», т. е. Константина Коломана. По словам арабского хрониста, «эти люди сражались так, словно желали, чтобы Аллах видел их доблесть и рвение»¹⁶⁰³. Фактически, это был второй случай в истории, когда франки смогли полностью разгромить аскар эмира Нур-ад-Дина на поле боя¹⁶⁰⁴.

Битва при Хариме (1164 г.)

В следующем году объединенная армия сирийских франков, ромеев, киликийских армян и французских крестоносцев вновь выступила против Нур-ад-Дина. Эмир Алеппский на удивление быстро оправился после поражения у стен Крака. Летом 1164 г. его аскар вошел в пределы княжества Антиохийского и осадил Харим — один из последних оплотов антиохийских франков на восточном берегу Оронта¹⁶⁰⁵. Согласно хронике Гильома Тирского, Нур-ад-Дин «поставил свои осадные орудия в должном порядке и атаковал город со всей яростью, не давая жителям покоя»¹⁶⁰⁶. Молодой, едва пришедший к власти

¹⁶⁰² Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVIII, c. 10, P. 324.

¹⁶⁰³ Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... P. 531.

¹⁶⁰⁴ Первым серьезным поражением Нур-ад-Дина была битва при Йагре (1148 г.), когда он был разбит князем Раймондом Антиохийским. См. выше: Книга I, гл. 4, С. 100—105. Проигранное Нур-ад-Дином сражение при Айнтабе (1150 г.) завершилось планомерным отступлением, а не разгромом, и тем более — не бегством его аскара. В то же самое время, победы над князем Раймондом Антиохийским в сражении при Инабе (1149 г.) и королем Бодуэном III Иерусалимским в битве в долине Хула (1157 г.), и конечно же, разрушительные рейды и завоевания эдесских, антиохийских и триполийских территорий, упрочили репутацию Нур-ад-Дина как главного военачальника джихада и наиболее опасного противника франков.

¹⁶⁰⁵ Харим был потерян франками после битвы при Инабе (1149 г.) но возвращен в состав Антиохийского княжества в 1158 г., благодаря энергичной кампании князя Рено де Шатильона и короля Бодуэна III Иерусалимского.

¹⁶⁰⁶ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XIX, c. 9, P. 896.

князь Боэмунд III Антиохийский был полон решимости снять осаду и остановить вторжение Нур-ад-Дина. Боэмунд III объявил арьер-бан своим вассалом и направил призыв о помощи соседним христианским государям. На призывы молодого князя Антиохийского откликнулся его сородич и ближайший союзник — граф Раймонд III Триполитский, французские крестоносцы графа Гуго VIII де Лузиньяна, но также ромейский дука Киликии — Константин Коломан и «властитель гор» Торос II Рубенид. Как об этом писал современник этих событий, прецептор ордена тамплиеров Жоффруа Фульхерий: «Князь Боэмунд, мужественно начавший свое княжение, решил прийти на помощь своим братьям и подданным, призвав графа Триполи, господина Тороса, дуку Мамистры и многочисленных братьев нашего ордена. Он собрал великое множество рыцарей, туркополов и пехотинцев; никогда еще в наше время и в тех краях против язычников не собиралась столь великолепная армия христиан»¹⁶⁰⁷. Численность христианского войска достигала 13,000 человек. Михаил Сириец говорит о том, что князь Боэмунд III и другие предводители вели за собой «тринадцать тысяч всадников и пехотинцев»¹⁶⁰⁸. Жоффруа Фульхерий приводит сходную, но еще более точную численность — 600 рыцарей и 12,000 пеших воинов.

Армия франков, ромеев и армян, собравшись у Антиохии, перешла через Железный Мост и, продвигаясь по восточному берегу Оронта, выступила к Хариму. При приближении армии христианских князей, эмир Нур-ад-Дин немедленно снял осаду и начал планомерное отступление. Отступление Нур-ад-Дина, в свою очередь, немедленно спровоцировало яростное и неорганизованное преследование христианской кавалерии; более шести сотен рыцарей и конных сержантов, во главе с юным князем Боэмундом III, графом Раймондом III и Константином Коломаном, ринулись в атаку. Рвение этих христианских князей вполне объяснимо. Дука Константин и граф Раймонд III были окрылены своей прошлогодней победой у стен Крака де Шевалье; молодой князь Боэмунд III Антиохийский, впервые шедший во главе столь многочисленной армии, был наверняка побуждаемым желанием отомстить Нур-ад-Дину за смерть своего

¹⁶⁰⁷ Gaufredi Fulcherii, procuratoris militiae Templi. Ad Ludovicum // RHGF 16. — Paris, 1878. — №195, P. 60.

¹⁶⁰⁸ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVIII, c. 10, P. 324.

отца — Раймонда де Пуатье. Не поддались этому яростному порыву лишь армянские войска Тороса II Рубенида¹⁶⁰⁹. Нур-ад-Дин, в свою очередь, разделил свой аскар на две части; часть войска со всей возможной скоростью отступала открыто, завлекая франкскую и ромейскую конницу, часть — отошла на безопасное расстояние и изготовилась для удара по оставленной без прикрытия массе франкских, армянских и ромейских пехотинцев. Вскоре христиане оказались зажатыми между болотами, тюркскими лучниками и перегруппировавшимся аскаром Нур-ад-Дина.

Есть редкая возможность прочитывать то, что писал о полководческих промахах государей Антиохии и Триполи их собрат и современник — король Амори I Иерусалимский. В своем послании, обращенном к королю Людовику VII Молодому, Амори I говорит о том, что, «не удовлетворившись великой Божией милостью (т. е. отступлением армии Нур-ад-Дина от осажденного Харима. — С. Б.), князь и граф самонадеянно преследовали врага, дойдя до местности, которую сама природа сделала неприступной; и там они были пленены. Вся армия была либо пленена, либо перебита»¹⁶¹⁰. По словам тамплиера Жоффруа Фульхерия, «12 августа они атаковали и обратили в бегство врагов Креста, но те, в силу своей многочисленности, продолжали сопротивляться; они остановили нас и прорвали наши ряды. Они пленили князя и графа, хотя многие при этом и пали от меча»¹⁶¹¹. Согласно «Истории атабеков Мосула» Ибн аль-Асира, увлеченная преследованием «христианская кавалерия, не решаясь продвигаться слишком далеко, повернула, чтобы защитить свою пехоту; но когда они прибыли на место, рыцари увидели, что их пехота распростерта на земле и уже купается в собственной крови. Пораженные этим зрелищем, рыцари повесили головы и утратили былую гордость. Когда они оправились, мусульмане, которые до этого отступали, повернули и напали с новой силой. Враги оказались зажатыми между двумя частями аскара, окруженными со всех сторон. Бой становился все жарче; предводители и подчиненные, все уже принимали участие в сражении. Франки сражались как люди, которые, невзирая на храбрость, не рассчитывают уже на свое

¹⁶⁰⁹ Об этом, в частности, упоминает Гильом Тирский. См. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XIX, c. 9, P. 897.

¹⁶¹⁰ Amalrici, Regis Hierosolymitani. Epistolae ad Ludovicum // RHGF 16. — Paris, 1878. — №243, P. 79.

¹⁶¹¹ Gaufredi Fulcherii. Op.cit. — №195, P. 60.

спасение. Они бились, как мужи, отчаявшиеся и простившиеся с жизнью. Бой был настолько яростным и сдавленным, что копья оказались бесполезными и дело было предоставлено мечам. Войска Ислама обрушились на франков, как соколы на добычу, разрывая их на части и бросая, как растерзанные лохмотья»¹⁶¹².

Армия христианских государей Сирии и Киликии была частью пленена, но большей частью — перебита. Ибн аль-Асир говорит о том, что на поле боя осталось до 10,000 убитых франков и румов¹⁶¹³. Жоффруа Фульхерий, в своем послании к королю Людовiku VII, с горестью констатировал, что «из шести сотен рыцарей и двенадцати тысяч пехотинцев практически никто не вернулся»¹⁶¹⁴. Среди пленных, попавших в руки Нур-ад-Дина и доставленных в цитадель Алеппо, был сам князь Боэмунд III Антиохийский, а также граф Раймонд III Триполлийский, дукa Константин Коломан, графы Гуго VIII де Лузиньян и Жослен III Эдесский¹⁶¹⁵. Единственными военачальниками, избежавшими пленения, были Торос II и его брат Млех, не участвовавшие в преследовании и потому успевшие вовремя прорваться с поля боя.

¹⁶¹² Ibn al-Athir. *Histoire des Atabecs de Mosul*... P. 223.

¹⁶¹³ Ibn al-Athir. *Histoire des Atabecs de Mosul*... P. 223.

¹⁶¹⁴ Gaufredi Fulcherii. *Op.cit.* — №195, P. 60.

¹⁶¹⁵ Существуют некоторые разночтения насчет того, кто в этот период был сеньором Харима и когда именно Жослен III попал в плен Нур-ад-Дином. Михаил Сириец сообщает о том, что в 1158 г. Жослену III был передан Харим, откуда тот совершал рейды по землям Алеппского эмирата, желая отомстить за участь своего отца. См. Michel le Syrien. *Op.cit.* — Vol. III, Lib. XVIII, c. 5, P. 316. Но при этом сиро-яковитский Патриарх говорит и о том, что в 1160 г., во время одного из этих рейдов, Жослен III был взят в плен и умер в заключении, так же как и его отец. А, как известно, Жослен III благополучно пережил свой долгий плен и в 1176 г. получил свободу. В хронике французского аббата Робера де Торины есть упоминание о том, что Харим был отдан, в качестве фьефа, западному барону — Роберу де Сен-Валери. См. Delisle L. ed. *Chronique de Robert de Torigni, abbé de Mont-Saint-Michel*. — Rouen, 1872. — Tome I, P. 316. Это упоминание дало основание некоторым авторам (в т. ч. и Рансимену) считать, что в 1164 г. сеньором Харима был Робер де Сен-Валери. См. Runciman S. *A History of the Crusades*... Vol. II, Book III, c. 4, P. 369. Однако если отталкиваться от упоминаний о том, что Харим был отдан Жослену III, и что титулярный граф Эдессы оставался на свободе и участвовал в битве 12 августа 1164 г., то неминуемо приходится констатировать, что Харим, вероятно, оставался фьефом Жослена III вплоть до своего окончательного перехода к мусульманам в 1164 г. Участие и пленение Жослена III в битве при Хариме (1164) не вызывает сомнений, т. к. об этом пишет и Ибн аль-Асир, и Гильом Тирский (лично знавший Жослена III). См. Ibn al-Athir. *Histoire des Atabecs de Mosul*... P. 223; Guillaume de Tyr. *Op.cit.* — Lib. XIX, c. 9, P. 897.

*Роль Ромейской империи в сохранении и восстановлении княжества
Антиохийского после катастрофы у Харима (1164—1165 гг.).*

*Выкуп князя Боэмунда III Антиохийского; его прибытие
в Константинополь и оммаж василевсу (1165 г.)*

Битва при Хариме может по праву считаться поражением, столь же катастрофическим для княжества Антиохийского, сколь битва при Хаттине (1187 г.) оказалась для королевства Иерусалимского. В 1164 г. Антиохийское княжество оказалось без своего князя и рыцарства перед неуклонно возрастающей мощью Нур-ад-Дина. Но если в 1187 г. потерявшее своего монарха и армии Иерусалимское королевство пало под натиском армии Салах-ад-Дина, то в 1164 г. оказавшаяся в аналогичном положении франкская Антиохия была спасена мощью своего сюзерена — Ромейской державы. В 1149 г., после разгрома антиохийских франков, гибели князя Раймонда де Пуатье и Рено Марашского в битве при Инабе, Нур-ад-Дин пересек Оронт, осадил Антиохию и дотла разорил центральные земли княжества (в том числе Лавру Св. Симеона и другие обители Дивной горы). Тогда положение княжества было спасено лишь своевременным прибытием армии короля Бодуэна III Иерусалимского. В 1164 г., когда княжество Антиохийское уже прочно связало свою судьбу с Византией, Нур-ад-Дин наотрез отказался штурмовать фактически беззащитную Антиохию, ограничившись завоеванием Харима и последних христианских оплотов на восточном берегу Оронта; направленная им тюркская конница совершила лишь несколько дальних рейдов по предместьям франкской столицы, гавани Св. Симеона и Латакии, после чего вернулась на Восток¹⁶¹⁶.

Главной причиной этого нежелания Нур-ад-Дина предпринять решительное наступление против Антиохии и пожать плоды одной из величайших своих побед, был страх возмездия со стороны императора Мануила I Комнина. В «Истории атабеков Мосула» Ибн аль-Асир приводит слова Нур-ад-Дина, данные в ответ на призывы его военачальников идти и штурмовать Антиохию: «Город можно взять, но цитадель выстоит и начнется затяжная осада. Они (т. е. христиане) смогут усилить гарнизон и дожидаться подхода константинопольского государя, который освободит город. Я же предпочту, чтобы моим

¹⁶¹⁶ Ibn al-Athir. Histoire des Atabecs de Mosul... P. 224.

соседом был Боэмунд, а не царь греков»¹⁶¹⁷. Стремление Нур-ад-Дина любой ценой избежать конфронтации с Ромейской державой проявилось и в его крайне «разборчивом» отношении к пленным. Единственными вождями христианской армии, получившими свободу под залог спустя всего несколько месяцев после своего пленения, стали шурин и вассал императора Мануила — князь Боэмунд III Антиохийский, и имперский дука Киликии Константин Коломан. Всех остальных плененных у Харима христианских вождей ожидали намного более длительные сроки заключения; граф Раймонд III Триполитский провел в стенах алеппской цитадели около девяти лет (1164—1173 гг.), граф Жослен III Эдесский — более двенадцати (1164—1176 гг.), а граф Гуго де Лузиньян вообще скончался в плену, так и не увидев свободы. Гильом Тирский, со своей стороны, подтверждает, что в своем отношении к Боэмунду III и антиохийским франкам Нур-ад-Дин руководствовался желанием избежать войны с василевсом. Примечательно, что в своей аргументации латинский архиепископ Тира фактически повторяет уже приведенные нами строки из Ибн аль-Асира: «Станным кажется то, что такой предусмотрительный государь, как Нур-ад-Дин, захватив великое множество наших людей и заточив их в темницы, заковав в цепи стольких наших братьев, в особенности — тех, кто принадлежал к числу нобилитета, получив, благодаря этой победе столь великую славу, невзирая на все это, так скоро отпустил князя Антиохийского, даровав ему свободу. Поразмыслив, мы можем найти лишь два объяснения: либо он боялся, что князь обратится к императору, просьбам которого не мог отказать ни один государь, либо он, видя молодость князя, предпочел иметь его в качестве своего соседа, осознавая, что в противном случае Антиохия перейдет к гораздо более сильному и опасному противнику (т. е. к Мануилу. — С. Б.). Так, в этом деле он показал себя мужем великой мудрости»¹⁶¹⁸.

При этом нельзя не сказать и о том, что положение Антиохии — беззащитной перед наступлением Нур-ад-Дина и полностью зависимой от поддержки и защиты Византии — вызывало значительные опасения среди франков. Вновь прозвучали слова об Антиохии как городе, которому одновременно угрожают «греки и турки». Вне всякого сомнения, многие сирийские франки предпочли бы,

¹⁶¹⁷ Ibn al-Athir. *Histoire des Atabecs de Mosul*... P. 224.

¹⁶¹⁸ Guillaume de Tyr. *Op.cit.* — Lib. XIX, c. 11, P. 901.

чтобы в сложившемся положении в дела Заморской земли вмешался бы один из государей Запада (прежде всего — король Франции), что способствовало бы укреплению позиции латинян в Леванте. Подобные настроения совершенно четко выражены в трех посланиях, составленных в Леванте как раз в 1164 г. и отправленных на Запад «королю франков» Людовику VII Молодому. Два послания принадлежат магистру ордена тамплиеров Бертрану де Бланшефору, одно — королю Амори I Иерусалимскому¹⁶¹⁹. Обращаясь к королю Людовику VII, король Амори пишет о том, что «все христиане Востока вместе с нами страшатся того, что император придет и, вне всяких сомнений, возьмет Антиохию, поскольку город ослаблен до предела. Если помощь не придет откуда-либо еще, Антиохия обречена пасть или перед греками, или перед турками»¹⁶²⁰. Магистр Бертран не менее откровенен: «Антиохия доведена до столь отчаянного и нищенствующего положения, что император уже стал отовсюду собирать войска, желая прийти и подчинить город своей власти. Поистине, многочисленные несчастья довели Антиохию до такой степени зависимости, что город неминуемо капитулирует при первом же натиске бесчеловечных греков или турок. И только к Тебе сейчас обращает свой взор опечаленная мать, Апостольский Престол Антиохии, сломленная горечью и скорбью»¹⁶²¹. Эту же мысль магистр Бертран слово в слово повторил и во втором своем послании к королю Людовику VII, составленном в том же 1164 г.¹⁶²². Вероятно, эти же настроения разделяли не только тамплиеры или король Иерусалима, но и многие антиохийские франки. То же послание короля Амори, обращенное к королю Людовику VII, доставил во Францию латинский архиепископ Мамистры,

¹⁶¹⁹ Датировка этих посланий вызывает некоторые вопросы. В сборнике *Recueil des Historiens de Gaules et de la France* они датированы 1162—1163 гг., хотя текст посланий явно наводит на мысль, что они должны были быть составлены либо до начала 1163 г. (когда франки опасались, что правящая княгиня Констанция призовет в Антиохию императорские войска), либо осенью 1164 г., после битвы у Харима, когда Антиохия действительно пала в крайнюю зависимость от помощи Византии. Второе намного более вероятно.

¹⁶²⁰ *Amalrici, Regis Hierosolymitani. Epistolae ad Ludovicum* // RHGF 16. — №196, P. 40.

¹⁶²¹ *Bertranni de Blancafort, magistrae militiae Templi. Epistolae ad Ludovicum* // RHGF 16. — №195, P. 39.

¹⁶²² *Bertranni de Blancafort, magistrae militiae Templi. Epistolae ad Ludovicum* // RHGF 16. — №244, P. 80.

один из прелатов Антиохийского Патриархата¹⁶²³. Однако король Людовик VII Молодой не мог и помыслить о новом походе на Восток, и дальнейшее развитие событий только укрепило союз франкских государств Заморской земли с Ромейской империей¹⁶²⁴.

Вскоре после своего освобождения князь Боэмунд III покинул пределы Антиохийского княжества и отбыл в Константинополь, фактически повторив путешествие своего отца — Раймонда де Пуатье. Во второй раз за время правления императора Мануила, с интервалом в двадцать лет, князья Антиохийские — отец и сын — лично являлись к нему в Константинополь, чтобы принести оммаж и просить о помощи; это, вне всякого сомнения, можно было воспринимать уже как начало устоявшейся традиции вассалитета Антиохии. Антиохийского князя ждал торжественный прием как со стороны василевса, так и со стороны его супруги, сестры Боэмунда III — Марии Антиохийской. Император Мануил I Комнин согласился внести выкуп за князя Боэмунда III, оказал ему роскошный прием, одарил драгоценными подарками и обещал повсеместную поддержку. Единственным условием василевса было восстановление в Антиохии православного Патриарха, однако об этом будет сказано ниже. Наиболее подробное описание освобождения Боэмунда III Антиохийского и его путешествия в Константинополь можно найти на страницах хроники Михаила Сирийца: «Нур-ад-Дин запросил выкуп за своих знатных пленников, в том числе — и за молодого князя (Боэмунда III. — С. Б.), за которого он просил 100,000 динаров. Когда князь Боэмунд был освобожден, он отправился в Константинополь, дабы увидеться со своим сородичем — императором греков. Получив там величайшие сокровища, он возвратился в Антиохию»¹⁶²⁵. Описание сирийского Патриарха подтверждает и Гильом Тирский, по словам которого, Мануил принял Боэмунда III «со всей возможной добротой, радушием и с величайшими почестями, вручив ему великолепные, поистине императорские дары»¹⁶²⁶.

¹⁶²³ Amalrici, Regis Hierosolymitani. Epistolae ad Ludovicum // RHGF 16. — №196, P. 40.

¹⁶²⁴ В этот период у короля Людовика VII едва хватало сил сдерживать все возрастающую мощь короля Генриха II Английского и созданной им «Анжуйской державы» Плантагенетов. О снаряжении королем Франции нового крестового похода не могло быть и речи.

¹⁶²⁵ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVIII, c. 11, P. 326.

¹⁶²⁶ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XIX, c. 11, P. 901.

Так, в 1164—1165 г. имперский сюзеренитет действительно уберег Антиохийское княжество от завоевания Нур-ад-Дином; франкам северной Сирии была предоставлена возможность хотя бы частично восстановить свои силы после катастрофы, которую уместно было бы назвать антиохийским «Хаттином». Что касается латинского страха перед зависимостью Антиохии от «греков», то он окончательно сошел на нет в ближайшие годы, последовавшие за выкупом князя Боэмунда III. В 1165—1180 гг. Боэмунд III не помышлял о разрыве с Византией, благо василевс был связан с ним тесными родственными узами, а княжество Антиохийское — спасенное благодаря дипломатической и экономической поддержки империи — так и не увидело «ожидаемого» вторжения ромейских армий. Что касается ропота короля Иерусалимского на зависимость Антиохии от «греков» и ответных упреков василевса в неверности латинян — то они были существенно ослаблены к 1167 г., когда король Амори I принес оммаж императору Мануилу и заключил династический брак с Марией Комниной (о чем мы уже писали выше). Более того, в 1171 г. король Амори, следуя примеру князя Боэмунда III, также совершил путешествие в Константинополь, где лично подтвердил свои клятвы верности василевсу¹⁶²⁷.

***Угрозы императора и спасение Антиохии от коалиции
враждебных правителей Сирии, Анатолии и Киликии (1172 г.)***

Спустя восемь лет после битвы у Харима, в 1171—1172 гг., вмешательство императора Мануила I Комнина вновь уберегло Антиохийское княжество от мощного наступления сарацин. На этот раз на Ближнем Востоке была образована целая коалиция враждебных франкской Антиохии государей — эмира Нур-ад-Дина, его верного союзника — армянского князя Млеха Рубенида и румского султана Кылыч-Арслана II. Объединившись, они чувствовали себя достаточно уверенно, чтобы начать наступление как против Антиохийского княжества, так и против византийской Киликии. Однако этот союз распался благодаря своевременному и решительному вмешательству ромейского василевса. Мануил I Комнин лично прибыл в Малую Азию, приступил там к сбору

¹⁶²⁷ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XX, c. 22—24, P. 980—987; Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга VI, гл. 10, С. 311.

войск и параллельно — направил Кылыч-Арслану II посольство, запрещая ему, под угрозой войны, атаковать земли сирийских христиан. Как об этом писал Иоанн Киннам: «Азия опять страдала. Нураддин, сатрап Вереи, султан, управляющий Ликаонией (т. е. Румский султан Кылыч-Арслан II. — С. Б.), Мелия, владетель Армении (т. е. Млех Рубенид. — С. Б.), также правитель Анкиры и прочей Галатии, согласились между собой вступить в войну с римлянами. (...) василевс, стоя лагерем близ Филадельфии, думал о том, каким бы образом искуснее отделить друг от друга упомянутых варваров. (...) Василевс отправил к нему (...) посольство со следующим письмом: „Хотя тебе и понравилось в союзе с другими твоими единоплеменниками делать набег на дальние пределы Римской империи, однако же спешно ступай назад. В римском войске ты узнаешь судейского стража, который придет взять тебя не больше как через пятнадцать дней“. Получив это письмо, султан содрогнулся в своей душе и, отказавшись от своих затей, заговорил о мире»¹⁶²⁸. Отказ румского султана от участия в военных действиях привел к распаду направленной против Антиохии коалиции.

«Украсившись этим бескровным трофеем, василевс возвратился в Константинополь; а король Палестинский (Амори I. — С. Б.) и князь Антиохийский (Бозмунд III. — С. Б.), получив о том известие, сделались смелее и, двинувшись на веррейских варваров, нанесли им много вреда»¹⁶²⁹. Речь, вероятно, идет как раз о походе короля Амори I Иерусалимского и князя Бозмунда III Антиохийского против Млеха Рубенида (1173 г.). Это, безусловно, следует расценивать как одно из наиболее продуктивных проявлений франко-византийского союза, установленно-го в 1158—1159 гг. Если прямая угроза со стороны императора Мануила I Комнина привела к отказу румского султана от военных действий и распаду союза против Антиохии, то последовавший поход Антиохийского князя и короля Иерусалимского против Млеха Рубенида позволил восстановить пошатнувшиеся ромейские позиции в Киликии (равно как и утраченные франкские владения в горах Аманоса). В этом отношении, история, переданная Иоанном Киннамом, и ее связь с походом франков в Киликию (1172—1173 гг.) заслуживает не меньшего внимания, чем постоянно упоминаемая, провалившаяся франко-византийская экспедиция против Египта (1168 г.).

¹⁶²⁸ Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга VI, гл. 12, С. 322—323.

¹⁶²⁹ Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга VI, гл. 12, С. 323.

***Предоставление средств для выкупа князей Антиохии
и знатных франкских пленников. Освобождение Рено де Шатильона
и его миссия в Константинополь (1176—1177 гг.)***

В 60—70-х гг. XII в. империя продолжала оказывать и щедрую экономическую поддержку князьям Антиохии. Причем, речь идет не только о предоставлении огромной суммы в 100,000 динаров для выкупа князя Боэмунда III в 1165 г. Спустя двенадцать лет, в 1176 г., император Мануил I Комнин, очевидно побуждаемый просьбами своего шурина и своей супруги Марии Антиохийской, выкупил и их отчима — князя Рено де Шатильона, на протяжении 16 лет томившегося в плену в цитадели Алеппо. Освобождение Рено де Шатильона, а также Жослена III, титулярного графа Эдесского, стало возможным благодаря договору князя Боэмунда III Антиохийского с атабеком Алеппо — Гюмюштекином (правившим от имени малолетнего ас-Салиха, сына Нур-ад-Дина), который остро нуждался в поддержке франков перед лицом все возраставшей мощи Салах-ад-Дина. Однако средства для выкупа князя Рено — за которого была запрошена рекордная сумма в 120,000 динаров — были, очевидно, предоставлены ромейским василевсом. Об этом прямо пишет Михаил Сириец: «жители Алеппо (...) убоявшись, отправили дары князю Антиохии, дабы он стал их союзником. Врата были открыты перед теми князьями, которые долгое время томились в цепях и потеряли уже всякую надежду на освобождение. Наконец, они смогли покинуть Алеппо; граф Триполи был выкуплен за 80,000 динаров¹⁶³⁰; Жослен, сын Жослена за 50,000; князь Рено за 120,000. Причем вот уже несколько раз золото для выкупа последнего присылали из Константинополя, однако он направлял эти средства для выкупа и освобождения других. Теперь же и он сам получил свободу, вместе с остальными»¹⁶³¹. Вскоре после своего освобождения, князь Рено совершил путешествие в Константинополь, во главе посольства иерусалимских и антиохийских франков; он подтвердил договор с империей от имени юного Иерусалимского коро-

¹⁶³⁰ Здесь Михаил Сириец допускает некоторую вольность в изложении событий. Ко времени договора между Антиохией и Алеппо, граф Раймонд III Триполитский вот уже три года как был на свободе. Освобожденный в 1173 г. вновь правил графством Триполи, получил, по праву брака, княжество Галилейское и занимал пост баблы Иерусалимского королевства. См. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XX, c. 28, P. 995.

¹⁶³¹ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XX, c. 3, P. 365—366.

ля — Бодуэна IV Прокаженного. Тогда же прославленный пизанский ученый-богослов Гуго Этериан, живший в Константинополе, передал через князя Рено свой труд об исхождении Св. Духа, направленный латинскому Патриарху Антиохии — Амори де Лиможу¹⁶³². Выкуп Рено и его последующее посольство в Константинополь вновь приводит к размышлениям о выгодах византийского сюзеренитета для сирийских франков, в том числе и некогда разорявшего Кипр старого князя Антиохийского¹⁶³³.

Передача Тарса князю Боэмунду III Антиохийскому (1177—1183 гг.)

Одним из последних благодеяний императора Мануила в отношении его франкских вассалов стала передача Тарса — столицы византийской Киликии — князю Боэмунду III Антиохийскому. В связи с этим «даром» василевса нельзя не вспомнить о той напряженной войне, которую князья Антиохии вели с ромеями за города Равнинной Киликии в правление Танкреда и Раймонда де Пуатье. При этом, война, инициированная отцом Боэмунда III — князем Раймондом де Пуатье, закончилась его сокрушительным поражением; антиохийские франки были наголову разбиты ромейской армией, посланной в Левант молодым императором Мануилом I Комниным. Однако, на закате своего правления, Мануил передал князю Антиохийскому — как своему вассалу и родственнику — не просто отдаленную часть Киликии, но ее столицу. Возможно, что одной из причин этой передачи был тот факт, что Тарс вернулся от армян к ромеям, во многом благодаря походу короля Амори I и князя Боэмунда III в Киликию в 1173 г.

Единственным текстом, где зафиксирован факт передачи Тарса князю Боэмунду III, является хроника Гильома Тирского — источник, безусловно, надежный. Архиепископ Гильом, во время своего путешествия из Константинополя (в 1179—1180 гг.), посещал

¹⁶³² Hugo Eterianus. De haeresibus Graecorum in Latinos devolvunt, sive quod Spiritus Sanctus ex utroque Patre et Filio procedit // PL. Vol. 202. — Paris, 1855. — P. 229—230.

¹⁶³³ Историю константинопольского посольства князя Рено и связи этого антиохийского князя с империей подробно рассматривает Б. Гамильтон, см. Hamilton B. The Leper King and His Heirs... P. 111—112.

Антиохию, так что он был отлично осведомлен и о положении княжества, и о его отношениях с империей. И он ясно говорит о том, что Боэмунд III «получил Тарс, первый среди метрополий Киликии, от греков»¹⁶³⁴. Бернард Гамильтон считает, что Тарс был передан Боэмунду III по прямому приказу императора Мануила, как часть приданого новой супруги князя — Феодоры Комниной¹⁶³⁵. Рансимен выдвигает намного более сложную версию, согласно которой дук Киликии — Исаак Комнин, будучи не в силах бороться с киликийскими армянами, доверил свою столицу Боэмунду III; тот взял Исаака в плен, подчинил Тарс, а впоследствии продал город Рубену III¹⁶³⁶. На наш взгляд, версия Рансимена является достаточно сложной и запутанной, и, к тому же, она не находит прямых документальных подтверждений. Если же отталкиваться от единственного первоисточника — хроники Гильома, то можно с полным основанием прийти к выводу, что Тарс был действительно передан князю Антиохийскому либо самим Мануилом (в 1177—1180 гг.), либо его вдовой и фактической регентшей империи Марией Антиохийской (1180—1182 гг.). Влияние Марии Антиохийской здесь, с одной стороны, недоказуемо, с другой — несомненно. Города и земли Равнинной Киликии были вожаделенной целью князей Антиохийских, в том числе и Раймонда де Пуатье. И очевидно, что дети Раймонда — Боэмунд III и императрица Мария — смогли, за счет своей родственной близости к василевсу, добиться, на попроще присоединения киликийских территорий, гораздо больших успехов, нежели их яростно воевавший с ромеями отец.

Вопрос о том, был ли Тарс передан как неотъемлемый, наследственный фьеф, или, все же, как прония — остается открытым. Но все же второе (т. е. передача Тарса как пронии) более вероятно. Помимо Тарса, владения князя Антиохийского вновь расширились и за счет некоторых территорий восточной Киликии. Сохранилась хартия Боэмунда III, в которой Антиохийский князь предоставляет латинской обители Нотр-Дам де Иосафат богатые земельные

¹⁶³⁴ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XXII, c. 24, P. 1115.

¹⁶³⁵ Hamilton B. The Leper King and his Heirs: King Baldwin IV and the Crusader Kingdom of Jerusalem... — c. 9, P. 188.

¹⁶³⁶ Runciman S. The History of the Crusades. Vol II. — Book V, c. 1, P. 430.

надели и касали близ Тиля (Тель-Хамдуна) и Мамистры¹⁶³⁷. Вполне возможно, что эти земли князь Боэмунд III Антиохийский удерживал с момента своего похода против Млеха Рубенида в 1173 г., или же впоследствии получил при помощи ромеев. Так или иначе, владичество князя Боэмунда III Антиохийского в преподнесенном ромеями Тарсе оказалось недолговечным. В 1183 г. Салах-ад-Дин взял Алеппо и его владения соприкоснулись с границами Антиохийского княжества. Тогда же Боэмунд III вынужден был продать Тарс армянскому князю Рубену III, дабы перебросить все возможные силы к обороне своих восточных рубежей¹⁶³⁸. Передачу Тарса можно по праву считать одним из величайших даров василевса Мануила, предназначавшихся его франкскому вассалу — князю Антиохийскому.

*Укрепление положения князя Боэмунда III Антиохийского —
как вассала и родственника Ромейского василевса.
Князь Антиохии и дука Исаак Комнин*

Поддержка Ромейской империей значительно упрочила положение Антиохийского княжества и его государя. О престиже Боэмунда III — князя Антиохии, брата византийской императрицы, повелителя Тарса — свидетельствует история передачи ему Исаака Комнина, племянника императора Мануила. Около 1177 г. Исаак Комнин, бывший дукой Тарса, был пленен во время одной из кампаний против тюрок и киликийских армян. Проведя несколько лет в плену у «властителя гор» Рубена III, он не позднее 1182 г. был передан князю Антиохии. Согласно латинскому хронисту Рожеру Ховеденскому, Рубен III «отправил Исаака к своему вышестоящему — Боэмунду, князю Антиохии, который принял его с радостью и потребовал от него выкуп в размере 60,000 безантов, которые тот обязался предоставить. Для этого он направил вестников к богатым мужам Кипра, прося их помощи в предоставлении выкупа. Следуя его пожеланиям, они отправили ему 30,000 безантов, которые он передал князю Антиохии; в качестве гарантии выплаты второй

¹⁶³⁷ Kohler C., ed. Chartes de l'Abbaye de Notre-Dame de la Vallée de Josaphat... №44, P. 152.

¹⁶³⁸ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XXII, c. 24, P. 1115.

части выкупа он оставил у него в заложниках своего сына и свою дочь»¹⁶³⁹.

После этого Исаак был выпущен на свободу и, спустя несколько лет, при помощи части ромейских войск и флота, захватил власть на Кипре, объявив себя василевсом. Тогда же он направил к Боэмунду III оставшуюся часть выкупа. Однако, как повествует Рожер, «князь Антиохии направил к нему послов для получения оставшейся части выкупа, то есть 30,000 безантов, но император Кипра отказался доверять их посланникам князя и передал выкуп братьям Храма, дабы они доставили выкуп князю Антиохии. Когда же они отправились в путь, их встретили пираты, исторгнувшие у них эту сумму. Когда это стало известно императору Кипра, он усмотрел в этом хитрость князя Антиохии и сказал ему, что более не предоставит ему подобной суммы. Из-за этого его сын и дочь провели два года в качестве заложников в руках князя Антиохии; в итоге же, увидев, что император Кипра не станет выкупать заложников, князь Антиохии, движимый состраданием, предоставил им свободу и позволил им отбыть»¹⁶⁴⁰.

Эта история служит ярким подтверждением того особого положения, которым князь Антиохийский, вассал и шурин императора ромеев, пользовался на Востоке. Его определенное первенство среди государей Сирии и Киликии признал даже «властитель гор» Рубен III, передавший ему столь ценного пленника. Спустя три года, в 1185 г., к Антиохийскому князю вновь обратятся армянские князья Киликии, на этот раз — как арбитру в их междоусобице¹⁶⁴¹. Очевидно также, что в случае с плененным дукой Тарса, князь Боэмунд III беззастенчиво отстаивал собственные, а отнюдь не имперские интересы. Но, при этом, он смог достичь взаимопонимания со своим сородичем — Исааком Комниным и получить от него, по крайней мере, большую часть выкупа. Наконец, заслуживает внимание и то, что дети Исаака несколько лет провели при дворе князя Антиохии и, будучи брошенными отцом, получили свободу благодаря «чувству сострадания» своего дальнего родственника Боэмунда III.

¹⁶³⁹ Roger de Hoveden. Op.cit. — Vol. I, P. 526.

¹⁶⁴⁰ Roger de Hoveden. Op.cit. — Vol. I, P. 526—527.

¹⁶⁴¹ Подробнее, см. ниже: Часть IV, гл. 3, С. 100—105.

V. Церковный вопрос в договорах и взаимоотношениях императоров династии Комнинов и франкских государей Заморской земли

Проблема Антиохийского патриаршества: Девольский мир (1108 г.), восточный поход императора Иоанна II Комнина (1137—1138 гг.), договоры императора Мануила I Комнина с князем Рено и королем Бодуэном III (1158—1159 гг.)

Осмысление эпохи византийского сюзеренитета над Антиохией невозможно без рассмотрения проблемы Антиохийского патриаршества и ее места в восточной политике династии Комнинов. Как известно, на заре норманно-византийских войн в Сирии, в 1100 г., православный Патриарх Иоанн V Оксит принужден был покинуть Антиохию, а на его кафедру был возведен латинский Патриарх — Бернард Валенский¹⁶⁴². С тех пор вопрос об Антиохийском Патриархе возникал практически во всех ключевых соглашениях между Антиохией и Константинополем в XII в. Так, уже в тексте Девольского мира Бозмунд клятвенно обещал императору Алексею I Комнину, что «антиохийским патриархом не будет человек нашего племени (латинянин. — С. Б.), но тот, кого ваша царственность назначит из сынов великой Константинопольской Церкви»¹⁶⁴³. Однако дает ли постоянное возникновение проблемы Антиохийского патриаршества в переговорах достаточное основание считать ее одним из действительных приоритетов василевсов династии Комнинов? Позволим себе не согласиться с распространенным утверждением о том, что одной из главных целей восточной политики Комнинов было стремление защитить права византийской церковной иерархии и восстановить на Антиохийском престоле православного патриарха. При внимательном рассмотрении восточной политики василевса Иоанна II и, в особенности, его сына Мануила I, нельзя не отметить, что вопрос о патриаршестве, несмотря на постоянное свое возникновение в перечне имперских притязаний, чаще всего становился «разменной картой» для Комнинов.

¹⁶⁴² Становлению латинского Антиохийского Патриархата и греко-латинским церковным взаимоотношениям в Сирии полностью посвящена первая глава второй части книги. См. Книга II, гл. 1, С. 100—105.

¹⁶⁴³ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XIII, гл. 12, С. 370.

Достаточно взглянуть на ход событий восточного похода императора Иоанна II Комнина (1137—1138 гг.). Согласно Ибн аль-Каланиси, осенью 1137 г., во время переговоров с князем Раймондом Антиохийским, василевс Иоанн II «в качестве одного из условий мира назвал возможность направить в Антиохию греческого патриарха, как это делалось ранее»¹⁶⁴⁴. Дамасский хронист отмечает, что Раймонд принял это условие¹⁶⁴⁵. Весной 1138 г. Папа Иннокентий II издал энциклику, призвав всех состоявших на византийской службе чад Римской Церкви под страхом отлучения порвать все сношения с василевсом, в случае если он начнет посягать на латинскую Церковь¹⁶⁴⁶. В 1137—1138 гг. император Иоанн II Комнин успел изгнать из покоренной ромеями Киликии латинских архиепископов Тарса и Мамистры. Латинские прелаты — архиепископ Тарса Стефан и архиепископ Мамистры Жоффруа, должны были бежать ко двору князя и Патриарха, в Антиохию. Как об этом писал участник Второго крестового похода (1147—1148 гг.) и капеллан короля Людовика VII Молодого — Одон Дейльский, василевс «захватил Тарс и Мамистру, множество других городов и обширные земли; тогда он изгнал католических епископов тех городов и заменил их еретиками»¹⁶⁴⁷. Вероятно, что именно последовавшая и весьма действенная угроза со стороны понтифика вынудила императора Иоанна II не настаивать на смене патриархов в Антиохии и пожертвовать интересами православной Церкви ради сохранения своих латинских контингентов и покорности едва присягнувших ему государей франкской Сирии. Когда летом 1138 г. император Иоанн II и его сыновья совершали свой триумфальный въезд в Антиохию, их встречал не православный, а латинский Патриарх — Рауль I Домфрон¹⁶⁴⁸.

Аналогичный компромисс имел место и во время великого восточного похода императора Мануила I Комнина (1158—1159 гг.). В

¹⁶⁴⁴ Гибб Г. Указ. соч. — С. 173—174.

¹⁶⁴⁵ Ибн аль-Каланиси даже пишет о том, что князь Раймонд «разграбил дом Патриарха», однако здесь он явно путает события 1137—1138 гг. с последовавшим в 1140 г. конфликтом между князем и Патриархом Раулем I Домфроном, который завершился низложением и заточением латинского Патриарха.

¹⁶⁴⁶ Полный текст послания, см. De Roziere E., ed. *Cartulaire de l'Eglise du Saint-Sepulchre...* N°47, P. 86.

¹⁶⁴⁷ Odon of Deuil. *De Profectione Ludovici VII in Orientem*. — New York, 1948. — P. 68.

¹⁶⁴⁸ Guillaume de Tyr. *Op.cit.* — Lib. XV, c. 3, P. 658—659.

предшествующей главе мы уже говорили о том, что Мануил Комнин добился у капитулировавшего в Мамистре князя Рено де Шатильона согласия на то, «чтобы в Антиохию архиереев посылаем был, по древнему обычаю, из Византии»¹⁶⁴⁹. Но спустя буквально несколько недель, после переговоров с королем Бодуэном III Иерусалимским, василевс сходным образом отказался от этих притязаний, вопреки всем заверениям Киннама. И вновь, когда ромейский император совершал свой торжественный въезд в Антиохию, его встречал латинский Патриарх — Амори де Лимож, возглавивший церковные торжества и череду пасхальных богослужений в соборе Св. Петра¹⁶⁵⁰. На протяжении последующих пяти лет, даже во времена правления княгини Констанции, василевс не вмешивался в церковную жизнь франкской Антиохии и не поднимал вопроса о патриархе.

*Восстановление православного Патриарха в Антиохии.
Афанасий I Манасси и его пребывание в пределах княжества
Антиохийского (1165—1170 гг.)*

Лишь в 1165 г., после катастрофического поражения франков у Харима, когда кровно нуждавшийся в экономической и военной поддержке империи князь Бозмунд III обратился за помощью к василевсу, Мануил I Комнин вновь выдвинул требование — вернуть в Антиохию православного Патриарха — на что Антиохийский князь дал свое согласие. Православным Патриархом Антиохии в этот период был Афанасий I Манасси, избранный и пребывавший, как и его предшественники, в Константинополе. Но утверждение Патриарха Афанасия в Антиохии, порой преподносимое позднейшими авторами как триумфальное завершение «борьбы» Комнинов за права православной иерархии, на самом деле мало походит на триумф. Во-первых, реставрация православного Патриарха в Антиохии не была связана с каким-либо победоносным императорским походом на Восток; это был плод умелого эксплуатирования военной и экономической зависимости Антиохийского княжества от Ромейской империи. Опять же, следует подчеркнуть, что восстановление Патриарха

¹⁶⁴⁹ Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга IV, гл. 20, С. 201.

¹⁶⁵⁰ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVIII, c. 25, P. 863.

Афанасия на его кафедре в Антиохии стало возможным благодаря соглашению, заключенному императором Мануилом и князем Боэмундом III в Константинополе, в 1165 г. Нет ни малейшего повода связывать его с капитуляцией князя Рено и последним сирийским походом василевса (1158—1159 гг.).

Во-вторых, великие византийские историки XII в. — Иоанн Киннам и Никита Хониат, детально описывавшие самые разные аспекты императорских контактов с франками, ни слова не говорят об этом церковном «триумфе» василевса. Об этом молчат и латинские хроники. Более того, Папа Александр III — боровшийся в эти годы с императором Фридрихом I Барбароссой и потому нуждавшийся в поддержке василевса Мануила I Комнина, не предпринял ни малейшей попытки как-либо отреагировать на попрание прав латинского Патриарха и утверждения византийской церковной иерархии в Антиохии. Единственным автором XII в., описавшим антиохийский период патриаршества Афанасия I Манасси, стал Михаил Сириец. Согласно его хронике, когда князь Боэмунд III вернулся из Константинополя в Антиохию, «он привез с собой греческого патриарха, имя которого было Афанасий. Когда патриарх франков (Амори де Лимож. — С. Б.) услышал об этом, он впал в ярость. Он покинул город и отбыл в Кусаир, наложив анафему на франков Антиохии»¹⁶⁵¹.

«Антиохийский» период патриаршества Афанасия I Манасси продолжался пять лет. За это время, известно, что он как минимум единожды совершал путешествие из Антиохии — в Константинополь, где в 1166 г. участвовал в церковном соборе под председательством Вселенского Патриарха Луки Хрисоверга¹⁶⁵². Очевидно отлученный латинским патриархом князь Боэмунд III не пытался препятствовать свободному передвижению Патриарха Афанасия и его возвращению в Антиохию¹⁶⁵³. Возвращение Патриарха Афанасия в Антиохию ни в коей мере не стоит воспринимать как упразднение латинского Антиохийского Патриархата или как полноценную реставрацию

¹⁶⁵¹ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVIII, c. 11, P. 326.

¹⁶⁵² Grumel V. Les registres des actes du Patriarcat de Constantinople. Les actes des patriarches III. Les registres de 1043 à 1206. — Paris, 1947. — №1058—1062.

¹⁶⁵³ Хотя также возможно, что Патриарх Афанасий прибыл в Антиохию не вместе с князем (1165 г.), как пишет Михаил Сириец, а на год позже, в 1166 г., как раз при завершении константинопольского собора.

православной иерархии на землях княжества Антиохийского и графства Триполи. Нет ни одного сведения о том, чтобы хоть один прелат латинского Антиохийского Патриархата лишился бы своей кафедры в пользу византийского иерарха (как было при ромейском завоевании Киликии в 1137—1138 гг.), или чтобы латинские капитулы вынужден были оставить или разделить с греками некогда латинизированные обители, соборы и приходские церкви Антиохии. Единственным собором, где греческий клир, вероятно, действительно «потеснил» латинян, был кафедральный патриарший собор Св. Петра¹⁶⁵⁴.

Так что это достижение восточной политики Мануила I Комнина действительно мало походило на триумф (что вполне объясняет молчание византийских авторов). Тем более, что пребывание Афанасия I Манасси в Антиохии имело крайне печальный, трагический исход. Спустя пять лет после прибытия греческого патриарха в Антиохию город был сокрушен мощным землетрясением. Как об этом пишет Михаил Сириец, «В Антиохии пала крепостная стена, стоявшая у берега реки; великая церковь греков обрушилась полностью; святая святых великой церкви Мар Петра также обрушилась, так же как и многочисленные прочие церкви и дома»¹⁶⁵⁵. Патриарх Афанасий был погребен под руинами обрушившегося алтаря собора Св. Петра или церкви Пресвятой Богородицы (на этот счет существуют некоторые разночтения, т. к. Михаил Сириец, упоминая о смертельном ранении Патриарха, не говорит о точном месте его гибели)¹⁶⁵⁶. Князь Боэмунд III, сочтя стихийное бедствие за гнев Божий, немедленно отправился в Кусаир, моля Патриарха Амори вернуться на кафедру Св. Петра. «Князь (...) обрезал свои волосы, облекся в мешковину, и, собрав народ, отправился в Кусаир, чтобы вымолить прощение у Патриарха. Все пришедшие, во главе с князем, смиренно обратились к Патриарху, умоляя его вернуться к своей церкви. Но он ответил: „Если вы не

¹⁶⁵⁴ Подробнее вопрос о латинизации части сирийских церквей и о сосуществовании латинского и греко-мелкитского клира на землях франкской Сирии будет рассмотрен в первой главе второй книги. См. Книга II, гл. 1, С. 100—105.

¹⁶⁵⁵ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XIX, c. 7, P. 339.

¹⁶⁵⁶ В армянской версии хроники Михаила Сирийца сказано, что во время обрушения церкви Пресвятой Богородицы там совершалась литургия и что при этом «совершавшие богослужение, так же как и множество верующих, были задавлены». Это невольно наводит на мысль о пребывании там Патриарха Афанасия. См. Michel le Syrien. Chronique de Michel le Grand, Patriarche des Syriens Jacobite. — Venise, 1868. — P. 332.

изгоните греческого Патриарха, я не вернусь". Когда они возвратились в город, они нашли того Патриарха (т. е. Афанасия Манасси. — С. Б.) погребенного под развалинами. Когда они извлекли его, он еще дышал. Они вынесли его за пределы города, и он умер на дороге. После этого Амори вернулся в Антиохию, и вскоре стены и церкви города были восстановлены»¹⁶⁵⁷.

*Толерантность императора Мануила I Комнина
к латинской иерархии Антиохии*

С трагической, действительно напоминавшей «Божью кару», гибели Патриарха Афанасия I Манасси и триумфальным возвращением в Антиохию Патриарха Амори де Лиможа, император Мануил I Комнин был поставлен в достаточно сложное положение. С одной стороны над василевсом довели прежние, традиционные и, с исторической точки зрения — абсолютно справедливые притязания византийской церковной иерархии на Антиохийский патриарший престол, с другой — становилось очевидно, что латинских вассалов и союзников империи отнюдь не следует провоцировать повторным введением в Антиохию патриарха-грека. На разрешение этих противоречий ушло несколько лет; и создается впечатление, что император Мануил I Комнин действительно смог найти наиболее разумный, прагматичный компромисс. Не прошло и двух лет с момента гибели Патриарха Афанасия I Манасси, как в Константинополе было совершено поставление нового православного Патриарха Антиохийского — Кирилла II (около 1173 г.)¹⁶⁵⁸. Избрание и поставление Кирилла II, естественно, обеспечивало непрерывное преемство линии православных Патриархов Антиохии — однако, по сути, это было символическим жестом, т. к. Кирилл II оставался титулярным Патриархом, не покидавшим берега Босфора. Б. Гамильтон выдвигает предположение, что избрание Кирилла II на титулярный патриарший престол Антиохии было,

¹⁶⁵⁷ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XIX, с. 7, Р. 339. Подробнее о Патриархе Афанасии I Манасси, см. Failler A. Le patriarche d'Antioche Athanase I Manassès (1157—1170) // Revue des études byzantines. — 1993. — Tome 51. — Р. 63—75.

¹⁶⁵⁸ Подробнее о Патриархе Кирилле II Антиохийском, см. Grumel V. Notes pour l'«Oriens Christianus» // Échos d'Orient 37. — 1934. — №173. — Р. 53—54.

во многом, вызвано желанием Мануила I умиловить византийскую церковную иерархию и, в особенности, Вселенского Патриарха Михаила III Анхиальского, известного своим резким неприятием латинской Церкви¹⁶⁵⁹.

Если император Мануил и поднимал вопрос о возможности прибытия Кирилла II в Антиохию, то подобные переговоры должны были иметь место около 1177 г., т. е. времени брака князя Боэмунда III с Феодорой Комниной. Во всяком случае, в 1178 г. в Антиохию из Рима было направлено послание Папы Александра III, обращенное к сирийским франкам. Если в 1165 г. римский понтифик фактически проигнорировал прибытие православного Патриарха Афанасия I в Антиохию, то в 1178 г. Папа Александр III, добившийся известных успехов в борьбе с Барбаросой, уже чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы выступить против византийских посягательств на положение латинского Антиохийского Патриархата; впрочем, его реакция была намного мягче, нежели выступление его предшественника — Иннокентия II против аналогичных посягательств Иоанна II Комнина в 1137—1138 гг. Папа Александр III ограничился лишь весьма дипломатичным посланием к латинскому клиру Антиохии, которое было направлено в Сирию в 1178 г. «До нас дошли известия, которые нас весьма встревожили (если, конечно же, эти известия верны), о том, что благороднейший князь Антиохии, по причине своего родства с нашим дражайшим сыном во Христе, Мануилом, великолепным императором Константинопольским, согласился подчинить Антиохию власти Константинопольской Церкви». При этом понтифик не столько грозит кому-либо отлучением, сколько призывает латинский клир Заморской земли стойко противиться подобным притязаниям, и защищать «честь Антиохии и авторитет Римской Церкви на всем Востоке»¹⁶⁶⁰.

Так или иначе, Патриарх Кирилл II провел все свое патриаршество в Константинополе (около 1173—1179 гг.), так и не появившись в Антиохии. Более того, создается впечатление, что к концу своего правления император Мануил I Комнин отказался от каких-либо посягательств на права латинского Патриарха Антиохии. Уже в 1180 г. василевс Мануил, направляя свое посольство в Антиохию, обращался

¹⁶⁵⁹ Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... c. 7, P. 177—178.

¹⁶⁶⁰ Lowenfeld S., ed. *Epistolae Pontificum Romanorum Ineditae*. — Leipzig, 1885. — №287, P. 165. Полный текст послания, см. *Ibid.* — P. 164—165.

не только к своему шурина князю Боэмунду III, но и к Патриарху Амори де Лиможу. Тогда архиепископ Гильом Тирский, посещая, после Третьего Латеранского собора, Константинополь, совершил путешествие в Антиохию, где «исполнил поручение, возложенное Его Императорским величеством, к Господину князю и Господину Патриарху», добавляя, что исполнение этого поручения было «крайне полезно нашей Церкви»¹⁶⁶¹. Как справедливо отмечает Б. Гамильтон, слова Гильома дают полное основание утверждать, что «к 1180 г. Мануил относился к Амори де Лиможу как к легитимному Патриарху Антиохийскому»¹⁶⁶².

VI. Закат эпохи византийского сюзеренитета над Антиохией и франкскими государствами Заморской земли

Смерть императора Мануила I Комнина (1180 г.).

Мануил как «идеальный сюзерен» франков Заморской земли

Закат эпохи византийского сюзеренитета над Антиохией и Иерусалимом ознаменовала смерть императора Мануила, наступившая 24 сентября 1180 г. Описание смерти великого императора оставил Никита Хониат. По словам византийского историка, василевс Мануил, будучи опытным врачом, сам измерил свой пульс и, предчувствуя скорую смерть, потребовал монашеского одеяния и пострига: «приложив руку к артерии и испытав биение пульса, он глубоко вздохнул и, ударив себя рукою по лядвее, потребовал монашеского платья. При этом слове поднялась, как обыкновенно бывает, суматоха; и так как готовой духовной одежды не было, то окружавшие василевса, отыскав где-то черную ветхую мантию, снимают с самодержца роскошные царские одежды, одевают его в грубое платье подвижников Божиих и, надев на него божественный шлем и честные латы, преображают в духовного воина и сопричисляют к воинству

¹⁶⁶¹ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XXII, c. 4, P. 1010.

¹⁶⁶² Hamilton B. Aimery of Limoges, Latin Patriarch of Antioch (c. 1142-c.1196), and the Unity of the Churches... — P. 7. Сходной точки зрения придерживается и Поль Магдалино в своей монографии, посвященной правлению императора Мануила I Комнина. См. Magdalino P. The Empire of Manuel I Komnenos. 1143—1180. — Cambridge, 1993. — P. 103.

небесного вождя. Мантия, не достигая до ног и не покрывая всего его богатырского тела, оставляла открытыми голени, так что никто из зрителей не мог удержаться от слез, помышляя о человеческой немощи и о ничтожестве при конце жизни нашего тела, которое у нас, как раковина, обнимает душу и срывается с нею. Так он оставил жизнь и царство, процарствовав тридцать восемь лет без трех месяцев»¹⁶⁶³. Василевс Мануил был похоронен в приделе (ирое) монастыря Пантократора, ставшего семейной усыпальницей Комнинов¹⁶⁶⁴.

Смерть императора Мануила стала тяжелым ударом как для ромеев, так и для франков Заморской земли. При императоре Мануиле I Комнине, Ромейская империя окончательно признала права франков на господство в Сирии, Ливане и Палестине, в том числе — и право господства франкских князей над Антиохией, чего категорически не желали признавать ни Алексей I, ни Иоанн II. Более того, в понимании Мануила сюзеренитет империи над франкскими государствами Заморской земли призван был не просто установить некую форму зависимости сирийских и палестинских франков от державы ромеев, но создать союз христианских государей, призванный сдержать возрастающую мощь мусульманских правителей Востока — Кылыч-Арслана II, Нур-ад-Дина и пришедшего к власти в Египте Салах-ад-Дина. Став главой этого союза, император Мануил не просто требовал от франков послушания и поставки войск; он предоставлял щедрые дары своим вассалам, ограждал их владения от вторжений (как военными, так и дипломатическими мерами) и, наконец, скрепил союз с франками рядом династических браков. Так, эпоха сюзеренитета Мануила над франкскими Антиохией и Иерусалимом может считаться наиболее продуктивным и гармоничным периодом греко-латинских связей в восточном Средиземноморье эпохи крестовых походов. У антиохийских и иерусалимских франков были все основания оплакивать Мануила. С его смертью они теряли не только щедрого и внимательного к нуждам своих вассалов сюзерена, но и мощного союзника, который мог (как с помощью военных, так и дипломатических мер) сдерживать усиливавшийся натиск анатолийских тюрок, Зенгидской Сирии и Айюбидского Египта. Архиепископ

¹⁶⁶³ Никита Хониат. Указ. соч. — Том I, Книга VII, гл. 7, С. 236.

¹⁶⁶⁴ Там были погребены отец и мать Мануила — император Иоанн II Комнин и его супруга Ирина.

Гильом Тирский с горечью пишет о кончине василевса: «достойнейший и приснопамятный муж, величайший из всех князей земных, господин наш император Мануил Константинопольский, сбросив бремя земной плоти, передал свою душу в райские пределы»¹⁶⁶⁵.

Антиохийская междоусобица (1180—1181 гг.)

Пожалуй, наиболее «своеобразную» реакцию на смерть Мануила выказал его шурин — князь Боэмунда III Антиохийского. Когда весть о смерти василевса дошла до Антиохии, князь Боэмунд III немедленно отказался от каких-либо обязательств перед своей супругой — Феодорой Комниной. Не дожидаясь и не требуя официального церковного расторжения брака, Боэмунд III, воспользовавшись «услугами» одного из своих придворных капелланов, венчался со своей любовницей — Сибиллой де Бурзей¹⁶⁶⁶. Феодора и ее дочери были «отосланы» князем¹⁶⁶⁷. То, что расторжение брака с Феодорой прямо связано со смертью Мануила, вряд ли можно подвергать сомнению. Однако это импульсивное решение личных, семейных проблем, к которому одержимый новой страстью Боэмунд III прибегнул как только узнал о кончине своего могущественного сородича, ни в коей мере не следует считать разрывом антиохийских франков с Византией. Напротив, он выявил парадоксальную приверженность латинян Антиохии идее союза с империей. Развод Боэмунда III с Феодорой Комниной и его неканонический брак с Сибиллой де Бурзей возмутил не столько ромеев, сколько латинян. За права отвергнутой византийской княгини вступились не только бароны и великие сановники княжества, но и латинская Церковь, во главе с Патриархом Амори де Лиможем.

Патриарх Амори отлучил Боэмунда III от Церкви, наложил интердикт на Антиохийское княжество. Более того, интердикт был

¹⁶⁶⁵ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XXII, c. 5, P. 1069.

¹⁶⁶⁶ Император Мануил I Комнин умер 24 сентября 1180 г. Сибилла де Бурзей впервые упоминается как супруга князя Боэмунда III на княжеской хартии, датированной 1181 г.; Röhrich R., ed. Regesta Regni Hierosolymitani... — №610, P. 162. Следовательно — смерть Мануила I, развод Боэмунда III с Феодорой и его новый брак с Сибиллой — это событие примерно одного года (1180—1181). Родовое имя Сибиллы позволяет связать ее с франкскими баронами замка Бурзей — одного из фьефов Антиохийского княжества.

¹⁶⁶⁷ Lignages de Outremer // RHC Lois II.... — c. 5, P. 446.

подтвержден, если не прямо санкционирован, Папой Римским Александром III, благодаря чему Боэмунд III стал первым из государей крестоносцев, подпавшим под папское отлучение. Об этом, в частности, повествует Михаил Сириец: «князь Антиохийский оставил гречанку, которую взял в законные жены в бытность свою в Константинополе, во времена императора Мануила, и, взамен, сочетался с блудницей. Он презрел запреты, наложенные на него Патриархом Рима (...) Патриарх Антиохийский также отлучил его от Церкви, а также и того священника, кто благословил союз князя с блудницей. Из-за грехов князя Патриарх наложил запрет на весь город; его жители не могли звонить в колокола, совершать евхаристию и даже отпевать своих мертвецов»¹⁶⁶⁸. Однако все эти меры возымели обратный эффект. Согласно описаниям Гильома Тирского, «поскольку Патриарх того града, вместе со всеми епископами и прелатами, не прекращал обличать его, князь обратился против них, направив жестокие и алчные руки на святые и почитаемые места, на церкви и монастыри, оскверняя святыни и присваивая себе сокровища. Совершая эти чудовищные деяния, он даже вынудил господина Патриарха, со всем бежавшим к нему клиром, укрыться в одном из принадлежавших церкви замков (в патриаршем замке Кусаир. — С. Б.) и взяться за оружие, дабы противостоять готовившейся осаде и приближавшимся врагам (т. е. княжескому войску. — С. Б.)»¹⁶⁶⁹.

Патриарх Амори не ограничился лишь обороной; он добился того, что на его стороне выступили некоторые антиохийские бароны, во главе которых стал Рено II де Мазуар, сеньор Валании и Маркаба. Как повествует Тирский архиепископ: «С этого времени некоторые великие мужи той страны, не выдержав княжеского безумия и зная, что их долг пред Богом больше, нежели долг пред человеком, отошли от князя как душой, так и телом, и прокляли его злодеяния. Среди них был и человек по имени Рено, из рода Мазуар, муж властный и могущественный, который, поддавшись зову сердца и страху пред Богом, предоставил Патриарху и другим прелатам, всем изгнанным епископам и всем, без разбора, бежавшим от князя, надежное

¹⁶⁶⁸ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XX, c. 2, P. 389.

¹⁶⁶⁹ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XXII, c. 6, P. 1071—1072. Михаил Сириец подтверждает, что «князь пошел на еще большие злодеяния, разорив некоторые церкви и монастыри». См. Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XX, c. 2, P. 389.

убежище (то есть сеньорию Валании и Маркаба. — С. Б.)»¹⁶⁷⁰. Среди сторонников Патриарха Амори были и некоторые бароны и рыцари из ближайшего окружения Боэмунда III, в том числе его коннетабль Гвискар де Иль и камергер Бертран¹⁶⁷¹. Так, Патриарх оказался во главе мощной партии, которая способна была не только обороняться, но и вести наступательные действия против князя. О том, что Патриарх Амори и его сторонники совершали ответные рейды и нападения на владения Боэмунда III, свидетельствует колофон недавно раскрытого армянского Евангелия, где были обнаружены новые сведения, касающиеся Антиохийской междоусобицы 1181 г. По словам армянского писца Иоанна, в год составления рукописи в Антиохии «Патриарх Амори поднял восстание в Кусаире, наложил бремя отлучения на землю Антиохийскую и предал многих мечу»¹⁶⁷².

Для того чтобы остановить междоусобную войну в пределах княжества Антиохийского, понадобились усилия всех государей Заморской земли. На север для примирения Боэмунда III и Патриарха Амори прибыли граф Раймонд III Триполийский, Рено де Шатильон (бывший в этот период уже сеньором Трансиордании), латинский Патриарх Иерусалима — Ираклий, а также магистры Храма и Госпиталя — Арно де Тороха и Рожер де Мулен¹⁶⁷³. Параллельные переговоры с князем и патриархом проходили в Латакии. В итоге, вняв голосу других государей и прелатов Заморской земли, князь и Патриарх Антиохии заключили мир. Боэмунд III прекратил преследования после-

¹⁶⁷⁰ Guillaume de Tug. Op.cit. — Lib. XXII, c. 6, P. 1072.

¹⁶⁷¹ После окончания Антиохийской междоусобицы 1181 г. эти бароны были изгнаны князем и принуждены искать убежища в пределах Киликийской Армении, где поступили на службу к «властителю гор» Рубену III. Подробнее см. Guillaume de Tug. Op.cit. — Lib. XXII, c. 7, P. 1074.

¹⁶⁷² Stone M.E., Kedar B.Z. A Notice about Patriarch Aimery of Antioch in an Armenian Colophon // *Apocrypha, Pseudepigrapha and Armenian Studies: Collected Papers*. Vol. II. — Leuven, 2006. — P. 4.

¹⁶⁷³ Рено был привлечен к переговорам, очевидно, с целью повлиять на Боэмунда III, которому он приходился отчимом. Во всяком случае, Гильом Тирский, описывая эти переговоры, счел необходимым особо подчеркнуть родственную связь между Рено и Боэмундом III, называя де Шатильона «бывшим князем Антиохии и отчимом молодого Боэмунда». См. Guillaume de Tug. Op.cit. — Lib. XXII, c. 7, P. 1073. На переговорах не мог присутствовать тяжелобольной король Иерусалима — Бодуэн IV Прокаженный, однако от его имени выступали Патриарх Ираклий и магистры военно-монашеских орденов.

дователей Патриарха и возместил Церкви нанесенный ущерб, вернув похищенные сокровища и отпустив пленных; тем не менее, некоторые антиохийские бароны, вставшие на сторону Патриарха, принуждены были покинуть пределы княжества¹⁶⁷⁴. Патриарх Амори, в свою очередь, снял интердикт с Антиохийского княжества и умиротворил своих последователей. Тем не менее, Боэмунд III предпочел остаться под личным отлучением, сочтя, что его новая супруга — Сибилла, дороже для него, чем церковные таинства¹⁶⁷⁵. Боэмунд III и Амори сохранили заключенный в 1181 г. мир вплоть до смерти Патриарха¹⁶⁷⁶. Феодора Комнина, за права которой с таким ожесточением встали Патриарх, прелаты и клир латинского Антиохийского патриархата, осталась в Заморской земле, где вскоре вышла замуж за одного из баронов Иерусалимского королевства¹⁶⁷⁷.

Очевидно, что в своих действиях Патриарх и восставшие бароны и клирики Антиохийского княжества руководствовались не столько желанием защитить княгиню Феодору, сколько отстоять поруганные права Церкви и, что немаловажно, сохранить поставленный на кон союз с Византией. Как отмечает Б. Гамильтон, «Амори де Лимож, бесспорно, желал сохранить византийский протекторат над Антиохией, который развод Боэмунда поставил на кон. Мануил признал его единственным Патриархом Антиохии, что увеличило его авторитет, и он явно боялся, что ежели византийский сюзеренитет будет отвергнут, то империя назначит нового православного Патриарха. Это не только подорвало бы покорность Патриарху Амори византийских православных христиан,

¹⁶⁷⁴ Речь идет, прежде всего, о коннетабле Антиохии — Гвискаре де Иле, камергере Бертроне и княжеском рыцаре Гарене Генаре. Гильом Тирский пишет о них как о «великих и доблестных мужах», покинувших Антиохию и перешедших на службу к Рубену III. См. выше. — С. 100—105.

¹⁶⁷⁵ Боэмунд III не расставался с Сибиллой на протяжении последующих тринадцати лет. Он отослал ее лишь в 1194 г., после чего сочетался браком со своей четвертой женой — Изабеллой де Ферабель, племянницей коннетабля Иерусалимского королевства. Однако церковное отлучение было снято с князя еще до развода, не позднее 1193 г., т. к. к этому времени Боэмунд III присоединился к ордену госпитальеров на правах собрата (*confrater*).

¹⁶⁷⁶ Патриарх Амори де Лимож умер в своем замке, Кусаире в 1193 г.; Боэмунд III пережил его на восемь лет, скончавшись в 1201 г.

¹⁶⁷⁷ Феодора Комнина вышла замуж за Готье, сеньора Бейсана (бывшего Скифополя, ныне — Бейт-Шаана, одного из городов Десятиграда). См. Du Cange C. *Les Familles d'Outremer*... P. 252.

но и свело бы на нет то уважение, которым он пользовался среди дохалкидонских Церквей»¹⁶⁷⁸. Впрочем, и у самого Боэмунда III не было ни малейших причин отказываться от выгодного союза с Византией, тем более что власть над ней империей его родная сестра — вдовствующая императрица Мария Антиохийская.

Сохранение союза с империей: правление Марии Антиохийской (1180—1182 гг.)

Полтора года, следовавшие за смертью Мануила, не предвещали ни разрыва греко-латинских отношений, ни скорого заката династии Комнинов. От имени малолетнего Алексея II Комнина правила его мать — Мария Антиохийская, по выражению Рансимена, «первая латинянка, ставшая правительницей империи»¹⁶⁷⁹. Фактическим соправителем Марии стал протосевастократор Алексей Комнин, у которого также были тесные связи с Латинским Востоком. Он был родным дядей вдовствующей королевы Иерусалима и супруги Балиана Ибелина — Марии Комниной.

Империя по-прежнему сохраняла тесные связи с франками Заморской земли. В период болезни и смерти императора Мануила в Константинополе находились граф Жослен III Эдесский, возглавлявший посольство от лица иерусалимских и антиохийских франков, и Бодуэн Ибелин — один из наиболее известных баронов Иерусалимского королевства, прибывший чтобы просить у императора средства для выплаты своего выкупа Салах-ад-Дину¹⁶⁸⁰. Пережив кон-

¹⁶⁷⁸ Hamilton B. The Leper King and His Heirs... P. 166. См. также: Cahen C. La Syrie du Nord... P. 423

¹⁶⁷⁹ Runciman S. The History of the Crusades. Vol II. — Book V, c. 1, P. 427. Действительно, в лице Марии Антиохийской Ромейская империя обрела первого «латинского» правителя со времен Юстиниана I Великого.

¹⁶⁸⁰ Бодуэн был сеньором Рамлы. Среди баронов Иерусалимского королевства он был известен своей доблестью. В 1179 г. Бодуэн Ибелин был взят в плен во время битвы при Мардж-Аюне, завершившейся поражением армии Иерусалимского королевства. Салах-ад-Дин отпустил его под залог, потребовав огромный выкуп в 200,000 безантов. Подобные, весьма завышенные запросы султана объясняются тем, что Бодуэн Ибелин сватался к сестре и наследнице Иерусалимского короля — Сибилле и считался претендентом на престол. Поскольку ни у семьи Ибелинов, ни у иерусалимских франков не было подобных средств, Бодуэн решил обратиться в Константинополь. Младший брат Бодуэна — Балиан Ибелин был женат на вдовствующей королеве Марии Комниной и,

чину Мануила и воцарение его сына — Алексея II, франкские послы смогли завершить переговоры с принявшей регентство вдовствующей императрицей Марией. Невзирая на долгие месяцы ожидания, связанные со сменой власти в византийской столице, переговоры вряд ли были сложными, т. к. отныне франкам Заморской земли приходилось иметь дело с родной им «Антиохийской» императрицей. К сентябрю 1181 г. Жослен III и Бодуэн вернулись в Левант. Бодуэн Ибелин получил 200,000 безантов, необходимых для выплаты султану; Жослен III Эдесский, от лица иерусалимских и антиохийских франков, подтвердил прежние соглашения с империей. То, что соглашения, заключенные графом Жосленом III, в равной степени касались Иерусалима и Антиохии, вряд ли следует подвергать сомнению. Жослен III был вполне способен представлять оба государства, ведь, с одной стороны, он был сенешалем Иерусалимского королевства, но, при этом, входил в число вассалов Боэмунда III Антиохийского¹⁶⁸¹. Посещавший Константинополь годом ранее архиепископ Гильом Тирский сходным образом исполнял дипломатические поручения, касавшиеся княжества Антиохийского, и передавал обращения василевса с князю и Патриарху Антиохии¹⁶⁸². О том, что франки Заморской земли не порывали еще с империей в период воцарения Алексея II и регентства Марии Антиохийской, прямо пишет и Евстафий Солунский. По словам архиепископа Фессалоникийского, князь Боэмунд III Антиохийский и король Бодуэн IV Иерусалимский «после смерти императора Мануила, обязаны были оказывать поддержку и искреннюю дружбу (...) его сыну Алексею»¹⁶⁸³. Слова Евстафия вновь

следовательно, находился в родстве с императорской семьей, в том числе с протосевастократором Алексеем Комниным. Старофранцузский хронист Эрнуль особо указывает на то, что огромная сумма для выкупа была предоставлена Бодуэну «из любви к брату его, Валиану». См. *Chronique d'Ernoult et de Bernard le Trésorier*. — Paris, 1871. — P. 57—58.

¹⁶⁸¹ До 1164 г. Жослен III был сеньором Харима; после своего освобождения из мусульманского плена в 1177 г. он перебрался в пределы Иерусалимского королевства, но при этом остался и в числе баронов княжества Антиохийского. Среди прочего, он получил от Антиохийского князя земли в восточной Киликии, и Боэмунд III писал о нем как о своем вассале (1178 г.). См. Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani...* №555, P. 147.

¹⁶⁸² Guillaume de Tyr. *Op.cit.* — Lib. XXII, c. 4, P. 1010.

¹⁶⁸³ Евстафий Солунский упоминает об этом в качестве упрека Андронику I Комнину, который, свержением Алексея II и убийством Марии Антиохийской, свел на нет столь важные для империи связи с франками Заморской земли, которые могли бы

подтверждают то, что Антиохийская междоусобица 1181 г. и развод Боэмунда III с Феодорой Комниной не стали «разрывом» князя Антиохии с империей.

Период, непосредственно последовавший за смертью императора Мануила, вне всякого сомнения, можно считать пиком латинского влияния в пределах Ромейской державы. Помимо «антиохийской» вдовствующей императрицы, латиняне среди императорской семьи были представлены женой молодого императора Алексея II — Агнессой, дочерью короля Франции Филиппа II Августа, Ренье Монферратским — женившимся на дочери императора Мануила — Марии, и перешедшим в лоно Православной Церкви, приняв титул кесаря и имя «Иоанн». В эти годы резко возрастает и влияние итальянских торговых республик. Венецианцы были изгнаны из пределов империи василевсом Мануилом, однако в 1180—1182 гг. в византийских портовых городах все сильнее ощущалось настоящее господство других итальянских купцов, в частности — пизанцев и генуэзцев. Это непомерное усиление латинян в империи вызывало неуклонно нараставшее негодование ромейского населения, достигшее апогея в мае 1182 г.

Константинопольская «резня латинян» (1182 г.).

Разрыв Ромейской империи с франками Заморской земли

На волне антилатинских настроений в Константинополь вошли войска ромейских династов, во главе с двоюродным братом покойного василевса — Андроником Комниным. Приход к власти этого человека был ознаменован истреблением латинского населения Константинополя, вошедшего в историю как «резня латинян» (Σφαγή των Λατίνων). Восставшие горожане и ромейские войска громили кварталы пизанцев, генуэзцев и амальфитанцев и разоряли латинские церкви города; ромеи даже ворвались в константинопольский госпиталь Св. Иоанна, больные, служащие и монахи которого были вырезаны. Отрубленную голову папского легата, диакона Иоанна, привязали к хвосту собаки, которую толпа гоняла по

удержать короля Вильгельма II Сицилийского от войны с ромеями. См. Eustathios of Thessalonice. The Capture of Thessaloniki // Australian Association of Byzantine Studies. — Canberra, 1988. — с. 48, Р. 57. На этот фрагмент особое внимание обращает Б. Гамильтон. См. Hamilton B. The Leper King and His Heirs... Р. 160.

городу. Массовые убийства охватили весь Константинополь — от бухты Золотого Рога, где ромейские воины и моряки топили перегруженные беженцами итальянские суда, до собора Святой Софии. По словам Никиты Хониата, «Андроник объявил войну находившимся в Константинополе латинянам, выслав против них триеры, которые перешли к нему вместе с великим вождем, а равно и отборнейшую часть воинских отрядов, которые присоединились к нему на пути. А так как и жители города поднялись против них, согласившись между собой произвести дружное нападение, то в одно время началась битва и на море, и на суше. Латиняне, будучи не в состоянии противиться окружившей и опоясавшей их повсюду двойной толпе врагов, бросались кто как мог спасать себя, оставив на произвол грабителей свои дома, полные всякого богатства и многообразных благ (...) одни рассеялись, как случалось по городу, другие укрылись в знатных домах, иные же, добравшись до длинных кораблей, которые заняты были их единоплеменниками, кое-как избегли опасности погибнуть от меча»¹⁶⁸⁴.

Наиболее подробное и страшное описание константинопольской «резни латинян» оставляет Гильом Тирский — один из наиболее активных сторонников союза между франками и Византией. «Невзирая на многочисленные договоры и все те услуги, которые наш народ оказал империи, греки хватали всех тех, кто мог оказать сопротивление, поджигали их дома, мгновенно обратив в пепел целый квартал. Женщины и дети, старые и больные, все погибли в огне. Однако разрушение светских зданий не удовлетворило их нечестивой ярости, и они обратились против церквей, поджигая храмы, оскверняя святыни и уничтожая всех, кто искал там убежища. Они не проводили различий между клиром и мирянами, разве что обращая еще большую ярость против тех, кто был облечен священным саном. Монахи и священники становились особой, избранной жертвой этих безумцев, подвергаясь неописуемым пыткам. Среди этих несчастных был и почитаемый муж Иоанн, иподиакон Римской церкви, направленный папой в Константинополь по делам церкви. Они схватили его и, отрубив ему голову, привязали ее к хвосту мерзкой собаки, в знак презрения к нашей Церкви»¹⁶⁸⁵.

¹⁶⁸⁴ Никита Хониат. Указ. соч. — Царствование Алексея Порфирородного, гл. 12, С. 264—265.

¹⁶⁸⁵ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XXII, c. 12, P. 1083—1084.

Латинская община Константинополя, насчитывавшая, по словам архиепископа Евстафия Солунского, более 60,000 человек, перестала существовать¹⁶⁸⁶. Прорвавшиеся из Золотого Рога итальянские корабли, прежде чем взять курс на Запад, нанесли ответный удар, разорив несколько православных монастырей на островах Мраморного моря: «сжегши на этих островах несколько святых обителей, латиняне поспешно выступили оттуда на всех веслах и с распущенными парусами. Так как никто не преследовал их, то они, где хотели, высаживались на берег и делали римлянам все зло, какое только могли»¹⁶⁸⁷. Мария Антиохийская была взята под стражу и заключена Андроником в одном из монастырей Константинополя; спустя четыре месяца, в сентябре 1182 г., она была удушена по приказу, составленному Андроником и подписанному ее безвольным сыном — Алексеем II. Описывая убийство Марии, Хониат вновь отмечает (и оплакивает) красоту этой гордой «антиохийской» императрицы: «Так погибла эта красавица, радость очей и утешение для глаз человеческих, и была засыпана песком на тамошнем морском берегу. О солнце! Какое черное преступление! О безначальное слово Божие! Как непостижимо Твое долготерпение!»¹⁶⁸⁸. Для архиепископа Гильома Тирского как деятельного сторонника союза империи с франками Заморской земли резня латинян и убийство Марии были особо тяжким ударом. Те, кого он ранее именовал «верными Христовыми», обращаются в вероломных схизматиков; благословляющие Андроника и последующих василевсов священники и монахи — в «псевдо-монахов»; более того, отчаявшийся от подобного вероломства архиепископ Тира, более не сдерживая себя, именует истреблявших латинян ромейских воинов и жителей Константинополя «еретиками»¹⁶⁸⁹.

*Последнее нормандское вторжение на Балканы. Взятие и разорение Фессалоник.
Вопрос о мести и терпимости латинян в восточном Средиземноморье*

¹⁶⁸⁶ Eustathios of Thessalonice. The Capture of Thessaloniki... с. 3, P. 35.

¹⁶⁸⁷ Никита Хониат. Указ. соч. — Царствование Алексея Порфирородного, гл. 12, С. 265.

¹⁶⁸⁸ Никита Хониат. Указ. соч. — Царствование Алексея Порфирородного, гл. 17, С. 282.

¹⁶⁸⁹ Подробнее об этой перемене в отношении Гильома к «грекам», см. Edbury P.W., Rowe J.G. William of Tyre. Historian of the Latin East... P. 148—150.

«Резня латинян» и убийство Марии Антиохийской — этот величайший акт византийской агрессии против латинян, пробудил ответную реакцию на Западе. В 1185 г. началось третье и последнее нормандское вторжение на Балканы, инициированное королем Сицилии — Вильгельмом II Добрым. Сицилийский флот, под командованием Маргарита из Бриндизи, последнего из великих «аммиров» (адмиралов) нормандского королевства, обрушился на приморские земли и Ионические острова, заняв Корфу, Кефалонию, Закинф и Итаку; позднее сицилийские корабли «аммира» Маргарита атаковали и Кипр — удел самопровозглашенного василевса Исаака Комнина. Итало-нормандская армия, порученная командованию графа Бодуэна, Танкреда — графа Лечче, и Ричарда — графа Ачерры, razорила византийские земли от Эпира до Македонии и подступила к стенам Фессалоник, второго по величине и значению города Ромейской империи¹⁶⁹⁰. Осада продолжалась чуть более двух недель, на исходе которых нормандцы смогли провести подкоп, в результате которого обрушился обширный участок крепостных стен в восточной части города. В образовавшуюся брешь немедленно хлынули воины графов Танкреда, Ричарда и Бодуэна. Город пал 24 августа 1185 г., после чего началось колоссальное, по своим масштабам, разорение. Дома, церкви и монастыри Фессалоник были разграблены; бойня на улицах и в церквях города унесла более 7,000 жизней — воинов, горожан, женщин и детей.

Наиболее подробное описание этих событий оставили их очевидец — архиепископ Евстафий Солунский, в своей книге «О разорении Фессалоник», и другой современник этих событий — Никита Хониат¹⁶⁹¹. Оба автора с искренним ужасом и горечью пишут о том, как нормандцы убивали и насиловали скопившихся в фессалоникских церквях, расхищали сокровища и утварь, распевали блудные народные песни, танцевали и мочились на святых престолах. И здесь

¹⁶⁹⁰ Как известно, сам Вильгельм II Добрый никогда не покидал пределов своего королевства и лично не принимал участия в грандиозных военных кампаниях, которые он инициировал. И осада Александрии (1174 г.), и вторжение на Балканы (1185 г.), и действия сицилийского флота на Кипре и в Леванте (1188—1189 гг.) король доверял командованию своих военачальников, предпочитая всему спокойную жизнь в Палермо.

¹⁶⁹¹ Eustathios of Thessalonice. The Capture of Thessaloniki // Australian Association of Byzantine Studies. — Canberra, 1988; Никита Хониат. Указ. соч. — Царствование Андроника Комнина, Книга I, гл. 7—9, С. 307—318.

нельзя не обратить внимание на еще один парадоксальный аспект в отношениях между латинскими и византийскими христианами эпохи крестовых походов; итало-нормандцы готовы были устраивать всевозможные бесчинства в покоренных византийских церквях, в то время как на Сицилии или в Калабрии они столь же охотно покровительствовали многочисленным греческим монастырям и общинам¹⁶⁹².

Невероятная по своим масштабам бойня была делом первых полутора дней, последовавших за взятием города. Вошедшие в город предводители войска — графы Бодуэн, Танкред и Ричард — хоть и не без труда, остановили резню и разграбление, учиненное их

¹⁶⁹² Граф Рожер I Сицилийский и его сын — король Рожер II, пользуясь правами как светских государей, так и папских легатов, лично основали более полусотни греческих монастырей на Сицилии. В числе этих византийских монастырей Сицилии обители Св. Михаила (Троина), Св. Илии (Эбуло), монастырь Св. Филиппа (Фрагала), основанный еще до нормандского завоевания, но перестроенный и получивший, на средства графа Рожера I, новые стены, кафоликон и дополнительную церковь Св. Николая; основанный при Рожере II монастырь Христа Спасителя (Сан-Сальваторе) в Мессине, игумену которого было подчинено еще тринадцать других греческих монастырей на острове. Чем же объяснить подобную щедрость итало-нормандцев к византийским монастырям Сицилии и чудовищные, кощунственные злодеяния в отношении к обителям империи? На мой взгляд, в нормандских покушениях на византийские церкви Фракии, Македонии, Аттики или Беотии следует усмотреть не столько латинское презрение к святыням греков, сколько различие в восприятии храмового пространства на собственных землях и на территории противника. Во втором случае, церкви превращаются в добычу, где дозволено то, чего не потерпели бы в мирное время и на родных землях (последнее обстоятельство, очевидно, казалось особо возбуждающим для простых воинов и наемников).

Даже православный «архонт архонтов» и «эмир эмиров» Георгий Антиохийский, охотно разорял церкви в Коринфе, Афинах и Фивах и, при этом, бережно возводил в Палермо греческую церковь Пресвятой Богородицы (Санта Мария дель Аммиральо), при котором основал женский греческий монастырь. Справедливости ради, стоит указать на то, что сходным образом поступали и другие православные правители и военачальники: государи Второго Болгарского царства, разорявшие греческие храмы и монастыри и перевозившие награбленные святыни, иконы и утварь в собственные владения, и прежде всего — в Велико Тырново; войска св. князя Андрея Боголюбского и его сына Мстислава, разоряя церкви покоренного Киева в 1169 г., не пощадили ни Десятинную церковь, ни Софию, ни Лавру. Подробнее о греческих монастырях Нормандской Италии, см. Karlin-Hayter P., Miller T. *Fragula: Testaments of Gregory for the Monastery of St. Philip of Fragula in Sicily* // *Byzantine Monastic Foundation Documents*. — *Dumbarton Oaks*, 2000; Hester D.P. *Monasticism and Spirituality of the Italo-Greeks*. — *Thessalonica*, 1991. О Георгии Антиохийском и его отношении к православным церквям Византии и Сицилии, см. Brjun S. *Giorgio di Antiochia e Teodosio di Villehardouin* // *La Nuova Europa*. — 2013. — №6.

победоносными войсками. Хониат приводит историю о том, как один из графов, возглавлявших нормандскую армию (неясно, был ли это Бодуэн, Ричард или Танкред), въехал на коне в базилику Св. Димитрия и, обнажив меч против собственных воинов, остановил разграбление церкви. «Наконец показались в городе сицилийские вожди и, удержав толпу от убийств, прекратили эти ужасы и положили конец резне. Один из них, весь в железных латах, сидя на коне, въехал в храм мироточивого мученика и только с трудом мог остановить неистовство своих солдат, одних ударяя плоской стороной меча, а другим нанося и действительные удары»¹⁶⁹³. После этого убийства были прекращены, хотя вымогательства и издевательства над жителями еще продолжались. В эти тяжелые дни защитником населения Фессалоник выступил архиепископ Евстафий. По словам Хониата: «Являясь к вождям (...) он испрашивал от них распоряжения, которыми уменьшались бедствия страдальцев, давалось им облегчение и вообще все, что служило к их утешению (...) одним своим видом он возбуждал уважение к себе в чужеземцах, так что при его появлении они вставали с седалищ, охотно слушали его и становились добрее и мягче, подобно тому, как воспаление раны утихает от воды»¹⁶⁹⁴. Сам Евстафий оставил, хоть и сдержанную, похвалу графу Бодуэну за то, что тот принимал меры к обузданию войска, щедро жертвовал на нужды разграбленной базилики Св. Димитрия. «Не знаю, из притворства или по искреннему расположению, но он наблюдал справедливость, не оставлял без наказания виновных, доставлял гробу святого великомученика в достаточном количестве золото и серебро и снабдил церковь книгами, хотя и не такими, какие были похищены, а более дешевыми. Он же пожертвовал серебряные подсвечники и несколько книг и священных одежд»¹⁶⁹⁵.

Так или иначе, инициированное королем Вильгельмом II нормандское вторжение на Балканы завершилось спустя менее чем три месяца после завоевания Фессалоник. 7 ноября 1185 г. итало-нормандцы были полностью разгромлены ромейской армией Алексея Враны

¹⁶⁹³ Никита Хониат. Указ. соч. — Царствование Андроника Комнина, Книга I, гл. 7, С. 310—311.

¹⁶⁹⁴ Никита Хониат. Указ. соч. — Царствование Андроника Комнина, Книга I, гл. 9, С. 318.

¹⁶⁹⁵ Русский перевод данного фрагмента, см. Успенский Ф.И. История Византийской империи... Том IV, отдел VII, гл. I, С. 384.

в битве у Димитрицы. При этом графы Танкред и Ричард, вместе с несколькими сотнями рыцарей, попали в плен. Это, фактически, положило конец последней норманно-византийской войне. Итало-нормандцы сдали все ранее захваченные ромейские города, сохранив за собой лишь Кефалонию и Закинф, которые потомки Маргарита удерживали вплоть до XV в.¹⁶⁹⁶. Однако менее чем через двадцать лет последовало новое, и гораздо более масштабное вторжение латинян в пределы империи; речь, конечно же, идет о великом «отклонении» Четвертого крестового похода, которое привело к разорению франками Константинополя и расчленению прежней Византии, разделенной между государями Латинской Романии и ромейскими правителями Никеи, Эпира, Трапезунда.

Вспоминая о латинском разорении Фессалоник (1185 г.) и Константинополя (1204 г.), нельзя не отметить, что константинопольская «резня латинян» (1182 г.) не возбудила никакой ответной агрессии против византийских христиан на землях франкской Сирии — ни в Антиохии, ни в Иерусалиме, ни в Триполи. Во всяком случае, ни один из латинских, старофранцузских, арабских, армянских или сирийских хронистов не упоминает о том, чтобы, после избиения латинян в Константинополе и убийства Марии Антиохийской, на франкских землях Заморской земли имели бы место вспышки латинской агрессии против греков или мелькитов, подобные тем, которые мы отмечали в Антиохии в 1138 г., и в графстве Триполи в 1137 г. и в 1152 г.

Идея вассальной зависимости князя Антиохии от императора, правящего в Константинополе. Оммаж князя Бозмунда IV Антиохийского — императору Бодуэну I Фландрскому (1204 г.)

В завершение стоит отметить, что идея вассальной зависимости Антиохийского князя от восточного императора не исчезла со смертью василевса Мануила или Марии Антиохийской. Она возродилась в начале XIII в., когда, после взятия Константинополя крестоносцами и основания Латинской империи, князь Бозмунд IV Антиохийский

¹⁶⁹⁶ Brand C.M. Byzantium Confronts the West. 1180—1204. — Harvard, 1968. — с. 6, P. 160—175; Норвич Дж. Расцвет и закат Сицилийского королевства. — М.: Центрполиграф, 2005. — С. 330—341; Успенский Ф.И. История Византийской империи... Том IV, отдел VII, гл. 1, С. 381—386.

принес оммаж первому латинскому императору — Бодуэну I Фландрскому. Правда, князь присягнул не лично, а путем присяги императорской супруге, Марии Шампанской. По словам французского хрониста Альбери де Труа-Фонтена, прибыв в Константинополь, императрица Мария вскоре «отправилась в Заморскую землю. Там, во время ее пребывания в Акре, к ней прибыл князь Антиохийский, который принес оммаж — императрице Константинопольской и супруге императора. Приняв оммаж князя, она через некоторое время скончалась, так и не покинув Акры»¹⁶⁹⁷. Примечательно, что в то время, как франкский король Кипра и армянский король Киликии получали свои венцы от германского императора, князь Бозмунд IV Антиохийский избрал себе в сюзерены не могущественного государя Священной Римской империи, не Апостольский престол и не правящего в Акре короля Иерусалимского, а именно латинского императора, ставшего, в глазах франков, полноправным преемником прежних, византийских государей Романии.

¹⁶⁹⁷ Alberic de Trois-Fontaines. Chronica Albrici Monachi Trium Fontium // MGH SS — Vol. 23. — Hannover, 1874. — P. 884.

Содержание

Предисловие.....	6
Введение.....	8
Тема, задачи, структура исследования.....	8
Источники и историография.....	12

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Сирия между христианством и исламом

Глава I. Первые века христианской Сирии.....	26
I. Эллинистическая, римская, христианская Сирия.....	26
II. Византийская Сирия. Постройки императора Юстиниана	29
III. Арабское завоевание Ближнего Востока	40
Глава II. Христиане и халифат	48
I. Христианское население средневекового Востока.....	48
Люди Писания и Дар-аль-Ислам.....	48
Христиане Востока: миафизиты, марониты, несториане	49
Православные христиане средневекового Леванта — вопросы идентичности.....	52
II. Епархии и анклавов православных христиан на Востоке	55
Великие митрополии и епархии Антиохийской Церкви	56
Католикосаты Ромагир (Румагирд) и Иринополя (Багдада)	85
Католикосат Мцхеты	92
Иерусалимский Патриархат: православное население Палестины и Трансиордании	93
Александрийский Патриархат: румы и мелькиты Египта	98
III. Роль мелькитов в истории и культуре арабского халифата и христианского мира VII-XI вв.	102
Православные Леванта и становление арабо-мусульманского господства	102

Мелькиты на службе халифату	108
Исламские репрессии против христиан	116
Защита христианских церквей и общин мусульманскими правителями ..	124
Мелькитские богословы, переводчики, хронисты и иерархи в истории христианского мира VII-XI вв.	127

Глава III. Эпоха второго византийского правления в Сирии и Киликии. . . 143

I. «Ромейская реконкиста»: византийская экспансия на Ближнем Востоке в X-XI вв.	143
Завоевания Никифора II Фоки. Восстановление ромейского господства на землях Киликии, Кипра и северной Сирии	143
Византийский опыт «вытеснения» арабо-мусульманского населения с покоренных территорий. Ответная антихристианская агрессия мусульман	146
Продолжение ромейской экспансии в Сирии (971—1032 гг.): кампании Иоанна I Цимисхия, Василия II Болгаробойцы, Романа III Аргира	151
II. Последнее столетие византийской Сирии (969—1087 гг.)	160
Империя и покоренные земли Востока: управление, армия, чиновники ..	160
Проблема сиро-яковитов: светские и церковные репрессии против сирийских миафизитов	166
Византинизация Антиохийской Церкви	171
Армяне в византийской Сирии и Киликии	190
III. Период правления Филарета Варажнуни и сельджукские завоевания византийского Востока	196
Филарет Варажнуни — последний правитель византийской Сирии	196
Сельджукские завоевания и христиане Леванта	206
Латинские христиане на византийском Востоке до начала крестовых походов	209

Часть вторая

Франкская Сирия и империя Комнинов

Глава I. От паломничества к завоеванию. Первый крестовый поход и становление франкских государств заморской земли. 216

I. Вооруженное паломничество: путь крестоносцев от Франции и Италии до рубежей Леванта	216
---	-----

Папа Урбан II и провозглашение Первого крестового похода	216
Армии крестоносцев и их путь к Константинополю.....	219
«Константинопольский оммаж» и союз крестоносцев с империей	221
II. Первый крестовый поход и христиане Востока	224
Восточно-христианские восстания в Сирии, Киликии и Палестине (1097—1099). Роль «греков, сириан и армян» в продвижении и утверждении франков на Востоке	224
«Стояние» крестоносцев в Антиохии. Разрыв с империей	232
Братство Каина и Авеля. Двойственность латинского отношения к восточным христианам	238
III. Рождение франкской Сирии	242
Бодуэн Булоньский и основание графства Эдесского	243
Бозмунд Тарентский и основание княжества Антиохийского	248
Освоение нового пространства: участники Первого крестового похода на землях Сирии и Киликии	256
Глава II. <i>Нормандские завоеватели на восточных границах Византии</i> ..	259
I. Первые кампании Бозмунда против ромеев в Сирии (1098—1100 гг.)	259
Ромеи и сарацины как равноценные противники Антиохийского княжества. Первая осада Латакии (1099 г.)	259
Осада Мараша и битва при Мелитене (1100 г.)	265
II. Норманно-византийские войны на Востоке. Первые завоевания Танкреда и последующие кампании Бозмунда	274
Танкред и его участие в Первом крестовом походе.....	274
Нормандское завоевание Галилеи (1099—1100 гг.)	276
Утверждение Танкреда в Антиохии. Города равнинной Киликии и их завоевание.....	278
Вторая осада и взятие Латакии (1101—1103)	284
Возвращение Бозмунда. Франко-нормандское завоевание Мараша и Эльбистана	292
Битва у Харрана и ее последствия для франко-нормандцев Антиохии (1104)	298

Глава III. Балканский крестовый поход князя Боэмунда I Антиохийского (1104—1108 гг.)	304
I. Западное турне князя Антиохийского (1104—1107 гг.).	
Подготовка к крестовому походу	304
Папа Пасхалий II и Боэмунд I: благословение похода	304
Проповедь крестового похода во Франции и Италии (1105—1107 гг.)	306
Армия князя Боэмунда I Антиохийского и ее вторжение на Балканы (1107 г.)	310
II. Война на Балканах (1107—1108 гг.).	
Поражение и смерть Боэмунда	313
Действия Алексея I Комнина:	
подготовка империи к новой войне (1106—1107)	313
Осада Диррахия и битвы в Эпире (1107—1108 гг.)	315
Окончание крестового похода против Византии.	
Капитуляция и смерть Боэмунда I Антиохийского (1108—1111 гг.)	320
Глава IV. Франко-нормандская экспансия на восточных рубежах империи от великих завоеваний Танкреда до последних походов сирийских франков на Кипр (1104—1191 гг.)	324
I. Войны Танкреда (1104—1112 гг.)	324
Антиохийское княжество после битвы у Харрана — между «греками» и «турками»	324
Битва при Арте и взятие Апамеи (1105—1106 гг.)	325
Междоусобная война христианских государей северной Сирии (1107—1109 гг.)	329
Датировка «византийских» войн Танкреда	339
Третья осада и завоевание Латакии (1106—1108 гг.)	341
Повторное завоевание Тарса, Аданы и Мамистры (1108—1109 гг.)	343
Франко-нормандская Киликия	348
Последний поход и смерть Танкреда (1112 г.).	
Воцарение князя Рожера	351
Бодуэн II де Бург и франкское завоевание княжества Евфратес	355
II. Прецеденты латинского притеснения восточных христиан на землях Антиохии, Эдессы, Триполи	357
Нормандцы Антиохии и христиане Востока. Противостояние западных и восточных христиан на ранней стадии франкского правления в Сирии	357

Избиение «греков» в Антиохии (1138 г.)	363
Резня «сириан» в Аль-Куре (1137 г.)	365
III. Последние походы антиохийских и триполийских франков на ромейские земли Киликии и Кипра	367
Война князя Раймонда Антиохийского за равнинную Киликию (1143—1144 гг.)	367
Кипрский рейд князя Рено де Шатильона (1156 г.)	369
Кипрский рейд графа Раймонда III Триполийского (1162 г.)	373
Участие антиохийских и триполийских франков в завоевании Кипра (1191 г.)	374
Глава V. Император Алексей I Комнин и франкские государства в Сирии	377
I. Алексей I Комнин и франки	377
Войны и контакты Алексея I Комнина с латинянами до Первого крестового похода (1074—1097 гг.)	377
«Византийские франки» комниновской империи	379
Алексей I Комнин и крестоносцы: принципы диалога	380
II. Кампании императора Алексея I Комнина против княжества Антиохийского (1100—1104 гг.)	382
Первый поход ромейских армий в Киликию. Взятие Тарса и Мамистры (1100 г.)	382
Походы 1104 г. Повторное ромейское завоевание Киликии. Взятие Латакии и городов сирийского побережья	384
III. Ромейская империя и становление графства Триполи (1102—1112 гг.)	387
Раймонд Сен-Жильский и начало провансальских завоеваний в Леванте	387
Ромейское участие в осаде Триполи и завоевательных кампаниях провансальских крестоносцев	391
Франкское завоевание Гибелета (Библа), Арки и Триполи. Объединение Триполийского графства	393
Вассальная зависимость провансальских государей «земли Камеллы» и графства Триполи от Ромейской империи	400
IV. Девольский мир (1108 г.). Имперские притязания и византийское восприятие франкской Сирии	403

Оммаж князя Боэмунда I Антиохийского.	
Обязательства вассала и сюзерена	403
Разделение территорий Сирии и Киликии согласно условиям Девольского мира	404
Последние попытки императора Алексея I Комнина заключить союз с франкскими государями против Антиохийского княжества (1109—1110 гг.)	408

Глава VI. Император Иоанн II Комнин и его походы на восток 411

I. Состояние Антиохийского княжества — от битвы на Кровавом поле (1119 г.) до воцарения Раймонда де Пуатье (1136 г.)	411
Битва на Кровавом поле. Гибель князя Рожера и правление короля Бодуэна II де Бурга в Антиохии (1119—1126 гг.)	411
Правление и гибель князя Боэмунда II Антиохийского (1126—1130 гг.)	412
Междоусобицы сирийских франков (1131—1134 гг.)	417
Раймонд де Пуатье — князь Антиохийский.	
Возобновление франкской борьбы за Киликию (1136—1137 гг.)	420
II. Первый восточный поход императора Иоанна II Комнина (1137—1138 гг.). Завоевание Киликии. Утверждение византийского сюзеренитета над Антиохией и Эдессой	424
Ромейское завоевание Киликии. Падение государства Рубенидов.	424
Первая ромейская осада Антиохии (1137 г.)	427
Антиохийский оммаж князя Раймонда де Пуатье (1137 г.). Первый опыт установления византийского сюзеренитета над франкской Антиохией	430
Распространение византийского сюзеренитета на всю франкскую Сирию. Оммажи графов Эдессы, Мараша и Триполи. Позиция короля Иерусалимского	434
III. Император в Сирии (1138 г.)	437
Вход императора Иоанна II Комнина в Антиохию	437
Совместный поход ромеев и сирийских франков против эмиратов Алеппо и Шейзара	438
Пребывание императора Иоанна II Комнина в Антиохии.	
Восстание латинского населения. Парадоксы «вассалитета» франков	441
IV. Второй восточный поход императора Иоанна II Комнина (1142—1143 гг.)	442
Вторжение императора в пределы Эдесского графства.	
Оммаж графа Жослена II у стен Турбесселя	442
Вторая ромейская осада Антиохии (1142 г.)	443

Смерть императора Иоанна II Комнина (1143 г.)	446
---	-----

Глава VII. Византия и франкская Сирия от воцарения Мануила I

<i>Комнина до великого императорского похода на восток (1143—1158 гг.)</i>	448
--	-----

I. Война империи с Антиохийским княжеством (1143—1144 гг.)

Вторжение в пределы княжества Антиохийского.	
Третья ромейская осада Антиохии (1144 г.)	448
Сопоставление ромейских вторжений 1104 и 1144 гг.	
Исторический контекст последней наступательной войны комниновской империи против Антиохии	450

II. Падение Эдессы и дальнейшее ослабление франков Сирии

(1144—1158 гг.)	452
Падение Эдессы (1144 г.)	452
Константинопольский оммаж князя Раймонда де Пуатье (1145 г.)	457
Поход франков к Эдессе и повторное разорение города (1146 г.)	459
Битвы у Йагры и Инаба. Гибель князя Раймонда де Пуатье (1149 г.)	463
Наступление эмира Нур-ад-Дина и султана Масуда I на земли франкской Сирии; пленение графа Жослена II Эдесского (1149—1150 гг.) .	468
Ромейская аннексия графства Эдесского (1150—1151 гг.)	473

III. Великий восточный поход императора

Мануила I Комнина (1158—1159 гг.)	479
Возвращение Киликии; ромейское завоевание киликийских земель и государства Рубенидов (1158 г.)	479
Капитуляция князя Рено де Шатильона в Мамистре (1158 г.)	481
Переговоры Мануила I Комнина с королем Бодуэном III Иерусалимским. Пересмотр императорского соглашения с князем Антиохийским (1158—1159 гг.)	485
Торжественный вход и пребывание императора Мануила I Комнина в Антиохии	491

Глава VIII. Эпоха византийского сюзеренитета

<i>над княжеством Антиохийским (1158—1182 гг.)</i>	495
--	-----

I. Династические браки между династией Комнинов

и франками Заморской земли	495
Зарождение идеи династических связей между императорским домом и франкскими государями Антиохии. Несостоявшиеся «византийские» браки Констанции Антиохийской	495

Брак короля Бодуэна III Иерусалимского и Феодоры Комниной (1158 г.) .	496
Сватовство ромейского василевса к сестрам латинских правителей Антиохии и Триполи. Брак императора Мануила I Комнина с Марией Антиохийской (1161 г.)	497
Браки Марии Комниной с королем Амори I Иерусалимским и Балианом Ибелином. Потомство Комнинов в Заморской земле	502
«Византийские браки» Антиохийского княжеского дома: князь Боэмунд III Антиохийский и Феодора Комнина (1176 г.); Агнесса Антиохийская и Бела III Арпад (1170 г.)	505
II. Участие сирийских франков в восточных войнах	
императора Мануила I Комнина	508
Кампания князя Рено де Шатильона против Тороса II Рубенида (1153 г.)	509
Участие антиохийских и иерусалимских франков в войне против Румского султаната (1159 г.).....	511
Поход короля Амори I Иерусалимского и князя Боэмунда III Антиохийского против Млеха Рубенида (1173 г.)	512
Бодуэн Антиохийский и франкская кавалерия в битве у Мириокефала (1176 г.)	516
III. Прецеденты обращения к арбитражу и протекции ромейского василевса со стороны сирийских франков	
Ранние прецеденты: Бодуэн Марашский (1138 г.), Раймонд де Пуатье (1145 г.), Беатриса Эдесская (1150 г.), Констанция Антиохийская и Патриарх Амори (1149—1158 гг.)	517
Пленение Рено де Шатильона. Роль ромейского василевса в борьбе между Констанцией Антиохийской и Боэмундом III (1160—1163 гг.)	519
IV. Военная, дипломатическая и экономическая поддержка Антиохии и франков Сирии со стороны Мануила I Комнина и державы ромеев	
Ромейское участие в обороне графства Триполи. Битва у Крака де Шевалье (1163 г.).....	523
Битва при Хариме (1164 г.)	525
Роль Ромейской империи в сохранении и восстановлении княжества Антиохийского после катастрофы у Харима (1164—1165 гг.).	
Выкуп князя Боэмунда III Антиохийского; его прибытие в Константинополь и оммаж василевсу (1165 г.)	529
Угрозы императора и спасение Антиохии от коалиции враждебных правителей Сирии, Анатолии и Киликии (1172 г.)	533

Предоставление средств для выкупа князей Антиохии и знатных франкских пленников. Освобождение Рено де Шатильона и его миссия в Константинополь (1176—1177 гг.)	535
Передача Тарса князю Боэмунду III Антиохийскому (1177—1183 гг.)	536
Укрепление положения князя Боэмунда III Антиохийского — как вассала и родственника Ромейского василевса.	
Князь Антиохии и дук Исаак Комнин	538
V. Церковный вопрос в договорах и взаимоотношениях императоров династии Комнинов и франкских государей	
Заморской земли	540
Проблема Антиохийского патриаршества: Девольский мир (1108 г.), восточный поход императора Иоанна II Комнина (1137—1138 гг.), договоры императора Мануила I Комнина с князем Рено и королем Бодуэном III (1158—1159 гг.)	540
Восстановление православного Патриарха в Антиохии. Афанасий I Манасси и его пребывание в пределах княжества Антиохийского (1165—1170 гг.)	542
Толерантность императора Мануила I Комнина к латинской иерархии Антиохии	545
VI. Закат эпохи византийского сюзеренитета над Антиохией и франкскими государствами Заморской земли	
547	
Смерть императора Мануила I Комнина (1180 г.). Мануил как «идеальный сюзерен» франков Заморской земли	547
Антиохийская междоусобица (1180—1181 гг.)	549
Сохранение союза с империей: правление Марии Антиохийской (1180—1182 гг.)	553
Константинопольская «резня латинян» (1182 г.). Разрыв Ромейской империи с франками Заморской земли	555
Последнее нормандское вторжение на Балканы. Взятие и разорение Фессалоник. Вопрос о мести и терпимости латинян в восточном Средиземноморье	557
Идея вассальной зависимости князя Антиохии от императора, правящего в Константинополе. Оммаж князя Боэмунда IV Антиохийского — императору Бодуэну I Фландрскому (1204 г.)	561

С.П. Брюн

**Ромеи и франки
в Антиохии, Сирии и Киликии
XI—XIII вв.**

Сдано в набор 02.10.2015.

Гарнитура «Greta Text Pro».

Формат 60x84/16. Бумага офсетная.

Тираж 100 экземпляров. Заказ 236.

Отпечатано в ООО «ИПЦ „Маска“»

Москва, Малая Юшуньская, 1, корпус 1.

Тел. 8 495 510-32-98

www.maska.su, info@maska.su

Монография посвящена Сирии и Киликии эпохи крестовых походов (XI-XIII вв.) — как уникальному и малоизученному центру соприкосновения латинского Запада и византийского Востока. Впервые предпринята попытка объединить, в рамках единого исследования, историю церковных, военных, дипломатических, экономических и культурных контактов латинян и православных христиан (ромеев, мелькитов, грузин, армян-халкидонитов), связанных с Антиохией, Эдессой, киликийскими и северо-сирийскими государствами «Заморской земли» (княжеством Антиохийским, графством Эдесским, графством Триполит, королевством Киликийской Армении). Данная книга представляет собой достаточно разностороннее исследование, включающее подробную историю ромейских и франко-нормандских военных кампаний в Сирии и Киликии, описания городов, церквей и монастырей Леванта, обзор и анализ различных форм соприкосновения латинских и византийских христиан в сфере церковной, политической и культурной жизни средневековой Сирии и восточного Средиземноморья. Автор опирается на широкий круг источников — от средневековых хроник, посланий и хартий, до многочисленных монографий и публикаций западных и отечественных исследователей XIX-XXI вв.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей Византии, Латинского Востока, крестовых походов, межхристианских отношений, церковной историей.